Н.Н. Платошкин

Венесуэла и Уго Чавес

2015

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра истории и международных отношений

Н.Н.Платошкин

Венесуэла и Чавес:

Биография страны и человека

Монография

Издательство Московского гуманитарного университета

2015

ББК 63.3(7Вен)
П37

Рецензенты:
С. В. Алексеев, заведующий кафедрой истории МосГУ,
доктор исторических наук;
В. И. Батюк, руководитель Центра военно-политических исследований
Института США и Канады РАН, доктор исторических наук.

Платошкин Н. Н.
П37 **Венесуэла и Чавес: биография страны и человека** : монография / Н. Н. Платошкин. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. — 459 с.

ISBN 978-5-906822-28-4

Настоящая монография посвящена истории Венесуэлы и боливарианскому эксперименту Уго Чавеса, получившему мировую известность как «социализм XXI» века. В книге дается обзор венесуэльской истории с момента начала освоения страны европейцами, анализируются социально-экономические и политические предпосылки прихода У. Чавеса к власти. Описываются различные новаторские социальные эксперименты в Венесуэле, к которым внимательно присматриваются во всем мире. Анализируются различные методы и формы давления США на Каракас: от проникновения в гражданское общество до подготовки военного переворота.

Подробно описываются российско-венесуэльские отношения.

Книга может представить интерес как для специалистов, так и для всех, кто интересуется историей Латинской Америки.

ББК 63.3(7Вен)

ISBN 978-5-906822-28-4

© Платошкин Н. Н., 2015
© Московский гуманитарный университет, 2015

Оглавление

Предисловие 4

Глава 1. Жемчужина Латинской Америки: Венесуэла от Колумба до Боливара 6

Глава 2. Диктаторы и экскремент дьявола: Венесуэла в 1830–1958 гг. 85

Глава 3. «Саудовская» Венесуэла, коррумпированная демократия и восхождение Чавеса: 1958–1992 гг. 153

Глава 4. Боливарианская революция: Венесуэла в 1992–2002 гг. 247

Глава 5. Социализм XXI века: Венесуэла в 2002–2021 гг. 326

Краткая хронология истории Венесуэлы 454

Список использованной литературы 456

«Ничто не укроется от света правды и времени,
заслуга сверкает и вскрывается зло».
Симон Боливар

Еще до недавнего времени большинство людей в мире ничего не могли сказать про Венесуэлу. А те, кто мог, вспоминали победы прекрасных девушек этой страны в мировых конкурсах красоты, да нефть, которую Венесуэла несколько десятилетий исправно продавала в США.

Теперь эту страну знают многие, и для миллионов жителей Земли Венесуэла — это Уго Чавес. Человек, родившийся в далекой венесуэльской деревне, в бедной, но трудолюбивой семье, стал своим для шахтеров Боливии, для учителей России и для крестьян Белоруссии.

Чавес любил свою страну, был ее горячим патриотом, но всю свою жизнь он посветил всем униженным и оскорбленным мира. Не зря роман Виктора Гюго «Отверженные» был его настольной и любимой книгой. Этот человек не мог равнодушно пройти мимо чужого горя, обида за причиненную незнакомым людям несправедливость порой нестерпимо жгла его горячее и доброе сердце.

Этот начитанный, скромный и по-настоящему умный человек умел публично посмеяться над собой, признать ошибки, отказаться от устаревших взглядов. Его пытливый ум не признавал догм. И друзья, и враги говорили, что он резок, а он просто привык называть вещи своими именами. Это не всегда приносило выигрыш, но всегда оставляло его совесть спокойной.

Чавес любил Россию и верил в то, что наша страна является одним из полюсов правды в нынешнем сложном и подчас равнодушном к простым людям мире. Сталинград и Брестская крепость были для его священными местами, где не мог не побывать, по его мнению, любой порядочный и честный человек Земли.

Чавес, «скромный солдат», как он себя называл, умел и любил побеждать, но не силой оружия, а силой своего горячего и искреннего слова.

Казалось, что 5 марта 2013 года он потерпел свое первое поражение — смерть после тяжелой мучительной болезни все-таки смогла остановить его сердце.

Но те, кто посвятил жизнь другим, не умрут никогда. Человек не может обрести физическое бессмертие, но он жив, пока память о нем жива хотя бы в одном из его собратьев по человеческому племени. Когда Уго Чавес умер, по нему плакали миллионы людей в самых разных странах мира. А разве может быть более высоким признание заслуг любого государственного деятеля?

То, что Чавес навсегда вошел в мировую историю, не вызывает сомнений ни у кого.

Поэтому эта книга посвящается человеку, которому посчастливилось на целых 10 лет возглавить чаяния и помыслы всех землян, мечтающих о социальной справедливости. А сама идея справедливости умрет только тогда, когда на планете Земля оборвется жизнь последнего представителя человеческого рода. Ибо чувство справедливости и есть то, что отличает нас от братьев наших меньших, которые поэтому и меньшие, хотя многие из них превосходят нас размерами.

Чавес — это современный Данко, своим сердцем осветивший людям честный, хотя и трудный путь свершений и борьбы за счастье всех и каждого.

Итак, эта книга не только о том, кто погиб на своем посту, а о том, чья настоящая жизнь в веках только начинается.

Глава 1. Жемчужина Латинской Америки: Венесуэла от Колумба до Боливара

Пришедшие когда-то в незапамятные времена из Азии в Америку люди довольно рано облюбовали себе благодатные земли на южном побережье Карибского моря. Ученые обнаружили на территории современной Венесуэлы каменные скребки и ручные рубила, которые датируются 7–10-ми тысячами лет до нашей эры. Первые венесуэльцы охотились на уникальную мегафауну Южной Америки, сосуществуя бок о бок с гигантскими ленивцами-мегатериями, мощными двухметровыми броненосцами- глиптодонтами и токсодонтами — травоядными гибридами носорогов и бегемотов.

Начиная примерно с 1000 года нашей эры, историки говорят о неоиндейском периоде — с той поры люди пытаются перейти от охоты к земледелию, а первобытные стада превращаются в племена с зачатками социальной структуры и неформальных органов власти.

Ученые точно не знают, сколько индейцев жило на территории современной Венесуэлы к моменту прихода туда испанцев. Возможно, аборигенов было около миллиона, но скорее всего меньше. Индейцы делились на две большие языковые группы, одна из которых пришла, по всей видимости, из Центральной Америки и выращивала кукурузу. Эти люди жили на западе страны. Вторая группа переселилась с карибских островов и выращивала маниок. Как и во всех других частях Америки, индейцы враждовали друг с другом, что облегчило завоевание страны для честолюбивых и жестоких испанских конкистадоров.

Индейцы были знакомы с венесуэльской тяжелой нефтью, которая просачивалась прямо из-под земли в нескольких районах страны. Нефть называли *мене* и использовали в медицинских целях (для обработки ран), смазки каноэ и для факелов.

В 1498 году Христофор Колумб во время своего третьего плавания открыл берега Венесуэлы — единственный раз, когда великий путешественник увидел именно берега американского континента, а не острова Карибского бассейна. По следам Колумба ринулись испанцы, для которых Венесуэла стала прежде всего источником жемчуга, добывавшегося из устриц на побережье. Добыча жемчуга сопровождалась истреблением коренного населения, как вследствие прямого геноцида, так и в результате массовых эпидемий среди аборигенов, иммунитет которых не мог бороться с европейскими болезнями.

В 1499 году экспедиция испанца Олонсо де Охеда прошла вдоль всего берега Венесуэлы и присвоила этим землям их нынешнее название — «Венесуэла» в переводе означает «малая Венеция». Изрезанное побережье, лагуны и прекрасные острова напомнили конкистадорам Венецию. В 1522 году испанцы основали свое первое постоянное поселение в Венесуэле на месте современного города Кумана. В 1577 году губернатор новых земель Хуан де Пиментел пере-

нес свою резиденцию в город Каракас. При нем в «столице» жили триста испанцев и 4000 «колонизированных вассалов» — так испанцы именовали порабощенных ими индейцев. «Каракас» испанцы именовали племя, проживавшее ранее в этом районе. Сам город как стоянку скотоводов испанцы основали в 1560 году.

С самого начала история колониальной Венесуэлы развивалась необычным путем. Одним из главных кредиторов испанского короля и по совместительству императора Священной Римской империи германской нации Карла V была известная в XVI веке немецкая банкирская семья Вельзеров из Аугсбурга. Вельзеры быстро разбогатели на торговле тканями, в основном хлопковыми. В конце XV века они обзавелись даже собственным торговым флотом. После открытия Васко да Гамой морского пути в Индию Вельзеры вместе с португальцами буквально озолотились на торговле перцем. В обмен на кредиты[1] император передал в 1528 году в аренду немцам «Малую Венецию»: испанцы считали эту колонию относительно бесполезной, так как золота там не нашли.

По условиям подписанного с Карлом V в 1528 году в Мадриде договора Вельзеры имели право самостоятельно назначать губернатора и чиновников колонии и освобождались от соляного налога и портовых сборов в Севилье, через которую тогда в принудительном порядке осуществлялась вся торговля с испанскими колониями в Америке. Вельзерам разрешалось порабощать индейцев и ввезти дополнительно 4 тысячи африканских рабов. Каждого невольника впоследствии можно было продать, но не более чем за 50 дукатов[2]. Все колонисты из Европы, которых привозили в «Малую Венецию» предприимчивые немцы, получали бесплатно надел земли. Со всех коммерческих предприятий колонии Вельзеры имели 4% от прибыли.

С другой стороны, Вельзеры обязались построить и заселить за свой счет два города и три крепости. Испанский король получал одну десятую доходов от торговли золотом и драгоценными камнями. Позднее он решил, что 20% будет справедливее. Южная граница владений Вельзеров обозначена не была, да в то времени никто и не знал, что лежит за непроходимой тропической сельвой. В договоре лишь указывалось, что купцы владеют землями от «моря до моря» — ведь должно же было быть море где-нибудь на юге. Испанцы даже дали ему название «Южное море», в то время как Карибское они именовали Северным.

Первым штатгальтером, т. е. наместником, «Малой Венеции» стал Амбросио Эхингер, прибывший к берегам Венесуэлы в 1529 году с 281 колонистом. Одно из поселений своей новой вотчины — Маракаибо — Эхингер переименовал в Новый Нюрнберг. Немцы снаряжают экспедиции для обследования

---

[1] По разным данным, Карл задолжал Вельзерам от 143 до 158 тысяч гульденов. Именно деньги Вельзеров, потраченные на подкуп князей-выборщиков, позволили Карлу обойти французского короля Франциска и стать в 1519 году императором Священной Римской империи.

[2] Григорьян Ю. М. Германский империализм в Латинской Америке. М., 1974. С. 15.

внутренних районов страны, а также нацеливаются на Кубу и Ямайку. На острове Эспаньола (нынешний Санто-Доминго) Вельзеры заложили плантации сахарного тростника.

Вельзеры эксплуатировали Венесуэлу с чисто немецкой основательностью — только две первые экспедиции во внутренние районы страны принесли им 210 тысяч золотых песо. Но в 1533 году в горном ущелье недалеко от границы с современной Колумбией на экспедицию Эхингера (130 человек) напали индейцы. К тому времени конкистадоры уже съели всех лошадей и собак, которых они специально обучали нападать на местных жителей. Одна из отравленных индейских стрел попала наместнику в горло и 31 мая 1533 года он умер[1].

Первоначально Вельзеры планировали заниматься сельским хозяйством и продажей тропических сортов древесины, но быстро выяснили, что настоящую прибыль приносит только работорговля. Они стали столь рьяно обращать в рабство индейцев, что вызвали тем самым ненависть не только коренного населения, но и испанских поселенцев. Испанский хронист того периода Бартоломео Лас Касас писал, что немцы «прославились… более неразумной и кровожадной жестокостью, чем жестокость самых лютых тигров, бешеных волков или львов. Ослепленные корыстолюбием, они проявили такую алчность, прибегая к таким искусным путям в добыче и грабеже золота и серебра, отбросив при этом весь страх перед богом, королем и весь человеческий стыд, что никто из конкистадоров не может с ними сравниться»[2].

Испанского короля засыпали жалобами и в 1536 году по просьбе епископа города Коро (немцы переименовали его в Новый Аугсбург) в «малую Венецию» прибыла следственная комиссия из метрополии. Но немецкие наместники продолжали снаряжать экспедиции внутрь страны, пытаясь найти сказочный золотой город Эльдорадо, легенды о котором рассказывали во многих индейских племенах. Последнего немецкого наместника Филиппа фон Гуттена во время очередной экспедиции в 1546 году убил один из его испанских попутчиков.

В 1546 году Карл V разорвал договор с Вельзерами. Короля не устраивало то, что немцы обогащались сами, но ничего не делали для экономического развития «Малой Венеции». В колонию по-прежнему приходилось ввозить лошадей и продовольствие с островов Карибского бассейна. Основанные испанцами города при немцах пришли в упадок. Да и распространением христианства среди индейцев немцы вопреки своим обещаниям не занимались: ведь христиан нельзя было обращать в рабов. Вельзеры судились с императором до 1556 года, но тяжбу проиграли. В июле 1614 года старинный торговый и банкирский дом Вельзеров (они впервые упоминаются в грамоте 1246 года) объявил о банкротстве.

---

[1] URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Ambrosius_Ehinger

[2] Григорьян Ю. М. Германский империализм в Латинской Америке. С. 16.

Таким образом, немецкого государства в Южной Америке так и не возникло.

В середине XVI века в громадной Венесуэле жило не более двух тысяч европейцев. Массовой иммиграции мешали плохой климат, воинственные индейцы и отсутствие сведений о сказочном Эльдорадо. Колонисты занимались в основном разведением скота в обширных венесуэльских прериях — льянос. Ни одно из двух испанских вице-королевств в Новом Свете — Новая Испания (Мексика) и Перу — не горело желанием иметь отсталую и богом забытую окраину в своем составе. Поэтому Венесуэла неоднократно переходила из одного вице-королевства в другое.

В 1717 году испанцы создали новое вице-королевство Новая Гранада, куда под наименованием генерал-капитанства вошла Венесуэла. Столица нового административного образования была в Боготе, и помимо Венесуэлы в вице-королевство вошли территории современных Колумбии, Панамы и Эквадора.

В XVIII веке пришедшие к власти в Мадриде Бурбоны ослабили монополию испанской короны на торговлю с Новым Светом, и Венесуэла начала продавать на мировой рынок какао. На побережье возникли плантации какао-бобов и новое общество торговцев и предпринимателей, отличавшееся более прогрессивными взглядами, чем ковбои-феодалы саванн. Тем не менее, плантаторы активно завозили рабов из Африки, которые затем стали работать еще и на табачных плантациях. Вскоре весь бизнес монополизировала «Компания Гипускоа де Каракас», задавившая мелких фермеров до такой степени, что те подняли восстание в 1749 году.

В 1721 году в Каракасе был основан университет, где преподавали латынь, медицину, инженерное дело и гуманитарные дисциплины.

К концу XVIII века в Венесуэле сформировалась богатая креольская[1] аристократия, стремившаяся дополнить свой экономический успех политической властью. Этих людей назвали «мантуанос»[2] или (что было более верно) «грандес какаос» — ведь все влияние этих нуворишей основывалось на барышах от экспорта какао в Европу. До сих пор так в Венесуэле величают богатых снобов.

Французская революция дала толчок стремлению венесуэльского просвещенного класса к независимости от Испании. В 1797 году в Венесуэле был раскрыт антииспанский заговор Мануэля Гуаля и Хосе Марии Эспаньи.

Но заговорщиков подавили с помощью самих же плантаторов-«мантуанос», которые не хотели никаких социальных преобразований во «французском духе».

Все изменилось после того, как в мае 1808 года Наполеон добился отречения испанского короля Фердинанда VII и посадил на трон в Мадриде своего брата Жозефа. Испанцы поднялись на борьбу против французской оккупационной армии. Когда сведения о беспорядках в метрополии достигли испанских

[1] Креолами называли белых, родившихся в колониях Испании.
[2] Они носили плащи-мантии.

колоний в Америке, городской совет Каракаса («кабильдо») провозгласил 19 апреля 1810 года так называемую «Первую Республику Венесуэла». Но новая хунта в Каракасе никак не могла наладить отношений с чернокожими рабами и свободными неграми и мулатами, которых называли «пардос» (т.е. «темные»). Рабы испытывали в плантаторам-«мантуанос», из которых и состояла новая власть, самые негативные чувства.

Между тем не все города и провинции Венесуэлы высказались за независимость, и стране угрожала гражданская война. Хунта Каракаса пошла на компромисс. Был созван (по американскому образцу) конгресс провинций Венесуэлы, подтвердивший права Фердинанда VII. Независимость была провозглашена именно против Жозефа Бонапарта, а не против Испании как таковой. Однако два венесуэльца очень хотели полной независимости — Франсиско Миранда и Симон Боливар.

Франсиско де Миранда родился в Каракасе в 1750 году (его отец, торговец, был выходцем с Канарских островов), окончил Каракасский университет и уехал в Испанию, где поступил на службу в испанскую армию. В ее составе он участвовал в борьбе за независимость США и получил звание полковника. Его имя стало очень популярным на родине благодаря военным заслугам Миранды при взятии британской крепости Пенсакола.

Миранда всегда преследовал только одну цель — независимость Венесуэлы (и всех испанских колоний в Америке), и с этой целью пытался заручиться помощью великих европейских держав против Испании. В 1785 году он прибыл в Англию — страну — извечного врага Испании — но успеха не достиг. В 1786–1787 гг. Миранда посетил Россию и добивался от русского правительства денежных субсидий и дипломатической поддержки. Миранда был знаком с А. В. Суворовым, Г. М. Потемкиным. На одном из приемов в Кременчуге Миранде представили генерал-майора М. И. Кутузова.

Стоит заметить, что Миранда был невысокого мнения о тогдашней русской армии — его возмущали телесные наказания солдат и их очень скудное питание.

Во время дипломатического конфликта Екатерины II с Испанией ему присвоили чин полковника русской армии. Один из приближенных Потемкина принц Нассау-Зинген писал: «Мы встретили в Херсоне одного испано-американца господина Миранду, незаурядного и остроумного человека, понравившегося Потемкину»[1].

Во время таврического вояжа императрицы (запомнившегося потомкам печально известными «потемкинскими деревнями») 14 февраля 1787 года Миранду принимал граф А. А. Безбородко (тогда фактически министр иностранных дел) в киевском дворце. В этот же день аудиенцию полковнику Миранде дала и сама Екатерина. Гость императрице понравился, и она пригласила его к своему столу.

---

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. М., 1965. С. 60.

Екатерину Великую и Потемкина очень интересовали планы Русско-Американской компании по продвижению из Аляски на юг, где русские должны были неизбежно столкнуться с испанцами. К 1779 году испанцы из Мексики продвинулись в Калифорнии до 59 градуса северной широты. Екатерина в ответ в 1786 году приказала создать на Тихом океане маленькую эскадру из четырех кораблей для охраны российского торгового мореплавания у западного побережья американского континента. Столкновение с Испанией казалось неизбежным еще и потому, что Мадрид в то время следовал в фарватере французской внешней политики, а Франция всячески поддерживала Турцию против России.

Именно поэтому императрица заинтересовалась Мирандой. Война с Турцией была неизбежной, к туркам могли присоединиться французы и испанцы, и в этих условиях восстание в испанских колониях в Америке было бы как нельзя кстати.

Примечательно, что в Крым Миранда сопровождал Екатерину в карете Потемкина, что было знаком особого расположения — ведь Потемкин тогда был вторым человеком Российской империи. Всю дорогу (16 дней) Миранда уговаривал Потемкина оказать помощь борьбе испанских колоний Нового Света за независимость — в этом случае Россия получила бы доступ к огромным природным богатствам Южной Америки.

Екатерина предложила Миранде остаться в России, так как в Испании его ждал неминуемый арест. Есть сведения и о том, что царица хотела прикомандировать Миранду к одной из русских тихоокеанских экспедиций в районе Калифорнии. Но Миранда хотел только одного — начать восстание против Испании в американских колониях. Он попросил у Екатерины на эти цели 10 тысяч рублей золотом, а также указания всем российским послам содействовать его предприятию. Императрица согласилась.

Миранда посетил и Москву, где его очень поразило то, что мужчины и женщины моются в бане вместе.

Между тем испанское правительство выразило России свое неудовольствие по поводу столь радушного приема своего подданного-отщепенца. Мадрид требовал выдворить Миранду из Российской империи. Протест испанцев поддержали французы. Испанский посол требовал также, чтобы Миранда прекратил появляться на людях в мундире полковника испанской армии. Но в ответ на эти демарши Екатерина присвоила Миранде звание полковника Екатеринославского кирасирского полка, которым командовал сам Потемкин[1].

8 августа 1787 года Екатерина вновь приняла Миранду, опять убеждая его остаться в России. Но стремление венесуэльца бороться на родине против Испании было непреклонным. На следующий день Безбородко вручил Миранде 2 тысячи гульденов в счет обещанных царицей 10 тысяч золотых рублей. Остальные деньги Миранда должен был получить от русского посла в Лондоне. Русское правительство оплатило также все дорожные расходы и долги гостя.

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 70.

Безбородко вручил Миранде и рекомендательные письма к русским послам в Вене, Париже, Лондоне, Берлине, Гааге, Копенгагене, Стокгольме и Неаполе, в которых содержалось указание оказывать Миранде всяческую поддержку: «…В знак своего уважения к г. де Миранде и особого внимания к нему Ее императорское величество повелевает Вашему сиятельству по получению настоящего письма оказать этому офицеру такой же прием, какой она сама ему оказала, окружить его всевозможными заботами и вниманием, обеспечить ему Ваше содействие и покровительство во всех случаях, когда он будет в них нуждаться…»[1]

Покровительство России спасло Миранде жизнь. Когда он перебрался из Петербурга в Лондон, там его хотел похитить испанский посол. Узнав о таких планах, российское посольство в Англии официально включило Миранду в свой дипломатический список, предоставив ему, таким образом, дипломатический иммунитет.

В Англии Миранда добился аудиенции премьер-министра Великобритании Уильяма Питта-младшего, и тот обещал помощь в борьбе за независимость испанских колоний — в то время у Англии как раз испортились отношения с Мадридом и по тому же поводу, что и у России: Англия и Испания никак не могли разграничить свои владения на тихоокеанском побережье Северной Америки. Помимо денег Питт обещал Миранде даже войска — но тут во Франции произошла революция и Испания срочно понадобилась Лондону для борьбы против «парижской революционной заразы».

Неутомимый Миранда переехал в Париж, где его тепло приняло новое революционное руководство страны. Французы тоже обещали помощь. Но на них самих обрушилась вся мощь монархической Европы. Миранда в чине генерала в 1792 году вступил во французскую армию и одержал ряд побед над австрийцами и пруссаками в Бельгии. Войска под его командованием взяли Антверпен, и имя генерала-венесуэльца стало популярным во всей Франции.

Миранде предложили пост французского генерал-губернатора Санто-Доминго (современное Гаити) с тем, чтобы, опираясь на восставших чернокожих рабов острова, он смог начать борьбу за освобождение всей Латинской Америки от испанского гнета. Но венесуэлец почему-то отказался, и это решение едва не стоило ему жизни. К противнику перебежал командующий Северной армией Франции генерал Дюмурье, который, как и Миранда, близко стоял к правившим тогда в Париже жирондистам. Французы, в том числе и дивизия Миранды, потерпели ряд поражений. Якобинская оппозиция потребовала привлечь Миранду к ответственности. Несмотря на то что Миранду оправдал высший орган революционной власти — Конвент, его тем не менее 9 июня 1793 года посадили в тюрьму, и он чудом избежал гильотины неподкупного Робеспьера.

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 71–72.

В январе 1795 года Миранда вышел на свободу и вновь попытался привлечь французское правительство к делу борьбы за независимость испанских колоний. Но Испания заключила с Францией мир, и у французов не было никакого желания умножать и так немаленькое число своих врагов. Все армии республики и так еле сдерживали внутреннюю и внешнюю контрреволюцию. Миранду познакомили с генералом Бонапартом, и тот охарактеризовал венесуэльца как Дон Кихота, разве только не сумасшедшего.[1]

Переход на сторону революционной Франции рассорил Миранду с Россией — Екатерина была непримиримой противницей «парижских цареубийц». В январе 1797 года Миранда совершил очередной политический кульбит: он тайно переехал в Англию — главную противницу Франции и стал персоной нон грата уже в Париже. Англичане опять обещали Миранде помощь — ведь теперь Испания выступала на стороне французов. Однако обещания, как и раньше, остались обещаниями.

В отчаянии, рискуя жизнью, Миранда в ноябре 1800 года возвратился в Париж, надеясь на поддержку нового хозяина Франции и своего знакомого Наполеона Бонапарта. Его арестовали в Париже как английского шпиона, но старые связи помогли, и Миранду после шестидневного заключения выслали из Франции.

В 1801–1805 годах Миранда жил в Лондоне, все время пытаясь все-таки добиться военной помощи Англии против Испании. Но везло ему пока только на личном фронте. Он встретил очаровательную Сару Эндрюс, которая подарила ему двоих детей — сыновей Леандра и Франсиско.

В 1805 году неутомимый Миранда переехал в США, где его принял президент Джефферсон. Американцы обещали Миранде помощь, которая выразилась в том, что ему не мешали собирать деньги, оружие и добровольцев для морского десанта против Венесуэлы.

Наконец, 2 февраля 1806 года кажется, что мечта всей жизни Миранды сбывается — 16-пушечный корабль «Леандр» выходит из Нью-Йорка и берет курс на Венесуэлу. На борту 120 добровольцев (в основном англичан и американцев), 582 мушкета, 297 сабель и 6500 патронов. В пути Миранда обещает волонтерам легкую победу — ведь население его родины только и ждет сигнала, чтобы поднять восстание против ненавистных испанцев. 12 марта 1806 года на «Леандре» был впервые был поднят желто-сине-красный флаг, являющийся и по сей день государственным флагом Венесуэлы. Миранда щедро раздавал своим добровольцам офицерские звания, обещал выгодные должности в новой независимой стране.

Однако не дремала и испанская пропаганда, которой удалось заранее убедить население Венесуэлы в том, что к ее берегам приближается очередная пиратская английская экспедиция. Английские пираты несколько веков были

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 130–131.

бичом венесуэльского побережья и никаких симпатий жители к ним естественно не испытывали.

27 апреля 1806 года Миранда увидел родные берега, у которых его поджидали два военных испанских корабля, имевшие суммарно 31 орудие. К счастью Миранды, испанцы погнались за двумя вспомогательными судами экспедиции, которые они легко захватили в плен. Так еще до начала боев экспедиция потеряла половину личного состава — 60 волонтеров. 10 добровольцев после пыток казнили — их повесили, а потом отрубили головы и выставили на всеобщее обозрение во всех мало-мальски крупных городках Венесуэлы. Остальным дали по 10 лет каторги, что в тех условиях также означало практически верную смерть[1].

Экспедиция Миранды тем временем укрылась на острове Тринидад, недавно захваченном у Испании англичанами. Оттуда 3 августа 1806 года Миранда (он называл свои скромные силы в 500 бойцов «колумбийской армией») наконец высадился на родине вблизи города Коро. Сначала все шло прекрасно. Гарнизон городка Вела в составе 600 человек после легкой перестрелки (у «колумбийцев» было всего трое раненых) сбежал. Однако вместе с ним ушли и все жители. Надежды Миранды на быстрое пополнение своей армии за счет местного населения не сбывались — большинство венесуэльцев под влиянием церковной пропаганды считало Миранду «антихристом». К Миранде присоединилось всего 30 индейцев, но и те покинули отряд после первого же боя с испанцами.

«Колумбийцы» между тем захватили уже довольно крупный город Коро, но и там не оказалось местных жителей — частично добровольно, частично принудительно они ушли вслед за испанскими войсками вглубь страны. Среди волонтеров Миранды началось брожение — ведь обещанной восторженной встречи со стороны порабощенного населения явно не просматривалось.

Миранда делал все что мог — он украсил Коро новыми национальными флагами и активно рассылал манифесты, призывая венесуэльцев встать в ряды освободителей. Многие образованные креолы сочувствовали Миранде, но считали, что с такими малыми силами его предприятие обречено на успех. Такого же мнения придерживались и англичане — они полагали, что при наличии 2–3 тысяч бойцов большинство населения перешло бы на сторону «колумбийцев».

Испанцы оправились от первоначального шока и силами в полторы тысячи человек контратаковали Миранду в Коро. В Каракасе между тем торжественно сожгли чучело Миранды и пообещали за его голову 30 тысяч песо. «Колумбийцев» обуяла паника, и они оставили Коро, перебравшись на побережье поближе к спасительному «Леандру». 13 августа 1806 года экспедиция погрузилась обратно на корабль и под защитой английского флота двинулась к голландскому острову Аруба. Голландия в то время числилась союзником Наполеона, а значит противником Англии. Поэтому Миранда решил оккупиро-

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 169.

вать этот остров и все же убедить британцев предоставить ему несколько тысяч солдат регулярной армии для повторного десанта в Венесуэлу.

Однако англичане приказали Миранде вернуться с Арубы на Тринидад. У их в то время были другие проблемы. В 1806 году британцы захватили Буэнос-Айрес, но были разгромлены местным народным ополчением и позорно бежали, потеряв 300 человек убитыми и 1200 пленными. Население испанской Америки явно ненавидело англичан не меньше испанцев и не желало менять одну метрополию на другую. Этим и объяснялось негативное отношение венесуэльцев к «колумбийской армии» Миранде, состоявшей из англичан и американцев. Миранда пишет в Лондон английскому правительству и предостерегает его против дальнейших захватнических мероприятий в Южной Америке.

Между тем из России в Лондон прибыл бывший командующий Северной французской армией Дюмурье, превратившийся из ярого революционера в не менее ярого монархиста. Дюмурье предложил англичанам завоевать Мексику и посадить там на престол французского принца Луи Филиппа Орлеанского (в 1830–1848 гг. — короля Франции). Миранду Дюмурье пытался всячески очернить в глазах англичан как скрытого якобинца и агента США. Англичане благосклонно внимали Дюмурье: они были, конечно, против Испании, но и против революции в испанских колониях, сторонником которой был Миранда.

В октябре 1807 года Миранда отправился с Тринидада в Лондон, чтобы в который раз просить помощи у английского правительства. В беседах с министром иностранных дел Джорджем Каннингом он предлагал создать на американском континенте четыре независимых государства. Одно должно было включать в себя Мексику и Центральную Америку, другое — Венесуэлу, Новую Гранаду (современную Колумбию) и Эквадор, третье — Перу и Чили, и четвертое — Аргентину и Уругвай. Англичане были опять-таки не против досадить Испании, и готовили к отплытию в Южную Америку экспедиционный корпус под командованием генерала Уэлсли — будущего герцога Веллингтона, победителя Наполеона при Ватерлоо.

Но в мае 1808 года ситуация в Европе вновь коренным образом изменилась. Как уже упоминалось, французы заняли Испанию. Миранда обрел второе дыхание — английская помощь теперь казалась делом решенным. Однако англичане решили начать войну против Наполеона не в далекой Венесуэле, а непосредственно на Пиренейском полуострове, опираясь на мощное антифранцузское восстание испанцев. С самим испанским монархическим правительством, боровшимся против Бонапарта, англичане естественно заключили военный союз.

Миранда был возмущен новым предательством Лондона, но англичане лишь предложили ему поехать в Испанию добровольцем и сражаться там… против французов. Естественно, что венесуэлец с негодованием отказался.

Миранда начинает рассылать письма знакомым венесуэльцам, призывая их организоваться и провозгласить независимость.

Испанский король Жозеф Бонапарт пытался назначить в колонии новых эмиссаров, но под давлением населения местные губернаторы присягнули смещенному французами испанскому королю Фердинанду. Таким образом, колонии оказались фактически независимыми — ведь сам Фердинанд находился во французском плену.

Наполеон сделал хитрый тактический ход — так как ввиду господства на море английского флота он все равно не мог добиться подчинения испанских колоний в Америке, император французов в 1809 году высказался за их независимость.

В 1810 году французы одержали ряд побед в Испании и противостоящая им Центральная хунта в Кадисе самораспустилась. Вместо нее борьбу против оккупантов возглавил Регентский совет, действовавший от имени короля Фердинанда. Совет выпустил прокламацию к населению испанских колоний, в котором объявлял всех их жителей «свободными людьми». Документ имел тактический характер и был явно рассчитан на то, чтобы противостоять посулам французов, также обещавших колониям независимостью.

Прочитав прокламацию, Миранда осознал, что теперь независимость его родины близка, как никогда.

И действительно, как уже упоминалось, 25 апреля 1810 года в Каракасе был создан орган самоуправления — Верховная хунта — пока официально лишь с целями охраны прав короля Фердинанда от французских посягательств. Тем не менее под маской внешней покорности испанской короне хунта в Каракасе с самого начала стала проводить в жизнь или хотя бы декларировать прогрессивные преобразования. Была введена свобода торговли (и тем самым подорвана экономическая основа испанского владычества в Южной Америке), отменены налоги на продукты питания, запрещена работорговля, а все индейцы были освобождены от подушной подати. Парадокс состоял в том, что примерно то же самое делали французы в Испании, а боровшиеся против них от имени Фердинанда силы наоборот хотели вернуть Испанию в затхлое феодальное болото дореволюционных времен.

Каракасская хунта выступила с призывом к созданию аналогичных органов по всей Америке, но в испанском Новом Свете царили выжидательные настроения. Понимая всю шаткость своего положения, хунта отправила в Лондон своего официального представителя с целью добиться поддержки европейских держав. Посланец революционного Каракаса 27-летний Симон Боливар прибыл в Лондон в июле 1810 года с инструкциями немедленно связаться с Франсиско Мирандой — признанным историей и тогдашним общественным мнением пионером латиноамериканского освободительного движения[1].

Симон Боливар родился в Каракасе 24 июля 1783 года, т. е. был старше Миранды на целое поколение. Отец Боливара, закоренелый холостяк, женился лишь в 47 лет на 14-летней девочке из богатого и знатного рода.

---

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 199.

Политически и духовно мировоззрение Боливара сформировал Симон Родригес[1], писарь его дедушки, которому поручили воспитывать молодого креола. Сам Родригес объездил почти весь тогдашний мир, побывав в Испании, Франции, Голландии. Идеалом Родригеса был Жан-Жак Руссо. Родригес намного опередил свое время, и в Каракасе его считали чудаком, точно так же как и Циолковского в царской России. Если Циолковский в провинциальной Калуге начала XX века доказывал осуществимость межпланетных полетов, то Родригес в Каракасе конца XVIII века выступал за совместное обучение мальчиков и девочек, цветных и белых. К тому же он был атеистом и не скрывал своих взглядов.

Родригес доказывал, что молодые люди должны изучать не только науки: «…есть еще более важная вещь, которую следует знать в первую очередь — умение жить в обществе»[2].

Естественно, что как человек передовых взглядов Родригес был непримиримым противником испанского деспотизма и поклонником французской революции. В 1797 году после раскрытия испанскими властями республиканского заговора в Венесуэле, ему пришлось бежать на Ямайку, затем в США, а потом в Европу. Он сменил имя на Сэмюэль Робинсон, чтобы уйти от преследований испанских властей.

Имя было взято из романа Дефо о Робинзоне Крузо. Тогда это произведение считалось отнюдь не детским и приключенческим, а политическим и поучительным. Ведь в нем воспевался труд, способный выручить человека в самых критических обстоятельствах.

Богатые родители Боливара (рабы-негры обрабатывали их плантации какао-бобов) по обыкновению того времени отправили своего отпрыска в 1799 году в Испанию — мир посмотреть и себя показать. Состояние отца Боливара оценивалось в 10 миллионов долларов в ценах второй половины XX века[3].

Во Франции Боливар поначалу восхищался военной и внутренней политикой Наполеона. Но как только в 1804 году бывший революционный генерал Бонапарт провозгласил себя императором, Боливар не отзывался о нем иначе как о мелком тиране. Позднее Боливар говорил: «Я боготворил Наполеона как героя республики, как блестящую звезду славы[4], как гения свободы… Но с того момента, как Наполеон провозгласил себя императором, для меня он превратился в двуличного тирана…»[5]

Как и Миранда, Боливар объездил почти всю Западную Европу, а в 1805 году посетил также США, которые тогда считались многими в Испанской Америке образцом государственного устройства.

---

[1] Родился 28 октября 1769 года в Каракасе.
[2] Лаврецкий И. Р. Боливар. М., 1981. С. 18.
[3] Там же. С. 17.
[4] Сравните «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Мы все глядим в Наполеоны…» или «Войну и мир» Л. Н. Толстого, где Пьер Безухов ищет «свой Тулон». Вся молодежь мира начала XIX века «болела» Наполеоном.
[5] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 31.

В январе 1805 года Боливар получил письмо из Вены от Сэмюэля Робинсона. Радости его не было предела, и он без колебаний отправился на встречу со своим любимым учителем. В 1805 году друзья и соратники поехали в Италию, и там на холме Монте-Сакро («Священная гора») под Римом Родригес сделал из Симона Боливара будущего освободителя Латинской Америки. На этом холме он принял у своего ученика клятву, определившую всю последующую жизнь Боливара: «Я клянусь перед Вами, перед Богом моих родителей, перед ними самими, клянусь своей честью, моим отечеством, что рука моя не успокоится, а душа моя не найдет мира, прежде чем не будут разорваны цепи, в которых нас держат по воле испанской власти»[1].

После этого оба Симона надолго расстались — физически, но не духовно. Путь назад на родину бунтарю Родригесу был заказан и до 1823 года он жил в Европе, объездив ее почти всю — от Франции до России.

Между тем в личной жизни будущему освободителю Латинской Америке Боливару никак не везло — родители его скончались еще до поездки в Испанию[2]. 26 мая 1802 года Боливар женился в Испании на Марии Тересе Родригес и привез ее на родину. Но там супругу сразила тропическая лихорадка и 22 января 1803 года она умерла[3]. Окончательно Боливар обосновался на родине в 1807 году.

В 1810 году в Лондоне Боливар немедленно представился Миранде и изложил данные ему каракасской хунтой поручения: добиться от Англии дипломатического признания, закупить оружие и предложить вечному изгнаннику Миранде почетное возвращение на родину. Миранда и Боливар солидарно взялись за работу и три месяца были неразлучны. Но министр иностранных дел Англии твердил посланцам революционного Каракаса одно и то же: Англия и Испания являются союзниками в борьбе против Наполеона и никакой помощи антииспанским повстанцам Великобритания оказать не может. Англичане лишь были готовы продавать Венесуэле свои товары и выполнять функцию посредника на переговорах хунты с Испанией.

Мало того, англичане не рекомендовали Миранде возвращаться домой на одном корабле с Боливаром, чтобы не давать повода для протестов испанскому послу. Именно поэтому 19 сентября 1810 года Боливар один вступил на борт корабля «Сапфир», везя с собой весь личный архив Миранды. Но 10 октября Миранда инкогнито под фамилией Мартин все же отплыл на Кюрасао — голландский остров у побережья родной Венесуэлы. Англичане были взбешены самоуправством Миранды, осмелившемся покинуть Англию без их санкции, но было поздно — 11 декабря 1810 года старый изгнанник в форме французского генерала вступил на родной берег в венесуэльском порту Ла-Гуайра. С тех пор как он отправился в Европу прошло почти 40 лет.

---

[1] Twickel Ch., Hugo Chavez. Eine Biographie, Hamburg, 2007. S. 53

[2] Отец Боливара скончался через два года после рождения Симона, а еще через шесть лет умерла от туберкулеза мать.

[3] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 216.

Формально положение Миранды было щекотливым — все же каракасская хунта формально действовала от имени испанского короля, для которого Миранда был врагом номер один. Тем не менее, хунта разрешила Миранде прибыть в Каракас, а для его встречи образовали официальную делегацию во главе с Боливаром. В Каракасе Миранда сделался неформальным лидером Патриотического общества (клуба), члены которого (примерно 200 человек) хотели полного отделения от Испании и прогрессивных реформ в духе французской революции. Миранда, как генерал французской революционной армии, был живой иконой всех прогрессивных венесуэльцев.

Между тем положение самой каракасской хунты было далеко не радужным: США и Англия оказали в признании, а во многих районах Венесуэлы продолжали править чиновники испанской колониальной администрации, попросту игнорировавшие выскочек из Каракаса. Испанский Регентский совет дал указания испанскому флоту на Кубе и Пуэрто-Рико выйти в море и блокировать венесуэльское побережье. Было ясно, что после изгнания французов из Испании, в Венесуэлу прибудут карательные войска из метрополии.

Хунта объявила (по американскому образцу) выборы в первый парламент Венесуэлы — Конгресс —, который открылся 2 марта 1811 года. 40 депутатов представляли большинство районов Венесуэлы, за исключением трех провинций, где по-прежнему правила испанская колониальная администрация. Конгресс из тактических соображений принял присягу на верность испанскому королю Фердинанду, хотя большинство депутатов были сторонниками независимости. Обязанности правительства стал осуществлять выбранный Конгрессом исполнительный комитет из трех человек. Миранда баллотировался в члены комитета, но получил всего 6 голосов из поданных 31. Воистину пророка в своем отчестве не было.

Основоположнику освободительной борьбы предоставили лишь церемониальный пост вице-президента Конгресса. В годовщину образования хунты — 19 апреля 1811 года — Патриотический клуб во главе с Мирандой устроил манифестацию в Каракасе, требуя немедленного провозглашения независимости. Однако против этого резко выступила католическая церковь, давно считавшая Миранду революционером и безбожником. В Конгрессе один из священников даже бросился на Миранду с кулаками.

Но Миранда был не один — 4 июля 1811 года члены Патриотического общества во главе с Боливаром окружили здание Конгресса и потребовали немедленного провозглашения независимости. В самом парламенте неоднократно выступал Миранда, убеждая депутатов на основании опыта французской революции, что провозглашение республики не приведет к краху экономики. И Конгресс сдался — 5 июля 1811 года все депутаты за исключением одного проголосовали за независимость от Испании. Население Каракаса восторженно приветствовало это решение. Новым государственным флагом Венесуэлы по предложению Миранды стало то самое желто-сине-красное полотнище, которое

когда-то было поднято над «Леандром». Декларацию независимости Венесуэлы Миранда подписал в мундире генерала французской революционной армии.

Но ни США, ни Англия опять не признали независимости Венесуэлы. Зато испанцы активно убеждали Лондон, что Миранда действует по поручению Наполеона, чтобы ослабить единый англо-испанский фронт в борьбе против грозного корсиканца. Наполеон и, правда, был готов поддержать борьбу испанских колоний за независимость, но французский флот был уничтожен Нельсоном при Трафальгаре еще в 1805 году. Поэтому император французов предложил США сотрудничество в деле помощи колониям. Американцы отделались ничего не значащими фразами. Тогда посол Франции в Вашингтоне сообщил тамошнему агенту венесуэльской хунты, что Франция готова официально признать Венесуэлу[1].

Между тем, борцы за независимость победили и в соседней с Венесуэлой Новой Гранаде (будущей Колумбии) и 22 октября 1811 года обе страны подписали договор об объединении, который, впрочем, пока оставался на бумаге.

Экономическое положение Венесуэлы стремительно ухудшалось из-за практически полного паралича внешней торговли вследствие испанской блокады и войны в Европе. Галопировала инфляция, исчезли с прилавков многие товары первой необходимости, ранее ввозившиеся из Старого Света. Уже 11 июля 1811 года в Каракасе и втором по величине городе страны Валенсии вспыхнул роялистский мятеж под лозунгом «Да здравствуют король и инквизиция!». В прогрессивном Каракасе мятежников быстро разбили при активном содействии населения. Двенадцать повстанцев казнили.

Но в Валенсии, где было сильно влияние церкви, мятежникам удалось захватить крепость и большие запасы оружия. Миранду, учитывая его опыт генерала французской армии, назначили главнокомандующим молодой венесуэльской армией, и во главе 4 тысяч человек он двинулся на Валенсию. Мятежники пытались оттянуть сражение мирными переговорами, но 22 августа 1811 года солдаты Миранды все же ворвались в город, потеряв при этом, правда, почти половину армии.

Для победителя Миранды, казалось, опять повторилась французская история: некоторые его завистники в венесуэльском Конгрессе обвинили генерала в необоснованной жестокости и потребовали от него отчета. Его обвиняли в перенесении на венесуэльскую почву жестоких нравов французских революционеров. Миранда этого и не скрывал — он говорил, что именно французский опыт свидетельствует о гибельности для революции излишне мягкого отношения к контрреволюционерам. Конгресс принял объяснения Миранды к сведению.

Большинство патриотов Венесуэлы считали именно Миранду самым подходящим кандидатом на пост первого главы государства. Но у страны еще даже не было конституции, поэтому было непонятно, станет ли она монархией

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 214–215.

или все же республикой. К тому же и сами республиканцы были расколоты — многие из них хотели создания децентрализованной федеративной республики по образцу США, хотя в самих США тогда шел как раз обратный процесс централизации. Миранда же и здесь призывал использовать французский опыт — только сильная централизованная власть сможет защитить молодую республику от внутренних и внешних врагов.

Однако врагам Миранды удалось взять верх — новая конституция была написана по образцу американской, а в президенты запрещалось избирать граждан, которые в течение последних 10 лет жили за границей. 23 декабря 1811 года конституция была подписана депутатами Конгресса, в том числе и самим Мирандой.

Пока народ праздновал принятие конституции, Миранда предложил Исполнительному комитету немедленно взять порт Коро, где укрепились роялисты. Миранда понимал, что через этот порт в страну может беспрепятственно прибыть испанская карательная армия. Но депутаты боялись одного — новой победы Миранды, которая укрепила бы и без того высокий авторитет этого несгибаемого в своих убеждениях человека.

Опасения Миранды оказались правильными — в начале 1812 года в Коро прибыл новый назначенный испанским правительством генерал-капитан Венесуэлы Фернандо Миярес.

Один из роялистских отрядов под командованием Доминго Монтеверде, подняв вооруженный мятеж в городке Сикисике (неподалеку от Коро), в марте 1812 года решил неожиданным ударом занять Каракас. И казалось, что молитвы церкви о ниспослании адской гибели каракасским мятежникам были услышаны — 26 марта 1812 года в день пасхального четверга, когда все население венесуэльской столицы молилось в храмах, город содрогнулся от страшного землетрясения. За считанные секунды погибла десятая часть всех жителей, в том числе и солдат, тысячи людей остались без крова. Разразилась эпидемия, оставшиеся в живых голодали.

Естественно, что церковь не преминула назвать землетрясение господней карой за то, что венесуэльцы отвернулись от «помазанника Божьего» Фердинанда. Причем в пользу этой версии, казалось бы, говорил и тот факт, что сохранивший верность Испании север страны от подземной стихии не пострадал. Священники призывали немедленно расправиться с Мирандой, угрожая каракассцам новыми Содомом и Гоморрой. В защиту независимости решительно выступил Боливар, силой заставивший одного из монахов прекратить подобные проповеди. Епископ Каракаса отказался выполнить требование Исполнительного комитета и объявить верующим, что землетрясение такое же природное явление как дождь и молния.

Землетрясение пришлось на руку Монтеверде, который захватил разрушенный городок Баркисимето (его гарнизон погиб) и увеличил свою «армию» до 1000 человек. Исполнительный комитет 16 апреля 1812 года объявил мятежников вне закона. 23 апреля 1812 года Миранду нехотя вновь назначили глав-

нокомандующим правительственной армией с неограниченными полномочиями. Ему даже присвоили звание генералиссимуса. Боливара, произведенного Мирандой после подавления восстания в Валенсии в полковники, генералиссимус назначил комендантом военно-морской крепости в Пуэрто-Кабельо, где был крупный арсенал.

1 мая 1812 года Миранда выступил на Валенсию, но Монтеверде опередил его и выбил из города республиканский гарнизон еще до подхода правительственной армии. Миранда остановился, не решившись еще раз штурмовать город и может быть не желая становиться объектом нового расследования своих недоброжелателей. Эта ошибка стоила стране независимости.

18 мая 1812 года Исполнительный комитет провозгласил Миранду диктатором. Миранда пытался жесткими мерами прекратить пьянство, мародерство и дезертирство в армии, но популярности в войсках это ему не добавило. Попыткой восстановить боевой дух солдат стал манифест Миранды от 29 мая 1812 года: «Час мести пробил, пусть рабы, осмелившиеся напасть на свободных людей трепещут… Граждане! Мертвецы взывают к вам из своих гробниц отмстить их кровь… Защитите женщин, детей и стариков от кинжала убийц! Мы призываем вас к оружию. Пусть знамя Венесуэлы взовьется над Валенсией, Коро и Маракаибо!»[1]

Воззвание было явно выдержано в традициях французской революционной армии. Миранда распорядился арестовать епископа Каракаса и призвал вступить в армию рабов, обещая им свободу за десятилетнюю службу. Одновременно Миранда уже в который раз попросил военной помощи у США и Англии. Но англичане опять предложили лишь посредничество в переговорах с Испанией.

В начале июня 1812 года авангард республиканцев одержал победу над силами Монтеверде у селения Гуайка. Но Миранда не стал развивать успех — он не хотел отрываться от баз снабжения в Каракасе и Ла-Гуайре. Миранда явно хотел исповедовать ту же тактику, что применил и Кутузов всего через пару месяцев против Наполеона в России — заманить врага вглубь республиканской территории, оторвать его от собственных баз снабжения и разбить. И казалось, так все и случится. Монтеверде перешел в наступление, но был отбит Мирандой у города Виктория. Диктатор опять не стал наступать: он ждал нового штурма роялистов на заранее подготовленных позициях, надеясь, что враг просто истечет кровью в бесплодных атаках.

И тут Миранде опять не повезло — 4 июня 1812 года к югу от Каракаса восстали рабы, начавшие жечь имения латифундистов. Последние обвинили в восстании самого Миранду с его революционной пропагандой, хотя ходили упорные слухи, что рабов подбили на мятеж сторонники роялистов. И точно: как по заранее согласованному плану войска Монтеверде снова начинают штурм Виктории, но после семичасового ожесточенного боя откатываются

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 224.

назад. Командующий роялистов позорно бежал с поля боя. Но опять Миранда не стал преследовать врага, хотя мог бы одним ударом закончить гражданскую войну.

У Монтеверде осталось всего 500 плохо вооруженных бойцов, и он уже готовился отходить на Валенсию. Но на следующий день, 30 июня 1812 года, восстали несколько сот испанских солдат и офицеров, содержавшихся в плену в крепости Пуэрто-Кабельо. Комендант крепости Боливар явно проворонил мятеж, хотя в день его начала он был в отъезде. Городские власти перешли на сторону восставших. Попытки Боливара с горсткой бойцов отбить крепость привели к закономерному поражению. Самый крупный арсенал республики (три тысячи мушкетов, огромные запасы пороха и патронов) оказался в руках врага.

Боливар послал за помощью к Миранде. Тот, прочитав послание своего соратника, воскликнул: «Венесуэла ранена в самое сердце!». Потеря крепости вызвала всеобщее уныние в стане республиканцев, уже считавших себя победителями. Миранда не двинул армию на помощь Боливару, так как считал, что и он не сможет отбить сильно укрепленные форты Пуэрто-Кабельо. Сам Боливар уехал в свое поместье Сан-Матео.

Военная ситуация Миранды была более чем отчаянной: его армия находилась в тисках между двумя сильными группировками роялистов. Если бы Миранда двинул войска на Пуэрто-Кабельо, он подставил бы тыл войскам Монтеверде и открыл бы им дорогу на Каракас. Напади он на Монтеверде, ему в тыл ударили бы роялисты из Пуэрто-Кабельо. Если бы он оставался на месте, его бы атаковали с двух сторон хорошо вооруженные силы противника. Известие о падении Пуэрто-Кабельо привело к дезертирству в рядах патриотов, а надеяться на пополнение было трудно: главный арсенал оказался в руках противника.

В этих условиях Миранда предложил Исполнительному комитету 12 июля 1812 года начать мирные переговоры с противником. Дело в том, что Венесуэлы дошли сведения о принятии испанским парламентом (кортесами) в Кадисе демократической конституции, даровавшей всем подданным кастильской короны основные права человека. Миранда надеялся, что эти известия внесут разброд в стан венесуэльских роялистов, за спиной которых стояла церковь. К тому же Монтеверде действовал на свой страх и риск — официальный испанский наместник Миярес отказал этому авантюристу в поддержке.

17 июля начались переговоры о перемирии, но Монтеверде требовал только капитуляции. Миранда предложил следующие условия: всеобщая амнистия и освобождение пленных, возможность для всех сторонников независимости беспрепятственно покинуть Венесуэлу, остров Маргарита у венесуэльского побережья дожжен был остаться под контролем патриотов. Миранда хотел выиграть время: соседняя Новая Гранада все еще находилась под властью патриотов и, базируясь на эту страну, Миранда хотел возобновить военные действия, как только набожное население Венесуэлы забудет о страшном землетрясении.

Удар из Новой Гранады можно было бы скоординировать с высадкой с острова Маргарита.

Но все это понимал и Монтеверде. Он согласился на все условия кроме контроля над Маргаритой, хотя изначально вообще ничего выполнять и не собирался. 25 июля 1812 года армия первой венесуэльской республики капитулировала[1]. Миранда отправился в порт Ла-Гуайра, чтобы на английском корабле «Сапфир» покинуть страну. На корабль он погрузил золотой запас республики (несколько сотен унций золота и 22 тысячи песо), который он намеревался передать на хранение одному из английских торговых домов. Эти средства предполагалось использовать для финансирования нового десанта в Венесуэлу.

Однако молодые офицеры распущенной республиканской армии во главе с Боливаром, считавшие решение о капитуляции тяжелейшей ошибкой, решили арестовать Миранду. «Вы нас предали, мы Вас арестуем», — крикнул Боливар Миранде ранним утром 1 августа 1812 года. «Вы способны только на бесчинства», — ответил ему отец венесуэльской независимости[2]. Тем не менее, Миранду обезоружили, а один из офицеров поспешил донести об аресте Монтеверде. Тот немедленно отдал приказ закрыть порт Ла-Гуйара и не выпускать из гавани ни одного корабля.

«Сапфир» ушел в море без своего пассажира, но с личным архивом Миранды.

В тот же день отряд одного из подручных Монтеверде занял Ла-Гуайру и Миранду заковали в кандалы, что было грубым нарушением условий капитуляции.

Монтеверде в знак признания заслуг Боливара в аресте Миранды лично выдал Боливару паспорт за «оказанную королю услугу в поимке Миранды» и тот, смущенный и возмущенный, 27 августа 1812 года покинул Венесуэлу, держа курс на остров Кюрасао.

Монтеверде запретил испанскому генерал-капитану Мияресу въезд в Каракас — авантюрист, своей шпагой, погубивший республику, хотел править сам. Миярес пожаловался в Испанию, но там шла тяжелейшая война против французов, и поэтому Регентский совет принял соломоново решение: Венесуэлу разделили на два генерал-капитанства с центрами в Коро (там оставался Миярес) и Каракас (это была вотчина Мотеверде).

Монтеверде в нарушение условий капитуляции произвел в стране массовые аресты. Его лозунг был весьма красноречив: «Снисхождение есть преступление!». Многих республиканцев просто убивали без всякого суда. Некоторым арестованным роялисты отрезали уши и прикалывали их в качестве кокарды на свои шляпы. Однако вероломные зверства роялистов возымели обратное действие: образованные креолы поняли, что иного пути кроме завоевания независимости у них просто нет. К тому же Монтеверде, активно конфисковывал и распределял среди своих подельников имения сторонников республики.

---

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 233.
[2] Там же. С. 234.

Миранду бросили в зловонную камеру крепости Ла-Гуайра, где он находился по щиколотку в воде, закованный в кандалы. Кормили его одним хлебом. В начале 1813 года Монтеверде переправил Миранду в более надежное место — печально известную республиканцам крепость Пуэрто-Кабельо. Но тяжкие условия тюрьмы Миранду отнюдь не сломили — из камеры он пишет гневный протест против бесчинств испанцев в Венесуэле. Монтеверде (получивший от испанского Регентского совета титул «Усмиритель Венесуэлы») хотел расстрелять Миранду, но опасался, что это вызовет новое всеобщее восстание в Венесуэле. От греха подальше опасного узника 4 июля 1813 года отправили на остров Пуэрто-Рико под защиту испанского флота. Там к нему отнеслись более гуманно: питание Миранды улучшилось, ему дали чернила и бумагу. Миранда немедленно написал протест против бесчинств Монтеверде и послал документ испанскому парламенту в Кадис. Но там было не до Миранды: потерпевший поражение в России Наполеон начал постепенно выводить войска с Пиренейского полуострова для защиты самой Франции.

Выпавшее из рук Миранды славное венесуэльское знамя подхватил не кто иной, как Боливар. В 1812 году шла упорная борьба патриотов Новой Гранады (нынешней Колумбии) против роялистов. В ноябре 1812 года Боливар вместе со своими сподвижниками прибыл с Кюрасао в новогранадскую крепость Картахену. Собственно, он решил осуществить план Миранды — набрать в Новой Гранаде добровольцев и вторгнуться с запада в Венесуэлу, чтобы восстановить независимую республику. Но между двумя соседними странами высились неприступные Анды — еще ни одна армия никогда не отваживалась пройти через них.

Неудивительно, что командующий республиканскими войсками в Картахене француз Лябатют счел затею Боливара безумием (к тому же он презирал Боливара за арест Миранды) и согласился лишь предоставить венесуэльскому изгнаннику командование над небольшим отрядом. Цель отряда была весьма ограниченной: расположиться на реке Магдалена недалеко от венесуэльской границы и отразить возможную атаку испанцев. На самом деле никто никакой атаки в непроходимых горах и джунглях, конечно же, не ждал. Боливара просто «сплавили» подальше от центра военных событий.

Но Боливар не был согласен с этой ролью. Он обратился с манифестом к новогранадцам, призвав их оказать помощь Венесуэле в борьбе против испанского владычества: «Помните, что оборона ведет к поражению. Поэтому наступайте и громите врага там, где он сейчас находится, — в Венесуэле. Только так вы добьетесь свободы!»[1]

Из поражения первой венесуэльской республики Боливар извлек следующие уроки. Во-первых, слабая федеративная власть республиканцев привела к тому, что против малочисленного отряда Монтеверде фактически боролись только жители Каракаса. Остальные провинции выжидали, чья возьмет. Отсюда

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 47.

вывод — испанцев может разбить только сильная централизованная власть. Во-вторых, Боливар считал, что Миранда и Исполнительный комитет слишком церемонились с контрреволюционерами, и привыкшее к твердой руке население просто не считало республику с ее пышными декларациями настоящей властью. Никакой пощады врагам — такой вывод сделал для себя Боливар.

В пункт базирования своего отряда — глухую деревню Барранка с хижинами под пальмовыми листьями — Боливар прибыл, имея под командованием всего двести человек. Железной рукой он навел порядок в отряде и начал громить слабые испанские гарнизоны на реке Магдалена. Это было прямым нарушением приказа Лябатюта, предписывавшего Боливару только оборону. Но через две неделе после начала своего похода Боливар объявил, что река Магдалена очищена от противника. Это известие сделало Боливара крайне популярным в Новой Гранаде, чего он и добивался. Теперь он имел уже ореол победителя, а не проигравшего, и мог рассчитывать на то, что власти Новой Гранады санкционируют поход на Венесуэлу.

Расчет оказался верным — конгресс Новой Гранады присвоил Боливару звание бригадного генерала и гражданство Новой Гранады. 7 мая 1813 года Боливар получил, наконец, разрешение во главе новогранадских частей выступить в поход на Венесуэлу. Правда и на сей раз ему поставили ограниченную задачу: очистить от испанцев пограничные с Новой Гранадой венесуэльские провинции Мериду и Трухильо.

В поход выступило всего 700 солдат, но ведь и Монтеверде начал восстание против венесуэльской республики всего с сотней приверженцев. На сей раз сил у самозваного генерал-капитана Каракаса было больше, но они были распылены по гарнизонам: Монтеверде понимал, что в Венесуэле зреет новое восстание.

Удар Боливара из Новой Гранады не стал для Монтеверде полной неожиданностью, но войска республиканцев, тем не менее, быстро освободили две пограничные венесуэльские провинции.

В городе Трухильо 15 июня 1813 года Боливар огласил декрет, получивший название «манифест войны на смерть». Смысл воззвания был простым — любой испанец, поднявший оружие против республики, или хотя бы не поддерживавший республику, подлежал немедленному уничтожению. «Пусть навсегда исчезнут с лица колумбийской[1] земли чудовища, осквернившие ее и покрывшие кровью; да постигнет их наказание, равное их вероломству… Испанцы и канарцы![2] Вас ждет смерть, даже если вы останетесь нейтральными. Вы можете спастись, только активно способствую свободе Америки…»[3] Многие, в том числе и в республиканском лагере, сочли тогда этот декрет «кровожадным». Но этим манифестом Боливар давал понять Монтеверде: на сей раз

[1] Боливар считал себя борцом за освобождение всей Испанской Америки, которую он называл «Колумбией» в честь Христофора Колумба и хотел сделать единым мощным государством.
[2] Специальный намек на Монтеверде — выходца с Канарских островов.
[3] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 53.

никакого перемирия не будет. В то же время тем испанцам, которые перейдут на сторону республики, Боливар обещал мирную жизнь в новом независимом государстве.

Таким образом, в ответ на роялистский террор был провозглашен террор республиканский.

Расчет Боливара опять оказался верным: теперь многие вступали в венесуэльскую армию хотя бы и из страха за собственную жизнь.

В течение июля 1813 года в серии успешных боев Боливар разбил части Монтеверде, преграждавшие ему дорогу на Каракас. С каждой новой победой ряды республиканской армии росли, а ряды роялистов редели. Причем солдаты Монтеверде (на три четверти армия роялистов состояла из местных жителей) перебегали к Боливару. Казалось, что повторялось лето 1812 года, но теперь противники поменялись ролями. Кампанию Боливара весной — летом 1813 года в народе назвали «Восхитительной».

В январе 1813 года против роялистов открыл на востоке Венесуэлы второй фронт Сантьяго Мариньо (1788–1854 гг.). Как и Боливар, Мариньо происходил из богатой семьи, благодаря чему получил прекрасное образование. Его родители жили на острове Тринидад. Сам Мариньо был одним из лидеров венесуэльских масонов и носил титул «великого мастера». В 1812 году Мариньо в составе республиканских войск сражался против роялистов в Гайане и дельте Ориноко (на востоке Венесуэлы) и за доблесть получил звание подполковника, затем полковника. После капитуляции первой республики он бежал на оккупированный англичанами остров Тринидад.

11 января 1813 года Мариньо и его отряд в составе 45 человек, вооруженный всего несколькими мушкетами, с каноэ высадился в Венесуэле. Смелым налетом повстанцы захватили город Гирия, который только что покинул сильный роялистский гарнизон в составе 500 человек. Новость о победе привела в ряды бойцов Мариньо сотни новых волонтеров. Скоро армия Мариньо в составе 5000 человек с востока стала наступать на Каракас.

Против Мариньо Монтеверде двинул своего самого жестокого командира Антонио Суасолу по кличке «Кровавый Шакал». Суасола распорядился отрезать у пленных республиканцев уши и носы, которые опять украсили шляпы роялистов. На помощь «шакалу» выступил сам Монтеверде с отрядом в две тысячи человек, но его разбил один из командиров Мариньо мулат Пиар, уроженец Тринидада. «Усмиритель Венесуэлы» потерял 400 человек и всю артиллерию. Это поражение заставило непобедимого доселе Монтеверде укрыться за стенами крепости Пуэрто-Кабельо.

Для Боливара такой второй фронт был, несомненно, громадным облегчением, но он не хотел позволить Мариньо вступить в столицу Венесуэлы первым. Он понимал, что освободитель Каракаса станет признанным лидером восстановленного независимого государства.

Между тем, 2 августа 1813 года войсками Боливара была освобождена Валенсия, ставшая еще прошлым летом оплотом Монтеверде. Генерал-капитан

не решился дать Боливару генеральное сражение и бежал с двухтысячным отрядом в крепость Пуэрто-Кабелья. Оставшийся в Каракасе испанский генерал Фьерро немедленно запросил о капитуляции, которую Боливар предоставил на тех же условиях, которые были обещаны Миранде роялистами годом раньше. Всем испанцам разрешили уехать из Венесуэлы, офицерам сохранили оружие. Боливар обещал провести референдум по испанской конституции 1812 года.

6 августа 1813 года армия Боливара вступила в Каракас, и жители устлали ее путь цветами. На главной площади города двенадцать молодых девушек из лучших семейств столицы возложили на голову Боливара лавровый венок победителя. Конгресс Новой Гранады присвоил ему звание маршала. Боливар за три месяца выиграл шесть крупных сражений, десятки боев, прошел 1200 километров, захватил сотни пленных и 50 орудий. Памятуя уроки первой республики, Боливар приказал всем священникам новой, второй республики раз в день читать проповеди в поддержку новой власти. В противном случае он обещал самые суровые меры наказания.

Мариньо, располагавшийся со своей армией в городе Кумана, не признал полностью восстановленную Боливаром республику, хотя в военном отношении сотрудничал с новым лидером Венесуэлы.

Боливар правил жесткой рукой, с помощью декретов, избегая ненужного на тот момент парламентаризма. Ведь Монтеверде продолжал отсиживаться за прочными стенами крепости Пуэрто-Кабельо, ожидая помощи из Испании. Было ясно, что дни Наполеона сочтены и вскоре закаленная в боях против самого лучшего полководца того времени испанская армия освободится для наведения порядка в восставших колониях.

Поэтому все помыслы Боливара были обращены на создание мощной армии. Он объявил, что все, кто откажется платить налоги, будут казнены. Было сокращено жалованье гражданских служащих, приравненное отныне к солдатскому. Каждый домовладелец, в том числе и священник, должен был содержать хотя бы одного солдата.

Все эти возможно и оправданные военной обстановкой меры, быстро восстановили против республики почти все население. Богатые креолы не хотели жертвовать на войну свои состояния. Чернокожие рабы не получили свободы, так как Боливар не хотел ссориться все с теми же креолами, к числу которых сам и принадлежал. Индейцы вообще не заметили никакой смены власти — зато они сильно страдали от многочисленных реквизиций и контрибуций всевозможных отрядов, часто представлявших собой самозваные бандитские шайки. Наконец два года войны привели к расстройству денежного обращения и торговли. Люди устали и хотели мира любой ценой.

Боливара между тем больше всего беспокоил Мариньо — новый вождь республики не хотел иметь равноценного конкурента. Боливар пригласил Мариньо в Каракас для согласования дальнейших действий, но тот ответил отказом. Боливар считал, что Венесуэлы должна слиться с Новой Гранадой в единую мощную республику Колумбия. Мариньо был против и именовал себя

«Вождем независимой армии». Он обосновался в городе Кумана и назначил Пиара своим заместителем. Мариньо подчинялся практически весь восток Венесуэлы.

Мариньо отказался прислать Боливару и части для штурма Пуэрто-Кабельо, а попытки самого Боливара взять крепость штурмом оканчивались неудачей — Монтеверде с моря снабжал всем необходимым испанский флот.

Между тем расчет Монтеверде, казалось, начинал сбываться — французы покинули Испанию, куда вернулся реакционный король Фердинанд VII. В Испании начался клерикальный белый террор. Король немедленно отдал приказ привести к порядку строптивых подданных в Испанской Америке. На помощь Монтеверде с Пуэрто-Рико прибыли 1200 прекрасно вооруженных солдат. Боливар был вынужден снять осаду Пуэрто-Кабельо, хотя ему на помощь подошли части Мариньо: оба освободителя Венесуэлы сражались вместе в январе — феврале 1814 года.

5 апреля 1814 года оба великих венесуэльца, наконец, встретились, чтобы лично согласовать детали борьбы против испанцев.

Боливар даже передал командование объединенной армией Мариньо — он не гонялся за формальными чинами. Между тем Монтеверде преследовал республиканцев в направлении Валенсии, но был ранен и уплыл в Испанию. Для Боливара исчезновение этого жесткого и способного выходца из низов было важнее победы в крупном сражении.

Мариньо по согласованию с Боливаром двинулся во главе отряда численностью в 2300 человек против вождя роялистов Хосе Себальоса, под началом которого было более 4 тысяч солдат. Неудивительно, что Мариньо потерпел неудачу и в его армии стали множиться случаи дезертирства. Но для Боливара это, пожалуй, было даже неплохо — теперь его авторитет в стране был явно весомее.

Для поднятия боевого духа республиканцев муниципалитет Каракаса присвоил Боливару почетное звание «Освободителя». На зданиях всех органов власти в стране предписывалось высечь надпись: «Боливар — Освободитель Венесуэлы». Боливар принял звание, но заметил, что оно по праву принадлежит всем солдатам и офицерам его армии. Он учредил орден «Освободитель Венесуэлы» (семиконечная звезда по числу семи провинций тогдашней Венесуэлы) и наградил им всех командиров отрядов. На звезде выгравировывалось имя награжденного.

Между тем над Второй республикой собирались грозовые тучи воистину оттуда, откуда их не ждали. Нового командующего испанскими войсками на севере Венесуэлы фельдмаршала Кахигаля Боливар считал куда менее способным командиром, чем Монтеверде.

16 мая 1814 года армия Кахигаля вышла на ближние подступы к Валенсии. Испанец (у которого было около трех тысяч человек) ждал подхода отряда Себальоса. В этот же день из Валенсии с четырьмя дивизиями (около 5 тысяч человек) вышел Боливар и его войска атаковали авангард испанцев. Кахигаль

распорядился отступить: он ждал Себальоса. Боливар также 18 мая отошел к Валенсии: он явно решил использовать тактику Миранды и встретить врага на хорошо укрепленных позициях.

И это принесло успех: Кахигаль 20 мая вышел на подступы к Валенсии и увидел там хорошо окопавшихся республиканцев. Испанцы отступили в местечко, известное как саванна Карабобо. Боливар, осознав, что армии Себальоса и Кахигаля разъединены, немедленно обрушился с пятью дивизиями на слабейшего из врагов — Кахигаля. 28 мая войска Боливара имитировали атаку на одном фланге, отвлекая силы роялистов, и одновременно ударили всей мощью на другом фланге. Роялисты храбро держались под перекрестным огнем примерно час, но потом центр их боевого порядка стал сдавать назад. Тогда Кахигаль бросил в бой свой резерв — гранадских карабинеров. В ответ Боливар приказ Мариньо ударить по гранадцам конницей. Конники Мариньо с пиками атаковали карабинеров и те после жестокой рукопашной схватки стали отходить. В рядах пехоты роялистов вспыхнула паника. Одновременно артиллерия республиканцев начала обстреливать командный пункт Кахигаля, и его частая смена дезорганизовала командование испанцев.

Примерно в 18.00 Кахигаль решил начать организованный отход, но этому помешала республиканская конница, атаковавшая роялистов со всех сторон. Началось повальное бегство. Фельдмаршал едва смог уйти сам всего с несколькими людьми.

Сражение у Карабобо стало военным триумфом республики, который с полным основанием должны разделить поровну Боливар и Мариньо. Патриоты потеряли всего 12 человек убитыми и 40 — ранеными. Испанцы оставили на поле боя более трехсот павших (говорили даже о тысяче погибших, но это выглядит как явное преувеличение), 1100 человек было ранено, а 700 попали в плен. Республиканцы захватили 5 тысяч мушкетов, 4 тысячи лошадей, 9 знамен, всю артиллерию и провиант противника[1].

После этого разгрома Себальос и Кахигаль передали командование объединенными силами роялистов Хосе Томасу Бовесу, которому было суждено стать могильщиком второй венесуэльской республики и победителем самого Боливара.

От холмов Каракаса до самой Гвианы простирались тогда необъятные венесуэльские саванны — льянос, равные по площади современной Германии.

Там по найму помещиков или на собственный страх и риск пасли многочисленные стада скота венесуэльские ковбои — льянерос. Их образ жизни напоминал всем известного мустангера Мориса Джералда из знаменитого романа «Всадник без головы» Майн Рида с той лишь разницей, что условия существования в льянос были гораздо труднее, чем в техасских прериях.

С июня по октябрь в льянос льют непрерывные тропические ливни и пастбища превращаются в болота. Скот приходится перегонять на возвышенно-

[1] URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Batalla_de_Carabobo_%281814%29

сти. При этом коровы, быки, лошади и люди целыми днями идут по воде. В январе начинается засуха, и высохшая почва бывшей саванны покрывается трещинами как в самой настоящей пустыне. Даже деревья теряют листву, хотя не от холода, а от жары. Животные глодают остатки кустарников и их снова надо перегонять.

Неудивительно, что жизнь льянеро была крайне тяжела. Они ютились в хижинах из шкур — «атос», вокруг которых гнили остовы животных — ибо повседневной пищей венесуэльских ковбоев был жареный кусок мяса без соли и приправ. Черепа быков служили сиденьями, шкуры тех же самых быков — постелью Люди носили остатки штанов и рубах, обуви, как правило, не имели вовсе, а часто вообще ходили в набедренных повязках.

Льянеро никогда не расставался с ножом — никаких законов в прериях, как и на всемирно известном американском Диком Западе не было. Отсюда и характер льянеро, которых Боливар справедливо называл «нашими казаками»[1]. Венесуэльские ковбои были людьми прямыми, недоверчивыми, необузданными в своих чувствах. Да и терять им, как правило, было нечего. Нечего и говорить, что все льянеро были лихими наездниками и их называли кентаврами — ведь они как будто срастались в одно целое со своим конем.

Как и среди русских казаков, в льянос отиралось много всякого криминального и полукриминального сброда — ведь никакой полиции или чиновников в прериях не наблюдалось.

Наконец следует отметить, что помимо белых среди льянеро было много негров и мулатов. Они ненавидели белых помещиков-креолов, стада которых пасли. Ведь креолы спокойно жили и кутили в городах, в то время как льянеро каждый день подвергали свою жизнь риску. Поэтому провозглашение республики, во главе которой не было ни одного мулата, зато было полно именно помещиков-креолов, льянеро встретили очень недоверчиво. И республика оправдала их дурные предчувствия.

Помещики были недовольны независимостью льянеро, а также тем, что пастухи при необходимости по примеру Робин Гуда спокойно могли забить на обед или ужин любую «чужую» корову в прериях. По их настоянию правительство республики издало «регламент» льянеро, по которому за покушение на частную собственность полагалось 100 ударов плетью. Кража скота вообще каралась смертной казнью. Льянеро были обязаны регистрироваться у местных властей — а этими властями при республике стали те же самые помещики, на которых работали пастухи. По сути, регламент прикреплял льянеро к помещику — все они отныне должны были официально работать в каком-нибудь скотоводческом хозяйстве.

Нет ничего странного, что льянеро стали благоприятным объектом для пропаганды церкви и испанцев, представлявших республиканских лидеров бо-

[1] Донские казаки атамана Платова, вошедшие в Париж, были тогда крайне популярны во всем мире. Их считали лучшей легкой конницей мира, и французы назвали в честь них первые рестораны быстрого питания — «бистро». Ведь казак всегда спешил — в быстроте и удали был залог его успеха.

гатыми городскими бездельниками, угнетавшими цветное и трудовое население. Во многом это так и было — никакой социальной составляющей у молодой венесуэльской республики не было.

Выступившие против республики орды степных всадников возглавил Хосе Томас Бовес (настоящая фамилия Родригес). Он родился в 1782 году в испанской провинции Астурия — единственной, которую никогда не смогли покорить арабы. В четыре года Бовес потерял отца, и его с трудом растила мать, работавшая то швеей, то служанкой. Ей помогали две сестры Бовеса. Повзрослев, Бовес устроился матросом на корабль, перевозивший грузы между Испанией и Новым Светом. Позднее ходили слухи, что Бовес даже был капитаном пиратского корабля.

В Венесуэле Бовес был осужден за контрабанду (которой тогда в Америке, впрочем, занимались тысячи людей, в том числе и будущий отец-основатель США Джордж Вашингтон). Сам Бовес считал, что он занялся контрабандой вобщем с благородной целью: он хотел материально помочь своей матери и сестрам в Испании. Благодаря заступничеству знакомых астурийских земляков 8 лет тюрьмы ему заменили ссылкой в Венесуэле, где он и стал скотоводом.

Поначалу Бовес приветствовал создание хунты в Каракасе в 1810 году — ведь он был естественно настроен против осудившей его испанской короны. Но когда в 1812 году городок Калабосо, где жил Бовес, занял Монтеверде (тоже выходец из низов), то Бовес столь же охотно перешел к нему на службу. К тому же венесуэльские республиканцы были непримиримыми борцами против пьянства (сами-то они пили изысканные французские вина), а Бовес держал пивную, то есть с точки зрения эпохи Просвещения одурманивал народ. Приторговывал Бовес и одичавшим скотом, которого было полно в прериях — теперь согласно Регламенту льянерос, он мог за это расстаться с жизнью.

Бовес был очень популярен в Калабосо, так как относился к мулатам, неграм, метисам и индейцам как к равным, чего нельзя было сказать о лидерах республики. Те считали негров и индейцев своего рода неразумными и неразвитыми детьми, которым нужен строгий и справедливый отец в лице белого человека. Неудивительно, что тот же Вашингтон рассуждал о том, что люди рождены равными, в то время, когда ему прислуживали его негры-рабы. Благодарные индейцы и метисы прозвали Бовеса «тайта» (то есть «папа»). Женой белого Бовеса была мулатка, причем именно законной женой, а не наложницей, как у белых креолов-плантаторов.

Тем не менее Бовес поначалу поддерживал республиканцев деньгами, но креолы презрительно отказались предоставить ему командную должность, несмотря на огромную популярность Бовеса среди льянерос. С точки зрения лидеров республики у Бовеса было очень низкое социальное происхождение. Мало того, непрошеного помощника обвинили в предательстве и приговорили к смерти (вероятно по доносу личных недоброжелателей). Пивную Бовеса сожгли, а жену убили на глазах единственного сына. Из тюрьмы Бовеса и освободил один из соратников Монтеверде Антоньясас.

С тех пор Бовес хотел одного — мстить. Он призвал ковбоев-льянерос к священной войне против богатых белых помещиков и на его зов откликнулись тысячи всадников. Бовес вел именно народную войну — он обещал своим цветным солдатам землю, скот и имущество ненавистных помещиков. Испанцы в отличие от республики немедленно назначили Бовеса командиром конного авангарда своей армии, который поначалу насчитывал примерно 700 лихих наездников. Но каждый день в отряд Бовеса вливались десятки новых добровольцев.

Белые креолы вскоре прозвали Бовеса Аттилой. Когда его части входили в города, происходили массовые погромы, убийства и изнасилования — льянерос мстили белым за свое предыдущее беспросветное существование и в этом не отличались ни от воинов-рабов Спартака, ни от вольницы Стеньки Разина. Лозунгом Бовеса был следующий: «Война всем белым, угнетателям негров и индейцев! Землю белых — цветным!»[1] Все имущество убитых или бежавших помещиков Бовес щедро раздавал своим воинам, и его популярность только росла.

Люди Бовеса, как и он сам, могли лично обесчестить любую девушку (вспомним персидскую княжну Степана Разина и ее незавидную судьбу), или отрубить кому-нибудь голову вместо десерта после обильной попойки. Бовес мог торжественно на алтаре пообещать всем жителям какой-нибудь деревни сохранить жизнь в случае сдачи, а потом хладнокровно убить всех капитулировавших.

Характерен следующий пример. В одной деревне юноша попросил Бовеса не убивать его отца-старика. Бовес согласился, но при одном условии: сам юноша не должен был издать ни единого звука, в то время как ему отрежут уши и нос. Пленник, и правда, не проронил ни звука, что только рассердило Бовеса и он приказал убить обоих.

Впрочем, ради справедливости следует отметить, что законы войны нарушали тогда все противоборствующие стороны, что доказывает судьба семьи самого Бовеса.

Если Бовеса окрестили Аттилой, то он сам называл свое войско Легионом дьяволов.

Начал «Аттила» свою войну в августе 1813 года с 700 всадниками, а к декабрю того же года за Бовесом шли уже более 3 тысяч человек. Захватив свой город Калабосо, Бовес превратил его в оперативную базу для массового набора льянерос, и ряды его дьяволов выросли до 20 тысяч — никогда и ни у кого в Венесуэле не было столь многочисленного войска. Особенно много добровольцев рекрутировал Бовес среди беглых чернокожих рабов.

Боливар послал против Бовеса одного из самых талантливых командиров республики полковника Кампо Элиаса, причем тот должен был, в том числе, обеспечить возвращение рабов их хозяевам. 18 октября 1813 года Кампо Элиас

[1] URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Jos%C3%A9_Tom%C3%A1s_Boves

разбил разношерстное войско Бовеса и занял Калабосо. Кампо Элиас был испанцем, но ненавидел собственный народ, говоря: «Проклятая испанская раса должна исчезнуть. Я бы всю ее уничтожил, а потом зарезал сам себя, чтобы не осталось от нее и следа в Венесуэле»[1]. Он, не колеблясь, приказал расстрелять даже собственного дядю — врага республики.

Заняв Калабосо, Кампо Элиас обрушил на льянерос суровые репрессии, что только усилило приток добровольцев к Бовесу.

Таким образом, войну на смерть теперь вели обе стороны.

8 декабря 1813 года Бовес разбил одну из колонн республиканцев и начал контрнаступление. Он щедро раздавал своим чернокожим воинам захваченных в плен дам-аристократок, а при расстрелах сначала использовал холостые патроны — ему нравилось видеть скованные ужасом лица помещиков — вчерашних хозяев жизни. Излюбленным видом казни в Легионе дьяволов было отсечение головы.

Фактически Бовес вел свою войну, никак не координируя свои действия с испанским фельдмаршалом Кахигалем.

Между тем в начале 1814 года Боливар собрал в Каракасе ассамблею нотаблей и попросил об отставке. Это был тактический ход, которым Освободитель позднее пользовался не раз. Он просто хотел добиться дополнительной легитимации и неограниченных полномочий, чтобы заставить беспрекословно подчиняться себе остальных вождей республиканкой армии. Как и предполагал Боливар, ассамблея в условиях войны его отставки не приняла и лишь постановила соорудить в его честь монумент.

В феврале 1814 года Бовес захватил город Окумаре уже на подступах к Каракасу. Одновременно его дикая кавалерия разбила Кампо Элиаса у Ла-Пуэрты. Бовес лично захватил имение Боливара и вырезал свое имя ножом на воротах поместья.

Однако 12 февраля 1814 года отряд республиканца генерала Риваса (1500 человек, в том числе 220 всадников, 5 орудий), состоящий, в том числе, и из студентов и семинаристов, нанес поражение Бовесу (до 4000 человек, в том числе 2000 конников) у Ла-Виктории (этот день в Венесуэле отмечается как День молодежи)[2], и его орда была принуждена оставить Окумаре, на улицах которого республиканцы обнаружили более 300 трупов. Исход боя решило неожиданно подошедшее к республиканцам подкрепление в составе 220 кавалеристов во главе с Кампо Элиасом.

Боливар наградил Риваса почетным титулом «Победитель Тиранов».

Однако Бовес быстро перегруппировал свои силы (в добровольцах по-прежнему недостатка не было) и возобновил наступление на Каракас. Но ему нанес серьезный урон Мариньо в битве у Бокачико. Бовес снова отошел в льянос и быстро вынырнул оттуда с еще большим войском. Боливар явно недооценивал Бовеса, которого он считал скорее бандитом, чем полководцем. Поэтому

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 66.

[2] Отмечается с 12 февраля 1947 года.

Освободитель разделил свою армию на несколько частей, и отправил их бить испанцев в разные районы Венесуэлы. Он полагал, что для усмирения оборванцев Бовеса вполне хватит 2-3 тысяч солдат. Точно также в свое время римляне недооценили Спартака.

15 июня 1814 года Бовес и Боливар сошлись в сражении у Ла-Пуэрты. У республиканцев было примерно 3 тысячи бойцов (есть сведения и о четырех тысячах), из которых конницы было всего 700 человек, а также 7–9 пушек. Под началом Бовеса находилось более семи тысяч солдат и офицеров, в том числе до 5 тысяч кавалеристов-льянерос.

Интересно, что накануне решающего сражения Боливар временно оставил армию и уехал в Каракас за подкреплениями. Войска республиканцев возглавил Мариньо.

Мариньо выстроил свои части в слаженный боевой порядок по всем законам тогдашнего военного искусства. А вот у Бовеса никакого построения вообще не наблюдалось. Отряды его пехоты при поддержке конницы то наступали, то отходили, нащупывая слабые места в боевом строю противника. Сами республиканцы не понимали, кого же им атаковать: ведь сомкнутых колонн врага перед ними не было. В середине боя прибыл Боливар с 800 утомленными маршем солдатами, и республиканцы решили, что численное превосходство теперь за ними. Тем не менее, Боливар решил отойти на новые, более выгодные позиции. Но Бовес решил не допустить этого и бросил в атаку свой элитный резерв — Дьявольскую дивизию. Республиканцы ответили артиллерийским огнем, и сражение приобрело, наконец, характер всеобщего боя двух противоборствующих армий.

Через час Бовес приказал начать притворное отступление своей пехоты и как он и предполагал, республиканцы бросили в преследование кавалерию. И тут на нее неожиданно с трех сторон обрушилась конная лавина льянерос (до 4 тысяч). С конницей республиканцев было быстро покончено и «венесуэльские казаки» ринулись на пехоту противника. Через полчаса все было кончено — остатки республиканцев в панике бежали с поля боя. Вместе с Боливаром в Каракас вернулось всего около 800 человек[1]. Бовес захватил всю артиллерию и более 3 тысяч ружей. «Аттила» хвалился, что его бойцы убили более 2600 человек (хотя на самом деле, видимо, в два раза меньше). Но, так или иначе, разгром республиканцев был полным и неоспоримым.

19 июня 1814 года Бовес осадил Валенсию, хотя мог бы двинуться и прямо на Каракас. Город защищал солидный гарнизон из 1500 республиканцев, при поддержке 22 пушек. Тем не менее, после ожесточенных боев Валенсия 8 июля капитулировала. Бовес устроил в городе массовую резню, хотя обещал сохранить жизнь сдавшимся и их семьям. В Валенсию прибыл испанский фельдмаршал Кахигаль, но Бовес отказался ему подчиниться. Вождь льянерос ска-

[1] URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Segunda_Batalla_de_La_Puerta

зал испанскому полководцу: «Я вернул оружие и славу знамен, которые Ваше превосходительство потеряли при Карабобо».

Если бы Боливар был бы в тот момент политически более дальновидным и провел бы в республике социальные реформы в пользу обездоленного цветного населения, то Бовес с удовольствием повернул бы свое оружие против испанцев и республика была бы спасена. Но для Боливара это означало бы ссору со своим «образованным классом» — богатыми помещиками-креолами, и он пока не пошел на это.

После разгрома при Ла-Пуэрте Боливар понял, что дело республики проиграно и решил оставить столицу, отступая на восток в районы, которые контролировал Мариньо. Освободитель считал, что защищать Каракас с 1500 солдатами против 5 тысяч упоенных победой всадников Бовеса не имело никакого смысла. 16 июля 1814 года «Аттила» занял Каракас, и все белое население города во главе с Боливаром бежало на восток в районы, которые еще удерживал Мариньо. В этом поступке был смысл — Бовес направил новому роялистскому коменданту Каракаса лаконичное послание: «Через двадцать дней я буду в столице. Если найду в живых хотя бы одного патриота, снесу Вам голову. Ваш покорный слуга Бовес»[1].

Всем захваченным живыми сторонникам республики Бовес велел выжигать на лбу латинскую букву «P» (то есть «Patriot»). 18 августа 1814 года силы республиканцев под командованием Боливара были опять разбиты, хотя Бовес потерял две тысячи из 10 тысяч своих бойцов.

К счастью Боливара Бовеса убил копьем 5 декабря 1814 года один из патриотов. Но судьба второй венесуэльской республики была решена. Преемником Бовеса стал не менее жестокий командир Моралес. Он любил поджаривать пленных на медленном огне и потрошить беременных женщин. После гибели Бовеса Моралес инсценировал среди своих командиров голосование по избранию нового предводителя роялистских отрядов. Семь человек высказались за маршала Кахигаля и Моралес немедленно их расстрелял.

Между тем утомленные чередой неудач республиканские командиры во главе с Ривасом и Пиаром арестовали и Боливара и Мариньо. Однако через пару дней командиры передумали судить вождей республики и разрешили им уехать в эмиграцию.

Патриоты стали снова собирать свои силы на востоке Венесуэлы, в прериях и на Антильских островах. 8 сентября 1814 года Боливар и Мариньо отплыли в Новую Гранаду, в крепость Картахену, оставив все силы республиканцев на востоке Венесуэлы на попечение Пиара и Риваса.

Между тем в далекой Испании король Фердинанд VII решил, что пора заканчивать с недоразумениями в далеких колониях и отправил туда на подавление беспорядков одновременно самого опытного и самого молодого полководца испанской армии Пабло Морильо, которого в 37 лет сделали для пущей

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 69.

важности генералом. Морильо был зачислен кадетом в морскую пехоту в 13 лет и начинал простым матросом, стал сержантом в битве при Трафальгаре, где испанцы вместе с французами сражались против британского адмирала Нельсона. Вступил с испанскую армию в 1808 году в звании младшего лейтенанта и отличился во многих боях против французов.

Морильо дали примерно 10 тысяч солдат и офицеров, закаленных в боях против Наполеона. Официально его армию величали «Умиротворительной экспедицией». Сначала Морильо хотели направить на подавление беспорядков в провинции Ла-Платы (современная Аргентина), но так как война в Венесуэле отличалась наибольшим ожесточением, экспедиционные войска отплыли именно туда. Испанцы на 65 кораблях, из них 18 боевых (не считая вспомогательных судов), вышли из Кадиса 15 февраля 1815 года. Это была самая крупная боевая экспедиция, когда-либо покидавшая испанские берега.

Но когда Морильо прибыл в Венесуэлу, он выяснил, что эта страна уже приведена в повиновение за исключением маленького острова Маргарита, который тоже, впрочем, быстро сдал его командующий Арисменди.

В этой связи Морильо решил подавить последний очаг сопротивления в Новой Гранаде.

Туда же, в крепость Картахену, прибыл и Боливар. Он просил новогранадский конгресс дать ему возможность организовать новую армию для повторного похода на Венесуэлу. Но в конгрессе Новой Гранады у Боливара было уже и много противников. Военные неудачи никогда не содействуют росту авторитета полководца. Многие депутаты обвиняли Боливара в том, что его неоправданная жестокость, в том числе знаменитый декрет о войне насмерть, оттолкнула от него население Венесуэлы. Но на счастье Боливара из Венесуэлы в Новую Гранаду прорвалась одна «дивизия» разбитой республиканской армии во главе с Урданетой. Это сразу же укрепило положение Боливара: теперь он уже не был полководцем без армии.

Конгресс Новой Гранады заслушал Боливара, но поручил ему, прежде чем возобновить военные действия в Венесуэле, привести к покорности город Боготу (столица современной Колумбии), где против Новой Гранады держались роялисты. В декабре 1814 года войска Боливара после восьми месяцев боев и походов подошли к Боготе, и Боливар обратился с манифестом к жителям города: «Небо мне предназначило быть освободителем угнетенных народов, и так и будет, я никогда не стану завоевателем даже одного селения… Наша задача — объединить народ под единым руководством и направить все наши силы к достижению единой цели — обеспечить Новому Свету его право на свободу и независимость»[1]. Но боготанцев освобождение всего Нового Света поначалу мало интересовало — они больше слушали проповеди священников, называвших республиканскую армию воинством Антихриста. Однако население города все же встретило войска Боливара как освободителей.

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 73.

После этого успеха новогранадские власти поручили Боливару взять город Санта-Марта на карибском побережье недалеко от венесуэльской границы. Базой операции была крепость Картахена, но командующий тамошним гарнизоном, давний недруг Боливара Кастильо отказался предоставить ему необходимые подкрепления.

Пока шли препирательства, на горизонте замаячил лес мачт испанской армады Морильо. Боливар решил подать в отставку, чтобы не вносить в ряды новогранадских патриотов излишней сумятицы. 9 мая 1815 года он отплыл прямо под носом у испанцев на Ямайку.

Между тем больного, но не сломленного испанцами Миранду в самом начале 1814 года доставили с Пуэрто-Рико в кадисскую тюрьму Ла-Каррака, где он с железным ошейником сидел на цепи. Испанский кроль Фердинанд счел, что казнь будет для 64-летнего Миранды избавлением, он все еще надеялся, что неистовый венесуэлец раскается и попросит прощения.

Но Миранда не сдавался. Он пытался через друзей воздействовать на Англию, чтобы Лондон добился его освобождения. Но англичане в очередной раз остались к нему безучастны. Тогда друзья Миранды стали собирать 1000 фунтов на организацию побега в Португалию, а оттуда — на родину. С большим трудом деньги для подкупа охраны были собраны, хотя английский торговый дом «Робертсон, Белт энд компани» отказался выдать часть золотого запаса Венесуэлы, переданного ему на хранение Мирандой в 1812 году. Англичане попросту присвоили чужие деньги и были заинтересованы в том, чтобы их владелец никогда не вышел на свободу[1].

Тем не менее, к началу 1816 года деньги были собраны, но тут срочно понадобилось еще 300 песо. Этого подорванный заточением организм Миранды уже не выдержал. Герой борьбы за освобождение Латинской Америки скончался 14 июля 1816 года — в день взятия Бастилии. Тогда его гибель оплакивали не более 20 самых близких ему людей.

Между тем прибывшую в Венесуэлу армию Морильо встретили примерно 7 тысяч солдат Моралеса. Испанцы были поражены внешним видом «королевских войск» — это были негры и мулаты, часто в одних набедренных повязках.

В Венесуэле Морильо провозгласил амнистию и сформировал несколько батальонов из сдавшихся в плен республиканцев. Одновременно были ликвидированы гражданские суды, замененные военными трибуналами. Специальная хунта секвестра конфисковывала имущество всех богатых креолов, участников войны за независимость. Было отобрано более 300 поместий стоимостью 15 миллионов песо. Подозрительных в политическом отношении креолов изгоняли из местной администрации. Морильо говорил, что Испания не нуждается в умниках.

---

[1] Лаврецкий И. Р. Миранда. С. 252.

Через четыре месяца после своего прибытия в Америку Морильо с гордостью докладывал испанскому королю, что вся Венесуэла умиротворена. Это было не совсем так — в стране действовало несколько крупных партизанских отрядов, хотя они и не могли себе позволить сразиться с испанцами в открытом бою. Партизанам помогало то обстоятельство, что части армии Морильо были распылены по гарнизонам по всей Венесуэле и Новой Гранаде.

Между тем 18 августа 1815 года около 5 тысяч испанцев Морильо (часть войск были оставлены в Венесуэле) и примерно 3 тысячи венесуэльцев-роялистов начали осаду новогранадской крепости Картахена. В городе оборонялось примерно 2.5 тысячи солдат регулярных новогранадских войск и около 1000 добровольцев из местных жителей. Всего в городе находилось 18–19 тысяч человек, осажденные располагали 360 орудиями. В окрестностях крепости действовало еще примерно 700 новогранадцев.

Картахена была блокирована и с суши, и с моря, но, несмотря на начавшийся голод, новогранадцы держались стойко. После лошадей съели всех собак, кошек и крыс. Потом в ход пошли кожаная обувь, ремни и шкуры животных. Осенью прямо на улицах Картахены умирало по нескольку сотен людей в день.

Положение испанцев тоже было незавидным — 3600 солдат и офицеров Морильо лежало в госпиталях, сраженные болотной лихорадкой. Защитой крепости на втором ее этапе (с 17 октября 1815 года) руководил соратник Боливара венесуэлец Бермудес.

Новый глава обороны придал войне классовый характер. Для того, чтобы помочь голодающим бедным слоям, он распорядился конфисковать запасы продовольствия у богачей и пустил их в продажу по твердым ценам[1].

Произведенный испанцами 11–12 ноября штурм натолкнулся на умелое сопротивление, организованное венесуэльцем подполковником Сублетте. 130 его бойцов при помощи артиллерии отразили атаку 800 испанцев.

В конце ноября 1815 года осажденные выпустили из крепости примерно 2 тысячи стариков, женщин и детей, которых уже нечем было кормить. Защитников и так косили дизентерия и дистрофия. Но Морильо 4 декабря предъявил ультиматум — если крепость не капитулирует в течение трех дней, изможденных картахенцев отошлют обратно.

5 декабря 1815 года командование Каратхены решило прорвать морскую блокаду. На рассвете примерно 2 тысячи патриотов погрузились на 13 судов, 7 галер и вышли в море. Но не хватало опытных моряков, да и испанцы немедленно бросились в погоню. К тому же, как назло, стих ветер и штиль продолжался 12 часов[2]. Испанские береговые батареи и пушки 22 фрегатов как на учениях стали хладнокровно расстреливать флотилию республиканцев. Много людей погибло прямо на пущенных ко дну кораблях. Ночью начался сильный шторм, окончательно разметавший утлые суденышки защитников Картахены.

---

[1] Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости. М., 1976. С. 240.
[2] Там же. С. 244.

После разгрома в живых осталось всего 600 человек — часть была захвачена в плен, и только некоторым картахенцам на трех судах и одной галере удалось добраться до Гаити и Ямайки.

Гаити, бывшая французская колония, была в то время уникальным государством. Добившиеся там независимости чернокожие рабы не только смогли победить посланную на усмирение острова армию самого Наполеона, но и захватили восточную, испанскую часть острова. Именно на Гаити впервые в Америке было отменено рабство, что и обеспечило массовую поддержку республике среди ее чернокожего населения.

Во время 108 дней полной блокады Картахены в городе погибло 6 тысяч человек. 400 сдавшихся Морильо жителей были перебиты. На улицах города разлагались более трех тысяч трупов, и испанцам срочно пришлось хоронить их, чтобы избежать вспышки холеры — ведь Морильо и так потерял при осаде крепости около трети своей армии. Испанский король пожаловал своему генералу титул графа Картахенского. Устрашенный победами испанцев новогранадский конгресс фактически распался и Морильо, не встречая сопротивления, вошел в Боготу. Казалось, что дело независимости испанской Америки проиграно навсегда.

Но Морильо не обольщался на сей счет. Он писал королю, что восстание вновь может вспыхнуть в любой момент и предотвратить его может только жестокая военная диктатура: «Пусть королевский двор откажется от иллюзий: или мы будем рубить головы нашим врагам, или они нас уничтожат. Мы не должны оказывать снисхождения негодяям»[1].

Между тем Боливар на Ямайке, как и Миранда ранее, настойчиво просил Лондон оказать патриотам военную помощь. Он обещал англичанам в случае завоевания независимости различные коммерческие привилегии в Латинской Америке. Но британцы как обычно отмалчивались — они явно не верили в военное счастье Боливара.

Сам Освободитель много размышлял над причинами своего поражения и сделал верный вывод: борьба за национальную независимость должна одновременно носить характер и социальной революции. Надо объединить бывших сторонников Бовеса и образованную креольскую верхушку в единое целое и тогда испанцам несдобровать. После достижения независимости Боливар мечтал создать единое мощное латиноамериканское государство на базе объединения Новой Гранады и Венесуэлы (а в идеале еще и Перу, и Эквадора). Название новой державы уже было придумано — Великая Колумбия.

С помощью своего соратника Бриона[2] Боливар смог закупить в Англии 14 тысяч комплектов оружия. Боливар просил Бриона перебросить его в оса-

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 80.

[2] Луи Брион родился в нынешней Бельгии, но в 1777 году его семья перебралась на голландский остров Кюрасао в Карибском море. В 1794 году Брион вернулся в Голландию и принял участие в борьбе революционных войск Батавской республики (учрежденной в Голландии французами) против англичан. Был взят в плен англичанами, потом вернулся на Кюрасао, но после оккупации этого острова британцами бежал в США, где занялся бизнесом.

жденную Картахену, но уже в пути пришло известие о падении города. Тогда Боливар приказал капитану повернуть на Гаити. Многие сочли этот приказ безумием — ходили слухи, что на Гаити убивают любого белого. Но Боливар не ошибся в расчетах. Когда он в декабре 1815 года прибыл в республику бывших рабов, его немедленно принял президент Гаити Петион, обещавший помощь в организации десанта на венесуэльский берег. Но при этом гаитянец поставил условие — Боливар должен был отменить рабство на освобожденных территориях.

Боливар твердо обещал сделать это. К тому времени он и сам понял, что без социальных реформ завоевать независимость не удастся. Своих собственных рабов Боливар освободил еще раньше.

Постепенно на Гаити собралось несколько сот эмигрантов из Венесуэлы и на совете командиров Боливара выбрали верховным главнокомандующим (хотя многие офицеры были против), а Мариньо — его заместителем. Брион был назначен командующим флотом, собственно собранным на его же деньги.

2 мая 1816 года десант патриотов в составе 250 человек (на семи кораблях везли 3500 ружей для добровольцев) прибыл на венесуэльский остров Маргарита, где к Боливару присоединился комендант острова Арисменди. Пополнив свой отряд, Боливар напал на венесуэльский порт Карупано и после двухчасового боя захватил его. Там он торжественно провозгласил освобождение рабов, но массового притока чернокожих невольников в его армию на первых порах не было. В Карупано в отряд Боливара вступило всего 200 негров.

Боливар объявил также и о прекращении «войны насмерть», если и испанцы будут проявлять гуманность по отношению к пленным. Но испанцы не собирались церемониться с патриотами, и война приобрела обычный жестокий характер.

Из Карупано Боливар отправил Мариньо вглубь страны, чтобы тот поднял восстание льянерос. Испанцы между тем окружили Карупано и Боливар решил перебраться в соседний город Окумаре. Но Морильо разгадал его маневр и обрушился на Боливара. Бросив свою маленькую армию, Боливар был вынужден вернуться на корабль, а потом — на Гаити. Остатки его отряда во главе с Пиаром смогли пробиться на юг, в прерии. Мариньо двинулся на востоке Венесуэлы, где он по-прежнему пользовался популярностью.

С Гаити Боливар опять высадился на венесуэльском берегу в городе Барселона, который контролировал Мариньо. Произошло это 31 декабря 1816 года. Боливар уведомил всех командиров республиканских отрядов, что принимает на себя верховное командование. Ни у Мариньо ни у Пиара это не вызвало особого воодушевления — они считали, что имеют куда больше военных заслуг. Ведь недавно Пиар разбил войска преемника Бовеса Моралеса. Без этой победы роялисты смогли бы занять Барселону, и на этот раз Боливар мог бы и не успеть снова бежать на корабль.

Неожиданно Боливар объявил о намерении пробиваться на юг, в льяносы, вотчину своего смертельного врага Бовеса. Там в районе реки Ориноко

укрепился Пиар. От испанцев этот район отделяли джунгли, болота и широкие реки. Там можно было создать базу для накапливания сил. Тем более мулат Пиар признал Боливара верховным вождем.

Весной 1817 года республиканцы осадили важный опорный пункт испанцев город Ангостура. Испанцы бросили на помощь гарнизону полуторатысячный отряд Мигеля де ла Торре, который, однако, был разбит Пиаром. После этого Ангостура сдалась, и в августе 1817 года Боливар стал хозяином востока Венесуэлы.

После этого Боливар неожиданно обвинил Пиара в заговоре, арестовал его и 16 октября 1817 года один из лучших генералов республиканской армии был расстрелян как предатель[1]. Пиар был возмущен тем, что все командные посты в республиканской армии занимают только белые. Боливар в свою очередь не хотел терпеть в своей армии никакой расовой пропаганды. Он говорил: «Сам генерал Пиар являл собой неопровержимый пример завоевания… равенства»[2].

Когда суд под началом Бриона приговорил Пиара к смертной казни, все были уверены, что Боливар заменит смерть более легким наказанием. Но Боливар считал смерть Пиара политической необходимостью, средством объединения всех командиров под его началом. Действительно, после казни Пиара Мариньо безоговорочно признал верховенство Боливара.

Пиар встретил казнь мужественно, он отказался надеть на глаза повязку и дважды срывал ее. Когда ему завязали глаза в третий раз, он разорвал на груди рубашку, обнажая грудь.

Тем временем, из Новой Гранады в Венесуэлу вернулся покоритель Картахены Морильо. Он попытался отбить остров Маргарита у Арисменди (которого когда-то пощадил), но атака испанцев была отбита, причем с большими потерями (1000 убитых и 700 раненых). Зато успех сопутствовал испанцам на востоке Венесуэлы. Там с моря высадился трехтысячный отряд генерала Кантерака, оттеснивший силы Мариньо. Но на юге страны в прериях появились мощные силы льянерос во главе с Хосе Антонио Паэсом и на этот раз «венесуэльские казаки» сражались против испанцев. Проблемой Боливара было то, что все отряды республиканцев были разрознены.

Освободитель объявил о поголовной мобилизации в армию республики всех юношей в возрасте от 14 до 16 лет, за неповиновение грозил расстрел. Такими драконовскими мерами Боливару удалось увеличить свою армию до 5 тысяч человек, хотя боеспособность ее была весьма сомнительной.

31 декабря 1817 года Боливар выступил из Ангостуры на юг и 30 января 1818 года соединился с Паэсом. Чтобы завоевать симпатии настороженно относившихся к богатым креолам льянерос, Боливар сидел с ними у костра и распевал народные песни под гитару. На глазах у солдат он со связанными руками переплыл Ориноко. Зная, как любят льянерос своих коней, Боливар лично уха-

[1] Линч Дж. Революции в Испанской Америке 1808–1826. М., 1979. С. 222.
[2] Там же.

живал за своей лошадью. На спор с одним офицером Боливар встал на спину лошади и сделал сальто через ее голову — правда, первый раз он приземлился не на ноги, а по собственным словам, «ударился таким местом, что неловко сказать»[1].

Паэс был на семь лет моложе Боливара и происходил из семьи мелкого колониального чиновника, уроженца Канарских островов. В юности он убил человека (на него напали четыре бандита) и бежал в прерии. Там Паэс стал работать пастухом-поденщиком и превратился в настоящего льянеро. Под руководством негра-управляющего он укрощал диких лошадей, научился мастерски метать лассо. В конце рабочего дня он мыл своему боссу-негру ноги. В 1810 году Паэс сначала стал кавалеристом роялистов, затем примкнул к республиканцам в звании сержанта. Дослужился до капитана, был захвачен в плен испанцами и только чудом избежал расстрела. Вместе с дивизией Урданеты в 1814 году он отступил в Новую Гранаду, затем с тремя сотнями всадников начал партизанскую войну в прериях.

Ковбои боготворили Паэса как когда-то Бовеса. Обладавший большой физической силой Паэс мастерски орудовал своим копьем, на котором был прикреплен черный флажок с черепом и скрещенными костями. Популярности ему добавлял и тот факт, что его помощником был негр Педро Камехо — которого за огромный рост прозвали «Первым негром республики». В армии Паэса (у него было до 40 тысяч лошадей) были и полудикие индейцы, которые перед боем прокалывали себе язык и мазали кровью лицо. Паэс, не имевший никаких расовых предрассудков, присвоил одному индейскому вождю звание генерала.

Многие бывшие бойцы Бовеса и Моралеса перешли под знамена Паэса и тоже называли его «кентавром прерий» и «батей». Паэс не знал поражений и в январе 1817 года разбил четырехтысячный отряд испанского генерал де ла Торре.

Как и Бовес Паэс обещал своим бойцам часть имущества, конфискованного у врагов республики, и Боливар подтвердил это своим декретом от 10 октября 1817 года, приказав раздавать солдатам землю. Генерал получал право на собственность стоимостью 25 тысяч песо, полковник — 10 тысяч, капитан — 6 тысяч, сержант — тысячу, солдат — 500 песо[2].

Соединившись с Паэсом, Боливар двинулся с юга на Каракас, пытаясь повторить победу Бовеса образца 1814 года. На столицу шло примерно 4 тысячи республиканцев, в том числе 1000 кавалеристов-льянерос. Морильо был вынужден оставить город Калабосо, где 12 февраля 1818 года его войска потерпели от Боливара серьезное поражение. Правда, у Боливара было примерно в два раза больше солдат, чем у Морильо (5 тысяч против 2300).

---

[1] Харви Р. Освободители. М., 2004. С. 204.
[2] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 98.

До столицы было уже подать рукой. Но ковбои отказались покидать свои прерии. К тому же они, как и русские казаки, были очень неравнодушны к чужому имуществу и часто предпочитали грабеж боевым действиям.

25 марта 1818 года Морильо нанес поражение Боливару у того же самого городка Ла-Пуэрта, где Освободителя в 1814 году разбил Бовес. Боливар потерял более тысячи человек, весь обоз и даже свои личные бумаги. Пришлось опять отступать на восток в Ангостуру. Таким образом, компания 1818 года никаких результатов не принесла.

Возникли большие сложности с пополнением армии. Население устало от почти десятилетней войны и всячески уклонялось от призыва. Тогда Боливар решил сделать ставку на европейцев. В Европе после поражения Наполеона было много безработных ветеранов, готовых за хорошую плату рискнуть жизнью. Боливар предложил добровольцам единовременно 20 долларов при подписании контракта, довольствие по нормам английской армии во время службы и премию в 500 долларов после окончания войны. Представитель Освободителя в Англии Лопес Мендес развернул активную вербовочную деятельность и позднее Боливар говорил, что без этого человека победа была бы невозможна.

Помимо идейных борцов за свободу (в Венесуэлу одно время хотел поехать, например, Байрон) среди набранных Лопесом Мендесом легионеров было много авантюристов, любителей легкой наживы и лиц, которые были не в ладах с законом. Когда наемники (в основном англичане) прибыли в Ангостуру, они были потрясены — вместо большого города, которым им рисовалась временная столица Венесуэлы, их взорам предстал пыльный и грязный поселок без всяких светских развлечений. С едой тоже было явно не так как в Европе — ели вареную кукурузу и жареное мясо, соли и специй не было. Часть легионеров сразу уплыла обратно, другие пьянствовали, продавая купленные для них Боливаром мундиры.

Сам Боливар, чтобы опять упрочить свое положение после явно неудачной компании 1818 года, созвал в Ангостуре в феврале 1819 года конгресс Венесуэлы, в котором, несмотря на пышное название участвовало всего 26 депутатов. Боливар предложил принять новую конституцию, по которой создавалась бы сильная исполнительная власть. По английскому образцу верхнюю палату парламента — сенат — Боливар предложил сделать наследственной. Инициировал Освободитель (явно из античного опыта Римской республики) и создание «четвертой власти» в лице моральной контрольной палаты, которая фактически могла бы по соображениям нравственности исключить любого гражданина из общественной жизни.

Многие командиры республиканцев всегда подозревали Боливара в бонапартизме и стремлении установить личную диктатуру. Поэтому антидемократические положения конституции в конгрессе (где заседало много командиров) не прошли. Но зато Боливар добился своего утверждения президентом Венесуэлы и теперь уже явно отличался по статусу от других военачальников

республики. Позднее он говорил, что конгресс в Ангостуре окончательно похоронил всех его политических противников[1].

Пока, правда, президент Венесуэлы не контролировал и половины своей страны.

В феврале 1819 года Боливар во главе иностранных наемников опять отправился в прерии на соединение с Паэсом. У него возник новый стратегический план. По прериям (т. е. по дружественной территории) Боливар намеревался стремительно вторгнуться в Новую Гранаду (не так разоренную войной, как Венесуэлы). Там, на огромных просторах от Картахены до Кито (современная столица Эквадора), в многочисленных гарнизонах была распылена 10-тысячная испанская армия. При стремительности вторжения Боливар рассчитывал разбить мелкие отряды испанцев по частям. У Морильо при этом возникал сложный выбор — либо спешить на помощь Новой Гранаде и тем самым отдать Венесуэлу Паэсу либо безучастно взирать на уничтожение испанского владычества в соседнем государстве.

План был всем хорош, кроме того, что предстояло пройти сотни километров по безжизненным затопленным водой прериям, а потом сразу же перевалить через высоченные Анды. 23 мая 1819 года в индейской хижине на берегу реки Апуре состоялся военный совет. Генералы республики восседали на черепах животных. Командир английских добровольцев полковник Рук первым поддержал новогранадский план Боливара — понятно, что европейцам было все равно где воевать. К Руку присоединились и остальные офицеры. В Венесуэле был оставлен Паэс с указанием не допускать похода Морильо на Новую Гранаду.

27 мая 1819 года армия Боливара двинулась на запад. Почти неделю люди брели по пояс в воде. Непривычных к местному климату иностранцев косила лихорадка. Боливар подбадривал своих бойцов, говоря, что там, где проползет кобра, должен пройти и солдат-республиканец. Во время перехода по прериям погибло большинство мулов и лошадей. К Андам подошло примерно 2500 измученных солдат и офицеров.

Боливар избрал для перехода через Анды самый высокогорный перевал Писба (3960 метров над уровнем моря). Только там не было испанского сторожевого отряда. Не успев отправиться от кошмара затопленных льянос, солдаты Боливара очутились на высокогорье, где их мучили холода и горная болезнь. Люди засыпали на ходу, теряли от перепада высот зрение и слух и даже сходили с ума. Командиры подгоняли ослабевших ударами прикладов. В горах пришлось бросить все пушки[2].

Сам Боливар ехал на муле в изорванной генеральской форме. 6 июля 1819 года изнуренные республиканцы наконец-то спустились с Анд. В пути погибли или дезертировали полторы тысячи человек. Но стратегическая внезап-

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 107.

[2] Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости. С. 280.

ность была достигнута — испанцы до сих пор считали, что Боливар кочует по венесуэльским прериям.

Боливар принуждением заставлял местных жителей пополнять ряды своей армии. В горах нашли брошенные пушки. 25 июля 1819 года двухтысячная армия Боливара сошлась в бою с тремя тысячами испанцев под командованием генерала Баррейро у болот Варгас. Испанцы спешили на выручку Боготе. Битва шла целый день и завершилась вничью. Испанцы потеряли 500 человек убитыми и ранеными, и не решились на следующий день возобновить наступление. Республиканцев погибло в пять раз меньше и в их руки попали 1200 ружей.

28 июля Боливар опубликовал декрет о всеобщей воинской повинности для мужчин от 15 до 40 лет. Было сформировано два новых батальона, но для остальных новобранцев не хватало оружия.

7 августа 1819 года 2,5 тысячи республиканцев (по другим данным — более трех тысяч) настигли отступавшую испанскую армию (примерно 3 тысячи солдат и офицеров) у реки Бояка. Войска Боливара захватили мост и отрезали врагу путь к отходу. Через два часа боя (он шел в полной тишине — дрались одним холодным оружием) испанцы потерпели поражение. Хотя испанцев погибло всего около сотни, но выход в их тыл частей Боливара посеял среди роялистов панику и 1600 человек сдались в плен, включая самого Баррейро. Бегством спаслось всего 50 человек. Среди республиканцев было лишь 13 убитых. В честь победы у Бояки Боливар учредил специальный орден.

После этого сражения вся Новая Гранада попала в руки армии Боливара, и 10 августа 1819 года Освободитель торжественно вступил в Боготу. Его приветствовали толпы людей. В Боготе была объявлена мобилизация, имущество сторонников испанского короля было конфисковано. Все рабы были освобождены, и Боливар сразу же призвал их в армию. Власть Боливара признали десять провинций Новой Гранады с населением в 1 миллион человек (во всей Венесуэле в то время жило около 800 тысяч человек). Однако на юге современной Колумбии и в Эквадоре еще держались роялисты.

Вся новогранадская кампания продлилась 75 дней. Морильо с горечью сообщал в Мадрид: «…В один день Боливар разрушил плоды пятилетней кампании испанцев и одной победой возвратил себе все то, что армия короля отвоевала в многочисленных сражениях»[1].

В сентябре 1819 года Боливар вернулся в Венесуэлу, поручив своему генералу Сантандеру управление Новой Гранадой. 17 декабря 1819 года венесуэльский конгресс провозгласил объединение Венесуэлы и Новой Гранады в Республику Колумбия. Сам Боливар был избран президентом нового государства.

Между тем до колоний дошли ужасные слухи о том, что в испанском порту Кадис сконцентрирована громадная армия для переброски в Южную Америку. Это известие так взбодрило роялистов Новой Гранады, что тем уда-

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 98.

лось сформировать на юге страны пять корпусов и перейти в контрнаступление. В Кадисе между тем действительно собралось около 20 тысяч пехотинцев, 3 тысячи кавалеристов и 100 орудий.

Боливар базировался в небольшом городке Кукута на границе между Новой Гранадой и Венесуэлой, чтобы иметь возможность быстро выдвинуться как на восток, так и на запад в зависимости от места высадки испанской экспедиционной армии.

Но тут Освободителю несказанно повезло. 1 января 1820 года собранные в Кадисе испанские войска восстали и это восстание переросло в революцию. Король Фердинанд был фактически отстранен от реальной власти, и была возвращена прогрессивная конституция 1812 года. Новое правительство Испании поручило Морильо вступить в переговоры с республиканцами на базе конституции 1812 года. Даже пришедшие к власти в Мадриде испанские либералы все еще надеялись, хотя и мирным путем, сохранить колонии в составе испанского государства.

Известия об испанской революции дошли до колоний только к лету 1820 года, и 26 ноября 1820 года испанцы и республиканцы подписали перемирие на 6 месяцев. Впервые в официальном документе со стороны испанцев была упомянута Колумбия — то есть противника признали не мятежниками, а полноправной воюющей стороной.

Морильо встретился с Боливаром и был поражен внешним видом своего грозного и упорного противника: «Как! Этот человечек в синем сюртуке, в треуголке, восседающий на муле, — Боливар?»[1]

Морильо по традициям кастильского этикета устроил для Боливара банкет и предложил заложить камень для будущего монумента дружбы народов Испании и американских территорий. Боливар не остался в долгу и уклончиво ответил: «Такой монумент должен быть высечен из бриллиантов и украшен гиацинтами и рубинами, но он уже выстроен в наших сердцах»[2].

Освободитель произнес тост за мужество бойцов обеих армий. Он говорил о безграничном восхищении Испанией, но твердо дал понять — ничто кроме независимости Колумбию уже не устроит.

Перемирие республиканцы использовали для отдыха и наращивания сил, тем более, что боевой дух испанцев из-за беспорядков на их родине постоянно падал. Уже никто не ожидал прибытия в колонии новых испанских подкреплений.

Через две недели после заключения перемирия испанское правительство отозвало Морильо, что вселило уныние в сердца солдат и офицеров испанской армии. Многие офицеры роялистов из местных жителей поспешили перейти на сторону вероятного победителя.

---

[1] Лаврецкий И.Р. Боливар. С. 121.
[2] Там же. С. 122.

В январе 1821 года Боливар приехал в Боготу и стал готовиться к решающей схватке с новым испанским командующим генералом Мигелем де ла Торре, который был женат на дальней родственнице Боливара.

В марте 1821 года Боливар обратился к де ла Торре с фактическим ультиматумом, требуя подписания окончательного мира на условиях признания независимости Колумбии. Освободитель теперь мог позволить себе говорить с позиции силы — под его командованием было 6.5 тысячи бойцов, против пяти тысяч у испанцев.

Война возобновилась еще до окончания срока перемирия — 20 апреля 1821 года открыл боевые действия испанский губернатор Картахены. Но решающее сражение произошло 24 июня 1821 года в долине Карабобо. 7 тысяч республиканцев (в том числе 1200 англичан, 2500 кавалеристов) атаковали 4 тысячи испанцев, у которых регулярной кавалерии не было (кроме ненадежных отрядов льянерос).

Боливар бросил часть войск для обхода испанцев с фланга, но де ла Торре разгадал этот маневр и также направил часть своих войск для отражения этого удара, что испанцам и удалось с помощь грамотно организованного ружейного огня. Венесуэльская пехота отошла, но англичане и немцы не сделали ни шагу назад. Из всех республиканских потерь в сражении (примерно 200 человек) на долю иностранцев пришлась половина. В решающий момент конники-льянеро на стороне испанцев бежали с поля боя и республиканская конница (льянеро Паэса) с пиками на перевес ударила по центру боевого порядка испанцев. Испанцы образовали каре и мужественно отбивали кавалерийские атаки. Однако, в конце концов, их сопротивление было сломлено и поражение превратилось в полный разгром. В прибрежную крепость Пуэрто-Кабельо смогло вырваться только 400 испанцев.

Фактически исход решающей битвы за освобождение Венесуэлы решил Паэс, получивший за Карабобо звание генерала. В бою погиб помощник Паэса и «первый негр республики» Камехо. Паэс увидел, как его любимец медленно подъехал к нему на коне. «Что ты здесь разгуливаешь?» — недовольно спросил он Камехо. «Мой генерал, я приехал проститься с вами. Я убит»[1]. После этих слов смертельно раненый Камехо вместе с раненым конем рухнул на землю.

29 июня 1821 года Боливар, наконец, вступил в Каракас, который он покинул в 1814 году. 10 ноября 1821 года сдалась крепость Пуэрто-Кабельо.

Но похоже, что мир испугал Боливара больше, чем война. Венесуэла находилась после 10–летнего ожесточенного конфликта в ужасном состоянии. Из 800 тысяч населения погибло примерно 100 тысяч. Много испанцев и сторонников короля, среди которых были и толковые чиновники, и предприниматели, предпочли эмигрировать. Население Каракаса снизилось с 32 000 человек в 1810 году до 11 720 в 1815.

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 124–125.

Поголовье скота — основного экспортного и внутреннего товара Венесуэлы — сократилось с 4.5 миллионов голов в 1812 году до 256 тысяч в 1823 году[1]. Экспорт двух других товаров венесуэльского вывоза — кофе и какао — упал в 1810–1816 гг. в 4 раза.

Денежное обращение отсутствовало, и армия месяцами не получала никакого жалования — Боливар, как упоминалось, обещал рассчитаться после войны. Но за счет кого? Если солдатам и офицерам причитались деньги или земля, то откуда их можно было взять? Только у богатой креольской верхушки. Но та ведь тоже была за республику и сама страдала от многочисленных реквизиций испанцев.

Половину населения Венесуэлы составляли черные и мулаты. Боливар обещал отмену рабства, и рабы в массовом порядке бежали с плантаций. Именно они и льянеро (среди которых было также много мулатов) принесли победу республиканской армии. Естественно, что они хотели выполнения обещаний своего главнокомандующего — личной свободы, да еще и земли. Но предоставление рабам свободы означало крах всей тогдашней плантационной экономики Венесуэлы — ведь именно рабы обрабатывали плантации кофе, какао и табака. Получи они землю — они был стали выращивать отнюдь не эти технические культуры, а кукурузу себе на пропитание. Это означало гибель экспорта и соответственно полное государственное банкротство, так как страна жила за счет таможенных пошлин — налогов никто не платил. Да и никакого учета собственности и доходов в стране просто не существовало. Наконец, чем платить? Ведь твердых денег, пользующихся доверием населения, в независимой Венесуэле не было. Испанская валюта была обеспечена золотом и серебром с мексиканских и перуанских рудников. Но Мексика стал независимой, а Перу все еще контролировала сильная испанская армия. В самой Венесуэле золота и серебра не было.

Дефицит бюджета в Венесуэле в 1825 году составил 9 миллионов песо, и жалованье служащим выплачивалось только из средств, полученных в долг от Англии[2].

Политическая обстановка в освобожденной Венесуэле была еще более запутанной.

Во-первых, формально не существовало еще и самой Венесуэлы, а была Колумбия, куда помимо родины Боливара входила еще и Новая Гранада. Причем последняя была экономически более мощной и меньше пострадала от войны. Многие в Венесуэле опасались, что в независимом государстве будут доминировать новогранадцы. В Новой Гранаде тоже не хотели союзного государства. Там не желали спонсировать восстановление разоренной Венесуэлы, а самого Боливара считали чужаком, который хотел установить личную диктатуру, опираясь на штыки. Все образованные люди Новой Гранады тайком или откры-

[1] Линч Дж. Революции в Испанской Америке 1808–1826. С. 231.
[2] Там же.

то сравнивали Боливара с Наполеоном или Юлием Цезарем. Никаких прочных внутренних связей между Новой Гранадой и Венесуэлой не было — обе страны экспортировали на мировой рынок одни и те же товары.

Во-вторых, в Венесуэле было много генералов, считавших себя отнюдь не менее крупными фигурами, чем сам Боливар. К их числу относились, прежде всего, Паэс и Мариньо. Причем основания у этих людей на большое самомнение действительно были. Каждый из них потерпел, пожалуй, даже меньше поражений, чем Боливар, а льянеро Паэса решили исход главного сражения всей войны за независимость. Генералы опирались на войска, преданные лично им, а не эфемерной и существовавшей на бумаге Колумбии. В любой момент против Боливара мог вспыхнуть вооруженный мятеж.

Генералы-победители активно обогащались — они за бесценок скупали у своих голодных и раздетых солдат боны на землю, обещанную Боливаром, и присваивали себе, таким образом, огромные поместья.

Боливар требовал, чтобы солдатам давали землю в натуре, но вставал все тот же вопрос — где ее взять, не затрагивая интересов креольской верхушки. Неудивительно, что Боливар опасался мощного восстания в армии. Еще больше Освободитель боялся, что опять восстанут льянеро, которые один раз уже наголову разбили его в 1814 году. Боливар так писал о своей дилемме: «Эти люди, которые длительное время воевали; они считают, что много заслуживают, в результате разочарованы и чувствуют себя униженными; они потеряли надежду на получение того, что завоевали своими копьями... Я держу себя с ними с большим уважением, но этого недостаточно, чтобы пробудить у них доверие и откровенность…Вы можете не сомневаться, что мы находимся над пропастью или, скорее, над вулканом, извержение которого вот-вот должно начаться. Я боюсь больше мира, чем войны»[1].

Социальные взгляды Боливара были похожи на взгляды всех прогрессивных либералов того времени. Абстрактно Боливар был за равенство и демократию, но считал простой народ пока недозревшим до государственного управления. С его точки зрения власть должны были осуществлять только образованные люди, а таковые в то время могли быть только очень богатыми. Идеалом Боливара одно время была конституционная монархия Англии, державшая чернь в узде, но в то же время более демократичная, чем все тогдашние государства Европы. Правда, слово «монарх» или «король» в Латинской Америке того времени были ругательными так как ассоциировались со зверствами испанских королевских войск. Поэтому Боливар постоянно говорил о пожизненном президенте. Но все считали, что он хочет видеть на этом посту только себя, то есть руководствуется не принципиальными, а личными мотивами.

Но «любовь» к Англии была у Боливара еще и принципиальным внешнеполитическим моментом. Освободитель не сомневался, что США захотят подчинить себе Латинскую Америку в той или иной форме. Этому можно было

[1] Линч Дж. Революции в Испанской Америке 1808–1826. С. 234.

противостоять, опираясь только на военную мощь Англии, которая явно не хотела доминирования в бывших испанских колониях своих бывших американских колоний. Отношения у Великобритании с Америкой были очень натянутыми, а в 1812–1815 гг. эти страны даже опять воевали между собой. США патетически окрестили эту войну «второй войной за независимость».

Боливар ждал от Англии не только возможной военной помощи против агрессивных поползновений США, но и кредитов, без которых было сложно восстановить в молодых государствах Южной Америки нормальное денежное обращение.

Образованный после разгрома Наполеона в Европе контрреволюционный Священный Союз в составе России, Франции, Австрии и Пруссии вообще отказывался признать республиканские режимы в Латинской Америке и был готов помочь Испании взять реванш. Испанцы были не прочь вновь попытать военное счастье, опираясь на богатое золотом и серебром Перу, которое еще удерживала испанская армия. К тому же за Испанией остались важные военно-морские базы на Кубе и Пуэрто-Рико.

Поэтому перед Боливаром в 1821 году стояло две задачи: консолидировать политический режим на освобожденной территории и ликвидировать очаги испанского сопротивления в Южной Америке. А в перспективе освободить Кубу и Пуэрто-Рико, лишив испанцев даже призрачной надежды на реванш в Латинской Америке.

Обе задачи были архисложными. Новогранадская аристократия не хотела финансировать новые войны в далеком Перу. В Венесуэле денег не было. К политическим планам Боливара (особенно к пожизненному президентству) вся креольская верхушка относилась с максимальной настороженностью, подозревая Освободителя в диктаторских намерениях.

Но Боливар отличался, как мы помним, упорностью в достижении поставленных целей.

Еще до полной победы над испанцами, опираясь на авторитет своих собственных побед, Боливар принялся за государственное устройство освобожденной территории.

6 мая 1821 года в городке Кукута на границе Венесуэлы и Новой Гранады открылся конгресс (парламент) Колумбии. Упредив упреки своих противников в диктаторских поползновениях, Боливар прибегнул к опробованному ходу — попросил парламент принять его отставку. Он даже пригрозил уехать из Колумбии, если его выберут президентом. Как бы холодно не относились к Боливару его вчерашние соратники, они понимали — равнозначной политической фигуры на горизонте не наблюдалось. А менять коней на переправе в условиях наличия мощной испанской армии в Перу и роялистских восстаний на юге Новой Гранады никто не решился. Парламентарии стаи упрашивать Боливара остаться президентом. Ответ Освободителя был предсказуем: «…я готов вопреки своим желаниям, но в угоду вам пожертвовать собой и подчиниться

вашей воле. В таком случае не мешайте и не препятствуйте мне довести войну до победного конца»[1].

Это было требование карт-бланш, причем, прежде всего, в финансовом отношении.

20 августа 1821 года конгресс утвердил новую конституции, которую стали называть «конституцией Кукуты». Здесь идеи Боливара не прошли. Президент получился не пожизненным, а избираемым по американскому образцу на 4 года. Причем ему запрещалось совмещать функции верховного главнокомандующего и главы гражданской власти (это уж было явно направлено лично против Боливара). Если президент уезжал на войну, гражданская власть переходила к вице-президенту. Палату представителей и сенат (у них была законодательная власть) избирали коллегии выборщиков, как в США. Все кандидаты на государственные должности были обязаны иметь солидное имущество. Конгресс постановил — и это был еще один удар по Боливару — что конституцию нельзя менять в течение 10 лет.

Конгресс, состоявший из богатых помещиков, отказался подтвердить декрет Боливара военного времени об освобождении рабов. Была провозглашена лишь «свобода чрева» то есть все рожденные от рабынь становились свободными, но только по истечении 18 летнего возраста. До 18 лет этих людей должен был содержать рабовладелец, за что они должны были на него работать.

Боливар, освободивший своих рабов, был крайне недоволен всеми положениями конституции Кукуты. Он оценил ее как «похоронный звон Колумбии». Оставление в силе рабства означало, по сути, черную неблагодарность по отношению к цветному населению Венесуэлы, сыгравшему решающую роль в разгроме испанцев. Однако, не желая вносить раздор в стан республиканцев, Боливар присягнул конституции перед конгрессом.

В обмен конгресс неохотно предоставил Боливару временные диктаторские полномочия в районах ведения войны против испанцев и их союзников. Боливар сказал депутатам со всей открытостью: «Я — необходимое зло на период войны, но знайте, что с наступлением мира вы избавитесь от меня, вам не нужно меня бояться, после разгрома испанцев я сам уйду. Плоды победы достанутся вам»[2].

Перед тем, как уйти в поход на юг против остатков испанской армии, Боливар разделил Венесуэлу на три военных округа, поставив во главе них Паэса, Мариньо и Бермудеса. Но реальная власть была у Паэса, опиравшегося на массы своих льянеро. За свои заслуги генералы получили крупные денежные премии: Паэс 120 тысяч песо, Мариньо и Бермудес — по 84 тысячи. Этим самым Боливар предполагал купить лояльность этих вождей на время своего отсутствия.

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 126.
[2] Там же. С. 128.

Паэс вполне оправдал свой военный талант: в ночь с 7 на 8 ноября 1823 года он взял приступом крепость Пуэрто-Кабельо — последний ополот испанцев на венесуэльской земле.

Боливару же предстояло заняться территорией современного Эквадора, называвшейся в то время аудиенсией Кито по имени своего центра. Аудиенсия во время испанского колониального владычества входила то в вице-королевство Перу с резиденцией в Лиме, то в вице-королевство Новая Гранада. Боливар решил присоединить этот район к Колумбии.

Население столицы будущего Эквадора Кито восставало против испанцев несколько раз (например, в 1809 и 1811 годах), но безуспешно. В октябре 1820 года после освобождения Новой Гранады восстало население второго по величине города Эквадора и важного порта Гуаякиль. Боливар решил послать на помощь повстанцам своего самого талантливого генерала — Хосе Антонио Сукре.

Сукре происходил из фламандской семьи, пустившей корни на территории современной Бельгии. В 1779 году его отец прибыл в Венесуэлу, будучи назначенным губернатором венесуэльской провинции Новая Андалусия. Хосе Антонио родился в 1795 году и уже в 7 лет потерял мать. В 13 лет начал учиться в Каракасе на военного инженера, потом стал кадетом гусарской военной школы. После образования хунты в 1810 году получил чин младшего лейтенанта венесуэльской милиции (т.е. сформированного хунтой ополчения). В 1813 году был назначен адъютантом Сантьяго Мариньо, продолжавшего борьбу против испанцев на востоке Венесуэлы. Роялисты Бовеса расстреляли двух его братьев и сестру. Участвовал в защите Картахены, покинув ее одним из последних. Его корабль потерпел крушение, и целый день Сукре держался на бревне в волнах бурного моря, пока его не подобрали рыбаки[1].

В 1816 году Сукре в звании полковника был уже начальником генерального штаба у Мариньо. В 1817 году перешел на сторону Боливара, порвав с Мариньо.

1 января 1821 года Боливар назначил Сукре командующим колумбийскими войсками, которые боролись с роялистами на юге Новой Гранады на границах с Эквадором. У Сукре было примерно вдвое меньше войск, чему роялистов. Прибыв морем в Гуаякиль — город торговцев какао и контрабандистов, Сукре начал сложные переговоры с местными властями. Те сначала не решались к кому присоединиться — к независимой Колумбии на севере, или к Перу на юге. Тем более, что и Колумбию, и Перу возглавляли выдающиеся личности того времени.

Хосе де Сан Мартин родился в Аргентине в 1779 году в семье состоятельных землевладельцев. Когда ему было 6 лет, семья переехала в Испанию и Сан-Мартина определили в престижную мадридскую семинарию. Но вопреки воле родителей он вступил в 1798 году в испанскую армию и отправился вое-

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 130.

вать в Африку. Принимал участие в составе испанских войск в сражениях против французов, англичан и португальцев. Во время оккупации Испании Наполеоном командовал одним из партизанских отрядов. В Испании Сан-Мартин вступил в тайную «Ложу Лаутаро», названную так по имени индейского вождя в Чили, упорно сопротивлявшегося испанскому завоеванию. В 1814 году восставшие провинции Ла-Платы (нынешняя Аргентина) избрали его командующим Северной армией (примерно 7 тысяч человек), во главе которой он совершил в 1817 году переход через Анды в Чили и одержал блестящие победы над испанцами в битвах при Чакабуко (февраль 1817 года) и Майпу (апрель 1818 года). Примечательно, что Сан-Мартин, всегда равнодушный в отличие от Боливара к славе и почестям, отклонил предложенный ему пост президента Чили. На этот пост был назначен его сподвижник чилиец Бернардо О'Хиггинс.

В 1820 году Сан-Мартин вступил в Перу, отогнал испанцев с побережья и провозгласил независимость страны. Его стали называть в Латинской Америке Освободителем Юга. Стоит отметить, что в отличие от Боливара Сан-Мартин не потерпел от испанцев ни одного серьезного поражения. Есть все основания полагать, что Боливар в определенной степени завидовал военной славе Сан-Мартина.

Испанцы имели в Перу (тогда в состав Перу входило и Горное Перу — современная Боливия) мощную армию более чем в 20 тысяч человек. Они опирались на богатые запасы золота и серебра и на поддержку местной аристократии, обогащавшейся за счет принудительного труда индейцев на шахтах. В отличие от других частей Южной Америки, никаких крупных восстаний против Испании среди местного белого населения не было. Больше чем испанцев перуанские креолы боялись индейцев, составлявших в Перу, в отличие от Венесуэлы или Новой Гранады, подавляющее большинство населения.

Испанцы смогли успешно отбить попытку аргентинцев вторгнуться в Горное Перу и сами стали готовиться к нападению на Чили и Аргентину. Такая опасность побудила правительства Чили и Аргентины, наконец, согласиться с предложенным Сан-Мартином еще в 1814 году планом освобождения Перу.

21 августа 1820 года 4300 аргентинских и чилийских солдат отплыли из чилийского порта Вальпараисо в направлении Перу. Молодой чилийский флот (с тех пор считающийся лучшим в Латинской Америке) создал британский адмирал Кокрейн. Теперь он лично вел на Перу 24 корабля, в том числе 6 военных. Испанцы без боя оставили порт Писко, в 200 километрах к югу от столицы Перу Лимы.

Сан-Мартин организовал морскую блокаду перуанского побережья и в нескольких боях, применяя искусное маневрирование, разбил отдельные отряды испанцев и оттеснил их основную армию в горы. Он строго следил за тем, чтобы его солдаты не обижали местное население. 7 июля 1821 года войска Сан-Мартина освободили Лиму, которая тогда считалась самым престижным, светским и роскошным городом всей Южной Америки. 14 августа 1821 года Сан-Мартин провозгласил независимость Перу.

Однако в портовом пригороде Лимы — Кальяо — держался крупный испанский гарнизон, на помощь которому в сентябре 1821 года с гор подошли 4 тысячи испанцев во главе с генералом Кантераком. Кантерак пытался навязать Сан-Мартину генеральное сражение, но республиканцы искусно уклонялись от него, стараясь принудить к сдаче гарнизон Кальяо, находившийся у них в тылу. Сан-Мартин держал испанцев в постоянном напряжении набегами своего авангарда и действиями партизан — «монтонерос» (т.е. «горцев»). Кантерак, чьи войска были сильно ослаблены начавшимся дезертирством, предпочел опять отойти в горы[1]. 21 сентября 1821 года испанцы в Кальяо сдались и их войска частично перешли на сторону республиканцев. Кантерак в горах между тем набирал новых рекрутов среди местных жителей, все время подвергаясь нападениям партизан.

Многие офицеры были недовольны слишком выжидательной, на их взгляд, тактикой Сан-Мартина и он едва не был свергнут в результате военного переворота. Узнав о заговоре от перебежчика, Сан-Мартин быстро подавил его, но не стал карать зачинщиков — многие из них были его «братьями» по «ложе Лаутаро». Боливар на месте Сан-Мартина конечно же не колебался бы. А Сан-Мартин же, наоборот, уступил гражданскую власть в Перу бывшему испанскому чиновнику де Тагле, перешедшему на сторону патриотов. Сам Сан-Мартин занимался созывом перуанского парламента, который должен был определить дальнейшую судьбу ставшей независимой страны.

В это время до Сан-Мартина дошли сведения о появлении в Эквадоре (который считался во время испанского владычества частью Перу) колумбийских войск во главе с Сукре. Патриоты Гуаякиля отправили гонцов с просьбой о помощи и к Боливару, и к Сан-Мартину. С помощью либо перуанских, либо колумбийских войск они хотели организовать поход с побережья через Анды на Кито и взять столицу Эквадора, где еще держались испанцы. Первым отреагировал Сан-Мартин, но направленный им на помощь эквадорцам небольшой воинский контингент не смог разбить испанцев. Причем роялистам из Кито помогали их соратники с южного новогранадского региона Пасто.

Посланный в Эквадор примерно с 1000 солдат (в том числе англичан) Сукре после первоначальных успехов потерпел от роялистов серьезное поражение 12 сентября 1821 года. Положение колумбийских войск стало отчаянным. Местные жители отнюдь не горели желанием присоединиться к армии Сукре. От окончательного разгрома Сукре спасла ошибка испанского командующего генерала Аймерича, который согласился на трехмесячное перемирие. В это время Сан-Мартин послал на помощь Сукре 1275 солдат во главе с генералом Санта-Крусом.

Боливар тоже хотел помочь Сукре, но самый быстрый путь — по морю — был блокирован испанской эскадрой. Тогда Боливар во главе новогранадских войск (около трех тысяч) двинулся на юг. Но роялисты в Пасто смогли

[1] URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Expedition_von_San_Mart%C3%ADn

остановить Освободителя в битве при Бомбоне 7 апреля 1822 года. Боливар потерял в этом бою треть своей армии, в то время как потери роялистов были гораздо меньше. Причем обороной Пасто руководил бывший раб на галерах негр Басилио Гарсия. Боливар пытался даже обмануть его с помощью сфабрикованных газетных сообщений о том, что Испания признала независимость Колумбии. Но Гарсия не поверил, ответив: «Не все то золото, что блестит».

Сан-Мартин был недоволен явно просматривавшимися попытками Боливара присоединить Эквадор к Колумбии. Он предложил перуанскому конгрессу вывести из Эквадора посланные на помощь Сукре войска и даже объявить войну Колумбии, но конгресс с этим не согласился.

В марте 1822 года войска Сукре, которые после подхода подкреплений от Сан-Мартина численно превосходили испанцев, начали наступление на Кито. Испанский наместник Аймерич, авангард которого разбила кавалерия Сукре, оттянул всей войска к Кито. 22 мая 1822 года республиканцы наголову разбили испанскую армию (обе стороны имели примерно по 3 тысячи солдат) в сражении у вулкана Пичинча, причем, когда Сукре понял, что у его войск кончаются патроны, он бросил колумбийские части в штыковую атаку. Победа обошлась Сукре в 200 убитых и 140 раненых. Испанцы потеряли убитыми 400 человек, 1260 сдались в плен.

25 мая 1822 года Сукре принял в Кито капитуляцию всех испанских войск в Эквадоре, который был провозглашен частью Колумбии.

16 июля 1822 года в Кито на белом коне торжественно въехал Боливар, очень любивший в отличие от Сан-Мартина пышные церемонии. Полумиллионный город (состоявший в основном из индейцев) торжественно приветствовал Освободителя. Индейцы по инкской традиции принимали Боливары за божество — они привыкли относиться именно таким образом к власть предержащим. Сам Боливар (всегда уделявший особое внимание своему внешнему виду) старался не обмануть ожидания эквадорцев. На нем была «…зеленая военная униформа, туника с золотистой каймой, эполеты и генеральские знаки различия, великолепный позолоченный меч, очень длинные брюки из красивой льняной материи и ботинки со шпорами. Шелковая трехцветная орденская лента с золотистыми кисточками была перекинута через правое плечо и заправлена за пояс»[1].

Перед дворцом архиепископа 12 молодых красивых девушек, наряженных нимфами, увенчали голову Боливара лавровым венком. И тут с балкона на его голову упал еще один венок. Его бросила молодая брюнетка в облегающем платье и Боливар — большой любитель прекрасного пола — решил поближе познакомиться с этой женщиной. Так Мануэла Саэнс стала его яркой и последней любовью.

У Мануэлиты (так уменьшительно-ласкательно ее называли) было очень бурное прошлое. Она была незаконной дочерью испанского купца, который пе-

[1] Харви Р. Освободители. С. 261.

реехал в Кито в 1790 году. В 15 лет Мануэла сбежала с испанским офицером, бросившим ее через несколько месяцев. Родителям все же удалось выдать 17-летнюю опозоренную дочь замуж за англичанина Торна, который был почти вдвое старше своей супруги. Мужа своего Мануэла не любила.

Мануэла обладала деятельным характером и интересовалась политикой. В Лиме она сдружилась с Роситой Кампусано, дом которой стал салоном антииспанских заговорщиков. Мануэла хорошо фехтовала и была прекрасной наездницей. Когда в Лиму прибыл Сан-Мартин, Мануэла пыталась обратить на себя внимание Освободителя Юга, но в отличие от Боливара Сан-Мартин слыл аскетом и на женщин особого внимания не обращал. Сан-Мартин лично вручил Мануэле орден и… все.

Зато в Кито, куда Мануэла переехала вместе с отцом и мужем, ей удалось без труда увлечь Боливара. Тому понравилась даже не столько внешность, сколько ум этой женщины, способной часами толково рассуждать о политике. В день торжественного въезда Боливара в Кито Мануэла и Освободитель провели несколько часов вместе на балу и потом уже не разлучались надолго.

Многие считали, что в Кито у Боливара стали проявляться признаки мании величия. Он строил грандиозные планы, затмевавшие размахом и Наполеона, и Юлия Цезаря. В частности, Боливар хотел объединить всю Южную Америку до мыса Горн, а заодно и разбить Бразилию, ставшую независимой империей. Он так писал о себе в то время: «Я родитель столетий, магия молвы и тайны, моя мать — Вечность. Моя империя бесконечна. У меня нет могилы, потому что я сильнее смерти. Моему взору подвластно и прошлое, и будущее. Настоящее находится в моих руках»[1].

Однако Боливар пока явно выдавал желаемое за действительное. Большая часть Перу по-прежнему была оккупирована сильной испанской армией. Чили и Аргентина отнюдь не горели желанием признавать власть Боливара, так как завоевали свободу без его помощи. Наконец, в Лиме с титулом протектора Перу находился Сан-Мартин, ни в чем не уступавший Боливару по славе или военному дарованию.

Боливар пригласил Освободителя Юга в Эквадор на личное свидание и 26 июля 1822 года корабль «Македония» с Сан-Мартином на борту пришвартовался в Гуаякиле. Боливар устроил своему гостю пышную встречу, но того абсолютно не трогали знаки внешнего внимания. Когда одна из дам возложила на головы Сан-Мартина и Боливара золотой лавровый венок, Сан-Мартин, смутившись, немедленно его снял.

Оба Освободителя проговорили наедине несколько часов. Боливар фактически предложил Сан-Мартину ультиматум — в Южной Америке должен быть только один Освободитель и он, Боливар, сам освободит Перу от испанцев. Сан-Мартин был готов на вторые роли при Боливаре, но тот поставил жесткое условие — Сан-Мартин вообще должен уехать из Перу и удалиться от

[1] Харви Р. Освободители. С. 264.

дел. Отказался Боливар и от предложения Сан-Мартина создать Перуано-Колумбийскую федерацию со столицей в Гуаякиле. Боливар потом распространял версию, что Сан-Мартин не хотел создания в Испанской Америке республик, а предпочитал конституционные монархии с европейскими принцами. Если это даже и так, то такая концепция не сильно отличалась от мыслей самого Боливара насчет пожизненного президентства.

Будучи человеком долга и чести, Сан-Мартин ставил интересы народа выше собственных, и в целях сохранения единства антииспанских сил принял все условия Боливара. В ту же ночь он отплыл из Гуаякиля. На прощание Боливар подарил своему визави собственный портрет. Сан Мартин написал Боливару письмо, в котором были и такие строки: «…Результаты нашей встречи не смогут способствовать быстрому окончанию войны, как мне того хотелось. К своему разочарованию я убедился, что либо Вы не рассматриваете серьезно мое предложение перейти вместе с моей армией под Ваше командование, либо моя персона Вас раздражает...»[1]

В Лиме Сан-Мартин объявил о своей отставке и возвращении на родину, в Аргентину. Конгресс неохотно принял отставку, присвоил Сан-Мартину звание генералиссимуса с пожизненной ежегодной пенсией в 12 тысяч песо. Депутаты постановили воздвигнуть в его честь в Лиме колонну и поставить бюст в основанной самим же Сан-Мартином Национальной библиотеке. Сан-Мартин оставил в Перу армию примерно в 6300 человек (том числе 280 чилийцев, 2 тысячи аргентинцев и 4 тысячи перуанцев). В Буэнос-Айресе честный и неподкупный Сан-Мартин тоже не пришелся ко двору (он предложил свои услуги в войне против Бразилии, но его даже не удостоили ответом) и уже через год уехал в добровольную ссылку в Европу. Он умер на чужбине во Франции в 1850 году и только через тридцать лет его прах был перевезен в Буэнос-Айрес и захоронен в кафедральном соборе аргентинской столицы[2].

Перуанский конгресс после отъезда Освободителя Юга избрал главой правительства генерала де ла Мара. Оправившиеся испанцы быстро нанесли перуанским войскам ряд поражений. Новый президент Перу, богатый креол Рива Агуэро, обратился за помощью к Чили, Аргентине и Колумбии. Первые две страны ответили отказом.

Боливар отправил в Перу 6 тысяч солдат во главе с Сукре. Сам он потребовал от парламента Колумбии денег, подкреплений и формальных полномочий для ведения войны в Перу. Новая война Освободителя вызвала резкое неприятие конгресса Колумбии, особенно его новогранадской части. В апреле 1823 года Боливар писал вице-президенту Колумбии Сантандеру, что у него осталось только 1200 пехотинцев и кавалеристов и 200 артиллеристов: «…Между прочим, я применил суровые меры для сбора людей и денег на перуанскую экспедицию. Это было сплошное насилие. Чтобы заполучить три тысячи рекрутов и двести тысяч песо, пришлось опустошить города и деревни. Я

[1] Харви Р. Освободители. С. 274.
[2] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 144.

сам знаю границы насилия, их мы преступили…Деньги добывали острием штыка…»[1]

В августе 1823 года Боливар получил от колумбийского конгресса формальное разрешение на войну в Перу и вскоре прибыл в Кальяо. В Лиме ему устроили восторженный прием, и Боливар по своему обыкновению с удовольствием предался светским развлечениям. Он писал о своих впечатлениях: «Я спускаюсь вниз по улочкам в толпе прохожих. Мужчины восхищаются мной, женщины любят меня. Еда — превосходная, театр — хороший. Он находится в красивом здании с резной дверью. Экипажи, лошади, прогулки, быки… Слава Богу! Я все успел посмотреть»[2].

Весь 1823 год испанский вице-король Перу Ла Серна теснил патриотов, нанеся им ряд серьезных поражений. У Боливара и Сукре осталось около 5 тысяч солдат, в то время как испанцев в перуанских горах было в 4 раза больше. Освободитель слал в Боготу курьеров и требовал скорейшей присылки ему как минимум 12 тысяч солдат.

Но тут Боливару в очередной раз повезло. Священный Союз решил подавить революцию в Испании и в конце 1823 года с санкции реакционной Европы испанскую границу перешли французские войска. 132 тысячи французских солдат быстро сломили сопротивление испанцев и оккупировали страну до 1830 года. Либеральный вице-король Перу Ла Серна тяжело переживал поражение испанских конституционалистов. В его армии царили уныние и подавленность.

По Латинской Америке стали распространяться слухи, что французская армия, состоявшая из ветеранов Наполеона, скоро высадится в Новом Свете и наведет там старые порядки. Такого развития событий не исключал и Боливар. Он с еще большей настойчивостью требовал подкреплений, чтобы разбить испанцев в Перу — ведь надо было срочно готовиться к возможной высадке французов в Венесуэле или Новой Гранаде. А в этих условиях держать в тылу мощную испанскую армию было бы смерти подобно. К тому же испанцы все еще удерживали в Венесуэле крепость Пуэрто-Кабельо, которая могла бы стать удобным плацдармом сил вторжения. Боливар даже стал готовиться к возвращению в Венесуэлу, но Паэсу, как уже упоминалось выше, удалось взять крепость и уничтожить испанскую флотилию в заливе Маракаибо.

Однако в очередной раз восстали роялисты в Пасто, захватив Кито. Боливар смог восстановить положение, заставив сотни побежденных роялистов пройти пешком до Гуаякиля.

2 декабря 1823 года президент США Монро провозгласил свою известную доктрину, в которой говорилось, что США силой помешают попыткам любой европейской державы вмешиваться в дела Западного полушария. Паэс с самого начала отнесся к великодушию американцев недоверчиво. Он справед-

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 145.
[2] Харви Р. Освободители. С. 284.

ливо считал, что США, отказывая европейским странам в праве завоевания Латинской Америки, оставляют это право за собой. Боливар был с Паэсом вполне согласен.

В январе 1824 года Боливара сразила тропическая лихорадка — трабадильо. Освободитель сильно похудел, и многие даже опасались за его жизнь. Но это было не единственным несчастьем. 5 февраля 1824 года в порту Кальяо восстал аргентинский гарнизон, недовольный тем как обошлись с Сан-Мартином. Аргентинцы хотели даже перейти на сторону испанцев. В ответ 10 февраля 1824 года перуанский конгресс назначил Боливара диктатором с неограниченными полномочиями.

Будучи прикованным к постели, Боливар узнал и радостную новость: из Европы в Боготу приехал его учитель и наставник Симон Родригес. Он хотел создать в Боготе школу нового типа — Дом труда для мальчиков и девочек. Родригес написал своему ученику, почти выполнившему клятву на горе Монте-Сакро: учитель хотел быть вместе с Боливаром при освобождении Перу.

Ответ Боливара поражал своей нежностью: «О, мой учитель! О, мой друг!.. Вы в Боготе!.. Помните ли Вы, как мы вместе клялись на Священном холме в Риме бороться за свободу нашей родины? Конечно, Вы не забыли этот день, покрывший нас вечной славой... Вы вдохновили меня на борьбу за свободу, за справедливость, за великое, за прекрасное. Я шел по пути, предначертанному Вами… Вы будет свидетелем крушения испанского деспотизма»[1].

Но деспотизм все еще не сдавался, испанцы уповали на неприступные перуанские горы.

Боливар, в отличие от Сан-Мартина, никогда не останавливался перед крайними мерами. Он приказал Сукре, находившемуся на севере Перу в городе Трухильо, самыми беспощадными методами добывать для армии все, что потребуется: «Конфискуйте все необходимое для армии. Не стесняйтесь, будьте решительны и беспощадны, когда речь идет о благе родины. То, что не сможете взять, уничтожайте. Нас должна отделять от испанцев выжженная земля. Пусть враг знает, что мы полны решимости драться до конца»[2]. Боливар отдал приказ конфисковать на финансовые нужды армии всю церковную утварь, экспроприировал собственность всех испанцев и тех перуанцев, кто с ними сотрудничал.

Возможные потери или дезертирство среди мобилизованных рекрутов Боливара тоже не беспокоили. Он считал, что если из пяти тысяч новичков останется в живых тысяча — то это вполне нормально. Война зиждется на деспотизме, а не на любви к богу, говаривал Освободитель. К апрелю 1824 года Боливар жесткими мерами довел численность своей армии в Перу до 10 тысяч человек.

Но тут на сторону испанцев перешел президент Перу Тагле и даже неустрашимый Сукре советовал Боливару отвести войска из Перу в Колумбию. Испанцы вновь захватили Лиму, где им был оказан восторженный прием. Бо-

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 150.
[2] Там же. С. 151.

ливар пришлось перенести свою ставку в город Трухильо на севере Перу. Сукре рекомендовал как можно более оперативно попытаться заключить с испанцами перемирие на два года, чтобы получить передышку. Но тут, наконец, прибыло 2500 человек из Колумбии, которые привезли с собой много снаряжения и провианта.

Испанцы вели в Перу очень грамотную социальную политику. Они клеймили белую богатую верхушку и опирались на индейцев. Вице-король Ла Серна даже заявил, что он скорее восстановит империю инков, чем отдаст Перу креольской верхушке. Но и Боливар после своего венесуэльского опыта понимал, как важно привлечь на свою сторону обиженных и оскорбленных. 30 марта 1824 года он издал декрет об отмене подушного налога на индейцев, а 8 апреля в другом декрете обещал каждому индейцу земельный надел.

В апреле 1824 года Боливару опять повезло. Командующий испанской армии в Верхнем Перу (нынешняя Боливия) генерал Оланьета поднял мятеж против вице-короля Перу Ла Серны, которого считал излишним либералом. Боливар — искусный тактик — направил Оланьете свои поздравления и предложил присоединиться к армии республиканцев. И это несмотря на то, что Оланьета провозгласил себя «единственным защитником трона и алтаря». Оланьета отныне контролировал «кошелек» испанцев в Перу — богатейшие серебряные рудники в Потоси. Послание Боливара он получил только в конце сентября 1824 года, когда испанцы уже отвели посланные против него войска обратно в Перу.

Ла Серна был вынужден срочно направить 4 тысячи солдат на подавление мятежа в Верхнем Перу, и против Боливара он мог двинуть теперь не более 6 тысяч бойцов. Впрочем, несмотря на численное превосходство республиканцев, Ла Серна не собирался отсиживаться в обороне. Он отдал приказ генералу Кантераку спуститься на побережье и разбить Боливара. Однако Кантерак приказу не подчинился и продолжал стоять лагерем в горах. Боливар решил тогда сам подняться в горы и навязать численно ослабленным испанцам генеральное сражение, пока они еще не расправились с Оланьетой. Даже Сукре считал такой ход слишком рискованным.

Но Боливар в июне 1824 года повел в горы почти 10 тысяч человек (в том числе три тысячи перуанцев, три тысячи пятьсот колумбийцев под командованием Сукре, полторы тысячи аргентинских кавалеристов и 500 артиллеристов из Чили). Освободитель назвал свое войско Объединенной Армией, подразумевая, что против испанцев двинулась вся Латинская Америка. Люди шли по горам пешком, не седлая лошадей, чтобы преждевременно не измучить их. На всем пути следования в пещерах были заранее заготовлены запасы продовольствия. Многие солдаты слепли от непривычного для них яркого снега. Чтобы не потерять армию в густом тумане, путь воинам сигнализировали расставленные вдоль дороги трубачи.

29 июля 1824 года, перевалив через высоты до 5 тысяч метров, армия Боливара вышла в долину у города Паско. Вечером 6 августа авангард республи-

канцев настиг испанцев в долине Хунина. Началось долгожданное сражение. У испанского генерала Кантерака было 7 тысяч пехотинцев, 1300 всадников и 9 пушек. Боливар ввел в бой 7900 пехотинцев, 1000 кавалеристов и 6 пушек. Испанское наступление было встречено рядами копей, и какое-то время битва шла одним холодным оружием. Через полтора часа испанцы стали отступать в направлении на древнюю столицу инков Куско. Правда испанцы смогли избежать полного разгрома: они потеряли всего 254 человек убитыми и 80 пленными. Потери Объединенной Армии составили 148 человек. Республиканцы захватили 700 ружей и много боеприпасов. Испанцы в свою очередь показали чудеса маневренности, отступив за 2 дня на 70 миль.

В Куско к Кантераку 11 октября 1824 года присоединилась группировка генерала Вальдеса, ранее посланная против Оланьеты. Вальдес под лозунгом «Хватит крови!» предложил Оланьете амнистию, сохранение должности и обмен пленными. Объединенная испанская армия в Куско все еще представляла собой грозную силу в 12 тысяч человек, и Боливар не решился атаковать противника. Август и сентябрь 1824 года обе стороны провели в накапливании сил для решающего сражения. Боливар передал верховное командование Сукре и отбыл на север Перу, где его ждала Мануэла. Освободитель почти уже оставил надежду выбить испанцев из Южного Перу и решил даже провозгласить отдельное государство в северной части Перу.

Вести о бездействии Боливара активизировали его противников в Колумбии. Вице-президент страны Сантандер поставил в конгрессе вопрос о законности выделения ассигнований на перуанскую кампанию Боливара. В ответ Боливар, как уже бывало не раз, публично пригрозил своей отставкой. Его армия в Перу отказалась утвердить эту отставку, и конгрессмены в Колумбии присмирели.

Между тем испанцы вышли из Куско и попытались отрезать армии Сукре путь отступления на север. Но Сукре разгадал их маневр и сумел вовремя отойти. Боливар отдал приказ отступать и любыми средствами избегать сражения с численно превосходящим врагом. Армия испанцев во многом состояла из свеженабранных индейцев, и Ла Серна тоже избегал генерального сражения. Сам Боливар находился в Лиме для того, чтобы «извлечь» из богатых перуанцев больше денег на нужды армии и встретить 4000 человек, посланных на подмогу Паэсом из Венесуэлы.

С 1 декабря 1824 года армии Сукре и Ла Серны продвигались параллельными курсами, а 3 декабря испанцы перехватили арьергард армии Сукре и нанесли ему сокрушительное поражение, убив 500 республиканцев и потеряв не более 30 человек. Сукре едва удалось предотвратить панику в своей Объединенной Армии[1]. Но дальнейшее отступление могло перерасти в бегство, и Сукре решил дать бой испанцам.

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Ayacucho

9 декабря 1824 года обе армии сошлись в сражении на поле Аякучо, что в переводе с индейского языка кечуа означало «угол мертвых». К моменту начала решающей битвы за освобождение Латинской Америки у Сукре было 5780 человек, у испанцев — 6906. В своем воззвании к солдатам Сукре обещал немедленно повысить в звании каждого, кто отличится в бою. Перед началом сражения из рядов обеих армии вышли те, у кого среди солдат противника были родственники. Оба командующих дали им возможность проститься друг с другом.

Испанцы занимали более сильную позицию на склоне горы. Начав наступление в 10 часов утра, они ударили по флангу, занятому перуанскими солдатами, считая их наименее стойкими. По расчету роялистов перуанцы попросят у Сукре помощи и когда тот эту помощь пошлет, ослабив центр своего боевого порядка, по этому ослабленному центру ударят основные силы испанцев. Перуанцы действительно обратились к Сукре за поддержкой, но командующий приказал держаться любой ценой.

Испанская кавалерия наткнулась на длинные пики венесуэльских льянерос и была вынуждена повернуть обратно. Республиканцы генерала Кордовы (он демонстративно убил своего коня, показывая тем самым, что отступление исключено) перешли в контратаку, поднялись по склонам холма и захватили артиллерию испанцев. Ветераны испанского генерала Вальдеса стали отходить и сам Вальдес, ничуть не уступавший Кордове в личном мужестве, бросился в гущу боя, чтобы погибнуть среди своих солдат. Адъютантам с трудом удалось вытащить его из рукопашной. Ла Серна бросил против колумбийцев Кордовы свой резерв, но эта атака была отбита. Командующий резервом генерал Кантерак был ранен. В 13.00 был ранен и захвачен в плен сам вице-король Ла Серна. Конница республиканцев начала преследование разбитого противника. Помимо Ла Серны и Кантерака армия Сукре взяла в плен четырех фельдмаршалов, двух бригадных генералов, семнадцать полковников, около сотни других офицеров и 2500 солдат. В ожесточенном сражении погибло 1900 испанцев и 979 республиканцев.

На следующий день Кантерак, к которому перешло верховное командование остатками разбитой армии, подписал полную капитуляцию всех испанских войск в Перу. В результате 12 тысяч испанских солдат и офицеров по всему Перу стали военнопленными. Только в Верхнем Перу продолжал еще держаться Оланьета.

Обрадованный неожиданной для него полной победой в Аякучо, Боливар произвел Сукре в фельдмаршалы и присвоил ему титул Освободителя Перу. Боливар и Кантерак обменялись изысканно-вежливыми письмами, полными взаимных комплиментов. Говорили, что после победы у Аякучо Боливар бросил на землю свою саблю и поклялся никогда к ней больше не прикасаться. Сукре пригласил испанского генерала Вальдеса на обед и поднял тост: «Я пью за

Вас. Родись Вы в Америке, Вы стали бы самым лучшим защитником ее независимости»[1].

25 февраля 1825 года по приказу Боливара армия Сукре вошла в Верхнее Перу. На эту территорию претендовали как Перу, так и Аргентина. Но у Боливара были свои планы. Он хотел сделать Верхнее Перу независимым образцовым государством, где уже никто бы не мог ему помешать реализовать свои представления об идеальном конституционном устройстве.

Как он и обещал ранее, Боливар направил в конгресс Колумбии просьбу об отставке — весь война закончилась, а диктатором в мирное время он быть не хотел. Но авторитет Боливара после Аякучо был столь велик, что колумбийский конгресс в очередной раз 8 февраля 1825 года отверг его прошение.

Боливар весело проводил время со своей любимой Мануэлой в Лиме, хотя и начал уже уставать от буйного темперамента своей возлюбленной. Мануэла (все еще формально жена англичанина Торна) стала фактически первой дамой Лимы. Она ходила в мужских обтягивающих брюках, высоких ботинках и накидке (шок для тогдашней женской моды), фехтовала, завела себе ручного медведя. Ее чернокожая служанка потешно передразнивала ведущих политиков страны[2].

Но на самом деле перед Боливаром стояла задача, куда как более трудная, чем разгром испанской армии. Мечтой этого человека было создание единой латиноамериканской республики и казалось, что после освобождения Верхнего Перу ничто этому помешать уже не могло. Формально Боливар управлял территорией, сравнимой с площадью всей Европы. Но Освободитель понимал, что никаких прочных связей между освобожденными территориями нет. Только его личность соединяла бывшие колонии в некое аморфное образование. При этом в самой Колумбии — сердцевине будущего государства — правили люди, мягко говоря, не сильно дружественно относившиеся к Боливару. Незадолго до триумфальной победы при Аякучо конгресс Колумбии лишил Боливара права командовать войсками страны в Перу.

К тому же надо было обеспечить новому государству прочное международное признание. И Испания, и Франция зарились на Латинскую Америку. Не прочь были занять место Испании и Соединенные Штаты. Здесь рецепт Боливара был прост — он делал ставку на Англию, как противовес европейским державам и США. Освободитель предоставил подданным британской короны такие же права в освобожденных республиках, как и коренным жителям. Были резко снижены таможенные пошлины, чтобы облегчить импорт английских товаров. Помимо тактического расчета Боливаром руководило и элементарное чувство признательности — английские добровольцы сыграли очень важную роль в разгроме испанцев.

---

[1] Харви Р. Освободители. С. 300.
[2] Там же. С. 300–301.

Ставка на британцев себя оправдала — 31 декабря 1824 года министр иностранных дел Великобритании Джордж Каннинг объявил о признании независимости Великой Колумбии. И это при том, что контрреволюционные державы европейского Священного Союза (Россия. Австрия, Пруссия и Франция) по-прежнему считали всю Южную Америку вотчиной испанского короля. Шеф корпуса жандармов Бенкендорф, например, внимательно отслеживал все известия об участии русских добровольцев в походах Боливара. Англичане не только признали независимость бывших испанских колоний, но и предостерегли все европейские державы и США от попыток силой захватить какую-либо часть независимых республик.

Англичане в отличие от царского правительства не прогадали — их экспорт в Латинскую Америку вырос с 8 миллионов фунтов в 1805 году до 18 миллионов в 1809 г.[1] Великая Колумбия Боливара получила от Англии свои первые зарубежные кредиты.

Британцы были взбешены доктриной Монро, с помощью которой США пытались вытеснить их из Латинской Америки. Лондон даже отказался от идеи совместного англо-американского протеста против политики России на Аляске — и американцы и англичане не хотели распространения российского влияния в Америке.

Между тем Боливар 15 апреля 1826 года лично отправился в Верхнее Перу — страну, из которой он хотел сделать конституционное ядро будущей латиноамериканской федерации. Он пригласил с собой своего наставника Симона Родригеса, которого он наконец смог обнять в 1826 году после 20-летней разлуки. Учитель прослезился — ведь его ученик сразу узнал его. Боливар рассмеялся: всему виной сюртук, ведь это тот самый, в котором была совершена клятва на Священном холме. Родригес остроумно ответил, что не менял одежды, а Боливар не изменил характер.

Боливар назначил своего учителя Директором общественного образования, физических и математических наук и искусств, а также Директором рудников, сельского хозяйства и дорог новой образцовой республики — Боливии. Говоря современным языком, Родригес стал министром образования и министром экономики в одном лице.

По пути во всех городах Перу Освободителю по обыкновению подносили ценные подарки. В городе Арекипа, например, Боливару подарили лошадь с седлом, отделанным золотом, золотую уздечку, а также золотые ключи от города. Знатные дамы преподнесли ему корону, отделанную бриллиантами и жемчугом. Боливару все это было несомненно приятно, но он не обманывался насчет истинных чувств перуанской верхушки — та откупалась от опасного революционера, опиравшегося на победоносные штыки Сукре.

И в Куско — древней столицы инков — Боливар как раз и оправдал свою якобинскую репутацию — он издал декрет о полной отмене принудительного

[1] Харви Р. Освободители. С. 301.

труда. Тем самым от тяжелейших повинностей были освобождены миллионы индейцев, бесплатно работавших на шахтах, строительстве дорог, мостов и зданий. Освободитель также заявил, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, то есть тем же индейцам. Естественно, что перуанская аристократия не намеревалась проводить декреты Боливара в жизнь — она надеялась, что опасный венесуэлец скоро уедет на родину.

10 июля 1825 года в столице Верхнего Перу Чукисаке (ныне город Сукре — официальная столица Боливии) открылось заседание конгресса Верхнего Перу в составе 39 депутатов. Парламентарии единодушно провозгласили независимость своей страны и решили назвать ее Республика Боливара (позднее — Боливия). Боливара избрали президентом нового государства на время пребывания его на территории Боливии (то есть это был скорее жест признательности, чем передача реальной власти) и попросили написать конституцию. Именно этого Боливар и хотел.

Но тут неожиданно представился шанс отвлечься от надоевших политических интриг и снова взяться за шпагу. Аргентина великодушно отказалась от прав на Боливию (при испанцах Верхнее Перу подчинялось Буэнос-Айресу), но сама попросила Освободителя о помощи. На Аргентину вели наступление бразильские войска, Бразилией, пусть и независимой, управлял император, а Боливар ненавидел все короны и троны. Освободитель написал письма своим наместникам в Новую Гранаду (Сантандер) и Венесуэлу (Паэс), требуя денег и людских контингентов. Но тут он натолкнулся на решительный отказ, причем именно от Сантандера. Новая Гранада и так была главным кошельком всех освободительных войн, и местные богатеи устали от постоянных налогов, реквизиций и мобилизаций. Газеты стали писать, что Боливар сошел с ума, что он хочет за народные деньги затмить славу Александра Македонского.

Огорченный такой реакций людей, которых он сам же и привел к власти, Боливар в отчаянии заявил, что пойдет в Аргентину во главе перуанских войск. Но и перуанцы отнюдь не горели желанием вновь браться за оружие.

Между тем в спор между Аргентиной и Бразилией вмешались англичане, не хотевшие вступления Аргентины в союз с Великой Колумбией. Бразильцы при британском посредничестве отвели свои войска от Ла-Платы, а аргентинцы взамен согласились создать между двумя странами нейтральное буферное государство. Так на свет появился Уругвай.

Между тем Паэс в Венесуэле открыто вышел из повиновения Сантандера (который был вице-президентом Великой Колумбии). В своих письмах он жаловался на произвол новогранадцев и предлагал Боливару провозгласить себя по образцу Наполеона диктатором или императором. Он писал: «Ситуация, сложившаяся в стране, напоминает Францию в то время, когда Наполеон уехал в Египет. Лидеры революции, поняв, что правительство погибнет, если попадет в руки толпы, призвали его обратно. Сейчас Вы вполне можете повторить слова великого Наполеона: «Заговорщики угрожают существованию нации. Давайте спасем ее».

Но Боливар не дал соблазнить себя короной: «Колумбия — не Франция», — отвечал он Паэсу. — а я не Наполеон… Титул Освободителя выше всех других титулов, которым могли удостоить человека». Умоляла Боливара не попадаться на удочку Паэса и любимая сестра Боливара — Мария Антония, которая к тому же вела в Венесуэле семейный бизнес — Боливарам принадлежали медные рудники. Сестра писала «Этой стране очень не достает тебя. Здесь много политических фракций и много злоупотреблений, но, когда ты будешь здесь, все наладится. Они посылают комиссию к тебе, чтобы предложить корону. Отнесись к этому мерзкому предложению, как оно того заслуживает…»[1]

Вернувшись в Лиму, Боливар написал конституцию Боливии. Там нашли отражение все те его идеи, которые он не смог реализовать в 1821 году, когда шла борьба за конституцию Колумбии.

Парламент должен был избираться на основе имущественного ценза — пролетариям Боливар не совсем доверял, помня о горьком опыте с Бовесом и его «всадниками дьявола». К тому же в то время бедные люди были одновременно неграмотными и находились под прочным влиянием католической церкви. Президент по конституции Боливара занимал свой пост пожизненно, а власть вице-президента была наследственной. Коллегия цензоров, также избиравшаяся пожизненно, по образцу античной Римской республики, должна была следить за моральным состоянием общества.

На Боливара сразу же обрушился град критики, особенно в его родной Венесуэле. Там Освободителя предсказуемо обвиняли в стремлении сделать свою президентскую власть наследственной, квазимонархической.

Но никаким сторонником монархии Боливар не был. Мечтой его жизни было сохранение единства Латинской Америки, завоеванного с таким трудом и такой большой кровью. В тех условиях, когда между различными регионами континента не было никаких экономических связей, и даже национально-расовый состав населения сильно разнился, только единый глава государства мог объединить все страны. Если же сделать пост президента выборным, то за него немедленно начнется грызня генералов, опиравшихся на штыки лично преданных им солдат. Именно это Боливар и наблюдал в своей родной Венесуэле.

Сам Боливар за президентский пост не держался — он очень сильно устал за время войны и здоровье стало его подводить. Ведь за 10 лет этот человек преодолел по самой труднопроходимой местности 20 тысяч миль верхом, четыре раза брал приступом неприступные Анды, болел лихорадкой. Его предавали друзья и ненавидели враги. Боливар поседел, стал раздражительным, его часто одолевали приступы полной апатии. Освободителя мучили мысли о том, что независимость никак не улучшила жизнь миллионов простых латиноамериканцев. А ведь именно простые люди заплатили за независимость самую дорогую цену, погибая на полях сражений, умирая от года и болезней.

---

[1] Харви Р. Освободители. С. 319–320.

В отличие от многих политиков у Боливара была совесть — и с каждым днем она все больше мучила его. Ему казалось, что плоды великой победы как будто растворяются, протекают струйками воды между пальцами, растаскиваются алчными самозваными генералами, торговцами и помещиками. Нет, этим людям он власть отдавать не хотел.

Сам Боливар так писал о своей идее пожизненного президентства: «Президент республики должен иметь крепкую позицию в центре. Он должен быть как Солнце, дающее жизнь Вселенной. Верховная власть должна быть перманентной, потому что выборная система — в большей степени, чем любая другая, — нуждается в прочном центре, вокруг которого вращаются государственные чиновники и граждане страны, все люди и вещи. Если народ хочет быть свободным, он должен иметь сильное правительство, способное избавить его от анархии и злоупотреблений людей, находящихся у власти»[1].

Итак, Боливар видел в пожизненном президентстве не ограничение свободы, а гарантию этой самой свободы от покушений на нее со стороны бюрократического аппарата. Если он и ошибался, то ошибался из самых лучших побуждений. В пользу именно такой версии говорит и то, что конституция Боливара запрещала рабство и отделяла церковь от государства.

Освободитель писал: «Я знаю: обо мне говорят, что я хочу стать королем. Это не так. Я никогда не надену корону. Когда я увижу эту страну счастливой под управлением сильного правительства, то удалюсь на покой»[2].

Интересно, что противники Боливара ссылались на опыт США, где, мол, существует истинная демократия, а президента избирают всего на 4 года. Но сам Освободитель не очень высоко ценил притягательность американской политической системы. Он говорил, что Латинская Америка скорее перейдет в магометанскую веру, чем примет систему США за образец[3].

Боливийский конгресс ожидаемо одобрил конституцию Боливара и тот немедленно предложил пост пожизненного президента Сукре–единственному генералу, которому он полностью доверял. Но даже верный Сукре не понял Боливара — он категорически отказался от пожизненного президентства и согласился занять пост главы государства только на 2 года. Конгресс Перу также утвердил конституцию Боливии для своей страны, но с судьбоносной оговоркой — что эту конституцию также одобрит парламент Великой Колумбии. Все понимали, что никакой надежды на это нет.

Боливар хотел объединить Перу и Великую Колумбию в единую Андскую конфедерацию, к которой затем могли бы присоединиться Мексика, Центральноамериканская федерация, Чили и Аргентина. Еще в 1823 году Боливар предложил созвать конгресс всех независимых латиноамериканских республик. На этом форуме предполагалось обсудить координацию, прежде всего, внешней и военной политики независимых республик перед лицом попыток Испа-

[1] Харви Р. Освободители. С. 323.
[2] Там же. С. 322.
[3] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 169.

нии (при поддержке монархической Европы) вновь завладеть своими американскими колониями. Испанцы продолжали оккупировать Кубу и Пуэрто-Рико, а эти острова были удобной базой для дислокации десантной армии. Боливар это прекрасно понимал и предлагал совместными усилиями освободить эти два острова и тем самым окончательно изгнать испанцев из Западного полушария.

Но совместную внешнюю и оборонную политику Боливар видел лишь как основу более прочного объединения всей Латинской Америки: «Предлагаемая конференция не должная вдохновляться исключительно идеей обычного союза в целях обороны или возмездия. Напротив, наше объединение должно быть более тесно скреплено, чем союз, созданный европейскими державами[1] в их попытке лишить народы свободы. Наше объединение должно быть лигой родственных наций…»[2]

В качестве противовеса США и европейским монархиям Боливар хотел видеть на конгрессе англичан. Но в будущей конфедерации, по мнению Боливара, не должно быть никаких европейских стран, США и даже Бразилии (из-за ее монархического характера). Должна была быть образована единая постоянная армия в 100 тысяч человек (это примерно в пять раз больше, чем армия США того времени) для участия как во внешних, так и во внутренних конфликтах Латинской Америки. У органов конфедерации (Боливар предлагал назвать ее Панамериканский конгресс) должно было быть постоянное место пребывания. Все страны-участницы должны были ликвидировать таможенные сборы о взаимной торговле. Во всех странах Панамериканского конгресса Освободитель хотел отменить рабство.

Однако благородные идеи Боливара потерпели фиаско. Аргентина отказалась от участия в конгрессе, обидевшись на то, что Боливар отобрал у нее Верхнее Перу. Чили тоже уклонилась от участия, считая, что общеамериканские проблемы ее не волнуют. Бразилия была готова прибыть, но только… в виде нейтрального (?) государства. Мексика долго колебалась — там просто завидовали континентальной славе Боливара. Парагвайского диктатора Родригеса де Франсию не пригласили, равно как и президента Гаити. Парагвайский вождь (правил с 1814 по 1840 год) проповедовал тотальную автаркию и даже объявил вне закона любой импорт иностранных товаров. В страну был запрещен въезд любому иностранцу.

Англия и Голландия — две самые прогрессивные страны тогдашней Европы — были представлены на конгрессе послами в статусе наблюдателей. Англичане не меньше Боливара были недовольны доктриной Монро и прекрасно понимали, что стоит за мнимой «американской солидарностью», столь «великодушно» проявленной США. Министр иностранных дел Великобритании Каннинг писал британскому послу в Вашингтоне: «Неприкрытое стремление

---

[1] Имеется в виду Священный союз, учрежденный Россией, Францией, Австрией и Пруссией после разгрома французской революции для борьбы против революционного движения в Европе.
[2] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 172.

Соединенных Штатов поставить себя во главе всего Южноамериканского континента и направить эту конфедерацию против Европы (включая Великобританию) никоим образом не согласуется с нашими интересами. Мы не станем одобрять этого, ни мириться с этим»[1].

Таким образом, ставка Боливара на Англию как противовес США была абсолютно верной.

Но вице-президент Колумбии Сантандер по-настоящему предал Боливара — он самолично пригласил на Панамский конгресс США. Да и вообще Сантандер был против конгресса как такового, так как считал, что образование мощной латиноамериканской конфедерации обеспокоит монархическую Европу и подтолкнет ее к интервенции. Действительно, в Испании стали распространяться слухи, что колумбийский флот вот-вот прибудет в Европу с революционными войсками Боливара, чтобы вновь занести в Старый Свет «якобинскую заразу».

В этих условиях конгресс, открывшийся 22 июня 1826 года с полугодовым опозданием в Панаме (шесть месяцев ждали прибытия делегатов самой Колумбии, Мексики и Гватемалы) был обречен на неудачу. Планы Боливара по созданию единой армии и освобождению Кубы и Пуэрто-Рико толком и не обсуждались. Мексика сама хотела захватить Кубу и никаких колумбийских войск на острове видеть не желала.

Конгресс лишь принял беззубую декларацию о «вечной конфедерации» стран-участниц, запретил работорговлю. Было решено каждые два года собираться в мексиканском городе Такубайя. Но при этом ни один из парламентов стран — участниц Панамского конгресса, кроме Колумбии, не ратифицировал даже эти соглашения.

Американцы демонстративно опоздали на конгресс, демонстрируя свое пренебрежительно отношение к новым соседям. Сын первого президента США Вашингтона послал Боливару золотой медальон с локоном своего отца[2]. Тем самым в США намекали, что американская революция является предтечей латиноамериканской.

Боливар не ошибся в своем предубеждении к США. В то время как Освободитель лелеял планы по формированию 100-тысячной латиноамериканской армии для освобождения Кубы, этот остров уже облюбовали для себя в Вашингтоне. В «прогрессивных» Соединенных Штатах вовсю процветало рабовладение, и плантаторы хотели заполучить новых рабов по соседству. Еще в октябре 1824 года бывший президент США Джефферсон писал действующему президенту Монро (автору упомянутой выше доктрины): «Я откровенно признаюсь, что всегда смотрел на Кубу как на наиболее интересное дополнение, которое когда-либо можно сделать к системе наших штатов»[3].

---

[1] Харви Р. Освободители. С. 329.
[2] Там же. С. 326.
[3] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 175.

Однако англичане, у которых тогда в Канаде была сильная армия и лучший в мире флот, предупредили американцев, что не потерпят оккупации Кубы США. Тогда американцы заявили, что Куба должна остаться испанской и никакая другая страна (в том числе и Великая Колумбия) не может владеть островом. Цинизм этой американской политики был даже для англичан беспардонным — ведь только что в доктрине Монро американцы якобы выступили против вмешательства Европы в дела Западного полушария. На самом деле американцы надеялись, что ослабевшая Испания рано или поздно сама продаст Кубу Соединенным Штатам.

В 1826 году Сантандер писал Боливару, что США предприняли демарш «…с целью побудить нас воздержаться от экспедиции на Кубу. Гавана представляет собой самый важный торговый пункт для США (примечание автора); и так как торговля является подлинным божеством американцев, то они боятся, что независимость этого острова отразится неблагоприятно на их интересах».

Боливар никогда не обманывался на счет США, резко выступив в свое время против доктрины Монро. Он писал: «…Этот документ был осужден из-за принципиального положения, в котором, прежде всего, заинтересованы Соединенные Штаты. Оно заключается в том, что свободные и независимые страны Северной и Южной Америки впредь не могут рассматриваться в качестве объекта колониальных претензий какой-либо европейской страны… Мы ценим это. Однако искренние и любезные отношения, существующие между Соединенными Штатами и этими европейскими государствами, заставляют нас рассматривать любую попытку США распространить свое влияние на какую-либо часть (Западного) полушария как угрозу для нашего мира и безопасности»[1].

В 1825 году Освободитель писал, что американцы «…для нас чужестранцы. Поэтому я никогда не соглашусь на то, чтобы приглашать их улаживать наши американские дела».

Российский министр иностранных дел Нессельроде охарактеризовал доктрину Монро в марте 1824 года как экстравагантный документ, заслуживающий «самого глубокого презрения»[2]. При этом американцы всячески заигрывали именно с Россией. В конфиденциальном меморандуме, переданном российскому посланнику в Вашингтоне Тейлю, говорилось: «Изо всех европейских держав Россия является единственной, с которой Соединенные Штаты поддерживали самые дружественные и взаимовыгодные отношения».[3] При этом англичанам в то же самое время американцы говорили, что доктрина Монро появилась на свет лишь с целью воспрепятствовать России в расширении ее владений на Аляске.

В целом же в вопросе о независимости испанских колоний в Америке царское правительство стремилось быть большим католиком, чем сам папа,

---

[1] Харви Р. Освободители. С. 328–329.
[2] Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964. С. 296.
[3] Там же.

безоговорочно признавая права Испании. Боливара и его сподвижников в Петербурге считали опасными революционерами. Российская подцензурная пресса замачивала успехи патриотов в Новом Свете. Однако Боливар был все же популярен среди российского просвещенного общества, о чем свидетельствует мода на широкополые шляпы, названные «боливарами». Как тут не вспомнить строки из «Евгения Онегина»: «Надев широкий боливар, Онегин едет на бульвар…»

Англичане отказались принимать на себя какие-либо обязательства по помощи Боливару в освобождении Кубы. Американцы, в свою очередь, очень хотели добиться таможенного союза со странами Латинской Америки, чтобы завалить их своими товарами. Но так как эта идея не прошла, они потеряли к конгрессу всяческий интерес.

Однако американцы все же вышли с помощью Латинской Америки из довольно серьезного экономического кризиса 1817–1821 годов. Вот как это описывал русский журнал «Московский телеграф» в 1825 году: «Тесное положение, в каком находилась торговля в Соединенных Штатах в 1817–1821 годах, и даже замешательство в банковых и кредитных отношениях сего государства, распространившееся на все отрасли промышленности, ныне совершенно миновались, и североамериканская торговля находится в цветущем состоянии. Особенно увеличилась торговля их с Южной Америкой. Из одной Балтиморы вышло в 1823 году 30 кораблей с товарами в Южную Америку. А в 1824 году из той же гавани вышло туда же двойное число кораблей — именно 60: так возрастает сия торговля»[1].

Боливар был расстроен итогами Панамского конгресса, но попытался сделать хорошую мину при плохой игре. Он утверждал, что созвал конгресс из чисто пропагандистских соображений, чтобы произвести сенсацию в мире и напугать монархическую Европу.

Между тем все независимые латиноамериканские республики в 1826 году находились в плачевном положении. Везде было расстроено денежное сообщение, люди не могли отойти от налогов военного времени и ничего не платили казне в мирное время. Соответственно, ни армия, ни госслужащие не получали жалованья и естественно были этим недовольны. Белые ненавидели цветных и те платили им той же монетой. По горам и лесам еще шныряли банды роялистов и просто уголовников. Любой мало-мальски значимый генерал считал именно себя достойным президентского кресла. Только авторитет Боливара пока еще держал эту аморфную массу вместе, хотя бы внешне.

В 1826 году рассорились между собой Венесуэла и Новая Гранада, составлявшие ядро Великой Колумбии. В конце 1825 года были получены сведения, что испанцы собрали на Кубе и в Пуэрто-Рико большую армию и готовятся к высадке в Венесуэле. Сантандер как вице-президент Колумбии приказал Паэсу мобилизовать армию для отражения десанта. Паэс забирал людей в

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 179.

ополчение силой, что вызвало массовое недовольство. Этим воспользовался Сантандер, решивший убрать ненавистного конкурента. Парламент Великой Колумбии постановил отрешить Паэса от должности, тот естественно не подчинился и был объявлен мятежником. Обе стороны конфликта апеллировали к Боливару, умоляя его вернуться на родину и вмешаться в события.

Паэс называл Сантандера агентом испанцев и угрожал публично сжечь на площади свои революционные мундиры. Сантандер в июле 1826 года объявил Паэса вне закона.

Боливару и самому было неуютно в Перу. В апреле 1826 года в Лиме был раскрыт заговор против Освободителя и Боливар вопреки протестам местной перуанской верхушки расстрелял заговорщиков. Когда 4 сентября 1826 года корабль «Конгресс» с Боливаром на борту покинул Лиму, Освободитель оставил перуанцам пророческое напутствие «Бойтесь всадников анархии!». Но на всякий случай Боливар все же оставил за собой пост президента Перу.

Из Гуаякиля (в Эквадоре тоже было очень неспокойно — жители были задавлены налогами и контрибуциями, а американский экспорт уничтожил местную эмбриональную промышленность) Боливар выехал в столицу Колумбии Боготу. По пути он направил Сантандеру письмо, в котором настаивал на немедленном принятии в Колумбии боливийской конституции. Сантандер и правящая новогранадская верхушка не хотели пожизненной власти Боливара, но угроза со стороны Паэса вынуждала их идти на компромисс. Им с ужасом рисовалась апокалиптическая картина как мулаты-льянерос Паэса ворвутся в «белую» и респектабельную Новую Гранаду.

Поэтому Сантандер верхом выехал навстречу Боливару, и они устроили деловое свидание в городке Токайме. Оба политика не видели друг друга пять лет и питали взаимное недоверие. Сантандер был вынужден согласиться на принятие боливийской конституции, но оговорил свое несогласие с идеей наследственного вице-президентства. Он понимал, что Боливар наверняка сделает вице-президентом верного Сукре. Поэтому хитрый Сантандер добился от Боливара превентивного снятия Сукре с должности вице-президента. В обмен на уступку Сантандера по конституции Боливар обещал не устанавливать личную диктатуру и привести к повиновению Паэса.

На самом деле Сантандер практически ничего и не уступил. Ведь новую конституцию должен был утверждать колумбийский конгресс, а он был настроен резко против пожизненного президентства. Поэтому Сантандер всегда мог сослаться на обструкцию народных избранников.

4 ноября 1826 года Освободитель въехал в Боготу. Народ встречал его восторженно, чего нельзя было сказать о богатой верхушке города. По обыкновению Боливара приветствовали речью. В ней восхвалялась конституция 1821 года, которую он как раз и собирался заменить на боливийскую. Боливар недовольно прервал речь губернатора Боготы полковника Ортеги следующими словами: «Я думал, что Вы отметите великие подвиги колумбийской армии, а вместо этого Вы нам преподали урок уважения к конституции. Но законы, прино-

сящие вред народу, не заслуживают уважения»[1]. Вместо привычной для Боливара триумфальной арки в Боготе красовался лозунг «Да здравствует конституция!»

В Боготе Боливар поселился в небольшом одноэтажном особняке, выходившем к реке, и это впоследствии спасло ему жизнь. Богота с населением в 20 тысяч человек была жалкой пародией на роскошную Лиму. На улицах столицы Великой Колумбии росла трава, паслись козы и овцы, лежали большие кучи мусора. Боливар не без ехидства осведомился у Сантандера куда же делся английский кредит, если столица пребывает в столь плачевном виде.

Конгресс подтвердил полномочия Боливара как президента Великой Колумбии и предоставил ему неограниченные полномочия для наведения порядка в Венесуэле. В ответ Боливар оставил на посту вице-президента Сантандера.

Паэса все это не смутило — он поднял мятеж уже против самого Боливара и снял с себя генеральскую форму, облачившись в одежду простого льянеро. Он опять объявил священную войну всех бедных и цветных против всех богатых и белых.

Перед Боливаром вновь встал из небытия страшный признак «всадников дьявола» Бовеса. Он понимал, что выиграть войну против партизан в льянос невозможно и предлагал Сантандеру как-нибудь помириться с Паэсом. Но Сантандер не желал выпускать Освободителя из политического капкана. Если он, Боливар, не подавит мятеж в своей родной Венесуэле, то власть Колумбии откажутся признавать и в Эквадоре, и в Перу.

Прибыв во главе армии в родной Каракас, Боливар всеми силами старался избежать гражданской войны. Он объявил всеобщую амнистию всем участникам мятежа и Паэс, которого Освободитель называл «самым амбициозным и тщеславным человеком в мире… самым опасным человеком в Колумбии»[2] с радостью пошел на это, признав власть Боливара. Боливар в качестве ответного жеста подтвердил полномочия Паэса как верховного правителя Венесуэлы.

Боливар в качестве жеста примирения подарил Паэсу инкрустированную драгоценными камнями саблю, которую самому Освободителю торжественно вручили в Потоси. Паэс театрально разрыдался: «…Я не достоин этих лавров, этой славы, этой чести…Такой силой обладает только Боливар. Я смущен. Это оружие спасло человечество!.. Сабля Боливара в моих руках… С ней я войду в историю»[3].

В своей ответной речи Паэс льстиво назвал Боливара самой выдающейся личностью мировой истории, затмившей Александра Македонского, Фемистокла, Митридата и Перикла: «О, сколь ничтожны и коварны они и как велик Освободитель!»[4]

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 185.
[2] Харви Р. Освободители. С. 335.
[3] Там же. С. 336–337.
[4] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 189.

Сантандер был взбешен и обвинил Боливара в отходе от ранее достигнутых договоренностей. Освободитель в своих письмах Сантандеру оправдывался: «Я иначе не мог поступить. Здесь все были настроены против Боготы. Чтобы сломить сопротивление венесуэльцев потребовалось бы пролить потоки крови. В распоряжении генерала Паэса имелись все средства для успешного сопротивления. Он уже начал освобождать рабов»[1].

Сантандер все это понимал не хуже Боливара. Но теперь у него в руках был мощный козырь против Освободителя: если Боливар не выполнил свою часть компромисса, то и конгресс Колумбии не обязан принимать боливийскую конституцию.

Едва Боливар навел хотя бы внешний порядок в Венесуэле, произошло восстание в Перу. Мятеж поднял сержант расквартированных в Лиме колумбийских войск Хосе Бустаманте. Причем действовал сержант с согласия Сантандера, якобы предотвращая заговор командующего колумбийскими войсками в Перу. Бустаманте стал выводить все колумбийские части из Перу в Эквадор, то есть на территорию непосредственно Великой Колумбии. Верная подруга Боливара Мануэла переоделась солдатом и пыталась поднять гарнизон на защиту Освободителя. Ее опознали и принудительно отправили на корабле в Гуаякиль.

Как только колумбийцы ушли из Лимы, конгресс Перу отменил боливийскую конституцию, на что и рассчитывал Сантандер. Президентом Перу вместо Боливара избрали маршала де ла Мара.

Боливар был так возмущен поддержкой Сантандером лимского мятежа, что прекратил с ним всякие сношения. Он писал: «Коварный Сантандер…Я не верю ни его нравоучениям, ни его чувствам»[2]. Сантандер в своем холодно-язвительном тоне написал Боливару притворно-вежливое письмо, в котором заверял: «Я всегда буду желать Вам здоровья, благополучия и всегда буду любить Вас с чувством благодарности. Моя рука никогда не напишет против Вас ни строчки…»[3]

В этот самый трудный для себя момент Боливар вызвал из Кито свою верную Мануэлу: «Твоя доброта и красота согревают мою душу. Твоя любовь продлевает мне жизнь. Я не могу без тебя жить. И не в силах лишить себя счастья быть рядом с тобой, Мануэла… Приди, приди, приди…»[4]

К тому времени страсть Мануэлы прошла, и она понимала, что Боливар никогда не женится на ней. Но эта умная женщина еще сильнее полюбила Освободителя как человека, пожертвовавшего жизнью и здоровьем ради счастья Латинской Америки. И она немедленно откликнулась на мольбу своего возлюбленного героя. Одна, верхом, через дикие и опасные места она поспешила в Боготу.

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар.. С. 188.
[2] Харви Р. Освободители. С. 338.
[3] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 191.
[4] Харви Р. Освободители. С. 340.

5 июля 1827 года Боливар на борту британского фрегата «Друид» отплыл из венесуэльского порта Ла-Гуайра назад в Новую Гранаду. Ему предстояла решительная схватка с Сантандером. Последний между тем созвал колумбийский конгресс и направил ему свое прошение об отставке. То же самое еще из Венесуэлы сделал и Боливар. Отставка Освободителя был отклонена 50 голосами против 24, в то время как против отставки Сантандера голосовали всего 2 депутата.

Сантандеру пришлось объявить выборы в учредительное собрание, которое должно было утвердить новую боливийскую конституцию. Внешне это выглядело как уступка Боливару, но на самом деле Сантандер был уверен, что собрание заблокирует пожизненное президентство.

Казалось, что счастье отвернулось от Освободителя. В июле 1827 года вспыхнуло восстание в его любимом детище — Боливии, стране, носившей его имя. Мятеж поддержал перуанский президент де ла Мар. Восставшие объявили о присоединении Боливии к Перу, но Сукре сумел быстро восстановить порядок. При этом победителя при Аякучо ранили в правую ногу, другая пуля задела голову. Тем не менее, на границах Боливии были сконцентрированы перуанские войска и война казалась неминуемой.

В феврале 1828 года испанская эскадра прибыла из Пуэрто-Рико в Венесуэлу, и на западе страны при поддержке сил вторжения вспыхнуло восстание роялистов. Боливар поспешил обратно на родину, но восстание было успешно подавлено Паэсом еще до его возвращения.

В начале 1828 года в крепости Картахена восстал мулат Хосе Падилья, адмирал и главнокомандующий несуществующего флота Великой Колумбии. Подозревали, что восстание цветного населения Новой Гранады инициировал сам Боливар, чтобы убедить белую верхушку в необходимости сильной президентской власти. Падилью арестовали и в мае 1828 года поместили в тюрьму в Боготе.

Прибыв в Боготу, Боливар не принял активного участия в кампании по выборам в Учредительное собрание. Он устал и все еще надеялся на свой высокий авторитет. Зато Сантандер времени не терял, активно агитируя против сильной централистской власти и за местный федерализм. Такой псевдодемократический лозунг был популярен среди олигархической богатой верхушки, привыкшей вершить власть на местах без какого-либо контроля из центра.

Освободитель, всегда гордившийся своим атеизмом, вдруг начал сближаться с католической церковью. Его стали посещать священники, настраивавшие его против Сантандера и его окружения из «французских смутьянов». Боливар решил каждое воскресенье посещать мессу. Противники Боливара немедленно использовали подчеркнутое внимание Освободителя к церкви как еще одно доказательство его монархических и реакционных планов.

На самом деле Боливар все еще искал те узы, которые могли бы сохранить латиноамериканское единство после его смерти. Он не изменил своего отношения к религии, но понимал, что неграмотное население пока не готово

воспринять возвышенные идеи Руссо об общественном договоре. Бедное и особенно цветное население по-прежнему слепо верило священникам, и Боливар просто решил поставить эту веру на службу своим идеям.

Былым убеждениям Освободитель не изменил. Подчеркивая свое истинное отношение к религии, он во время мессы читал газеты или книгу, чтобы зря не терять время.

68 депутатов учредительного конвента Великой Колумбии собрались 9 апреля 1828 года в городе Оканья. Боливар сосредоточил вооруженные силы поблизости в местечке Букамаранга. Освободитель понимал, что в конвенте большинство сторонников Сантандера и, все еще пытаясь предотвратить разрыв, в своем послании к депутатам уже не настаивал на пожизненном президентстве. Он лишь просил наделить президента сильной властью: «Крепкое, могущественное и справедливое правительство необходимо нашей нации. Мы должны поднять ее из руин, которые оставил нам деспотизм. Мы должны помнить о пятнадцати тысячах героев, которые пали за нацию, чья кровь окропила нашу землю. Ценой их жизни мы получили свои права. Мы должны установить правление, при котором законы будут выполняться, государственная власть будет уважаема, а народ свободен»[1].

Но поистине нет пророка в своем отечестве. Все просьбы Боливара были проигнорированы депутатами, и они решили принять конституцию, ограничивавшую власть президента и наделявшую провинции широкой автономией. Было также решено сильно сократить армию — опору Боливара. Сантандер предотвратил выступление Боливара непосредственно перед депутатами, так как боялся «невероятной гипнотической силы» Освободителя.

Боливар был крайне удручен работой депутатов — ведь они хоронили не просто какую-то конституцию. Под угрозой была мечта жизни Освободителя — идея сильного единого латиноамериканского государства. «Личные интересы, амбиции, вражда, жадность, местничество, жажда мести и другие мелочные страсти управляют нашими демагогами. Они объединись для свержения существующего порядка, но затем они вновь разъединятся, устанавливая местные суверенитеты. Они будут управлять людьми как рабами. Они заменят испанцев»[2].

В этих условиях Боливар сделал самый трудный выбор в своей жизни — совершил государственный переворот. Прибыв в Боготу и ссылаясь на волю народа, он объявил учредительное собрание распущенным, а должность вице-президента — отмененной.

В своем обращении к народу Боливар заявил о покровительстве католической церкви и стремлении уважать свободу граждан. Сам Боливар, измученный постоянными интригами и восстаниями, стал вообще сомневаться в том, правильно ли он прожил свою трудную жизнь. Зачем было менять испанский упорядоченный деспотизм на постоянную анархию жестоких «генералов» всех

[1] Харви Р. Освободители. С. 343.
[2] Там же. С. 344.

мастей? «Я убежден до мозга костей, что Америкой можно управлять только с помощью умелого деспотизма… Мы, гнусные потомки хищников-испанцев, пришли в Америку, чтобы обобрать ее до нитки и плодить потомство в браках со своими жертвами. Позже незаконнорожденные отпрыски этих брачных союзов смешались с отпрысками рабов, привезенных из Африки. При таком смешении рас и таком уровне морали можем ли мы позволить себе поставить законы выше руководителей и принципы выше людей?»[1]

Диктатура Боливара была весьма странной для современного понимания этого слова. Он не подвергал репрессиям своих противников, которые продолжали открыто подвергать его уничижительной критике. Сантандер был назначен посланником в США, но не спешил покидать Колумбию. Верный Сукре, разочарованный поведением боливийцев, удалился от дел, поселился в Кито и женился на местной красавице.

Боливар жил в Боготе почти без охраны, что вызывало опасения верной Мануэлы. Она требовала от Боливара показать силу и арестовать хотя бы Сантандера. Но Боливар не хотел, чтобы все думали, что он сводит со своим противником личные счеты.

Великодушие «диктатора» едва не стоило ему жизни. 25 сентября 1828 года оппозиционеры, опираясь на артиллерийский батальон, расквартированный в столице (точнее на его офицеров), решили убить Боливара. В этот день Освободитель почувствовал себя плохо, и Мануэла заставила его принять горячую ванну. Наступила полночь. В это время 45 заговорщиков уже убили двух сторожевых собак у дома, закололи стражу и начали вышибать дверь. Спальню Боливара защищал молодой британец Уильям Фергюссон, которого зарезали ножом.

Мануэла первой поняла, в чем дело. Она быстро заставила Боливара одеться, взять шпагу, пистолет и выпрыгнуть в окно. Боливар так и сделал и вместе со своим помощником спрятался под мостом через протекавшую рядом реку. Ему пришлось провести в холодной воде около четырех часов. Ворвавшиеся в дом заговорщики спросили Мануэлу, где Боливар. Женщина не потеряла присутствия духа и ответила, что он уехал на совещание. Ее стали зверски избивать и потом она две недели с трудом вставала с постели.

Заговорщики решили освободить адмирала Падилью и вручить ему власть.

Между тем выстрелы всполошили сторонников Боливара, и военный министр Урданета поспешил в казармы. Выяснилось, что солдаты ничего не знают о мятеже и не поддерживают его. На всякий случай в казармы приехал и Сантандер, заявивший о поддержке Освободителя. Мятеж был легко подавлен, так и не успев начаться. Боливар отдал приказ не допускать казней. Ему возражали: «Эти люди хотели убить Вас». «Они хотели убить не меня, а страну»[2].

---

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 194.
[2] Харви Р. Освободители. С. 349.

Лично Боливар спас от расправы толпы Сантандера, укрывшегося в собственном доме. Его сослали во Францию, откуда он вернулся в 1832 году.

Однако мулата Падилью обвинили в заговоре (в котором он и не участвовал) и расстреляли. К белым явно относились по-другому, чем к «цветным». В конце концов, вместе с Падильей на смерть осудили еще 14 заговорщиков и всех их кроме Сантандера расстреляли на площади Боготы. Народ поддержал эти меры, в то время как богатая белая верхушка еще больше стала шельмовать Боливара как диктатора.

После покушения Боливар совсем сдал, превратившись внешне в настоящего старика. Его угнетала самая страшная для него мысль — о том, что ни один человек, даже обладающий таким влиянием как он, не в силах уже сохранить латиноамериканское единство. Он говорил, что все революции и освободительная война против испанцев были попытками вспахать плугом море. Свою верную Мануэлу, которая спасла ему жизнь 25 сентября, он стал называть «Освободительницей Освободителя».

Тут опять пришли тревожные вести с юга. Перуанский президент де ла Мар вознамерился присоединить к Перу Эквадор и во главе 8500 перуанских солдат начал наступление на Кито. Боливар назначил главнокомандующим армией Сукре, у которого было практически в три раза меньше солдат, чем у перуанцев. Сам Боливар верхом также отправился в Эквадор.

Сукре еще раз продемонстрировал свой военный гений и после серии искусных маневров нанес перуанцам поражение 27 февраля 1829 года. Прибытие Боливара в Эквадор так встревожило перуанскую верхушку, что она отрешила де ла Мара от должности президента, чтобы не дать Боливару повода для вторжения в Перу. Новый президент поспешил заключить с Великой Колумбией мирное соглашение, по которому Эквадор остался за колумбийцами.

Вроде бы опять начиналась светлая полоса. Из Боливии пришло известие, что сторонник Боливара Санта-Крус восстановил в стране конституцию Освободителя.

Но Боливар чувствовал, что его дни сочтены. Ему стали подсказывать идею все же учредить в Колумбии монархию и пригласить на трон какого-нибудь европейского принца. Называли кандидатуру принца Баварии, с которой могли бы согласиться англичане и французы. В Лондоне и правда поддержали эту идею.

Американцы напротив интриговали с Сантандером и выставляли себя ярыми сторонниками республиканской формы правления. На самом деле они не желали создания в Южной Америке сильного единого государства, и федерализация Сантандера была им куда ближе: ведь слабые и внутренне раздробленные латиноамериканские республики было легче контролировать. Посланником США в Колумбии в то время был будущий президент Уильям Гаррисон. Он начал плести нити нового заговора, чтобы окончательно отстранить Боливара от власти. Гаррисон нравоучительно и высокомерно предостерегал Боливара от

короны и, опасаясь неминуемой высылки, предпочел «добровольно» уехать на родину.

Под влиянием Гаррисона мятеж против Боливара поднял герой Аякучо генерал Кордова, но и это восстание было быстро подавлено.

Освободитель прекрасно понимал истинные цели США в отношении Колумбии и всей Латинской Америки. Он говорил послу Британии, обсуждая с ним тему приглашения в Колумбию европейского принца: «Соединенные Штаты, которые считают, что у них есть право замучить весь континент во имя свободы, тоже будут против такого выбора»[1].

Внешне Боливар продолжал оставаться непримиримым противником монархии. Но он высказывался против приглашения европейского принца както не очень решительно, что опять породило разного рода кривотолки.

На самом деле Боливар собирался на следующем заседании конгресса подать в отставку и на сей раз окончательно. Силы уже оставляли его. В августе 1829 года в Гуаякиле с ним случился сильный приступ. Он писал: «…Я абсолютно обессилел морально и физически. И уже ни на что не способен. Ничто не может вернуть меня к жизни. Мной овладели спокойствие и безразличие»[2]. Он предсказывал, что после его смерти Великая Колумбия неизбежно распадется на Новую Гранаду, Венесуэлу и Эквадор. Чтобы избежать насильственного развода возможно лучше предпочесть мирный.

На посту своего преемника Боливар видел Сукре — человека скромного, достойного, честного и неподкупного. Но Сукре отказался занять пост вице-президента именно из-за своей порядочности. Он был не готов усесться в кресло Сантандера, пока тот был в ссылке.

Но зато в ноябре 1829 года на место Сукре стал претендовать Паэс, осыпая Боливара обычными льстивыми письмами в своем духе. Но Освобдитель ответил Паэсу холодно: «Конгресс решит, кого избрать президентом. Если изберут Вас, я обещаю, что с удовольствием буду подчиняться Вам. Но взамен обещайте мне, что в случае избрания кого-нибудь другого Вы подчинитесь ему»[3].

Паэс все понял и объявил о выходе Венесуэлы из состава Великой Колумбии. На голову Боливара обрушились проклятья. Паэс умело разжигал расовую рознь, утверждая, что Боливар подпал под влияние белых в Боготе и предал своих цветных боевых товарищей. Он обвинил Освободителя даже в стремлении восстановить рабство и инквизицию. До Боливара доходили сведения, что Паэса поддерживают англичане.

15 января 1830 года Боливар, как это уже бывало не один раз, снова триумфально въехал в Боготу. Весь народ высыпал на улицы приветствовать Освободителя, разбившего перуанцев. Но когда люди увидели изможденного Боливара с худым пожелтевшим лицом и погасшими глазами, в толпе разда-

---

[1] Харви Р. Освободители. С. 354.
[2] Там же. С. 355.
[3] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 200.

лись рыдания. Сам Боливар писал Мануэле, что чувствует себя шестидесятилетним стариком.

20 января 1830 года Боливар попросил собранный им парламент Колумбии об отставке: «Я не хочу, чтобы на меня смотрели как на препятствие на пути укрепления и процветания республики. Я освобождаю высокую должность, которую Вы доверили мне… Клянусь вам, мысли о монаршем троне никогда не посещали мою голову. Все это придумали мои враги для того, чтобы очернить меня ваших глазах… Я желаю только одного — всячески содействовать вашей свободе… Услышьте мои молитвы! Спасите республику! Сохраните мою славу, ведь это слава Колумбии»[1].

Между тем газеты Боготы поливали «диктатора» Боливара грязью. Писали, что он не выиграл ни одного сражения, что он кровожаден и тщеславен. Не отставала в шельмовании Освободителя и его родина. Венесуэльский конгресс объявил Боливара «предателем родины, честолюбцем, губителем свободы» и запретил ему въезд на территорию Венесуэлы[2].

Депутаты колумбийского конгресса также остались глухи к молитвам и мольбам Освободителя. Они приняли федералистскую конституцию и избрали президентом ставленника Сантандера генерала Хоакина Москеру.

8 мая 1830 года, не простившись даже с верным Сукре — такой была горечь от того, что дело всей его жизни загублено, — Боливар уехал из Боготы. На улицах его презрительно дразнили мальчишки. Чтобы собрать деньги на дорогу, самый великий латиноамериканец был вынужден продавать свои вещи. Мануэла была в отъезде, и Боливар написал ей письмо, умоляя не следовать за ним. Ведь она еще молода, а его жизнь уже кончена, и он не хочет быть для нее обузой. С 16 мая по реке Магдалена, где когда-то начиналась его военная слава, Боливар целый месяц плыл к побережью. Он и сам не знал пока, куда он едет. Он просто уезжал прочь.

24 июня 1830 года Боливар прибыл в Картахену, где его настигло страшное известие. 4 июня по дороге домой в Кито Сукре был убит подосланными врагами Боливара убийцами. В прощальном письме Боливару Сукре писал: «…Не могу найти слов, чтобы выразить мою любовь к Вам… Мою глубочайшую привязанность к Вам питает вовсе не Ваше высокое положение, а наша дружба. Я сохраню ее несмотря на все превратности судьбы… До свидания, мой генерал… Будьте счастливы, где бы вы не были, и не сомневайтесь в преданности и благодарности Вашего самого верного друга»[3].

«Всемогущий Боже, — воскликнул Боливар, узнав о гибели друга, — они пролили кровь невинного Авеля!» Эквадорцы воздвигли маршалу мавзолей на склоне вулкана Пичинча, где Сукре когда-то разбил испанскую армию. Венесуэльское правительство прислало в мавзолей копию шпаги Боливара. В честь

[1] Харви Р. Освободители. С. 357.
[2] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 202.
[3] Харви Р. Освободители. С. 360.

Сукре была названа столица Боливии, штат и многие города в Венесуэле, департамент в Колумбии. Одно время его имя носили эквадорские деньги.

В Картахене Боливара ждал английский корабль, но у Освободителя всей Латинской Америки не оказалось денег, достаточных для путешествия в Европу. Колумбийский конгресс, правда, установил ему ежегодную пенсию в 30 тысяч песо, но казна была пуста и деньги Боливару не присылали.

Между тем сторонники Боливара, возмущенные тем, как обошлись с Освободителем, совершили в октябре 1830 года переворот в Боготе. Власть захватил друг Боливара генерал Урданета, предложивший Боливару вновь занять пост президента. Но тот отказался: «Я стар, болен, устал, разочарован, обижен, ошельмован… В последние дни я даже пожалел о тех восстаниях, которые мы подняли против испанцев… Я считаю, что моя жертва была напрасной и что человек не в силах изменить мир…»[1]

По иронии судьбы Боливар нашел свое последнее пристанище в доме испанца Хоакина де Мьеро в поместье Сан-Педро-Алехандрино. Туда стекались сотни сторонников Освободителя, его соратники круглосуточно дежурили у дверей спальни. За больным ухаживали французский врач Реверенд и, что особенно символично, сын Миранды.

В предсмертном письме Боливар сокрушался: «Я умираю, Бог зовет меня…Мои силы иссякают, мне осталось совсем немного, моя жалкая жизнь подходит к концу… Я не знаю, как спасти мою страну. По-моему, она потеряна навсегда. Если бы я знал, что могу спасти ее, то не задумываясь отдал бы всесвою жизнь, свое счастье, свою честь… Когда я понял, что не в силах сделать свой народ счастливым, то отказался править страной. После этого тираны отняли у меня мою родную землю…Мои враги использовали мою доверчивость и растоптали все самое для меня святое — мою репутацию и любовь к свободе. Я — жертва моих преследователей и они загнали меня на край могилы. Но я их прощаю… У меня нет другой славы, кроме как укрепление Колумбии… Колумбийцы! В предсмертный час я думаю о благе родины. Если моя смерть будет способствовать прекращению раздоров и укреплению единства, я без ропота сойду в могилу»[2].

Боливар выразил желание быть похороненным в Каракасе. 17 декабря 1830 года, ровно 11 лет после подписания декрета об образовании Великой Колумбии, в час дня, перестало биться сердце самого выдающегося сына Латинской Америки. Он умер от туберкулеза, или как его тогда называли, чахотки. Его последними словами были: «Уйдем, уйдем, эти люди не хотят, чтобы мы оставались здесь». У Освободителя целого континента не нашлось даже белой посмертной рубашки и ее пришлось попросить у соседей.

Верная Мануэла спешила к своему любимому, но опоздала на один день. Как только Сантандер узнал о смерти Боливара, он вернулся в Колумбию и Мануэлу Саэнс немедленно выслали на Ямайку. Там ее приютил английский

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 204.
[2] Харви Р. Освободители. С. 362 ; Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 205–206.

купец Гислоп, который когда-то помогал на острове самому Боливару. Ее формальный муж Торн неоднократно предлагал ей деньги, но она гордо отказывалась. В 1834 году Мануэла переехал в Эквадор, где тогда правили враги Боливара. Женщину выслали в Перу, где она и провела остаток своих дней в прибрежном местечке Паита. В 1847 году ее муж Торн был убит неизвестными, и недоброжелатели Мануэлы сделали все, чтобы лишить ее наследства. Но она не сдалась: Мануэла продавала варенье собственного приготовления, табак, а также писала любовные письма на испанском для американских китобоев, стремившихся завоевать сердца местных красавиц. Ее посетил великий итальянский революционер Джузеппе Гарибальди, считавший Боливара своим идеалом. Жизнь продолжала наносить ей удары и после обрушения лестницы своего дома она стала инвалидом.

Мануэла Саэнс скончалась 23 ноября 1856 года от дифтерии в возрасте 58 лет и до конца ее дней все почтительно именовали ее «Освободительницей». Ее похоронили в общей могиле жертв эпидемии, а все нехитрые пожитки сожгли. Но справедливость восторжествовала и 5 июля 2010 года «символический прах» Мануэлы Саэнс[1] был с почестями захоронен в Венесуэле. Так спустя век с лишним неистовая Мануэла упокоилась рядом со своим возлюбленным в Национальном пантеоне Венесуэлы.

Учитель Боливара Родригес не прижился и в Боливии — детище своего ученика. Его смелые педагогические реформы вызывали озлобление отсталого населения. В школах новый министр образования ввел обязательное трудовое воспитание, что бесило местную олигархию. А Родригес еще больше эпатировал косность и невежество — однажды он явился на урок анатомии голым, чтобы продемонстрировать ученикам — человек создан отнюдь не из глины, как об этом повествуется в Библии.

Сукре всего этого не одобрял и, начиная, с 1826 года подавший в отставку со всех постов Родригес четверть века скитался по Латинской Америке, терпя нужду и зарабатывая на жизнь уроками и продажей свечей собственного производства. В столице Чили Сантьяго на его двери красовалась следующая вывеска: «Американские[2] знания и добродетели, а именно: Восковые свечи, Терпение, Мыло, Смирение, Бодрость, Любовь к труду». Учитель Освободителя много писал о переустройстве общества, но все его наследие погибло во время пожара.

Как-то Симон Родригес заехал в Паиту и много часов беседовал с Мануэлой. Этим достойным и гордым людям было что вспомнить.

Пламенное и преисполненное бескорыстной любви к людям сердце Симона Родригеса остановилось 28 февраля 1854 года. Сто лет спустя останки учителя Боливара заняли подобающее место в Национальном пантеоне Венесуэлы.

---

[1] Найти в братской могиле именно ее останки, конечно, не представлялось возможным.

[2] «Американским» тогда в Латинской Америке называлось нечто, относившееся к обеим Америкам — Северной и Южной. То, что касалось США, именовалось «североамериканским». Эта традиция существует и поныне.

Смерть Боливара узурпаторы в его родной Венесуэле восприняли со злорадством. Губернатор провинции Маракаибо Гомес издал прокламацию, в которой говорилось: «Боливар, гений зла, факел анархии, угнетатель своей родины, перестал существовать. Это событие — огромное благо для дела свободы и для благоденствия народа»[1].

Но история все расставила на свои места. В 1842 году прах Боливара по решению венесуэльского парламента был перенесен в Каракас и захоронен в кафедральном соборе. Корабль с останками Освободителя встречали две его чернокожие няни. Любимая сестра Мария Антония так и не смогла дождаться брата на родине — она умерла незадолго до торжества справедливости.

Позднее для Боливара и его выдающихся соратников был выстроен специальный некрополь — Национальный пантеон Венесуэлы. Крышка одной могилы в нем сдвинута — она ждет останков Миранды, первого венесуэльца, кто еще в далекой России мечтал о свободе Латинской Америки. В честь Миранды был также назван венесуэльский штат, а в 30-е годы XX века был учрежден орден, названный его именем.

Боливар умер от горечи — он не смог реализовать свое самое сокровенное чаяние — создание мощной единой латиноамериканской республики, где не было бы рабства и национальной розни.

Да, не смог. Но через 150 лет за его дело в Венесуэле возьмется другой неординарный человек.

[1] Лаврецкий И. Р. Боливар. С. 206.

Глава 2. Диктаторы и экскремент дьявола: Венесуэла в 1830–1958 гг.

В результате многолетней войны за независимость Венесуэла стала самой бедной страной в Южной Америке. Именно поэтому Новая Гранада и не хотела иметь с ней ничего общего. В 1838 году население страны составляло 945 тысяч человек, но при нормальном естественном приросте должно было быть на треть больше[1].

В Венесуэле по-прежнему доминировали примерно 10 тысяч белых крупных землевладельцев-плантаторов, лишь слегка разбавленных мулатами — генералами времен освободительной войны. На другой стороне социальной лестницы находилось примерно 50 тысяч рабов. Остальное население — в массе своей мулаты — влачило бедное полуголодное существование.

В результате войны нарушились и так не очень крепкие экономические связи между отдельными провинциями, упал экспорт — главный источник благосостояния Венесуэлы. До середины XIX века основным экспортным товаром было какао, считавшееся лучшим в мире. Затем пальма первенства перешла к кофе. Для стимулирования вывоза правительство перестало взимать пошлины с таких товаров как кофе, какао, хлопок, сахар, спирт, пшеница и мука. Для торговли было открыто сначала 10 портов Венесуэлы, а потом еще 6. С другой стороны, для поддержки отечественного производства был запрещен импорт плантационных продуктов. Первоначально запретили и экспорт скота, так как его поголовье во время войны упало почти в 20 раз.

С целью развития внутренней торговли была ликвидирована табачная монополия (1833 год), упразднена церковная десятина (1833 год), был основан Национальный банк (1841 год). Правительство старалось поддерживать строительство дорог, ирригационных сооружений, поощряло иммиграцию. В 1834 году был издан закон о свободе договоров, снявший все ограничения на коммерческие сделки.

Главной проблемой Венесуэлы, сдерживавшей ее экономическое развитие, было полное бездорожье. Существовала лишь одна дорога с твердым покрытием от Каракаса до порта Ла-Гуайра (так называемая «королевская дорога», построенная испанцами для быстрой переброски войск с побережья). Поэтому вся экономическая жизнь была сосредоточена на берегу Карибского моря. Западные андские районы были так же отделены природными условиями от столицы, как и южные прерии или восточные джунгли дельты Ориноко. В прериях, например, единственными путями сообщения были протоптанные скотом тропы.

Сам Каракас пока так и не смог приобрести столичный вид. В городе не было впечатляющих общественных зданий, каковые радовали глаз путешественника, например, в Лиме или Мехико. Главный кафедральный собор Каракаса едва бы сошел за провинциальную церковь в Мексике.

---

[1] История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. М., 1981. С. 189.

Первые десятилетия после выхода из состава Великой Колумбии[1] Венесуэлой безраздельно управлял Паэс, соблюдая внешние признаки демократии — ведь он же восстал против «диктатора» Боливара.

22 сентября 1830 года созванный Паэсом Учредительный конгресс утвердил новую конституцию страны. Внешне она и правда выглядела несколько демократичнее боливийской. Президент, вице-президент, сенаторы и депутаты нижней палаты парламента избирались на четыре года. Переизбрание президента на следующий срок не допускалось. Однако выборы не были прямыми и всеобщими. Все высшие органы избирались коллегиями выборщиков (как в США), для членов которых устанавливался высокий имущественный ценз — они должны были иметь годовой доход от 200 до 400 песо. Таким образом, подавляющее большинство населения было исключено из избирательного процесса. Особо оговаривалось, что избирательного права лишена домашняя прислуга.

В то же время конституция отменила старинные феодальные права (фуэрос) и лишила духовенство и военных льгот при налогообложении. Католицизм уже не провозглашался государственной религией как раньше.

Однако в вопросе отмены рабства (считавшегося правящей верхушкой необходимым для развития плантационного хозяйства) произошел отход от прогрессивных позиций Боливара. По закону от 2 октября 1830 года дети рабов, родившиеся после 21 июля 1821 года, должны были работать на хозяев уже не до 18 лет как раньше, а до 21 года.

В политической жизни страны фигурировали две партии — консерваторы и либералы, представлявшие собой скорее неоформленные организационно общественные движения элиты. К консерваторам относились сам Паэс, земельные латифундисты, высшие военные и чиновники, а также духовенство. Либералы слыли сторонниками реформ и прогресса, но при Паэсе все время находились в оппозиции. Среди них преобладали связанные с внешним рынком торговцы, интеллигенция, лица свободных профессий. Либералы всегда выступали с подчеркнуто антиклерикальных позиций и за введение всеобщего и бесплатного начального школьного образования.

На местах при Паэсе правили назначенные новым «сильным человеком» страны местные князьки — каудильо, как правило из рядов офицеров армии того же Паэса. Центральным властям они подчинялись во многом номинально — ведь отсутствие дорог делало любую военную экспедицию из Каракаса в провинции очень трудным делом.

Внешней политики у Венесуэлы первоначально вообще не было. Характерно, что Паэс поручил вести внешние дела министерству финансов, так как сношения с иностранными государствами ограничивались, по сути, требованиями иностранных подданных о возмещении ущерба, причиненного различными войнами и переворотами.

---

[1] После распада основанного Боливаром государства бывшая Новая Гранада сохранила имя Колумбия.

С самого начала огромную роль в истории страны играла армия, так как именно она и обеспечивала территориальную целостность страны.

В 1835 году Паэс как истинный «демократ» подал в отставку с поста президента (переизбрание ведь не допускалось) и новым главой государства стал гражданский политик Хосе Мария Варгас. Впрочем, все понимали, что настоящим правителем страны все равно остается Паэс. В июле того же года один из генералов времен войны за независимость Хосе Тадео Монагас поднял восстание, но был разгромлен Паэсом. Монагас считал, что имеет перед страной заслуг не меньше Паэса и тоже опирался на недовольных жителей прерий, так ничего и не получивших от независимости. Причем Монагас позиционировал себя как сторонника Боливара и Великой Колумбии, на фоне чего Паэс выглядел предателем идей Освободителя.

Свое восстание Монагас (считавшийся либералом) назвал «революцией реформы» и ее номинальным лидером был Мариньо. Паэс амнистировал Монагаса и тот до 1846 года жил в своем поместье.

В 1837 году Паэс сделал президентом другого генерала Карлоса Сублетте, который уступил ему президентское кресло в 1839 году. В 1843 году два генерала опять поменялись местами, и Сублетте был президентом до 1847 года. Паэс, сначала усиленно создававший себе имидж бессеребреника, в 40-х годах владел уже пятью крупными поместьями («атос»).

Лидером либеральной партии в 40-е годах стал Антонио Леокальдо Гусман, издававший популярную газету «Эль Венесолано» («Венесуэлец»). В 1846 году при поддержке либералов в прериях, а также на востоке страны вспыхнуло новое восстание. Восставших возглавил либерал Франсиско Хосе Ранхель. На этот раз восстание приобрело широкий народный характер, к нему присоединились рабы, крестьяне и мелкие торговцы. Лидером восставших стал бывший льянеро (торговец скотом) Эзекиль Самора[1].

В современной Венесуэле Самора считается одним из лидеров боливарианского движения наряду с самим Освободителем. Еще при жизни его называли «генералом свободного народа».

Самора, самый яркий представитель нового молодого поколения венесуэльских политиков, родился 1 февраля 1817 года в семье мелких землевладельцев, выходцев с Канарских островов. Он получил лишь рудиментарное формальное образование, но очень много читал и занимался сам. Неплохо разбирался в философии, изучал римское право, внимательно следил за революционным движением в Европе. Самора пропагандировал равенство всех людей, независимо от имущественного состояния или цвета кожи. В 1846 году он участвовал в выборах от либеральной партии, но путем фальсификаций его отстранили от должности и Самора взялся за оружие.

Паэс гонялся за неуловимыми партизанскими отрядами несколько месяцев, не смог одержать ни одной крупной победы, но в 1847 году ему удалось

[1] URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Jos%C3%A9_Antonio_P%C3%A1ez

захватить в плен Ранхеля и Самору, после чего восстание пошло на убыль. Не в последнюю очередь и потому, что верхушка либералов сама испугалась слишком радикальных социальных лозунгов Саморы. В 1847 году при поддержке консерваторов президентом был избран упоминавшийся выше генерал Монагас, который стремился заигрывать и с либеральной партией. Например, он отменил смертную казнь за политические преступления, что спасло жизнь Саморе. Расстрел ему заменили десятилетним тюремным заключением[1]. Но Самора сбежал из тюрьмы и одно время работал пеоном (батраком) в одном поместье.

Монагас стал менять консервативных министров на либеральных, чем вызвал недовольство парламента, состоявшего фактически из креатур Паэса. Парламент пытался отрешить президента от должности, но поддерживавшая главу государства толпа 24 января 1848 года попыталась взять конгресс штурмом. Нескольких депутатов даже убили.

Все это сильно укрепило позиции главы государства по отношению к конгрессу, причем и на последующий длительный период.

Между тем бывшего народного героя Самору амнистировали, и он вступил в либеральную армию под руководством президента Монагаса, которая подавляла восстания крупных латифундистов во главе с Паэсом. В 1849 году Самора отплатил Паэсу той же монетой, взяв его в плен и отправив в цепях в Каракас. В 1851 году Саморе было присвоено звание полковника.

В 1850 году Монагас почувствовал себя настолько сильным, что изгнал Паэса из Венесуэлы и тот обосновался в США. На следующий год Монагас добился избрания президентом своего брата Хосе Грегорио Монагаса. Но против режима личной диктатуры братьев сформировался блок в составе уже как либералов, так и консерваторов. Возмущение среди уже почти всего населения вызвало то, что в 1855 году Монагас наследовал своему брату в президентском кресле. К тому же Монагасы, былые либералы, как и Паэс использовали президентскую должность для личного обогащения.

Саморе пришлось покинуть Венесуэлу, так как народный герой стал слишком неудобен для Монагасов.

Чтобы поднять свою популярность, братья Монагасы выдвинули лозунг полной отмены рабства, что и было осуществлено в 1854 году. Но одновременно Монагасы решили увековечить свою диктатуру с помощью новой конституции, принятой 18 апреля 1857 года. Согласно новому основному закону президентский срок увеличивался до 6 лет без ограничений на переизбрание. Через два дня после принятия конституции Хосе Тадео Монагаса предсказуемо избрали президентом.

Но это было для страны уже слишком. В начале марта 1858 года губернатор провинции Карабобо Хулиан Кастро поднял восстание в городе Валенсия под лозунгом свержения Монагаса и отмены конституции 1857 года. Монагас

[1] История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. С. 191.

отказался от власти и передал ее Кастро, который сформировал коалиционное правительство под лозунгом «Забудем прошлое».

Но на Учредительном собрании, созванном в Валенсии 5 июля 1858 года для выработки новой конституции, выявились серьезные разногласия между либералами и консерваторам.

Главным камнем преткновения был довольно странный на первый взгляд вопрос федерализма. Либералы, всегда восторженно относившиеся к США, требовали преобразования Венесуэлы в федерацию. Они полагали, что придание отдельным провинциям статуса штатов позволит им стать надежным барьером на пути установления в Венесуэле новой диктатуры типа режимов Паэса или Монагаса. Консерваторы считали, что федерализация приведет к полному распаду страны.

31 декабря 1858 года была принята новая конституция. Она предусматривала сокращение сроков полномочий президента и вице-президента до 4 лет без права переизбрания. Губернаторы провинций теперь уже не назначались центральным правительством, а избирались населением. Имущественный ценз на выборах всех уровней был отменен, и они стали прямыми (уже без коллегий выборщиков).

Однако новый президент Кастро добился избрания вице-президентом консерватора Мануэля Фелипе де Товара и издал указ о высылке всех лидеров либеральной партии из страны, обвинив их в заговоре.

В ответ либералы еще в октябре 1858 года в эмиграции на острове Сан-Томас образовали свой центральный орган восстания — Патриотическую хунту во главе с одним из лидеров либеральной партии Хуаном Фальконом (шурином Саморы). Либералы вели борьбу под лозунгом преобразования Венесуэлы в федерацию, поэтому все последующие события вошли в историю страны как Федеральная война[1]. Либералов называли федералистами, консерваторов — централистами или конституционалистами (так как они защищали конституцию 1858 года).

Война началась 20 февраля 1859 года, когда подполковник Тирсо Салаверрия при поддержке молодежи и с ведома Саморы захватил военную базу в городе Коро.

23 февраля в Коро высадился сам Самора, назначенный Патриотической хунтой главнокомандующим Западной оперативной зоной. Через два дня Коро был преобразован восставшими в федеральный штат. 23 марта Самора разбил правительственные войска и перенес восстание в прерии. Либералы вели партизанскую войну, избегая фронтальных сражений. Основной формой боевых действий были засады, которые восставшие устраивали правительственным войскам. Тем не менее все это не исключало и серьезных боев, а также осады городов и селений. Обе стороны вели войну с беспощадностью по отношению к противнику.

---

[1] Еще эту войну именуют Великой или четырехлетней.

10 декабря 1859 года пополненная жителями прерий армия Саморы (по разным данным, от 3,5 до 7 тысяч человек) встретилась с правительственной армией (тоже примерно 7 тысяч) у местечка Санта-Инес[1]. Самора решил начать притворное отступление, чтобы выманить противника в атаку. Три линии обороны должны были максимально измотать правительственные войска, после чего четвертая линия и резерв должны были начать решающую контратаку.

Так и произошло. В первый день сражения — 9 декабря — централисты потеснили федералистов, но потеряли убитыми и ранеными более 1800 человек. На следующий день они возобнови наступление, атакуя центр обороны противника — сахарный завод. Федералисты отошли, но опять нанесли врагу ощутимые потери. Затем правительственные войска после кровопролитного боя преодолели две линии обороны Саморы, но третью взять не смогли даже при поддержке артиллерии. Ночью правительственные войска стали отходить, теряя снаряжение. Командующий централистами генерал Рамос был серьезно ранен.

Всего в ходе блестяще задуманного и Саморой сражения было убито, ранено и взято в плен около 2700 солдат и офицеров противника. Рамос потерял много лошадей и всю артиллерию. В расположенный неподалеку город Баринас вернулось только 2 тысячи измученных централистов. Самора организовал осаду города, а сам с 6000 бойцами двинулся прямо на Каракас.

Однако по пути Самора решил захватить город Сан-Карлос, где укрепились 700 консерваторов. Это решение стоило ему жизни — 10 января 1860 года Самора был убит прямым попаданием вражеской пули в голову. Но была ли эта пуля вражеской? Среди солдат Саморы ходили упорные слухи, что Самору убили свои по указанию лидеров либеральной партии Гусмана и Фалькона. Те опасались народного героя, ставшего после сражения у Санта-Инес самым популярным вождем федералистов.

Сегодня Самора захоронен в Национальном пантеоне Венесуэлы рядом с Боливаром.

И Гусман, и Фалькон не хотели перерастания «политической» войны в социальную революцию, чего добивался Самора и его народная армия. Вожди либералов лишь намеревались продемонстрировать противнику свою силу, чтобы за столом переговоров добиться взаимоприемлемого компромисса. Ведь и лидеры консерваторов, и лидеры либералов принадлежали к одной и той же правящей богатой олигархической верхушке, и делиться властью с простым народом не хотели.

После смерти Саморы войска федералистов во главе с Фальконом двинулись на Валенсию, но централисты получили подкрепление, отразили наступление и вытеснили либералов в прерии. 17 февраля 1860 года армия Фалькона в 4500 человек потерпела поражение от правительственных войск при Копле.

---

[1] По другим данным, в обеих армиях было примерно по три тысячи человек.

Между тем бывший президент Паэс путешествовал по Европе, где его приняли, в том числе, французский император Наполеон III и баварский король Людвиг. Узнав о революции на родине, Паэс не замедлил предложить свои услуги в качестве «отца нации», способного положить конец кровопролитному конфликту. В декабре 1858 года Паэс вернулся в Венесуэлу и был назначен командующими правительственными войсками в районе Коро, однако уже в апреле отказался от этого поста, якобы потому что ему не предоставили достаточных полномочий. Тогда бывшего президента отправили назад в США уже в качестве посланника правительства Венесуэлы. В 1860 году Паэс опять вернулся и на этот раз его назначили командующим уже всеми частями правительственной армии. Но Паэс понимал, что военная победа против пользующихся поддержкой народа партизан-федералистов невозможна. Поэтому он решил вновь прорваться к власти как кандидат мира и компромисса. Его сторонники выдвинули лозунг: «Паэс — это мир» используя созвучие на испанском языке фамилии Паэса и слова «мир» (Paez, paz).

Лидер федералистов Фалькон между тем уехал из страны, чтобы попытаться добиться за границей (прежде всего, в Гаити) военной помощи. В июле 1861 года он вернулся в Венесуэлу и действия федералистов активизировались. Но ни одна из сторон не была настолько сильной в военном отношении, чтобы добиться решающей победы. Поэтому в декабре 1861 года начались мирные переговоры закончившиеся, впрочем, безрезультатно.

Зато Паэс добился своего — 10 сентября 1861 года он был облечен всей полнотой гражданской и военной власти в стране. Но в 1862 году либералы одержали целый ряд побед, причем сокрушительных. Например, в сражении при Бучивакоа 26–27 декабря 1862 года было взято в плен 670 централистов вместе с их командующим. Это позволило федералистам в апреле 1863 года начать осаду крупного города Коро. Среди централистов стали распространяться панические слухи о неминуемом поражении, что привело к росту дезертирства.

Но как уже упоминалось, сами лидеры либералов боялись победы своей народной партизанской армии. Поэтому они пошли на мирные переговоры с почти уже побежденным врагом. По мирному договору, подписанному 22 мая 1863 года в Каракасе, Паэс обязался сложить полномочия и уехать из страны, на этот раз навсегда[1].

Фактически мир означал победу либералов. 17 июня 1863 года их лидер Фалькон был избран президентом, а его ближайший сподвижник Антонио Гусман Бланко — вице-президентом. В декабре начало свои заседания учредительное собрание, принявшее 28 марта 1864 года очередную конституцию. Отныне Венесуэла именовалась Соединенными Штатами Венесуэлы.

Но обретенный федерализм обошелся стране очень дорого. Федеральная война стала самой кровопролитной в истории страны — в ней погибло (в том

[1] Он умер 6 мая 1873 года в Нью-Йорке. В 1990 году в его честь в Венесуэле были отчеканены серебряная и золотая монеты.

числе от голода и болезней) до 200 тысяч человек — 9,5% всего населения[1]. Прерии опять остались практически без скота. Между тем на место прежних консервативных каудильо в провинциях пришли новые либеральные каудильо в штатах. Для широких народных масс практически ничего не изменилось. Разве только Паэс навсегда покинул страну. В народе говорили, что понадобилось пять лет кровопролитной борьбы, чтобы заменить одних воров другими.

Мир не принес стране успокоения. В Венесуэле во второй половине 60-х годов царил хаос — то там, то здесь очередной каудильо объявлял очередное восстание. Фалькон оказался слабым президентом и много времени проводил вдали от Каракаса в городе Коро.

В мае 1868 года на политической сцене опять возник Хосе Тадео Манагас, провозгласивший «голубую революцию» (по цвету флага восставших). В июне 1868 года 83-летний генерал занял Каракас. Он создал правительство на основе блока консерваторов и либералов, но сам скончался в ноябре 1868 года, не успев победить на провозглашенных им же самим выборах. Власть попытались перехватить консерваторы, но либералы под руководством Гусмана Бланко начали против них боевые действия. В апреле 1870 года они заняли Каракас.

Антонио Гусман Бланко стал «сильным человеком» Венесуэлы почти на 20 лет и приобрел у некоторых историков славу самого умного венесуэльского президента девятнадцатого века. Период его правления стали называть «либеральной диктатурой».

Антонио Гусман Бланко (родился в 1829 году) был «либералом по рождению», будучи сыном лидера и фактического основателя либеральной партии Леокадио Гусмана Бланко. Бланко-старший успел четыре раза побывать на посту министра внутренних дел и юстиции, так что политических связей у семьи хватало, и карьера сына была обеспечена. Леокадио считался бесстыдным оппортунистом даже по невысоким меркам политической морали того времени и легко переходил из оппозиции в правительство и обратно.

Как и отец, Бланко-младший еще в молодости прославился своими острыми журналистскими статьями. Уже в 19 лет его приняли на работу в МИД, при этом он одновременно учился в университете. В 50-е годы был консулом Венесуэлы в Нью-Йорке, а затем возглавлял дипломатическую миссию страны в США. Во время Федеральной войны стал личным секретарем Фалькона, затем — после победы — вице-президентом (июнь 1865 года), министром иностранных дел и финансов. Бланко-младший явно стыдился того, что его карьеру приписывали влиянию отца и, уже будучи президентом, постановил, что ни один из родственников президента не может занимать в стране высокие государственные должности.

Антонио Гусман Бланко был талантливым оратором и публицистом, обладал прекрасной памятью и был блестяще образован.

---

[1] URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Guerra_Federal

Но он являл собой типичный образец либерала второй половины XIX века, каковых было много во всех странах мира.

Либералы первой половины века считали, что достаточно установить республику, дать всем школьное образование и пресечь влияние церкви, как поставщика опиума для народа. Социальными вопросами они почти не интересовались, считая, что политических прав вполне достаточно для полного счастья каждого гражданина. Их духовным отцом был Руссо.

Во второй половине века либералы стали несколько иными, сохранив, впрочем, основные постулаты своих предшественников. Но теперь волшебным словом для них был прогресс, причем не только духовный, но и материальный. Для этого новые либералы стремились всячески развивать частное предпринимательство и внешнюю торговлю. Государство, по их мнению, должно ограничиться строительством объектов национальной инфраструктуры (дорого, портов) и предоставить все остальное частному бизнесу.

Латиноамериканские либералы новой волны, включая и Гусмана Бланко, презрительно относились к предпринимательским способностям своего коренного и цветного населения (индейцев, мулатов и негров) и поэтому всячески поощряли иностранные инвестиции, особенно из образцово-показательных либеральных стран — США, Великобритании и Франции.

Социальные взгляды либералов можно кратко описать как социал-дарвинизм. Государство дает всем гражданам школьное образование, но дальше каждый должен быть кузнецом своего счастья. И если венесуэлец оставался бедным, значит, был глупым и недостойным светлого либерального будущего.

Свою масштабную экономическую программу Гусман Бланко изложил в послании к конгрессу в 1874 году[1]. Была создана, наконец, единая денежная единица боливар. Вместо различных в разных штатах налогов и сборов на транспорт и перевозку груза был введен единый транзитный налог[2]. Была создана единая кредитная компания с частным участием для финансирования внешнеторговых операций. Правительство взялось за строительство обычных и железных дорог, мостов, расширение портов. Каракас начал наконец-то приобретать облик столицы — в городе появились Капитолий (явно по американскому образцу), национальная библиотека, современные больницы. Жители познакомились с такими благами цивилизации как уличное освещение и водопровод.

Для координации программ экономического развития Венесуэлы в 1874 году был учрежден Центральный совет содействия экономическому развитию. Такой же орган — Совет по сельскому хозяйству — появился и в аграрной сфере. Гусман Бланко при поддержке экспортной направленности венесуэльской экономики, все же считал необходимым развивать отечественное производство продуктов питания, особенно пшеницы.

Однако при благоговейном отношении либералов ко всему иностранному (особенно американскому) Венесуэла и во второй половине девятнадцатого

---

[1] Он был президентом в 1870–1877, 1879–1884, 1886–1888 гг.

[2] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. М., 1993. С. 145.

века была монокультурной страной, строго ориентированной на внешний рынок. Разница состояла лишь в том, что теперь страна зависела от экспорта кофе, а не какао. Если в 1837 году было произведено 127 тысяч мешков кофе, то, в 1882 году — 800 тысяч. В 1832–1833 годы в провинции Каракас какао культивировали на 701 асиенде[1], а кофе — на 351, в 1855 году — соответственно на 252 и 736. Кофе давало до 80% всей экспортной выручки, а значит, страна очень сильно зависела от конъюнктуры мирового рынка.

Причем если какао выращивали в прибрежных штатах (именно поэтому Каракас и стал в свое время столицей страны), то для кофе лучше подходили западные горные районы страны в Андах (на границе с Колумбией). Неудивительно, что западные штаты на фоне роста своей экономической мощи все активнее претендовали и на больший политический вес в государстве.

Главная проблема такой ориентированной на экспорт модели развития была и остается одинаковой. Страна ничего не производит, так как все можно купить за границей в обмен на свой товар — будь то нефть или кофе. Либеральная внешнеторговая политика ведет к отмене пошлин и наводнению страны товарами из более развитых стран. Причем этот разрыв в развитии все возрастает. В самой монокультурной стране — и Венесуэла не исключение — растет разрыв между ориентированными на экспорт районами и теми регионами, которые работают на внутренний рынок. Ведь этот рынок состоит из бедных людей, способных покупать лишь самые дешевые вещи, в основном еду. Соответственно, производящие для внутреннего потребления крестьяне разоряются и их землю покупают плантаторы — а значит, место пшеницы, бобов или кукурузы опять занимает кофе.

В 1881 году в Венесуэле 20 176 землевладельцев (2% населения) присвоили себе 60% сельскохозяйственной земли, а 2 миллиона остальных собственников — оставшиеся 40%.[2] Многие крестьяне не могли прокормиться со своего участка и подрабатывали на плантациях батраками или брали там часть земли в аренду. Прерии мучительно погибали, так как оттуда было сложно доставить товар к морю, да и климат для возделывания кофе был там явно непригодным.

Лишь медленно в Венесуэле появлялись собственные промышленные мануфактуры, в основном текстильные. В 1894 году в стране насчитывалось 1290 гончарных мастерских, 991 известковая печь, 516 кузнечных мастерских, 30 — литейных, 15 — кожевенных. Нечего и говорить, что эти отсталые предприятия не могли конкурировать с иностранными фабричными производителями.

И тут вдруг выяснилось, что Венесуэле несказанно повезло, и что вовсе не кофе является для страны «черным золотом».

В 1859 году началась эксплуатация нефтяных месторождений в Пенсильвании, и через три года в это предприятие вложил свой капитал Джон Рокфеллер. Автомашин тогда еще не было, и нефть перерабатывали в основном в ке-

---

[1] Крупное поместье, использовавшее труд рабов, позднее батраков.
[2] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 146.

росин. К 1880 году, увеличив свой капитал в десятки раз, Рокфеллер через свою кампанию «Стандард Ойл» контролировал уже 95% американской нефтяной промышленности (2700 скважин). Однако в Америке разгорелась шумная кампания против нефтяных, железнодорожных и угольных монополистов и в 1892 году суд штат Огайо постановил расформировать «Стандард Ойл». Рокфеллер быстро преобразовал своего гиганта в 34 кампании, но с тех пор американский бизнес стал активно присматривать нефтеносные участки за границей, где никакого антимонопольного законодательства не было.

В Венесуэле, как упоминалось выше, еще индейцы в доиспанский период использовали для факелов битумные месторождения в дельте Ориноко. 2 февраля 1866 года венесуэльскому предпринимателю Олаваррии была предоставлена первая концессия на добычу нефти в окрестностях города Кумана сроком на 25 лет. В этом же году стали разрабатывать нефть в штате Трухильо. Но поначалу концессии были не очень прибыльными. Венесуэльская нефть хоть и выходила практически на поверхность, но была тяжелой, а современной технологии ее переработки тогда не было не только в самой Венесуэле, но и во всем мире. В сентябре 1878 года стали добывать нефть в андском штате Тачира. Но внутренний рынок для керосина в Венесуэле фактически не существовал, и концессии большого успеха не имели. У американцев же пока была и своя собственная нефть, причем лучшего качества.

Так что «черное золото» Венесуэлы очень долго оставалось золотом потенциальным.

Правительство Гусмана Бланко активно раздавало иностранным компаниям концессии на строительство железных дорог — ведь никакого промышленного оборудования в самой Венесуэле не делали, и даже рельсы завозились из-за границы. Сначала железные дороги строили англичане, которым правительство гарантировало 7% ежегодного дохода от эксплуатации. Такую норму прибыли в Европе уже получить было трудно — там железные дороги в целом уже построили. Во второй половине XIX века в железнодорожное строительство Венесуэлы было вложено 172,5 миллиона боливаров, в том числе на английский капитал приходилось 89,5 миллиона, на немецкий — 79 миллионов, на французский — 4[1].

Американцы пока венесуэльскими железными дорогами не интересовались — они вкладывали деньги в более близкую им географически Мексику. Тем не менее, в 1884 году в штате Бермудес предоставили на 25 лет концессию американцу Гамильтону, который хотел разрабатывать лесные массивы и битумные месторождения бассейна Ориноко. Затем концессия была перепродана американской компании «Нью-Йорк энд Бермудес К». Правительство Гусмана Бланко щедро освобождало иностранные компании от налогов и пошлин на ввоз необходимого им оборудования. С каждых 999,5 кг экспортированного асфальта американцы должны были платить в казну всего 2 боливара. Амери-

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 149.

канские компании получили также права исключительного судоходства по Ориноко, за что они обязались сделать эту реку судоходной.

Французский капитал сконцентрировал в своих руках телефонную и телеграфную сеть. Немцы строили железные дороги, добывали серу, занимались строительством оросительных сооружений. В 1900 году сумма накопленного немецкого капитала в Венесуэле достигла 200 миллионов марок, а стоимость принадлежавшей немцам собственности оценивалась в 10–12 миллионов марок.

В 1896 году немецкий банк «Дисконто Гезельшафт» предоставил правительству Венесуэлы заем в 50 миллионов марок под 5% годовых. Видимо тогда венесуэльским либералам не приходило в голову, к каким роковым последствиям это может привести.

В духе либеральной программы Гусман Бланко активно развивал систему образования страны. В 1870 году он издал декрет о введении в Венесуэле обязательного начального бесплатного образования. Вместе с начальными школами правительство активно открывало и профессиональные учебные заведения, особенно педагогические и политехнические. В 1887 году в стране было уже 1949 начальных школ (в том числе 1304 федеральные), в которых проходили обучение 97 468 учеников[1]. Помимо этого, существовали 28 колледжей и 4 педагогических училища. При Гусмане Бланко в стране появились такие символы цивилизации как Институт искусств, Национальная академия литературы, Музей природы и Муниципальный театр в Каракасе.

Президент провел в стране первую перепись населения и учредил Управление статистики.

Церковь, которая во время Федеральной войны поддерживала консерваторов, с самого начала встала в жесткую оппозицию к правительству Гусмана Бланко, не скрывавшего свой атеизм. Было даже запрещено пускать членов правительства в храмы. Но либерал Гусман Бланко был не склонен терпеть никакой политической конкуренции, особенно от католиков. Президент выслал главу венесуэльской церкви архиепископа Гевару из страны, но затем разрешил вернуться, надеясь, что тот усвоил урок. Однако Гевара только еще активнее стал выступать против президента и тот прибег к решительным мерам. Церковь отделили от государства, были закрыты все духовные семинарии и монастыри. Имущество церкви пустили в продажу с торгов. Бланко лишил церковь основной финансовой базы, учредив государственный реестр актов гражданского состояния. По конституции 1873 года вводилась свобода вероисповедания, церковные налоги были отменены. Священники впервые были починены юрисдикции обычных судов.

Архиепископ Гевара пожаловался папе Пию IX и тот ожидаемо обрушился с критикой на венесуэльские «безбожные» власти. Но Гусман Бланко был человеком не робкого десятка и пригрозил Ватикану полным разрывом отношений, если вмешательство во внутренние дела Венесуэлы не прекратится.

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 150.

В конце концов, президент провозгласил отделение венесуэльской католической церкви от престола Святого Петра и сам возглавил новую независимую церковь. Ватикану пришлось пойти на попятную, и Гевару заменили на более покладистого архиепископа.

Памятуя страшные итоги Федеральной войны, Гусман Бланко быстро и жестко подавлял выступления всех провинциальных каудильо, какими бы лозунгами те не прикрывались. Одновременно он пытался, и успешно, просто покупать лояльность местных князьков — часть таможенных пошлин от бурно развивавшейся внешней торговли шла теперь напрямую штатам. В то же время наиболее преданные Гусману Бланко люди были назначены командующими войсками в штатах, где они надзирали за гражданской властью.

«Либеральную диктатуру» Гусмана Бланко стали называть «гусманатом». Идеалом президента был Наполеон III, который сочетал прогрессивные реформы с жестким подавлением политической оппозиции. Политическую доктрину Бланко именовали «просвещенным цезаризмом» и она на долгие годы укоренилась в Венесуэле. Президент говорил, что Венесуэла подобна сухой коровьей коже: если придавить ее один край, то поднимется другой.

Гусман Бланко старался проводить полную достоинства внешнюю политику, не боясь идти и на осложнение отношений с другими странами, если те недостаточно уважительно относились к его стране.

Например, издавна все венесуэльские эмигранты (включая Боливара) искали прибежище на принадлежащих Голландии островах Аруба, Бонайре и Кюрасао недалеко от венесуэльских берегов. Оттуда обычно и организовывались всяческие мятежи, восстания и революции. Гусман Бланко первым потребовал от Голландии выдачи своих политических противников, а когда голландцы отказались, стал угрожать им войной. Голландии пришлось в итоге согласиться с позицией венесуэльского правительства.

Но самой сложной внешнеполитической проблемой был территориальный спор с Англией. На востоке Венесуэла граничила с британской колонией Гвиана, но границу в непроходимых джунглях никто и никогда не демаркировал. Положение изменилось, когда в дельте Ориноко недалеко от Гвианы (Гайаны) обнаружили нефть и стали строить предприятия по заготовке ценных пород дерева. К тому же англичане открыли на спорной территории месторождения золота. Британцы стали требовать себе дельту Ориноко, предъявив претензии на 50 тысяч квадратных километров венесуэльской территории, с чем Венесуэла, естественно, согласиться не могла. В 1887 году Венесуэла разорвала с Англией дипломатические отношения.

В 1877 году Гусман Бланко передал президентскую власть своему ставленнику и отбыл в Европу как официальный представитель венесуэльского правительства. Но в ноябре 1878 года новый президент Алькантара внезапно умер, и в стране опять началась междоусобная борьба. Конгресс вновь призвал Гусмана Бланко на пост президента, и он правил до 1884 года. В 1884 году «сильный либерал» посоветовал избрать своим преемником Хоакина Креспо,

который в правительстве Гусмана Бланко был военным министром. Креспо был одним из самых талантливых полководцев либералов времен Федеральной войны и в 23 года был произведен Фальконом в бригадные генералы.

В 1886 году после окончания срока президентских полномочий Креспо (он следовал политике Гусмана Бланко) сторонники «сильного либерала» стали вновь призывать того на царство. Гусман Бланко согласился. Но тут неожиданно старый-новый президент столкнулся с оппозицией, порожденной его же собственным правлением. Это были уже не прежние генералы-каудильо, а образованная городская молодежь, которой уже не доставало только материального прогресса. Горожане требовали демократии и сами хотели участвовать в процессе принятия политических решений. Гусман Бланко не преминул бы подавить и эту оппозицию железной рукой, но у него начались проблемы со здоровьем. В 1888 году, не дожидаясь окончания срока своих полномочий, он подал в отставку и уехал в свою любимую Европу, где скончался в 1899 году. Но перед уходом с политической сцены он предложил на пост своего преемника Гермогенеса Лопеса, которого считал своим твердым сторонником. Новый президент закончил несколько проектов старого. Например, был проложен кабель до острова Кюрасао, соединивший Венесуэлу телеграфной связью с остальным миром, а также построена железная дорога до гавани Пуэрто-Кабельо.

В 1888 году президентом впервые за 50 лет был без всяких потрясений избран гражданский политик Хуан Пабло Рохас, которого из Европы поддержал Гусман Бланко. Казалось, что политическая жизнь Венесуэлы впервые после обретения независимости входит в нормальную колею. Рохас вопреки политике Гусмана Бланко помирился с католической церковью и даже разрешил приезд в страну французским монахиням. Некоторые сторонники «сильного либерала» стали подвергаться преследованиям, хотя новый президент их не инициировал — он скорее не имел силы им помешать. Рохас пытался провести конституционную реформу и увеличить срок президентских полномочий до 6 лет, ввести пост вице-президента, но все это не увенчалось успехом. Видимо, Венесуэла пока не привыкла к «мягкой силе», предпочитая жесткую, военную.

И действительно: скоро на политическом горизонте страны появился очередной «сильный человек» — генерал Хоакин Креспо[1].

Бланко Гусман, как и все диктаторы, имел одну проблему — вытаптывая вокруг себя политическое поле, он не оставил либеральной партии достойного вождя. Естественно, что после его ухода началась ожесточенная борьба между различными политиками, каждый из которых явно не дотягивал до формата Бланко Гусмана по способностям и влиянию.

Креспо считал, что президентом Гусман Бланко должен был сделать именно его, но, как водится, маскировал личные амбиции политической программой и поэтому возглавил в партии либералов фракцию так называемых

[1] Родился в 1841 году, во время Федеральной войны дорос до бригадного генерала. Помог Гусману Бланко прийти к власти, за что в 1871 году стал главнокомандующим венесуэльской армии. Позднее был военным министром и губернатором родного штата Гусмана Бланко.

«легалистов», выступавшую против изменения конституции. Когда Рохас стал отходить от курса Гусмана Бланко, Креспо уехал на британский остров Тринидад и стал готовить восстание. Но его арестовали на борту шхуны «Анна Хасинта», отправили в тюрьму Каракаса, а затем в ссылку.

Однако в 1892 году Креспо возглавил вооруженную «легалистскую революцию» и стал-таки снова президентом. Во время своего четырехлетнего пребывания у власти Креспо вел себя как диктатор и набрал иностранных ссуд (полученный от Германии большой кредит упоминался выше). Но большая часть полученных от иностранцев денег оседала в карманах приближенных Креспо.

Между тем опять обострился пограничный спор с Англией и в 1895 году госсекретарь США Олни предложил обеим странам «добрые услуги» Вашингтона в качестве арбитра. Причем американцы ссылались на доктрину Монро и изображали из себя чуть не защитников маленькой Венесуэлы против мощной Британской империи. Олни, в частности, заявил, что считает попытку любой европейской державы установить контроль над любой американской территорией (имелась в виду территория и Северной и Южной Америки — примечание автора) «абсурдной и нелепой»[1]. На самом деле американские компании уже так прочно угнездились в дельте Ориноко, что не намеревались уступать свои права в этом районе англичанам. В ноте Олни англичанам прямо говорилось, что «Британия неправа» и что «затронуты жизненные интересы» США[2]. Нота госсекретаря была такой грубой, что ее окрестили «двадцатидюймовой пушкой».

Интересно, что Венесуэла ранее сама неоднократно просила США вмешаться в спор с Лондоном со ссылкой на ту же доктрину Монро, но американцы отказывались, не желая портить отношения с Лондоном из-за какой-то Венесуэлы. Однако положение изменилось после того, как правительство Венесуэлы наняло в качестве своего официального лоббиста в Вашингтоне бывшего посла США в Колумбии и Венесуэле Уильяма Скруггса. Для нравов американской дипломатии того времени характерно, что сам Скруггс был отозван президентом США в октябре 1892 года с поста посла в Каракасе после того как пытался подкупить президента Венесуэлы.

Скруггс активно взялся за свои новые обязанности и в 1894 году опубликовал в США памфлет «Британская агрессия против Венесуэлы или доктрина Монро подвергается испытаниям». Именно Скруггс «пробил» через палату представителей конгресса США резолюцию с требованием арбитража США в англо-венесуэльском конфликте. Обе палаты конгресса приняли резолюцию единогласно.

Англия согласилась на американский арбитраж и не прогадала. Американцы даже не пригласили самих венесуэльцев на рассмотрение вопроса об их же территории. Венесуэлу представлял бывший президент США Гаррисон.

---

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 153.
[2] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Venezuela_Crisis_of_1895

Англо-американская Комиссия по арбитражу заседала почему-то в Париже. К сожалению, следует отметить, что в комиссии по арбитражу принимал участие и известный российский юрист и дипломат Мартенс, считавшийся тогда «светилом» в области международного права[1].

Именно Мартенс считался ключевым членом комиссии, так как Англия и США имели в ней по два представителя и голос россиянина был решающим. Неудивительно, что именно Мартенс как нейтральное лицо был избран председателем комиссии. Он же составил и регламент работы комиссии (или скорее арбитражного суда). Было проведено 54 заседания и рассмотрено 2650 документа.

1 января 1896 года на деньги конгресса США была основана комиссия по делимитации границы (было выделено 100 тысяч долларов).

Решение арбитража было объявлено 3 октября 1899 года. Из спорного района площадью в 50 тысяч квадратных километров «добрые друзья» из Вашингтона присудили Венесуэле 5 тысяч — как раз дельту Ориноко. 90% спорной территории получила Британия. Причем именно Мартенс помог англичанам — те заявили, что не признают иного решения комиссии, а само решение с точки зрения Мартенса должно было быть почему-то единогласным. Мартенсу очень хотелось личного успеха, и он уговорил американцев пойти на английские условия.

Один из американских членов комиссии Маллет-Превост в 1944 году написал о подоплеке решения арбитражного суда в 1899 году. Якобы Мартенс летом 1899 года вместе с двумя британскими членами арбитражной комиссии посетил Лондон, а вернувшись оттуда, предъявил американцам ультиматум: либо они добровольно соглашаются на британский вариант размежевания, либо он встанет на сторону англичан и решение все равно будет принято большинством голосов. Причем во втором случае Мартенс якобы угрожал, что решение будет еще более проанглийским и передаст Великобритании даже дельту Ориноко. Американцы якобы сначала не шли на компромисс и даже хотели выразить особое критическое мнение в случае принятия вердикта большинством голосов, но затем все же не стали противиться единогласному решению. Всем хотелось лавров миротворцев[2].

Сбывалось мрачное предвидение Боливара: если не будет создано мощное и единое латиноамериканское государство, то отдельные республики Латинской Америки станут объектом колониальных притязаний и шантажа более сильных держав, прежде всего, США.

---

[1] Фридрих Фромгольд Мартенс родился в 1845 году в Эстонии в семье балтийских немцев (отец был портным), но после поступления на российскую госслужбу предпочитал именоваться Федором Федоровичем. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1868 года — на дипломатической службе, пользовался покровительством тогдашнего министра иностранных дел А. М. Горчакова. Представлял Россию на многих международных конференциях. В 1891 году был арбитром англо-французского спора по правам рыболовства у берегов Ньюфаундленда. Неоднократно, но безуспешно с 1901 по 1908 год номинировался на Нобелевскую премию мира. Умер в 1909 год

[2] После разоблачений Маллета-Превоста Венесуэла в 1962 году снова предъявила претензии на спорную территорию.

В Венесуэле решение арбитража было встречено с понятным негодованием, но еще президент Креспо призвал подчиниться любому возможному решению американских арбитров. Его больше интересовали президентские выборы 1897 года, в которых приняли участие 27 кандидатов. С 1893 года после очередного изменения конституции в Венесуэле наконец-то появились прямые выборы президента (раньше его избирали самые различные органы от коллегии выборщиков до Федерального совета, в котором заседали главы штатов).

Впервые после Федеральной войны восстала из небытия партия консерваторов. Они стали называть себя либеральными националистами и своим коньком сделали активную пропаганду против распродажи Венесуэлы иностранным капиталистам, которая и правда шла полным ходом со времен Гусмана Бланко. Лидером либеральных националистов стал Хосе Мануэль Эрнандес (его называли «Эль Мочо»).

Креспо добился избрания президентом своего ставленника Игнасио Андраде (сентябрь 1898 года), который был откровенно слабым политиком (поэтому его и отобрал Креспо, мечтавший по-прежнему управлять из-за кулис). Однако националисты обвинили Креспо в фальсификации результатов выборов и начали вооруженный мятеж. Креспо возглавил правительственные войска, но 16 апреля 1899 года был ранен в бою и умер.

Андраде воспользовался смертью своего ментора и попытался было выйти из тени. Он объявил об очередной конституционной реформе, желая увеличить срок полномочий президента с 4 до 6 лет. Против этого восстали уже даже либералы, также начавшие вооруженную борьбу. Против Андраде выступил и каудильо из андского штата Тачира (разбогатевшего на кофе и требовавшего большего влияния) Сиприано Кастро. Таким образом, против Андраде одновременно шло целых три восстания.

23 мая 1899 года Кастро начал поход на Каракас с 60 бойцами под девизом «Возрождение либерализма!» Он говорил о необходимости привести к власти «новых людей», незапятнанных коррупцией. Эти «новые» люди с «новыми идеями» будут управлять страной «новыми методами». Все эти не очень содержательные лозунги привлекли под знамена Кастро массу людей, которым надоело то, что страной правит узкая политическая элита из Каракаса и его окрестностей. У Кастро был имидж простого человека «из глубинки»[1], не скомпрометированного связями с иностранным капиталом.

Сам Андраде генералом не был и поэтому отдельные каудильо штатов его не поддержали. В стране началась анархия, явно способствовавшая продвижению отряда Кастро. Сам же Кастро договорился с националистами Эрнандеса о совместной борьбе. 10 сентября 1899 года войска Кастро нанесли ре-

[1] Он родился в 1858 году в семье фермера средней руки. Получив обычного для своей среды образование, Кастро одно время работал ковбоем. В 1884 году из-за спора с одним священником был арестован, но бежал из заключения. После этого содержал кабачок в городе Кукута. В 1886 году принял участие в вооруженной борьбе за власть в своем штате Тачира. Стал губернатором штата, но в 1892 году был вынужден эмигрировать в Колумбию, где прожил 7 лет. Там он успешно занимался контрабандой скота и на скопленные таким образом деньги стал формировать свою личную «армию».

шающее поражение правительственным частям при Токуито и Андраде бежал из страны. 21 октября 1899 года был подписан мирный договор, передававший власть Кастро.

В 1901 году очередная конституционная ассамблея послушно избрала нового «сильного человека» президентом.

К чести Кастро надо сказать, что он попытался прижать иностранные компании и пересмотреть условия концессий, которые щедро раздавали иностранному капиталу прежние либеральные правительства. Одним из самых первых шагов нового президента была срочная директива представителю Венесуэлы в Париж не подписывать арбитражное соглашение с Англией, но Кастро опоздал — документ уже был парафирован.

С ужасом Кастро выяснил, что его предшественники практически довели страну до банкротства. Правительства Венесуэлы охотно брали кредиты, так как цены на экспортные товары (прежде всего, кофе) долгое время стабильно росли, и было какими средствами обслуживать долги. Но в конце XIX века случилось неизбежное явление капитализма — кризис перепроизводства и падение цен. И в одночасье у Венесуэлы начались проблемы с иностранными кредиторами — ведь основным источником платежей по долгу были пошлины на экспортируемые товары. В послании конгрессу 1901 году Кастро говорил: «Когда я взял власть, то нашел казну истощенной, растраченный государственный доход, угрожающе растущий долг, способный задушить любой кредит для республики»[1].

Венесуэла стала похожа на огромный ломбард — практически все имущество правительства (особенно таможни и железные дороги) было заложено по долгам. А долги эти в 1901 году превысили астрономическую сумму в 193 миллиона боливаров. Почти на такую же сумму иностранные подданные предъявили претензии на ущерб от войн и революций конца века.

Во многом такой огромный долг возник из-за политики либералов, практически не взимавших никаких налогов с иностранных компаний. Само население Венесуэлы из-за своей бедности тоже никаких налогов не платило — вот и получалось, что единственным осязаемым источников доходов государственного бюджета были пошлины на экспортные товары.

В этих условиях решение Кастро было вынужденным и логичным — пересмотр концессионных договоров в сторону большего равноправия венесуэльской стороны. Особенно мешали развитию экономики соглашения эксклюзивного порядка, закреплявшие за теми или иными компаниями огромные территории или целые реки. Другие инвестиции на этих территориях становились, таким образом, невозможными.

Кастро прямо заявил в парламенте, что «договоры, концессии, привилегии с наглыми отжившими оговорками продолжают действовать в ущерб

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 155.

нашему кредиту, нашей промышленности и даже нашей нравственности»[1]. Терпеть этого он больше не желал.

Президент воспользовался тем, что возник конфликт с американской компанией «Нью-Йорк энд Бермудес К», которая потребовала передать ей принадлежавшую четырем венесуэльцам шахту, утверждая, что она находится на концессионной территории компании. Кастро ответил контрпретензиями — компания не выполнила обязательства по очистке русел рек на своей территории. После этого американцы стали тайно свозить на концессионную территорию оружие, готовя восстание против правительства.

В мае 1901 года Кастро объявил о пересмотре условий эксклюзивного соглашения с американской компанией «Ориноко корпорейшн». Одновременно Кастро отклонил иск другой американской компании «Ориноко стимшип», которая требовала запретить всем остальным пользоваться каналами Макарео и Педерналес. Их американцы считали своей собственностью.

24 января 1901 года Кастро издал декрет, фактически ограничивавший выплаты по внешнему долгу. Правительство взяло на себя обязательство удовлетворить имущественные претензии иностранцев, связанные с «революцией» самого Кастро, но переговоры по всем остальным требованиям откладывались на неопределенный срок, что вызвало негодование иностранных подданных. В декрете говорилось, что претензии можно предъявить в течение 90 дней. Иностранцам запрещалось прибегать к помощи дипломатических представительств своих стран — то есть Кастро не желал перевода частных споров на межгосударственный уровень.

Иностранные компании не собирались терпеть такого излишне самостоятельного президента. Они организовали заговор и сделали ставку на крупного банкира и коммерсанта Матоса, тесно связанного деловыми интересами с американской компанией «Нью-Йорк энд Бермудес К». 5 июля 1901 года американцы выдали Матосу чек на 100 тысяч долларов для организации «революции» против Кастро. Для перевозки оружия в Венесуэлу был зафрахтован британский корабль «Бен Райт», который ждал мятежников на французском острове Мартиника. Всю работу по организации переворота координировал посол США в Венесуэле Лумис, а пропагандистское обеспечение (сообщения в СМИ об «ужасной» диктатуре в Венесуэле) осуществлял корреспондент агентства «Ассошиейтед Пресс» Джоретт. Кастро пришлось выслать его из страны.

Матос между тем обосновался на английском острове Тринидад и ждал сигнала.

Кастро, конечно же не был демократом, но кто был им до него среди президентов Венесуэлы? В 1901 году к неудовольствию либералов он добился принятия новой конституции, по которой срок президентских полномочий был продлен до 6 лет и были отменены прямые всеобщие выборы главы государства. Теперь президента избирал новый орган — Муниципальный совет, состо-

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 156.

явший из представителей штатов. Именно этот совет и избрал в 1902 году Кастро президентом на 6 лет.

После принятия новой конституции в разных местах Венесуэлы в декабре 1901 года вспыхнули мятежи некоторых провинциальных каудильо. 15 мая 1902 года в Венесуэлу прибыл Матос, которого иностранные компании подобрали на роль вождя «демократического» восстания. Он попытался объединить силы мятежников и повести их на Каракас, но в октябре 1902 года повстанцы были разгромлены у Ла-Виктории. Матос и другие мятежники отошли на восток к границе с Британской Гвианой, где продолжали борьбу. Но было уже ясно, что переворот провалился.

Однако в этот трудный для Кастро момент над Венесуэлой сгустились мрачные тучи острого международного кризиса.

Германия запоздала к дележу мира, но Бисмарк после объединения страны «железом и кровью» в 1870 году требовал для рейха «места под солнцем». В переводе на нормальный язык это означало, что Германия хотела стать такой же колониальной державой, как Франция и Англия. Немцам удалось получить колонии в Восточной и Западной Африке, Новой Гвинее и на Тихом океане (берег Папуа — Новой Гвинеи, исследованный известным российским этнографом Н. Н. Миклухо-Маклаем и носивший его имя немцы переименовали в берег Бисмарка).

Для контроля над новыми владениями немцы лихорадочно строили мощный флот что вызывало недовольство признанных морских держав того времени — Англии и США. А для флота нужны были базы по всему миру. Предстояло открытие Панамского канала, что привлекло интерес Германии к Карибскому морю, ставшему из внутреннего международным. Командующий немецким флотом адмирал Тирпиц считал обязательным приобретение военно-морской базы в Карибском бассейне, так как в этом случае Германия «могла бы не бояться конфликта с США»[1].

Немцы уже показали зубы американцам, когда во время испано-американской войны 1898 года немецкая Восточноазиатская эскадра неожиданно появилась на Филиппинах[2]. Тем самым немцы продемонстрировали, что не желают соблюдать какие-либо неформальные соглашения держав о зонах влияния и игнорируют доктрину Монро.

Рейх решил использовать фактическое банкротство Венесуэлы для укрепления в этой стране своего влияния, с возможным приобретением базы для своего флота на каких-нибудь венесуэльских островах. Так как у Венесуэлы были испорчены отношения с Великобританией из-за пограничного спора, немцы решили привлечь к операции против Венесуэлы Лондон и тем самым заодно вбить клин между британцами и американцами.

---

[1] Kaulisch B. Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Eine politische Biographie. 3., durchgesehene Auflage, Berlin, 1988. S. 123.

[2] Американцы обещали филиппинцам освободить их от «испанского гнета», но сами аннексировали Филиппины и жестоко подавили восстание местного населения, желавшего независимости.

На тот момент, когда Кастро в 1901 году объявил о временной приостановке обслуживания иностранного долга, Венесуэла была должна немцам и англичанам 119,3 миллиона боливаров, в то время как максимальные годовые доходы страны не превышали 30 миллионов боливаров[1].

Немецкие банкиры потребовали в качестве гарантий по обслуживанию долга предоставить им контроль над таможенными сборами Венесуэлы. Кастро в свою очередь решил поиграть на межимпериалистических противоречиях: он рассчитывал на то, что США на базе доктрины Монро не позволят европейцам вмешиваться во внутренние дела Венесуэлы. Американцам же Венесуэлы практически ничего должна не была.

Летом 1901 года для придания большего веса требованиям немецких кредиторов, кайзер Вильгельм отправил к берегам Венесуэлы крейсер «Винета» с «дружественным визитом». Но немцам явно были не рады — на берегу произошли стычки межу немецкими матросами и венесуэльскими чиновниками. 6 октября 1901 года в Каракасе были арестованы два боцмана с «Винеты». В ответ с крейсера высадили десант в порту Ла-Гуайра и освободили моряков[2]. Конфликт был все же урегулирован дипломатическим путем.

В конце 1901 года немецкий посол в Вашингтоне Холльлебен прямо заявил американцам, что Германия готова к военной интервенции против Венесуэлы с целью обеспечения обслуживания долга. Президент США Теодор Рузвельт (лично участвовавший в 1898 году в войне против Испании и получивший прозвище «имперского президента») отреагировал на это своей известной поправкой к доктрине Монро. Согласно этой поправке американцы отказывали всем европейским державам в применении силы для урегулирования финансовых вопросов в Западном полушарии. За собой США такое право естественно оставляли.

МИД, министерство флота Германии и даже сам канцлер фон Бюлов на рубеже 1901 и 1902 года пытались получить от кайзера согласие на полномасштабную военную интервенцию против Венесуэлы, включая высадку войск. Но Тирпиц отсоветовал Вильгельму — германский флот был пока не готов сразиться с американским[3]. Именно Тирпиц и предложил действовать совместно с англичанами, так же не признававшими доктрину Монро. И действительно в начале 1902 года британские дипломаты в Берлине стали намекать на готовность совместно с Германией проучить Венесуэлу, а заодно насолить Соединенным Штатам. В сентябре 1902 года начались формальные переговоры, успешно завершенные во время визита кайзера на Британские острова в ноябре 1902 года.

Для экспедиции против Венесуэлы Тирпиц сосредоточил целую эскадру, куда помимо «Винеты» вошли еще два крейсера — «Фальке» («Сокол») и «Га-

---

[1] Zeuske M. Von Bolívar zu Chávez. Die Geschichte Venezuelas. Rotpunktverlag, Zürich, 2008. S. 14.

[2] На крейсере было два орудия калибром 210 мм (116 снарядов), 8150-миллиметровых (960 снарядов) и 1088-миллиметровых (2500 снарядов).

[3] Röhl J. C. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1941, München, 2008. S. 274.

зель», — канонерская лодка «Пантера» и фрегат «Штош». Правда Тирпиц боялся, что англичане нарочно заманивают немцев в ловушку: после начала совместной интервенции Лондон может быстро дать задний ход и оставить Германию один на один с США.

Адмирала смутило то, с какой легкостью Британия отказалась от своей предыдущей практики, согласно которой Форин офис не вмешивался в споры частных лиц с иностранными правительствами. Но англичане соблюли внешнюю верность принципам — формально их интервенция мотивировалась не долгами, а защитой британских подданных в Венесуэле от неправых действий против них властей.

7 декабря 1902 года временный поверенный в делах Германии в Венесуэле передал ноту, в которой немцы в ультимативном ключе требовали до 31 декабря возместить весь имущественный ущерб немецким гражданам, пострадавшим от гражданской войны в Венесуэле в период с 1898 по 1900 год. Немедленно немцы требовали выплатить 1.72 миллиона боливаров. От венесуэльского правительства потребовали признать в ответной ноте легитимность всех требований. В противном случае немцы угрожали сами взыскать деньги. Такую же ноту венесуэльцы получили и от англичан. Британцы подтянули к берегам Венесуэлы 8 кораблей, и английский адмирал Дуглас был назначен командующим объединенной эскадрой.

Не успев дождаться ответа, интервенты захватили 8 декабря 1902 года четыре маленькие венесуэльские канонерские лодки (весь флот республики) и немцы потопили три из них. Формальной причиной этих пиратских действий было то, что Кастро не ответил на ноту в течение 24 часов. Ликвидация венесуэльского флота была на руку мятежникам Матоса, получавшим снабжение по морю из-за границы. Таким образом, англо-германская интервенция фактически помешала Кастро добить инсургентов.

Президент Венесуэлы обратился к американцам с просьбой о посредничестве, но те выжидали, чем кончится дело. Между тем германо-британский флот установил полную блокаду побережья Венесуэлы и 12 декабря подверг бомбардировке порт Пуэрто-Кабельо. Это вызвало возмущение во всем мире, в том числе и у Ленина, который отметил: «Выколачивают долги из Венесуэлы (бомбардировкой)»[1].

9 декабря 1902 года Кастро призвал все граждан к защите родины. В воззвании президента говорилось: «Иностранцы осквернили священную землю нашей Родины. Их наглые действия вызвали гнев и возмущение. Справедливость на нашей стороне»[2]. Кастро объявил амнистию всем мятежникам, призвав их встать под национальные знамена. В стране началось формирование добровольческой армии в количестве 100 тысяч человек. В одной столице в добровольческие отряды вступили 5 тысяч бойцов, в основном молодежь. Венесуэльцы с энтузиазмом собирали деньги на оборону страны. Конечно, плохо воору-

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 669.
[2] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 159–160.

женные добровольцы ничего не могли поделать с англо-германским флотом. Но неподдельный энтузиазм людей окончательно похоронил планы высадки на территории Венесуэлы какого-либо крупного контингента интервентов.

11 декабря к интервенции Германии и Англии присоединилась Италия (в то время формальный союзник Берлина по Тройственному пакту Германии, Австро-Венгрии и Италии). Итальянцы прислали два военных корабля.

13 декабря 1902 года американцы, наконец, передали в Берлин и Лондон венесуэльское предложение о посредничестве. Через пять дней Англия и Германия согласились образовать арбитражную комиссию по рассмотрению спора под руководством президента США. Но Рузвельт отказался, предложив всем сторонам обратиться в международный Гаагский суд. Тогда Англия, Германия и Венесуэла решили провести предварительные переговоры в Вашингтоне, причем венесуэльское правительство назначило своим представителем посла США в Каракасе Боуэна. Таким хитрым ходом Кастро пытался побудить американцев действовать против европейских держав. Американцы были не прочь в очередной раз примерить тогу защитников общеамериканских интересов, и Вашингтон разрешил своему послу представлять Венесуэлу. На самом деле американцы просто хотели держать все переговоры под своим плотным контролем.

Несмотря на согласие венесуэльской стороны на переговоры Италия, Германия и Англия объявили 20 декабря 1902 года о полной блокаде венесуэльского побережья. Этот шаг угрожал вызвать полное и окончательное банкротство страны, так как вся внешняя торговля и рыболовство были приостановлены.

В отличие от подавляющего большинства народа, венесуэльские предприниматели требовали от Кастро договориться с интервентами — они не хотели терять привычных доходов от внешней торговли. 16 декабря 1902 года банкиры и коммерсанты Каракаса в коллективном письме потребовали от президента «ввиду истощения ресурсов» принять посредничество США и как можно быстрее урегулировать конфликт с интервентами[1].

Особой агрессивностью в отношении Венесуэлы отличались немцы. 3 января 1903 года германский десант высадился в Пуэрто-Кабельо, захватил таможню и начал бой с венесуэльской армейской частью численностью 800 человек. 17 января 1903 года канонерская лодка «Пантера» попыталась заблокировать вход в озеро (фактически залив) Маракаибо, но была отогнана венесуэльскими береговыми батареями форта Сан-Карлос. Через четыре дня на помощь «Пантере» подтянулась вся немецкая эскадра и орудийным огнем превратила Сан-Карлос в груду развалин. Лишь 23 января немцы отошли в открытое море.

Такие ничем не спровоцированные варварские действия Германии вызвали возмущение мирового общественного мнения, в том числе и британской печати. С конца января официальный Лондон стал давить на Берлин, предлагая

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год.. С. 160.

завершить интервенцию. Немцы в свою очередь побаивались задерживать американские корабли, перевозившие грузы в Венесуэлу. Канцлер рейха Бюлов рекомендовал предоставить этот щекотливое дело англичанам.

С Венесуэлой выразили солидарность все латиноамериканские страны. Министр иностранных дел Аргентины Драго 29 декабря 1902 года направил в Вашингтон официальную ноту, ставшую широко известной как «доктрина Драго». В ней содержалось аргументированное опровержение права какого-либо государства применять военные меры при решении финансовых вопросов. Ведь такие военные меры ведут к нарушению территориального суверенитета государства-должника, а значит, еще больше подрывают его платежеспособность.

У американцев нота Драго вызвала раздражение — ведь только США могли провозглашать в Западном полушарии какие-либо доктрины. К тому же сами американцы тоже считали возможным применение военной силы для взыскания долгов. Просто они оставляли в Новом Свете это право только за собой.

В январе 1903 года в Вашингтоне начались переговоры между Венесуэлой, Германией, Англией и Италией. 13 февраля по их итогам были подписаны Вашингтонские протоколы. Венесуэла в целом признала правомерность предъявленных претензий и выразила готовность сразу погасить некоторые долги. Для окончательного определения сумм прочих долгов, а также процедуры их погашения создавалась смешанная комиссия. С 1 марта 1913 года Венесуэла должна была переводить 30% от таможенных сборов в портах Ла-Гуайра и Пуэрто-Кабельо на специальный счет, предназначенный для погашения долга. При замедлении или приостановке обслуживания долга таможни должны были перейти под контроль бельгийских чиновников.

15 февраля 1903 года блокада Венесуэлы была снята.

Во время блокады иски Венесуэле предъявили еще семь стран, в том числе и США (формально «отстаивавшие» интересы Венесуэлы на переговорах с Италией, Германией и Англией). Но Германия и Англия требовали, чтобы их долги были погашены в первую очередь. Этот вопрос (об очередности удовлетворения претензий кредиторов) был отдан на рассмотрение арбитражного суда в Гааге. 22 февраля 1904 года суд решил, что Германия, Англия и Италия имеют преимущественное право на погашение долгов. Таким образом, суд фактически учел аргументы стран-агрессоров на тот счет, что они-де потратились на выбивание долга, поэтому должны быть вознаграждены.

После урегулирования долгового кризиса президент Венесуэлы Кастро отдал приказ правительственным войскам во главе со своим ближайшим соратником Хуаном Висенте Гомесом немедленно подавить остатки мятежа. 21 июля 1903 года был взят штурмом главный оплот мятежников город Сьюдад-Боливар.

Военную победу Кастро решил оформить юридически — принятием очередной конституции. Вместо 20 штатов осталось 13 (и тем самым была подорвана база местных князьков-каудильо). Президента отныне избирал Выбор-

ный совет (14 членов), в свою очередь избиравшийся парламентом: по одному депутату от каждого штата и Федерального округа (столица Каракас). У президента появилось два вице-президента[1] и одним из них стал Гомес. В мае 1905 года Кастро был предсказуемо избран президентом страны.

Кастро не прекращал наступления на позиции иностранного капитала в Венесуэле. 16 апреля 1903 года появился закон, определявший права и обязанности иностранных подданных в стране. Теперь все споры подлежали рассмотрению только в судах Венесуэлы — Кастро хорошо усвоил англо-германский урок. В декрете, изданном в 1905 году, еще более недвусмысленно констатировалось, что «коммерческие отношения и эксплуатация рудников не могут быть предметом ни дипломатического вмешательства, ни международных претензий»[2].

20 июня 1904 года генеральный прокурор Венесуэлы объявил об аннулировании концессионных договоров с американской фирмой «Нью-Йорк энд Бермудес К» и французской «Кабл франс» (обслуживала телефонные и телеграфные линии страны). Обе компании совершенно справедливо обвинили в поддержке мятежа Матоса. В начале 1905 года Верховный суд Венесуэлы формально ликвидировал обе компании. Над конторой «Нью-Йорк энд Бермудес К» был торжественно поднят венесуэльский флаг. Причем венесуэльский суд требовал от американской компании выплаты неустойки в 50 млн боливаров за неисполнение концессионного контракта.

Что касается Франции, то Кастро распорядился о высылке из страны французского торгового атташе и в 1906 году дипломатические отношения между Францией и Венесуэлой были разорваны.

Вслед за этим пришла очередь обеих американских компаний, пытавшихся установить монопольные права над бассейном Ориноко — «Ориноко стимшип» и «Ориноко корпорейшн». В поддержку компаний выступило правительство США, но Кастро твердо отверг вмешательство американского государства в коммерческий спор. Вашингтон требовал передать вопрос на международный арбитраж, но в Венесуэле слишком хорошо помнили, чем закончился арбитраж по пограничному спору с Англией. Однако американцы не унимались и перешли к прямым угрозам. 10 марта 1905 года государственный секретарь США Хэй направил ноту венесуэльскому правительству. В ней говорилось: «Если правительство Венесуэлы отклонит арбитраж, то правительство США примет любые меры, которые сочтет необходимыми, чтобы добиться решения вопроса»[3]. В Панаме начали концентрироваться американские войска.

Но тут на помощь Венесуэле пришло очередное обострение противоречий между империалистическими хищниками. Немцы предъявили претензии на Марокко и едва не вызвали войну с Францией. А Россия, казалось, вот-вот разобьет Японию, которой деньгами помогали США. В этих условиях амери-

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 162.
[2] Там же. С. 163.
[3] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 163.

канцы решили воздержаться от прямого нападения на Венесуэлу, которое Кастро считал более чем вероятным.

В 1908 году в очередной раз обострился давний спор между Голландией и Венесуэлой. Голландцы по-прежнему давали приют на своих карибских островах (особенно на Кюрасао) политическим эмигрантам из Венесуэлы всяческой окраски, которые спокойно готовили там разного рода восстания и мятежи. Кастро выслал голландского посла, и голландцы решили пойти по стопам немцев и англичан: к берегам Венесуэлы были посланы три военных корабля. Капитанам был отдан приказ перехватывать любые суда под венесуэльским флагом. 12 декабря 1908 года голландцы захватили корабль береговой охраны «Аликс» неподалеку от Пуэрто-Кабельо. Фактически в очередной раз был установлена морская блокада Венесуэлы.

Но на момент этого кризиса Кастро было уже не до войны.

В 1906 году президент Венесуэлы заболел очень редким недугом, связанным с нарушениями в мочеиспускательном тракте. Попытки операции привели к нарушениям функций сердца и дыхательных путей. В апреле 1906 года из-за мучительных болей президент уехал на отдых и лечение в город Ла-Гуайра и возложил временное исполнение функций президента на Хуана Висенте Гомеса — человека, которому он безгранично доверял и в котором полностью ошибался.

Гомес родился в 1857 году в том же андском и кофейном штате, что и Кастро (Тачира)[1]. Его отец был военным, и сын унаследовал эту профессию. Гомес и Кастро не могли не познакомиться, так как их семьи принадлежали к самым влиятельным в округе. Оба подружились, и когда Кастро стал бороться за власть, он назначил Гомеса полковником в своей армии. После того, как Кастро пришел к власти он сделал Гомеса губернатором Федерального (столичного) округа.

Влияние Гомеса особенно возросло после того как ему удалось окончательно разбить мятежников в 1903 году — в стране стали называть удачливого генерала «Умиротворителем». Причем этот почетный титул придумал лично президент. Но Кастро заподозрил (и не без оснований), что Гомес сам не прочь стать президентом. Во многом, чтобы проверить своего «друга» на лояльность, президент и отправился на отдых.

На самом деле Гомес уже давно готовил переворот, опираясь как на бывших мятежников, так и на иностранные компании. Он не понимал, зачем ссориться с иностранцами, если можно вместе с ними эксплуатировать дешевый труд и природные богатства Венесуэлы.

Получив от Кастро пусть и временную, но все же высшую власть, Гомес немедленно стал расставлять своих людей на ключевые должности. Например, его сторонник Леопольдо Батиста стал министром внутренних дел. Были перетасованы офицеры в столице. В окрестностях Каракаса стали собирать запасы

[1] Всего в семье было 13 детей, из которых четверо умерли в раннем возрасте.

оружия. Но большинство правительства состояло все же из «кастристов», а не «гомесистов» (так называли в стране сторонников обоих «сильных людей»). К президенту стали прибывать делегации, просившие Кастро вернуться. Гомес быстро сориентировался и сам 8 июня 1906 года призвал Кастро возвратиться на свой пост. 5 июля 1906 года Кастро внял просьбам, но здоровье уже не позволяло ему эффективно контролировать работу правительства.

В декабре 1906 года президенту снова пришлось уехать из столицы на лечение. Врачи сочли положение безнадежным, о чем немедленно стало известно Гомесу. В свою очередь, «кастристы», опасавшиеся прихода Гомеса к власти, несколько раз пытались убить вице-президента, и тому приходилось неоднократно менять свою резиденцию. Чтобы сбить своих врагов с толку Гомес демонстративно удалился в город Маракай, демонстрируя отсутствие президентских амбиций.

Между тем в конце 1907 года Кастро неожиданно стало лучше и Гомес гениальным ходом смог снова заручиться поддержкой главы государства. Он «разоблачил» заговор по свержению Кастро и последний уволил как раз тех министров, которые помешали Гомесу взять власть. Например, Кастро своими же руками удалил верных ему офицеров из ключевой крепости Пуэрто-Кабельо.

Осенью 1908 года мучения Кастро обострились настолько, что он вынужден был уехать на лечение в Берлин в самый разгар конфликта с Голландией. 23 ноября 1908 года президент назначил первого вице-президента Гомеса исполняющим обязанности главы государства на период своего отсутствия. Гомесу лишь оставалось превратить временное отсутствие в постоянное. В этом стремлении его всячески поддерживали американцы, которым надоела излишняя самостоятельность Кастро.

Гомес создал Правительственный совет, куда ввел многих противников Кастро (например, бывшего лидера мятежа Матоса). Уже 13 декабря 1908 года Гомес приказал министру иностранных дел Венесуэлы передать через посла Бразилии в Венесуэле американцам, что он готов в отличие от Кастро урегулировать все спорные вопросы, касающиеся деятельности в Венесуэле американских компаний[1].

Американцы поняли сигнал правильно и по просьбе Гомеса прислали к берегам Венесуэлы три боевых корабля. Эта эскадра должна была помешать Кастро вернуться на родину. Опираясь на пушки американской эскадры, Гомес осуществил 19 декабря 1908 года уже «официальный» государственный переворот. В качестве оправдания была использована версия о заговоре сторонников Кастро. Начались судебные слушания против Кастро, который якобы хотел убить Гомеса. Для завоевания авторитета в стране Гомес освободил политических заключенных и предложил всем политическим эмигрантам вернуться на родину.

---

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 165.

В августе 1909 года Гомес провел в Венесуэле очередную конституционную реформу. Срок президентских полномочий был сокращен до 4 лет, что должно было символизировать либерализм нового режима. Число штатов опять было увеличено до 20.

Гомес скромно разрешил избрать себя «временным» президентом (до вступления в силу новой конституции, намеченного на 1910 год). Ему был гораздо важнее титул верховного главнокомандующего вооруженными силами Венесуэлы.

Между тем Кастро намеревался вернуться в страну, хотя его состояние после перенесенной операции было тяжелым. Тем не менее он добрался до острова Тринидад, где у него открылись послеоперационные швы. Однако американцы по просьбе Гомеса выслали к Тринидаду два боевых корабля — «Северная Каролина» и «Монтана», чтобы не допустить высадки Кастро на побережье Венесуэлы. Тогда Кастро перебрался на французский остров Мартиника, но там жандармы бесцеремонно погрузили его на носилках на борт лайнера «Версаль», отплывавшего в Европу.

Кастро отправился из Парижа в Мадрид, затем на Канарские острова. Американские власти помешали ему выехать в США в 1912 году и, в конце концов, Кастро в 1916 году обосновался на Пуэрто-Рико. Там за ним внимательно следили как американская полиция, так и шпионы Гомеса. На Пуэрто-Рико Кастро и скончался в 1924 году. Прах Кастро вернулся на родину лишь в 1975 году, а в 2003 году его останки были захоронены в Национальном пантеоне в Каракасе.

Таким образом, с американской помощью Гомес консолидировал свою власть, и для Венесуэлы началось самое мрачное время в ее истории.

Формально осенью 1909 года Гомес начал готовить страну к президентским выборам, но никаких реальных выборов на самом деле он не хотел. Новый «сильный человек» страны обратился с пафосным призывом к обеим «историческим» партиям — либералов и консерваторов -, призвав их забыть старинную вражду и объединиться… вокруг его собственной кандидатуры. Послушные партии возражать не стали (это было небезопасно) и в апреле 1910 года конгресс избрал Гомеса президентом до 1914 года на безальтернативной основе.

Едва став президентом, Гомес поспешил отблагодарить своих североамериканских покровителей. Он восстановил дипломатические отношения с Вашингтоном, а в послании конгрессу раболепно заявил, что «признает политическую и финансовую гегемонию США на континенте»[1].

Помимо американской гегемонии Гомес признал и огромный венесуэльский внешний долг (хотя требования кредиторов были явно завышенными, а зачастую просто взятыми с потолка). Кастро, например, признал из 81 миллиона (в боливарах) американских требований только 2.2 миллиона, из 39 миллионов итальянских — 3 миллиона, из 7,3 миллиона германских — 2[2].

---

[1] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 166.
[2] Брито Ф. Венесуэла XX века. М., 1969. С. 24.

При Гомесе было объявлено, что внешняя задолженность составляет 161 миллион боливаров, а внутренняя — 72 миллиона. В течение первых пяти лет пребывания у власти Гомес выплачивал иностранцам по 12 миллионов боливаров. А с 11 июня 1915 года (уже вовсю бушевала Первая мировая война и карательных санкций можно было не опасаться) — 6 миллионов.

Гомес быстро разрешил все споры с «обиженными» Кастро иностранными компаниями, причем в пользу последних. «Нью-Йорк энд Бермудес К» получила обратно всю свою собственность и ей была гарантирована неприкосновенность имущества в течение 50 лет.

Диктатор подобострастно заявил: «Я понимаю, что великая северная нация стремится как можно больше расширить место, занимаемое ее продуктами на наших рынках, и считаю это стремление естественным. Но к моему патриотическому чувству…не примешивается ни малейшего чувства страха перед мощью этой страны, так как я вижу, что ее действия согласуются с серьезностью ее принципов, представляющих ее как самую совершенную демократию, которую когда-либо имело человечество»[1].

Гомес стал активно раздавать нефтяные концессию, причем сначала в Венесуэлу устремилась англо-голландская «Ройял Датч Шелл». Ее американские конкуренты в то время активизировались в Мексике, где они в 1910 году профинансировали революцию против мексиканского диктатора Порфирио Диаса.

Гомес раздавал концессии на добычу нефти своим родственникам и приспешникам, которые потом перепродавали их иностранцам. Зачастую иностранцы сами подсказывали фаворитам Гомеса, какие участки венесуэльской территории им нужны. В Каракасе и на местах сформировалась целая паразитическая олигархия, зависящая от благосклонности диктатора. Например, в самом нефтеносном штате Сулия брат и сын диктатора получили концессии на 586 тысяч га[2]. Естественно, что концессии немедленно очутились в руках американцев.

Условия, на которых иностранцы через венесуэльскую олигархию получали концессии, были более чем благоприятными. Поземельный налог не превышал 1 боливара с гектара, арендная плата за эксплуатацию месторождения (роялти) — 2 боливара за каждую добытую тонну нефти. Государству причиталось 50% пошлины от импорта нефтепродуктов (первоначально «Ройял Датч Шелл» построила нефтеперегонный завод на голландском острове Кюрасао, и Венесуэла стала импортером нефтепродуктов из своей же собственной нефти)[3].

Следует подчеркнуть, что еще со времен испанского колониального владычества все недра страны принадлежали государству и не могли быть проданы в частные руки. Этот порядок подтвердил своим декретом Боливар 24 октября 1829 года.

---

[1] Брито Ф. Венесуэла XX века. М., 1969. С. 27.
[2] История Латинской Америки 1918–1945. М., 1999. С. 277.
[3] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 29.

Первоначально нефтяные месторождения Венесуэлы казались мелкими и нерентабельными, но в феврале 1914 года было открыто огромное месторождение в Мене-Гранде: нефтяной фонтан бил из-под земли 9 дней и вокруг вышки образовалось целое озеро. На лондонской бирже началась настоящая нефтяная лихорадка: акции «Ройял Датч Шелл» и ее дочерних венесуэльских компаний резко подскочили в цене.

Но тут началась Первая мировая война и европейцам понадобилась не столько нефть (до «войны моторов» было еще далеко), сколько традиционные венесуэльские сельскохозяйственные товары, цены на которые резко подскочили. В 1917–1918 годах экспорт нефти (21 тысяча тонн) принес Венесуэле примерно 900 тысяч боливаров, в то время как вывоз кофе (588 719 мешков) дал 29 миллионов боливаров. В 1918–1919 годах было продано 18,8 тысячи тонн нефти на 817 229 боливара и 1 375 034 мешков кофе за 115 миллионов боливаров.

Экспорт венесуэльской нефти стал расти только после 1921 года, и причиной тому были события в Мексике. Установившийся в этой стране революционный режим начал поднимать налоги и сборы на иностранные нефтяные компании. К тому же мексиканское государство почти всегда становилось на сторону рабочих в их трудовых спорах с работодателями, в том числе и иностранными. В этих условиях американский капитал стал рассматривать Венесуэлу диктатора Гомеса как желанную альтернативу революционной Мексике, которая в 1924 году к тому же к неудовольствию Вашингтона установила дипломатические отношения с СССР (напомним, что США признали Советский Союз лишь в 1933 году).

Мексиканское правительство оказывало венесуэльским эмигрантам материальную помощь (в том числе и оружием) и с территории Мексики предпринималось несколько вооруженных экспедиций для свержения диктатуры Гомеса. Венесуэльские эмигранты просили о помощи и советское полпредство в Мехико (Москва рекомендовала полпредству проявлять осторожность, чтобы не дать США повода для обвинения СССР в экспорте мировой революции).

Естественно, что Гомес был рад насолить мексиканцам и активно зазывал американские компании к себе в страну.

В 1920–1921 годы вывоз нефти достиг 100 тысяч тонн и принес (правда, не Венесуэле, а в основном иностранным компаниям) 5,3 миллиона боливаров. Послевоенный кризис в Европе нанес там удар по потреблению кофе и экспорт ароматного напитка за тот же период упал до 622 461 мешка, но все равно приносил по-прежнему гораздо больше денег — 45 миллионов боливаров[1].

Для того чтобы сделать американские инвестиции еще более выгодными, правительство Гомеса под диктовку юристов нефтяных компаний разработало и утвердило 23 июня 1922 года новый закон о нефтяных концессиях.

[1] Брито Ф. Венесуэла XX века С. 31.

По этому закону срок лицензии на разведку нефти увеличивался до трех лет и в течение этого срока компании могли выбрать себе три участка по 500 га для пробного бурения (ранее — не более 200 га). Если ранее концессии на добычу давали максимум на 30 лет, то теперь — на 40. Во время разведки нефти иностранцы платили налог всего в 0.1 боливара за гектар. Разовый сбор за начало промышленной эксплуатации составлял 2 боливара с 1 га. Выплачивался также поземельный налог от 2 до 5 боливаров за гектар. Налог на саму нефтедобычу составлял 10% от стоимости и выплачивался либо в денежной, либо в натуральной форме. Все концессионеры освобождались от таможенных платежей на импортируемое ими оборудование.

Таким образом, венесуэльские власти имели примерно 18% от стоимости добываемой в стране нефти — все остальные деньги утекали за границу. Только в течение первых 10 лет после вступления «нефтяного закона» в силу иностранные компании сэкономили на импортных пошлинах 233 миллиона боливаров, в то время как правительство Венесуэлы за тот же период получило от нефтедобычи доход в 172 миллиона боливаров[1].

Следует подчеркнуть, что самое деятельное участие в разработке закона о нефти принял американский посол в Каракасе Макгудвин.

Помимо англичан и американцев Гомес пытался привлечь к эксплуатации нефтяных месторождений немцев. Концерн Стинннеса проявил было заинтересованность в 1924 году (американцы тут же насторожились), однако в послевоенной побежденной Германии явно не хватало средств на заморские прожекты. Наоборот немцы предложили Гомесу приобрести у них железную дорогу Каракас-Валенсия, но диктатор отказался.

По сведениям в США, немцы якобы намеревались купить у Гомеса 200 тысяч га нефтеносных земель[2]. Американцы помнили, что во время Первой мировой войны Гомес иногда высказывал и прогерманские симпатии. Никаких немецких конкурентов Вашингтон видеть в Венесуэле не желал. Американский посол в Каракасе получил указание «выразить озабоченность» министру иностранных дел Венесуэлы. Американцы сами хотели приобрести те земли, на которые якобы зарились немцы.

После принятия нефтяного закона, концессии в Венесуэле через камарилью Гомеса стала активно скупать американская «Стандард Ойл» — главный конкурент англо-голландской «Ройял Датч Шелл» на тогдашней мировой нефтяной арене.

В 1923–1924 годы в Венесуэле было добыто уже 714 тысяч тонн нефти, в 1924–1925 годы — 2 миллиона тонн, в 1927–1928 годы — 11,5 миллиона тонн. В 1928 году Венесуэла стал ведущим экспортером в мире, уступая только США по добыче «черного золота». В 1929 году на долю американских компаний приходилось уже 55% добычи венесуэльской нефти. Если добыча нефти в революционной Мексике во многом из-за саботажа иностранных компаний снизилась

[1] История Латинской Америки 1918–1945. С. 277.
[2] Lieuwen E. Petroleum in Venezuela, University of California Press, 1955. P. 35.

со 193 миллионов баррелей в 1921 году до 45 миллионов в 1929, то за этот же период в Венесуэле был отмечен рост добычи с 1 миллиона до 137 миллионов баррелей.

Вслед за Рокфеллером («Стандард Ойл») в стране появились фирмы другого американского нефтяного и финансового магната — Меллона. Под контролем иностранных компаний в Венесуэле оказалось до 30 миллионов гектар.

С точки зрения нефтяных компаний Венесуэла была настоящим «Эльдорадо» — 80.5% всех скважин, пробуренных в стране до 1935 года, оказались продуктивными. Такого не было больше нигде, даже в облюбованном англичанами Иране[1]. Себестоимость добычи, соответственно, была низкой и не шла ни в какое сравнение с расходами в тех же США: средняя себестоимость венесуэльского барреля в 30-е годы равнялась 0.65 долларам, а американского — 1,98. Если на одну рабочую скважину в Техасе в 1928 году приходилось 280 700 баррелей, то в Венесуэле — 1 252 900.

Тем не менее до мирового кризиса 1929 года англо-голландский капитал (прежде всего «Ройял датч Шелл») все еще сохранял преобладающие позиции в экономике Венесуэлы — к 1920 году на него приходилось 59% всего промышленного капитала, на американцев — 4%, на отечественный капитал (часто выступавший лишь как ширма для иностранного) — 37%[2].

Для удовлетворения аппетитов нефтяных компаний с помощью приспешников диктатора тысячи крестьян сгоняли с земель, и венесуэльское сельское хозяйство стало приходить в упадок. Если в 1910 году Венесуэла была вторым в мире производителем кофе, то к 1932 году занимала только 10-е место. А по урожайности кофе Венесуэла вообще отодвинулась на последнее место в мире. Нефть, которую в стране прозвали «экскрементом дьявола», буквально поглотила ароматный напиток.

Бывшие фермеры становились рабочими на нефтепромыслах, но иностранные компании обычно платили венесуэльцам гораздо меньше, чем иностранным рабочим и специалистам. «Туземные» рабочие получали обычно 5–7 боливаров в день (квалифицированные, например, бурильщики — 18), а иностранцы — от 32 и выше. Всего в Венесуэле в 1921 году насчитывалось 5276 рабочих-нефтяников.

Американцам и англичанам нравилось, что в отличие от Мексики никаких профсоюзов в Венесуэле не существовало в принципе. С точки зрения Гомеса это были «коммунистические организации», а все «коммунистическое» в Венесуэле находилось под строжайшим запретом.

Диктатор активно раздавал и так называемые «пустующие» государственные земли — и, естественно, их счастливыми обладателями становились родственники или сторонники самого Гомеса. Например, в 1920 году девяти собственникам в девяти штатах было бесплатно роздано 38,6 тысячи га земли.

---

[1] McBeth B. S. Juan Vicente Gómez and the Oil Companies in Venezuela, 1908–1935, Cambridge University Press, 2002. P. 1.

[2] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 54.

Самым большим латифундистом страны был сам диктатор, активно занимавшийся, например, скотоводством вместе с английской компанией. Гомесу и его клике принадлежало до трети всех обрабатываемых земель страны[1]. Семья диктатора владела 1 242 403 га пастбищных земель и 140 470 га — пашенных. А всего в Венесуэле в 1920 году 85% земли находилось в распоряжении 8% владельцев.

Диктатор и его клан были любителями всякого рода монополий, с помощью которых они вынуждали население покупать производимые в их поместьях и на их предприятиях товары. Например, брат Гомеса, губернатор штата Сулия (центр нефтедобычи), установил монополию на продажу мяса угля, дров, строительного леса и бамбука в своем штате. Тем же самым занимались родственники и подельники Гомеса по всей стране.

Пеоны-батраки были вынуждены трудиться на новых хозяев жизни за один боливар в день, причем зарплату часто выдавали продуктами по завышенным ценам. При невыполнении нормы пеона заковывали в колодки и били кнутом. Один из чиновников докладывал после осмотра одного из поместий, что батраки в день получают четыре полугнилые рыбины и 8 бананов.

Формально независимые крестьяне-арендаторы были вынуждены в счет аренды отрабатывать на земле собственника до трех дней в неделю — то есть в Венесуэле фактически существовала барщина в ее средневековых формах.

Неудивительно, что при Гомесе в Венесуэле был очень низкий прирост населения — высокую рождаемость сводила на нет такая же высокая смертность, особенно детская. Ведь никакого медицинского обслуживания для большинства венесуэльцев не существовало в принципе. В 1920 году на 74 174 родившихся в стране приходилось 54 715 умерших. На 1000 жителей в году умирало 20 человек. В 1907 году из 53 583 смертей 18 тысяч (35%) приходилось на смерть детей в возрасте до 5 лет. Причем при Гомесе детская смертность даже выросла и составляла уже 40% от всех умерших.

Венесуэльцев косили такие болезни как туберкулез, малярия, дифтерия, но большинство смертей регистрировались как произошедшие по «неизвестным причинам». Впрочем, всем эти причины были ясны — тяжелый труд и хроническое недоедание.

Американские компании хищнической добычей нефти наносили огромный ущерб стране, но жалобы окрестных муниципалитетов, как правило, ни к чему не приводили — Гомес понимал, кому он обязан своим пребыванием у власти. Когда в 1913 году опять появились слухи о возвращении Кастро из Европы испуганный Гомес попросил американцев прислать в порт Ла-Гуайра боевые корабли, что и было немедленно сделано — 3 августа 1913 года на рейд порта прибыл американский крейсер «Де Мойн». Британская «Таймс» заметила по этому поводу: «Вашингтон не допустит победы Кастро. Администрация Гомеса вполне удовлетворяет США»[2].

---

[1] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 46.
[2] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 167.

Диктатор правил железной рукой, подавляя малейшие признаки недовольства. 1 августа 1913 года американская газета «Нью-Йорк Геральд» писала: «За всякую критику администрации — тюрьма. Кто не поддерживает официальной власти тех посылают в Сан-Карлос[1], где подвергают страшным унижениям и оскорблениям»[2]. Обнаглевший диктор считал своей собственностью не только страну, но и ее людей — говорили, что у него примерно 400 внебрачных детей.

Нефтяные доходы, в буквальном смысле этого слова свалившиеся с неба, позволили Гомесу подкупить местных князьков в штатах и те уже не хотели бунтовать: ведь на перепродаже концессий они могли заработать гораздо больше. Из-за нефти и хорошей внешнеэкономической конъюнктуры на традиционные экспортные товары бюджет государства закрывался с большим профицитом, составившим в 1919–1920 годы 33 миллиона боливаров. Золотой запас страны (5 миллионов боливаров в 1914 году) превысил в 1919 году 51 миллион[3].

Но диктатор помимо пряника полагался и на кнут. На армию отпускались громадные деньги, и она стала одной из лучших в Западном полушарии.

В 1915 года Гомес решил проявить «демократизм» и не стал баллотироваться на новый президентский срок, сделав «президентом» свою креатуру — Виторино Маркеса Бустильоса. Но сам Гомес, уходя, никуда не ушел — он стал «всего лишь» верховным главнокомандующим вооруженными силами.

В репрессивной природе диктатуры ничего не поменялось, и массовая эмиграция из страны продолжалась. Много венесуэльцев осело в Мексике, на Кубе, на Пуэрто-Рико, в США и Колумбии. За границей издавалось несколько эмигрантских газет, критиковавших Гомеса (например, «Эль Республикано» в Мексике). В 1921 году эмигранты (в основном бывшие деятели либеральной партии) попытались высадиться на побережье и одновременно вторгнуться со стороны Колумбии. Однако у Гомеса среди эмигрантов было много агентов, и заговор был раскрыт, потерпев неудачу.

К тому же диктатор усиливал контроль и внутри страны — муниципалитеты, ранее выбиравшиеся населением, теперь уже назначались властями штатов. Все кандидатуры при выборах в конгресс заранее получали одобрение диктатора.

В 1922 году Гомес в очередной раз поменял конституцию и вновь вернулся в президентское кресло, на сей раз уже до 1929 года. Пост командующего армией был быстро упразднен и эти полномочия вновь были переданы… президенту. Первым вице-президентом стал брат диктатора, вторым — его сын (тоже Хосе Висенте, которого прозвали «Висентито», то есть «маленький Висенте»). После такого фарса не выдержал и подал в отставку даже посол Венесуэлы в Вашингтоне Сантос Доминиси.

---

[1] Крепость-тюрьма под Каракасом.
[2] История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. С. 167.
[3] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 37.

В народе (хотя в тот период, скорее среди правящей верхушки) зрело недовольство необычной наглостью, с которой семья Гомесов управляла страной. 30 июня 1923 года «первого вице-президента» убили в собственной спальне в президентском дворце Мирафлорес.[1] Сам Гомес видимо спасся чудом — в тот день он не ночевал во дворце. Убийц так и не нашли. Официальная версия гласила, что в убийстве виновны эмигранты, в то время как в народе были склонны подозревать членов семьи самого Гомеса.

Гомес обрушил на народ новые репрессии, попутно обвиняя во всех своих бедах революционное мексиканское правительство.

В 1925 года диктатор опять занялся любимым делом — вновь поменял многострадальную венесуэльскую конституцию. Теперь вице-президент был всего один — и им стал естественно, сын. Губернаторы штатов назначались, а президент мог наложить вето на любой законопроект. Одновременно Гомес провозгласил амнистию 25 тысяч политических эмигрантов и предложил им вернуться в страну.

Гомес видимо полагал, что, нейтрализуя эмиграцию, он окончательно сможет упрочить свое господство. Но удар по диктатуре был нанесен оттуда, откуда Гомес его меньше всего ожидал.

6–12 февраля 1928 года Федерация университетских студентов проводила в Каракасе свой очередной карнавал[2]. Но вдруг случилось неслыханное. На церемонии возложения венков к могиле Боливара слово взял 19-летний студент юридического факультета Ховито Вильяльба, который подверг резкой критике правительство. Вечером того же дня во время «коронации королевы студентов» (пик карнавала) молодой поэт Пийо Тамайо выразил те же мысли в стихотворной форме. На следующий день на студенческом митинге в театре «Риволи» такие ораторы как Рауль Леони (лидер федерации студентов) и Ромуло Бетанкур (20-летний однокурсник Леони и Вильяльбы) потребовали уже свержения диктатуры Гомеса: «…наш народ забыт богом, а республика переживает агонию»[3].

Раздраженный диктатор немедленно распорядился арестовать смутьянов-молокососов. Однако рассерженные студенты отправили Гомесу телеграмму, требуя немедленного освобождения своих вожаков. Сотни протестующих вышли на улицы Каракаса.

Впервые Венесуэла столкнулась не с верхушечным переворотом, а с массовым народным движением.

Но Гомес не понял этого и продолжал реагировать в привычном для себя духе — было арестовано еще 210 студентов. Тогда в Каракасе вспыхнула стихийная забастовка — к требованиям студентов присоединись булочники, трамвайщики, ремесленники. Беспорядки перекинулись на другие города страны. И

---

[1] История Латинской Америки 1918–1945. С. 281.

[2] Характерно, что Гомес вообще закрыл столичный университет в 1912 году, когда студенты выразили недовольство тем, что правительство Венесуэлы признало долг Франции. Снова университет открыли лишь в 1923 году.

[3] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., 1972. С. 32.

тут диктатор впервые пошел на попятную — он приказал освободить всех арестованных кроме поэта Пийо Тамайо, который якобы был «коммунистом».

Но вышедшие из тюрьмы студенческие лидеры не испытывали к Гомесу никакой благодарности и стали активно агитировать в пользу немедленного свержения диктатуры любыми средствами.

7 апреля 1928 года в казармах Мирафлорес вспыхнул военный мятеж, во главе которого стоял 30-летний капитан-артиллерист Рафаэль Альварадо Франко. Казармы были фактически в самом президентском дворце, но Гомес постоянно жил в городе Маракай. К военным сразу же примкнули студенческие лидеры. Части, охранявшие дворец, присоединились к восставшим, и казалось, что дни диктатуры уже сочтены. Однако повстанцы не смогли захватить арсенал — крепость Сан-Карлос, чтобы раздать оружие народу.

Мятеж был подавлен верными правительству частями во главе с генералом Элеасом Лопесом Контрерасом, которого Гомес в знак благодарности сделал военным министром. Офицеров-мятежников немедленно бросили в тюрьму, а студентов сослали вглубь страны на принудительные работы. Им предстояло вкалывать на угольных шахтах и строительстве дорог. И студентов, и молодых офицеров по традиции обвинили в «коммунистических устремлениях» — самом страшном грехе с точки зрения Гомеса[1].

21 апреля 1928 года Гомес заявил в послании конгрессу, что события февраля-апреля 1928 года явились следствием «агитации извне». Но уже через неделю диктатору ответило новое восстание военных. На этот раз знамя мятежа поднял на своей асиенде генерал Габальдон. Но и это восстание как чисто верхушечное, успеха не имело.

Гомес начал подозревать в заговоре даже своего сына «Висентико». Молодой Гомес стал высказываться с симпатией о студенческом движении, среди его окружения появились молодые офицеры из Военной академии. Диктатор недолго думая закрыл Военную академию, а сына отправил в Европу. «Висентико» просил разрешения вернуться, но отец был неумолим. «Не сходите с ума в другой раз», — написал он Гомесу-младшему[2].

В июне 1929 года эмигрантская Венесуэльская революционная партия совершила так называемый «прыжок с Кюрасао». Члены партии, среди которой было несколько коммунистов, вели агитацию среди венесуэльских рабочих на нефтеперегонном заводе, расположенном на Кюрасао. Экспедиция повстанцев высадилась на берегу Венесуэлы в местечке Ла-Вела, но там ее уже ждали предупрежденные заранее правительственные войска. После боя часть повстанцев ушла в горы, где продержалась еще примерно три недели.

Однако народные массы Венесуэлы пока безмолвствовали — попытки эмигрантов, молодых военных и студентов «разбудить» народ успеха не принесли.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле С. 34.
[2] История Латинской Америки 1918–1945. С. 284.

Гомес немного успокоился и в 1929 году передал президентские полномочия Хуану Баутисте Пересу. Сам он, как и раньше, стал в результате этой рокировки командующим вооруженными силами.

Мировой экономический кризис не сильно задел Венесуэлу, так как на сбыте нефти депрессия первоначально не отразилась. Наоборот, 17 декабря 1930 года Гомес мог объявить о полном погашении внешнего долга страны[1]. Но уже в 1931 году нефтедобыча сократилась на 2 миллиона тонн. Гомес, правда, продолжал вещать о спокойствии, благополучии и мире в стране.

Англо-голландская «Ройял Датч Шелл» и американская «Стандард Ойл» хорошо подготовились к кризису. Еще в 1928 году они заключили соглашение о фактическом разделе Венесуэлы. Американцы должны были сконцентрировать свои усилия на востоке страны, англо-голландцы — на западе.

Между тем, студентов-зачинщиков волнений 1928 года[2] выслали за границу, и они обосновались на Кубе, в Мексике, Колумбии, Коста-Рике и других странах, пополнив ряды и так многочисленной венесуэльской политической эмиграции. Некоторые из них присоединились к коммунистическим партиям этих стран.

5 марта 1931 года в самой Венесуэле появился подпольный манифест, возвещавший об учреждении коммунистической партии Венесуэлы. Ее лидером стал Хуан Баутиста Фуэнмайор[3]. Речь шла о небольшой группе интеллигенции, вынужденной действовать в условиях глубочайшего подполья. Предтечей компартии была Венесуэльская революционная партия, основанная в Мексике в 1927 году.

В 1932 году в компартии было по разным данным от 200 до 600 членов.

Лидеры «движения 1928 года» обосновались в Колумбии и основали там Левую революционную группировку (испанская аббревиатура АРДИ). Вскоре в эту группу (скорее кружок) вступил высланный из Венесуэлы бывший студент юрфака Ромуло Бетанкур.

Бетанкур родился в 1908 году под Каракасом. Его отец был выходцем с Канарских островов. Ромуло остался сиротой в 10 лет, в 1927 году поступил на юридический факультет Каракасского университета и годом позже принял участие в «движении 1928 года». Был брошен в камеру без окон, где сидел в ножных кандалах. Благодаря заступничеству видных общественных деятелей вышел на свободу и принял участие в восстании 7 апреля 1928 года. После провала мятежа эмигрировал. На острове Кюрасао вступил в леворадикальную Революционно-демократическую партию (РДП), в которой было много сторонников марксизма. Однако через 4 месяца покинул партию, так как его там считали коммунистом.

---

[1] История Латинской Америки 1918–1945.. С. 285.

[2] Их стали называть «поколение 1928 года».

[3] Родился в 1905 году, в 1925 году начал учебу на юридическом факультете университета. Участвовал в событиях 1928 года, за что попал в тюрьму. Затем эмигрировал в Колумбию, где вступил в ряды местной компартии (1935 год).

Вместе с членами АРДИ он подпал под влияние известного по всей Латинской Америке перуанского философа и политика Айя де ла Торре. Де ла Торре считал, что в Латинской Америке коммунизм и марксизм являются чуждыми идеологическими течениями. Истинная революционная партия, по его мнению, должна была быть многоклассовой, а не рабочей, и делать упор не на обобществление частной собственности, а на борьбу с внешним врагом — иностранным империализмом. Де ла Торре проповедовал союз рабочих, крестьян и мелкой буржуазии (отсюда осторожность в экономических преобразованиях). Но что больше всего импонировало венесуэльским студентам-эмигрантам, так это тезис перуанца о том, что руководить революционной борьбой должна образованная интеллигенция, авангардом которой является студенчество.

Де ла Торре претендовал на то, чтобы в каждой стране Латинской Америки появилась партия его сторонников — Американский народно-революционный альянс (испанская аббревиатура АПРА). Как и многие другие мелкобуржуазные левые радикалы де ла Торре был ярым антикоммунистом, так как видел в компартиях главных конкурентов в борьбе за массы.

Венесуэльская АРДИ подпала под идейное влияние де ла Торре, что отразилось на ее первом программном документе — «плане Барранкилья»[1], появившимся на свет в 1931 году. В плане анализировалась ситуация в Венесуэле (причем с марксистских позиций). АРДИ требовала ликвидации диктатуры и конфискации имущества клана Гомеса, установления демократии и передачу всей власти гражданским лицам, пересмотра концессий с иностранными фирмами, борьбы против неграмотности, аграрной реформы. Под такими требованиями могло бы подписаться подавляющее большинство венесуэльского населения.

В 1931 году Бетанкур уехал в Коста-Рику и, вступив там в местную коммунистическую партию, сотрудничал в центральном органе этой партии газете «Трабахо» («Труд»). Но с коммунистами Бетанкур разошелся довольно быстро. Он считал ошибочной ставку только на рабочий класс, особенно в условиях Венесуэлы, где рабочих было мало. Позднее Бетанкур писал, что в коммунистах ему якобы не нравилось то, что все компартии были членами Коминтерна и, значит, управлялись из Москвы.

Зато Гомес понимал, что именно рабочие могут стать той силой, которая способна свергнуть его режим. Студентов он считал болтунами, крестьяне были неграмотны и задавлены повседневной нуждой, а вот рабочие-нефтяники стали внимательно смотреть на пример Мексики, где профсоюзы добивались от иностранных компаний довольно высоких зарплат и вели активную политическую агитацию.

Диктатор решил сыграть на опережение, и в 1928 году был издан закон о труде, по которому продолжительность рабочего дня не могла превышать 9 часов, а в горнодобывающей сфере — восьми. Под контролем властей был создан

[1] Назван так в честь города в Колумбии, где и был издан манифест.

профсоюз — Рабочая федерация Венесуэлы. Предлагалось создать и банк рабочего кредита с уставным капиталом в 7 миллионов боливаров.

Гомес смог нейтрализовать всех своих противников кроме одного — времени. 17 декабря 1935 года престарелый диктатор скончался и к власти пришел бывший военно-морской министр Лопес Контрерас. Из тюрем были выпущены политзаключенные, а эмигрантам разрешили вернуться на родину. 5 января 1936 года в Венесуэлу возвратился и Бетанкур.

После десятилетий репрессий и политической спячки в Венесуэле начался бурный процесс образования всевозможных политических партий и групп.

В начале 1936 года возник Национально-республиканский союз (испанская аббревиатура УНР). В нем объединились умеренные буржуазные элементы, находившиеся по разным (часто личным) причинам в оппозиции к Гомесу. УНР выступал лишь за политические перемены, при этом постепенные и осторожные. Партия очень быстро сошла со сцены.

Левые элементы (в том числе и многие коммунисты) объединились в Республиканскую прогрессивную партию (испанская аббревиатура ПРП). Эта партия требовала немедленной передачи земли тем, кто ее обрабатывает, установления государственного контроля над промышленностью.[1]

Вернувшиеся домой студенческие лидеры 1928 года создали Венесуэльскую организацию (испанская аббревиатура ОРВЕ). Организация была учреждена на массовом митинге в Новом цирке Каракаса в начале марта 1936 года и ее требования были хлесткими, но не очень конкретными. ОРВЕ говорила, что отстаивает интересы угнетенных против власти богачей. Тем не менее, авторитет ОРВЕ быстро рос, так как во главе ее стояли те, кто осмелился противостоять диктатуре еще в 1928 году.

Коммунистическая партия все еще оставалась под запретом.

Рабочие–нефтяники выдвинули программу создания Народного фронта — именно такую тактику начиная с 1935 года проповедовал Коммунистический Интернационал.

Особняки клана Гомеса охраняла полиция — народ был готов разорвать на части членов семьи ненавистного диктатора. Мирная демонстрация в Каракасе была расстреляна. Однако солдаты уже были не готовы выполнять любой приказ правительства. Например, в Маракаибо солдаты стреляли в полицию, направленную на подавление демонстраций и забастовки нефтяников. Тем не менее, Лопес Контрерас, не желая ссориться с нефтяными компаниями, объявил забастовку нефтяников незаконной.

Новый временный глава государства (выборы были назначены на апрель 1936 года) выслал из страны членов клана Гомеса и выдвинул лозунг «Успокоение и благоразумие». В качестве уступки народу была отменена цензура, и в Венесуэле появилось много независимых газет. В эти дни группа интеллиген-

[1] Дабагян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 39.

тов при участии коммунистов образовала Боливарианскую группу, которая требовала убрать из страны все «остатки гомесизма».

Правительство спохватилось и решило 12 февраля 1936 года восстановить цензуру СМИ. В ответ на это 14 февраля в Каракасе на площади Боливара собралось несколько десятков тысяч человек. Полиция начала стрелять, убив и ранив несколько демонстрантов. В ответ на это вечером того же дня у президентского дворца Мирафлорес собралось уже более 50 тысяч человек. Лопес Контрерас был вынужден уступить, и уволил главу столичного Федерального округа. Были также смещены губернаторы нескольких штатов –явные сторонники Гомеса.

Нового президента по конституции должен был избирать конгресс, состоявший из явных приверженцев Гомеса. Часть вновь возникших политических групп требовала роспуска парламента и выборов в конституционную ассамблею, которая должна была принять новую, демократическую конституцию, Однако ОРВЕ считала, что Лопес Контрерас и так обеспечит демократическое развитие страны, даже при старом конгрессе.

В апреле 1936 года УНР, ОРВЕ и ПРП образовали так называемый «апрельский блок», считавший, что конгресс сначала должен избрать нового президента и только потом надо переизбрать сам парламент.

19 апреля 1936 года конгресс предсказуемо избрал на пост президента Лопеса Контрераса, но тот отказался от сотрудничества с «апрельским блоком». Блок спохватился и начал требовать уже роспуска конгресса как реликта «гомесизма». В ответ конгресс стал обсуждать летом 1936 года законопроект об общественной безопасности, ужесточавший правила организации демонстраций. Апрельский блок (называвшийся с лета 1936 года «Блоком защиты демократии») ответил забастовкой в июне 1936 года.

Забастовка приобрела большой размах (она началась 9 июня и продолжалась 4 дня) и Лопес Контрерас опять пошел на уступки.

16 июня 1936 года была принятая новая конституция Венесуэлы — самая демократичная на тот момент за всю историю страны. Срок президентских полномочий устанавливался в 5 лет и переизбрание не допускалось. Однако главу государства все же опять избирал не народ, а парламент. В новом основном законе говорилось о конфискации всего имущества семьи Гомеса и передаче его в казну. Рабочие получили право на 8-часовой рабочий день, забастовку и создание профсоюзов. Тем не менее, пропаганда коммунизма объявлялась государственным преступлением.

26 октября 1936 года лидеры ПРП, ОРВЕ, студенческой федерации и ряда других политических организаций подписали в штаб-квартире ОРВЕ соглашение об объединении в Национально-демократическую партию (испанская аббревиатура ПДН). Президентом партии стал инициатор студенческих волнений 1928 года Вильяльба, генеральным секретарем — Бетанкур.

Партия требовала всеобщих выборов всех органов власти и ликвидации «остатков гомесизма». Правительство, однако, не спешило с легализацией ПДН.

В декабре 1936 года Венесуэлу потрясла мощная забастовка нефтяников, которая отличалась упорством и тем, что с бастующими рабочими солидаризировались другие социальные группы, даже крестьяне. Одним из лидеров бастующих был будущий руководитель компартии Венесуэлы Хесус Фариа.

26 декабря 1936 года в Каракасе был основан единый профцентр страны — Венесуэльская конфедерация труда (КТВ). 22 января 1937 года в газетах был опубликован приказ правительства нефтяникам возобновить работу. Рабочим обещали повышение заработной платы на 1 боливар в день[1]. Власти стягивали в район забастовки войска. Стачечники вернулись на свои рабочие места, и правительство немедленно перешло в контрнаступление против своих политических оппонентов.

4 февраля 1937 года было принято решение о запрете оппозиционных газет, начались аресты лидеров оппозиции. 13 марта 47 наиболее видных политических деятелей были высланы из страны. Среди высылаемых был и Бетанкур, которого правительство назвало коммунистом. Однако Бетанкур, сменив фамилию, предпочел перейти на нелегальное положение. ПДН была запрещена.

Правительство запретило также празднование 1 Мая, учредив взамен по американскому образцу День труда, который должен был отмечаться 24 июля в день рождения Боливара. 17 декабря — день смерти Освободителя — стал отныне Днем матери и ребенка. Всем, кто родился в этот день, до истечения годовалого возраста выплачивали 100 боливаров в месяц. В этот же день выплачивали разовую помощь многодетным семьям.

Между тем Бетанкур активно сотрудничал в формально непартийной газете «Аора», которая оставалась оппозиционной и поэтому приобрела большую популярность. Он вел в газете раздел «Экономика и финансы» и с июня 1937 по октябрь 1939 года написал более 600 статей и заметок.[2] В этой же газете работали и многие другие лидеры ОРВЕ. Бетанкур считался лидером правого, умеренного крыла бывшей ПДН и рост его популярности тревожил тех в партии, кто стоял на позициях марксизма. Однако так как формальный лидер ПДН Вильяльба был выслан из страны, фактически руководство подпольной партии перешло к Бетанкуру.

В 1937 году группа коммунистов созвала в Маракаибо (центр нефтедобычи) подпольную конференцию компартии Венесуэлы. Большинство ее участников выразило тревогу засильем Бетанкура и его группы в ПДН и высказалось за то, чтобы партия «показала свое лицо». Фактически коммунисты вышли из ПДН, что еще больше укрепило позиции Бетанкура в партии. Тем более, что к 1938 году в ПДН осталось всего около 600 человек.

---

[1] История Латинской Америки 1918–1945. С. 292.

[2] Дабагян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 39.

Между тем Лопес Контрерас пытался предотвратить новые забастовки нефтяников, повысив налоги на иностранные компании. По закону 1938 года поземельный налог увеличивался до 4 боливаров за гектар, вырастали и роялти. За венесуэльским государством признавалось право создавать совместные предприятия с иностранцами с целью добычи и переработки нефти.

Нефтяным компаниям ничего не оставалось, как согласиться с новыми веяниями — ведь в Мексике в том же 1938 году президент Ласаро Карденас вообще национализировал всю нефтяную промышленность.

К 1938 году в Венесуэле уже безусловно господствовали американцы. Их капиталовложения оценивались в 247 миллионов долларов, а англо-голландские — в 125[1]. Тем не менее в масштабах всей Латинской Америки Венесуэла была отнюдь не главным центром американских инвестиций, уступая в 1940 году Кубе, Чили, Аргентине, Бразилии и Мексике.

Начавшаяся в Европе Вторая мировая война только обогатила иностранные нефтяные компании в Венесуэле. «Ройял Датч Шелл» получила в 1940 году прибыли на 16.5 миллиона долларов. В 1941 году добыча нефти в Венесуэле выросла до 33 миллиона тонн, принеся совокупный доход в 691 миллион боливаров. Из этой суммы государству досталось 85 миллионов.

Уже 4 сентября 1939 года правительство Лопеса Контрераса, следуя в русле англо-американской политики, разорвало отношения с державами Оси. Немцы ответили тем, что послали в Карибское море подводные лодки для торпедирования выходивших из Венесуэлы и Кюрасао танкеров. 16 февраля 1942 года был потоплен венесуэльский танкер «Монагас».

В 1943 году, воспользовавшись тем, что все империалистические державы были вовлечены в войну, правительство Лопеса Контрераса, отважилось на изменение нефтяного законодательства. Налог на нефтедобычу устанавливался на уровне примерно в 16%. Возрастал поземельный налог: в первые 10 лет концессии он составлял 5 боливаров в год за гектар, следующие 10 лет — 30 боливаров. Не менее 10% добытой нефти иностранные компании должны были перерабатывать в Венесуэле. 80% персонала нефтяных компаний должно было состоять из венесуэльцев. Отныне запрещалось иметь концессии государственным чиновникам. Предельный срок концессий для иностранцев продлевался до 40 лет[2].

Иностранные компании в принципе новые порядки устраивали, так как большая часть прибыли все равно оставалась в их руках. В 1946 году в стране было добыто 56,5 миллиона тонн нефти и доходы венесуэльского государства от нефтедобычи выросли с 62 миллионов боливаров в 1942 году до 254 миллионов в 1944 году.

В конце сентября 1939 года состоялась подпольная конференция ПДН, в которой участвовало 40 делегатов из 16 штатов (всего в Венесуэле на тот момент было 20 штатов). Конференция приняла программу партии и решила со-

[1] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 88.
[2] История Латинской Америки 1918–1945. С. 295.

средоточиться на создании подлинно массовой организации. Под влиянием Бетанкура было подчеркнуто, что ПДН не является партией одного класса (намек на коммунистов), ведь «…средние городские слои, студенты и инженерно-технические работники, разные сельские производители, а также отдельные лица из других социальных слоев… откажутся быть в пролетарской партии…»[1] В ПДН же должны объединиться все венесуэльцы, не связанные с иностранным капиталом.

20 октября 1939 года Бетанкур был арестован полицией и выслан из страны. Первоначально он обосновался в Чили, где в то время правило прогрессивное правительство Народного фронта. Среди его знакомых был министр здравоохранения Чили и будущий президент социалист Сальвадор Альенде. В Чили Бетанкур продолжал свою публицистическую деятельность. В сфере внешней политики он призывал к созданию общеамериканского союза государств для противодействия экспансии нацизма в Западном полушарии.

Одновременно Бетанкур писал письма президенту Лопесу Контрерасу, испрашивая разрешение на возвращение и подчеркивая, что ПДН является умеренной партией, не имеющей ничего общего с коммунизмом.

В самой Венесуэле в 1941 году истекал срок президентских полномочий Лопеса Контрераса. В этой связи истек и срок ссылки для политических эмигрантов и 5 февраля 1941 года Бетанкур вернулся на родину. Лопес Контрерас предпочитал видеть своим преемником военного министра Медину Ангариту, и не было никаких сомнений, что именно этого человека послушный конгресс и изберет президентом.

Но ПДН «символически» выдвинула кандидатур известного писателя, сторонника демократических взглядов Ромуло Гальегоса. Бетанкур использовал предвыборную компанию для легальной пропаганды идей ПДН. Конечно, как и ожидалось, за Гальегоса проголосовали всего 13 из 133 депутатов конгресса, но популярность ПДН и лично Бетанкура в стране сильно выросла.

Бетанкур решил добиться легализации партии и с этой целью ее программа была составлена в нарочито туманных выражениях. Изменили и название — Демократическое действие (испанская аббревиатура АД). 29 июля 1941 года было получено уведомление властей об официальной легализации АД. Компартия по-прежнему оставалась под запретом.

13 сентября 1941 года в Новом цирке Каракаса состоялся массовый митинг АД, на котором присутствовало более 10 тысяч человек. Партия развернула активную работу по организации ячеек по всей стране, пытаясь внедриться в профсоюзы, молодежные и иные общественные организации.

В июне 1942 года в Каракасе состоялся первый съезд АД. Председателем партии был избран Гальегос. Бетанкур стал секретарем по оргвопросам и фактическим руководителем партии. Он определял АД как поликлассовую, демократическую, националистическую, общеамериканскую партию с ленинской

[1] Дабагян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 49.

идеологией. Насчет последнего момента стоит заметить, что «ленинцами» в тот период обычно именовали себя троцкисты, считавшие компартию СССР «сталинистской», то есть отошедшей от ленинских идеалов.

Бетанкур выдвинул типично коммунистический лозунг: «Ни одного района, ни одного муниципалитета без партийной организации»[1]. Руководители АД беспрестанно колесили по стране, выступая с радикальными речами. Ряды партии быстро росли, что объяснялось еще и тем, что АД была единственной легальной левой оппозиционной партией.

К 1943 году АД создала партийные организации во всех районах страны. В следующем году через своих членов в профсоюзах партия установила контроль и над профсоюзным движением Венесуэлы. АД активно участвовала в выборах на местном уровне. В 1944 году партия получила два места в муниципальном совете Каракаса. На выборах в муниципальные советы в штате Сулия (центр нефтедобычи) АД набрала 34% голосов, заняв второе место после созданной сверху правительственной Венесуэльской демократической партии.

А вот в рядах главных конкурентов АД на левом фланге — коммунистов — царили разброд и шатания. В 1943 года Сталин распустил Коминтерн, на чем настаивали союзники СССР по Антигитлеровской коалиции, особенно американцы. Компартию США ее тогдашний лидер Браудер ориентировал на полную поддержку Рузвельта и его демократической партии на президентских выборах 1944 года. В том же году Браудер вообще распустил компартию США, призвав коммунистов вступать в ряды демократической партии. Во времена Коминтерна компартия США и лично Браудер курировали все коммунистическое движение в Латинской Америке. Поэтому пример Браудера оказался весьма заразительным.

В 1944 году компартия Венесуэлы раскололась сразу на три группы. Сторонники Браудера (его взгляды были позднее осуждены как правый уклон) остались в Коммунистической партии Венесуэлы. Те, кто остались на марксистско-ленинских позициях стали называть себя Единой коммунистической партией Венесуэлы. На еще более левых позициях стояла Марксистская независимая партия.

Пока коммунисты спорили между собой, Бетанкур и его АД уже смогли получить 6 мест в национальном парламенте. Но стремление АД прийти к власти так и оставалось стремлением: ведь прямых выборов президента в Венесуэле не было.

Под влиянием побед Красной армии росла популярность левых идей и в Венесуэле. Правительство страны в начале 1945 года объявило войну Германии, а в марте установило дипломатические отношения с СССР. В стране снова разрешили официально отмечать 1 Мая[2]. Компартия впервые стала действовать легально.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 53.
[2] История Латинской Америки 1918–1945. С. 297.

В 1945 году правящая олигархия выдвинула на пост нового президента Диогенеса Эскаланте. Бетанкур, Элой Бланко и Прието (лидеры АД) провели с кандидатом переговоры в США, и пришли к взаимному согласию. Эскаланте обещал реализовать ряд программных требований АД, получив взамен поддержку своей кандидатуры со стороны партии.

Однако Эскаланте заболел и не стал баллотироваться. Правящая Венесуэльская демократическая партия погрязла в борьбе клик, стремившихся провести на пост главы государства своего кандидата. Опять заявил претензии на власть бывший президент Лопес Контрерас, вокруг которого группировались правые круги и генералитет. Ходили слухи, что Лопес Контрерас может совершить военный переворот.

Правящая партия выдвинула новым кандидатом бывшего министра сельского хозяйства Бьяххини. АД отказала этому человеку в поддержке, но выступила с компромиссным предложением: избрать временного президента сроком на один год, а затем провести всеобщие выборы. Однако правящая партия понимала, что выборы принесут победу АД и отвергла этот компромисс.

На этом фоне у Бетанкура и его коллег по руководству АД Леони и Барриоса созрело решение вступить в тайные переговоры с конспиративной военной организацией Военно-патриотический союз. В союз входили младшие и средние офицеры, которые выдвигали в основном требования улучшения материального положения военных. Но офицеры понимали, что сами они власть не удержат и поэтому обратились за поддержкой к АД.

Руководство АД на совещании формально отвергло предложение Бетанкура прийти к власти путем переворота, так как партия всегда в своей пропаганде упирала именно на демократический характер своей политической борьбы.

Тогда Бетанкур, Леони и Барриос продолжили контакты с военными втайне от руководства партии. Бетанкур впоследствии объяснял свою тактику тем, что, мол, военные были готовы совершить переворот в любом случае, и он лишь хотел повернуть это движение в правильное русло.

Какой-либо ясной политической программы у молодых военных не было. Многие из них руководствовались просто честолюбием. В их рядах выделялся молодой капитан Маркос Перес Хименес, окончивший престижную военную академию в Перу. Другой лидер заговорщиков Карлос Дельгадо Чальбо был сыном генерала, активно конспирировавшего против Гомеса. Сам Чальбо провел много времени во Франции, где окончил военную академию Сен-Сира. Военные заговорщики поставили Бетанкуру лишь одно условие: в новом правительстве именно им должны быть переданы посты министров обороны и внутренних дел.

Президент Медина Ангарита узнал о готовящемся мятеже, сигналом к которому должен был стать массовый митинг АД 17 октября 1945 года в Новом цирке Каракаса. Там речь держал формальный лидер партии Гальегос, который абсолютно ничего не знал о перевороте. 18 октября, когда военные выступили

против президента, Гальегос решил, что это дело рук Лопеса Контрераса и уже хотел было призвать своих сторонников в АД («адеков» как их называли в стране) оказать сопротивление путчистам. Но тут Бетанкур наконец-то ввел его в курс дела.

Президент Медина Ангарита отдал приказ арестовать военных заговорщиков, чем и вынудил их пойти на переворот. Утром 18 октября вспыхнул мятеж в Военной школе Каракаса, во второй половине дня восстание распространилось на весь столичный гарнизон.

Медина Ангарита ушел в отставку, чтобы избежать гражданской войны и власть перешла к военно-гражданской революционной хунте. В составе хунты было четыре «адека», двое военных (майор Чальбо и капитан Варгас) и один беспартийный. Хунта назначила подотчетное ей правительство, которое возглавил Бетанкур (одновременно член хунты), Леони стал министром труда, а Барриос — губернатором столичного Федерального округа[1].

Восторженные толпы вышли на улицы, разгромили несколько шикарных клубов столичной элиты и разграбили дома бывших видных деятелей режима. Хунта вывела на улицы усиленные полицейские патрули под командованием армейских офицеров, обратилась по радио с призывом прекратить мародерство и распорядилась прекратить в барах продажу спиртного. Армия начала собирать оружие, которое ранее было выдано гражданским сторонникам переворота.

Компартия, не разобравшись в событиях, стала распространять листовки с призывом дать отпор мятежникам Лопеса Контрераса.

Так в стране начался период, получивший название «адековского трехлетия».

Переворот не был классическим путчем генералов, к которым за свою историю уже успела привыкнуть Венесуэла. Хунта объявила своей целью скорейшее проведение всеобщих демократических выборов и объявила, что ни один из ее членов не будет баллотироваться на пост президента. Партия АД выдвинула кандидатом в президенты своего лидера Гальегоса.

АД официально объявила переворот «октябрьской революцией», а Бетанкур даже назвал эти события «второй войной за независимость».

В марте 1946 года хунта одобрила демократический избирательный закон, согласно которому право голоса получали все венесуэльцы, достигшие 18 лет (право быть избранным предоставлялось с 21 года). Была объявлена свобода агитации для всех политических партий. Но помимо АД на момент совершения переворота в стране фактически действовала только малочисленная компартия, недавно вышедшая из подполья.

13 января 1946 года конституировалась социал-христианская партия КОПЕЙ (испанская аббревиатура Комитета за независимые выборы). Ее лидер Рафаэль Кальдера в 30-е годы возглавлял студенческую ассоциацию, копиро-

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 63.

вавшую испанскую фашистскую фалангу. Он был конкурентом «поколения 1928 года», так как его последователи были в основном богатыми студентами, выходцами из западных андских штатов (наиболее консервативной части страны, где традиционно большим влиянием пользовалась церковь). Хотя КОПЕЙ и апеллировала к христианским ценностям, она отнюдь не была придатком церкви. Скорее она походила на христианских демократов Италии и стремилась обрести широкую социальную базу обещанием реформ. КОПЕЙ поддержала хунту, и Кальдера даже был назначен генеральным прокурором.

На тот момент КОПЕЙ была самой правой массовой партией (примерно 30 тысяч членов)[1] и поэтому получила большие средства от помещиков и буржуазии на свою избирательную компанию. КОПЕЙ активно вербовала в свои ряды и приверженцев Лопеса Контрераса.

В октябре 1945 возник Республиканско-демократический союз (испанская аббревиатура УРД), который возглавил бывший лидер студенческого движения 1928 года Вильяльба. Особых разногласий между УРД и АД не было — речь шла скорее о личной конкуренции между Бетанкуром и Вильяльбой. Фактически УРД был партией одного человека, и ее главным капиталом было ораторское мастерство Вильяльбы.

27 октября 1946 года прошли выборы в Конституционную ассамблею, которая должна была выработать новый основной закон страны. Это были первые в истории страны подлинно демократические выборы с полной свободой агитации. АД одержала ожидаемую полную победу, получив 1 099 601 голос (78,4%). КОПЕЙ заняла второе место с 141 тысячами голосов (10,1%). Коммунисты набрали 50,8 тысячи голосов (3,6%), УРД — 49,7 тысячи. У АД было в ассамблее 137 мест из 160 (у КОПЕЙ — 19, у компартии — 2).

Принятая 5 июня 1947 году конституция Венесуэлы стала одной из самых прогрессивных в капиталистическом мире. Было закреплено всеобщее избирательное право, и президент отныне также впервые должен был избираться народом. В конституции подчеркивалась определяющая роль государства в экономике при одновременном уважении частной собственности. Граждане впервые получили право на образование, отдых, 8-часовой рабочий день, на государственную медицинскую помощь и минимальный размер оплаты труда. Было гарантировано право на забастовку.

14 декабря 1947 года уже на основе новой конституции прошли президентские и парламентские выборы. Гальегос от АД был избран президентом, получив 70,8% голосов. Таким образом, АД потеряла примерно 8% голосов и их «подобрала» КОПЕЙ. Лидер социал-христиан Кальдера набрал 262 тысячи голосов, коммунист Мачадо — 38,5 тысячи[2].

Густаво Мачадо родился в 1898 году в одной из самых консервативных политических семей Венесуэлы. Получил хорошее образование. Уже юношей начал борьбу против диктатуры Гомеса, за что его бросили в тюрьму. Именно

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 66.
[2] История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004. С. 324.

там созрели политические взгляды Мачадо, которые развивались далее во многом под влиянием событий в России в 1917 году.

В 1916 году поступил в университет, однако из-за своих оппозиционных диктатуре взглядов был вынужден в 1919 году эмигрировать в США, где продолжал обучение философии и прочим гуманитарным дисциплинам в Гарварде и Кембридже. Продолжил образование в Сорбонне, которую окончил в 1924 году. Там же во Франции женился. Мачадо вступил во французскую компартию и после возвращения в США основал Венесуэльскую революционную партию. Затем обосновался на Кубе, где принял участие в основании компартии этой страны. Кубинский диктатор Мачадо (однофамилец) выслал будущего лидера венесуэльской компартии из страны и Густаво направился в Мексику, где помогал правительству Ласаро Карденаса в борьбе против клерикальных мятежников-кристерос. Затем Мачадо отправился в Никарагуа, где познакомился с «генералом свободных людей» Аугусто Сандино, который боролся против оккупировавшей его родину морской пехоты США.

В июне 1929 года Мачадо организовал высадку небольшого отряда (45 плохо вооруженных членов Венесуэльской революционной партии) на побережье Венесуэлы. Но отряд был разбит и Мачадо пешком смог добраться до Колумбии. Там он вместе с женой открыл книжный магазин, где продавались материалы о событиях в СССР. Мачадо организовывал также просмотры советских фильмов, например, всемирно известного «Броненосца Потемкина».

Мачадо снова вернулся на родину в 1935 году, был брошен в тюрьму, но освобожден в феврале 1936 года после народных выступлений. Он гордо сказал на митинге в Национальном театре: «Я — коммунист!» После этого правительство опять выслало Мачадо в Мексику.

Мачадо вновь возвратился на родину в 1944 году (когда компартия была легализована) и был избран в 1946 году депутатом Конституционной ассамблеи.

В Национальном конгрессе у АД было 83 из 111 мест в нижней палате и 38 из 46 — в сенате. У КОПЕЙ в нижней палате было 19 мандатов, в сенате — 6.

«Адеки» явно испытывали эйфорию от избирательного процесса, проведя в мае 1948 года муниципальные выборы. Их результаты примерно походили на выборы в конгресс. Однако люди ждали от новой власти не только демократии, но и улучшения своего материального положения. Поэтому среди избирателей в 1948 году уже не просматривалось былого электорального энтузиазма. Если на участки в октябре 1946 года пришло 1 395 200 человек, в декабре 1947 года — 1 183 470, то в мае 1948 года — 693 154 человека[1].

Тем не менее, нельзя сказать, что адековское правительство не проводило активной экономической политики. Скорее наоборот. Была образована государственная корпорация — Венесуэльская корпорация развития с уставным ка-

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 69.

питалом в 60 миллионов боливаров. Она должна была развивать основные отрасли венесуэльской экономики, особенно базовые (например, электроэнергетику) как путем создания государственных предприятий, так и выдачи кредитов частным собственникам. В создании корпорации явно проглядывает чилийский опыт Бетанкура. В Чили подобную корпорацию ранее создало правительство Народного фронта, но в отличие от Венесуэлы в Чили государству принадлежала вся нефтедобыча.

С января 1946 про декабрь 1948 года корпорация предоставила кредитов на 58 миллионов боливаров. Прямые капиталовложения превысили 28 миллионов боливаров.

Активная государственная промышленная политика не замедлила продемонстрировать достойные результаты. Например, число электростанций в стране в 1946–1948 годы практически удвоилось, а выработка электроэнергии выросла с 317 млн до 453 млн кВт-часов[1]. В целом же объем промышленного производства в стране вырос в 1948 году в 2,5 раза по сравнению с 1944 годом.

Что касается нефти, то правительство АД провозгласило политику «снятия сливок с нефти». Это означало усиление налогообложения иностранных компания и направление полученных таким образом средств на диверсификацию экономики страны. При этом Бетанкур и лидеры АД не уставали подчеркивать, что намерены твердо соблюдать заключенные с иностранцами концессионные договоры. Например, 30 октября 1945 года Бетанкур заявил: «Мы будем уважать концессии и контракты, предоставленные иностранным предпринимателям. Венесуэла нуждается в иностранных капиталовложениях, чтобы развивать как старые, так и новые источники национального богатства. Это решение совместимо с намерением установить справедливые отношения между государством и инвесторами…»[2]

В конце декабря 1945 года правительство ввело так называемый налог на сверхприбыль от 6 до 20%[3]. Формально он затрагивал все компании с капиталом более 800 тысяч боливаров, но в условиях Венесуэлы это касалось именно нефтяных компаний. Именно они облагались по максимальным ставкам (так как обладали большим капиталом) и платили по факту 98,5% всего налога.

В августе 1946 года венесуэльское правительство объявило, что намерено самостоятельно экспортировать нефть, получаемую от иностранных компаний в виде роялти. Иностранцам предложили поучаствовать в совместном предприятии по сооружению в Венесуэле нефтеперегонного завода.

В начале 1947 года был одобрен декрет номер 212, по которому устанавливался постоянный налог в 26% на прибыль свыше 28 миллионов боливаров.

Все эти фискальные меры дали ощутимую прибавку государственной казне. По сравнению с 1938 годом в государственные доходы Венесуэлы от нефти выросли в 1947 году на 621,2%. Причем это увеличение на 130% объяс-

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 71.
[2] Там же. С. 73.
[3] Там же. С. 71.

нялось ростом добычи, на 94,1% — нефтяным законом 1943 года, на 169,9% — повышением цен на нефть и на 230.2% — политикой адековского правительства[1].

Осенью 1948 года администрация нового президента Гальегоса решила прекратить выдачу новых концессий иностранным компаниям. Это на словах радикальное решение на самом деле, как считали, например, коммунисты, было вызвано стремлением оградить от конкуренции американские компании в Венесуэле, прежде всего, «Стандард Ойл оф Нью Джерси».

Возмущение иностранных компаний проявилось после принятия 12 ноября 1948 года конгрессом Венесуэлы закона о дополнительном налоге на нефтяные компании. Теперь государство должно было получать 50% прибыли нефтяных компаний, остававшейся после уплаты всех налогов и роялти.

Когда АД заговорила о необходимости создания государственной венесуэльской нефтяной компании, перед иностранными монополиями ясно забрезжил призрак Мексики 1938 года: тогда создание национальной нефтяной компании «Пемекс» сопровождалось полной национализацией иностранных нефтедобытчиков.

Правительство США поддержало переворот 1945 года. В Вашингтоне опасались, что на намеченных на 1946 год венесуэльских парламентских выборах могут победить коммунисты. В этих условиях АД казалась гораздо меньшим злом. К тому же США, зная о яром антикоммунизме Бетанкура, понимали, что за его антиимпериалистической риторикой скрываются весьма умеренные и прагматичные взгляды. Путчисты также ясно представляли себе позицию США и 18 октября (когда казалось, что восстание обречено на неудачу) даже хотели звонить в американское посольство с просьбой о посредничестве между ними и властями[2].

Американский посол в Каракасе Корриган поначалу (как и Гальегос) решил, что молодые офицеры восстали от имени Лопеса Контрераса, о чем он и сообщил в Вашингтон[3]. Во время перестрелки между восставшими и правительственными силами несколько пуль досталось и посольству США.

В Вашингтоне знали также о прекрасных дружеских отношениях некоторых лидеров АД с руководством компании «Стандард Ойл оф Нью Джерси». И американцы не ошиблись в своих прогнозах: и правительство Бетанкура и администрация Гальегоса сохраняли с США самые дружественные отношения.

В сентябре 1946 года начались переговоры между правительством Венесуэлы и Нельсоном Рокфеллером, по итогам которых была учреждена «Венесуэльская корпорация базовых отраслей экономики». По половине уставного капитала внесли Рокфеллер и государственная Венесуэльская корпорация развития, но по истечении 10 лет все акции должны были перейти в собственность

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 72.
[2] Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948, Cambridge University Press, 1992. P. 153.
[3] Foreign Relations of the United States, 1945. American Republics. P. 1401.

венесуэльского государства. До того времени Венесуэла назначала только одного из трех директоров компании (то есть оперативный контроль был у Рокфеллера). Корпорация должна была содействовать развитию ненефтяных отраслей венесуэльской экономики, в частности сельского хозяйства, пришедшего в упадок в период нефтяной эры.

Неравноправная сделка с Рокфеллером вызвала ожидаемую критику со стороны венесуэльских коммунистов.

Помимо свободных выборов еще одним главным программным положением революционной хунты была борьба с коррупцией.

После образования хунты был учрежден трибунал по рассмотрению преступлений и коррупции деятелей прежнего режима. Всего к ответственности было привлечено 172 человека, включая бывших президентов Лопеса Контрераса и Медину Ангариту. В трибунал входило 4 адековца, один коммунист и два офицера. Апелляция на решения трибунала не предусматривалась. Правая оппозиция сразу же заговорила о «чрезвычайных судах», подменяющих нормальное судопроизводство. Позднее Бетанкур признал создание трибунала ошибкой, хотя сам требовал создания такого органа начиная с 1931 года.

В сфере образования правительство издало декрет номер 321, дискриминировавший учеников частных католических школ по сравнению со школами государственными[1]. Церковь начала активную агитацию против декрета, считая его первой фазой полной национализации системы образования. Действительно, в 30-е годы АД требовала создания исключительно государственной системы образования, но с тех пор взгляды адековских лидеров изрядно поправели. Напротив, компартия активно поддержала декрет 321. Именно это дало Бетанкуру повод требовать ревизии декрета.

Правительство АД декларировало в качестве одной из приоритетных целей повышение жизненного уровня народа.

Главным краеугольным камнем здесь должна была быть аграрная реформа. Еще в декабре 1945 года Бетанкур выдвинул лозунг «Земля тем, кто ее обрабатывает!». Однако с аграрной реформой АД не спешила, понимая, что она неизбежно вызовет сопротивление латифундистов. Формально задержку с реализацией реформы объясняли тем, что соответствующее законодательство может принять лишь избранный по новой конституции парламент.

И действительно осенью 1948 года конгресс утвердил закон об аграрной реформе. Государство отчуждало за выкуп все земли свыше 150 га земель первого класса (наилучших) и 300 га (второго класса). Пастбищ можно было сохранить в частном владении до 5 тысяч га. Государство платило за отчуждаемые по реформам земли бонами с 3–5% годовых в течение 20 лет. Конечно, такая процедура выкупа не устраивала помещиков, находившихся в жесткой оппозиции к адековцам.

[1] Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948. P. 154.

Но аграрная реформа осталась в основном на бумаге. Правительство АД старалось распределять среди нуждающихся государственные земли, а латифундистов не трогать. Как ни странно, государству здесь помогла активная экспансия нефтяной промышленности в 30-е годы, в результате которой многие сельскохозяйственные земли были брошены их владельцами. Предполагалось раздать и земли, конфискованные в свое время у клана Гомеса.

Коммунисты критиковали адековцев за то, что они предлагают крестьянам не нужные никому участки, оставляя в руках помещиков наиболее пригодные для сельского хозяйства земли. Позицию коммунистов поддерживали профсоюзные крестьянские организации.

Другой мерой, направленной на рост жизненного уровня широких слоев населения, было повышение заработной платы, ставшее возможным после принятия нового закона о труде. Следует подчеркнуть, что правительство АД было первым в истории страны, создавшим отдельное министерство труда и разработавшим прогрессивное трудовое законодательство.

В новом законе о труде фиксировался 8-часовой рабочий день, право на оплачиваемый отпуск, право на создание профсоюзов и забастовку. Естественно, что с обретением демократии ряды профсоюзов резко выросли. Если в 1945 году в профсоюзных организациях состояло 48 789 человек, то к концу 1947 года — 109 592[1]. АД поощряла рост профсоюзов, так как почти все они контролировались партией (20 из 32 отраслевых профсоюзов). Единственными и опасными конкурентами на этом поле для адековцев были коммунисты, традиционно влиятельные среди самых квалифицированных рабочих страны — нефтяников.

В 1947 году большинство отраслевых профсоюзных федераций объединись в Конфедерацию трудящихся Венесуэлы (КТВ). Пост генерального секретаря КТВ занял член АД Перес Салинас, федерацию нефтяников возглавил также адековец Луис Товар.

Правительство АД стремилось всячески сдерживать забастовки, используя предоставленные новым законом о труде такие инструменты влияния как коллективные договоры и государственный арбитраж трудовых споров. В мае 1946 года было подписано первое коллективное соглашение с нефтяными компаниями. Оно предусматривало рост средней заработной платы на 35–50% (оплата за сверхурочные работы повышалась на 10–20%). Оплачиваемый отпуск составлял 2 недели (ранее неделя), а рабочая неделя сокращалась с 50 до 48 часов. Соглашение было заключено на полтора года и им охватывалось 25 тысяч нефтяников, членов Федерации нефтяных рабочих («Федепетрол»).

В 1946 году реальная заработная плата в Венесуэле выросла на 31%, в 1947 году — еще на 5%[2].

Нефтяные компании скрепя сердце согласились на улучшение условий труда, так как в обмен получили практически полное прекращение забастовоч-

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 76.
[2] Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948. P. 156.

ного движения. С 18 октября 1945 по 15 декабря 1946 года из 273 зарегистрированных трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями 207 было урегулировано путем переговоров[1]. Было отмечено только 66 забастовок, причем АД обвинило в их организации компартию, якобы преследовавшую чисто политические цели борьбы за власть.

Нефтяные компании отвергли предложенный профсоюзом в 1948 году новый коллективный договор, так как он якобы вел к вмешательству рабочих в повседневное управление предприятиями. Например, профсоюз требовал предварительного согласования с ним любых решений, влиявших на рабочий день. Все магазины, принадлежавшие компаниям (и часто продававшие рабочим залежалые и излишне дорогие товары) также подлежали контролю со стороны профсоюзов. Наконец, прием на работу новых сотрудников подлежал согласованию с профсоюзными организациями. Профсоюз резервировал за собой право на отстранение от работы тех служащих, которые были замечены в «антирабочем поведении». Но больше всего нефтяные компании были раздосадованы требованием запрета необоснованных увольнений без санкции профсоюза[2].

Компании возмущались: в результате роста заработной платы их расходы на производство единицы продукции и так сильно выросли и им с трудом удается поддерживать рентабельность нефтепромыслов. Однако профсоюз был непреклонен и добился запрета на увольнение. После этого нефтяные компании стали жаловаться в Вашингтон, что «коммунистические саботажники» мешают нормальной работе нефтепромыслов, а правительство не контролирует ситуацию. Апеллирование к «коммунистической угрозе» (обычно мнимой) стало излюбленным инструментом США по вмешательству во внутренние дела других странах после начала в 1948 году полномасштабной холодной войны против социалистических стран.

С этого момента адековцы были обречены.

Компартия Венесуэлы на самом деле переживала все еще тяжелый период внутреннего раскола, но с каждым днем приобретала все новых сторонников среди организованных в профсоюзы рабочих. Бетанкур отметал все предложения компартии наладить повседневное сотрудничество, так как считал коммунистов слишком слабой силой. Этот снобизм стоил адековцам власти.

Коммунисты поддерживали все прогрессивные мероприятия адековцев и критиковали то, с чем они были не согласны. Например, компартия выступила против назначения лидера КОПЕЙ Кальдеры генеральным прокурором. В 1946 году после отставки Кальдеры коммунисты несколько ослабили критику властей, явно стараясь не мешать им проводить прогрессивные реформы[3]. Компартия выдвигала настолько популярные среди рабочих требования, что даже контролируемые АД профсоюзы боролись за их реализацию.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 77.
[2] Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948. P. 157.
[3] Там же. P. 159.

Но в условиях начавшейся холодной войны профсоюзное движение неизбежно должно было стать на ту или иную сторону в мировом конфликте. Под давлением АД КТВ присоединился к политике американского антикоммунистического профцентра АФТ-КПП, в то время как более популярным среди рабочих вариантом был союз с Конфедерацией трудящихся Латинской Америки (которую в Вашингтоне считали прокоммунистической).

Тем не менее, крестьянские лидеры Венесуэлы приняли участие в конференции конфедерации в Мехико в апреле 1946 года.

АФТ-КПП с большим трудом удалось создать в Лиме в январе 1948 года альтернативный латиноамериканский профцентр — Межамериканскую конфедерацию трудящихся. Однако к явному неудовольствию американцев делегация КТВ объявила, что предпочитает не вступать в новую группировку и пока станет лишь наблюдателем.

Начиная с весны 1948 года отношения между США и Венесуэлой начинают обостряться и в Вашинтоне подыскивают альтернативу слишком левому адековскому правительству. Особое недовольство США вызвало стремление Венесуэлы не предоставлять американским компаниям новых нефтяных концессий.

В марте 1948 года американский конгрессмен Шорт выступил с критикой «излишне националистической нефтяной политики» Венесуэлы, что, в свою очередь, вызвало возмущение венесуэльской прессы. Адековцам тоже пришлось встать на защиту своей же собственной нефтяной политики из опасений роста влияния компартии в противном случае. Министр развития Венесуэлы Хуан Пабло Перес Альфонсо осторожно охарактеризовал новую нефтяную политику как «мудрый национализм»[1]. Он объяснил новый курс (отказ от предоставления новых концессий) излишками нефтяных доходов, которые якобы некуда девать и стремлением к консервации части нефтяных запасов на будущее.

Но американские компании сообщили посольству США в Каракасе об истощении их прежних концессий — им были нужны новые нефтеносные участки. В противном случае, мол, через 5 лет нефтедобыча в Венесуэле (а значит доходы компаний) начнет сокращаться[2]. Но даже посольство США в Венесуэле считало, что политика венесуэльского правительства вполне нормальна и что компаниям особо тревожиться не стоит.

Однако госдепартамент США начал голословно говорить о грозящем коммунистическом саботаже на нефтепромыслах Венесуэлы и потребовал создания американо-венесуэльской правительственной комиссии для изучения положения в венесуэльской нефтяной промышленности[3]. 24 апреля 1948 года министр обороны США Форрестол[4] сообщил госсекретарю США, что амери-

---

[1] Foreign Relations of the United States, 1948, Western Hemisphere. P. 756.

[2] В 1948 году Венесуэла был крупнейшим в мире экспортером нефти, производя 1,3 миллиона баррелей в сутки.

[3] Foreign Relations of the United States, 1948, Western Hemisphere. P. 759–760.

[4] Покончил жизнь самоубийством 22 мая 1949 года, выбросившись из окна с криками «Русские идут!»

канские военные готовы принять участие в обеспечении безопасности венесуэльских нефтепромыслов[1]

США потребовали от Венесуэлы и погашения задолженности страны по ленд-лизу (более 400 тысяч долларов). Венесуэльцы предлагали погасить долг товарами или боливарами, но американцы требовали только валюту (по их данным золотой запас Венесуэлы превышал 270 миллионов долларов). Венесуэла же хотела тратить валюту и золото для закупки иностранного оборудования для ненефтяного сектора экономики.

Тогда американцы начали осторожно блокировать поставку в Венесуэлу оборудования (особенно стального), необходимого для нормальной работы нефтяных предприятий и развития остальных отраслей венесуэльской экономики. Президенту Гальегосу в июле 1948 года пришлось ехать на поклон к президенту США Трумэну. В ответ на заверения Гальегоса и его министра развития о прекрасных отношениях между правительством Венесуэлы и нефтяными компаниями, Трумэн заметил, что рад: мексиканский урок усвоен. Тем самым президент США прозрачно намекал на возмутившую американцев национализацию иностранных нефтяных компаний в Мексике в 1938 году.

Правительство АД тайно пообещало американским нефтяным компаниям новые концессии.

14 сентября 1948 года посол США в Каракасе Доннели заявил президенту Гальегосу, что по итогам его поездки на нефтепромыслы он (посол) вынес впечатление о растущем влиянии коммунистов среди рабочих. Рост влияния компартии в профсоюзах якобы наносит ущерб стратегическим интересам США, зависящим от импорта венесуэльской нефти. Посол прямо сказал, что профбоссы АД редко посещают предприятия в глубинке, в то время как там активно работают коммунисты. Гальегос заверил, что армия получит приказ об «устранении» опасных коммунистических элементов на нефтепромыслах в «чрезвычайных обстоятельствах»[2]. Президент Венесуэлы попросил посла «конфиденциально» передать ему материал о коммунистической активности на нефтепромыслах.

15 сентября 1948 года военный атташе Венесуэлы в Вашингтоне полковник Маркано обратился с просьбой о массированных военных поставках для венесуэльской армии. Американцы намекнули, что у США уже нет излишков вооружений, которые они после войны отдавали бесплатно или по бросовым ценам. К тому в Венесуэле надо бы тратить деньги на дороги и больницы, а не на оружие. Маркано заметил, что в случае отказа Венесуэла начнет искать оружие в других местах. При этом Маркано грозил, что Венесуэла не сможет защитить свои нефтепромыслы, на которые обязательно будет произведена атака в случае мировой войны. То есть военный атташе пытался использовать нагнетаемый самим же американцами психоз о неминуемой атаке коммунистов на «свободный мир».

---

[1] Foreign Relations of the United States, 1948, Western Hemisphere. P. 760.
[2] Ibid. P. 766.

В октябре 1948 года американцы навязали правительству Венесуэлы трех экспертов по безопасности, которые должны были обследовать нефтепромыслы опять-таки на предмет возможного коммунистического саботажа.

И Бетанкур, и Гальегос делали все, чтобы заверить США в своем антикоммунизме. Например, на встрече министров иностранных дел стран Латинской Америки и США в Боготе в 1948 года Бетанкур лично заверял госсекретаря Маршалла в готовности Венесуэлы бороться против мирового коммунизма[1].

Всегда старающийся сохранять доверительные отношения с нефтяными компаниями, Бетанкур собрал после встречи с Маршаллом у себя дома руководителей венесуэльских «дочек» «Стандард Ойл», «Шелл» и «Галф», а также вице-президента Федепетрол. Целью встречи было показать американцам и англичанам, что против коммунистов на нефтепромыслах будет бороться не только правительство, но и профсоюз. Однако встреча вылилась в фиаско, когда вице-президент профсоюза порекомендовал компаниям просто согласиться на требования профсоюза. Только так можно подорвать быстро растущее влияние коммунистов среди нефтяников.

Тогда американцы предложили администрации АД запретить компартию, как это недавно сделали под давлением Вашингтона правительства Чили, Бразилии и Кубы. Но Бетанкур и Гальегос просто не могли себе позволить пойти на этот шаг — в этом случае было весьма вероятным, что половина АД[2] перешла бы под знамена компартии.

В этих условиях в Вашингтоне сделали следующий вывод — руководство АД не контролирует население Венесуэлы, которое быстро радикализуется. А значит Венесуэле необходимо правительство «сильной руки».

В тех условиях американцы могли сделать ставку только на армию, которая формально вместе с АД управляла страной.

Совершившие переворот 18 октября 1945 года молодые офицеры были недовольны «экстремистским крылом» АД, лидером которого они считали Бетанкура. Но под экстремизмом офицеры понимали отнюдь не слишком левые взгляды Бетанкура — наоборот тот уже превратился в лидера правого крыла АД. В Бетанкуре офицеров не устраивало его безудержное стремление к превращению власти АД в постоянный фактор, своего рода гражданскую партийную диктатуру. Бетанкур пытался вмешиваться в назначение офицеров вооруженных сил и продвигал на различные командные посты своих креатур. Наоборот, молодые офицеры совершали переворот 1945 года именно потому, чтобы освободить армию от влияния коррумпированных гражданских политиков.

В вооруженных силах были недовольны и тем, что жалованье военных не росло и даже появились слухи о его снижении.

Военный атташе посольства США в Каракасе полковник Адамс правильно уловил недовольство военных и стал убеждать их установить военную дик-

---

[1] Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948. P. 168.

[2] В партии в 1948 году числились около полумиллиона членов, настроенных, как правило, гораздо более радикально, чем адековское руководство.

татуру, чтобы пресечь диктаторские амбиции Бетанкура[1]. Американцы обещали в случае свержения правительства поставку современного вооружения.

При этом американцев волновало только одно — Бетанкур в погоне за популярностью мог и перенять лозунги коммунистов, что уже ощущалось в нефтяной промышленности. Именно нефтяные компании, стремившиеся получить новые концессии и избавиться от профсоюзов, были движущей силой переворота.

Кроме военных и монополий, против АД активно агитировали КОПЕЙ и помещики. Последние были напуганы не столько робкой аграрной реформой, сколько боевитостью крестьянских организаций, которые говорили уже на одном языке с коммунистами.

Офицеры, группировавшиеся вокруг героев переворота 1945 года Чальбо и Переса Хименеса, в ультимативном порядке потребовали от Гальегоса сменить половину министров от АД. Но Бетанкур считал, что время военных уже прошло, и пригрозил в случае переворота ответить всеобщей забастовкой. Предложение коммунистов о едином фронте против путчистов было Бетанкуром высокомерно отвергнуто. 22 ноября самые мощные профсоюзы Венесуэлы публиковали в газетах воззвание, в котором выражалась готовность поддержать правительство в случае военного мятежа. Бетанкур полагал, что военный министр правительства Чальбо безусловно предан АД, в то время как этот человек и готовил переворот.

24 ноября 1948 года президент Гальегос был легко свергнут в результате военного переворота. Военная хунта объявила, что ее «революция» направлена только против экстремистов из АД. Бывшую правящую партию объявили вне закона, как и все профсоюзы. В то же время военные заверили компартию, что она по-прежнему может действовать легально.

Формально хунту возглавил подполковник Чальбо. В ее состав вошли также офицеры Перес Хименес и Льовера Паис.

Национальный конгресс был распущен, конституция 1947 года аннулирована. Гальегоса и Бетанкура выслали из страны. Нефтяные компании получили заверения, что политика предоставления концессий иностранцам будет продолжена. На селе стали возвращать помещикам немногие отобранные у них земли.

Военная хунта обещали провести выборы и обеспечить принятие нового основного закона страны.

Переворот 1948 года показал, что мнение Бетанкура о несокрушимости позиций АД и ее подавляющем влиянии на население, оказалось построенным на песке. Никаких массовых акций протеста против переворота не последовало. Сама АД не стала организовывать забастовку, которой ранее угрожала. Ведь за три года пребывания у власти адековцы привыкли как раз предотвращать заба-

[1] Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948. P. 166.

стовки, называя их коммунистическими происками. Теперь «политика социального мира» стала могильной плитой для ее пропагандистов.

По иронии судьбы сама хунта обвинила правительство АД в неспособности достичь социального мира и обещала его реализовать[1].

Бетанкур первым отказался от сопротивления и нашел убежище в колумбийском посольстве. Оттуда он предложил партии «направить его за границу для организации борьбы», угрожая в противном случае покинуть Венесуэлу навсегда.

КОПЕЙ и УРД, уставшие от диктата АД, поддержали переворот. КОПЕЙ с признательностью предположила, что хунта готова освободить Венесуэлу от «кошмара сектантства» со стороны АД.

Наконец, многие в Венесуэле после 1945 года считали военный переворот легитимным средством «исправления ошибок». Путчизм адековцев обернулся против них самих.

Сначала в военной хунте боролось сразу несколько течений, и ее нельзя был характеризовать как откровенно реакционную. Период 1948–1950 годов вошел в историю страны как «диктабланда»[2].

Например, к ужасу нефтяных компаний хунта направила в 1949 году специальную миссию на Ближний Восток, чтобы договориться с тамошними нефтедобывающими странами о единой ценовой политике. Таким образом, родилась идея нефтяного картеля, впоследствии реализованная в форме ОПЕК.

13 ноября 1950 года был убит лидер хунты Чальбо, который придерживался умеренных взглядов и высказывался за скорейшие выборы. Много лет спустя вдова Чальбо обвинила в убийстве мужа Переса Хименеса. Но тогда все свалили на коммунистов, и партия была запрещена. На самом деле о запрете попросили нефтяные компании, после того как по нефтепромыслам прокатилась волна организованных коммунистами забастовок.

Новым «сильным человеком» Венесуэлы стал Перес Хименес, но формально хунту возглавил его ставленник адвокат Суарес Фламерич, бывший посол в Перу и член «поколения 1928 года».

В 1951 году в Венесуэле созвали конвент национальных нефтяных независимых производителей, у которых практически не было никаких шансов при режиме АД. В мероприятии приняли участие представители стран Ближнего Востока.

В то же время отношения хунты с США испортились, так как американский конгресс под давлением отечественных нефтепроизводителей решил ограничить импорт нефти для стабилизации цен в условиях послевоенного перепроизводства нефти («закон Симпсона»). США стали давить на Венесуэлу, чтобы она «добровольно» ограничила добычу и экспорт. Филиалы американских компаний в Венесуэле подчинились конгрессу, однако «Шелл» американских законодателей проигнорировала.

---

[1] URL: http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/112.pdf

[2] То есть по-испански «мягкий диктат» по аналогии с «диктадурой» — «жестким правлением».

Между тем Фламерич объявил, что хунта вступила в последний период своей деятельности и 30 ноября 1952 года состоятся выборы в конституционную ассамблею. Люди стали уставать от демократических обещаний и в октябре 1951 года студенты университета в Каракасе объявили забастовку, которая распространилась и на другие вузы страны. В ответ хунта отменила университетскую автономию. Руководителей студенческих организаций бросили в тюрьмы[1].

«Диктабланда» закончилась — Перес Хименес был настроен на то, чтобы править железной рукой.

Лидеры находившейся в подполье АД призвали бойкотировать выборы в ассамблею, однако УРД и КОПЕЙ решили в них участвовать. Перес Хименес наскоро сколотил проправительственный Независимый избирательный фронт, который набрал, однако, всего 306 тысяч голосов. УРД (самая левая из легальных партий) получил 1,2 миллиона голосов, КОПЕЙ — 403 тысячи[2].

Во время избирательной компании фронт раздавал крестьянам сухое молоко, одежду и кредиты на покупку новой техники. Священники за деньги убеждали свою паству с амвона также голосовать за фронт.

Но все оказалось напрасно.

Хунта была потрясена. Ведь за четыре года на нефтяные деньги в стране удалось провести масштабные общественные работы. Каракас стал преображаться — в городе появились высотные здания, шоссе и современные мосты. Военные были уверены, что социальный мир и, правда, достигнут. Перес Хименес счел поведение избирателей неблагодарным и «иррациональным». При этом хунта была настолько уверена в своей популярности, что участие в выборах в 1951 году было сделано обязательным. К тому же эта мера была направлена против провозглашенного АД бойкота.

Перес Хименес отмечал будущую победу с друзьями, когда стали приходить новости об электоральном фиаско. Он поспешил в министерство обороны, где было созвано экстренное совещание хунты. Некоторые военные считали, что «все пропало» и надо сдавать власть. Другие пытались установить контакт с лидером УРД Вильяльбой и договориться о совместных действиях.

Но постепенно эмоции успокоились — ведь власть была у военных, а оружие сильнее бюллетеней. На совещании в ванной комнате было решено заменить хунту на единого правителя — Переса Хименеса, чтобы продемонстрировать жесткость. Но сам Перес Хименес колебался, не зная, сможет ли он удержать власть. Его убедили лишь тем, что в противном случае к власти может вернуться Бетанкур. Окончательно сомнения развеялись после того как прибыла большая группа офицеров (30–40 человек) заявившая «Держитесь, полковник. Мы с Вами!»

---

[1] История Латинской Америки. Вторая половина XX века. С. 325.
[2] Там же. С. 325.

Церемонию приведения Переса Хименеса к присяге в качестве временного президента решили назначить на 2 декабря 1952 года — в память о государственном перевороте Луи Наполеона ровно 101 год тому назад.

На следующий день Высший избирательный совет огласил «уточненные» данные выборов. Оказывалось, что победил на них фронт (788 тысяч голосов), в то время как УРД получил 652 тысячи, а КОПЕЙ — 300 тысяч. В Конституционной ассамблее, таким образом, фронт имел 60 мест, УРД — 29, а КОПЕЙ — 14[1].

Возмущенные таким наглым подлогом, КОПЕЙ и УРД отказались от участия в ассамблее. В ответ Вильяльбу и еще пятерых избранных депутатов, несмотря на их парламентский иммунитет, выслали из страны. УРД обвинили в тайном альянсе с запрещенными партиями (адеками и коммунистами).

9 января 1953 года «ручная» ассамблея утвердила Переса Хименеса президентом на пять лет. 11 апреля была принята новая конституция, призванная подвести под диктаторский режим некую законную базу.

Новый президент уже даже и не говорил о возвращении многопартийности. На членов запрещенных партий и профсоюзных деятелей обрушились суровые репрессии. Вместо «продажных гражданских политиков» новая власть обещала народу спокойствие и материальное благополучие[2].

Новый министр внутренних дел Вальенилья говорил о необходимости для незрелых латиноамериканских народов «просвещенного цезаризма». Интересно, что об этом же самом еще в годы диктатуры Гомеса вещал отец Вальенильи. Теперь в качестве основоположника «цезаризма» активно использовали Боливара, — военного, который якобы боролся против неспособных гражданских политиканов.

Перес Хименес призвал вообще не заниматься политикой, а использовать нефтяные доходы для строительства «новой Венесуэлы». В стране опять развернулись масштабные работы по строительству инфраструктуры и благоустройству городов.

В 1955 году диктатор даже вступил с собственной «доктриной» — «Новой национальной идеей». Причем дата была избрана не случайно — очередная годовщина «октябрьской революции» 1945 года, наследником которой и считал себя Перес Хименес. Мол, АД в 1945–1948 годах предала идеалы этой революции, и для их тожества пришлось устроить еще одну революцию — в 1948 году. В «доктрине» Переса Хименеса много и абстрактно говорилось о «прогрессе» и «модернизации», для которых жизненно необходимо политическое спокойствие в стране.

Основой для «модернизации» оставалась все та же нефть. При Пересе Хименесе ее добыча достигла рекордных показателей — 2,2 миллиона баррелей в сутки (октябрь 1955 года)[3]. По этому показателю страна уступала только Со-

---

[1] История Латинской Америки. Вторая половина XX века. С. 325.
[2] URL: http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/112.pdf
[3] Чека Х. К. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960. С. 153.

единенным Штатам, добывавшим в то время 6 миллионов баррелей. Валовой доход, получаемый в Венесуэле, был равен валовому доходу, полученному в Аргентине, Мексике. Чили, Уругвае, Эквадоре, Коста-Рике и Гондурасе вместе взятым.

Примерно 70% добычи нефти в Венесуэле в 50-е годы приходилось на американские компании, 30% — на английские. Американские инвесторы получали в Венесуэле 15% всех прибылей от своих капиталовложений в мировом масштабе[1]. Главным производителем нефти была дочерняя фирма компании «Стандард Ойл оф Нью Джерси» — «Креол петролеум корпорейшн». В 1954 году она получила 718 миллионов долларов валового дохода и 328 миллионов долларов чистой прибыли. Компания «Креол» дала своей материнской фирме почти 40% прибыли.

Хорошая мировая конъюнктура на нефть в 50-е годы объяснялась завершением фазы послевоенного восстановления в Европе и автомобильным бумом в США. Автомашина впервые превратилась из роскоши в массовое средство передвижения.

Таким образом, нефть в 50-е годы приносила Венесуэле 80% всех доходов от экспорта.

Помимо нефти Пересу Хименесу повезло еще и в том, что в конце 30-х годов в Венесуэле открыли большие месторождения железной руды. Запасы руд оценивались в 400 миллионов тонн и отличались очень высоким содержанием железа — 60–70%. Еще в 1947 году американские компании из кливлендской сталелитейной группы получили пять концессий на добычу железной руды. В 1955 году были открыты новые месторождения. Запасы железной руды в Венесуэле стали оценивать в 3 миллиарда тонн[2].

Активная разработка месторождений началась в 1950 году. В 1951 году было добыто уже 1,2 миллиона тонн железной руды, из которых 175 тысяч было вывезено в США. В 1956 году на США приходилось 86% венесуэльского экспорта железной руды. Причем теперь вывозилась практически вся добытая в стране руда. К 1956 году американские инвестиции в добычу железной руды превысили 940 миллионов боливаров. В 1952–1962 годы Венесуэлы получила от добычи и экспорта руды 1,3 миллиарда боливаров (чуть меньше половины всех доходов — большую часть присваивали американские компании).

Деньги, щедро вкладываемые диктатором Пересом Хименесом в обустройство Каракаса, позволили венесуэльской столице прибрести щегольской, даже в чем-то снобистский вид. Однако масштабное строительство в городе стало началом политического конца диктатора и в дальнейшем не раз оказывало на судьбы Венесуэлы решающее влияние.

Дело в том, что привлеченные возможностью хотя бы какого-нибудь заработка, в Каракас приехали более 200 тысяч человек со всей страны. Они обосновались в трущобах («барриос») на склонах холмов, окружавших столицу.

---

[1] Чека Х. К. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960. С. 157.
[2] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 95.

Люди жили под мостами, вдоль водосточных канав в наспех сколоченных из всяких отходов и остатков хижинах без электричества и канализации. Когда та или иная стройка заканчивалась, эти люмпен-пролетарии оставались и перебивались случайными заработками — возвращаться им было некуда.

Жители «барриос» были взрывоопасным политическим элементом, так как терять им было нечего. Никаких устоявшихся взглядов у маргинальных слоев венесуэльской столицы не было. Их, как правило, привлекали сильные, яркие личности с популистской программой, не отягощенной обилием незнакомых слов.

Но Перес Хименес пока не ощущал какой-либо опасности — помимо баснословных доходов от нефти и железной руды его хранили теплые отношения с США.

Американские интересы носили как экономический, так и политический характер. Венесуэла оставалась самым близким и стратегически безопасным источником нефти. Значение этой страны для США в 50-е годы выросло еще и потому, что в странах Ближнего Востока стали отмечаться явные признаки стремления местных правительств национализировать нефтедобычу. Например, в 1953 году иранское правительство Моссадыка поступило именно таким образом и получило громадную поддержку восторженного населения. Моссадыка удалось свергнуть с помощью ЦРУ, но тенденция была налицо.

Диктаторский режим Переса Хименеса в этом отношении был образцовым и на прибыли американских компаний не покушался. Условия эксплуатации венесуэльских ресурсов были по-прежнему льготными. Например, «Ориноко Майнинг Компании» (добыча железной руды) платила налог в размере 1% стоимости поднятой из шахты руды или 0.1 боливара за тонну[1].

Не удивительно, что американские инвестиции в Венесуэлу в 1955–1956 годах составили 12 миллиардов боливаров (4 миллиарда долларов, более чем 40 миллиардов в ценах 2000-х годов)[2]. Из них более 99% приходилось на нефтедобычу.

В феврале 1955 года правительство Эйзенхауэра обратилось к американским компаниям с просьбой добровольно ограничить импорт нефти до уровня 1954 года, чтобы не разорять американских производителей. Но посольство США в Венесуэле просило не распространять эти ограничения на Венесуэлу ввиду стратегического значения страны для снабжения США нефтью в случае войны. Ведь если СССР мог бы перерезать поставки нефти с Ближнего Востока, то в Карибском море советский флот вряд ли сумел бы добиться успеха.

К тому же, аргументировало посольство, сама Венесуэла является одним из крупных импортеров американских товаров. А импорт этот без нефтедоходов невозможен[3]. Наконец стабильность «дружественного США» венесуэльского правительства полностью зависела от стабильных доходов от экспорта

---

[1] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 97.
[2] Там же. С. 95.
[3] Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Central and South America. P. 1120.

нефти. Посольство прямо предупреждало, что любое иное правительство Венесуэлы неизбежно будет более левым и менее дружественным по отношению к США.

24 июня 1955 года в Сан-Франциско состоялась встреча министра иностранных дел Венесуэлы Отаньеса с заместителем госсекретаря США по Латинской Америке Холландом. Холланд сказал, что США не могут дать полной гарантии прекращения своей политики по ограничению импорта нефти. Но все эти инициативы исходят от конгресса, а исполнительная власть в США всегда будет стоять на страже венесуэльских интересов[1]. Но и венесуэльские власти должны дать гарантии «общественному мнению» США, что их политика по поощрению иностранных капиталовложений останется неизменной. Отаньес не замедлили такую гарантию высказать.

25 ноября 1955 года Перес Хименес в свою очередь дал личную гарантию послу США в Каракасе Уоррену, что никакой национализации в Венесуэле не намечается[2]. Диктатор подчеркнул, что желает на постоянной основе видеть американскую военную миссию в Венесуэле. Американцы наградили своего верного друга и «борца против коммунизма» Орденом Почетного легиона: ведь диктатор разорвал дипломатические отношения с СССР.

В январе 1956 года Перес Хименес сообщил послу США, что американские компании могут рассчитывать на новые концессии в Венесуэле. Американский посол «поздравил» диктатора с этим «правильным» решением. Как сообщил в Вашингтон американский дипломат Перес Хименес «был явно польщен моими поздравлениями»[3].

Перес Хименес еще в 1951 году предложил американцам провести консультации на уровне военного руководства обеих стран с целью обеспечения безопасности венесуэльских нефтяных месторождений. То есть диктатор охотно играл в игру с «коммунистической угрозой», если играть в нее предлагали в Вашингтоне. Американцы сначала были заняты настоящей, отнюдь не игрушечной войной в Корее (1951–1953 гг.), но в 1955 году «согласились» на «просьбу» Переса Хименеса. В 1956 году диктатор заверил США, что Венесуэла поддерживает все усилия Вашингтона по созданию «системы обороны Западного полушария».

В июне 1956 года Холланд доложил госсекретарю, что правительство Переса Хименеса, выживание которого зависит от нефтяных доходов и сильной армии, «стабильно» несмотря на «некоторое недовольство в армии излишней жестокостью и коррупцией»[4]. Правительство Переса Хименеса «в основе своей антикоммунистическое», а значит полностью отвечающее интересам США. Холланд с удовлетворением констатировал, что «коммунистические партии»

---

[1] Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Central and South America.. P. 1124.
[2] Ibid. P. 1126.
[3] Ibid. P. 1128.
[4].Ibid. P. 1130.

запрещены, число их членов небольшое и активность «ограничена». «Силы безопасности» Венесуэлы «эффективны».

В этом Холланд был прав — при Пересе Хименесе в стране появилось сразу несколько новых тюрем, в том числе и первая женская.

Но даже заместитель госсекретаря признавал в своем докладе, что «слабостью» правительства Переса Хименеса являются «излишние» репрессии против мнимых коммунистов, на деле представляющих собой обычную оппозицию. А вот о настоящих коммунистах и их подпольных структурах администрация Венесуэлы имеет очень мало сведений.

Охранка диктатора (испанская аббревитатура ДС; Департамент безопасности) во главе с ее шефом Эстрадой стала, по словам Холланда, «символом разведывательной активности» и «довольно жестоких репрессий, направленных главным образом против внутренней политической оппозиции, как гражданской, так и военной, и вызвала тем самым ненависть не только со стороны видных гражданских деятелей, но и важных представителей военных кругов»[1].

Холланд рекомендовал воздержаться от любых контактов с Эстрадой, так как это может повредить репутации США в Венесуэле. Однако ЦРУ с такой рекомендацией не согласилось. Оно отвергло предложение госдепартамента рекомендовать правительству Венесуэлы с помощью американских экспертов «изучить» деятельность Департамента безопасности. Мнение разведки США поддержала и контрразведка — ФБР. Госсекретарь Джон Фостер Даллес согласился с мнением шефа ЦРУ и своего брата Аллена, о том, что такая акция нецелесообразна.

В июне 1956 года американцы были озабочены слухами о готовящемся восстании против Переса Хименеса с участием недовольных коррупцией военных. Посол США в Каракасе Макинтош сообщал о вышедшей из берегов коррупции, запредельной даже по меркам Латинской Америки. Посол «не давал никакой гарантии», что такое правительство долго удержится у власти.

23 июля 1956 года президенты США и Венесуэлы встретились в Панаме на очередном саммите стран Западного полушария. Перес Хименес поблагодарил Эйзенхауэра за начавшиеся контакты по военной линии. Стоит отметить, что венесуэльский диктатор поначалу не хотел ехать в Панаму, так как боялся покидать Каракас хотя бы на несколько дней. Эйзенхауэру пришлось послать в Венесуэлу Холланда, чтобы тот убедил лидера Венесуэлы лично участвовать в саммите. Американцам были очень нужны подпевалы, восторгавшиеся их политикой, и Перес Хименес их не подвел, потребовав от всех стран Латинской Америки конкретных действий против коммунистической угрозы.

Диктатор льстиво заметил Эйзенхауэру, что латиноамериканцам надо поучиться у американцев меньше говорить и больше делать. Перес Хименес похвалился, что его правительству удалось «убрать ветер из парусов коммунистов», хотя для этого в «отдельных крайних случаях» пришлось прибегнуть к

[1] Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Central and South America..

репрессиям[1]. Но все же, он-де делал упор на повышение зарплаты и дал рабочим больше чем им обещали коммунисты. Теперь рядом с фешенебельным клубом «Параисо» («Рай»), который был разгромлен возмущенными жителями в 1945 году, возвышается не менее фешенебельная штаб-квартира профсоюзов. Отныне, пошутил Перес Хименес, в случае беспорядков члены клуба из-за зависти станут громить резиденцию профсоюза.

Эйзенхауэр заметил, что и в США профсоюзы тратят на свои штаб-квартиры миллионы долларов. Видимо президент не знал о тесных контактах американских профбоссов с организованной преступностью.

Хозяин Белого дома сообщил диктатору, что теперь «хитрые» коммунисты проповедуют национализм, а не интернационализм и Перес Хименес согласился, что это опасно. Для повышения своего престижа Перес Хименес попросил разрешения сделать совместную фотографию с Эйзенхауэром, на что получил милостивое согласие.

Американцы обещали продать Венесуэле современного вооружения на 400 миллионов долларов, причем в кредит, хотя деньги у Переса Хименеса явно водились. Правда, американцы опасались, что закупки вооружения Венесуэлой вызовут негативную реакцию в Колумбии и Бразилии.

В США еще больше почувствовали ценность Венесуэлы после национализации Египтом летом 1956 года Суэцкого канала. Перес Хименес оставался практически единственным президентом страны «третьего мира», не доставлявшим американским компаниям никаких хлопот. Это понимал и сам диктатор, обратившийся в сентябре 1956 года к США с требованием пресечь в Америке деятельность венесуэльских эмигрантов.

В частности, Перес Хименес требовал выслать с Пуэрто-Рико Бетанкура, якобы замешанного в подготовке покушения на диктатора. Для американцев сведения о заговоре со стороны Бетанкура стали сюрпризом — никаких доказательств на сей счет не имелось. Американцы неофициально пригласили Бетанкура в госдепартамент 21 декабря 1956 года, и тот поспешил заверить, что не планировал убивать Переса Хименеса. Мало того, Бетанкур сказал, что у АД вообще нет никаких намерений свергать существующий режим в Венесуэле[2]. По мнению Бетанкура свергнуть Переса Хименеса могла только армия. Якобы в венесуэльских вооруженных силах есть группа недовольных молодых офицеров, но они пока выжидают, так как диктатор обещал провести выборы в 1957 году. Больше всего молодых офицеров, несмотря на хорошее жалованье, возмущает коррупция в военных верхах.

АД, сообщил американцам Бетанкур, хочет выставить на предстоящих выборах единого с УРД и КОПЕЙ кандидата в президенты, например, Эухенио Мендосу, богатого бизнесмена из Каракаса. Бетанкур заверил, что объединенная оппозиция не заключит никакого соглашения с коммунистами.

---

[1] Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Central and South America. P. 1135.
[2] Ibid. P. 1150.

США Бетанкур просил воздействовать на венесуэльское правительство, чтобы оно прекратило репрессии и обеспечило честные выборы.

В заключение Бетанкур заметил, что счастливо живет на Пуэрто-Рико в доме недалеко от пляжа и доволен теми мерами безопасности (в реальности — слежки, примечание автора), которые осуществляет администрация Пуэрто-Рико.

По итогам беседы американцы сделали правильный вывод, что Бетанкура и его АД США могут не опасаться. У бывшего главы революционной хунты образца 1945 года не осталось и следов былой левизны.

20 ноября 1956 года США решили все же выделить Венесуэле кредит на закупку оружия на 180 миллионов долларов. Первые поставки намечались уже в 1957 году. Через три дня министр иностранных дел Венесуэлы и Эйзенхауэр заклеймили «ужасную жестокость» СССР при подавлении беспорядков в Венгрии[1]. Причем именно венесуэлец требовал от президента США ясно показать русским границы дозволенного поведения. Эйзенхауэр же был настроен в отношении будущих контактов с СССР более «оптимистично».

С приближением президентских выборов 1957 года Перес Хименес уже чувствовал, что земля горит у него под ногами. Поэтому, к удивлению посла США, диктатор использовал рутинную встречу с американским адмиралом Редфордом (тот посещал латиноамериканские страны с целью выяснения их потребностей в американской военной помощи) 17 мая 1957 года для полномасштабной конференции с участием высшего военного руководства Венесуэлы.

Перес Хименес прямо-таки заклинал американских гостей, что Венесуэла является самым верным союзником США в борьбе против международного коммунизма, и что свои вооруженные силы Венесуэла укрепляет с одной целью — выступить на стороне США в случае мировой войны[2].

Американцы, тем не менее, к ужасу Переса Хименеса опять не исключили введения ограничений на импорт нефти, хотя посол в Каракасе Макинтош взывал к госдепартаменту на тот счет, что это может серьезно подорвать стабильность в стране.

Между тем, в самой «стабильной» Венесуэле назревал политический кризис. 11 июня 1957 года представители УРД и компартии встретились для обсуждения сотрудничества на период предстоявших выборов. 13 июня к этим двум партиям присоединилась КОПЕЙ. 14 июня три партии образовали единый орган антидиктаторского сопротивления — Патриотическую хунту[3]. Адеки нехотя присоединились к хунте 9 августа, чтобы не остаться на обочине политического процесса в стране.

Хунта издала тиражом в 35 тысяч экземпляров памфлет, в котором говорилось о решимости не допустить переизбрания Переса Хименеса на новый

---

[1] Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Central and South America. P. 1148.
[2] Ibid. P. 1153.
[3] История Латинской Америки. Вторая половина XX века. С. 327.

президентский срок. Сама хунта предполагала выдвинуть единым кандидатом в президенты лидера КОПЕЙ Кальдеру (глава УРД Вильяльба был в эмиграции, а коммунисты и адеки находились на нелегальном положении).

Но 21 августа 1957 года Кальдеру арестовали, хотя его освобождения потребовал даже папа римский. После этого 24 декабря лидера КОПЕЙ нехотя выслали из страны.

Перес Хименес после электорального урока 1952 года понимал, что выборы он не выиграет. Поэтому в нарушение собственной же конституции он решил вообще отменить голосование и заменить его референдумом о продлении собственных полномочий. В этом он явно опять руководствовался своим любимым идеалом — Наполеоном III. Тот при помощи полиции тоже любил устраивать контролируемые плебисциты.

Причем право голосовать было дано даже иностранцам, которые жили в Венесуэле минимум два года. То есть, диктатор явно надеялся на голоса специалистов, работавших в американских компаниях.

В своем анализе ситуации от 6 декабря 1957 года посол США в Каракасе Макинтош признавал, что плебисцит явится фарсом, одобренным «штампующим любые решения конгрессом»[1]. И здесь ничего не изменят организованные режимом «спонтанные» митинги подконтрольных властям профсоюзов. Правда, идею диктатора поддержал венесуэльский бизнес.

Макинтош сделал абсолютно неверный вывод о том, что режим Переса Хименеса полностью контролирует ситуацию и беспорядков в Венесуэле можно не опасаться. В результатах плебисцита посол тоже не сомневался.

Действительно, 15 декабря 1957 года 2,37 миллиона венесуэльцев «высказались» за продление полномочий Переса Хименеса до 1963 года. Против голосовали якобы всего 384 тысячи. Никаких протестов в день выборов не отмечалось, и посол Макинтош расценил настроение народа как «апатичное».

Однако Патриотическая хунта не сидела без дела и готовила всеобщую забастовку протеста, которая была назначена на 21 января 1958 года. Зрело недовольство и военных кругах.

1 января 1958 года над Каракасом неожиданно для жителей и самого диктатора появились военные самолеты. К восстанию на авиабазе Бока дель Рио (под городом Маракай) присоединились танкисты, однако мятеж удалось подавить. Однако 10 января Пересу Хименесу пришлось убрать из своего правительства министров, вызывавших особое недовольство в военных кругах (в том числе пропагандиста «просвещенного цезаризма» Вальенилью). За границу выслали и ненавидимого всеми начальника Департамента безопасности Эстраду.

Забастовка в Каракасе 21 января 1958 года быстро переросла в уличные беспорядки. Большая часть командования вооруженных сил продолжала под-

[1] Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Central and South America. P. 1164.

держивать диктатора, но тот решил 23 января отказаться от власти и покинуть страну.

Власть перешла к временной правительственной хунте во главе с вице-адмиралом Вольфгангом Ларрасабалем. Было объявлено о восстановлении демократических свобод и легализации всех политических партий.

Навязанная сверху коррупционная модернизация провалилась. Нефть не помогла диктатуре купить любовь венесуэльцев. Перес Хименес бежал к своему другу — не менее одиозному диктатору Доминиканской республики Трухильо. Люди танцевали на улицах, а люмпены из «барриос» жгли дома деятелей режима.

Венесуэла вступала в новую эпоху своей истории.

Глава 3. «Саудовская» Венесуэла, коррумпированная демократия и восхождение Чавеса: 1958–1992 гг.

Уго Чавес родился 28 июля 1954 года в деревне Сабанета в венесуэльских прериях, у подножия Анд. В деревеньке было три немощеные улицы, которые во время дождя превращались в непролазную грязь.

Его отец Уго де лос Рейес Чавес происходил из семьи сельскохозяйственных рабочих, был вынужден бросить школу после шестого класса, но потом все же смог сдать экзамен на учителя начальных классов. Чавес-старший состоял в КОПЕЙ, пока позднее не вступил в партию, созданную его сыном.

«Правильный» партийный билет КОПЕЙ помог. Верхом «дореволюционной» карьеры Уго де лос Рейеса стал должность инспектора образования его родного штата Баринас при правлении президента-члена КОПЕЙ Луиса Эрреры Кампинса (1979–1984).

Уго де ло Рейсес по отзывам учеников был педагогом строгим, но справедливым и лишенным всякого снобизма. Иногда он мог дать особенно расшалившимся ученикам легкий подзатыльник фалангами пальцев — обычная практика для венесуэльских школ.

От отца Уго Чавес унаследовал главное качество, которое делает человека революционером — доброе сердце, стремление помочь окружающим, переживание за обиду других, как за свою собственную. Отец приучил Уго и к железной дисциплине.

Мать Уго Чавеса Елена Фриас де Чавес тоже была школьной учительницей, начав преподавать в 16 лет. Именно в этом возрасте она и познакомилась с 19-летним учителем, отцом будущего лидера Венесуэлы.

От мамы, обычной деревенской девушки, Уго унаследовал прямоту и иногда излишнюю резкость суждений. Елена не лезла за словом в карман и обычно говорила в лицо людям то, что думала. Позднее она так отзывалась о своем сыне-президенте: «…иногда он говорит то, что не должен бы говорить. Потом он об этом сожалеет, но что сказано, то сказано»[1].

Учительницей мать Чавеса захотела стать потому, что учитель в ее школе был единственным хорошо одетым человеком в Сабанете. Вот и юная Елена думала — стану учительницей и, наконец, оденусь как следует! Девочка воспитывалась у бабушки, что было обычным делом для сельских районов Венесуэлы[2].

С этнической точки зрения семья Чавесов полностью отражала богатую смесь языков, народов и рас, свойственных для Венесуэлы. В жилах Уго Чавеса текла индейская, испанская, африканская и даже еврейская кровь.

Фамилия Чавесов когда-то играла заметную роль в истории страны. Прадед будущего президента Венесуэлы генерал Педро Перес Дельгадо боролся против диктатуры Гомеса и заслужил у своих бойцов кличку «Майсанта» (от

[1] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez sin uniforme. Mexico, 2007. P. 274–275.
[2] Ibid. P. 272.

его любимого выражения по отношению к противнику: «Матерь божья, как их много!»; по-испански «Ma'Santa, que son bastante!»)[1].

На момент рождения Уго Чавеса его прадед считался в официальной историографии бандитом, и бабушка Чавеса даже говорила, что боится, как бы в ее внуке не появились гены его предка-убийцы. Майсанта отличался энергичным темпераментом и 18-летним юношей принял участие в бою, в котором в 1898 году был смертельно ранен тогдашний президент Венесуэлы Креспо. Новый президент страны Кастро в 1899 году назначил «Майсанту» начальником военных и гражданских властей в его родной Сабанете (штат Баринас). «Майсанта» был большим поклонником прекрасного пола, и у него было около пяти внебрачных детей (может и больше). В 1914 году он стал чиновником правительства Гомеса, но вскоре дезертировал и начал партизанскую войну против диктатора. В 1922 году был захвачен в плен, заточен в крепость Пуэрто-Кабельо где и умер в 1924 году от болезни сердца в возрасте 44 лет.

Все довольно обширные земельные владения «Майсанты» были конфискованы властями, что сделало его потомков бедняками. Семья сильно переживала потерю видного социального статуса и привычного образа жизни.

Елене поначалу не понравился молодой учитель Уго де лос Рейес, она считала, что водить дружбу с мужчиной ей в 16 лет рановато, хотя для венесуэльской деревни она была уже чуть ли не «старой девой». Девушка на селе считалась готовой для замужества уже с 14 лет — она к тому времени умела готовить все нехитрые деревенские блюда, работать в поле, убирать бобы и кукурузу. Бабушка Елены сеяла и сажала довольно много, и девочке с младых ногтей пришлось поработать на земле. Вот и бабушка считала, что замуж Елене еще рановато, да и потенциальный жених ей не очень приглянулся. Тем более что, взрослея, Елена все больше и больше хотела стать педагогом (и уже не только ради красивой одежды, а чтобы самостоятельно зарабатывать себе на жизнь), а замужество в те годы обычно ставило на карьере женщины крест.

Но Уго де лос Рейес оказался человеком упорным и повел «осаду» понравившейся ему девушки по всем правилам. Он подружился с другом дома Елены и стал бывать у нее — они вместе втроем играли в карты. Постепенно пришла любовь, а за ней — дети, рождавшееся почти каждый год. Елена так и не смогла сделать карьеру учительницы, но, когда ее сыновья подросли, она заменяла коллег в школе — обычно тех, кто болел или уходил в трехмесячный декретный отпуск. Одно время она подрабатывала в школе «экономкой» — то есть была ответственной за закупку продуктов и инвентаря. Елене больше нравилось работать с взрослыми учениками, чем с детьми — взрослые проявляли по отношению к учителю больше уважения и были более спокойными на занятиях.

Когда Елена Чавес ждала в 18 лет своего первого ребенка (старшего брата Уго Адана, родившегося в 1952 году), в ее доме не было ни деревянного по-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. Hamburg, 2007. S. 46.

ла, ни воды, ни электричества. Крышей служи пальмовые листья. «Модернизация» Переса Хименеса так и не добралась до Сабанеты, как, впрочем, и до тысяч других венесуэльских сел и городков.

После рождения Уго, когда Елена забеременела в третий раз, она по обычаю отдала двух мальчиков на воспитание своей свекрови Розе Инес. Семья сельских учителей просто не могла прокормить троих детей[1].

Позднее, уже будучи президентом, Чавес вспоминал: «Я был еще ребенком в Сабанете в конце 50-х годов, и не стал еще даже служкой в церкви, а был всего лишь «пацаненком» (так меня называли мой отец и почти все его друзья), когда я заявлял, что у меня «три мамы». Первая была Мама Елена, моя обожаемая мать; вторая была Мама Сара, красивая девушка, которая однажды пришла с далеких гор… чтобы стать медсестрой нашего поселка; а третья была моя Старая Мама, бабушка Роза Инес Чавес, Мама Роза, в убогом доме которой, построенном из тростника, обмазанного глиной и крытого пальмовыми листьями, мы родились и прожили то удивительное детство»[2].

Мать хотела, чтобы Уго стал католическим священником, и отдала его в церковь, где мальчик год служил у алтаря. В его задачу входило протирать фигурки святых и Иисуса. Священники заставил Уго читать Библию и тем самым невольно отвратил его от бога в их понимании, ибо ребенок читал вдумчиво и задавал много вопросов, на которые ему никто не мог внятно ответить. Позднее мальчик возмущался тем, как церковь относилась к Иисусу, считая его «идиотом», в то время как с точки зрения Уго это был «повстанец». Уже будучи президентом, Чавес вспоминал, что не мог понять в детстве, почему Иисус, всемогущий бог, родился в хлеву, а не в более подходящем для бога месте[3].

Уго приставал к бабушке с мучившим его вопросом — почему добродетельные люди живут так бедно, почему бог не защитит их. «Мама Роза» отвечала, что бедные обретут счастье на небесах. Но Уго упрямился — он хотел для бедных счастья еще на грешной земле, в этом мире.

Позднее он понял, почему Иисус родился в хлеву: Христос пришел в этот мир среди самых бедных, чтобы познать их удел и освободить их от гнета.

Уже став президентом, Чавес так говорил о Христе: «Всегда, еще с тех пор, когда я был служкой в скромной церкви в Сабанете, в начале бурных 60-х годов прошлого века[4], мой разум был покорен проникновенными и пламенными словами Иисуса Христа, Спасителя униженных народов. С тех самых пор мне представляется такой волнующей Нагорная проповедь и его обещание справедливости для бедняков Земли»[5].

Отношение к Иисусу как к революционеру было весьма популярно в Латинской Америке в 60-е годы, когда многие священники встали на сторону

---

[1] После Уго в семье родились его братья Аделис, Аргенис, Анибал и Нарсисо. Один брат президента умер в младенчестве.

[2] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. М., 2010. С. 333.

[3] Jones B. Hugo. Steerforth Press, 2007. P. 461.

[4] Эти строки писались в 2009 году.

[5] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 319.

народных масс в их борьбе за социальные реформы. Возникло даже целое течение в латиноамериканском католицизме — теология освобождения, которое жестко преследовалось официальной церковью.

Адан и Уго жили с бабушкой в той же Сабанете и скоро начали называть ее «мамой Розой». До конца своих дней Уго с любовью вспоминал об этой женщине, в жилах которой текла африканская и индейская кровь. «Дом» «мамы Розы», как уже упоминалось, тоже не блистал комфортом — его стены состояли из обмазанного глиной плетня. Бабушка Чавеса зарабатывала на жизнь тем, что сама изготовляла и продавала сладости из папайи и кокоса. Уго, с ранних лет отличавшийся живым характером, активно помогал сбывать сладости на деревенской площади.

Из остальных развлечений в Сабанете были в наличии радио, кино и кегельбан, куда Уго захаживал с огромным удовольствием.

«Мама Роза» научила ребенка читать и писать, а отец привез ему из Каракаса с курсов совершенствования квалификации иллюстрированную энциклопедию-самоучитель в четырех томах, которую Уго изучал с огромным удовольствием. Так как частью энциклопедии был самоучитель немецкого языка, Уго даже попытался выучить хотя бы несколько слов из этого чужого и странного наречия.

Позднее Чавес вспоминал, что был в детстве настоящим «книжным червем» и сохранил любовь и уважение к книгам на всю жизнь: «Я не могу жить без книг, как наркоман без наркотиков»[1].

Хорошие книги и воспитание отца с младых ногтей сделали Уго человеком, готовым отдать для другого последнее: «С юности я научился быть счастливым, помогая другим. Я счастлив, если могу протянуть кому-нибудь руку помощи… Если у кого-то нет карандаша, то я сломаю свой пополам и отдам ему половину, и тогда я счастлив».

В доме родителей и бабушки не было телевизора (как и во всей Сабанете) и Уго с упоением слушал разные истории и «мыльные оперы» по радио. Его любимым персонажем был народный мститель «Эль Гавилан» («Ястреб»). Позднее Чавес вспоминал, что отсутствие телевизора с его обычной для того времени голливудской продукцией и сентиментально-приторными отечественными мелодрамами возможно пошло ему на пользу.

Родители жили практически напротив хижины бабушки Розы, и Уго никогда не терял с ними контакта. К тому времени Чавесы жили уже в доме из цементных блоков, с твердым полом и асбестовой крышей.

И мать, и отец решили, что всех их дети обязательно должны получить хорошее образование и «выйти в люди». Для того времени в Сабанете полное школьное образование ребенка было большой редкостью. Бедным и просто нищим жителям было не до премудростей. Уго поступил в начальную школу и среди его увлечений появились рисование и пение.

---

[1] Jones B. Hugo. P. 461.

Интересовался Уго и театром, но его манией стал бейсбол, что было довольно типично для того времени.

Бывший французский летчик эскадрильи «Нормандия-Неман» Франсуа де Жоффр, посетивший Венесуэлу в начале 1950-х годов, писал: «Венесуэльцы очень увлекаются бейсболом. Всякий мальчишка лелеет мечту стать когда-либо знаменитостью на этом поприще и вместо школы и уроков частенько предпочитает практиковаться в игре с товарищами в бейсбол прямо на улице, не обращая внимания на прохожих, автомобили, щедро сыплющиеся пинки. Бейсболом увлекаются все венесуэльцы, и его можно назвать здесь главным видом спорта»[1].

Юный Чавес играл «питчера» в местной любительской бейсбольной команде «Транспорте»[2]. Его трудно было оторвать от радиоприемника, где он следил за каждым матчем своей любимой бейсбольной команды «Магальянес» («Магеллан»). Его идолом был его тезка и «питчер» «Магальянеса» Исайас Чавес по прозвищу «Латиго» («кнут»). Он даже перерисовал для себя потрет знаменитого спортсмена из журнала «Спорт Графико».

В 12–13 лет Чавес был очень высоким, худым и с большими ступнями. Поэтому сверстники дали ему прозвище «Трибилин» (испанское название известного персонажа диснеевских мультфильмов Гуффи). Еще за светлые вечно спутанные волосы его дразнили «муравьем».

В 1966 году Уго закончил начальную школу и переехал в столицу штата город Баринас, где должен был учиться в гимназии и получить достаточное для поступления в университет образование.

Итак, детство Уго пока не предвещало мальчику выдающейся роли в судьбах его родины. А Венесуэла жила в те годы очень бурной и непростой политической жизнью.

Свергнув ненавистного диктатора и американского друга Переса Хименеса, военная хунта во главе с вице-адмиралом Ларрасабалем обещала в кратчайшие сроки провести новые свободные выборы.

Компартия Венесуэлы и многие профсоюзы выступали за выдвижение единого кандидата от Патриотической хунты. Но американцы не зря столько лет гостеприимно принимали Бетанкура на пуэрториканских пляжах. Бетанкур хотел только одного — власти, поэтому считал, что АД должна выдвинуть своего кандидата, причем по фамилии Бетанкур. Но молодежное крыло АД, настроенное довольно левацки, во главе со своим лидером Доминго Альберто Ранхелем полагало, что необходимо выдвинуть единого кандидата от всех оппозиционных сил.

Бетанкур ответил на такие настроения хитрым ходом, определившим историю Венесуэлы на 40 лет. 31 октября 1958 года в резиденции лидера КОПЕЙ Кальдеры в Пунто-Фихо лидеры АД, КОПЕЙ и УРД подписали соглашение, получившее затем название «пакт Пунто-Фихо». Три партии договорились, что

---

[1] Жоффр Ф. Венесуэла. Страна напрасных надежд. М., 1955. С. 75.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. Hamburg, 2007. S. 38–39.

кто бы не победил на предстоящих президентских выборах, в правительство войдут представители всех участников пакта.

Таким образом, коммунистов фактически исключили из политической жизни, чем не могли не быть довольны покровители Бетанкура в Вашингтоне.

Кандидатом на пост президента от КОПЕЙ, как и в 1947 году был выдвинут Рафаэль Кальдера. УРД и компартия высказались в поддержку главы военной хунты Ларрасабаля, который ради участия в президентской гонке оставил свой пост. Коммунисты подержали адмирала потому, что самого начала предлагали, чтобы единым кандидатом всех демократических сил был беспартийный[1]. Из всех серьезных претендентов только Ларрасабаль отвечал этому критерию.

Адеки после упорной внутренней борьбы выдвинули кандидатом Бетанкура. На съезде партии в августе 1958 года молодежное крыло опять (как и коммунисты) предложило согласовать единого непартийного кандидата от всех демократических сил. Однако «старая гвардия», среди которой преобладали бывшие эмигранты, все-таки «продавила» Бетанкура.

Американцы отнеслись к переменам в Венесуэле со «сдержанным оптимизмом». Ларрасабалю, как военному они доверяли, к Бетанкуру и Кальдере тоже никаких претензий не имели[2]. Ларрасабаль окончил американский военный колледж, а после переворота 1948 года занимал пост военного атташе Венесуэлы в Вашингтоне. Как только он пришел к власти, то сразу заявил, что гарантирует неприкосновенность всех иностранных капиталовложений в стране.

Тем не менее в США решили на всякий случай поиграть мускулами. В мае 1958 года Эйзенхауэр отправил в Каракас «с миссией доброй воли» своего вице-президента Ричарда Никсона. Но венесуэльцы прекрасно понимали, кто стоял за спиной диктатуры Переса Хименеса, и 13 мая в Каракасе лимузин Никсона забросали камнями разгневанные демонстранты. 12 сотрудников Секретной службы США смотрели, как сотни демонстрантов плевали на машину вице-президента и старались разбить в ней окна. Народ скандировал: «Никсон, убирайся домой!» и «Смерть Никсону!» В конце концов, охрана вызвала по радио венесуэльскую армию, которая оттеснила демонстрантов и сопроводила кортеж Никсона до безопасного места.

До этого в Перу и Эквадоре Никсона встретил не менее «радушный» прием. Когда он летел из Колумбии в Каракас, Секретной службе передали информацию о готовящемся в венесуэльской столице покушении на жизнь вице-президента США. Посольство США и резидент ЦРУ в Каракасе просто умоляли Никсона не приезжать. Никсона подвела свойственная ему мания величия — ради хороших снимков в СМИ он распорядился, чтобы возле его кортежа не было тяжеловооруженной венесуэльской охраны.

Прибыв в аэропорт Каракаса, Никсон в своем любимом синем костюме ожидал увидеть радушный прием, но уже с балкона терминала ему что-то кри-

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 131.
[2] Венесуэла. Экономика. Полтика. Культура. М., 1967. С. 55.

чали разгневанные люди. Миссис Никсон (в красном костюме и шляпке) почуяла неладное. Когда пара Никсонов ступила на взлетную полосу, она уже слышала «приветствия» венесуэльцев по-английски типа «Убирайся, собака!» До кортежа Никсоны шли под козырьком терминала, откуда десятки людей пытались плевками попасть в американского гостя. Никсон думал, что худшее позади, но на улицах Каракаса кортеж обступили демонстранты. Один из агентов Секретной службы достал пистолет, и если бы он выстрелил, жизнь Никсона вряд и бы удалось спасти. Вице-президент США с трудом пробился в американское посольство, где и провел остаток своего «визита доброй воли».

Президент США немедленно отправил к берегам Венесуэлы для защиты Никсона части морской пехоты и парашютистов на боевых кораблях. Вице-президента США хотели переправить на корабль на вертолете. Коммунисты, лидеры студенческих и молодежных организаций призвали народ к вооруженному сопротивлению в случае высадки американцев на берег.

Ободренная силовым жестом США группа военных во главе с министром обороны генералом Кастро Леоном попыталась 22 июля 1958 года совершить государственный переворот. Кастро предъявил Ларрасабалю ультиматум из 8 пунктов, главный пункт которого был весьма интересен. Вся власть должна быть передана предпринимателю Мендосе, которого Бетанкур «сватал» американцам как возможного президента еще в декабре 1956 года. Ларрасабаль и его хунта выдвинулись в резиденцию Ла-Гусмания под защиту сильного контингента морской пехоты. Путчисты арестовали нескольких членов Патриотической хунты, но вот Бетанкур смог уйти от армейского патруля.

Кастро Леон выучился на пилота на базе ВВС США в Корпус-Кристи (Техас) в 1944–1945 годы. В 1948 году опять проходил переподготовку в США. Участвовал в восстании авиации против Переса Хименеса 1 января 1958 года и после свержения диктатора стал бригадным генералом и министром обороны.

Однако в ответ на попытку переворота в Каракасе была 23 июля объявлена забастовка, и Кастро Леону пришлось уехать в эмиграцию.

Но спокойствие в стране так и не воцарилось. Уже 7 сентября 1958 года офицеры военной полиции и слушатели военной полицейской школы окружили президентский дворец Мирафлорес и потребовали отставки Ларрасабаля. Глава хунты в это время совершал поездку по стране. Путчисты смогли захватить радиостанцию и объявили о переходе к ним всей полноты власти[1].

Во главе заговора стоял не кто иной, как бывший шеф ненавистного Департамента безопасности Педро Эстрада. При Гомесе Эстрада (родился в 1906 году) был начальником тюрьмы и после «октябрьской революции» 1945 года бежал в США с документами, выданными американским посольством. В эмиграции готовил свержение адеков и вернулся в Венесуэлу в апреле 1949 года. Его назначили в посольство в Вашингтоне с задачей нейтрализовать деятельность венесуэльской эмиграции в Соединенных Штатах. Став при Пересе Хи-

[1] Венесуэла. Экономика. Полтика. Культура. С. 60.

менес директором Департамента безопасности, Эстрада бросил в тюрьмы тысячи венесуэльцев, а 822 человека отправил в специально созданный концентрационный лагерь Гуасина. При Эстраде во всех тюрьмах широко применяли пытки, и этого человека ненавидела вся страна.

Поэтому при первом же известии о мятеже военных полицейских на улицах Каракаса стали строить баррикады. Народ приступом взял казармы военной полиции. Мятеж был быстро разгромлен, чему способствовала и вновь объявленная общенациональная забастовка.

Президентские выборы 7 декабря 1958 года продемонстрировали небывалую политическую активность народа. На участки пришли 93% всех избирателей. Победивший кандидат АД Бетанкур набрал 49.2% голосов (1 284 092 голоса). За Ларрасабаля высказалось 903 479 венесуэльцев (34,6%), за Кальдеру — 423 462 (16,2%). Примечательно, что благодаря продержке коммунистов и профсоюзов Ларрасабаль победил в столичном Федеральном округе.

На парламентских выборах АД получила 49,5% голосов и 73 места из 132 в нижней палате и 32 из 51 — в сенате. УРД соответственно 34 и 11 мест, КОПЕЙ — 18 и 6, компартия — 7 и 2. За коммунистов проголосовала 161 тысяча человек.

13 февраля 1959 года Бетанкур приступил к исполнению обязанностей президента. Американцы были довольны его инаугурационной речью, содержавшей антикоммунистические выпады. В сформированное новым президентом коалиционное правительство вошли два представителя АД, по три — от КОПЕЙ и УРД. Прочие посты были переданы независимым технократам. Таким образом, начало действовать соглашение Пунто-Фихо.

Формально у всех коалиционных партий было равное количество мест в кабинете, но Бетанкур используя авторитет президентской должности, фактически пытался (и не без успеха) навязать правительству свою волю. Да и правительственная программа коалиции была выстроена на основе программы АД.

В этой программе фактические содержалось продолжение начатых в 1945–1948 годы реформ. Предусматривалось получение дополнительных доходов от нефти, индустриализация страны с помощью нефтедолларов, осуществление аграрной реформы, дальнейшее развитие системы образования и здравоохранения. Все это Бетанкур предполагал осуществлять с помощью, в том числе, и иностранного капитала.

Нефтяная политика нового правительства имела своей основой отказ от предоставления новых концессий иностранным компаниям, что, как и в 1945–1948 годах вызвало их недовольство. В США в конце 50-х годов наблюдался экономический спад, и американский конгресс опять вернулся к вопросу об ограничении импорта для защиты отечественных производителей нефти. Между тем мировые цены на «черное золото» вследствие кризиса стали падать.

В декабре 1958 года в Венесуэле был принят новый закон о нефти. Помимо обычного подоходного налога в 2,5% в законе содержался и дополнительный налог на сверхприбыли в размере от 10 до 45%. Так как самыми при-

быльными в стране были именно нефтяные компании, то они должны были уплачивать налог по максимальной ставке. Нефтяные компании протестовали — сокращение США импорта венесуэльской нефти и общее падение мировым цен грозило сделать их бизнес нерентабельным[1].

В мае 1959 года министр горнорудной и нефтегазовой промышленности Венесуэлы Перес Альфонсо заявил протест госсекретарю США в связи с сокращением американцами венесуэльского нефтяного импорта. Одновременно Бетанкур заверил, что никакой национализации нефтепромыслов не планируется.

Главным лозунгом венесуэльского правительства стало требование «справедливой» (то есть более высокой) цены на нефть. Это полностью отвечало интересам нефтяных компаний. Ведь теперь венесуэльское правительство боролось не за повышение налоговой нагрузки на них, а за повышение мировых цен на нефть, что было выгодно и самим компаниям.

По инициативе Венесуэлы в сентябре 1960 года на конференции в Багдаде была создана Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) именно с целью регулирования мировой цены на нефть. Первоначально в ОПЕК помимо Венесуэлы (которая ратифицировала соглашение о создании ОПЕК в мае 1961 года) вошли Саудовская Аравия, Иран, Ирак и Кувейт. Все страны ОПЕК договорились регулировать свою нефтедобычу в зависимости от ситуации с мировыми ценами на нефть.

Правда, было непонятно, как Венесуэла может это делать — ведь всю нефтедобычу в стране осуществляли частные иностранные компании.

Поэтому логичным было учреждение в 1960 году государственной нефтяной компании «Корвепет» («Корпорасьон Венесолана де Петролео», «Венесуэльская нефтяная корпорация»). Компании поставили задачу освоить все фазы добычи и переработки нефти. В 1960-е годы «Корвепет» не могла еще составить никакой конкуренции иностранным компаниям, добыв в 1969 году всего 2 миллиона тонн нефти[2]. Она заняла, таким образом, всего лишь 11-е место из 20 действовавших в Венесуэле нефтяных компаний.

Однако американским нефтяным компаниям очень не понравился декрет правительства 1964 года, по которому за «Корвепет» закреплялось не менее 33% венесуэльского рынка нефтепродуктов. Компании обратились с иском в Верховный суд Венесуэлы, обвинив правительство в нарушении свободы торговли. Однако Верховный суд встал на сторону властей. Но даже в 1968 году «Корвепет» контролировала 21.9% венесуэльского рынка нефтепродуктов, хотя должна была согласно декрету 1964 года контролировать треть.

В 1963 году мощность всех нефтеперерабатывающих предприятий Венесуэлы составила 53 миллиона тонн сырой нефти (12 миллионов тонн в 1948 году)[3]. Но в 1962 году на этих заводах перерабатывалось всего 25,4% всей добы-

---

[1] Цена одного барреля в 1960 году составляла 1,63 доллара, в 1961 году она снизилась до 1,57 доллара.
[2] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 171.
[3] Вольский В. В. Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964. С. 114.

той в стране нефти. По-прежнему в страну завозились импортные нефтепродукты (на 30 миллионов боливаров в 1961 году).

Правительство Бетанкура заявило, что вместо прежних концессионных соглашений с иностранными компаниями будут заключаться «контракты на услуги» («или сервисные контракты»). В этих контрактах венесуэльское государство получало больше прав по контролю текущей операционной деятельности компаний (нефтеразведка, темпы добычи нефти, ее переработка и транспортировка). В отличие от концессии при новой системе доля государства в доходах компаний должна была вырасти с 65 до 80%.

Ясно, что нефтяные компании были от такой политики не в восторге. Но Бетанкур постоянно напоминал им, что в других странах идет повальный процесс национализации нефтяной промышленности, в то время как только Венесуэла не планирует прибегать к подобной мере.

В 60-е годы Венесуэла впервые стала в промышленных масштабах добывать газ, который раньше просто сжигали в факелах. Часто огромные факелы, мешавшие людям спать по ночам, были причинами опустошительных пожаров. В 1962 году было добыто уже 35,9 млрд кубометров природного газа. Однако венесуэльские потребители использовали лишь 7,1% этого объема. 38% газа пошло на обратную закачку в нефтяные пласты для поддержания давления при нефтедобыче. 50% газа по-прежнему бездарно сжигалось. Таким образом, Венесуэлы теряла в год объем энергии, эквивалентный примерно 15 миллионам тонн нефти[1]. Из сжигаемого зря газа можно было бы получить, напритмер, 3 миллиона тонн пластмасс.

В Венесуэле экономический спад (отмечавшийся в 1959–1961 гг.) неизбежно был связан с американским кризисом конца 50-х годов, так как США были основным покупателем венесуэльской нефти. Но к этому добавилось бегство отечественного капитала за рубеж, так как венесуэльский бизнес негативно воспринял свержение Переса Хименеса. Для предпринимателей обретение демократии означало лишь легализацию независимых профсоюзов и необходимость платить рабочим более высокую зарплату. Многие бизнесмены побаивались национализации или усиления государственного вмешательства в экономику.

Но правительство опубликовало в 1962 году специальную «Декларацию об экономической политике»[2], в которой содержалась гарантия частной собственности. Что же касается вмешательства, то государство было готово заниматься экономикой лишь постольку для частного бизнеса те или иные проекты не представляли интереса. Фактически это свелось к государственному финансированию инфраструктуры и базовых отраслей промышленности (электроэнергетика, черная металлургия). Здесь требовались большие капиталовложения, срок окупаемости которых был для частного бизнеса слишком длительным, а значит непривлекательным.

---

[1] В 1963 году было добыто 169 миллионов тонн нефти (в 1955 году — 115 миллионов тонн).

[2] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 160.

Для координации государственной политики в сфере экономики в середине 1960 года был создан специальный орган — «Кордиплан». Он пытался увязать отдельные проекты в единую концепцию индустриализации страны. Саму же индустриализацию предполагалось проводить, главным образом, с целью импортозамещения. Бетанкур заявил, что целью правительство является годовой рост ВВП в 7%.

Чтобы достигнуть этого в 1960 году был опубликован честолюбивый «План нации», который, правда, пришлось пересмотреть уже в 1962 году из-за экономического спада 1959–1961 гг.

Как и в 1945–1949 гг., основным инструментом промышленной политики государства была Венесуэльская корпорация развития. Она давала кредиты, прежде всего, предприятиям пищевой, текстильной и нефтеперерабатывающей промышленности с целью добиться самообеспечения Венесуэлы всеми производимыми этим отраслями товарами.

Например, благодаря активному кредитованию сахарных заводов (что позволило провести их модернизацию и расширение) Венесуэла не только прекратила импорт сахара, но смогла в 1963 году даже экспортировать 45,5 тысячи тонн[1].

В 1968 году венесуэльская текстильная промышленность на 85% удовлетворяла внутренний спрос.

Корпорация развития выделяла кредиты частному бизнесу на более льготных условиях, чем коммерческие банки. Например, от частника требовали предоставления не более 25% средств, необходимых для реализации того или иного проекта.

Для защиты отечественного производителя в 1960 году были повышены импортные пошлины и введен государственный контроль над валютными операциями. Отныне государство предоставляло валюту лишь на такой импорт, который был жизненно необходим для индустриализации и импортозамещения. Ввоз отдельных товаров был вообще запрещен. Валютный курс был только официальным (3,35 боливара за 1 доллар США[2]) — свободная купля-продажа валюты запрещалась.

Например, с 1959 года был ограничен импорт легковых автомашин. Это заставило иностранные компании открыть сборочные производства в самой Венесуэле, и уже в 1964 году доля национального производства составила 94% по сравнению с 30% в 1960 году[3]. Правительство затем приняло решение, обязывающее иностранцев производить многие детали для автомашин в самой Венесуэле. Целью было объявлено полное прекращение импорта автомашин к 1980 году.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 163.
[2] Курс не менялся с 1948 года.
[3] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 175.

На базе богатых месторождений железной руды[1] Венесуэла с помощью итальянских компаний наладила производство проката и бесшовных труб, столь необходимых для нефтяной промышленности. Некоторые металлические изделия страна даже стал вывозить.

В 1960-е годы ВВП Венесуэлы рос с учетом инфляции примерно на 5% в год. Это были неплохие цифры, хотя и не самые впечатляющие в «третьем мире». Тем более, что Венесуэла находилась в уникальном положении, обладая огромными доходами от добычи и продажи нефти. Хотя следует отметить, что, несмотря на создание ОПЕК, мировые цены на нефть в 60-е годы продолжали падать и достигли к 1970 году всего-навсего 1,21 доллара за баррель.

Из суммарных оценочных запасов нефти всей Латинской Америки на 1963 год в 3999 миллионов тонн на Венесуэлу приходилось 2643 миллиона тонн, а на занимавшую второе место Аргентину — всего 530 миллионов тонн[2].

Тем не менее среднегодовые темпы роста ВВП Венесуэлы в 60-е годы всего лишь соответствовали среднему показателю по Латинской Америке (5% в 1963–1964 гг.)[3]. В самый лучший послекризисный период 1963–1964 гг. ВВП Венесуэлы вырос на 7,6%, а ВВП Мексики (где также добывалась нефть, но она принадлежала государству) — на 10%, Аргентины — на 8,2%[4]. В этот же период ВВП на душу населения в Венесуэле вырос на 4%, а в Мексике — на 6,5%, в Аргентине — на 6,2%.

Промышленное производство в Венесуэле благодаря щедрым кредитам Венесуэльской корпорации развития росло в 60-е годы на 7,5% в год, причем черная металлургия демонстрировала фантастические темпы в 19% в год. На 11% в год вырастало производство автомобилей. В этих сегментах Венесуэла не имела себе равных в Латинской Америке.

При этом флагман индустрии — нефтяная промышленность — давала лишь примерно 2% среднегодового роста. Из-за низких мировых цен на нефть доля этой отрасли в ВВП не росла и колебалась в районе 25–29%. Однако именно нефть была по-прежнему «дойной коровой» венесуэльского государства, давая в 1968 году 67% всех финансовых поступлений и 90% всех валютных доходов[5]. Иностранные компании в 1968 году отдавали государству 69% официально заявленной валовой прибыли.

Если нефть была «дойной коровой» Венесуэлы, то сама Венесуэла была «дойной коровой» для США.

В 1962 году американский бизнес получил в Венесуэле 505 миллионов долларов прибыли (в том числе 429 миллионов — в нефтяной промышленности), причем в США было вывезено 477 миллионов. На втором месте по прибыльности в Латинской Америке для США была Панама, но только благодаря

---

[1] В 1962 году в Венесуэле было добыто 20 миллионов тонн железной руды.
[2] Вольский В.В. Латинская Америка, нефть и независимость. С. 14.
[3] Экономика Латинской Америки в цифрах. М., 1965. С. 20.
[4] Там же. С. 29–30.
[5] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 176.

доходам от принадлежавшего тогда Соединенным Штатам Панамского канала (114 миллионов долларов). А вот в соседней Мексике американские компании в 1962 году смогли заработать всего 63 миллиона долларов, в Бразилии — 86 миллионов, в Аргентине — 80[1].

За все время диктатуры своего любимчика Переса Хименеса (1952–1958 гг.) американские компании даже по официальным данным нажили на Венесуэле 2,8 миллиарда долларов. Это было больше, чем прибыль от инвестиций во всех остальных странах Латинской Америки, вместе взятых.

В 1962 году общая сумма американский прямых инвестиций за рубежом равнялась 37 миллиардов долларов, из них на Латинскую Америку приходилось 8,5 миллиарда, в том числе на Венесуэлу — 2,8 миллиарда (больше чем на все страны Азии вместе взятые). На втором после Венесуэлы месте для американцев была огромная Бразилия — 1,1 миллиарда долларов[2].

Засилье американцев мешало Венесуэле привлекать инвестиции из других западных стран. Например, на 31 декабря 1962 года компании ФРГ инвестировали в Венесуэлу всего 27,8 миллиона марок, а в Аргентину — 231 миллион, в Бразилию — 772 миллиона, в Мексику — 52,8.

Венесуэла по-прежнему полностью зависела от США в области внешней торговли. В 1963 года в Америку было вывезено товаров (в основном нефти) на 2,9 миллиарда боливаров. На втором вместе были голландские карибские острова Аруба и Кюрасао, где «Шелл» перерабатывала венесуэльскую нефть (2 миллиарда боливаров). А вот на Англию приходилось всего 704 миллиона боливаров экспорта, на ФРГ — 179, на Бразилию — 284.

В 1961 году из венесуэльского нефтяного экспорта 73,5% приходилось на необработанную дешевую сырую нефть, 18,7% — на мазут (самый дешевый нефтепродукт) и лишь 7,8% — на более дорогие нефтепродукты.

За весь период 60-х годов нефтяная зависимость Венесуэлы нисколько не уменьшилась. Если в 1955 году нефть и нефтепродукты занимали 94% экспорта, то в 1968 году — 92,7%[3]. Вместе с Сальвадором и Колумбией (кофе) Венесуэла наиболее сильно в Латинской Америке зависела от экспорта всего лишь одного продукта.

По импорту зависимость от США была еще более удручающей. В 1963 году Венесуэла ввезла из Соединенных Штатов товаров на 2 миллиарда боливаров (хотя этот объем в абсолютном выражении и не вырос по сравнению с 1948 годом). На втором месте по импорту была ФРГ — всего 292 миллиона боливаров, на третьем — Англия (223 миллиона). Из соседей по Латинской Америке на первом месте со скромными 30 миллионами боливаров находилась Аргентина.

---

[1] Экономика Латинской Америки в цифрах. С. 100.

[2] Там же. С. 98.

[3] Черноруцкая Л. И. Латинская Америка: современные тенденции внешнеэкономической политики. М., 1975. С. 194.

Американцы продавали в Венесуэлу промышленное оборудование и продукты питания (в основном излишки, закупаемые государством, чтобы предотвратить падение цен для отечественных аграрных производителей). Например, в 1960 году в Венесуэлу было продано 85% всего американского вывоза сухого и сгущенного молока[1]. И это при том, что еще в начале XX века сама Венесуэла была мировым лидером по животноводству. Американцы продавали в Венесуэлу 65% всего вывоза яиц, 39% овсяной муки, 10% — пшеничной муки.

Парадокс, но богатая в природном отношении Венесуэла не могла себя прокормить.

За счет импорта Венесуэла удовлетворяла 100% потребностей в ячмене, 98% — пшенице, 83% — овсе, 74% — растительном масле, 60% — рыбе (!), 56% — молоке, 53% — рисе, 50% — животных жирах, 41% — сыре[2].

В 1963 году Венесуэла купила 410 тысяч тонн пшеницы, 46,2 тысяч тонн консервированного молока и даже 145 тысяч тонн фруктов и овощей (!)[3].

Сама страна произвела том же году 1 (!) тысячу тонн пшеницы (даже в 1950 году было произведено 5 тысяч тонн), 131 тысячу тонн риса, 430 тысяч тонн кукурузы (основного продукта питания большинства населения). 111 тысяч тонн картофеля. И все это на 8,3 миллиона человек населения[4].

Венесуэльский юмористический журнал «Моррокой Асуль» писал с явным сарказмом: «Я хочу найти в нашей большой стране хоть немножко нашего и не встречаю ничего, если не считать малярии. Я должен был бы молчать об отсутствии нашего, чтобы могли спокойно почивать на лаврах великие патриоты. Я должен был бы сказать, что Телефонная компания и Компания электрического света — наши, что наша — эта отвратительная жидкость, что спит тревожным сном под нашей землей. Должен был бы найти венесуэльский вкус у голландской картошки, у чилийских бобов, у кубинского сахара… Но я не могу сделать этого. Я искренен и меня тянет говорить по-португальски, когда я вижу венесуэльского ребенка, потому что он одет в бразильский костюмчике. Я отвечаю на аргентинском наречии, когда мне предлагают бифштекс по-гамбургски…»[5]

Страна явно сидела на опасной «нефтяной игле», пребывая в полной зависимости от мировой конъюнктуры цен на нефть.

В 1963 году Венесуэла была непререкаемым чемпионом Латинской Америки по золотовалютным резервам, составившим 738 миллионов долларов (том числе золото — 401 миллион). Бразилия могла похвастаться лишь 318 миллионами (150 — золото), Мексика — 543 (139). Ближе всего к Венесуэле по золоту «подобрался» Уругвай со 174 миллионами.

---

[1] Вольский В. В. Латинская Америка, нефть и независимость. С. 112.
[2] Там же. С. 112–113.
[3] Экономика Латинской Америки в цифрах. С. 155–156.
[4] Там же. С. 153–154.
[5] Жоффр Ф. Венесуэла. Страна напрасных надежд. М., 1955. С. 5.

Опираясь на хорошую финансовую базу, правительства Бетанкура и особенно его преемника Леони искренне пытались улучшить социальное положение венесуэльского населения. В 1966 году был принят закон об обязательном социальном страховании. Ранее социальное обеспечение существовало лишь на уровне отдельных штатов и охватывало только пособие по беременности и родам, а также помощь при несчастных случаях.

Теперь система социального страхования становилась общегосударственной и распространялась на заболевания, несчастные случаи, инвалидность, старость, смерть кормильца и увольнение. Однако, вопреки мнению профсоюзов эту систему не распространили на безработных. А это было важно, ибо нефтяные компании как раз в 60-е годы начали активно сокращать свой персонал, мотивируя такую политику низкими мировыми ценами на нефть. Например, в 1963 году без работы было 350 тысяч венесуэльцев (14% рабочей силы), и хотя число безработных сократилось до 220 тысяч в 1967 году (7%), это все равно была внушительная цифра.

Против распространения социального страхования на безработных резко выступила организация предпринимателей — Федерация торговых и промышленных палат. Правительства Бетанкура и его преемников стремились без нужды не злить бизнес.

В 1966 году был модернизирован закон о труде. Теперь при выходе на пенсию полагалось выходное пособие, а в случае смерти работника пособие выплачивалось его родственникам.

Правительство продолжало вкладывать значительные средства в систему образования. В 1961 году 63,3% венесуэльцев старше 15 лет умело читать и писать, в 1967 году — 76,2%. За 10 лет с 1959 по 1969 гг. число учащихся в начальных школах выросло на 49,8%, в вузах — на 207,5%[1].

Однако бедняки по-прежнему обычно заканчивали только начальную школу.

Например, в 1965 году в начальных школах Венесуэлы училось 94% детей соответствующего возраста, а в вузах — лишь 7%. В Чили (самой развитой стране Латинской Америки) в то же самое время эти цифры равнялись 124% и 6%[2].

Благодаря немалым усилиям правительства по улучшению здравоохранения, снизилась смертность — до 6,2 человек на 1000 жителей в 1968 году. Детская смертность в 1960–1968 гг. сократилась с 59,3 до 41,6% рождающихся, что было еще все же еще очень неприятным показателем. В 1969 году в стране насчитывалось 32 038 больничных коек (3,2 койки на 100 жителей). Несомненно, что этот показатель, учитывая нефтяные доходы Венесуэлы, мог быть куда более солидным.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 180.

[2] DiJohn J. From Windfall to Curse?: Oil and Industrialization in Venezuela, 1920 to the present. Pennsylvania State University, 2009. P. 27.

Тем не менее, благодаря снижению детской смертности средняя продолжительность жизни в Венесуэле с 1960 по 1969 год выросла с 60,2 до 65,77 года[1].

Правительство с помощью льготных кредитов поощряло жилищное строительство, особенно в неразвитых экономически внутренних районах страны. В 1964–1968 гг. на деньги специально созданного Рабочего банка было построено 43 736 домов. В тот же период на средства министерства здравоохранения было возведено 59 340 домов[2].

Но население Венесуэлы, в массе своей все еще сельское, прежде всего, интересовал вопрос немедленного осуществления аграрной реформы, которая в 1945–1948 гг. осталась в основном лишь на бумаге. Созданная после 1958 года влиятельная Крестьянская федерация требовала немедленной и бесплатной передачи земли тем, кто ее обрабатывает. В противном случае крестьяне грозили самовольно захватывать пустующие или плохо обрабатываемые частные земли.

Бетанкур и возглавляемое им правое крыло АД не желало радикальной аграрной реформы. Адеки не хотели ссориться с помещиками и стоявшей за ними католической церковью. Реформу Бетанкур намеревался проводить по линии выделения нуждающимся государственных или пустующих земель. Однако, земли эти как правило были плохого качества и находились во внутренних малообжитых районах страны, где отсутствовала любая необходимая для товарного производства инфраструктура.

На 1961 год в сельском хозяйстве было занято 35% активного населения Венесуэлы (в 1941 году — 51%)[3]. Но это было связано не столько с бурным развитием промышленности, сколько с обезземеливанием крестьянства в результате предоставления нефтяных концессий иностранным компаниям. Лишенные земли, или обладающие слишком маленькими для прокорма участками крестьяне, бежали в города (прежде всего, Каракас) и пополняли и так многочисленные ряды обитателей трущоб.

Примерно полмиллиона венесуэльских сельских жителей в начале 60-х годов являлись откровенными нищими. Это были батраки и поденщики, работавшие на крупных латифундистов. Сельские пролетарии просто жаждали земли, способной хотя бы прокормить их семьи.

На первом национальном крестьянском съезде в 1959 году лидер Крестьянской федерации Кихада говорил: «Аграрная реформа в наше время является исторической необходимостью, ибо нетерпимо, чтобы и впредь продолжала оставаться нынешняя структура землевладения, и еще более невыносимо, чтобы крестьянство, составляющее большинство венесуэльской нации, продолжало жить в условиях, которые нельзя считать человеческими»[4].

---

[1] URL: http://www.indexmundi.com/facts/venezuela/life-expectancy-at-birth
[2] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 180.
[3] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 216.
[4] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 185–186.

В 1961 году 384 тысячи фермеров из 729 тысяч не могли прокормиться без посторонних заработков или помощи государства. При этом в 1950–1961 гг. из деревни в город (причем в основном в столицу) за лучшей долей бежали 735 тысяч человек. Ведь в 1948–1957 гг. половина всех государственных расходов была направлена на благоустройство Каракаса — «витрины» и «потемкинской деревни» диктатуры Переса Хименеса. Пусть и в самом Каракасе безработных было как минимум 20% всего населения — сельчане все-таки надеялись, что в «большом городе» им удастся вытянуть счастливый билет.

С другой стороны, при вопиющем безземелье основных масс на селе 72% всей земли принадлежали всего лишь 1,3% землевладельцев.

Аграрный комплекс, как уже упоминалось выше, не мог обеспечить страну элементарным продовольствием. Ведь крупные латифундисты либо выращивали экспортные технические культуры (кофе), либо сдавали свои земли в аренду, в том числе и горнодобывающим компаниям.

Понимая весь накал социального недовольства в деревне, Бетанкур поспешил с проведением аграрной реформы.

В июле 1959 года проект закона об аграрной реформе стал рассматривать конгресс. Коммунисты требовали изымать излишки земли у латифундистов бесплатно и бесплатно же передавать их нуждающимся. Но АД и КОПЕЙ продавили конфискацию за выкуп, а потом сами же стали говорить, что в государственном бюджете на выкуп земли нет денег. Отсюда правительство делало «логический» вывод — крестьяне сами должны платить за предоставляемую им землю. Адеки были также резко против предложения коммунистов о законодательном закреплении максимума земли, которая может находиться в частных руках. Такую реформу провели, например, в Мексике и Гватемале.

5 марта 1960 года закон об аграрной реформе, одобренный конгрессом 22 февраля, был торжественно провозглашен и начал осуществляться.

В преамбуле закона ясно провозглашалась его политическая цель — «замена латифундистской системы земельной собственности справедливой системой землевладения…основанной на справедливом распределении земли…»[1]

Землю нуждающимся предполагалось выделять либо за счет государственного фонда, либо путем безвозмездной экспроприации[2] или путем отчуждения за выкуп. Но отчуждению даже за выкуп подлежали только те земли, где частная собственность не «выполняла социальную функцию». Этот размытый термин означал, что можно отчуждать лишь необрабатываемые или плохо обрабатываемые земли. Причем отчуждать любую землю полагалось только в тех районах, где поблизости не имелось свободных земель.

Закон запрещал землевладельцам сдавать в аренду участки земли, недостаточные для обеспечения нормального существования арендаторов. В любой договор аренды должен был включаться пункт о возможности для арендатора купить арендуемую землю на заранее согласованных условиях.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 187.

[2] Касалась только имущества диктатора Переса Хименеса и его ближайших подельников.

Земля передавалась крестьянам в частную собственность, но они имели право использовать полученные наделы коллективно. Бесплатно крестьянину давали такой надел, который он мог обработать самостоятельно, не прибегая к помощи наемной рабочей силы. За остальную землю полагалось платить.

Аграрная реформа осуществлялась медленно и фактически первоначально только за счет распределения пустующих земель из государственного фонда.

Весной 1961 года именно это и раскритиковал лидер Крестьянской федерации Кихада. Руководство АД обвинило его в коммунистической демагогии. В ответ Кихада объявил, что его федерация будет бойкотировать намеченный на осень 1961 года IV конгресс единого профцентра Венесуэлы (Конфедерация трудящихся Венесуэлы), находившегося под плотным контролем адеков. Тогда правые лидеры АД во главе с Бетанкуром добились смещения Кихады, но лишь 11 из 23 региональных крестьянских федераций направили своих делегатов на профсоюзный съезд. 7 непокорных федераций во главе с Кихадой вообще вышли из венесуэльской Крестьянской конфедерации.

Правительство жестко пресекало любые попытки самовольного захвата земли крестьянами, прибегая к использованию армии и полиции.

В 1959–1968 гг. землю передали 162 141 крестьянской семье, причем при Бетанкуре (до 1963 года) землю получили 66 428 семей. Всего по аграрной реформе нуждающиеся получили 4 495 765 га земли[1]. 60% всех переданных земель были предоставлены из государственного фонда. Больше всего земель у частников было отчуждено в 1960–1961 гг., когда Крестьянскую федерацию возглавлял Кихалда и правительство иногда, чтобы не злить крестьян санкционировало самозахваты земли.

Власти щедро платили латифундистам за землю. Только в 1960–1963 гг. (при президенте Бетанкуре) за отчужденные 578 тысяч га было уплачено 57,4 миллиона долларов. В Мексике, например, в ходе аграрной реформы революционные власти выплатили в 4 раза меньше за площадь, в 7 раз большую.

До 1965 года и так не бедные собственники земли получили от государства около 500 миллионов боливаров, в то время как на помощь получившим землю крестьянам было истрачено 287 миллионов боливаров[2].

В средней каждой крестьянской семье по реформе досталось 28 га, хотя в густонаселенных и обжитых штатах эта цифра не превышала 4–4,5 га.

В чем-то бетанкуровская реформа в Венесуэле походила на столыпинскую в России: не трогать крупных собственников и «сплавлять» нуждающихся крестьян в малообжитые районы, где без финансовой и технической помощи наладить нормальное сельское хозяйство было очень трудно. Только в условиях России люди ехали на Восток (в Сибирь), а в Венесуэле — на юг. А там их ждали непроходимые леса, отсутствие дорог и ирригационной системы. Не было даже зданий и строительных материалов для них.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 195.
[2] Там же. С. 198.

В первые пять лет реформы, как и при Столыпине в России, венесуэльское государство практически не помогало новым хозяевам в осваивании земель. Не имея ни техники, ни удобрений, многие крестьянские семьи бросали выделенные им участки и уходили в городские трущобы. 35% получивших землю крестьян имели либо недостаточный для жизни их семей доход, либо даже убыток при средней трудовой нагрузке 107 человеко-дней в год.

Люди, применяя отсталую агротехнику, выращивали в основном бобы, кукурузу и не на товарный рынок, а для себя. Из получивших по реформе землю кукурузой и бобами занимались 55% крестьян. Выращивать более нужную стране пшеницу эти люди просто не могли ни с финансовой, ни с технической точек зрения.

54% всех получивших землю по реформе хозяйств не имели животной или механической тяги, что автоматически обрекало их на нищету. 78% не использовали гербицидов, а значит, их поля зарастали буйными и упорными тропическими сорняками. 80% не имели возможности применять удобрения.

В 1966 году под кукурузой было занято 42% сельскохозяйственных земель. Урожайность была крайне низкой — 1119 кг с гектара, причем у тех, кто получил землю по реформе, она была еще ниже[1]. При продаже урожая с одного га (за вычетом расходов на рабочую силу) фермер мог получить лишь 38 долларов. На 40% земли выращивались бобовые (в основном фасоль). На бобах удавалось заработать еще меньше — 28 долларов с гектара. При этом в среднем на семью приходилось примерно по 9 га.

По данным правительственных исследований нерентабельным было выращивание не только кукурузы и бобовых, но и риса, хлопка, и даже сахарного тростника.

Не удивительно, что в 1960–1965 гг. производство кукурузы выросла всего на 18%. Страна по-прежнему импортировала самое ценное с точки зрения калорийности продовольствие — молоко и пшеницу.

Получалась странная, если не парадоксальная вещь. Если в 1959 году (т. е. до реформы) на сельское хозяйство приходилось 36,1% всего земельного фонда страны, то в 1962 году еще меньше — 34,9%. Зато выросла доля земель, занятые под предприятия торговли и сферы услуг.

Из 170 тысяч семей, получивших землю, в 1969 году на селе осталось лишь 117 тысяч. Люди опять шли в батраки к крупным землевладельцам, где им платили 5–8 боливаров в день.

Начиная с 1963 года, правительство стало финансировать строительство дорог, ирригационных сооружений, осушение почв и возведение в районах реформы школ и больниц. Но выделяемых средств явно не хватало.

Таким образом, аграрная реформа по принципу «и овцы целы и волки сыты» не удалась, да и не могла удаться.

---

[1] URL: http://pdfs.postprefix.com/venezuela/Venezuela%27s%20Land%20Reform-%20Progess%20and%20Change.pdf

Политическая жизнь Венесуэлы при Бетанкуре была очень далека от стабильности. Еще до того как лидер АД принес присягу в качестве президента, почти вся Латинская Америка (а потом и многие в мире) восторженно приветствовала «барбудос» («бородачей») Фиделя Кастро и Че Гевары, свергнувших на Кубе до зубов вооруженную американцами диктатуру Батисты.

Крайне честолюбивый Бетанкур, считавший именно себя политической звездой и духовным лидером Латинской Америке, возненавидел Кастро и Че Гевару уже хотя бы потому, что теперь роль «звезд» явно перешла к ним.

К удивлению американцев, новые кубинские лидеры оказались не обычными военными вождями, стремившимися просто к личной власти, а людьми принципиальными и твердыми. В 1960 году кубинское правительство объявило о национализации всей сахарной индустрии страны, которая для Кубы играла такую же роль, как нефть для Венесуэлы. Под национализацию попали, прежде всего, американские компании, и США разорвали дипломатические отношения с Кубой. В марте 1960 года ЦРУ США получило приказ президента «устранить Кастро». В Белом доме подрывные действия против Кубы курировал вице-президент Никсон.

Никсон, никогда не придававший особой роли морали и ненавидевший латиноамериканцев после своего печально знаменитого турне по Латинской Америке в 1958 году, предложил ЦРУ организовать убийство Фиделя Кастро, Рауля Кастро и Эрнесто Че Гевары с помощью американской организованной преступности. Ведь революционеры отобрали у американской мафии на Кубе такой выгодный бизнес как азартные игры и проституцию. К тому же Куба перестала быть перевалочным пунктом для транспортировки наркотиков в США.

Пока ЦРУ и мафия изобретали все более экстравагантные схемы убийства Кастро (от отравления мороженого в ресторане до закачки отравляющего газа в акваланг Кастро, любившего дайвинг) в Гватемале и Никарагуа вооруженные ЦРУ кубинские эмигранты-контрреволюционеры готовились к вторжению на остров Свободы.

Но для вторжения нужен был мало-мальски презентабельный для мирового общественного мнения предлог, и США стали обвинять Кубу в экспорте революции в другие станы Латинской Америки.

И здесь понадобился Бетанкур как демократически избранный и считавшийся левым лидер Латинской Америки. Именно он должен был развернуть на континенте антикубинскую кампанию.

Конечно, опыт кубинской вооруженной революции окрылил многих оппозиционеров в Латинской Америке. Оказалось, что горстка решительных людей может разбить даже армию с танками и самолетам. На Кубу зачастили как правило молодые и бесшабашные лидеры практических их всех стран континента, просившие оружия или хотя бы моральной поддержки со стороны сверхпопулярных «барбудос». Причем политические взгляды просителей были самыми различными — от крайне левых до консервативных.

Кубинцы действительно оказывали помощь многим революционным группам, но ничего необычного для Латинской Америки в этом не было. Сами же венесуэльские эмигранты не раз с баз в Мексике и на Кубе пытались свергнуть дикторские режимы в своей стране. В такого рода акциях был замешан и сам Бетанкур.

К тому жестокие проамериканские диктаторские режимы вроде доминиканского Трухильо или никарагуанского Сомосы не оставляли своим гражданам никакого другого выхода кроме вооруженной борьбы. Сам же Бетанкур, как уже упоминалось, пришел к власти в 1945 году в ходе военного переворота. Такой же переворот, но уже в 1958 году, смог опять восстановить в Венесуэле демократические порядки.

Тем не менее, Бетанкур стал главным союзником США в попытках заклеймить Кубу как диктаторский коммунистический режим, вмешивающийся во внутренние дела других стран.

Бетанкур даже провозгласил собственную «доктрину», согласно которой Венесуэла разрывала дипломатические отношения со всеми странами, где власть менялась в результате насильственного переворота. Под эту доктрину Бетанкур подверстал и Кубу, хотя Кастро пришел к власти не в ходе военного переворота (в отличие от того же Бетанкура в 1945 году), а в результате всенародного восстания против военной диктатуры Батисты. Кадры ликования населения Гаваны, встречавшего Повстанческую армию Фиделя Кастро и Че Гевары, обошли весь мир.

В сентябре 1960 года США стали продавливать на встрече министров иностранных дел Организации американских государств (ОАГ) резолюцию, осуждавшую Кубу за «агрессию» против других латиноамериканских стран. Бетанкур дал инструкцию министру иностранных дел Венесуэлы и лидеру УРД Игнасио Луису Аркайе поддержать американскую позицию. Однако Аркайя отказался и подал в отставку. Вслед за ним из коалиционного правительства вышел и весь УРД.

После ухода УРД в правительстве остались лишь КОПЕЙ и АД, и кабинет министров стал еще более консервативным и проамериканским.

Между тем, во внутренние дела Венесуэлы действительно пытались вмешаться. Но только не кубинцы, а правый диктатор Доминиканской республики и большой друг США Трухильо. После 1958 года именно к нему хотел направиться директор пресловутого департамента безопасности Переса Хименеса Эстрада. Эстрада хотел ни больше, ни меньше, чем убить Бетанкура. И Трухильо полностью поддерживал эту идею. Правда, Эстрада опасался, что после теракта на Бетанкура Трухильо «спрячет концы в воду» и уберет его самого.

Бетанкур еще в 1945 году в ознаменование своей упомянутой выше доктрины разорвал дипломатические отношения с Доминиканской республикой.

В 1959 году отношения между Доминиканской республикой и Венесуэлой в очередной раз обострились. По иронии судьбы Трухильо обвинил Вене-

суэлу и Кубу в организации высадки революционеров-эмигрантов в Доминиканской республике 14 июня 1959 года и 2 июля обратился в ОАГ с требование установить причастность этих двух стран к дестабилизации доминиканского правительства. Однако и Куба, и Венесуэла отказались предоставить ОАГ право проводить соответствующее расследование на их территории.

10 июля 1959 года Доминиканская республика неожиданно отозвала свою жалобу из ОАГ: Трухильо увидел, что большинство организации отнюдь не на его стороне.

В августе 1959 года по инициативе США ОАГ рассмотрела в столице Чили Сантьяго кризисную ситуацию в Карибском бассейне. Американцы пытались примирить между собой два основных ими же провозглашенных постулата организации (принцип демократии и соблюдения прав человека в латиноамериканских странах и принцип невмешательства во внутренние дела государств). Однако Бетанкур, например, считал, что именно диктаторский и антинародный характер режима Трухильо заставляет его вмешиваться во внутренние дела соседних стран. Тем не менее, никакого реального результата у ОАГ не получилось: итоговое коммюнике встречи подтверждало невмешательство во внутренние дела государств (даже если там нарушались права человека — это была позиция Трухильо и США) и одновременно резко осуждало (по инициативе Кубы и Венесуэлы) не названные поименно диктаторские режимы.

Бетанкур был дружен со многими доминиканскими эмигрантами, в том числе с лидером Доминиканской революционной партии (чья реформистская идеология была очень похожа на взгляды президента Венесуэлы) писателем Хуаном Бошем. В мае 1960 года по инициативе Бетанкура на вилле бывшего президента Коста-Рики Фигераса состоялась встреча лидеров доминиканской эмиграции (Доминиканской революционной партии и Доминиканского революционного авангарда) с целью создания единого оппозиционного фронта против Трухильо.

То есть, критикуя Кубу за поддержку революционных движений в Латинской Америке, Бетанкур занимался по сути тем же самым.

Как только Бетанкур пришел к власти второй раз в 1959 году он снова разорвал дипломатические отношения с Трухильо и обратился с жалобой в Организацию американских государств, обвинив Доминиканскую республику в массовых нарушениях прав человека, представляющих угрозу для безопасности всей Латинской Америки. По случаю первой годовщины своего пребывания у власти Бетанкур прямо заявил, что не успокоится, пока доминиканский режим не будет исключен из ОАГ и подвергнут санкциям.

США с неудовольствием наблюдали за внешнеполитической активностью Бетанкура: они бы предпочли, чтобы ОАГ обрушилась на Кубу. Однако режим Трухильо был настолько одиозен, что ничего по существу против венесуэльской жалобы США возразить не могли.

Бетанкур же аргументировал свою позицию по Трухильо следующим образом: чтобы более правдоподобно критиковать Кубу, он должен бичевать нарушения демократии и в других странах.

7 июня 1960 года специально созданный для разбора венесуэльской жалобы комитет ОАГ был вынужден признать, что «наглое и массовое нарушение прав человека характеризует политику Доминиканской республики». Трухильо оказался на пороге полной внешнеполитической изоляции. В этих условиях доминиканский диктатор решил устранить Бетанкура физически.

Решение это созрело у доминиканского диктатора давно. Еще в ноябре 1959 года самолеты доминиканских ВВС сбились с курса, и по ошибке сбросили над Нидерландскими Антильскими островами листовки с обращением к венесуэльскому народу с призывом свергнуть «коммуниста» Бетанкура. Венесуэла обратилась с жалобой на Доминиканскую республику в ОАГ.

В апреле 1960 года в Венесуэлу прибыл по доминиканскому паспорту бывший генерал венесуэльской армии Кастро Леон, попытавшийся вновь поднять неудачный вооруженный мятеж в городе Сан-Кристобаль.

Вообще следует отметить, что венесуэльские правые пытались свергнуть Бетанкура начиная с февраля 1959 по середину 1962 года более 15 раз.

Утром 24 июня 1960 года в 9.28 на улице столицы Венесуэлы Каракаса Пасео-де-лос-Илюстрес взорвалась мощная бомба как раз в тот момент, когда мимо проезжал лимузин венесуэльского президента (Бетанкур ехал на военный парад в честь Дня вооруженных сил страны). Взрывом машину Бетанкура отбросило на несколько метров, и она ударилась в разделительный бордюр на бульваре (что предотвратило опрокидывание автомобиля и возможно спасло Бетанкуру жизнь). Машина загорелась, но Бетанкуру, министру обороны Венесуэлы генералу Хосе Лопесу Энрикесу и его жене удалось вылезти из пылающей машины. Все трое получили ожоги, но стались живы. Военный адъютант Бетанкура полковник Рамон Армас Перес и шофер (сидевшие впереди) не смогли выбраться и обгорели очень сильно. Когда полковника сумели вытащить, он уже был при смерти. Погиб и случайно находившийся рядом на бульваре студент. Бетанкура спасло лишь то, что бомба взорвалась рядом с правой передней дверью. Еще полметра и президента не стало бы.

Тем не менее, президент Венесуэлы получил ожоги второй степени на лице и руках, и у него были временно нарушены слух и зрение. 16 июля Бетанкур выступил по телевидению и продемонстрировал зрителям забинтованные руки, сравнив себя с популярным в то время боксером. Мужество президента (руки которого полностью так и не зажили) привело к резкому росту его популярности. Это был явно не тот результат, на который надеялись заказчики покушения.

Организаторы выдали себя сами. В день покушения доминиканское радио с радостью сообщило, что Бетанкур убит, его правительство арестовано и в стране произошел военный переворот. По замыслу Трухильо так и должно было случиться. Между тем венесуэльская полиция быстро арестовала исполните-

лей теракта и все они (кроме одного) сознались, что покушение было организовано по приказу Трухильо.

События, которые привели к покушению, начали развиваться 8 мая 1960 года, когда из Венесуэлы через Гаити в Доминиканскую республику прибыл оппозиционно настроенный венесуэльский бизнесмен Хуан Мануэль Саноха. Через неделю он по доминиканскому паспорту вылетел в Мадрид, чтобы привлечь к заговору против Бетанкура бывшего офицера ВМС Венесуэлы Эдуардо Моралеса Луэнго. 30 мая Луэнго и Саноха вернулись в Сьюдад-Трухильо, где их встречал в аэропорту глава доминиканской секретной полиции Джонни Эббс (его называли «карибским Гиммлером»). Обоих венесуэльцев сразу отвезли к Трухильо, который заверил их в полной поддержке плана по свержению Бетанкура. В начале июня Саноха вернулся в Венесуэлу и наладил конспиративную связь с оппозиционерами.

17 июня 1960 года на самолете С-46 Саноха снова прилетел в Сьюдад-Трухильо с двумя заговорщиками, которые затем прошли обучение на базе доминиканских ВВС в Сан-Исидро. За это время их дважды принял Трухильо. Эббс передал Санохе в чемодане из крокодиловой кожи радиодетонатор, с помощью которого можно было взорвать бомбу на расстоянии[1]. В это время подъехал сам Трухильо, который расспросил гостей о политической ситуации в Венесуэле и изрек: «…врага надо сильно ударить… Если мы не сделаем этого в отношении него (т. е. Бетанкура), то он сделает это в отношении нас»[2].

На следующий день Эббс продемонстрировал гостям действие радиоуправляемого механизма, взорвав две машины. После этого Саноха и его подельники улетели в Венесуэлу. 24 июня они припарковали зеленый «олдсмобил» 1954 года выпуска на обочине бульвара, по которому Бетанкур собирался проследовать на парад. В машину было заложено 30 килограммов динамита. Но оказалось, что Эббс просчитался, и взрывчатки оказалось недостаточно. Сохранились остатки «олдсмобиля» и по нему полиция быстро вышла на хозяина машины, а затем и на заговорщиков.

Венесуэла потребовала от ОАГ расследовать теракт и установить его заказчиков. Отношениями между Венесуэлой и Доминиканской республикой занялась комиссия ОАГ в составе Аргентины, Мексики, Панамы, Уругвая и США.

5 августа 1960 года ОАГ приняла заключение по четырем инцидентам в венесуэло-доминиканских отношениях:

- разбрасывание листовок с доминиканских самолетов в ноябре 1959 года с призывом свергнуть Бетанкура;

- жалоба Венесуэлы от 17 февраля 1960 года с требованием расследовать вопиющие нарушения прав человека в Доминиканской республике (поводом

[1] Time. 18.07.1960.
[2] Там же.

послужили массовые аресты и пытки противников диктатуры в январе 1960 года)[1];

— мятеж в Сан-Кристобале в апреле 1960 года;

— покушение на Бетанкура 24 июня 1960 года.

Причастность и прямая вина Трухильо по всем этим инцидентам была установлена единогласно.

16–21 августа 1960 года в столице Коста-Рики Сан-Хосе заседали министры иностранных дел ОАГ. На встрече предполагалось решить, какие меры предпринять в отношении Доминиканской республики. Американцы изо всех сил старались спасти своего протеже. НО большинство латиноамериканских стран высказалось за широкомасштабные политические и экономические санкции против «благодетеля доминиканского отечества»[2]. Однако госсекретарь США Гертер предложил вместо этого направить на остров комиссию ОАГ для контроля за проведением свободных выборов.

Санкции же якобы только осложнят наметившееся движение Доминиканской республики к демократии. Чтобы подыграть Вашингтону и избежать изоляции, Трухильо заставил своего брата Эктора подать в отставку с поста президента. В Доминиканской республике было объявлено о допуске к грядущим выборам оппозиционных партий.

Тем не менее, 20 августа 1960 года ОАГ 19 голосами «за» при отсутствии голосов «против» (Венесуэла и сама Доминиканская республика не голосовали, как стороны спора) «резко осудила» Доминиканскую республику и признала ее виновной в «интервенции и агрессии». Всем странам ОАГ было рекомендовано прервать дипломатические отношения с режимом Трухильо и сократить экономическое сотрудничество с Доминиканской республикой. В частности, запрещалось поставлять на остров оружие и военное снаряжение.

Между тем события на Кубе привели к расколу в партии АД. В январе 1959 года в Каракас на празднование первой годовщины свержения диктатуры Переса Хименеса прибыл Фидель Кастро, восторженно встреченный (в отличие от Никсона) венесуэльцами. Молодой и успешный революционер Кастро очень выигрышно смотрелся в глазах венесуэльской молодежи на фоне прожженного политикана и мастера всяческих компромиссов Бетанкура, предавшего, по мнению многих в Венесуэле, революционные идеалы своей юности.

Многие молодые люди в Венесуэле жаждали повторить кубинский опыт. Опыт этот получил название «теории фокизма» (от испанского слово «фоко» — очаг, фокус). Согласно этой теории даже небольшой партизанский отряд («авангард») революционно настроенной молодежи своей вооруженной борьбой в каком-нибудь «очаге сопротивления» мог революционизировать массы и свергнуть любое антинародное правительство. Не нужна уже была массовая

---

[1] Трухильо отказался пустить представителей ОАГ в страну. Тем не менее ОАГ в своем заключении отметила, что «международная напряженность в Карибском регионе усугубляется вопиющими и широко распространенными нарушениями прав человека, которые имели и имеют место быть в Доминиканской республике».

[2] Официальный титул Трухильо.

пролетарская партия и повседневная «черновая» работа по терпеливому убеждению людей в своей правоте. Такой подход проповедовали ортодоксальные «промосковские» коммунисты, но нетерпеливой молодежи не хотелось ждать — не стали ведь ждать победоносные кубинские революционеры.

Такие сторонники некритического использования кубинского опыта не понимали, что ситуация в Венесуэле коренным образом отличалась от положения на Кубе. На Кубе правил до революции откровенный проамериканский диктаторский режим, подавлявший политические права и свободы. Кубинского диктатора Батисту ненавидело 90% населения, причем не только рабочие и крестьяне, но и многие представители имущих классов. Поэтому, несмотря на немногочисленный первоначально состав Повстанческой армии Кастро, ее поддерживали забастовками и акциями протеста года и села Кубы.

Режим же Бетанкура, особенно в 1959–1960 гг. (когда в состав правительства входил УРД) был демократически избранным и обещал проведение глубоких социальных реформ. Многие венесуэльцы помнили адековское трехлетие, когда в стране действительно начали думать о простых людях. Новый же Бетанкур образца 1959 года пока еще не проявил свою умеренность (а подчас и реакционность). Наоборот, крестьянам как раз начали давать землю.

К тому же после покушения на него ненавистного всей Латинской Америке диктатора Трухильо, у Бетанкура был ореол мученика, пострадавшего за дело демократии и реформ.

Таким образом, никакой всенародной ненависти против Бетанкура в Венесуэле в 1960–1961 гг. не наблюдалось. Наоборот, режим поддерживали основные профсоюзы и крестьянские организации.

Тем не менее нетерпеливая революционная молодежь в апреле 1960 года вышла из рядов АД и образовала самостоятельную партию — Левое революционное движение (испанская аббревиатура МИР).

Бетанкур очень обрадовался такому развитию событий, так как после ухода левых позиции его собственной правой группировки в рядах АД только усилились. За молодежным крылом в МИР последовала лишь небольшая часть членов АД. Правда, адеки лишились двух мест в сенате (одно из них занимал Доминго Альберто Ранхель — ранее лидер молодежного крыла АД, а теперь самостоятельной партии МИР) и нескольких депутатских мандатов в нижней палате конгресса. Новая партия именовала себя марксисткой и антиимпериалистической и стремилась устроить в Венесуэле «национальную революцию», в том числе и вооруженным путем. МИР взяла себе такой же черно-красный флаг, как и у кастровского «Движения 26 июля» (в то время именно это движение правило на Кубе, а отнюдь не кубинская компартия, как об этом твердили в Вашингтоне).

Компартия Венесуэлы также подпала под влияние кубинского опыта и с конца 1960 года стала менять свою позицию по отношению к режиму Бетанкура. До создания МИР коммунисты поддерживали отдельные прогрессивные меры правительства и оказывали на него конструктивное давление с целью уско-

рения проведения назревших в стране реформ. После выхода из правительственной коалиции УРД и раскола в АД коммунисты решили начать борьбу за свержение Бетанкура всеми возможными средствами. Ведь теперь надежды на левых внутри самого правительства уже не оставалось.

В ноябре 1960 года (после антикубинского демарша режима Бетанкура) компартия и МИР предложили руководству единой Конфедерации трудящихся Венесуэлы (КТВ) начать политическую забастовку под лозунгом свержения режима Бетанкура. Но конфедерация находилась под плотным контролем АД. Например, на III конгрессе конфедерации (конец 1959 года) из 1065 делегатов 561 представлял АД, 200 — компартию, 152 — КОПЕЙ и 142 — УРД[1].

В избранный на конгрессе руководящий орган конфедерации — Исполнительный комитет — вошли семеро адеков, три коммуниста, и по два человека от КОПЕЙ и УРД.

Коммунисты были второй по значению силой в профсоюзном движении, но все же не первой. Естественно, что адеки в конфедерации не поддержали проведение забастовки против собственной партии. Наоборот, адек и председатель КТВ Гонсалес заявил, что профцентр «целиком и полностью поддерживает деятельность» правительства.

Правда, после выхода УРД из кабинета министров, представители этой партии в КТВ примкнули к коммунистам и миристам. Теперь в Исполкоме КТВ установилось равновесие между проправительственными членами и оппозицией.

В мае 1961 года члены исполкома КТВ от компартии, МИР и УРД выступили с заявлением, в котором от имени КТВ осуждалась экономическая политика правительства. Адеки в КТВ расценили это как нарушение профсоюзной дисциплины и Дисциплинарный трибунал КТВ исключил из состава исполкома всех представителей оппозиции. Для санкционирования этого решения адеки потребовали созыва конгресса КТВ. АД могла не беспокоиться за исход будущего профсоюзного форума — к концу 1961 года партия контролировала 65–70% всех профсоюзов, входивших в КТВ. Крестьянская федерация, как уже упоминалось выше, была вовремя «зачищена» от левых во главе с Кихадой.

Обострение политической борьбы в Венесуэле естественно не осталось без внимания в США. 21 ноября 1961 года американская внешняя разведка (ЦРУ) представила развернутый секретный доклад, в котором анализировались перспективы «выживания» правительства Бетанкура[2].

В докладе совершенно верно отмечалось, что, будучи очень богатой ресурсами страной, Венесуэла, тем не менее, сталкивается с большими социально-экономическими и политическими проблемами. Бетанкуру оппонируют как правые, так и левые («коммунисты и другие сторонники Кастро» по терминологии ЦРУ). Однако ЦРУ отмечало, что прокастровские симпатии в Венесуэле

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 209.
[2] URL: http://www.faqs.org/cia/docs/91/0000013610/THE-SITUATION-IN-VENEZUELA.html

(некогда сильные) находятся на излете и у левых не хватает поддержки в народе для свержения режима силой.

Экономическую политику Бетанкура ЦРУ, как и компартия Венесуэлы, оценивало невысоко, хотя мотивы были разными. Доходы от нефти, докладывало ЦРУ, падают из-за снижения мировых цен, а правительство тратит все больше денег на всякого рода важные для избирателей социальные программы. На этом фоне не уменьшается бегство частного капитала из страны. Бетанкур надеется на экономическую помощь извне (то есть от США), но она вряд ли что-нибудь изменит.

На этом фоне, считало ЦРУ, неизбежен рост протестных настроений, особенно в городах, что пойдет на пользу коммунистам. С дугой стороны капитаны бизнеса при поддержке бывших сторонников Переса Хименеса и реакционных кругов в армии попытаются также свергнуть Бетанкура.

Но с другой стороны авторитет Бетанкура в Латинской Америке (особенно в Карибском бассейне) вырос «благодаря» покушению на него со стороны Трухильо и, к тому же, армия вряд ли пойдет на восстание. Отсюда ЦРУ сделало оказавшийся правильным вывод о том, что Бетанкур сможет продержаться до окончания срока своих полномочий в 1963 году.

Что касается отношений Венесуэлы с США, ЦРУ отмечало, что Бетанкур стремится на публике всячески отрицать свою зависимость от Вашингтона, но на практике из всех сил стремится поддерживать с США «сердечные» отношения.

В целом анализ американской разведки был верным. Бетанкуру повезло, когда в ноябре 1960 года президентом США был избран демократ Джон Кеннеди. Предыдущая республиканская администрация Эйзенхауэра (а противником Кеннеди на выборах был не кто иной, как Никсон, ненавидевший Венесуэлу после своего визита в Каракас) делала открытую ставку на антикоммунистические диктатуры, типа режимов Батисты на Кубе и Трухильо в Доминиканской республике.

Кеннеди же считал, что в противовес кубинской революции «снизу» надо поддерживать умеренные контролируемые «революции сверху», то есть политиков именно такого реформистского толка как Бетанкур. Для помощи такого рода умеренным реформистским режимам Кеннеди выдвинул в марте 1961 году программу экономического содействия странам Латинской Америки (которую упоминало в своем докладе ЦРУ) — «Союз ради прогресса». От компрометировавших же США одиозных диктаторов Кеннеди был готов избавляться самыми радикальными средствами. В мае 1961 года ЦРУ организовало убийство врага Бетанкура Трухильо.

Сам же лидер же Венесуэлы на время сделался любимчиком новой политики США и «демократической альтернативой» Кубе. Кеннеди писал Бетанкуру: «…Я хочу сказать Вам, сколь глубокое впечатление произвели на меня значительные и решающие усилия, осуществляемые Венесуэлой под Вашим руководством для продвижения вперед дела социального прогресса в рамках демо-

кратической структуры, в которой принципы индивидуальной свободы и человеческого достоинства полностью уважаются. Мы заверяем Вас в нашей твердой помощи в Вашей созидательной деятельности»[1].

Бетанкур тоже не замедлил польстить новому молодому президенту США, заявив, что «…Кеннеди, возвращаясь к рузвельтовской позиции[2], протянул руку Латинской Америке…»[3] Что касается «Союза ради прогресса», то Бетанкур уже через 10 дней после ее провозглашения направил Кеннеди письмо, в котором выражалась полная поддержка этим планам.

Кеннеди запросил у конгресса США на борьбу с бедностью в Латинской Америке 500 миллионов долларов и еще 100 миллионов на экстренную помощь Чили для ликвидации последствий разрушительного землетрясения[4]. Был создан специальный фонд для предотвращения резкого колебания цен на кофе — главный экспортный товар многих стран Латинской Америки.

При Кеннеди в борьбу за «социальный прогресс в рамках системы частного предпринимательства» включилось и ЦРУ. Американская разведка готовила перспективных латиноамериканских профсоюзных лидеров[5].

В угоду Кеннеди Бетанкур так и не восстановил прерванные диктаторским режимом Переса Хименеса дипломатические отношения с СССР, голословно упрекая Москву во вмешательстве во внутренние дела латиноамериканских стран. Дипломатические отношения по рекомендации Вашингтона были установлены лишь с теми социалистическими странами, которые США считали настроенными по отношению к Москве более или менее оппозиционно — с Югославией, Румынией и Польшей (насчет лидера Польши Владислава Гомулки американцы явно ошиблись — он не желал портить отношений с Москвой).

В ноябре — декабре 1961 года Венесуэлу посетило несколько делегаций американских конгрессменов, а 16 декабря в Каракас прибыл лично Кеннеди[6]. Президент США избрал именно Венесуэлу для своего первого официального визита в Латинскую Америку.

В отличие от визита Никсона в 1958 году, Кеннеди с его «новой» политикой принимали хорошо. Президент США принял участие в торжественной церемонии закладки поселка в рамках программы «Союз ради прогресса». Было подписано соглашение о предоставлении Венесуэле кредита на 12 миллионов

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 241.

[2] Президент США в 1933–1945 гг. демократ Франклин Рузвельт называл свою линию по отношению к Латинской Америке «политикой доброго соседа», что не мешало США поддерживать в то время того же Трухильо или никарагуанского диктатора Сомосу. Якобы именно Рузвельт следующим образом охарактеризовал Сомосу: «Это — сукин сын. Но это наш сукин сын». Впрочем, такие же слова Рузвельту приписывали и в отношении Трухильо.

[3] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 239.

[4] Rabe S. G. The Most Dangerous Area in the World: John F. Kennedy Confronts Communist Revolution in Latin America. University of North Carolina Press, 1999. P. 10.

[5] Rabe S. G. The Most Dangerous Area in the World: John F. Kennedy Confronts Communist Revolution in Latin America. P. 12.

[6] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 241.

долларов из средств Межамериканского банка развития (система МБРР) и на 10 миллионов долларов — из американского бюджета[1].

Бетанкур попросил у Кеннеди 50 миллионов долларов на ликвидацию трущоб в Каракасе, в которых ютилось 33% населения венесуэльской столицы[2]. Президент США обещал техническое содействие в составлении градостроительного плана и в подготовке венесуэльских экспертов. Правда, выделенных по программе «Союз ради прогресса» денег «наверное» не хватит, а получить новые средства у конгресса США маловероятно.

Бетанкур просил также, чтобы США повысили квоты на импорт венесуэльской нефти и мазута, и Кеннеди обещал «разобраться», хотя бы по мазуту. Но бороться с влиятельными сенаторами от Техаса (главного нефтедобывающего штата США) ему как президенту трудно[3].

И Бетанкур, и министр обороны Венесуэлы Брисеньо Линарес потребовали от Кеннеди в связи «опасностью, исходящей от Кастро» поставить венесуэльской армии современное вооружение. ВВС нужны современные истребители, а сухопутным войскам — новые казармы. Причем желательно, чтобы США предоставили средства в виде долгосрочного кредита. Венесуэла зачем-то попросила подводную лодку, что было слишком даже для Кеннеди.

Кеннеди прямо заметил, что не видит никакой опасности о стороны Кастро в отношении Венесуэлы, к тому же, США хотя сократить поставки оружия в Латинскую Америку, так как раньше оно часто использовалось диктаторскими режимами для подавления внутренней оппозиции[4]. А если уж Кастро решит атаковать Венесуэлу, то вооруженные силы США и стран ОАГ придут на помощь «в течение нескольких часов». Но сам же президент США предложил Бетанкуру обосновать дополнительные потребности в вооружении «внутренними угрозами», например, партизанским движением (которого тогда в Венесуэле не было — примечание автора). Американцы были готовы принять в Вашингтоне министра обороны Венесуэлы Брисеньо Линареса, чтоб обсудить конкретные военные поставки.

Линарес сказал, что у венесуэльской разведки есть информация о контрабанде оружия в Венесуэлу через Панаму. Кеннеди ухватился за эту мысль и спросил, есть и там оружие из стран «за железным занавесом» (т. е. социалистических). Однако его ждало разочарование — Брисеньо Линарес ответил, что все оружие американского производства из арсеналов армии США.

Между тем мористы в Венесуэле уже решили осуществить на практике кубинский опыт вооруженный борьбы. В этом им ассистировала компартия.

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 241.
[2] URL: http://static.history.state.gov/frus/frus1961-63v10-12mSupp/pdf/d218.pdf
[3] Еще бы — техасское лобби в администрации Кеннеди возглавлял не кто иной, как вице-президент техасец Линдон Джонсон.
[4] URL: http://static.history.state.gov/frus/frus1961-63v10-12mSupp/pdf/d220.pdf

В мае — июне 1962 года произошло два крупных восстания в вооруженных силах — военных моряков в Карупано (4 мая) и гарнизона крепости Пуэрто-Кабельо (2 июня).

В Карупано восстали 3-й батальон морской пехоты и части Национальной гвардии (внутренние войска). Мятежники захватил аэропорт, радиостанцию, с которой и обратились к народу от имени Движения за восстановление демократии. Лояльные Бетанкуру воинские части блокировали Карупано с моря и суши, по повстанцам были нанесены удары с воздуха. Порт прямой наводкой обстреливали два эсминца.

5 мая Карупано взяли штурмом и 400 мятежников были захвачены в плен. Среди руководителей восстания были обнаружены депутат от компартии Элой Торрес, а также ряд других политиков от КПВ и МИР.

Бетанкура молодежь из МИР не сильно пугала. Но зато президент воспользовался восстаниями военных, чтобы нанести удар по своему главному врагу.

10 мая 1962 года был издан декрет президента номер 752 о запрете коммунистической партии и партии МИР за участие в мятеже в Карупано. Примечательно, что палата депутатов отвергла декрет как антиконституционный, хотя он был поддержан сенатом. Тогда Бетанкур обратился в Верховный суд и тот под сильным нажимом президента признал декрет конституционным.

В ответ на репрессии властей 2 июня 1962 года восстали моряки на базе ВМС Пуэрто-Кабельо во главе с капитаном Мануэлем Понто Родригесом. Военные объясняли мятеж разочарованием в политике Бетанкура, который не проводил обещанные им реформы. Были недовольны в армии и проамериканской внешней политикой правительства.

Восстание сразу приобрело гораздо мощный размах, чем мятеж в Карупано. Два восстания должны были произойти одновременно, но вожди в Карупано проявили нетерпение и выступили раньше. Тысячи рабочих и студентов (в том числе женщин) в Пуэрто-Кабельо требовали у восставших оружие и присоединялись к борьбе. Жители ухаживали за ранеными солдатами и офицерами.

Город подвергли бомбардировке с воздуха, а для подавления восстания пришлось перебрасывать части с других городов. 3 июня Пуэрто-Кабельо взяли штурмом. Боевые штурмовые группы наступали под прикрытием танков. Самолеты Ф-86 американского производства обстреливали город ракетами и из пулеметов. Правда, ни одна из выпущенных попарно ракет не попала в цель. Повстанцы столь же безуспешно пытались сбить высокоскоростные самолеты из пулеметов.

Форт Солано — последний бастион восставших — удалось взять только через три дня. Защитникам помогали построенные еще испанцами в 1550 году исполинские двухметровые стены. В форте находились две мощные 155-мм пушки (и 200 снарядов к ним), установленные еще в 1905 году после попытки немцев в 1902 году взять порт. Но видимо, правительство, заранее знало о мя-

теже, так как незадолго до начала восстания пушки были приведены в негодность.

Во время боев с применением артиллерии между военными в крепости и городе Пуэрто-Кабельо по официальным данным погибло 47 и было ранено 89 человек. Но на самом деле убитых было около 400 человек, а раненых — свыше 700.

После этих событий началась массовая чистка армии от всех военнослужащих, которых подозревали в левых взглядах.

30 августа 1962 года в Вашингтоне министр обороны Венесуэлы сообщил Кеннеди, что правительство отслеживало заговор военных с ноября 1961 года[1]. Якобы повстанцы хотели выступить во время пребывания Кеннеди в Венесуэле, но не смогли. Президент США похвалил администрацию Бетакура за «прекрасную работу» по подавлению восстаний. Кеннеди спросил, не попало ли оружие в Венесуэлу из Панамы и не стоит ли за мятежом бывший диктатор Перес Хименес. Но министр обороны Венесуэлы обвинил в подготовке восстания «крайне левые партии».

МИР начало на востоке страны партизанскую войну, назвав свои отряды Фронтом Мануэля Понто Родригеса. В 1962 году коммунисты и мористы объединили своих партизан в Вооруженные силы национального освобождения (испанская аббревиатура ФАЛН). Помимо «очагов» партизанского движения на западе и востоке, ФАЛН организовали городские партизанские бригады, осуществлявшие нападения на армейские посты и правительственные учреждения.

В 1963 году должны были состояться очередные президентские и парламентские выборы, и компартия вместе с МИР призвала население бойкотировать их. Все это было только на руку Бетанкуру.

Экономическое положение страны было отнюдь не блестящим. В феврале 1963 года Бетанкур жаловался Кеннеди на продолжающееся массированное бегство венесуэльского частного капитала за границу[2]. Бизнесмены явно не верили в политическую стабильность правительства.

Саму правящую партию тоже лихорадило. В 1962 году из нее вышли центристы, образовав партию «Демократическое действие» (оппозиционная). В поредевшей АД теперь уже безраздельно властвовала правая группа Бетанкура. Но у правительства уже не было большинства в парламенте, и Бетанкур держался у власти, опираясь на армию и полицию.

АД выдвинула своим кандидатом в президенты Рауля Леони[3], который провозгласил решимость продолжать осуществление начатых реформ. КОПЕЙ как обычно бросила в предвыборную гонку своего бессменного лидера Кальдеру. Отколовшаяся от АД партия «Демократическое действие» (оппозиционная) выдвинула сенатора Рауля Рамоса Хименеса, УРД — Вильяльбу.

---

[1] URL: http://static.history.state.gov/frus/frus1961-63v10-12mSupp/pdf/d224.pdf

[2] URL: http://static.history.state.gov/frus/frus1961-63v10-12mSupp/pdf/d228.pdf

[3] Родился в 1905 году, участник «поколения 1928 года». В 1945–1948 гг. — министр труда. Затем жил в эмиграции в США, Боливии, Перу. С 1959 года — сенатор, спикер парламента Венесуэлы.

Но на политической арене появились две новые силы, резко критиковавшие режим Бетанкура с популистских позиций. Писатель и публицист сенатор Артуро Услар Пьетри стал кандидатом консервативного «Независимого прогрессивного движения». От правых в борьбу вступило «Национальное антикоммунистическое движение». Левые силы сгруппировались вокруг бывшего главы военной хунты 1958 года адмирала Ларрасабаля.

Призыв к бойкоту голосования со стороны коммунистов был явно ошибочным — в выборах приняло участие примерно столько же избирателей, как и в 1958 году. Уклонилось от волеизъявления всего 300 тысяч человек.

Леони получил 957 699 голосов (5%), Кальдера — 588 372 (20,19%). Вильяльба — 551 120 (18,88%), Услар Пьетри — 469 240 (16,08%), Ларрасабаль — 275 304 (9,43%).

Таким образом, участники соглашения Пунто-Фихо — АД и КОПЕЙ — смогли собрать больше половины всех поданных голосов. Правда, адеки по сравнению с 1963 годом потеряли 325 тысяч голосов, но зато их партнер по коалиции — КОПЕЙ — 6% голосов приобрела. В Венесуэле постепенно формировалась двухпартийная система, при которой две партии всегда остались у власти, меняясь только ролями младшего и старшего партнера по коалиции.

Однако в отличие от 1959 года АД потеряла парламентское большинство и уже не могла управлять в одиночку. Из 177 мандатов в нижней палате у адеков было всего 65, а в сенате из 45 мест — 21.

Большое количество голосов, полученных популистом-консерватором Усларом Пьетри в Каракасе, было связано с новым политическим феноменом Венесуэлы — голосованием маргинальных городских слоев, ютившихся в трущобах крупных городов.

Как уже упоминалось, каракасские трущобы (их называли «барриос» или «ранчо») возникли в основном во время диктатуры Переса Хименеса, хотя народ бежал из сел в Каракас и раньше. За время диктатуры из деревень в города ушло более полумиллиона человек. Как правило группы людей захватывали пустующие на окраинах земли и «возводили» там хижины из того что попадалось под руку. Эти группы и в дальнейшем держались вместе, обычно объединяясь вокруг какой-нибудь «авторитетной» личности, которую звали «касиком» (т. е. вождем). Правительство диктатора просто терпело сельских иммигрантов, но ничем не помогало им — поэтому жители «ранчо» могли рассчитывать только на собственные силы[1].

Примерно 20% жителей трущоб в 40-е годы не имели никакой работы, 20% — работали по три дня в неделю и 60% — полную неделю[2]. Среди тех, кто появился в «ранчо» при Пересе Хименесе, полностью занятых было уже только 40%, а безработных — 25%. Главным занятием маргиналов была торговля в ларьках или в разнос. Женщины занимались пошивом, стиркой или проституцией. Они же вместе с детьми собирали пищевые и прочие отходы на рынках и

[1] Поляков М. И. Городские маргинальные слои Латинской Америки. М., 1974. С. 112.
[2] Брито Ф. Венесуэла XX века. С. 226.

в мясных лавках. Сбор и последующая продажа отходов давали до 70 боливаров в неделю (примерно 20 долларов), лоточники также зарабатывали по 70–80 боливаров в неделю, грузчики — 40 боливаров в день, мойщики автомашин — 15 боливаров в день.

Многие на последние деньги играли в лотерею или на бегах, пытаясь хотя бы как-то вырваться из беспросветного существования.

Только 25% семей в трущобах времен диктатуры могли считаться нормальными, то есть полными.

Люмпен-пролетариям с окраин Каракаса нечего было терять, у них не было даже «цепей» (т. е. постоянной работы). Нищенские условия существования делали этих людей прирожденной базой любой оппозиции, причем именно радикальной. Ввиду непостоянной работы у этих людей было много времени для участия в митингах и собраниях. Но вот политические взгляды маргиналов были очень туманными. Эти люди были за всех, кто резко критиковал правительство, и чем более яркой была та или иная личность, чем более хлесткими лозунги, тем активнее голосовали за очередного мессию жители «ранчо».

В январе 1958 года Патриотическая хунта призвала жителей «ранчо» жечь автобусы и автомобили, и люмпены занялись этим с большим энтузиазмом.

После свержения диктатуры были сняты все ограничения на переселение в Каракас и туда хлынули новые массы бедняков из деревни. Люди захватывали свободную землю, и новые власти им в этом не препятствовали. Военная хунта адмирала Ларрасабаля приняла «Чрезвычайный план» по улучшению условий жизни обитателей «ранчо». Предполагалось расширить работы по благоустройству города и таким образом создать для маргиналов постоянные рабочие места с дневным заработком не менее 13 боливаров[1]. Были выделены средства для снабжения жителей трущоб строительными материалами, ремонта мостовых, прокладки водопроводов.

Именно поэтому Ларрасабаль был очень популярен и именно жители «ранчо» встали на защиту правительства во время попыток правых переворотов летом — осенью 1958 года.

А вот Бетанкур жителей трущоб явно презирал. Под лозунгом необходимости политики «жесткой экономии» новый президент уже в августе 1959 года приостановил действие «Чрезвычайного плана». Власти стали препятствовать захватам земель на городских окраинах, усилив охрану пустующих участков.

Естественно, что жители трущоб, сыгравшие действительно решающую роль в свержении диктатуры Переса Хименеса, чувствовали себя обманутыми. Революция ничего не дала им кроме ухудшения их и так незавидного положения. Былая политическая активность маргиналов сменилась на первых порах апатией, чего и добивался Бетанкур.

---

[1] Поляков М. И. Городские маргинальные слои Латинской Америки. С. 11.3

После выборов 1963 года левые в АД выступили против продолжения коалиции с КОПЕЙ. Не хотело этого и профсоюзное крыло партии. Среди адеков разгорелись споры. Но их разрешила сама КОПЕЙ, отказавшись от продолжения правительственной коалиции. Социал-христиане решили, что в условиях падения популярности правительства лучше оставаться в оппозиции с прицелом на успех на следующих выборах. Однако оппозиция КОПЕЙ была довольно странной и ни в коем случае не непримиримой — партия определяла свое отношение к правительству в каждом конкретном случае.

Новая правительственная коалиция была сформирована в начале 1964 года из АД, УРД и Национально-демократического фронта Услара Пьетри. Никаких сходных программных целей кроме простого пребывания у власти у этих трех партий не было. Правда, Услар Пьетри требовал демократизации и освобождения политзаключенных. Именно это требование и определило его успех на выборах.

Новое правительство было названо кабинетом «взаимопонимания». Лидер компартии Хесус Фариа так охарактеризовал «идейную» основу кабинета: «Очень немногое объединяет сами партии «Демократическое действие» и УРД. В наибольшей степени их объединяет использование государственного аппарата. Кроме этой пуповины их ничего не связывает… Единственная четко намеченная цель правительства и входящих в него партий состоит в том, чтобы както дойти до рубежа избирательного 1968 года, пусть даже хромая, потерпев ряд неудач и поражений, влача тяжкое бремя провалов»[1].

Общественное мнение страны все сильнее требовало прекращения антикоммунистических репрессий и нормализации политической жизни в стране. На съезде АД в сентябре 1964 года правые во главе с Бетанкуром подверглись серьезной критике. Вопреки мнению бывшего президента генеральным секретарем партии был избран центрист Пас Галларага[2].

Переосмысливали свою тактику и левые силы — «партизанский очаг» явно не хотел разгораться. Летом 1964 года находившийся в тюрьме лидер МИР Ранхель написал письмо председателю палаты депутатов. В нем говорилось, что голосование на выборах показало стремление венесуэльского народа разрешать проблемы страны не вооруженным, а мирным путем. Затем с заявлением о пересмотре «методов борьбы за освобождение страны от засилья иностранных монополий» высказалось и все руководство МИР.

К такому же выводу пришла в 1964–1966 гг. Коммунистическая партия Венесуэлы. Коммунисты поняли, что путь вооруженной борьбы за власть в условиях Венесуэлы не приводит к успеху, так как большинство населения надеется улучшить свою долю с помощью избирательного бюллетеня: «Мы, коммунисты, не питаем иллюзий в отношении мирного пути для создания патриотического правительства, ибо господствующие классы, находящиеся на службе североамериканских монополий, не допустят этого… Но мы, коммуни-

[1] Разумович Н. Н. Кто и как правит в Латинской Америке. М., 1967. С. 141.
[2] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 147.

сты, считаем абсурдным претендовать на то, чтобы изменить это положение только усилиями авангарда и только путем использования вооруженной борьбы»[1].

Летом 1964 года в Венесуэле насчитывалось 1500 политзаключенных — членов левых партий и военных, участвовавших в восстаниях 1962 года. Для поднятия своей популярности новый президент Леони принял решение о реорганизации политической полиции ДИХЕПОЛ, а палата депутатов проголосовала за замену тюремного заключения для оппозиционеров высылкой. 22 декабря 1964 года Леони амнистировал первую группу политзаключенных в составе 234 человек — участников восстаний 1962 года.

В ответ компартия выдвинула в 1965 году программу «Демократического мира». В ней излагались требования всеобщей амнистии, легализации деятельности МИР и КПВ, проведения насущных экономических реформ в интересах широких слове населения, более независимой внешней политики.

Но пока в Венесуэле по-прежнему взрывались бомбы в театрах и на принадлежавших американским компаниям нефтепромыслах. Боевые группы партизан похищали и убивали сотрудников политической полиции, офицеров и предпринимателей. Однако после провала компании бойкота выборов 1963 года лидеры партизан решили перенести центр тяжести вооруженной борьбы из городов в сельскую местность. Партизаны настраивались на длительную «народную войну».

В июле 1964 года Венесуэла пожаловалась на Кубу в ОАГ, обвинив Гавану в поставках оружия венесуэльским партизанам. Американцы хотели использовать эту жалобу, чтобы продавить резолюцию об использовании силы против Кубы, но на это не согласилось большинство участников встречи министров иностранных дел ОАГ.

В сентябре 1964 года партизаны ФАЛН начали новое наступление по всей стране. 8 октября был похищен подполковник Майкл Смолен из военной миссии США в Венесуэле (был освобожден партизанами 12 октября). Политическая полиция ДИХЕПОЛ смогла обнаружить квартиру, где держали Смолена и было арестовано 29 боевиков ФАЛН. Компартии пришлось расформировать две городские партизанские бригады, так как все их руководство оказалось в тюрьме.

В апреле 1965 года коммандос ФАЛН попытались нарушить нормальную работу нефтепромыслов. Это было ответом на интервенцию США против Доминиканской республики. Но правительство ответило жестокими репрессиями, и компартия стала переосмысливать саму необходимость вооруженной борьбы.

В августе 1965 года правительство начало более широкомасштабную противопартизанскую борьбу. Было обезврежено два курьера с Кубы и обнаружен склад с оружием. Удалось арестовать нескольких лидеров ФАЛН. В октябре 1965 года был ликвидирован центр подготовки партизан под Каракасом.

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 148.

Центр находился в подземном туннеле, который закрывали стальные двери с электрическим механизмом управления. Сильный удар по партизанам был нанесен в октябре и на востоке Венесуэлы.

В своем анализе ситуации в Венесуэле от 29 ноября 1965 года ЦРУ с удовлетворением констатировало, что правительству удалось сбить накал партизанского движения с помощью хорошо поставленной системы контрразведки[1].

По оценке ЦРУ, операции правительственных сил сильно снизили эффективность партизанского движения и ослабили моральных дух в рядах левых партий.

Действительно, в декабре 1965 года в руководстве ФАЛН произошел раскол. Непримиримые радикальные лидеры КПВ (такие как Дуглас Браво[2], Хосе Рафаэль Нуньес Тенорио и Паскер Суарес) заклеймили большинство коммунистов за мягкотелость и порвали с ними. Радикалы-коммунисты образовали единую структуру ФАЛН с радикалами из МИР. Большинство КПВ и лидеры былой ФАЛН осудили планы раскольников начать новое партизанское наступление в 1966 году. Дуглас Браво назвал свою новую группировку Фронт национального освобождения (испанская аббревиатура ФЛН — судя по названию явное заимствование из опыта алжирских партизан, завоевавших независимость Алжира в 1962 году при поддержке СССР).

16 декабря 1965 года все разведсообщество США представило руководству страны секретный доклад о политическом положении Венесуэлы и перспективах администрации Леони[3]. Американская разведка констатировала, что правительство будет опираться на неплохую экономическую конъюнктуру, но вряд ли разрешит жгучие социальные проблемы.

Партизанскому левому движению, по оценке ЦРУ, был нанесен такой удар, что его эффективность вероятно будет снижаться и в будущем.

Тем не менее часть радикалов из КПВ и МИР продолжали партизанскую войну. В 1966 году был образован новый подпольный Фронт имени Хосе Антонио Сукре, оперировавший в штатах Сукре, Монагас и Ансоатеги. Позднее (после ряда чисток и расколов) руководство фронтом перешло к группе «Бандера роха» («Красное знамя»).

Поначалу руководство партизанан-радикалов во главе с Браво базировалось в Центральном университете Каракаса, пользовавшемся известной автономией. Но в декабре 1966 года полиция провела в университете «зачистку». 27 января 1967 года бывший министр внутренних дел и генеральный секретарь АД Барриос объявил, что университет полностью свободен от коммунистической агитации[4].

---

[1] URL: http://www.faqs.org/cia/docs/75/0001467969/VENEZUELA.html

[2] Родился в 1932 году, в 1946 году вступил в компартию, был исключен в 1964 году. В 1966 году создал Партию венесуэльской революции. Имел контакты с Че Геварой и критиковал СССР за «мягкотелость» по отношению к империализму.

[3] URL: http://www.faqs.org/cia/docs/75/0000126959/VENEZUELA.html

[4] URL: http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilas/ilassa/2008/miller-aragorn.pdf

Анализ американской разведки конца 1965 года был в целом верным за исключением предсказания, что правящая в Венесуэле коалиция дотянет до выборов 1968 года.

Уже в марте 1966 года из правительства вышел Национально-демократический фронт Услара Пьетри. В новом кабинете министров было по три представителя от АД и УРД, а также 7 беспартийных «специалистов», получивших важные посты (например, министра иностранных дел).

КПВ (большинство) с начала 1966 года уже готовилась к выходу из подполья и участию, в той или иной форме, в выборах 1968 года. Радикалы Браво по-прежнему сражались с правительственными войсками на востоке страны.

Внешняя политика администрации Леони по-прежнему радовала Вашингтон своей антикубинской направленностью. Но после убийства Джона Кеннеди 22 ноября 1963 года новый президент США Джонсон вернулся к ставке на военные диктатуры в Латинской Америке, что внесло некоторый диссонанс в отношения между Каракасом и Вашингтоном.

Леони по-прежнему исповедовал «доктрину Бетанкура» — Венесуэла разрывала дипломатические отношения со всеми странами, где происходили военные перевороты. Например, в 1964 году Венесуэла даже отказалась участвовать в конференции министров иностранных дел стран ОАГ в Бразилии, где только что произошел организованный при поддержке ЦРУ правый военный переворот.

Интервенция США в апреле 1965 года против прогрессивного военного правительства Доминиканской республики (которое свергло проамериканскую диктатуру и хотело передать власть гражданским политикам) была осуждена всеми венесуэльскими партиями. Когда американцы решили прикрыть свои войска в Доминиканской республике небольшими контингентами стран ОАГ (чтобы придать интервенции видимость «международной миротворческой операции») Венесуэла решительно отказалась предоставить свои войска. Спикер венесуэльского конгресса Прето заявил: «Мы энергично осуждаем высадку войск любой страны на территорию другой страны»[1].

Но на саммите ОАГ в Уругвае в апреле 1967 года Леони опять выступил как «ястреб», требуя от президента США военной помощи против партизан. Якобы у венесуэльского правительства были сведения о начале в 1968 году широкомасштабного партизанского наступления. Президент Венесуэлы просил экстренной поставки специального вооружения и снаряжения. Джонсон указывал на то, что все силы США поглощены войной во Вьетнаме. Все же американский президент обещал содействие и заметил в свойственном ему грубоватом тоне, что «венесуэльскому правительству не надо ждать ни одной минуты и давить коммунистов»[2].

И правительство АД «давило». Война против партизан велась с крайней жестокостью по отношению к гражданскому населению. В 60-е годы «исчезло»

---

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 247.
[2] URL: http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilas/ilassa/2008/miller-aragorn.pdf

более 1000 венесуэльцев (то есть эти люди были убиты без суда и их трупы спрятаны или уничтожены; после 1973 года тактику «исчезновения» с «успехом» будет применять чилийский диктатор Пиночет). 10 тысяч человек было подвергнуто пыткам, 50 тысяч — арестовано по политическим мотивам[1].

Уже 26 апреля 1967 года в Венесуэлу прибыли эксперты министерства обороны США и было условлено создать 10 новых батальонов специального назначения (3600 человек) для борьбы против партизан. Половину рейнджеров планировалось ввести в строй уже к декабрю 1967 года.

Кубинцы помогали тем лидерам ФАЛН, которые продолжали партизанскую войну. 8 мая 1967 года 12 партизан (4 кубинца и 8 венесуэльцев) с кубинского траулера водоизмещением более 500 тонн на двух плотах высадились на побережье Венесуэлы у местечка Мачурукото. Один из плотов перевернулся, в результате чего погиб один человек. Местный рыбак заметил плоты и сообщил властям. Партизаны должны были пробиться в Анды на соединение к своим товарищам. У каждого члена группы было по 10 тысяч долларов и 10 тысяч боливаров[2].

Вечером 10 мая 1967 года армия и Национальная гвардия Венесуэлы (более 300 человек) начали бой против высадившихся партизан, который продолжался целый день. Четырех партизан (в том числе трех кубинцев) захватили в плен, пытали и убили кубинца Тони Брионеса Монтото[3] «при попытке к бегству». Второй пленник венесуэлец Фернандо Сото Рохас смог бежать. Были захвачены автоматы АК-47, поставленные на Кубу из Чехословакии. Прессе в Каракасе были продемонстрированы два кубинца — Мануэль Хиль Кастельянос (25 лет) и Педро Кабрера Торрес (29 лет).

Якобы приказ использовать АК вместо находившихся на вооружении армии Венесуэлы бельгийских автоматических винтовок ФАЛ (они были и на Кубе, куда поставлялись до 1958 года) отдал лично Фидель Кастро. Советские автоматы были легче и надежнее.

Президент США Джонсон потребовал от премьер-министра СССР А.Н. Косыгина надавить на Кубу, чтобы она прекратила помощь венесуэльским партизанам.

После этого случая кубинцы действительно прекратили материальную помощь партизанскому движению Венесуэлы — самому мощному в Латинской Америке в 60-е годы. Дуглас Браво заклеймил кубинцев как предателей революции и начал ориентироваться на маоистский Китай и его вассала — Албанию.

Кастро искренне пытался наладить хорошие отношения с Бетанкуром еще в 1960 году, когда кубинцы предложили бартерный обмен венесуэльской нефти на кубинский сахар. Но Бетанкур под давлением Вашингтона отметал все инициативы Гаваны.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 31.
[2] В то время за 1 доллар давали 4,3 боливара.
[3] Прошел подготовку как боевой пловец.

В целом следует подчеркнуть, что и до 1967 года помощь Кубе венесуэльским партизанам была в большей степени моральной. Кубинцы готовили у себя венесуэльских партизан, но тем же самым занимались по всему миру американцы и в гораздо больших масштабах. В декабре 1964 года командующий восками США в Латинской Америке (зона Панамского канала) генерал О'Мира заявил, что кубинская поддержка «венесуэльских красных» «незначительна»[1].

В целом партизанское движение в Венесуэле в 1967 году большого размаха не получило — крестьяне относились к молодым партизанам-горожанам равнодушно.

На всю прогрессивную Латинскую Америку произвело самое тяжкое впечатление известие об убийстве боливийскими военными при поддержке ЦРУ Че Гевары в октябре 1967 года. Был убит автор и живой пример теории «вооруженного очага». Причем так и не разгорелся в Боливии очаг этого честного и самоотверженного человека. Скорбную для него новость услышал по радио и 13-летний Уго Чавес. Он по-мальчишечьи не мог понять, почему Фидель Кастро не прислал вертолет в Боливию, чтобы спасти своего друга. Но уже тогда, как вспоминал Чавес, он ощущал искреннюю симпатию и по отношению к Че и по отношению к Фиделю[2].

Зимой 1967–1968 гг. вступили в борьбу батальоны рейнджеров, которые ЦРУ и Пентагон по боливийскому образцу подготовили для Венесуэлы. В партизанском руководстве произошел очередной раскол. Дуглас Браво «вычистил» из руководства ФЛН/ФАЛН своего соратника Лубена Петкова[3] и назвал новую структуру Объединенным командованием ФАЛН. 16 марта 1968 года Петков с 24 бойцами откололся от ФАЛН и заявил, что начинает «настоящую войну». Петков поначалу привел свою группу обратно в МИР, которая продолжала получать помощь от кубинцев.

Но в течение года его группа распалась, и в 1969 году он опять отправился в Гавану. Осенью 1968 года против партизан действовало уже 13 подготовленных американцами батальонов рейнджеров и силы были более чем неравны. К тому же правительство начало активно развивать здравоохранение в местностях, где действовали партизаны, чтобы привлечь крестьян на свою сторону.

Дуглас Браво с примерно 60 оставшимися после ухода Петкова партизанами продолжал действовать к западу от Каракаса. Кубинское радио (видимо

---

[1] URL: http://www.latinamericanstudies.org/guerrilla/NYTimes-12-8-1964-51.pdf

[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 39.

[3] Петков родился в мае 1933 года, его родители были болгарского и польско-еврейского происхождения. Был членом КПВ, боролся против диктатуры Переса Хименеса и 23 января 1958 года лично руководил штурмом здания Департамента безопасности. В марте 1962 года создал партизанский очаг в Яракае, который был быстро разгромлен Национальной гвардией. Был захвачен в плен, но в сентябре 1963 года сумел бежать. Был направлен КПВ в Китай, где должен был пройти курсы подрывников. Но Петков отправился через Чехословакию на Кубу, где попросил о помощи Фиделя Кастро. Причем о помощи против руководства КПВ, которое готовилось прекратить вооруженную борьбу. Кастро обещал деньги и оружие. 18 июля 1966 года группа Петкова высадилась в Венесуэле («Операция Симон Боливар»). 1 января 1967 года колонна Петкова отправилась в венесуэльские Анды на соединение с оперировавшими там партизанами. Она прошла почти 2 тысячи километров, хотя серьезных боев не имела.

не без влияния Петкова) критиковало повстанцев Браво как недостаточно боевитых.

Между тем компартия продолжала линию на выход из подполья и участие в выборах 1968 года. В марте 1967 года были освобождены из тюрьмы генеральный секретарь ЦК КПВ Хесус Фариа и лидер МИР Ранхель. В феврале 1968 года Леони закрыл концлагерь для политзаключенных Такаригуа.

Предвыборная компания 1968 года началась неожиданно — организация «Националистический гражданский крестовый поход» выдвинула кандидатом в сенаторы бывшего диктатора Переса Хименеса.

КОПЕЙ как обычно выставила кандидатуру своего бессменного лидера Кальдеры. УДР вместе с рядом мелких партий поддержал сенатора Мигеля Анхеля Бурельи Риваса.

Демократическое действие раскололось в очередной раз. Недовольные откровенно правой политикой руководства члены партии создали Избирательное движение народа (испанская аббревиатура МЕП). Кандидатом этой группировки стал бывший спикер парламента Луис Прето. Именно МЕП решили поддержать все еще находившиеся в подполье коммунисты. КПВ выдвинула лозунг «Нет — продолжению старой политики, нет — Кальдере, за перемены!»[1]

Раскол АД был вызван тем, что партия выдвинула кандидатом в президенты единомышленника Бетанкура, бывшего министра внутренних дел Барриоса. С Барриосом были связаны жесткие массовые репрессии против гражданского населения во время борьбы с партизанами.

Из-за раскола АД победу на президентских выборах 1968 года (хотя и с минимальным перевесом) одержал лидер КОПЕЙ Кальдера, набравший 1 083 712 голосов (29.13%). Всего на 30 тысяч голосов отстал от него Барриос — 1 050 806 голосов (28,24%). Кандидат УРД заручился поддержкой 826 758 венесуэльцев (22,22%). Только что основанное МЕП выступило очень хорошо — 719 461 голос (19,34%).

Конечно, нельзя механически суммировать голоса МЕП и АД. Ни один коммунист никогда бы не проголосовал за Барриоса, а многие правые адеки не высказались бы за Луиса Прето. Можно констатировать, что попытка Бетанкура создать из АД некую общенародную партию потерпела окончательное фиаско. Для общенародной партии нужно гомогенное общество, а такого в раздираемой социальными противоречиями Венесуэле не наблюдалось.

О том, насколько неудачной была кандидатура Барриоса, свидетельствуют результаты парламентских выборов (проходивших одновременно с президентскими). Здесь победила АД, набрав 25,55% голосов. У КОПЕЙ было 24,03%, у МЕП — 12,94%, УРД — 9,25%, у «крестоносцев» Перса Хименеса — 10,93%[2]. В конгрессе у АД было больше мандатов, чем у остальных партий

[1] Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. С. 149.
[2] McCoy J. L., Myers D. J. The Unraveling of Representative Democracy in Venezuela. John Hopkins University Press, 2004. P. 157.

(19 сенаторов и 66 депутатов нижней палаты). Вторыми к финишу парламентской гонки пришли социал-христиане из КОПЕЙ (16 сенаторов и 59 депутатов). МЕП завоевало 5 сенаторских и 24 депутатских кресел, став третьей по значимости парламентской силой.

Успех Переса Хименеса (он сам был избран сенатором, а его партия получила 20 мест в парламенте) стал шоком для общественности. За «крестовый поход» проголосовали «ранчо» Каракаса, уставшие от политиканства, коррупции и подковерной политической борьбы 1958–1968 гг. Агитация «Крестового похода» в пользу сильной «провидческой» личности, которая мигом решит все проблемы, попала в трущобах на питательную почву. В муниципалитете столичного Федерального округа у «крестоносцев» было больше мест, чем у других партий — 7, у АД — 5. КОПЕЙ — 4, МЕП — 3.

Свою роль в успехе Переса Хименеса сыграло и формальное отсутствие на выборах коммунистов и других левых. Жители «ранчо» были готовы отдать голос за любую партию, требовавшую коренной перестройки существовавшей политической системы.

Правда, скандала все равно не вышло. Верховный избирательный трибунал Венесуэлы аннулировал мандат Переса Хименеса.

США были довольны результатами выборов и вообще системой «пакта Пунто-Фихо»: ведь и АД, и КОПЕЙ твердо следовали в фарватере внешнеполитической линии США.

Правда, для Вашингтона было странным, что при Кальдере (казалось бы, представителе более правой партии, чем АД) отношения между США и Венесуэлой несколько ухудшились. Кальдера проводил более независимую политику в ОПЕК, подверг критике существовавшие между США и Венесуэлой торговые соглашения[1]. Но больше всего американцам не понравилось восстановление дипломатических отношений Венесуэлы с СССР 16 апреля 1970 года.

С другой стороны, Кальдера отказался от «доктрины Бетанкура» и без проблем поддерживал отношения с самыми жестокими диктаторскими режимами.

При Кальдере в Венесуэле окончательно сформировалась двухпартийная коррупционная система на основе «пакта Пунто-Фихо». Любой человек на госслужбе или в армии должен был быть членом либо АД, либо КОПЕЙ. В противном случае о продвижении по карьерной лестнице можно было забыть. И наоборот, членство в одной из двух партий означало возможность неплохой, хотя часто и нелегальной прибавки к жалованью. Чиновники и военные обогащались, распределяя госзаказы и просто присваивая выделяемые на те или иные проекты бюджетные средства.

Борьбу против остатков партизанского движения Кальдера продолжал с не меньшей жестокостью, чем его предшественники из АД.

---

[1] McCoy J. L., Myers D. J. The Unraveling of Representative Democracy in Venezuela. P. 134.

Пока в лесах и горах Венесуэлы в 60-е годы шла партизанская борьба, юный Уго Чавес формировал свое мировоззрение. Первым человеком, кто привил ему вкус к политике, был известный в городе Баринас член коммунистической партии, учитель, историк и поэт Хосе Эстебан Руис Гевара[1]. Во время диктатуры Переса Хименеса он сидел в тюрьме, что лишь добавило ему популярности в Баринасе. Своих детей Гевара назвал в честь Ленина и Энгельса — Владимиром и Федерико (т. е. Фридрихом по-испански). Уго дружил с ребятами и стал часто бывать в доме Гевары[2].

Там он с огромным вниманием слушал рассказы коммуниста о героях войны за независимость Латинской Америки, о борьбе трудящихся за лучшее будущее. Именно после часов, проведенных у Эстебана Руиса Гевары, Чавес стал страстным поклонником Симона Боливара. Вторым его политическим идеалом стал генерал либералов времен Федеральной войны Самора с его популярным лозунгом «Смерть олигархам!» Там же, у Гевары, Уго узнал такие имена как Маркс, Энгельс и Ленин. Молодой Чавес пристрастился к серьезной политической и исторической литературе и проглатывал буквально любую книгу, которую мог отыскать в Баринасе. Хорошая библиотека Гевары была для него главным источником знаний.

После того как Чавес пришел к власти, Хосе Эстебана Руиса Гевару узнали все, и он получил неофициальный, но почетный титул «Учитель президента».

Но и от своего главного увлечения — бейсбол, Уго не думал отказываться. Воскресенье 16 марта 1969 года стало для него черным днем — разбился самолет с его любимой бейсбольной командой на борту. Среди погибших был и идол юноши, его тезка Исайас Чавес. Уго так загрустил, что в знак траура два дня не появлялся в школе. Он даже придумал молитву, в которой клялся вырасти таким же, как его погибший тезка.

В Баринас Чавес вместе с семьей переехал в 1966 году для того, чтобы закончить там гимназию, дававшую право на поступление в университет — в его родной Сабанете такой школы просто не было. В 1971 году Уго со званием «бакалавра наук» окончил гимназию.

Отец предлагает Уго поступить в тот же университет в городе Мерида (четыре часа езды на автобусе от Баринаса), где уже учился его старший брат Адан. Но юношу не устраивало в университете то, что там не было бейсбольной команды. Жизненный выбор Уго определил офицер из соседнего гарнизона, который рассказал выпускникам гимназии о Военной академии Каракаса, где бейсбол бы в большом почете (еще бы — в венесуэльской армии высоко ценили все американское). Через одного из своих друзей, уже учившегося в академии, Уго достал необходимые для поступления анкеты и один уехал на автобусе в столицу.

---

[1] Скончался в 2006 году.
[2] Twickel Ch., Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 39.

В академии поначалу сомневались — у Чавеса была неудовлетворительная оценка по химии. Однако все решил опять же бейсбол — Военной академии были нужны сильные и увлеченные игроки. 8 августа 1971 года Уго Чавес вместе с 375 другими юношами становится курсантом академии. В Венесуэле каждому курсу академии присваивали особое наименование — курс Чавеса носил имя Симона Боливара.

У Уго все еще гулял в голове ветер. Он подумывал о том, чтобы проучиться в академии не больше года, стать хорошим и известным бейсболистом, а потом зарабатывать на жизнь уже в качестве профессионального спортсмена.

Первые месяцы в академии оказались для Уго очень тяжелыми и не только из-за жесткого внутреннего распорядка. Чавес был левшой, но в армии полагалось все делать правой рукой. Офицеры-воспитатели, например, заставляли Уго держать в столовой ложку правой рукой, и курсант часто проливал на себя еду, чем вызывал насмешки окружающих. Но самым тяжелым разочарованием оказалась полная профнепригодность Чавеса для бейсбола — слишком большие нагрузки негативно отразились на его правой руке.

В академии Чавес не переставал много читать. Многим казалось, что жизнь Боливара он знал наизусть. Формально Боливар был в Венесуэле национальным идолом. Центральная площадь любого города носила имя Освободителя, страна была усеяна улицами Боливара и его статуями. В венесуэльской армии отмечали день рождения великого земляка торжественными церемониями.

Но Чавес понимал, что идеалы Симона Боливара не только забыты, но и попираются каждый день. Даже на площадь Боливара в том или ином городе не пускали бедно одетых людей, и при этом никого не интересовало, есть и у рабочего или крестьянина выходной костюм, или хотя бы пристойная рубашка. Молодой курсант понимал, что именем Боливара прикрываются нищета и коррупция — две стороны одной и той же медали.

Во время учений в окрестностях Каракаса Чавес видел, как плохо живут простые люди на родине Освободителя. Курсант старался хотя бы чем-то помочь деревенским беднякам, протягивая им конфеты или банки сардин из своего армейского пайка[1]. Армию снабжали отлично — ведь она охраняла власть имущих и от партизан, и от народного гнева.

Чавес стал вести дневник, где давал волю своему негодованию по поводу ужасающего социального неравенства на его родной земле.

В какой-то мере Чавесу повезло — к моменту его поступления в академию партизанское движение было практически подавлено и много офицеров стране уже было не нужно. Только в горах на востоке и западе еще бродили отдельные разрозненные группы самых несгибаемых левых. Если раньше академия практиковала ускоренные выпуски, то теперь наоборот было решено, что офицеры для расширения кругозора должны посещать занятия и в обычном

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 40.

гражданском университете. Чавес продолжает настойчиво изучать историю освободительной войны Боливара, он поражает своих сокурсников тем, что цитирует Освободителя наизусть.

Надев парадную форму, курсант Чавес посетил могилу своего былого идола бейсболиста Исайяса Чавеса и зажег свечу. Тем самым он прощался с детской мечтой — уже не бейсбол, а политика влекла его с неодолимой силой.

В декабре 1974 год к восторгу Чавеса его отобрали для поездки в Перу, где военная делегация Венесуэлы должна была принять участие в праздновании 150-й годовщины битвы при Аякучо. В Перу у власти с 1968 года находилось прогрессивное военное правительство, национализировавшее собственность американских нефтяных компаний и проводившее радикальную аграрную реформу. Перуанские военные с восторгом рассказывали Чавесу о том, как любят их в народе. То же самое говорили и панамцы — там тоже с 1968 года у власти был популярный генерал Омар Торрихос, требовавший от американцев вернуть Панаме суверенитет над зоной Панамского канала.

Чавес завидовал панамцам и перуанцам белой завистью — у его армии никакого авторитета в народе не было. Старшие офицеры занимались только личным благосостоянием, а большинство младших офицеров мечтали как можно быстрее стать полковниками и генералами, чтобы тоже вкусить от сладкого пирога коррупции. Вместо политики и Боливара венесуэльских полковников интересовали хорошая мебель, загородные дома в престижных районах и заграничные поездки в любимые США, Францию или Италию.

На этом фоне почти повсеместного стяжательства идеалист Уго Чавес был белой вороной — многие его товарищи по службе считали, что Чавес штудирует Боливара чисто из карьеристских соображений. Но во время пребывания в Перу «белыми воронами» оказались чилийские военные — венесуэльцы, панамцы, перуанцы подвергли своих коллег резкой критике за кровавый переворот генерала Августо Пиночета 11 сентября 1973 года.

Между тем Кальдера сделал левым партизанским группам предложение сложить оружие в обмен на амнистию, и многие партизаны вернулись к нормальной жизни, хотя политическая полиция не выпускала их из поля зрения.

В экономике Кальдере явно не повезло — в Соединенных Штатах начался кризис, вызванный во многом бесславной вьетнамской войной. Соответственно, мировая цена на нефть продолжала оставаться довольно низкой. Это вынудило ОПЕК еще теснее координировать свою ценовую политику. В 1971 году к нефтяному картелю присоединились Катар, Индонезия, Ливия, ОАЭ, Алжир и Нигерия. Цену за баррель удалось было поднять до 1.7 доллара в 1971 году, но уже годом позже американская депрессия снова опустила ее до 1,5 доллара за баррель.

Страны Ближнего Востока стали всерьез задумываться о национализации иностранных нефтяных компаний. В 1972 году они добились участия в совместных с иностранцами предприятиях в размере 25%, и это было только начало.

Кальдера в своей экономической политике ориентировался на советы предпринимательского лобби «Федекамарас» и о национализации даже не помышлял, хотя формально КОПЕЙ пришла к власти под лозунгом «экономического национализма», и Кальдера все же пытался ограничить деятельность в стране иностранных монополий. Например, согласно принятому в июле 1971 года закону иностранные компании были обязаны по истечении срока концессий (1983 год) передать в собственность государства все свое оборудование и недвижимое имущество, используемое при добыче нефти[1]. В августе 1971 года вся добыча газа была передана в ведение государственной Венесуэльской нефтяной корпорации.

В 1969 году был опубликован очередной «План нации» на период 1970–1974 гг. В нем по-прежнему говорилось о необходимости использовать нефтяные доходы для диверсификации экономики страны. 60,1% всех капиталовложений в экономику предполагалось получить от частного бизнеса, 39,9% — из государственных источников. Государство, как и раньше, должно было вкладываться в убыточные (то есть не интересные для частника) отрасли — инфраструктуру и сельское хозяйство. Общий предполагаемый объем капиталовложений был громадным — 157 миллиардов боливаров.

Большое внимание правительство предполагало уделить продолжению развития восточной индустриальной базы (регион Гайяны), который даже окрестили «венесуэльским Руром». На базе черной металлургии там планировалось создать современное машиностроение. Еще в 1960 году была создана государственная «Венесуэльская корпорация развития Гайяны» и к 1980 году «венесуэльский Рур» должен был полностью удовлетворять потребности страны в черных металлах, продуктах основной химии, бумаге и алюминии. Там же намечалось развернуть производство искусственных материалов из углеводородного сырья.

Новинкой плана 1970–1974 гг. был упор на промышленное развитие юга Венесуэлы (так называемое «Завоевание Юга»). Речь шла о 242 тысячах квадратных километров необжитой амазонской сельвы. Здесь на 26,5% национальной территории[2] проживали всего 60 тысяч человек. Причем речь шла об индейцах, подверженных бытовому расизму со стороны всех остальных групп населения. Даже белые бедняки или негры не считали индейцев полноценными людьми. Большинство коренных жителей Венесуэлы и в начале 70-х годов вели почти первобытный образ жизни.

В январе 1972 года Кальдера объявил о денонсации торгового соглашения с США, подписанного еще в 1939 году. По этому договору, например, Венесуэла не могла без ведома США заключать торговые соглашения с третьими странами. КОПЕЙ считала, что из-за неравноправных условий этого договора Венесуэла только за последние 10 лет (т. е. с 1962 года) понесла убытки в размере 2,5 миллиардов долларов.

---

[1] Козлов Ю. К., Ткаченко В.Г. Венесуэла. М., 1976. С. 30.

[2] Больше, чем территории Дании, Голландии, Бельгии и Австрии, вместе взятых.

Тем не менее и при Кальдере на Венесуэлу приходилось более половины накопленных американских инвестиций в Латинской Америке. В 1968 году доля США во всех иностранных капиталовложениях в Венесуэле достигла 71,4% (в 1960 году — 68%). Практически всю оставшуюся долю занимала англо-голландская «Шелл».

Американцы господствовали и в сфере добычи железной руды. Там они получили в 1960–1970 гг. 1,6 миллиардов боливаров чистой прибыли. В 1969 году было добыто 19,7 миллиона тонн железной руды, в 1974 году — 26,4. 16 миллионов тонн было вывезено в США на заводы компаний «Бетлехем Стил» и «Юнайтед Стейтс Стил».

На фоне всеобщего кризиса капиталистического мира экономика Венесуэлы в начале 70-х годов смотрелась неплохо. Рост ВВП в 1971 году составил 4,3%, в 1971 году — 5,5%. Но и в 60-е годы страна развивалась примерно такими же темпами. Доход на душу населения вырос с 2545 боливаров в 1960 году до 3835 в 1970. Благодаря индустриализации доля нефти в ВВП упала в 1960–1970 гг. с 27% до 17%, а доля остальных промышленных отраслей выросла с 12 до 17% за тот же период[1].

Однако процесс импортозамещения к началу 70-х годов в основном завершился и обрабатывающая промышленность стагнировала — ей мешала развиваться низкая покупательная способность населения. Из 12 миллионов населения лишь 3–4 миллиона можно было отнести к реальным получателям осязаемых доходов. Примерно половина созданных в 60-е годы производственных мощностей простаивала, а занятость не росла. Миллиарды долларов богатые люди по-прежнему переводили за границу (главным образом в США), никак не содействуя внутреннему спросу.

В 1970 году из 3,1 миллиона человек самодеятельного населения в обрабатывающей промышленности было занято всего 15%, в нефтяной — менее 1%, в сельском хозяйстве — 21%. Большинство же венесуэльцев занималось торговлей и оказывало услуги, причем часто на непостоянной основе. Причем из 450 тысяч венесуэльцев, формально занятых в промышленности, 200 тысяч работали на мелких отсталых предприятиях или в ремесленных мастерских.

Получалось, что нефтяная отрасль фактически по-прежнему субсидировала все остальные. В 1974 году в стране было добыто 155,2 миллиона тонн сырой нефти, что было меньше предыдущего года на 11,5%[2]. Экспорт составил 92,4 миллиона тонн. На внутреннем венесуэльском рынке потреблялось примерно 15 миллионов тонн нефти и нефтепродуктов. 36% всей добытой нефти перерабатывалось в самой Венесуэле. Общая протяженность нефтепроводов достигла 6288 километров и почти все эти километры принадлежали иностранцам.

---

[1] Козлов Ю. К., Ткаченко В. Г. Венесуэла. М., 1976. С. 34–35.

[2] В 1973 году после нефтяного эмбарго арабских стран резко выросли мировые цены, и добывать много «черного золота» уже не было никакой необходимости.

Благодаря нефти Венесуэла по-прежнему обладала самыми большими в Латинской Америке золотовалютными резервами — 2,4 миллиарда долларов в 1973 году.

Но большую часть прибыли от нефти, как и раньше, присваивали иностранные (в основном американские) компании. В 1962–1974 гг. они «заработали» на Венесуэле 44,6 миллиарда боливаров, или 9 миллионов боливаров в день. Норма прибыли нефтяных компаний в 1970 году составила 24%[1].

В 1973 году Венесуэла извлекла из недр 49 миллиардов кубометров газа (на 7,2% больше чем год назад). 70% газа было потреблено внутри страны. Правительство жестко, но не очень успешно, боролось с выбросом попутного газа в атмосферу. В отличие от нефтепроводов 41% из 3245 км газопроводов принадлежало государству.

Сельское хозяйство продолжало оставаться отсталым: в 1970 году там трудилась четверть всего самодеятельного населения, но производили они всего лишь 7,4% ВВП. В 1971 году для земледелия использовалось лишь 1.8% территории страны. В 1950–1970 гг. сельскохозяйственное производство росло в среднем на 4–5% в год, что было недостаточно для обеспечения городских жителей продовольствием и компенсации естественного прироста населения. В 1937–1965 гг. население Венесуэлы увеличилось в 2,5 раза, а производство зерновых на душу населения упало в 1,3 раза, кукурузы — почти в 2 раза, бобовых и овощей — в 2 раза[2]. Производство кофе и какао не росло.

Аграрной реформой на 1973 год было затронуто 8,08 млн га земли, но доля в производстве самостоятельных дореформенных мелких крестьянских хозяйств не превышала 8%. 85% продукции давали крупные капиталистические предприятия. Те, кто получил землю в ходе аграрной реформы, давали только 7% продукции.

Крестьянам по-прежнему не хватало оборотного капитала, удобрений, машин, и многие из новых хозяев по-прежнему стремились в большие города. Стоит отметить, что 56% людей, получивших землю, были неграмотными. 97% хозяйств никогда не видели трактора, 81% не пользовались гербицидами и тонули в сорняках, 76,6% даже не применяли севооборот, что приводило к быстрому истощению земель. 78% хозяйств испытывало недостаток воды для орошения.

95% всего экспорта страны по-прежнему давали нефть и железная руда. 50% нефти поставлялось в США или на контролируемые американцами предприятия в других странах. В целом на США в 1972 году пришлось 40% экспорта, на Канаду — 12,86% (второе место), на всю Западную Европу — 12,25%. Примерно 20% экспорта направлялось в страны Латинской Америки.

По импорту зависимость от США была примерно такой же — 44%. Из стран ЕЭС завозилось 23,8% всех товаров, из Канады — 3,58%.

---

[1] Козлов Ю. К., Ткаченко В. Г. Венесуэла. С. 59.
[2] Там же. С. 94.

Торговли с социалистическим странами в начале 70-х годов практически не существовало.

Между тем левые силы, вышедшие из подполья после объявленной Кальдерой в 1969 году амнистии, готовились к выборам 1973 года.

Амнистия, однако, оказалась для компартии Венесуэлы гораздо опасней подпольной вооруженной борьбы. В полном согласии с новой «мирной» линией Москвы и Гаваны компартия Венесуэлы в 1968 году взяла курс на создание широкого народного фронта с целью проведения не социалистических, а антиимпериалистических и прогрессивных преобразований. Коммунисты предполагали сделать общей платформой народного фронта тему национализации всех природных ресурсов страны. Тем более, что этим занимались даже антикоммунистические монархии стран Персидского залива. Вокруг требования национализации нефти можно было объединить более 90% всех венесуэльцев.

Однако часть руководства КПВ и много рядовых членов (особенно молодых) не желали отказываться от вооруженной борьбы и идти на любые компромиссы с легальными партиями. Левые радикалы ориентировались на маоистский Китай, который бравировал своей ультрареволюционностью, ведя одновременно тайные антисоветские переговоры с США.

Компартию Венесуэлы начиная с 1967 года сотрясала череда расколов. Лидером раскольников стал Теодоро Петков[1] — брат-близнец упоминавшегося выше лидера партизан-радикалов Любена Петкова. Теодоро Петков резко критиковал СССР причем по любому поводу, например, по случаю ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года. Он считал, что у Венесуэлы есть свой отличный от всех путь к социализму и равняться на Москву и Гавану не только не обязательно, но и контрпродуктивно.

Петков говорил, что рабочий класс Венесуэлы продался за нефтедоллары и «повернулся спиной к революционной борьбе»[2]. СССР же вообще превратился в реакционную силу и предал идеалы мировой революции.

19 декабря 1970 года XX пленум ЦК КПВ исключил Петкова, Помпейо Маркеса, Элоя Торреса и других из партии. Из общего количества 68 членов и кандидатов ЦК КПЧ партию покинули 22 человека, причем это были известные во всей стране люди, овеянные флером героической партизанской борьбы и эффектных побегов из тюрем и крепостей. Не удивительно, что на стороне раскольников оказалась практически вся молодежная организация компартии.

Раскольники провели собственный съезд (14 января 1971 года) и создали партию «Движение к социализму» («испанская аббревиатура МАС). В отличие от «основной» компартии, МАС требовала не общедемократических, а именно

---

[1] Родился в 1932 году. В 1949 году вступил в компартию и дорос до члена Политбюро КПВ. Во время диктатуры Переса Хименеса три раза арестовывался на короткие сроки. После начала вооруженной борьбы против режима Бетанкура был арестован в марте 1963 года, но в августе смог сбежать с седьмого этажа военного госпиталя, куда был помещен после успешной симуляции болезни. Был снова арестован и в 1967 году вместе с членом Политбюро ЦК КПВ Помпейо Маркесом сбежал из тюрьмы Сан-Карлос с помощью прорытого извне туннеля. Третий раз вышел из тюрьмы в марте 1969 года по амнистии Кальдеры.

[2] Селезнев Г.К. Латинская Америка в борьбе против реакции и неоколониализма. М., 1976. С. 125.

социалистических преобразований (например, национализации промышленности и конфискации всех крупных частных землевладений). И оказалась права. МАС замахнулась на то, чтобы стать третьей силой в Венесуэле наряду с АД и КОПЕЙ

Ведь если абстрагироваться от требования национализации нефтяной промышленности, все остальные общедемократические реформы в Венесуэле уже были проведены. А национализации нефтедобычи требовали в начале 70-х годов уже и легальные партии вроде тех же АД или КОПЕЙ. Чем от них отличалась компартия, было многим избирателям непонятно.

Новый «мирный» курс компартии был закреплен на IV съезде КПВ, проходившем 23–27 января 1971 года. Группа Петкова — Маркеса была окончательно изгнана из партии. КПВ решительно поддержала советскую внешнюю политику: «КПВ отвергает любую форму антисоветизма, так как считает, что какое-либо ослабление революционных и социалистических позиций СССР является ослаблением всего мирового революционного движения и венесуэльского в частности»[1].

Если Петков восхвалял опыт «революционного» Китая (где в это время гибли миллионы в ходе так называемой «культурной революции»), то КПВ в 1972 году подчеркивала, что «пекинские руководители отошли от марксизма-ленинизма и вступили на путь сговора с североамериканским империализмом и другими антикоммунистическими силами»[2]. На фоне визита антикоммуниста Никсона в КНР спорить с такой трактовкой было трудно. В отличие от Каракаса Никсона в Пекине встречали не камнями, а цветами.

Раскольников Петкова-Маркеса обвинили (и в общем правильно) в идеализации вооруженной борьбы, ставке на крестьянство (которая как раз себя и не оправдала в партизанский период 60-х годов). Петков и его группа считали, что в Венесуэле нужна не массовая левая рабочая партия, а узкий сплоченный авангард преданной делу интеллигенции, которая вместе с прогрессивными офицерами в подходящий момент совершит военно-гражданский переворот по типу восстаний 1962 года. Тем самым Петков и Маркес хотели повторить опыт Бетанкура 1945 года, хотя путчизм не довел тогда адеков до добра.

Напротив, КПВ была воодушевлена чилийским опытом, где на президентских выборах 4 сентября 1970 года победил кандидат широкой левой коалиции Народное единство социалист Сальвадор Альенде. И победил под лозунгом строительства в Чили социализма, причем мирным путем.

Казалось, что победу чилийцев можно повторить и на родине Боливара.

В январе 1971 года избирательное движение народа (МЕП), а также УРД и партия Народно-демократическая сила (НДС, поддерживала бывшего главу военной хунты 1958 года адмирала Ларрасабаля) выступили с инициативой создания широкой левой коалиции с целью отодвинуть от власти партнеров по пакту Пунто-Фихо — КОПЕЙ и АД. Компартия немедленно приветствовала

[1] Селезнев Г. К. Латинская Америка в борьбе против реакции и неоколониализма. С. 126.
[2] Там же. С. 134.

эту инициативу и на своем пленуме 9 февраля 1971 года выступила за единый фронт на основе «патриотической и демократической программы» (то есть в отличие от Чили речи о строительстве социализма не было).

Левые партии стали создавать на местах народные комитеты, которые должны были стать основой местных организаций оппозиционного избирательного блока. Компания по созданию этих комитетов стартовала по всей стране с 1 июня 1971 года. МЕП, УРД и КПВ учредили Народный националистический фронт «Новая сила» (ННФ). Само название предвыборной коалиции говорило о стремлении национализировать все природные ресурсы «(национализм») и о стремлении заменить пакт Пунто-Фихо («новизна»).

Правда, в глазах избирателей НДС, МЕП и УРД были отнюдь не «новичками». Лидеры этих партий (Ларрасабаль, Вильяльба и Луис Прието) уже успели побывать на самых высоких государственных постах. К тому же каждый из этих опытных политиков видел президентом только себя.

В октябре 1971 года партии-участницы фронта одобрили правительственную программу ННФ. Естественно, что сердцевиной программы была национализация нефти и других природных ресурсов (Альенде в Чили как раз провел национализацию меднорудной промышленности, и его поддержало все население). Главной задачей правительства ННФ считалось «…избавление страны от оков зависимости, которая превращает нашу экономику в сателлита высокоразвитой экономики США… Необходимо вырвать основные национальные богатства, такие, как нефть и железная руда, из-под власти иностранных компаний, сделать так, чтобы они принадлежали стране»[1].

Помимо нефти предполагалось национализировать металлургию, банковский сектор и энергетику.

Генеральный секретарь ЦК КПВ Фариа отмечал, что программа ННФ «прогрессивная, однако еще не социалистическая. Она открывает пути перехода к новому обществу и плановой экономике, освобожденной от контроля империализма и местной олигархии»[2].

Лозунги ННФ были настолько популярны, что их не замедлили перехватить партии Пунто-Фихо. Например, Кальдера, как уже упоминалось, в январе 1972 года расторг неравноправный торговый договор с США, чего требовал и ННФ.

В конгрессе представители ННФ еще до выборов лоббировали принятие важных законов в русле программы фронта. Например, в 1972 году был принят закон, по которому государству причиталось 60% всех доходов от сбыта нефти. Такие же законы в то время принимались и на Ближнем Востоке. Под давлением ННФ был национализирован внутренний рынок сбыта бензина.

В июле 1972 года состоялся чрезвычайный съезд ННФ, в котором приняли участие 1800 делегатов и 900 наблюдателей. Кандидатом в президенты был

---

[1] Селезнев Г. К. Латинская Америка в борьбе против реакции и неоколониализма. С. 190.
[2] Там же. С. 191.

выдвинут бывший генеральный секретарь АД Пас Галларага, тоже отнюдь не новичок на политической арене.

КПВ предложило своим недавним членам из МАС войти в ННФ, но натолкнулась на решительный отказ. МАС выдвинула кандидатом в президенты Хосе Висенте Ранхеля (1929 года рождения). В 1948 году (будучи студентом юрфака) Ранхель выступил против военного переворота и был вынужден эмигрировать в Чили (там он и женился). После свержения диктатуры Переса Хименеса Ранхель был избран сенатором от УРД, активно публиковался в СМИ.

АД выдвинула своим кандидатом Карлоса Андреса Переса.

Перес родился в 1922 году в Андах у колумбийской границы (штат Тачира). Его отец (колумбийского происхождения) имел плантации кофе и торговал лекарствами. Мать была дочерью богатого землевладельца. В семье было 12 детей (Перес родился одиннадцатым ребенком). Будущий президент Венесуэлы окончил частную школу, которой управлял орден доминиканцев. Тайком от консервативных и богатых родителей Перес читал Руссо и Маркса, любил Дюма и Жюля Верна. Отец умер в 1936 году от инфаркта после резкого падения цен на кофе и проблем с бизнесом.

Карлос Андрес Перес поступил в 1944 году на юридический факультет Каракасского университета, но вскоре увлекся политикой. Он стал одним из основателей АД, верным соратником Бетанкура. После путча октября 1945 года 23-лений Перес стал личным секретарем главы хунты — все того же Бетанкура. С 1948 года — в эмиграции (Коста-Рика, Куба, Панама). После свержения Переса Хименеса вернулся на родину и был при Бетанкуре в 1959–1964 гг. министром внутренних дел (второй по значимости государственный пост). Именно он отвечал за борьбу с партизанами и был замешан в жестких политических репрессиях против оппозиции. С его одобрения происходили пытки в тюрьмах и убийства без суда и следствия.

После 1963 года Перес фактически контролировал АД, будучи ее лидером конгрессе и генеральным секретарем.

Впервые в истории Венесуэлы Перес нанял для своей избирательной кампании американских политтехнологов. Его компания отличалась энергичностью и популизмом. Кандидат АД проехал по стране 5800 километров, причем по некоторым деревням и городкам он ходил пешком, подчеркивая свою близость к народу.

В стане левых сил напротив царила братоубийственная война. В ноябре 1972 года руководство УПД заявило, что кандидатура бывшего адековца Паса Галлараги их не устраивает, и в ультимативном тоне предложило заменить его на лидера УРД Вильяльбу. КПВ и МЕП не согласились, и в декабре 1972 года УРД вышел из левой коалиции. Но на этом все не закончилось. В свою очередь раскололся сам УРД — из него вышли те, кто не согласился с разрывом с ННФ. Сенатор от УРД и национальный секретарь этой партии Хесус Сото Амести создал новую партию — Левый народный союз — и она присоединилась к ННФ.

Все эти шатания не замедлили сказаться на итогах выборов 9 декабря 1973 года.

Карлос Андрес Перес одержал убедительную победу, набрав 48,7% голосов (2 130 743). Леонардо Фернандес от КОПЕЙ занял привычное втрое место с 36,7% (1 605 628 голосов). ННФ все-таки стал третьей силой, но с очень большим отрывом — 221 239 голосов (5,1%). Это было настоящее электоральное фиаско левых.

Свой вклад в такой исход голосования конечно же внесли раскольники из МАС. Кандидат группировки Петкова Ранхель набрал 186 255 голосов (4,3%). Другой раскольник — Виьяльба, тоже «отщипнул» от общего левого электората 134 478 голосов.

Правда, справедливости ради стоит отметить, что даже при сложении голосов всех тех этих кандидатов, конкуренции для АД и КОПЕЙ все равно бы не получилось.

Казалось, что в Венесуэле складывается прочная двухпартийная система на базе соглашения Пунто-Фихо.

АД победила и на выборах в парламент. Из 200 мест в нижней палате она имела 102, а из 47 мест в сенате — 28. У КОПЕЙ было соответственно 64 и 13 мест, у МАС — 9 и 2 (232 тысячи голосов). На выборах в парламент МАС действительно стала третьей силой, как и планировала.

Партии ННФ шли на парламентские выборы по отдельности. У компартии оказалось два депутата и ни одного сенатора (52,7 тысячи голосов). Это во многом объяснялось тем, что все известные в народе коммунисты вышли из партии и оказались в МАС.

Несмотря на поражение левых, победитель Перес был вынужден учесть многие требования их предвыборной программы. Он тоже выступал за создание независимой от США экономики, снижение безработицы, создание мощного госсектора.

Время правления Карлоса Андреса Переса (1973–1978 гг.) запомнилось венесуэльцам как сытая «саудовская Венесуэла». Дело в том, что Пересу несказанно повезло. В ответ на поддержку Израиля со стороны США[1] и их союзников по НАТО во время арабо-израильской войны 1973 года, арабские страны объявили Западу нефтяное эмбарго. В частности, арабы сократили нефтедобычу на 5 миллионов баррелей в день. Мировые цены на нефть резко выросли примерно в четыре раза — до 12 долларов за баррель.

Придя к власти, Перес получил от конгресса (где властвовала его же партия) чрезвычайные полномочия на 100 дней, потом еще на 100 дней.

Учитывая занятость американцев ближневосточными делами, Перес объявил весной 1974 года о своей решимости национализировать нефтяную промышленность Венесуэлы. Коммунисты приняли активное участие в работе ко-

[1] 19 октября 1973 года президент США Никсон запросил у конгресса 2,2 миллиарда долларов на экстренную помощь Израилю.

миссии парламента, занимавшейся подготовкой закона о национализации[1]. В июле 1975 года палата депутатов единогласно одобрила закон, предусматривавший проведение национализации в январе 1976 года.

Иностранным компаниям обещали выплату компенсации, не превышающей стоимости их чистых активов: в течение 10 лет иностранным компаниям причиталось 1,2 миллиарда долларов.

Вся добыча, переработка и сбыт нефти и нефтепродуктов по закону переходили в руки государственной компании ПДВСА[2]. Только государство отныне могло осуществлять и экспорт нефти и нефтепродуктов.

К 31 декабря 1975 года иностранные компании сдали государству все свои концессии — 2,2 млн га, все оборудование на нефтепромыслах, все перерабатывающие заводы и нефтяные терминалы в портах.

Карлос Андрес Перес назвал национализацию самым значительным событием в истории Венесуэлы с момента обретения независимости.

Еще в декабре 1974 года президент подписал декрет номер 580 о национализации железнорудной промышленности, согласно которому с 31 декабря 1974 годы были досрочно прекращены все концессии для иностранных компаний (их срок истекал в 2000 году). Государство обещало выплатить американским компаниям в течение 10 лет и под 7% годовых денежную компенсацию в сумме 100 миллионов долларов[3].

1 января 1975 года в Гайяне состоялась торжественная церемония национализации, на которой Перес заявил: «Мы национализировали железнорудные месторождения не в целях отказа от международного сотрудничества, а для того, чтобы поставить их на службу независимой, действительно суверенной родине»[4].

В 1974 году благодаря росту цен на нефть венесуэльский экспорт вырос в стоимостном отношении в 2,5 раза, хотя по товарной массе он не увеличился вообще. За все время президентства Переса венесуэльский экспорт колебался в районе 10–11 миллиардов долларов в год. В расчете на душу населения страна экспортировала в 1977 году товаров на 808 долларов, Бразилия — всего на 97 долларов, Колумбия — на 128 долларов.

В очередном «Плане нации» на период до 1980 года правительство поставило задачу сокращения добычи нефти на 5% в год, чтобы беречь природные ресурсы на будущее.

Венесуэла одной из первых в мире создала суверенный инвестиционный фонд, и в 1974 году он разместил за границей более 2 миллиардов долларов. В 1975 году активы фонда составили 5.5 миллиардов долларов. В том же году

---

[1] В комиссию помимо парламентариев вошли представители католической церкви, вооруженных сил, профсоюзов, предпринимателей.
[2] PDVSA — Petroleos de Venezuela, «Нефтяники Венесуэлы».
[3] Козлов Ю. К., Ткаченко В. Г. Венесуэла. С. 79.
[4] Там же. С. 80.

страна получила от своих вложений в виде процентов 400 миллионов долларов — блестящий результат.

В 1974 году Венесуэла внесла в МВФ 540 миллионов долларов, в МБРР — 500 миллионов, щедро предоставляла займы латиноамериканским странам. Только в виде помощи страны Центральной Америки получили 500 миллионов долларов (для компенсации выросших цен на нефть) и еще 80 миллионов для поддержания приемлемых для них цен на кофе.

Правда, при всем этом благополучии увеличился внешний долг страны, достигший 3 июля 1974 года 1,3 миллиарда долларов (в 1973 году — 900 миллионов долларов).

Благодаря резкому росту цен на нефть золотовалютные резервы Венесуэлы превысили в 1974 году 7 миллиардов долларов[1]. Даже при безбрежной коррупции и больших тратах на армию и органы безопасности правительство Переса могло позволить себе вкладывать значительные средства в социальную сферу.

В мае 1974 года кабинет министров внес в парламент законопроект об установлении минимума заработной платы для всех промышленных и сельскохозяйственных рабочих, как на государственных, так и на частных предприятиях. Был принят закон и об общем повышении заработной платы в госсекторе.

Перес щедро создавал рабочие места в самых неожиданных сферах, рассчитывая, что все эти счастливчики проголосуют за АД на следующих выборах. Например, было решено, что каждый лифт в стране должен иметь оператора, а все общественные места — человека, отвечавшего за туалет.

Если в 1973 году ВВП на душу населения в Венесуэле составлял 1691 доллар, то в 1974 году уже 2532 доллара, в 1975 году — 2523, в 1976 — 2817, в 1977 — 3086. На первый взгляд такой феноменальный рост впечатлял. В США, например, в 1977 году ВВП на душу равнялся примерно 9 тысячам долларов, в Японии — 6094, В ФРГ — 7392, во Франции — 7611, в Китае — 182.

Что касается Латинской Америки, то в 1977 году ВВП Венесуэлы значительно превышал ВВП исторического соперника — Колумбии (42 миллиарда долларов против 28), а в расчете на душу населения Венесуэла превосходила и Бразилию, и Колумбию примерно в три раза[2].

Но в Венесуэле наблюдалось чудовищное социальное расслоение. 5% венесуэльцев присваивали 54% национального дохода. С другой стороны, городские рабочие и служащие (44% рабочей силы) получали лишь 9% национального дохода. А те, кто работал на селе, вообще имели от общенационального пирога лишь 2%. Средний месячный доход сельскохозяйственного рабочего в 1974 году равнялся примерно 50 долларам. Не удивительно, что люди продолжали бежать из села в города, особенно в столицу. Там, по крайней мере, можно было заработать как минимум в два раза больше.

---

[1] Козлов Ю. К., Ткаченко В. Г. Венесуэла. С. 113.
[2] URL: http://kushnirs.org/macroeconomics/gdp/gdp_venezuela.html#t2_3

Ежегодно городские трущобы пополняли 73 тысячи человек. Эти разбухшие, как весенние почки, пригороды-«ранчо» стали называть «зонами нищеты». В 1975 году в таких зонах проживало 44% всего населения или более 5 миллионов человек. На 150 тысяч жилищ в трущобах Большого Каракаса в 1975 году приходилось 750 тысяч жителей. Больше половины этих жилищ были официально признаны непригодными для проживания: там не было даже элементарных удобств и твердого пола.

В столице и крупных городах буйным цветом расцвела уличная преступность. По стране гуляли десятки тысяч нелегальных стволов. Перес проблему преступности преимущественно игнорировал.

В стране постоянно было без работы 6–10% трудоспособного населения, а с учетом неполной занятости таких было 1,2 миллиона человек (из 3,5 миллиона активного населения).

30% детей в «саудовской Венесуэле» страдало от недоедания, из каждой тысячи родившихся 44 ребенка умирало до возраста в 1 год. Из каждых 100 детей лишь 30 оканчивали начальную школу (6 классов), и только 10 — среднюю школу[1].

В вузах страны в 1974/1975 учебном году обучалось 190 тысяч студентов.

В марте 1975 года президент был вынужден признать, что «экономические трудности широких масс венесуэльцев делают просвещение недоступным для многих молодых людей Венесуэлы»[2].

Но забастовок при Пересе было мало, так как насквозь коррумпированные венесуэльские профсоюзы превратились фактически в часть госаппарата.

Рост цен на нефть неизбежно привел и к росту цен внутри страны. Это неизбежное следствие зависимости любой страны от экспорта одного вида сырья, и точно такая же проблема была характерна для России начала 2000-х годов. В 1975 году цены на основные потребительские товары в Венесуэле выросли по сравнению с уровнем 1969 года на 26%[3]. В 1974 году цены на продукты (мясо, яйца, молоко, рыбу) увеличились сразу на 36%, на одежду и обувь — на 31%, на детскую обувь — более чем на 60%.

До нефтяного бума 1973 года инфляция начиная с 1959 года не превышала 3% в год[4].

Страна по-прежнему почти весь ширпотреб завозила из-за границы. Это привело к тому, что в 1977 году импорт (14 миллиардов долларов) превысил экспорт (11 миллиардов). Приходилось занимать деньги за границей. При Пересе затраты на обслуживание внешнего долга увеличились примерно в три раза — с 386 до 978 миллионов долларов год.

---

[1] Козлов Ю. К., Ткаченко В. Г. Венесуэла. С. 125.
[2] Там же. С. 126.
[3] Там же. С. 117.
[4] Ellner S., Hellinger D. C. Venezuelan Politics in the Chávez Era: Class, Polarization, and Conflict. Lynne Rienner Publishers, 2003. P. 114.

Коррупция на государственных закупках зашкаливала иногда до маразма. Например, было закуплено столько мороженого мяса, что выяснилось, что его некому есть. Тогда для того, чтобы хранить излишки, купили корабль-рефрижератор «Сьерра-Невада». Суммы «откатов» за тот или иной госзаказ были известны, равно как и то, через кого их надо платить. Чиновники наживались на том, что позволяли разгрузить первым тот или ной корабль в переполненных венесуэльских портах. Все убытки за простой судов или взятки естественно учитывались в ценах, и их фактически оплачивали потребители.

В Скандинавии приобрели паромы для сообщения между Венесуэлой и голландскими островами Вест-Индии, но выяснилось, что на судах нельзя открывать окна, что было смертоубийством в условиях венесуэльской жары.

Импорт процветал еще и потому, что боливар был явно переоценен по отношению к доллару и американские товары оказывались гораздо дешевле венесуэльских. Многие состоятельные венесуэльцы летали на шопинг в Майами. Американские торговцы во Флориде прозвали венесуэльцев «дай мне парочку» («gimme two»).

Казалось, что вся Венесуэла только и занята тем, чтобы потреблять, потреблять и потреблять.

Перес под давлением торговцев, у которых скопились большие запасы черно-белых телевизоров, запретил импорт цветных, хотя каждый более или менее состоятельный человек мог купить их на голландских островах Вест-Индии, где к тому же не брали пошлин.

Перес почему-то приостановил строительство метро в Каракасе — говорили, что просто потому, что это начинание инициировал его предшественник Кальдера.

Раздутый при Пересе госаппарат обложил граждан и бизнес десятками всевозможных лицензий и разрешений. Говорили, что чтобы открыть свое дело надо сначала изучить «пермисологию» (от испанского слова «пермисо» — разрешение).

В области внешней политики Перес продолжал линию Бетанкура, критикуя диктаторские режимы, например, Сомосы в Никарагуа и Пиночета в Чили. Но все это были лишь слова, и американцев они не сильно беспокоили. Президент США Картер, пришедший к власти в 1977 году, тоже избрал главной внешнеполитической темой защиту прав человека, но защищал их главным образом в СССР и других социалистических странах.

К концу правления Переса стало ясно, что в стране наблюдается невыносимое социальное расслоение, и Венесуэла как никогда прочно сидит на нефтяной игле.

Не кто иной, как Перес, принял в 1975 году присягу перед знаменем у выпускников курса Симона Боливара Военной академии, среди которых был и Уго Чавес, получивший специальность военного инженера связи и звание младшего лейтенанта. Молодой офицер принял свою саблю из рук человека, которого в 1992 году он попытается свергнуть.

Чавес получил назначение командиром взвода связи в один из созданных еще американцами противопартизанских батальонов рейнджеров. В задачу батальона входила борьба с остатками партизанского движения. Батальон дислоцировался недалеко от родных мест Чавеса в специальном лагере «Ла Маркесенья».

Делать солдатам было нечего — партизаны на западе Венесуэлы уже были разгромлены. С утра проходили учения, после обеда все занимались спортом. В простреленном как сито партизанском «мерседесе» в багажнике обнаружили уйму марксистской литературы. Чавес переплел все книги и устроил походную библиотеку[1]. Молодой офицер по-прежнему любил читать и среди трофеев ему особенно запала в душу книга известного венесуэльского историка Федерико Брито о генерале времен Федеральной войны Эзекиле Саморе. Чавесу импонировала забота генерала о простых людях и его непримиримая ненависть к олигархии.

В декабре 1976 года Чавес принял участие в боевой операции по преследованию бойцов левой колумбийской Армии национального освобождения (испанская аббревиатура ЭЛН). Колумбийские партизаны (сражавшиеся против правительства с 1948 года) якобы вторглись на территорию Венесуэлы и убили одного ребенка. Но Чавеса больше всего потрясла ужасающая бедность сельского населения своей собственной страны, особенно бросавшаяся в глаза на фоне сладкой коррумпированной жизни государственных чиновников и связанных с ними бизнесменов.

В 1977 года Чавеса повысили до лейтенанта и его батальон «Мануэль Седеньо»[2] был переброшен на восток, где по лесам и горам еще бродили маленькие группы партизан фракции «Бандера роха». Однако Чавес считал миссию своей отборной части (324 человека) бессмыслицей, о чем он и писал в дневнике. Молодой офицер отмечал, что партизан поддерживают местные жители, поэтому погоня за ними всякий раз безуспешна. В его части, писал Чавес, люди служат без всяких идеалов, а вот партизанам «революционной мистики» не занимать. Они ведут борьбу в духе Мао Цзедуна и Че Гевары и готовы ради своих убеждений на любые жертвы.

Лейтенант разочаровался даже в бейсболе, как части навязанного Венесуэле американцами общества бездумного и бездушного потребления: «Этот бейсбол — не наш. Он тоже принадлежит североамериканцам… Нам не хватает идентичности. Мы все импортируем. У нас есть деньги. Мы — «нефтяники» («петролерос»). Нас интересует только одно — загребать деньги. Иметь новейшую модель автомобиля. Иметь высокий (социальный) статус. Это и есть сознание этого народа, разъедаемого нефтедолларами. Деньги коррумпируют все…»[3]

---

[1] Twickel Ch., Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 42.
[2] Назван в честь одного из генералов времен войны за независимость.
[3] Twickel Ch., Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 43.

Настоящее Чавесу противно, и он все больше обращается к истории — где жили и творили люди, готовые принести ради родины любые жертвы. Такие, как Боливар и Самора.

Как-то раз, в деревушке Сан-Матео лейтенант Чавес запел песню известного протестного певца Венесуэлы Али Примеры, где были и такие слова: «Ничего нельзя достичь, если не будет революции». Деревенские жители, сначала чуравшиеся солдат, вдруг сразу подобрели, обступили поющего офицера и стали угощать военных сигаретами. Чавес отметил в дневнике, что солдаты не знают, за что они воюют, ибо не осознают своих классовых интересов. Нет никаких сомнений, что 23-летний лейтенант уже мыслит и пишет, как вполне образованный марксист. Уроки Эстебана Гевары не пропали даром.

В 1977 году Уго Чавес сочетался законным браком с уроженкой Баринаса Нэнси Кальменарес. Он ласково называл свою жену в письмах «негра», то есть «черненькая» по-испански. Офицер писал жене нежные письма: «…Сладкая моя, все будет хорошо. Жди меня…»[1]

Нэнси любила своего лейтенанта, но была бесконечно далека от политики, а Уго с годами понимал, что ему нужна не просто женщина-домохозяйка, а единомышленница и соратница по борьбе. Нэнси родила Уго двух дочерей (Розу Вирхинию и Марию Габриэлу) и сына Уго Рафаэля. Уго писал жене, что с ним ей суждено познать наивысший триумф, или погибнуть.

Уго постоянно повышал свою военную квалификацию, заканчивая различные курсы переподготовки. Например, в 1975 году он окончил Школу связи и электроники Вооруженных сил, причем был по успеваемости третьим из 25 курсантов. Бронетанковые курсы в 1979 году он окончил уже первым из 25 сокурсников. В 1983 году он опять-таки первым из 32 офицеров окончил Курсы повышения квалификации бронетанковых войск. Теперь Уго мог занять пост командира роты танков АМХ-30 (французского производства).

Однако молодой и успешный офицер несколько раз всерьез хотел бросить военную службу. Он не мог выносить лицемерия своих коллег-офицеров. Внешне они говори о кодексе чести и наследии Боливара, а на самом деле их интересовали только личный комфорт и продвижение по службе (второе было залогом первого).

Чавес органически не мог быть приспособленцем, и у него начались конфликты с командованием. Например, с одним офицером он поругался потому, что тот распорядился устроить лагерь в таком месте, где нельзя было наладить радиосвязь. Но таких горе-офицеров реальная служба заботила мало — главное было льстить вышестоящему командованию, чего Чавес как раз и не умел.

Во второй раз Чавес высказал резкий протест против действий полковника военной полиции ДИМ, который жестоко избил крестьянина, якобы связанного с партизанами. На этот раз Чавесу сделали официальное предупрежде-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 44.

ние — еще один такой проступок и его обвинят в мятеже. Слишком самостоятельного офицера в знак наказания лишили командования взводом связи и стали направлять в бесконечные патрули.

Вот тогда-то, на побывке дома Уго и сказал брату Адану, что хочет уйти из армии и поступить в университет Мериды. Но брат посоветовал остаться в войсках — революции скоро понадобятся патриотически настроенные военные. Точно такой же совет Уго получил и от своего учителя Эстебана Гевары.

Адан Чавес на тот момент был уже членом Партии венесуэльской революции (ПВР)[1], которую создал исключенный из КПВ Дуглас Браво. Браво попрежнему был преисполнен решимости свергнуть существующий режим насильственным путем, но уже не длительной партизанской войной, а скоротечным «военно-гражданского переворота». Именно так КПВ и МИР и действовали во время неудачных восстаний 1962 года, но Дуглас Браво полагал, что просто сам момент для восстания был выбран неверно, а вот сама тактика — верна как никогда.

Но для «военно-гражданского» переворота были нужны военные, а их-то у партии Браво как раз не было. Костяк малочисленной партии Браво составляла зеленая студенческая молодежь, жаждавшая подвигов. Именно в университетах (в том числе и в Мериде) и рекрутировала Партия венесуэльской революции новых бойцов. Сама партия хотела ни больше ни меньше, чем создать «новую цивилизацию» на базе «утопически-еретического проекта». Все существовавшие тогда «социализмы» были Браво не по вкусу, он сам видел себя в роли основоположника нового революционного учения. Он даже считался основоположником новой революционной теории — «дуглизма». Идеалом Браво был лидер Ливии Каддафи, написавший «Зеленую книгу», представлявшую собой взгляды на совсем новое общество, лучшее, чем капитализм и социализм.

ПВР была на нелегальном положении, но в средине 70-х годов создала свое легальное крыло — партию «Руптура» («Разрыв»). Разрыв подразумевался не только с капитализмом, но и вообще с цивилизацией, каковой она была до Дугласа Браво.

Среди венесуэльских офицеров званием не выше майора бунтарство было славной традицией. Но большинство фрондеров устраивали разного рода тайные собрания с таким расчетом, чтобы о них было известно начальству. «Подпольщики» надеялись, что их недовольство заметят и быстрее повысят до полковников. А там открывались сладостные перспективы воровства и коррупции — от госзакупок для армии до банальной кражи солдатской еды.

Дуглас Браво пытался найти идеологический рычаг, который заставил бы младших офицеров бунтовать не за будущий комфорт. Коммунизм подготовленные американцами военные считали исчадием ада и просто боялись, как холеры. В хитросплетения троцкизма и маоизма офицеры тоже не разбирались

[1] Партия отпочковалась от КПВ в апреле 1966 года и состояла из партизан под командованием Браво, отказавшихся прекратить вооруженную борьбу.

(как зачастую сами же троцкисты и маоисты) — для них все это было одной сплошной коммунистической угрозой.

И Браво решил увлечь офицеров мистикой и героикой эпохи войны за независимость. Ведь Боливар и так был идолом венесуэльской армии (хотя о его общественно-политических взглядах в армии предпочитали помалкивать) — оставалось лишь наполнить этот светлый образ революционным содержанием: истинные идеи Боливара были преданы — теперь настала пора претворить их в жизнь.

В этом смысле горячий поклонник Боливара, идеалист и постоянно проводящий время с книгой Чавес был находкой для Браво. К тому же это был один из немногих (если не единственный) офицер венесуэльской армии, с симпатией относившийся к коммунистам и не зацикленный на личном материальном благополучии.

Чавес утверждал, что познакомился в Браво в 1978 году, Браво настаивал на 1981 годе.

В любом случае, друзья детства Чавеса и сыновья Эстебана Гевары Владимир и Федерико устроили именно в 1978 году ужин своего друга с другим левым лидером Альфредо Манейро[1].

Манейро родился в 1937 году и происходил из семьи, чьи предки активно участвовали в войне за независимость (явный плюс в глазах Чавеса). С юных лет Манейро участвовал в коммунистическом движении и активно боролся против диктатуры Переса Хименеса. После свержения диктатуры в 21 год стал депутатом конгресса от штата Сулия (центр нефтедобычи с боевыми профсоюзами). С 1961 года Манейро — член ЦК компартии Венесуэлы и активный деятель партизанской борьбы. Он был участником операции по нападению на автомобиль посла США в Каракасе и захвате члена американской военной миссии. В 1967–1969 гг. находился в заключении в крепости Сан-Карлос, был освобожден по амнистии.

Манейро покинул КПВ по время «великого раскола» 1971 года, но к МАС Петкова не присоединился, хотя его выбрали в центральный комитет этой партии. В 1972–1979 гг. учился философии в университете Каракаса и получил диплом с отличием.

На базе активного профсоюзного движения металлургов Гайяны Манейро создал партию «Дело Р» (по-испански Causa Radical- то есть «радикальное дело»). В 1979 году партия победила АД на выборах руководства профсоюза работников черной металлургии. «Дело Р» считала себя независимой (от Москвы или Пекина) марксистской партией.

Чавесу импонировало в «Деле Р» стремление партии каждый день бороться за улучшение прав народа, в то время как Дуглас Браво нравился себе в абстрактном теоретизировании и подготовке очередного путча, где он хотел использовать офицеров как пешек для собственного прихода к власти.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 45.

Напротив, Манейро сказал Чавесу во время совместного ужина, что власть можно завоевать только многолетней повседневной кропотливой работой среди масс, прежде всего, в городах. Он посоветовал молодому офицеру, с аппетитом поглощавшему спагетти и почтительно слушавшему опытного партизана, заменить винтовку на авторучку, то есть заниматься пропагандой, а не переворотом.

Однако в 1982 году основатель «Дела Р» Манейро неожиданно умер от инфаркта, и партия осталась без признанного лидера. Больше Манейро и Чавесу встретиться не довелось.

Между тем венесуэльские президентские и парламентские выборы 1978 года привели в очередной рокировке партнеров по пакту Пунто-Фихо.

На сей раз с 46,6% (2 487 319 голосов) выиграл кандидат КОПЕЙ Луис Эррера Кампинс. Лишь ненамного отстал от него представитель АД Луис Пиньера Ордас[1] (43,3%, 2 309 577 голосов). На третьем месте, но с огромным отзывом от фаворитов, прочно угнездилось МАС, опять выставившее Ранхеля (276 083 голоса, 5,2%). Былые леваки-партизаны теперь выступали со скромных социал-демократических позиций. Такое часто случается в истории — хлесткая левая фраза ведет к затхлому буржуазному конформизму и показной умеренности в действиях.

Несмотря на призывы компартии к созданию левого Патриотического фронта, на сей раз ничего не получилось, и кандидат КПВ Эктор Мухика набрал всего 29 тысяч голосов (0,5%). Его обошел даже мирист (52 тысяч голосов).

Административный ресурс АД, основанный на тысячах прикормленных за «саудовский» период чиновников, позволил партии одержать победу на парламентских выборах. Из 199 мест в нижней палате адеки получили 88, КОПЕЙ — 84, МАС — 11, МИР — 4, КПВ — 1. В сенате у АД и КОПЕЙ было по 21 мандату из 44, у МАС — 2.

Луис Эррера Кампинс родился в 1925 году и был одним из основателей партии КОПЕЙ в своем родном городе. Во время диктатуры Переса Хименеса подвергался аресту, в 1955 году окончил университет, получив диплом юриста. В 1959–1979 гг. был депутатом конгресса и сенатором от КОПЕЙ (в тои числе, в 1962–1969 гг. возглавлял фракцию социал-христиан в нижней палате). В 1969 году был избран генеральным секретарем объединения христианско-демократических партий Латинской Америки.

Во время предвыборной компании 1978 года Эррера Кампинс подверг Переса и АД такой жесткой критике, что некоторые стали говорить о конце эпохи пакта Пунто-Фихо. Но за гневной риторикой КОПЕЙ не скрывалось никаких новых, прорывных идей.

Правда, придя к власти, новый президент выгнал из госаппарата всех открытых сторонников АД и даже тех членов своей собственной партии, которые

[1] Родился в 1924 году. При Бетанкуре был губернатором штата Монагас, занимал пост генерального секртаря АД.

активно сотрудничали с администрацией Переса. Все это делалось под лозунгами «очищения» и борьбы с коррупцией. Эррера Кампинс пытался сделать стиль своего правления несколько скромнее, чем показной потребительский ажиотаж времен Переса.

Но и во времена Эрреры Кампинса вся экономика Венесуэлы сильно зависла от мировых цен на нефть и росла вместе с последними. В 1978 году ВВП Венесуэлы составил 169,1 миллиарда боливаров, в 1980 году — 254,2, в 1982 году — 291,3.

В 1979 году мир сотряс очередной выгодный для Венесуэлы энергетический кризис. В Иране был свергнут проамериканский шахский режим, и добыча нефти в этой стране первоначально упала. В 1980 году американцы натравили на Иран своего тогдашнего друга лидера Ирака Саддама Хусейна и началась восьмилетняя иранско-иракская война, в которой Запад активно снабжал Ирак оружием. В 1980 году из-за войны добыча нефти в Иране практически полностью остановилась — ведь военные действия шли как раз в районе иранских нефтепромыслов (провинция Хузестан).

Если в апреле 1979 года средняя цена нефти на американском рынке составляла 15,85 доллара за баррель, то в последующие 12 месяцев она выросла до 39,5 доллара. До марта 2008 года эта цена была самой высокой мировой ценой нефти с учетом инфляции.

Но с 1980 году мировая цена на нефть начала падать. Американцы решили таким образом наказать СССР за ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 года (совершенный по просьбе законного афганского правительства и в соответствии с советско-афганским договором от 5 декабря 1978 года) и американские союзники (а точнее сателлиты) в ОПЕК вроде Саудовской Аравии и ОАЭ начали заливать нефтью мировые рынки.

В январе 1981 года новый президент США и бывший актер ковбойских вестернов республиканец Рональд Рейган (называвший СССР «империей зла»)[1] подписал указ о немедленной ликвидации государственного контроля над рынком нефти в США. Это привело к росту конкуренции и падению цен.

Сами США резко сократили импорт нефти с 46,5% от общего потребления в 1977 году до 28% в 1983–1984 гг.

В 1983 году падение цен на нефть приостановилось из-за сокращения ОПЕК квот на добычу, и в 1984 году ВВП Венесуэлы достиг уже 405,6 миллиарда боливаров. Однако в расчете на душу населения страна начала беднеть. Если в 1981 году ВВП на каждого венесуэльца превысил 5000 долларов, то в 1984 году он снизился до 3450 (т. е. примерно до уровня 1978 года). В США в 1984 года ВВП на душу оставлял 16 332 доллара, в ФРГ — 9036[2]. Правда, на фоне Латинской Америки Венесуэла все еще смотрелась неплохо.

Американцы были полны решимости лишить СССР доходов от экспорта нефти, и к 1986 году мировая цена на нефть упала до 10 долларов за баррель

[1] Правда, во время своего визита в Москву в 1988 году Рейган публично отказался от этих своих слов.
[2] URL: http://kushnirs.org/macroeconomics/gdp/gdp_venezuela.html#t3_2

(21 доллар в ценах 2012 года). Так Венесуэла стала заложником своих «добрых» отношений с США.

Венесуэла при Эррере Кампинсе поступательно сокращала добычу нефти с 2,2 миллиона баррелей в сутки в 1980 году до 1,8 в 1983 году. Из-за американской антисоветской политики экономику Венесуэлы лихорадило, и безработица выросла с 6,5% активного населения в 1980 году до 14,3% — в 1985 году[1]. Валовые инвестиции в экономику упали с 1980 по 1983 г. примерно в 2 раза (с 13,2 до 7,2 миллиарда долларов)[2].

Валовой внутренний продукт страны в 1985 году сократился по сравнению с 1980 годом на 7%, в то время как по Латинской Америке в целом он за тот же период вырос на 4%.

Эррере Кампинсу пришлось срочно занимать деньги за границей для поддержки привычного для государственной бюрократии уровня жизни. Если в 1980 году страна была должна иностранным кредиторам 10.7 миллиардов долларов, то к 1984 году — 18,1 миллиарда (!). Только на выплату процентов по долгам пришлось в 1984 году затратить 1,2 миллиарда долларов (в 1975 году — 435 миллионов)[3].

Страну по-прежнему захлестывала инфляция, и венесуэльские монетаристы заговорили о перегреве экономики (тогда это было модно). На самом деле из-за низкой покупательной способности населения страна просто не могла освоить получаемые от нефти деньги. В то же время все товары широкого потребления по-прежнему приходилось импортировать, а цены на них увеличивались. В этом и была истинная причина резкого и хронического роста цен в Венесуэле. Соответственно, из-за инфляции были высокими проценты по банковским кредитам, что делало невозможным развитие любого производства. Например, один из канадских банков в Венесуэле предлагал размещать депозиты под 21% годовых — невиданная для того времени в мире цифра.

Тогда правительство попыталось бороться с инфляцией административными методами, и на свет был извлечен древний закон, объявлявший все ставки по депозитам и кредитам свыше 12% «неэтичными», а значит, незаконными. Венесуэльские богачи предсказуемо стали активно переводить доллары за границу. В ответ на это управляемый монетаристами центральный банк Венесуэлы девальвировал боливар на 50% (до курса 1 доллар — 4,5 боливара). Эта мера лишь подстегнула инфляцию, так как импортные товары резко подорожали. Население еще активнее стало переводить боливары в доллары и выводить валюту за рубеж. Тогда «сторонники свободного рынка» (как любят называть себя монетаристы всех мастей) не нашли ничего лучшего как 19 февраля 1983 года ввести полный государственный контроль над валютными операциями. Но и здесь результат был весьма предсказуемым — расцвет черного валютного рынка и тотальная коррупция

[1] Латинская Америка в цифрах. М., 1989. С. 26.
[2] Там же. С. 37.
[3] Там же. С. 133.

Дело в том, что теперь в стране было три официальных курса боливара. Один — льготный — предназначался для импорта жизненно необходимых товаров, например, продовольствия. Второй — менее льготный — для импорта всех иных товаров, а третий –свободный — для того импорта, который государство не считало необходимым.

Естественно, что через нужные связи, всякого рода «предприниматели» получали под фиктивные контракты доллары по льготному курсу и просто перепродавали их по более дорогому. Связанные с АД и КОПЕЙ чиновники из ведомства валютного контроля (РЕКАДИ) просто озолотились — ведь именно они решали, кому и по какому курсу обменять валюту.

Кстати за два месяца до введения валютного регулирования из страны утекли 20 миллиардов долларов — чиновники и связанные с ними бизнесмены успели застраховать наворованные деньги.

Всю страну потряс случай, известный как «кладбище коров голштинской породы».

В январе 1985 года президент США Рейган принял программу по стабилизации цен на молоко на внутреннем рынке. Государство решило закупить у частников и забить 150 тысяч молочных коров голштинской породы, чтобы ликвидировать перепроизводство молока. Предприимчивые венесуэльские предприниматели получили у РЕКАДИ доллары по льготному курсу, чтобы купить коров по дешевке, а затем перепродать их с прибылью на внутреннем рынке. Якобы тем самым можно было резко увеличить производство молока в Венесуэле и прекратить его импорт. Коровы были закуплены на 265 миллионов, полученных от РЕКАДИ долларов, но не смогли свыкнуться с жарким венесуэльским климатом и вскоре оказались на свалках или в лучшем случае в кастрюлях.

Венесуэла стала, как смеялась мировая пресса, «самым большим в мире кладбищем домашних животных»[1].

К 1983 году все венесуэльцы поняли, что эра «саудовского благоденствия» подошла к концу.

К этому времени в вооруженных силах Венесуэлы уже существовала революционная подпольная организация, которую возглавлял летчик Уильям Исарра. В 1967 году он был 19-летним пилотом и убежденным антикоммунистом. Но его мировоззрение сильно поколебали допросы, захваченных в плен в 1967 году у Мачурукуто кубинцев. На Исарру произвели глубокое впечатление самоотверженность этих людей и их решимость бескорыстно помогать другим народам Латинской Америки в борьбе за национальное и социальное освобождение.

Исарру, как и позднее Чавеса, возмущала неприкрытая коррупция в армии и госаппарате, прикрывавшаяся болтовней о коммунистической опасности. Уильям сообщил о фактах коррупции своему брату Ричарду и тот в 1970 года

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 79.

написал на этой основе статью для левого журнала «Ревентон». В «демократической» Венесуэле Ричарда немедленно упрятали в тюрьму, и во время посещений брата Исарра познакомился с легендарными революционерами-партизанами 60-х (Тирсо Мелендесом, Уильямом Фахардо и другими), которые теперь входили в Партию венесуэльской революции Дугласа Браво. Именно они и наладили личный контакт Браво и Исарры.

Исарра между тем посещал вечерние курсы по истории в университете Каракаса и в 1977 году получил стипендию для обучения в Гарварде. Учеба в Америке была одним из средств коррумпирования младшего офицерского состава. Власти надеялись, что пребывание в благословенных и богатых Соединенных Штатах вытравит из сознания военных революционные идеи и заменит их навязчивой мыслью о личном благосостоянии. В большинстве случаев этот метод работал безотказно, но с Исаррой произошла осечка. Именно в Гарварде Исарра стал много читать и пришел к выводу о необходимости военно-гражданского восстания против коррумпированной венесуэльской политической системы. В этом взгляды офицера полностью совпали с тактикой Дугласа Браво.

Сам Дуглас Браво ориентировал своих нетерпеливых молодых последователей на 1978 год. Он полагал, что АД не признает победу КОПЕЙ на выборах и выведет на улицы своих сторонников. Именно этим и должна воспользоваться подпольная Партия венесуэльской революции, чтобы превратить митинги протеста в вооруженное восстание против обеих партий пакта Пунто-Фихо. Но выборы прошли, КОПЕЙ победила, но адеки остались дома, наблюдая как их ликующие противники строят на улицах из пивных банок символические гробы для их партии[1].

В конце 70-х годов Исарра пытался активно вербовать молодых офицеров в основанную им подпольную военную организацию АРМА («арма» — по-испански означает «оружие»; аббревиатура от Allianza Revolucionaria de Militares Activos — Революционный альянс военных на действительной службе)[2].

В 1980 году Исарра от имени организации посетил Багдад, где пытался наладить контакты с правящей Партией социалистического возрождения (БААС) и иракским военным командованием на почве совместной антиимпериалистической борьбы.

Исарра составил много диаграмм и графиков на листах бумаги разного цвета (90 на 66 сантиметров), чтобы его идеи революционного военного переворота при поддержке населения выглядели нагляднее (явно помогла учеба в Гарварде). Но большинство коллег только отмахивались от чудака-майора. Чего ему надо? Ведь тот скоро станет полковником и вот тогда заживет по-настоящему и без всякой революции. Вместо бедности народных масс офице-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 37.

[2] Первоначально подпольная организация называлась R-83. То есть революция, которую предполагали осуществить в период выборов 1983 года.

ры, с которыми контактировал Исарра, предпочитали говорить о новых марках автомобилей или о туристических поездках в Европу. Один из полковников Итало дель Валье Алегоро, послушав Исарру, с восторгом заговорил о своем новом доме и мебели. Через пару лет он стал министром обороны — именно на таких офицеров и опиралась коррумпированная система пакта Пунто-Фихо.

Несколько раз на Исарру доносили по команде, но его считали одним из тех фрондеров, которых исправит высокая должность. До поры до времени командование не принимало майора всерьез.

Но летом 1981 года майор Исарра встретился в одном из частных домов своих друзей в Каракасе с лейтенантом Уго Чавесом. Их свел вместе общий друг Луис Рейес Рейес, которого Исарра уже неплохо знал. Чавес в безукоризненно чистой и выглаженной форме (он всегда очень заботился о своем внешнем виде) поначалу произвел на майора впечатление обычного ретивого офицера. Гость держался по-военному скованно и почтительно называл Исарру «мой майор».

С помощью своих диаграмм Исарра развивал перед Чавесом идею о замене коррумпированной системы пакта Пунто-Фихо революционным государством, где власть будет у народа, а не у узкой кучки политиков из АД и КОПЕЙ. Свергнуть систему можно только с помощью военного переворота при участии широких народных масс. Хунта, которая придет к власти, разработает новую конституцию, которую народ утвердит на референдуме. Собственно, тактику Исарры уже применил на практике Бетанкур в октябре 1945 года.

В экономике, говорил Исарра Чавесу, все предприятия будут переданы трудовым коллективам. Военные трибуналы, состоящие из военных и гражданских, вынесут справедливые приговоры коррумпированным политикам и чиновникам. Зависимость от США будет наконец преодолена.

Чавес слушал майора с восторгом и выразил готовность присоединиться к АРМА.

Но Исарра не знал, что Уго Чавес по совету своего брата Адана сам создал военную конспиративную организацию еще в 1977 году — Армию освобождения народа Венесуэлы (Ejército de Liberación del Pueblo de Venezuela, ELPV). Связью между АРМА и Чавесом был офицер Ариас Карденас. Чавес видел цель своей организации в том, чтобы подготовить кадры революционных офицеров и солдат на случай возникновения в Венесуэле чрезвычайной ситуации, например, массовых беспорядков. Тогда армия освобождения должная была выступить на стороне народа и взять власть.

Однако у молодого офицера был и прямой контакт с людьми вокруг Дугласа Браво. В Партии венесуэльской революции (ПРВ) за связь с армией отвечал Нестор Санчес, преподаватель из Мериды, познакомившийся с Уго через его брата Адана Чавеса. Именно Санчес поддерживал контакт между Уго Чавесом и Дугласом Браво. Чавес знал Санчеса по конспиративной кличке «Га-

рольд». Дуглас Браво был для него «Мартином», а сам Чавес носил псевдоним «Хосе Антонио»[1].

С 1982 года Чавес регулярно встречался с лидерами ПРВ в одном из домов каракасского района Гран Коломбиа («Великая Колумбия»; так Симон Боливар когда-то назвал созданную им страну). Первоначально «Мартин» держал «Хосе Антонио» за не очень-то далекого офицера, которого можно использовать в качестве пешки при военном перевороте. Но Браво недооценил Чавеса — тот прекрасно раскусил его линию и не собирался таскать для лидера «дуглизма» каштаны из огня. К тому же Чавес все больше и больше сомневался, что «Мартин» выполнит свое обещание и выведет на улицы тысячи своих сторонников для поддержки прогрессивного военного переворота. Ведь никаких тысяч сторонников у Браво не было и в помине, хотя он старался создать прямо противоположное впечатление.

Чавеса возмущало, что Браво не хотел обсуждать с ним политическую программу будущего революционного правительства. От Чавеса ему были нужны только военно-технические сведения: сколько офицеров и солдат, и когда могут выступить против правительства.

На самом деле к началу 80-х годов Дуглас Браво сильно оторвался от венесуэльской действительности. В стране недоедали дети, росла безработица, люди жили в городских трущобах в нечеловеческих условиях. А Браво, как и «новые левые» в Европе, мудрено теоретизировал насчет экологии, альтернативной энергии и гендерного равенства. Чтобы хотя бы в чем-то выделиться из невообразимой мешанины новых левых идей, ПРВ стала говорить вместо «борьбы масс» о «борьбе толпы». Мол, когда коммунисты говорят о массах, они отрицают индивидуальность, а «толпа» и состоит из отдельных индивидуумов.

Дальше шел уже хорошо известный в Латинской Америке «либертарный анархизм». «Толпа» по лекалам ПРВ должная создавать «новую власть» ежедневно путем локальных акций неповиновения. Браво и его кабинетные умы не заботило то, что конкретные люди могут надолго сесть в тюрьму или просто погибнуть во имя «борьбы толпы».

Чавес прекрасно сознавал все эти слабости ПРВ, но других прочных связей с левым движением у него пока не было. Для того, чтобы заставить Браво говорить с военными на равных и в политических вопросах Чавес решил новую, более мощную создать революционную подпольную офицерскую организацию.

Между тем военная карьера молодого и начитанного офицера складывалась более чем успешно. О его другой жизни командование пока даже не догадывалось. Уго Чавес был отмечен многими наградами (например, «Звездой Карабобо»[2], Крестом сухопутных войск, Орденом Освободителя 5-го класса и др).

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 48.

[2] Учреждена в память о победе войск Боливара над испанцами в битве у Карабобо.

Чавес продолжал играть в бейсбол, посещая игры чемпионата страны. Он участвовал и в турнире в Доминиканской республике 1980 года.

Помимо чтения, поглощавшего основную часть его свободного времени, Чавес занимался скульптурой, создав композицию «Тень войны в Заливе» (посвященную ирано-иракской войне).

В 1978 году Чавес в военной форме встретился с кандидатом на пост президента от МАС Ранхелем. Он как мог, помогал ему в предвыборной компании, добывая материал из Маракая (там Чавес с 1977 года служил на базе ВВС). По законам того времени военнослужащие не имели права участвовать в политической деятельности. Командование узнало о связях Чавеса с МАС и над офицером начали сгущаться тучи.

Но как тогда обычно поступали с молодыми фрондерами, так поступили и с Чавесом. Его перевели в столицу, где он стал спортивным инструктором той же самой академии, которую некогда окончил. Видимо, командование считало, что бейсбол и столичные соблазны отвлекут молодого красивого офицера от сумасбродной политической активности.

Произошло как раз обратное. В Каракасе Чавес и начал с 1982 года активно посещать квартиру двоюродной сестры Нестора Санчеса Элизабет Санчес, где встречался с Дугласом Браво и другими лидерами ПВР.

Для бывших партизан и левых интеллектуалов многое в молодом офицере поначалу поражало. Чавес любил форму, бейсбол, фольклорные песни своих прерий, пафосные стихи, был галантен с дамами. Победа команды его академии (он называл своих воспитанников «кентаврами» — опять отголоски его любимых прерий-льянос) в бейсбольном матче была для офицера верхом счастья, и он охотно делился своими эмоциями на конспиративной явке. Для левых гуру из ПВР все это было несколько провинциально и старомодно.

Но Чавес преображался, когда речь заходила о тяжкой доле подавляющего большинства народа и необходимости сделать для ее облегчения что-нибудь конкретное. Об этом он мог говорить часами.

Жена Чавеса ничего не знала о двойной жизни супруга — блестящего столичного офицера и рискующего жизнью заговорщика. К 1984 году Уго и Нэнси связывали только формальные узы брака.

В апреле 1984 года Уго Чавес познакомился с 32-летней учительницей Эрмой Марксман[1], подругой хозяйки конспиративной явки Элизабет Санчес. Эрма как раз находилась в разводе и вместе со своими двумя детьми искала подходящую квартиру в Каракасе. Она обосновалась в том же доме, что и Элизабет, и так познакомилась с молодым офицером, который частенько захаживал к подруге и ее мужу. Поначалу Эрма думала, что визиты подполковника носят чисто светский характер. На явке был другой вход через гараж, и она не всегда могла видеть входящих и выходящих из дома людей.

[1] Родилась 17 апреля 1949 года в городе Сьюдад-Боливар на востоке Венесуэлы в семье крестьянки и эмигранта из Германии. Ее отец активно работал в профсоюзе металлургов.

Но двойная жизнь Уго вскоре открылась, и политические взгляды молодого офицера оказались во всем созвучны Эрме. Вспыхнуло сильное обоюдное чувство и с конца 1984 года Уго и Эрма дали понять окружающим, что являются парой. Наконец, Уго нашел женщину-соратницу, и его не смущало, что она была почти на пять лет старше. Равно как и ее не отпугивал женатый статус избранника и его трое детей.

В отличие от многих левых Чавес в отношениях с женщинами был, прежде всего, галантным кавалером. Он осыпал любимую цветами и конфетами и никогда не забывал о ее дне рождения. В пропитанной «мачизмом» Венесуэле этот безукоризненно одетый офицер никогда не повышал на женщину голос, а тем более не поднимал руку.

Преклонение Чавеса перед прекрасным полом было отнюдь не показным. Он любил цитировать изречение Боливара: «Женщина значительно превосходит нас (мужчин)… Господь наделил ее великой прозорливостью и чувствительностью и вложил в ее сердце тончайшие нити, очень чувствительные струны, которые воспринимают все благородное и возвышенное. Патриотизм, восхищение, любовь заставляют дрожать эти струны, и он излучают благотворительность, самоотречение и жертвенность»[1].

Сама Эрма, преподававшая историю, много сделала для углубления революционных взглядов Уго, с которым вместе она была почти 10 лет. Все это время Уго Чавес был формально все еще женат на Нэнси Кольманарес, к которой относился очень заботливо.

Между тем попытки Чавеса завербовать для ПВР других офицеров ни к чему не приводили — никто из военных не желал иметь дело с бывшим партизаном-коммунистом Браво. В мозгах венесуэльских офицеров твердо сидела привитая американцами аксиома — любой коммунист (пусть и бывший) — это агент Москвы и Гаваны.

Но Чавес отличался энергичностью, целеустремленностью и настойчивостью в достижении намеченной цели. Он решил создать конспиративную военную организацию, не говоря ничего ее участникам о своей связи с бывшим коммунистами и партизанами. Перед Дугласом Браво он тоже открывал не все карты. Во-первых, Браво и его люди могли разболтать сведения о заговоре в армии среди своих знакомых, которых Чавес не знал. Во-вторых, Браво постоянно был под наблюдением полиции и часто покидал свою квартиру через окно, чтобы сбить с толку «хвост».

17 декабря — день смерти Боливара — отмечался в венесуэльской армии специальной церемонией. Обычно произносилась речь перед строем в память об Освободителе. 17 декабря 1982 года эту честь доверили Уго Чавесу, который слыл у командования фанатичным поклонником Боливара, знавшим многие изречения национального героя наизусть. Сам Чавес писал о себе позднее: «Боли-

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 332.

вар занимал меня днем и ночью. Я устраивал дискуссии, я воспроизводил его мысли, я покупал книги, чтобы дарить их солдатам и офицерам»[1].

Командование попросило Чавеса предварительно представить на одобрение текст речи, но Уго ответил, что всегда произносит экспромты. В своем страстном выступлении Чавес говорил о том, что многие заветы Боливара до сих пор не выполнены, и нельзя успокаиваться пока в Латинской Америке царят нищета и несправедливость.

Майор, отвечавший за церемонию, был взбешен таким бунтарством и подверг Чавеса резкой критике: «Вы что Чавес, хотите стать политиком?» Но за Чавеса вступились его друзья, офицеры-единомышленники. Произошла оживленная словесная перепалка.

Уго Чавес, Фелипе Акоста Карлес, Хесус Урданета и Рауль Бадуэль решили не расходиться. Они оправились к дереву «саман де гуэре» недалеко от казармы Сан-Хасинто в Маракае (там на военной ВВС проходил службу спецназовец и танкист Чавес). Говорили, что под этим деревом любил отдыхать Освободитель. И в этот день четыре офицера под этим деревом почти слово в слово повторили клятву, которую в 1805 году дали Боливар и Симон Родригес на Священном холме в Риме. Только теперь офицеры клялись бороться не против испанского владычества, а против «власть предержащих, угнетателей».

Так 17 декабря 1982 года родилась новая организация офицеров-революционеров под названием Революционная боливарианская армия — 200 (испанская аббревиатура ЭБР-200; Ejercito Bolivariano Revolucionario, EBR-200). Цифра 200 означала 200-летие со дня рождения Симона Боливара.

Идейную основу для нового революционного движения военных разработала группа Дугласа Браво. Браво понимал, что воспитанных американцами в духе жесткого антикоммунизма венесуэльских офицеров нельзя увлечь идеями, где фигурировали бы опасные иностранцы типа Маркса, Ленина или Троцкого. Тем более офицеры ничего не понимали в хитросплетениях различных идейно-теоретических расколов в среде венесуэльских левых. Да в этом путались и сами левые теоретики.

Поэтому для ЭБР-200 была предложена сугубо отечественная революционная концепция — «дерево с тремя корнями». Тремя корнями дерева (т. е. революции) были не идеи, а исторические личности, «отвечавшие» за ту или иную строну революционной идеологии.

Первый «корень» — Симон Боливар — символизировал единение латиноамериканских народов, а значит и борьбу против внешнего империализма. Было известно, что Боливар считал главной угрозой латиноамериканскому братству США.

Второй «корень» — учитель Боливара Симон Родригес — олицетворял самобытность латиноамериканской идеологии. Прожив много лет в Европе, Родригес бы критически настроен ко многим сторонам тогдашней действительно-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 53.

сти Старого Света. Его крылатой фразой была следующая: «Либо мы выдумаем (что-нибудь свое), либо мы погибнем!»

Третьим столпом был генерал времен Федеральной войны, непримиримый борец против олигархии Эзекиль Самора. Он символизировал вооруженное революционное движение и связь армии с народом. Самора даже носил военное кепи поверх крестьянской соломенной шляпы. Он раздавал крестьянам отобранных у помещиков коров и сжигал в городах архивы, в которых бы занесены права латифундистов на землю.

Таким образом, Чавес собирал в ЭБР-200 офицеров самых различных политических взглядов — всех, кто ненавидел правивший слой коррумпированных политиков и хотел справедливости в той или иной форме. Фигуры Боливара, Родригеса и Саморы не могли никого оттолкнуть — тем более, что всех этих людей на словах почитали и официальные власти.

Сама логическая схема «корни-дерево» помогала Чавесу объяснять различные противоречия в мировоззрении Боливара. Ведь было известно, например, что Освободитель предлагал наделять избирательным правом только имущих людей. Это плохо согласовывалось с демократизмом того же Саморы. Но Чавес отвечал, что на то оно и дерево, чтобы вырастать выше корней, т. е. идеи предков надо развивать и совершенствовать.

К тому же три корня — не единственные. Дерево венесуэльской революции может питаться и марксизмом, и либерализмом, христианством и феминизмом. Ведь говорил же Родригес, что надо изобретать свою, латиноамериканскую самобытную идеологию на базе всего того, что уже дала человеческая мысль.

В отличие от левых дискуссионных кружков, отличавшихся разгильдяйством, многословием и малой практической отдачей, ЭБР-200 была построена как настоящая армия. Каждый вступавший в организацию приносил формальную присягу и обязывался беспрекословно повиноваться своим новым командирам.

Между тем на фоне стремительно ухудшавшегося экономического положения Венесуэлы продолжала крутиться рулетка выборов пакта Пунто-Фихо, где одни коррумпированные политики из КОПЕЙ уступали место другим не менее коррумпированным из АД, и наоборот.

4 декабря 1983 года кандидат в президенты от АД Хайме Лусинчи[1] набрал 58% (3 775 341 голос) — народ был недоволен ухудшением жизни при социал-христианах, хотя виновато было продолжающееся снижение мировых

[1] Родился в 1924 году. Фамилия досталась от матери, которая была итальянского происхождения. Лусинчи рос без отца, который, по всей вероятности, был иммигрантом из Италии. Хайме Лусинчи был одним из основателей АД вместе с Бетанкуром, активно работал в студенческом движении. После переворота 1948 года действовал в подполье, был организатором общенациональной забастовки нефтяников 1950 года. В 1952 году был арестован, затем жил в эмиграции в США, Аргентине и Чили. В Сантьяго получил образование врача-педиатра, был знаком с другим известным чилийским врачом и политиком — Сальвадором Альенде. После 1958 года был депутатом конгресса и отвечал в национальном руководстве АД за внешнюю политику. В 1977 году хотел выдвинуться на пост президента, но потерпел поражение во внутрипартийной борьбе. В 1981 году был избран генеральным секретарем АД.

цен на нефть. На этот раз за адека выступил и УРД. Кандидат КОПЕЙ, бессменный Рафаэль Кальдера, набрал 33,5% (2 166 467 голосов). Теодоро Петков от блока МАС и МИР пришел уже как обычно третьим — 223 194 голоса (3,5%). Кандидат от Избирательного движения народа, КПВ и ряда других мелких левых партий Ранхель (тоже постоянный участник предвыборных гонок) набрал 221 198 голосов.

АД заручилась абсолютным большинством в конгрессе (113 из 200 мандатов нижней палаты и 28 из 44 — в сенате). У КОПЕЙ было соответственно 60 и 14 кресел, у МАС — 10 и 2, у КПВ — 3 и 0.

Казалось, что монополии АД-КОПЕЙ на власть уже ничто не может угрожать.

Главной проблемой, с которой столкнулся Лусинчи во время предвыборной компании, была тема его секретарши и любовницы Бланки Ибаньес (при законной жене), но это не помешало триумфу.

Кандидат АД победил потому, что сильно обнищавшие в результате падения цен на нефть венесуэльцы инстинктивно тянулись к благословенным старым добрым временам «саудовской Венесуэлы», связанным в сознании многих с президентством адека Переса (1973–1978 гг.). Правда, тревожным для сторонников пакта Пунто-Фихо фактом было то, что на выборы в обычно очень активной Венесуэле не пришли 12% избирателей. Народу стала надоедать смена караула без смены политики.

Особенно уповали на социал-демократическую АД (партия входила в Социалистический интернационал) государственные служащие, зависевшие от зарплаты. Ведь адеки позиционировали себя как партия рабочих и служащих. И действительно их опорой были коррумпированные профсоюзы и непомерно раздутый во времена «саудовской Венесуэлы» госаппарат. Если в 1973 году в Венесуэле было 300 тысяч госслужащих, то в 1978 году — уже 700 тысяч, в 1983 году — 1,3 миллиона (!)[1].

Теперь в обмен на свои голоса госслужащие и члены профсоюзов ждали от Лусинчи роста заработной платы или, по крайней мере, ее индексации в соответствии с галопировавшей инфляцией.

Но Лусинчи был отнюдь не волшебником — они ничего не мог поделать с американской антисоветской политикой, основой которой была именно дешевая нефть. Для успокоения электората правительство АД с каждым годом все глубже и глубже залезало в долговую яму иностранных кредиторов. Цены на продукты удавалось сдерживать на относительно низком уровне только потому, что курс боливара к доллару на закупку этих товаров субсидировался правительством. Но для этого субсидирования нужны были именно доллары, а их все больше и больше недоставало.

При этом Лусинчи ввел контроль над ценами и повысил госрасходы. Расцвел черный рынок, на который из «официальной» торговли стали попадать

[1] История Латинской Америки. Вторая половина XX века. С. 334.

дешевые товары, становившиеся у частных торговцев дорогими. Другие, более дальновидные торговцы стали припрятывать товары, понимая, что скоро грядет девальвация боливара и резкое подорожание.

В 1983 году ВВП страны сократился на 5%, в 1984 году — еще на 1,5%. На следующий год рост был нулевым, зато в 1986 году вроде бы все выглядело неплохо — +6,6%. Но ВВП рос в основном за счет роста цен.

В 1984 году внешний долг страны составил 18 миллиардов долларов, в 1986 году — уже 24,5 миллиарда[1]. Только на выплату процентов в 1986 году пришлось потратить 5,1 миллиарда долларов. А ведь в тот год баррель нефти стоил всего 10 долларов. В 1987 году на обслуживание внешнего долга израсходовали еще 4,8 миллиарда, в 1988 году — 5,5 миллиардов. Долго так продолжаться уже не могло.

Коррупция продолжала процветать и народ во многом винил в этом все ту же Бланку Ибаньес[2], на которой после развода с супругой женился президент. Мол, молодая пассия главы государства раздает от имени мужа привилегии и выгодные местечки. В 1986 году президент дошел до того, что назвал именем своей возлюбленной площадь в одном из районов Каракаса.

К 1988 году Венесуэла вплотную подошла к грани полного государственного банкротства. В 1984 году из страны убежало за рубеж 4,7 миллиарда долларов (чистый отток капитала), в 1985 году — еще 1,5. Дефицит госбюджета 1988 году достиг 9,9% ВВП, а золотовалютные резервы почти иссякли. Но президент Венесуэлы был почему-то убежден, что скоро цены на нефть снова начнут расти.

Лусинчи пытался сбить недовольство населения пактом Пунто-Фихо с помощью широко заявленной демократизации государственного аппарата (для реформы которого была создана специальная комиссия). Комиссия предложила прямые выборы мэров и губернаторов штатов. Но эту реформу заблокировали депутаты самой же президентской партии в конгрессе. Президент АД, антикоммунист Барриос публично заявил, что Венесуэла еще не созрела до такой демократии. Позиция АД была более чем ясной — при выборах партия лишалась возможности назначать на доходные места в госаппарате нужный ей людей. В результате парламент даже не стал обсуждать предложенные реформы[3].

А терпение «незрелого» народа между тем иссякало. В 1984 году полиция зарегистрировала 1760 «подрывных актов» (так называли любые проявления недовольства правящим режимом), в 1986 году — 2549, в 1987 году — 2489, в 1988 году — 2415[4].

---

[1] Латинская Америка в цифрах. С. 131.

[2] Родилась в 1947 году, выучилась на секретаря и работала во фракции АД в конгрессе, которую тогда возглавлял Лусинчи. В 1998 году ее судили за коррупцию, но оправдали.

[3] URL: http://www.iadb.org/res/laresnetwork/files/pr231finaldraft.pdf

[4] Mainwaring S., Bejarano A. M., Leongâomez E. P. The crisis of democratic representation in the Andes. Stanford University Press, 2006. P. 51.

Режим «социал-демократической» АД продолжал с помощью армии репрессии против мирного населения. Предлогом были обычно связи с партизанами — своими или колумбийскими.

Например, 8 мая 1986 года политической полицией ДИСИП были убиты 9 гражданских активистов в штате Яраукай. Их голословно обвинили в контактах с партизанами. Полицейские утверждали, что их жертвы напали на них из леса, хотя никакого леса в той местности никогда не было. Убийц осудили только в 2011 году при правительстве Уго Чавеса.

29 октября 1988 года венесуэльский спецназ убил в местечке Ампаро недалеко от границы с Колумбией в штате Апуро 14 рыбаков. Военных судили… сами же военные и естественно, никакой вины не обнаружили. Мол, рыбаки сами напали на спецназ и тот лишь оборонялся. Якобы бой шел целых 20 минут. На самом деле возле трупов несчастных рыбаков были подложены автоматы и гранаты. Вскрытие одного «партизана» показало, что его убили в упор в грудь и размозжили череп ударами прикладов. Лицо потом обезобразили кислотой, чтобы затруднить опознание. Правительство на это убийство ни в чем не повинных людей никак не отреагировало.

В 1993 году комиссия ОАГ по правам человека, расследовав инцидент, полностью подтвердила невиновность рыбаков и рекомендовала венесуэльскому правительству наказать участников и организаторов расправы.

Политическая полиция Венесуэлы тоже не сидела без дела. В октябре 1982 года было заведено уголовное дело против Уильяма Исарры, которого подозревали в «марксистко-ленинском заговоре внутри вооруженных сил»[1]. Однако ничего доказать не удалось и в июле 1983 года военный трибунал прекратил дело. Однако командование свои выводы сделало — Исарра был лишен командной должности, а члены АРМА были рассредоточены по отдаленным гарнизонам.

В этих условиях Исарра решил заручиться поддержкой за границей. В 1984 году он через Лондон, Франкфурт, Прагу и Торонто тайно приехал в Гавану. Кубинцы выдали ему дипломатический паспорт, чтобы в его обычном паспорте не было отметок о пересечении «подозрительных» границ. В 1983 и 1984 годах Исарра был в Ливии, где его особенно поразили женщины на военной службе. В глазах венесуэльца это было символом реального равноправия полов. Исарру принимал лично глава Ливии Каддафи.

Но все внимание Кубы и СССР в тот момент было занято Никарагуа, где США пытались с помощью обученных и вооруженных ЦРУ мятежников-«контрас» свергнуть сандинистское революционное правительство. Что касается Ливии, то американцы объявили полковника Каддафи международным террористом и нанесли 15 апреля 1986 года авиаудар с целью просто уничтожить главу суверенного государства. Вопросы правомерности этих агрессивных действий США не интересовали.

---

[1] Twickel Ch., Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 59.

Оставшись без поддержки и в условиях неусыпной слежки полиции за подозрительными офицерами, АРМА начала разваливаться. Офицер по имени Рамон Гильермо Сантелис Руис, который должен был поддерживать контакт между группой Чавеса и АРМА, решил отойти от заговора и посвятил себя карьере. К 1992 году он был уже генералом.

Сам Исарра за три месяца до присвоения ему звания подполковника подал в отставку с военной службы.

Чавес между тем использовал свои позиции спортивного инструктора Военной академии для привлечения к ЭБР-200 курсантов академии. На его курсе (где Чавес был наставником) к моменту выпуска в тайной организации состояло как минимум 33 человека из 133. Курсанты боготворили своего учителя — молодого, начитанного офицера, писавшего стихи и не задиравшего нос по отношению к подчиненным. Поэма Чавеса «Гений и кентавр» принесла ему 3-е место в конкурсе, объявленном в 1987 году Национальным историческим театром.

Посвятил Чавес и весьма показательные стихи своему любимому курсу «Кентавры», который выпускался в 1985 году:

Кентавры уходят
И мое сердце сжимается от грусти,
Но это не важно,
Семена дадут плоды,
И всходы взойдут по всей Венесуэле[1].
Что ж, яснее и точнее не скажешь.

Чавес продолжал контакты с партией «Дело Р», которую после смерти в 1982 году ее лидера Манейро возглавил Пабло Медина. Медина вспоминал, что Чавес был вежлив, любил пошутить, но на встречах больше слушал, чем говорил. Не прерывал Уго и конспиративные встречи с ПВР.

Его познакомили и с кандидатом МАС на президентских выборах 1983 года Теодоро Петковым[2]. Правда, позднее Петков утверждал, что впервые увидел Чавеса по телевизору в феврале 1992 года как лидера неудавшейся попытки военного переворота.

После отхода в тень Исарры Адан Чавес предложил Дугласу Браво, чтобы его брат Уго стал главным контактом ПВР в вооруженных силах. Браво согласился — собственно никаких других связей в армии у него не было.

Между тем Чавеса, который считался уже слишком самостоятельным в мыслях офицером, в 1985 году перевели из столичного Каракаса в захолустный городок Элорса на колумбийской границе (12 часов езды на рейсовом автобусе к югу от родного Чавесу Баринаса). Там он стал командиром мотоциклетного (формально по названию «кавалерийского») подразделения. Видимо командование считало, что подозрительного лейтенанта лучше держать подальше от

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 61.
[2] Ibid. S. 60.

танков и самолетов. Но вдали от бдительного ока политической полиции ДИСИП Чавес развил еще более энергичную деятельность. Днями и ночами он мотался по другим частям и гарнизонам, поддерживая связь между членами ЭБР-200. В свободное время он по-прежнему наведывался в Каракас и на главную базу ВВС в город Маракай в двух часах езды от столицы (там у Чавеса была служебная квартира).

Свое пребывание в Элорсе Чавес вспоминал не только как «спокойную жизнь» (в смысле службы) но и как время, когда окончательно сформировалось его отношение ко всему тому, что происходило на его родине. В этой глуши Чавес впервые близко столкнулся с коренными жителями страны — индейцами над которыми издевалось и которых презирало все белое население. Но молодой офицер охотно разговаривал с коренными венесуэльцами, относившимися к нему с доверием — ведь никто до этого не снисходил до разговора с ними на равных. Жители же Элорсы, видя Чавеса в окружении индейцев, презрительно зубоскалили: «Вот идут 10 индейцев, а с ними один, кто способен думать!».

Благодаря энергичной подпольной работе Чавеса ЭБР-200 так разрослась, что возникла явная угроза провала. В армии глухо заговорили о таинственной организации «комакате» (сокращение от испанских слов **ко**манданте[1], **ма**йор, **ка**питано и **те**ньенте — лейтенант), революционном подполье младших и средних офицеров.

Ради сохранения всего дела зимой 1985–1986 гг. было решено временно прекратить вербовку новых членов ЭБР-200.

11–12 марта 1986 года в Сан-Кристобале состоялось совещание руководства ЭБР-200 для определения дальнейшей тактики борьбы. Чавес предлагал начать немедленную диверсионно-партизанскую работу, например, взрывать мосты и линии электропередач. Тем самым в стране создавалась бы нервозная обстановка, подталкивавшая население к акциям протеста. В свою очередь, эти акции могли бы стать предлогом для военного переворота, поддержанного забастовками и демонстрациями дружественных левых партий.

Но большинство офицеров (самых разных политических взглядов) не хотели действовать в стиле коммунистических партизан 60-х годов. Победила точка зрения офицера-артиллериста Франсиско Ариаса Карденаса (попавшего в ЭБР-2000 из АРМА). Ариас считал, что надо копить силы, выжидать, а при подходящем моменте быстро взять власть. Главное же — добиваться назначения членов ЭБР-200 на командные посты в ключевых воинских частях. А для этого нужно время. Любая же активность может лишь раньше времени навести на след организации ищеек из политической полиции ДИСИП.

Было решено наметить переворот на середину следующего президентского срока, который начинался в 1988 году. Традиционно популярность любого президента была самой низкой именно в середине правления — ближе к его

[1] Команданте — примерно подполковник. Смысл звания был в том, что его обладатель получал право самостоятельного командования над отдельной крупной воинской частью.

концу хозяин президентского дворца в Мирафлорес обычно пытался задобрить электорат различными социальными подачками.

Эта теория промежуточного времени называлась «правилом чинчорро» (гамака). Мол, в самом низком положении гамак при раскачивании находится именно посередине своей траектории.

К 1986 году времени Чавеса и Ариаса считали признанными лидерами ЭБР-200.

Но Чавесу претило любое бездействие. Чтобы проверить лояльность своей части он приехал на встречу в Сан-Кристобаль не один, а во главе вверенного ему подразделения. 300-километровый поход был замаскирован под маневры и все это не вызвало подозрений. Это было хорошим предзнаменованием на случай переворота.

Однако Чавес не успокоился. Он приказал своим солдатам исполнять во время утренней поверки гимн генерала Саморы «Дрожите, олигархи! Да здравствует свобода!»[1] Самора был официально признанным в вооруженных силах положительным героем и на эту самодеятельность тоже не обратили внимания.

25 июня 1986 года фотография Чавеса впервые появилась в национальной прессе. В честь 165-летнего юбилея битвы при Карабобо Чавес нарядил своих солдат в форму республиканской армии начала XIX века и под знаменами Паэса (белый череп на черном фоне) отправился боевым походом к месту сражения. В каждом поселении молодой офицер созывал митинг, возлагал венок к могиле Боливара и держал страстную речь об актуальном как никогда идейном наследии Освободителя. Газеты и запечатлели солдат Чавеса во главе с командиром на месте исторического сражения времен войны за независимость.

В июле 1986 года Чавесу было присвоено звание майора, но этот чин едва не оказался последним в военной карьере будущего президента Венесуэлы. Кто-то донес командованию, что именно Чавес является главой подпольной революционной организации ЭБР-200. Уго спас случай. Член подполья и референт военного министра случайно просмотрел бумаги, которые он на машине вез от шефа в президентский дворец. Это был список подозреваемых, в котором Чавес занимал самое первое место.

Получив сигнал опасности, Чавес и Эрма Марксман в два часа ночи отвезли на берег моря ящик со всеми компрометирующими документами и сожгли бумаги. После этого Чавес немедленно выехал в Баринас, чтобы предупредить там офицера-единомышленника. Уже в районе полудня Уго прибыл в Элорсу и успел и там уничтожить все улики. После этого полиция обыскивала его офис два дня, перевернула все вверх дном, но ничего не нашла.

Смертельная угроза научила «комакатес» быть более осторожными. Встречи отныне продолжались не более часа и проходили в местах, не вызывавших подозрения, например, на пляжах.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 63.

Сентябрьский донос в 1986 году оказался не единственным — последовало еще два.

Командование ограничилось тем, что, как и в случае с АРМА, рассредоточило подозрительных офицеров по разным гарнизонам. Чавеса в насмешку над его политическими амбициями назначили руководителем «гражданско-военного центра по развитию пограничного региона Араука-Мета». За пышным титулом скрывалось несколько непрезентабельных бараков рядом с колумбийской границей. Денег на «развитие» этого нищего района никто выделять и не собирался.

Тем не менее Чавес пытался со своими солдатами помогать мирному населению. Он устраивал инсценировки исторических событий и любимые всеми венесуэльцами конкурсы красоты. Авторитет Чавеса рос еще и потому, что он был патроном всех местных праздников в честь различных святых.

Генералы сочли ЭБР-200 обычным фрондерством недовольных своими скромными званиями младших офицеров. Кто из венесуэльских капитанов или майоров не ругал правительство на встречах с друзьями! Но оппозиционный пыл обычно проходил по мере продвижения по служебной лестнице. Получалось, что чем скорее оппозиционеры станут полковниками, тем лучше.

Таким образом, Чавесу доносы даже помогли. Талантливого офицера решили повысить в должности и в 1988 году перевели в Каракас на пост референта секретаря Национального совета безопасности и обороны. Отныне Чавес участвовал в заседаниях высшего органа военного руководства в президентском дворце Мирафлорес.

В августе 1987 года едва не стряслась война с историческим противником — Колумбией, после того как колумбийский корвет нарушил морскую границу Венесуэлы (обе соседние страны никак не могли договориться о демаркации границы на море, и колумбийцы считали спорные воды своими).

Лусинчи объявил невиданную в истории страны мобилизацию вооруженных сил и резервистов, и на колумбийскую границу было переброшено 100 тысяч военнослужащих с танками и артиллерией. Колумбийские корабли на бреющем полете облетали только что закупленные у США современные венесуэльские истребители Ф-16, ожидая приказа атаковать. Колумбийцы также объявили мобилизацию и отправили в море подводную лодку.

17 августа 1987 года президент Венесуэлы отдал приказ потопить два колумбийских корабля, находившихся в спорном районе. Война казалась неизбежной.

Но американцев все это не устраивало, так как колумбийскую армию держали наготове для войны против революционной Никарагуа. Тем более что через зону конфликта американцы получали морским путем венесуэльскую нефть. Поэтому генеральный секретарь ОАГ срочно попросил президента Аргентина Альфонсина выступить посредником между Боготой и Каракасом. А колумбийцы по приказу США отозвали свои корабли из спорной зоны.

Между тем работа в рамках ЭБР-200 продолжалась, хотя Ариас Карденас не доверял левым гражданским партнерам военных. И Чавес, и Ариас хотели начать военный переворот, а затем раздать оружие гражданским активистам, которые помогут военным сломить сопротивление верных правительству частей. При таком сценарии у левых партий была подчиненная роль.

Но Пабло Медина и его «Дело Р» (у которого действительно была определенная поддержка в массах) мыслил все дело совсем по-иному. Сначала он хотел с помощью демонстрация и забастовок измотать правительство. Военным отводилась функция завершающего удара. При таком раскладе ЭБР-200 явно оказывалась на вторых ролях.

В 1988 году подозрительного Чавеса отправили подальше от предвыборного Каракаса — в Гватемалу[1], где он учился на шестимесячных курсах при местном генштабе. Помимо венесуэльца в курсах участвовали военные из США, Сальвадора, Мексики и Гондураса. Чавес поражал своих сокурсников обширными знаниями и простым, дружеским характером. После получения известия о смерти Уго Чавеса его бывший гватемальский преподаватель-офицер не смог сдержать слез.

Когда Чавес вернулся на родину в октябре 1988 года, избирательная гонка была уже в полном разгаре.

По мере приближения выборов 1988 года Венесуэлу как обычно сотрясали коррупционные скандалы, связанные в основном с махинациями партий Пунто-Фихо вокруг валютного курса. Например, на полученные от РЕКАДИ льготные доллары было закуплено 65 ретроавтомобилей для предвыборной компании АД. В стране регистрировались тысячи несуществующих предприятий, получавших через чиновников валюту по преференциальному курсу.

Население с ужасом узнавало, что золотовалютные резервы практически исчерпаны, а кредиты за границей взяты на короткий срок и по ним скоро придется платить. В 1980-е годы ВВП на душу населения в Венесуэле упал более чем на 20%, а уровень бедности повысился с 17% до 60%.

На этом фоне тревожных ожиданий АД выдвинуло своим кандидатом в президенты все того же Карлоса Андреса Переса, который же был главой государства в 1973–1978 гг. Население ассоциировало с ним воспоминания о сладостных временах «саудовской Венесуэлы» (для этого и понадобились ретроавтомобили).

Слоган Переса был очень прост — «Президент»: намек на его предыдущее пребывание у власти.

Не удивительно, что выборах 4 декабря 1988 года Перес набрал 52,9% голосов, его конкурент-партнер из КОПЕЙ Эдуардо Фернандес[2] — 40,4%. Казалось, что никакого износа пакту Пунто-Фихо нет и не будет. Партнеры по коррупционному соглашению — АД и КОПЕЙ — опять получили на двоих более 90% всех

---

[1] Там у власти была проамериканская военная диктатура, зверски истреблявшая собственное индейское население под предлогом борьбы с левыми партизанами.

[2] Генеральный секретарь КОПЕЙ. Против его кандидатуры выступал фактический лидер социал-христиан Кальдера.

поданных голосов. Уже свыкшийся со своей ролью вечного третьего Теодоро Петков (коалиция МАС и МИР) набрал 2,7%, коммунисты — 0,8%.

В нижней палате конгресса у АД стало 97 мест из 200 (в сенате — 22 из 46), у КОПЕЙ — 67 (20), у МАС — 18 (3), у КПВ — 1. Адеки потеряли несколько мандатов, но их «подобрала» КОПЕЙ.

Сразу после вступления в должность Перес обратился к МВФ за помощью в обслуживании громадного внешнего долга. Рецепт МВФ был прост — курс боливара должен стать свободным, а социальные расходы сильно урезаны. Всякий контроль над ценами подлежал отмене. Госсектор следовало передать в частные руки. В обмен фонд предлагал кредит размером в 4,5 миллиарда долларов.

Перес прекрасно понимал, что в условиях Венесуэлы, когда почти все товары народного потребления импортировались, «освобождение» курса боливара к доллару означало бы многократное повышение цен, прежде всего, на продукты. Ведь в 1988 году пшеницу, например, импортировали по курсу 7,5 боливара за доллар, что означало субсидирование цен на этот важнейший продукт питания.

Во время предвыборной компании Перес называл МВФ «нейтронной бомбой, убивающей невинных людей, но оставляющей в неприкосновенности здания» и клялся, что никогда не пойдет на его условия. МБРР Перес окрестил «инструментом геноцида трудящихся на службе экономического тоталитаризма». Но принципиальность и честность никогда не были отличительной стороной АД или КОПЕЙ.

На фоне бедственного экономического положения страны Перес провел столь пышную церемонию своей инаугурации, что в народе ее назвали «коронацией»

23 января 1989 года Перес был вынужден объявить о прекращении обслуживания внешнего долга — страна с крупнейшими запасами нефти оказалась банкротом. Новый президент согласился с условиями МВФ и 26 февраля 1989 года президент Национального банка Венесуэлы вылетел в Вашингтон для подписания соответствующего оглашения.

Торговцы начали придерживать товары в ожидании грядущего подорожания, а люди пытались в отчаянии сделать запасы на будущее.

В понедельник 27 февраля 1989 года в Каракасе началось восстание, получившее название «каракасо» — крупнейший спонтанный социальный взрыв в Латинской Америке в XX веке.

В этот день в 6 часов утра студенты политехнического университета заняли автобусную станцию Нуэво Сирко («Новый цирк»), через которую в центр столицы попадали на работу все жители «спальных районов». Студенты требовали от водителей автобусов не повышать плату за проезд более чем на 30% — ведь именно об этой максимальной цифре подорожания сообщили накануне газеты. Но водители, сославшись на указание своего профсоюза, объяснили, что повышение цен на бензин на выходных заставляет их взвинчивать цены гораздо выше. На помощь студентам пришли прохожие и лоточники.

Полиции было приказано не вмешиваться до тех пор, пока протест носит мирный характер. Некоторые полицейские даже открыто выражали протестующим свои симпатии: «Нас это все тоже затрагивает!»

В одном из предместий Каракаса — Гуаренас — протестующие стали поджигать автобусы. Полетели вдребезги первые витрины магазинов, куда врывались люди, унося все, что подвернется под руку. Негодующие каракасцы видели на складах магазинов все те товары, которых уже давно было не видно на прилавках.

Между тем толпа демонстрантов от автобусной станции направилась к центру города, постоянно увеличиваясь в размерах. Рядом с бюстом Боливара стали быстро расти баррикады. Студенты центрального университета попытались заблокировать дорожное движение на главной развязке Каракаса — Площади Венесуэлы. Был заблокирован и городской автобан — демонстранты заставляли водителей фур разгружать перевозимое продовольствие.

Протест возник стихийно и застал врасплох все оппозиционные партии и группы.

После 15.00 полиция вмешалась и разблокировала автобан. Но как только полицейские ушли, блокада возобновилась. «Кавалерией» протестующих были курьеры на мотоциклах («мотос»), которые быстро перемещались по городу, передавая новости и устраивая новые баррикады.

Демонстранты собирались на площади перед Центральным парком рядом с многоэтажным офисным центром. «Офисный планктон», среди которого было много приверженцев правящей партии, стал бросать в «чернь» из окон разные предметы. Полиция начала стрельбу по толпе и одной из первых пуль была убита одна из студенческих лидеров Юлимар Рейес.

С наступлением темноты грабежи и поджоги распространились на каракасские трущобы и спальные районы. Но президент Перес считал, что в все уляжется само собой и не придавал событиям в Каракасе особого значения.

А между тем в столице происходил социально-тектонический катаклизм. «Холмы» (именно на их склонах жили обитатели трущоб) спускались в долину. Народ грабил все магазины и лавки. Люди даже образовывали живые цепи, поднимавшие захваченное добро на вершины холмов: то есть заботились они не только о себе, а обо всех жителях своего района.

Особенно доставалось магазинчикам иммигрантов — китайцев и арабов и на этом основании позднее протестующих обвиняли в расизме. Конечно, расовые предрассудки городских люмпенов отрицать нельзя, но главной причиной такой избирательности было то, что полиция охраняла крупные супермаркеты (их хозяева были тесно связаны с власть предержащими) и стреляла на поражение. Китайцев же властям было не жалко: местный бизнес лишь избавлялся от конкурентов.

Всего только в Каракасе и его окрестностях пострадали 900 лавок, 131 продовольственный магазин, 75 канцелярских торговых точек и 60 супермаркетов.

Ночью на слонах холмов трущобах горели костры, на которых жарились говяжьи полутуши. Победу обмывали добытым виски, шампанским и ромом. Из

захваченной аппаратуры гремели национальные песни — сальса и меренге. Женщины примеряли новые туфли и платья. Народ менялся друг с другом: излишки муки на излишки риса и т. д.[1]

28 февраля 1989 года протесты охватили и другие венесуэльские города. В столице гнев народа вовсю использовала организованная преступность. Вооруженные банды подъезжали на грузовиках прямо к магазинам и выносили все, что могли. Где-то полиция стреляла, а где-то просто пыталась ввести грабеж в цивилизованное русло: полицейские вежливо предлагали не быть эгоистами и не брать больше 10 банок сардин в одни руки. В ряде случаев и сами полицейские охотно «отоваривались» вместе с остальными.

Перес приказал с максимальной жестокостью подавить беспорядки, и в Каракас вошли части Национальной гвардии — 9 батальонов молодых призывников из отдаленных сельских районов. Солдаты боялись большого и чужого города, а город боялся их страха.

В полдень 28 февраля на экранах телевизоров возник министр обороны Итало дель Валье Алиегри (которого когда-то Исарра пытался завербовать в АРМА). Министр пытался воззвать к людям, но прямо в прямом эфире его сразил гипертонический криз и со словами «Я больше не могу…» генерал исчез с телеэкранов. Он смог прочесть свое заявление только через два часа.

Примерно в 18.00 на всех каналах телевидения появился президент Перес со всем своим правительством. Он подтвердил незыблемость соглашения с МВФ и провозгласил в стране осадное положение и ночной комендантский час. Но многие венесуэльцы, особенно в трущобах, и не ведали, что такое комендантский час. Некоторые думали, что в это время просто надо быстрее ходить. Другие полагали, что при встрече с военными надо поднимать руки. Далеко не все знали, что выходить из дома вообще запрещено.

С наступлением темноты армия и Национальная гвардия начали расправляться с протестующими не только жестоко, но и зверски, не делая никакой разницы между правыми и виноватыми. Солдаты просто стреляли во все, что движется. В трущобах им пытались отвечать припрятанным оружием местные «авторитеты» и их боевики. Это еще только раззадорило охотничий азарт военных. Они стреляли прямо через символические стены хибар, убивая всех, кто там находился. У убитых изымали документы, чтобы затруднить опознание.

Особенно досталось каракасскому «кварталу 23 января»[2]. Там были сильны левые настроения, и армия всегда подозревала местных жителей в симпатиях к партизанам. Теперь можно было свести старые счеты. Больницы мигом оказались переполненными ранеными с выстрелами в грудь и голову. Расстреливали всех, у кого в доме находили новую бытовую технику. Солдаты гордо позировали с отбитым имуществом.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 7.4

[2] Был назван так в честь 23 января 1958 года, когда жители квартала приняли активное участие в свержении диктатуры Переса Хименеса.

В районе Ла-Вега отряды спецназа напали на местную оппозиционную газету «Ла-Вега дисе». Было арестовано даже пять иезуитов. 16 захваченных студенческих лидеров жестоко пытали электротоком целую ночь.

Позднее зверскую расправу над мирными жителями военные объясняли как обычно вооруженным сопротивлением левой наркомафии. Министр обороны в ответ на многочисленные обвинения в садизме отвечал, что венесуэльская армия демократична и не допускает репрессий.

Правительство сообщило о 277 жертвах «каракасо» и этим цифрам сразу же никто не поверил. Только в одном квартале Белло Монте было зафиксировано 322 убитых. Правозащитники говорили как минимум о тысяче жертв насилия военных и полиции. Есть сведения и о 3 тысячах убитых.

Армия, которую население стало ненавидеть, оправдывались: мол, убивали переодетые в военную форму террористы, а сами военные ответственны за смерть всего семерых человек. Никто этому не верил. Но и среди офицеров и генералов в свою очередь росла ненависть к Пересу — военное командование не могло сказать людям, что приказ стрелять на поражение отдал лично глава государства — большой «демократ» и вице-президент Социалистического интернационала.

В 1999 году Межамериканский суд по правам человека признал правительство Венесуэлы виновным в массовых нарушениях прав человека, включая убийства без суда. В 2002 году суд обязал Венесуэлу выплатить компенсацию родственникам 44 пострадавших. Правительство Чавеса сделало это.

Мировая общественность проигнорировала бойню в Каракасе — ведь это было восстание против МВФ, а США и мировая либеральная пресса считали фонд непогрешимым. Зато, когда 4 июня 1989 года произошли массовые беспорядки в центре Пекина, тоже жестко подавленные армией, Запад немедленно объявил против КНР экономические санкции. Видимо, права китайцев были Вашингтону куда дороже, чем права венесуэльцев.

Чавес с горечью вспоминал международную обстановку того времени: «Перестройка наметила мрачный путь конца Советского Союза, что нанесло настоящий смертельный удар почти всем революционным движениям на планете»[1].

В воскресенье 26 февраля 1989 года в семье Чавеса был радостный день. Наконец-то Уго с Нэнси и детьми переехал в свой первый собственный дом, купленный в кредит. Чавес вспоминал: «…нам казалось, что начнется новая жизнь. Конечно, мы всегда знали, что нашему семейному благополучию будут угрожать будущие бури. В этом никто не сомневался: ведь мы сами сеяли ветер»[2]. То есть к тому времени Нэнси знала и одобряла подпольную работу мужа.

26 февраля 1989 года, за день до восстания в Каракасе, у Чавеса поднялась температура, и врач в президентском дворце диагностировал у него оспу, которой

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 329.
[2] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 330.

Чавес заразился от своих детей. Офицера срочно отправили домой в Маракай, чтобы он не заразил никого в резиденции главы государства.

Таким образом, Чавесу в определенной степени повезло — ему не пришлось выполнять приказ о подавлении народного восстания. Зато во время зачистки одного из пригородов был убит второй лидер ЭБР-200 Фелипе Акоста Карлес, который вместе с Чавесом принес клятву с 1982 году. По одной версии (которую поддерживал позднее и сам Чавес) Акосту убили свои же — по приказу командования. По другой — во время обыска одного из домов он просто напоролся на одного из местных вооруженных гангстеров, который и застрелили офицера в упор.

Уго Чавес написал на смерть друга традиционную для Венесуэлы грустную песню «Хоропо»:

Все смешалось…
И Каракас обуяла жажда,
Жажда крови.
Ах ты, шальная пуля,
Ты забрала у меня моего друга[1].

Несмотря на болезнь, Чавес и Эрма Марксман в дни «каракасо» встречались с Дугласом Браво. Чавес хотел использовать беспорядки для восстания и военного переворота, но события в столице застали подпольщиков врасплох. Командиры ЭБР-200 были рассеяны по стране, а Браво сознался, что не контролирует демонстрации. Их вообще никто не контролировал. С того момента у Чавеса окончательно окрепло недоверие к своим гражданским союзникам — те много обещали, но на поверку оказались генералами без армии.

Чавес вспоминал о «каракасо»: «В тот день восставшему народу не хватило его Армии, его солдат, его винтовок»[2].

Но восстание не прошло бесследно. После «каракасо» жители трущоб стали организовывать своего рода альтернативные органы власти, которые заботились, например, о водоснабжении и вообще были местным непризнанным самоуправлением. Если до «каракасо» многие маргиналы еще верили в патерналистское государство, которое в случае чего не оставит в беде, то после февраля 1989 года они хотели лишь одного — свержения ненавистного правительства Переса. Чуть ли не каждый день в пригородах бедноты проходили акции протеста — таковых насчитали 4237 с октября 1989 до сентября 1994 года. Причем это были боевые формы протеста — люди перекрывали дороги и занимали здания правительственных учреждений.

В октябре 1989 года 25 тысяч человек провели в Каракасе «марш дураков». Незадолго до этого известный публицист и политик Артуро Услар Пьетри саркастически назвал по телевидению всех честно работающих венесуэльцев дураками. Ведь в той Венесуэле «умными» были лишь спекулянты и коррупционеры — они жили хорошо. Полиция опять стреляла в толпу — были убитые и раненые.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 87.
[2] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 331.

Народ проснулся и был готов к революции. И тут нет ничего странного — даже по официальным данным 53,7% венесуэльцев 1989 году считались бедными. МВФ явно отвечал за рецепты, которые прописывал. Не зря Перес назвал свой согласованный с МВФ экономический план жесткой экономии «Большой вираж». «Вираж» привел в 1989 году к падению ВВП на 10% и инфляции в районе 80%. Реальные доходы граждан снизились минимум на 14%.

Сам Уго Чавес считал события в Каракасе «геноцидом» и был преисполнен решимости свергнуть Переса в середине 1991 года, как это и предполагала «теория гамака». Он намеревался захватить президента живьем и предать его народному суду за «каракасо».

«Каракасо» вызвало массовой наплыв офицеров и солдат в ЭБР-200. Многие ощущали свою вину за расстрел собственного народа и хотели смыть позор революцией. Но такая «популярность» ЭБР-200 привела к ослаблению конспирации. Даже охрана президентского дворца Мирафлорес спрашивала у Чавеса, когда же наконец произойдет переворот.

Ослабление лояльности многих офицеров армии по отношению к гражданской власти объяснялось и материальными соображениями. До падения цен на нефть Венесуэла тратила на одного военнослужащего больше средств, чем любая другая страна Латинской Америки за исключением Аргентины (где военные правили большую часть времени после Второй мировой войны). Например, в 1981 году на одного военного Венесуэла тратила 31 808 долларов (Аргентина — 33 965), а Бразилия — 6746, «исторический враг» Колумбия — 9304[1].

Никакого реального контроля над закупками для армии конгресс не осуществлял — обычно любая просьба высшего командования удовлетворялась без лишних расспросов.

После резкого падения цен на нефть и девальвации боливара военные на себе ощутили повседневные тяготы своих сограждан. В 1991 году на одного военного затратили уже примерно 15 тысяч долларов. Зарплаты офицеров не успевали за галопировавшей инфляцией. Лейтенанты и капитаны уже не могли прокормить семью и уходили в бизнес. А ведь раньше они принадлежали к среднему классу и могли без проблем купить себе новую машину.

Только генералы и полковники, уже ставшие частью коррумпированной системы воровства государственных средств, хранили верность режиму Переса.

К декабрю 1989 года кипучая деятельность ЭБР-200 показалась военному командованию уже слишком подозрительной. Приближались региональные выборы, и политическая полиция не исключала, что Чавес и его соратники используют и в качестве предлога для выступления. Поэтому 6 декабря 1989 года, в день выборов, Чавеса арестовали и отправили в министерство обороны (форт Тиуна), где он встретил многих своих соратников (майоров Хесуса Урданету, Хесуса Ортиса и других). Всего арестовали примерно 15 членов ЭБР-200. Офицеров обви-

[1] URL: http://pdfs.postprefix.com/venezuela/The%20Crisis%20in%20Venezuelan%20Civil-Military%20Relations-%20From%20Punto%20Fijo%20to%20the%20Fifth%20Republic%20.pdf

нили в заговоре с целью физического устранения президента Переса.[1]

Специальный военный совет стал рассматривать обвинения, но формальное уголовное дело так и не завели, потому что никаких улик и доказательств заговора обнаружено не было. Было решено как обычно направить подозрительных офицеров в отдаленные гарнизоны и лишить их командных должностей в ключевых воинских частях.

Возможно, Чавес отделался столь легко потому, что у будущего министра обороны генерала Фернандо Очоа Антича были на майора свои виды. Не исключено, что генерал и сам подумывал о перевороте и был готов крайнем случае опереться на поддержку офицеров-подпольщиков. Во всяком случае, Очоа пригласил Чавеса на обед прямо во время допроса и беседовал с ним три часа. Он заверил Чавеса, что верит в его невиновность и добился откомандирования майора на восток страны в одну из бригад, которая напрямую подчинялась министру.

На своем новом месте службы в городе Матурин Чавес начал заочную учебу на курсах генерального штаба — без этого он не смог бы стать полковником. Но командование уже явно не хотело допускать подозрительного майора на высокие должности. Чавеса пытались «завалить» на экзамене по предмету «военная разведка». Но упорный майор все же окончил курсы, хотя и не первым как обычно, а почти последним.

В это же время Чавес — никогда не переставший читать и развиваться — учился политологии в филиале каракасского университета в Матурине. Преподаватели позднее вспоминали, что Чавес, упорный и работоспособный студент, на занятиях помалкивал. Они не знали, каково майору держать при себе все, что накипело у него на душе. Но Уго был теперь настороже — ведь 1991 год, на который была назначена революция, был уже не за горами, и одно лишнее слово могло погубить труды многих лет.

Но оценки у Чавеса были более чем приличными — средний балл 4,5 из пяти возможных.

К 1991 году МВФ мог быть доволен — ВВП Венесуэлы вырос на 9%. Но такие цифры были естественными: ведь валовой внутренний продукт — это стоимость проданных в стране товаров и услуг. Как же мог ВВП не вырасти, если цены на электроэнергию взлетели в 10 раз, а плата за телефон — в 5? 65% венесуэльцев официально считались бедными. Многие недоедали — зарплаты не хватало даже на продукты.

Рейтинг доверия к Пересу и его партии АД колебался в конце 1991 года в районе 12%. Это был негативный рекорд в истории Венесуэлы.

В середине 1991 года руководство ЭБР-200 стало уже конкретно планировать переворот, который был назначен на декабрь. Чавес ничего не говорил об этом Дугласу Браво, так как боялся утечки информации, которая могла стать фатальной. Браво понял, что Чавес готовит не военно-гражданский, а военный пере-

[1] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez. New York, 2006. P. 56.

ворот. Это было не совсем так. Просто Чавес больше доверял партии «Дело Р», у которой в отличие от теоретиков группировки Браво была более или менее массовая база. После начала военного восстания планировалось раздать гражданским активистам партии оружие.

В 1991 году Чавесу было присвоено очередное воинское звание «команданте» (подполковника). Постепенно офицеры из ЭБР-200 получали командование над воинскими частями, которые они могли направить на поддержку восстания.

Однако самого Чавеса несмотря на курсы генерального штаба направили на второразрядный административный пост в системе военного снабжения, хотя по своей специальности Чавес был танкистом. Но тут ему опять повезло. В августе 1991 года от своего поста отказался подполковник, командир парашютно-десантного батальона в Маракае — гарнизонном городе и базе ВВС под Каракасом (где у Чавеса был дом). Министр обороны Очоа Антич предложил на освободившееся место своего любимчика Чавеса — с точки зрения готовившегося переворота нельзя было и желать чего-то лучшего. При этом Очоа прекрасно знал, что по данным политической полиции Чавес является лидером подпольной революционной группировки в вооруженных силах[1].

Однако одного майора, который составил соответствующий рапорт на имя министра, объявили ненормальным и подвергли психиатрической экспертизе.

Таким образом, 28 августа 1991 года Чавес стал командиром ударной части прямо у стен столицы.

Но подполковник не хотел осуществлять обычный переворот. Новая власть должна была немедленно приступить к реализации программы реформ во имя большинства народа. Поэтому Чавес попросил бывшего члена компартии Клебера Рамиреса Рохаса[2] написать тезисы программы нового революционного правительства. На смену пакту Пунто-Фихо должна был прийти абсолютно новая республика, производящая для людей продукты, образование и… достоинство.

В августе 1991 года из печати вышла книга Клебера Рамиреса «Венесуэла, IV-я республика».

Именно Клебер назвал коррумпированный режим Пунто-Фихо «четвертой республикой», на смену которой должна прийти абсолютно новая «пятая республика». Здесь прослеживается явное идейное заимствование из Франции. В 1958 году генерал де Голль в ходе бескровного военного переворота сверг презираемый народом коррумпированный режим «четвертой республики» во Франции и добился принятия новой конституции, конституции Пятой республики.

Таким же путем с подачи Клебера Рохаса Рамиреса пойдет и Уго Чавес.

Революционная боливарианская армия (ЭБР) была переименована в Революционное боливарианское движение (испанская аббревиатура МБР), чтобы подчеркнуть не военный, а военно-гражданский характер революции.

---

[1] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez. P. 59.

[2] Позднее он написал историю восстания. URL: http://www.elperroylarana.gob.ve/phocadownload/alfredomaneiro/enla_historia/historiadocumentaldel4defebrero.pdf. Скончался в 1998 году.

Сначала военные хотели выступить 10 декабря 1991 года во время парада в честь ВВС, на котором всегда присутствовал президент. Захват в плен Переса был центральным моментом плана — от этого зависел успех или поражение переворота. Но потом восстание перенесли на 16 декабря, а затем — на рождество. Не все части еще были готовы. Между тем нетерпеливые младшие офицеры рвались в бой и стали обвинять Чавеса чуть ли не в сговоре с властями. Они угрожали выступить сами, в ответ на что Чавес шутливо пригрозил привязать ретивых капитанов к дереву.

Чавес никак не мог согласовать детальный план восстания со своим ключевым соратником Урданетой. Именно части Чавеса и Урданеты должны были войти в Каракас и занять 14 ключевых объектов столицы. Но Урданета был готов захватить лишь два объекта, в то время как Чавес возражал, что его батальона не хватит на оставшиеся двенадцать. Друзья едва не разругались, но потом все же нашли общий язык.

1 января 1992 года Чавес встретился со своими соратниками Франсиско Ариасом и Клебером Рамиресом, чтобы согласовать последние детали выступления. К февралю 1992 года члены МБР-200 заняли командные посты в пяти важнейших городах страны.

В ноябре 1991 года рейтинг доверия Переса упал до 23%, но был еще довольно высоким по местным меркам. Год, увидевший коллапс СССР, закончился для Венесуэлы с годовой инфляцией в 31%. Внешний долг Венесуэлы, как и внешний долг только что возникшей России превышал 40% ВВП. ВВП на душу населения в 1991 году составил в Венесуэле 2561 доллар (в 1988 году — 3100).

С нового 1992 года опять были повышен цены на транспорт и телефон. Бюджетники — врачи и учителя — начали забастовку, студенты устроили протестные акции в университете Каракаса. Даже прикормленные АД профсоюзы (поддержавшие в 1989 году соглашение с МВФ за что их даже хотели внести в книгу рекордов Гиннеса — ранее ни один профцентр в мире курс МВФ не одобрял) теперь начали требовать повышения заработной платы на 50%.

Но Пересу до рабочих и служащих никакого дела не было — события февраля 1989 году научили его одному — полагаться только на армию и полицию. Поэтому жалованье с 1992 года было повышено только военным, на 33%[1].

27 января были опубликованы данные опроса, согласно которым лишь 31% венесуэльцев не исключали участия военных в свержении правительства, 59% в это не верили. Ведь после «каракасо» все считали армию верным цепным псом Переса.

В январе Чавес узнал, что 15 февраля 1992 года его планируют перевести в отдаленный гарнизон на колумбийской границе. Надо было начинать.

В воскресенье 2 февраля 1992 года поздно вечером Чавес получил по телефону от своих соратников из президентского дворца информацию, определившую дату восстания. Президент Перес должен был прилететь на родину

[1] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez. P. 62.

3 февраля 1992 года примерно в 22.00, возвращаясь с Всемирного экономического форма в Давосе. По дороге из аэропорта в Каракас (занимала примерно час) его и предполагалось арестовать. Повстанцы должны были заблокировать кортеж президента подожженными автомашинами и захватить главу государства. Переворот («Операция Эзекиль Самора», или операция 4F)[1] должен был произойти как можно быстрее — ведь на стороне МБР было всего лишь примерно 10% личного состава вооруженных сил. Захват Переса не мог не деморализовать верные правительству войска, в противном случае страну могла ожидать затяжная гражданская война с неясным исходом.

Утром 3 февраля 1992 года, бросив нежный взгляд на своих спящих детей, Чавес вышел из дома навстречу неизвестности. По дороге в казармы Сан-Хасинто он в своем автомобиле несколько раз останавливался на пунктах оплаты проезда по автобану, чтобы позвонить своим соратникам-офицерам МБР. Всем подполковник Чавес говорил одно и то же: «Игра закончилась со счетом 2:1». Два плюс один равнялось трем: то есть выступление намечено на 3 февраля.

Уже в 9 часов утра колонна парашютно-десантного батальона под командованием Чавеса двинулась в сторону Каракаса. Чавес знал, что его командир дивизии за ним пристально следит. Военной полиции было дано указание немедленно сообщать обо всех армейских частях, которые попадут на автобан Маракай-Каракас. Но Чавес залегендировал передвижение своего батальона: командование знало, что на следующий день в районе водохранилища Эль-Пао должен был состояться военный парад, частью которого было шоу десантников. Именно туда якобы и направлялись спецназовцы Чавеса.

Во многом успех восстания зависел от позиции ВВС. В 13.00 Чавес встретился с генералом военно-воздушных сил Франсиско Висконти. Тот сообщил тревожные вести: на стороне революции только один истребитель «мираж» французского производства. Убедить пилотов новейших Ф-16 примкнуть к восстанию не удалось. Генерал предложил перенести выступление на пару дней, но механизм «Операции Эзекиль Самора» был уже запущен.

К 19.00 все казармы в Маракае были уже в руках восставших. В городе Маракаибо (столице главного нефтедобывающего штата Сулия) командир артиллерийского батальона Франсиско Ариас Карденас тоже смог без труда арестовать всех генералов.

Между 20 и 21 часами 3 февраля 1992 года тридцать автобусов с 460 восставшими солдатами под командованием Чавеса двинулись из Маракая на Каракас. Их целью был президентский дворец Мирафлорес. В форте Тиуна (место расположения министерства обороны и Военной академии, юго-запад Каракаса) Чавес рассчитывал на восстание 300 членов МБР-200, которые должны были управиться там сами.

[1] То есть 4 февраля.

По дороге Чавес приказал водителям автобусов повернуть на Каракас (автобусы были арендованы якобы для парада), объяснив, что в столице вспыхнули беспорядки.

Примерно в 23.30 автобусы с повстанцами подъехали к Военному музею, расположенному на склоне холма рядом с президентским дворцом. К этому времени по плану операции музей уже должен был быть захвачен и в нем развернут пункт связи и управления всем восстанием. Чавес вышел из автобуса и с четырьмя сопровождающими спокойно направился к музею. Но вместо радушной встречи охрана открыла по ним огонь, и Чавес едва смог увернуться от винтовочного залпа[1]. Не потеряв присутствия духа, Чавес прокричал охране, что прибыл со своим батальоном на усиление обороны против путчистов. Уловка сработала и Чавеса пропустили в музей, но теперь он находился во враждебном окружении и без связи. Его солдаты в автобусе не знали, что делать. Ведь они даже не подозревали, зачем прибыли в столицу. В планы «операции Эзекиль Самора» были посвящены лишь несколько надежных офицеров.

В других городах офицеры ждали указаний от Чавеса — а их все не было и не было.

Между тем военное командование было в курсе «операции Эзекиль Самора» и предпринимало меры к подавлению восстания. Один капитан-заговорщик, женатый на дочери генерала, в последний момент решил не рисковать карьерой и предал своих товарищей.

В районе 22.00 самолет Переса приземлился в Венесуэле, и президент был поражен тем, что прямо у трапа его встречает явно чем-то взволнованный министр обороны Фернандо Очоа Антич. Ведь обычно президента по возвращении из зарубежных поездок встречал министр внутренних дел, исполнявший обязанности главы государства.

Очоа сообщил президенту о слухах, согласно которым, главу государства предполагается захватить по дороге в столицу. Чтобы не допустить этого кортежу была придана сильная охрана, а Перес распорядился созвать на завтра совещание высшего военного руководства.

Группа захвата повстанцев ждала машину президента у въезда в туннель на границе Каракаса. Но сильное сопровождение отпугнуло их, и Перес спокойно добрался до своей резиденции Ла-Касона.

Глава государств лег спать (он думал, что неудачной попыткой его пленения все и ограничится), но в 23.50 по телефону ему сообщили, что в Маракаибо военные захватили правительственные здания. Перес сел в машину (он даже не снял пижаму, надев поверх нее костюм) и поехал в президентский дворец Мирафлорес. Ему повезло — через несколько минут после его отъезда повстанцы начали штурмовать резиденцию, и разгорелась ожесточенная перестрелка между ними и охраной Ла-Касоны, состоявшей из сотрудников политической полиции ДИСИП. Полицейским помогали супруга и дочь президента.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 19.

В 0.05 4 февраля Перес вошел в президентский дворец. И буквально через несколько минут повстанцы начали его осаду.

Чавес между тем был изолирован в музее и курил сигарету за сигаретой. Когда он примерно в час ночи услышал выстрелы в районе президентского дворца, то не вытерпел и набрал по обычному городскому телефону номер Эрмы Марксман. Он смог сказать в трубку лишь «Эрма, я поблизости». Но не успел услышать в ответ, что только что Эрме звонил офицер Рональд Бланко Санта Крус, которому поручили взять президентский дворец. Рональд никак не мог понять, где Уго, сам он был ранен осколками.

Операция по взятию дворца Мирафлорес провалилась — танки повстанцев (двенадцать машин) не имели ни боеприпасов, ни радиосвязи — весь расчет был построен на внезапности. Один танк вскарабкался прямо по главной лестнице и попытался выдавить ворота, но безуспешно. Повстанцы ждали помощи либо бойцов Чавеса, либо вооруженных гражданских активистов из «Дела Р». По дороге в Каракас они должны были встретить колонну Чавеса в условленном месте и получить оружие. Но по версии Чавеса никто так и не явился.

А вот Пересу опять повезло. Прямо на глазах экипажа повстанческого танка, блокировавшего задний выход из дворца, он смог покинуть Мирафлорес на сером «форде». Танк вышел из строя и не мог перегородить дорогу, а стрелять в Переса строго настрого запретил сам Чавес — ведь виновника «каракасо» предполагалось судить, и он был нужен только живым.

Провалом завершилась попытка взять студию государственного телевидения и передать народу обращение восставших, записанное на видеокассету. Охрану удалось нейтрализовать, но техники студии объяснили, что с видеокассетой ничего не выйдет. Так люди и не узнали, с какой собственно целью восстали военные, и какая у них программа. Скоро правительственные войска отбили студию, но командир повстанцев успел сжечь кассету.

В 1.30 4 февраля Чавес, по-прежнему находившийся во враждебном окружении в музее, увидел на экране телевизора Переса и понял, что восстание близко к провалу. Президент объявил, что восстание начали десантники из Маракая и маскировка Чавеса сразу была разоблачена. Тогда Чавес крикнул окружившим его офицерам: «Да, это государственный переворот, и вы окружены!»[1] Офицеры не стали упорствовать и сложили оружие, а солдаты заявили о готовности выполнять все приказы Чавеса. Чавес позвонил Урданете по телефону в Валенсию. Там все шло как по маслу: танковые части вязли город под контроль и Урданета уже стал раздавать оружие студентам.

Между тем президенту Пересу позвонил его американский коллега Джордж Буш-старший и выразил полную поддержку США. По иронии судьбы Перес получил телеграмму со словами поддержки и от Фиделя Кастро — на Кубе не знали, какой характер носит попытка военного переворота. Таким образом, не-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 22.

удача не телестудии оказалась роковой. Перес господствовал в эфире, и венесуэльцы решили, что путч подавлен.

Из 27 подполковников-подпольщиков, командовавших воинскими частями, выступили только семь. Всего в попытке восстания приняли участие еще 14 майоров, 54 капитана, 67 лейтенантов, 166 сержантов и 2506 солдат. Повстанцы представляли 10 батальонов или примерно 10% всех вооруженных сил.

Мать Уго Чавеса Елена был потрясена, когда Пресс сказал по телевидению, что восстание возглавили красные береты. Материнское сердце сразу почувствовало опасность. Она начала звонить своей невестке Нэнси, чтобы удостовериться, что с детьми Уго все в порядке. Хотя брат Уго Адан уверял мать, что ее сын здесь ни причем, Елена плакала и причитала «Только бы они не убили его!»

Генерал Рамон Гильермо Сантелис Руис два раза звонил Чавесу по телефону, убеждая его сдаться. Но Чавес отказался и попросил Урданету прислать ему в Каракас боевые самолеты. Однако база ВВС находилась в руках правительственных войск и рано утром Ф-16 стали проноситься над Каракасом на бреющем полете. У Чавеса не было никаких сомнений, что такой человек как Перес без колебаний отдаст приказ о бомбежке столицы.

И действительно Перес утром отдал приказ разбомбить музей. Генералы едва отговорили его — бомбежка приведет к большим жертвам среди мирного населения. Пока ограничились лишь угрожающей демонстрацией истребителей в воздухе.

И тогда Чавес принимает трудное решение сложить оружие во избежание дальнейшего кровопролития. В 8 часов утра генерал Сантелис лично прибыл к Военному музею. Условие Чавеса — сохранение жизни всем офицерам, участникам восстания (солдат и так бы не наказали, так как они выполняли приказы своих командиров). Чавес собрал своих солдат, сообщил им о своем решении и сел в машину вместе с Сантелисом. Его отвезли в те районы Каракаса, где повстанцы еще сражались, и он приказал им прекратить сопротивление.

И только потом, уже в здании министерства обороны в 9.30 Чавес дал себя обезоружить. Он сдал автомат, пистолет, рацию и гранаты и попросил кофе и сигарет. Ему разрешили позвонить матери, которая рыдала на другом конце провода. Когда Чавеса стали расспрашивать о причинах переворота он говорил лишь о плохом материальном обеспечении армии. Ничего о политических планах движения и своих гражданских союзниках он не сказал.

Между тем, Ф-16 переместились в Валенсию и кружили над городом, ожидая приказа о начале атаки. Но Урданета занял оборонительные позиции, и сдаваться не собирался. Бои могли приобрести тяжелый и кровопролитный характер, чреватый жертвами среди гражданского населения.

Чавес сам предложил выступить по телевидению и призвать всех своих товарищей сложить оружие. Он отказался от предложения заранее записать свое выступление (на этом категорически настаивал Перес), но дал честное слово, что ничего другого в прямом эфире не скажет. Еще одним условием подполковника было появление на телеэкранах в полной боевой форме. Чавес прекрасно помнил,

как американцы, свергнув в 1989 году президента Панамы генерала Норьегу, предъявили его миру небритым и в одной футболке, и тем самым продемонстрировали панамцам жалкий облик главы их государства.

Перес предлагал показать Чавеса в наручниках, но подполковник решительно отказался. Чавес даже настоял на том, чтобы умыться перед выступлением.

В 10.30 4 февраля 1992 года венесуэльцы увидели на телеэкранах подтянутого офицера в красном берете спецназа и черно-бело-сером камуфляже. Красноватые глаза выдавали усталость Чавеса. Бегущая строка возвещала, что выступает «обезвреженный мятежник».

Первый раз выступая перед нацией в не самом выгодном для себя положении, Чавес говорил твердо и с достоинством: «Во-первых, я хотел бы пожелать всему народу Венесуэлы хорошего дня. Это боливарианское послание я шлю храбрым солдатам воздушно-десантного полка Арагуа и танковой бригаде Валенсии. Товарищи, пока мы не смогли достичь тех целей, которые мы поставили перед собой в столице. Это означает, что мы здесь в Каракасе не смогли взять власть. Вы там все сделали прекрасно, но сейчас пришло время предотвратить дальнейшее кровопролитие, настало время обдумать все заново. У нас еще будут другие возможности, и страна обязательно вступит на путь навстречу лучшему будущему. Это означает: слушайте мои слова, слушайте подполковника Чавеса, который передает вам сейчас это послание, и просит вас все обдумать и сложить оружие. Ибо на самом деле мы не смогли достичь поставленных перед собой целей. Товарищи! Слушайте это послание солидарности. Я благодарю вас за вашу верность, я благодарю вас за ваше мужество, ваше благородство. Перед страной и перед вами я принимаю на себя всю ответственность за военно-боливарианское движение. Большое спасибо»[1].

Чавес отошел от микрофона как он вспоминал «полностью сломленным, разбитым…», еще не зная, что его минутное выступление навсегда изменит судьбы 20-миллионной страны.

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 16–17.

Глава 4. Боливарианская революция: Венесуэла в 1992–2002 гг.

Первые две недели (точнее — 17 дней) после неудавшейся попытки переворота[1] Чавес и его товарищи сидели в тюрьме политической полиции. У них не было никакой связи с внешним миром, а в камерах 24 часа в сутки горел яркий свет. Лидеру боливарианского движения пришлось выслушать от своих соратников немало горьких упреков. Некоторые даже подозревали Чавеса в тайном сговоре с властями или в откровенном предательстве.

А между тем, проиграв на поле боя, восставшие команданте победили. Выступление Чавеса по телевидению сделало его самым популярным человеком в стране. Люди увидели офицера, готового пострадать за народ и освободить Венесуэлу от коррупции и продажных политиканов.

Уже в день переворота на стенах каракасских домов появились граффити «Вива Чавес!» и «Пер аора» («пока» по-испански — слова из выступления Уго Чавеса по телевидению — люди ждали, что команданте сдержит слово и настанет-таки время освобождения). Самым модным головным убором стал красный берет «а-ля Чавес». На прошедшем спустя две недели после восстания традиционном карнавале дети требовали в качестве маскарадного костюма исключительно серо-черный камуфляж «как у Чавеса». Газеты и журналы печатали фотографии Чавеса на первых полосах.

Об отношении подавляющего большинства венесуэльцев к «офицерам 4 февраля» наглядно свидетельствует название вышедшей о мятеже книги — «Восстание ангелов».

Но Чавес и его друзья-команданте с самого начала были героями только бедных и униженных. Богатые люди поздравляли Переса с победой, не зная еще, что она пиррова. В далеком Баринасе многие (в том числе и отец Чавеса) упрекали учителя Эстебана Гевару в том, что он сделал из Уго коммуниста и тем самым направил его на ложный путь.

Через неделю заточения к Чавесу допустили первого посетителя — католического священника, тюремного капеллана. Святой отец сунул Чавесу Библию и прошептал на ухо: «Приободрись, на улицах ты — настоящий герой!»[2].

Вскоре Чавеса и его товарищей решили перевезти в более надежную тюрьму — крепость Сан-Карлос. Охраняемый военными кортеж на улицах восторженно приветствовали тысячи жителей столицы. Только теперь Чавес и его друзья осознали, что они отнюдь не проиграли 4 февраля.

Тюрьма находилась рядом с Национальным пантеоном, где был захоронен Боливар и венесуэльцы нашли такое соседство глубоко символичным. Женщины стали говорить о том, что Чавес — реинкарнация Боливара, пришедшего освободить свою родину от коррупции и угнетения во второй раз. Журналисты писали, что Чавес каждый день подолгу стоит у окна камеры и смотрит на усыпальницу своего идола. Люди даже переделали молитву «Отче

---

[1] Его назвали в народе «мадругасо», то есть «события на рассвете».
[2] Jones B. Hugo. Steerforth Press, 2007. P. 161.

наш…», где вместо обращения к богу была мольба к Чавесу: «Чавес наш… спаси нас от этой коррупции и освободи нас от Карлоса Андреса Переса».

Адвокаты буквально сражались друг с другом за возможность защищать героев 4 февраля.

Зато президент Перес окончательно превратился в самого ненавидимого человека страны. Через три недели после 4 февраля каракасские пригороды призвали отметить третью годовщину «каракасо». Так как «социал-демократ» Перес запретил все уличные демонстрации, то избрали оригинальную форму протеста. 10 марта в 22.00 все должны были сидеть дома и изо всей силы бить в сковородки и кастрюли[1]. Многие, самые нетерпеливые, начали трезвон еще до 22.00. Акция «Десятого в десять. Долой Переса!» (по-испански этот слоган рифмовался) увенчалась полным успехом. Среди шума кастрюль можно было ясно услышать и крики «Вива Чавес!»

Перес не желал мириться с растущей как на дрожжах популярностью своего врага. Уже 6 февраля 1992 года шесть агентов политической полиции явились в редакцию журнала «Зета» и провели там демонстративный обыск. Поводом была публикация журналом фотографии Чавеса в ставшем уже символом революции красном берете. Полиция без всяких законных оснований изъяла тысячи экземпляров журнала[2].

Министр информации Андрес Элой Бланко призвал теле- и радиоканалы к «самоцензуре» во имя «стабильности и спокойствия в стране». СМИ ответили новыми статьями и репортажами в поддержку Чавеса и критикой в адрес коррумпированного режима Переса. Тогда власти опять использовали кнут и изъяли 25 тысяч экземпляров журнала «Элита» и опять-таки из-за фото Чавеса. Перес дошел даже до того, что поместил правительственных цензоров прямо в редакциях. Такого Венесуэла не знала со времен диктатуры Переса Хименеса.

Затем президент созвал пресс-конференцию и уже почти заклинал журналистов не прославлять человека, который всего несколько дней тому назад угрожал его, Переса, жизни. Глава государства никак не хотел понять, что его презирает почти все население его страны.

Правительство изъяло экземпляры ведущей столичной газеты «Эль Насьональ» и даже хотело закрыть газету. Агенты политической полиции ворвались в типографию и силой заставили прекратить печатание очередного номера. Но газетчики успели разнести по улицам 25 тысяч газет (обычный тираж превышал 120 тысяч), на которых красовались пустые места с пометкой «изъято цензурой».

Цензуре подвергли и другие газеты. В ответ журналисты вышли на улицы, скандируя «Демократия с цензурой — это диктатура!»[3]

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 93.
[2] Jones B. Hugo. P. 162.
[3] Ibid. P. 164.

Волна всеобщей критики заставила Переса вывести из редакций цензоров и газеты опять стали критиковать погрязший в коррупции правящий режим. Своими репрессиями Перес лишь подогрел интерес СМИ к Чавесу.

На стенах домов уже появились лозунги «Чавеса — к власти!»

На фоне общей ненависти населения к Пересу (она и до 4 февраля была распространена в народе из–за неолиберальной экономической политики правительства) были и те, кто его поддерживали. Переворот осудили почти все депутаты конгресса — неудивительно: ведь это и были те самые коррумпированные политики из АД и КОПЕЙ, которых хотел отстранить от власти Уго Чавес. На выручку Пересу пришел и посол США в Каракасе Майкл Скол. Он хвалил рост ВВП Венесуэлы благодаря неолиберальной линии кабинета Переса и согласился с мнением последнего, что «…организаторы переворота — это маленькая группа наглых правых фанатиков…»[1]

Но «фанатиков» было не так уж и мало, как того хотелось бы Пересу и его американским покровителям.

4 февраля 1992 года отнюдь не все части, симпатизировавшие МБР-200, успели выйти из казарм. Поэтому кадры подпольного движения оставались почти в неприкосновенности и сразу же стали готовить новое восстание. В конце февраля в тюрьму по подложному пропуску пришел знакомый лейтенант. Он сообщил Чавесу, что новый переворот запланирован на конец марта и арестованных освободят из заключения с помощью вертолета[2]. Чавес едва уговорил лейтенанта повременить — надо было дождаться перехода ВВС на сторону подпольщиков.

В апреле 1992 года Перес решил отправить Чавеса и его товарищей подальше от столицы. Местом заключения избрали тюрьму в Яре, в двух часах езды от Каракаса. Там офицеров поместили в особый отсек, отгороженный от других заключенных. Он могли читать книги, писать и принимать посетителей. Военные старались не распускаться и не падать духом: они устраивали друг другу лекции, изучали английский язык, выращивали овощи на тюремном огороде.

Охрана периодически проводила в камерах «шмон», хотя делами обычных узников администрация тюрьмы мало интересовалась. В камерах не работали туалеты, и заключенные просто выливали из окон горшки с мочой и вываливали кал на газетках. В условиях страшной жары в тюрьме стояла невыносимая вонь. Однажды Чавес и его друзья услышали, как в камере прямо над ними сначала изнасиловали, а потом перерезали горло одному заключенному. Чавес кричал, звал охрану, но тюремщики лишь огрызнулись: «У нас тут внутренняя юстиция».

Офицеры боялись, что могут расправиться и с ними, поэтому друзья с воли передали им пистолеты и ручные гранаты. Охрана себя досмотром посе-

---

[1] Jones B. Hugo. P. 164.
[2] С базы ВВС в Маракае.

тителей не сильно утруждала, поэтому скоро у Чавеса появился и мобильный телефон.

Перевод офицеров-героев в Яре лишь усилил интерес к ним. С раннего утра у ворот стояли в длинных очередях сотни посетителей. Люди приносили цветы, одежду, еду, маленький холодильник, микроволновую печь и книжную полку. Журналисты хотели тайно взять интервью, женщины — просто прикоснуться к герою «из телевизора». Чавес принимал всех, охотно подписывал автографы, а потом еще терпеливо отвечал на приходившие мешками письма.

Власти оказали Чавесу большую «пиар-поддержку», так как разрешили ему носить в тюрьме его уже всемирно знаменитую форму и красный берет.

До Эрмы Марксман стали доходить глухие слухи о слишком нежном обращении Чавеса с посетительницами, и она стала писать возлюбленному полные упреков письма. Эрма критиковала Чавеса за «культ личности», за то, что вместо политической работы он как «рок-звезда» с удовольствием раздает автографы. Она презрительно сравнивала его с американским актером 50-х — 60-х годов Роком Хадсоном.

Все эти упреки были несправедливы, но Эрма была не единственной, кому не нравилась такая «звездность» Уго Чавеса. Упреками своего командира засыпали и его соратники, особенно Ариас Карденас и Хесус Урданета. Они считали себя ничуть не меньшими лидерами МБР, чем Чавес. Да и во время событий 4 февраля их части добились гораздо большего успеха. У друзей Уго появилась элементарная ревность, однако, несмотря на внутренние жаркие споры о дальнейшей тактике МБР, для общественности узники Яре всегда выступали единым фронтом.

Каждый более или менее видный политик Венесуэлы из числа оппозиции хотел быть представленным Чавесу и сфотографироваться с ним. Ведь в 1993 году предстояли очередные президентские и парламентские выборы, и поддержка сверхпопулярного Чавеса могла оказаться решающей для любого кандидата.

При этом Чавес не торопился занять чью-либо сторону. Он говорил, что не является ни правым и ни левым, а просто патриотом, желающим освободить страну от коррумпированного режима пакта Пунто-Фихо. Единственным публичным конкретным требованием Чавеса было принятие народом новой конституции «пятой республики».

Поначалу открыто заявили о своей поддержке заключенных две небольшие левые партии — «Социалистическая лига» и «Бандера Роха» («Красное знамя»). В марте 1992 года они устроили в университете Каракаса митинг солидарности с Чавесом и его товарищами. Принял участие в митинге и бывший кандидат в президенты и известный оппозиционер Ранхель.

Обратил внимание на Чавеса и созданный после «каракасо» Патриотический фронт. В этот фронт вошла группа Дугласа Браво (теперь она называлась «Третий путь» — то есть нечто новое — ни социализм, ни капитализм), другие покинувшие ранее КПВ диссиденты и Уильям Исарра. Фронт возглавил и фи-

нансировал человек, которого Чавес позднее назовет своим вторым отцом — Луис Микилена.

Микилена родился в 1919 году, в 40-е годы стал активным членом компартии и лидером профсоюза водителей автобусов. Когда в 1945 году коммунисты поддержали режим Бетанкура, Микилена в знак протеста вышел из рядов КПВ и создал свою собственную Революционную партию пролетариата, которую еще называли за боевитость «черными коммунистами». При диктатуре Переса Хименеса Микилена почти все время сидел в тюрьме, где его жестоко пытали. В 1959 году он стал владельцем газеты «Кларин» и жестко критиковал Бетанкура за репрессии против левых сил и за антикубинскую внешнюю политику[1]. В 1961 году Микилена вступил было в УРД и даже стал депутатом конгресса от этой партии, но в 1964 году решил покинуть политическую сцену.

Он занялся бизнесом и к 1992 году сколотил приличное состояние.

Микилена в 90-е годы уже почти был неизвестен как политик, но он посетил Чавеса в тюрьме и решил, что у офицера есть все шансы стать президентом. Надо было лишь разработать для популярного в народе команданте презентабельную политическую программу, которая могла бы произвести впечатление и на предпринимателей. Ведь политика жесткой экономии, навязанная Венесуэле МВФ, душила внутренний спрос и была невыгодна даже бизнесу, особенно малому и среднему.

К разработке программы для Чавеса и его МБР Микилена привлек группу профессоров Центрального университета Каракаса. Многие из членов этой группы затем стали министрами в кабинете Чавеса. Человек, разработавший экономическую политику будущего правительства — Хорхе Джиордани, например, занял пост министра планирования[2]. До знакомства с Чавесом Джиордани считался главным специалистом по экономике партии МАС Петкова. Чавес попросил Джиордани стать его научным руководителем — в тюрьме у Уго появилось время написать работу по политологии, чтобы, наконец, получить диплом (как уже упоминалось, Чавес учился в магистратуре политологии, но не успел защитить выпускную работу).

Джиордани и его товарищи писали альтернативную экономическую программу для Венесуэлы, суть которой сводилась к полной ревизии неолиберального курса. Государство снова должно было взять на себя важную роль в экономике, содействовать индустриализации, созданию новых рабочих мест и тратить много денег на социальные нужды, генерируя тем самым покупательный спрос.

Таким образом, если экономическая команда Переса состояла из либералов (к тому же часто путавших свой карман с государственным), то команда Чавеса была кейнсианской.

---

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Luis_Miquilena

[2] Родился в 1940 году в Доминиканской республике в семье иммигранта из Италии, бежавшего из Европы от ужасов Второй мировой войны. В Венесуэлу семья переселилась, когда Хорхе было 2 года. Окончил университет в Болонье (Италия) по специальности «инженер по электронике».

Позднее Чавес (как и Ленин) говорил, что тюрьма стала для него хорошей школой, возможностью продумать, обосновать и конкретизировать свои политические взгляды. Впрочем, здесь Чавес явно поскромничал — он любил и умел учиться всю свою жизнь. До самой смерти он много читал и старался тщательно обдумывать прочитанное.

Между тем боливарианцы в армии не оставляли попыток свергнуть Переса и освободить своих соратников. Президента хотели убить 5 июня 1992 года по случаю военного парада, но составить организационный план переворота к этой дате не успели.

Связным Уго Чавеса с товарищами по оружию стал отставной полковник Ихинио Кастро. Чавес свел Кастро с офицером-летчиком Луисом Рейесом Рейсом, который 4 февраля не смог переманить на сторону восставших военно-воздушные силы. Записку от Рейеса принес сын Чавеса Уго-младший («Угито» как его уменьшительно-ласкательно называл отец). В записке говорилось: «Будь спокоен. Мы работаем. Щебетание попугаев нарастает»[1]. «Попугаями» в МБР называли летчиков — Рейес давал понять, что работа с ними идет активно и небезуспешно.

Так оно и было.

Если восстание 4 февраля 1992 года потерпело поражение (как считал Чавес) из-за нежелания ВВС примкнуть к нему, то теперь следовало исправить эту ошибку.

Рейес встретился с бригадным генералом ВВС Эфраином Франсиско Висконти Осорио, которого Чавес уговаривал примкнуть к восстанию еще в начале 1992 года. И тогда Висконти был не против, но просил дать ему больше времени на подготовку. Висконти был членом АРМА Исарры в 70-е годы и в особой агитации не нуждался. Он поддерживал контакт с Дугласом Браво и опирался на сеть преданных ему и революционно настроенных пилотов.

Во флоте тоже возникла оппозиционная группа во главе с адмиралом Эрнаном Грюбером Одреманом[2]. Рейес, Кастро и остатки МБР вышли на Грюбера и связали его с Висконти. Грюберу как старшему по званию вручили общее руководство восстанием — к осени 1992 года он занимал важный пост Генерального инспектора вооруженных сил.

Таким образом, если переворотом 4 февраля руководили подполковники и майоры, то теперь за дело взялись генералы и адмиралы, что, кстати, показывает тот уровень неприятия, с которым сталкивался тогда президент страны.

Чавес был в курсе готовящегося восстания, получая информацию о встречах подпольщиков в письменном виде и даже на кассетах. Но соратники Чавеса были на счет нового восстания не столь единодушны. Ариас Карденас выступал решительно против, считая, что надо включаться в обычную политическую борьбу и участвовать в выборах. Чавес столь же решительно возражал

---

[1] Jones B. Hugo. P. 170.

[2] Родился в 1940 году. Участвовал в борьбе против левого партизанского движения в 60-е годы.

— венесуэльские выборы не более чем фарс с заранее подсчитанным результатом. Друзья почти поссорились.

Новый переворот между тем был намечен примерно на 25 ноября 1992 года — в этот день начиналась подготовка к ежегодному военно-воздушному шоу 10 декабря. Для этого все силы ВВС сосредотачивались на базе Маракай (примерно в 60 милях от тюрьмы в Яре). Можно было сразу взять в руки всю авиацию.

К тому же на 5 декабря были намечены региональные выборы, и градус политической активности в стране явно возрос. Восстанию опять обещали поддержку левые гражданские политические группы.

В ночь на четверг, 26 ноября 1992 года Чавес получил сведения, что восстание вот-вот начнется. Сыновья Чавеса и Рейеса доставили в тюрьму по частям рацию для поддержания оперативного контакта. Офицеры-заключенные надели форму, вооружились и устроили круглосуточное дежурство — ведь их должны были освободить, но охрана могла использовать восстание и как повод для расправы с узниками.

На сей раз переворот начали уже после рассвета — самолеты не могли атаковать свои цели в кромешной темноте.

27 ноября 1992 года в 4.30 повстанцы под командованием лейтенанта Чакона захватили студию государственного телеканала VTV. И здесь был учтен урок 4 февраля — тогда в телеэфире царил Перес, и люди не понимали, что собственно происходит. Теперь в руки восставших перешла антенна, распространявшая сигнал трех главных каналов. В студии разместили современное оборудование связи — именно его отсутствие и погубило Чавеса 4 февраля. Однако и на сей раз связь между разными восставшими воинскими частями организовать не удалось.

В 5.26 по телевидению показали тайно записанное в тюрьме видеообращение Уго Чавеса с призывом поддержать восстание и «свергнуть тирана»[1]. Правда потом в эфир выдали явно контпродуктивный ролик, на котором бандитского вида вооруженные люди в черных масках на грубом языке (свойственном для уличных преступников) призывали граждан вооружаться чем попало (бутылками палками, самодельными взрывпакетами) и громить правящий режим. Людей такие призывы странных персонажей больше испугали, чем ободрили. В памяти многих невольно всплывали страшные картины «каракасо».

Грюбер был удивлен — он думал, что по телевидению пойдет записанный им, а не Чавесом ролик. В своем так и не показанном обращении адмирал возвещал о свержении Переса и образовании военно-гражданской правительственной хунты.

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 100.

Между тем на экране и вовсе воцарился полный хаос. То военный с закатанными рукавами призывал «товарищей из Национальной гвардии»[1] прекратить сопротивление, то какой-то неизвестный никому толстяк путано рассуждал о противоречиях между богатыми и бедными.

У ВВС сначала все шло хорошо — был установлен контроль почти над всеми авиабазами, включая Маракай. Правда, двум истребителям Ф-16 удалось улететь, и они остались на стороне правительства.

Рейес пролетел на своем Ф-16 над долиной Каракаса на высоте 3 тысячи футов (обычный минимум для такого рода полетов — 10 тысяч футов) и преодолел над городом звуковой барьер — в квартирах задрожали стекла, жителей испугал странный и грозный гром.

Но теперь повстанцам явно не хватало помощи от коллег из сухопутных войск. Ведь самолеты не могли при всем желании взять президентский дворец Мирафлорес, а главной целью восстания, как и 4 февраля, был захват Переса. При этом, как и 4 февраля, убивать президента было запрещено — его хотели судить за неолиберальные эксперименты над народом и коррупцию

Между тем Перес, вскоре после 7 утра, возник на телеэкранах канала «Телевен», принадлежавшего хорошо знакомому президенту бизнесмену. Глава государства опять, как и 4 февраля, заверил, что держит ситуацию под контролем, а Чавес по-прежнему сидит в тюрьме.

Перес не лгал. Правда небольшая группа солдат и примкнувших к ним гражданских лиц попыталась на тракторе протаранить ворота тюрьмы Яре, но охрана отогнала нападавших автоматным огнем и даже выпустила по ним ракету, вырвавшую все лицо у одного из повстанцев.

Примерно в 9 часов утра восставшим военным стало ясно, что обещанные левыми группами массы народа опять оказались в основном вымыслом. Правда около трехсот человек в масках в районе Каракаса Пропатриа взяли штурмом полицейский участок, так и не дождавшись обещанного военными оружия. На проспекте Сукре рядом с боевым «кварталом 23 января» вспыхнул ожесточенный бой местных жителей и национальных гвардейцев. На несколько часов квартал перешел под контроль восставших, но у них почти не было оружия.[2] Из тюрьмы бедного пригорода Каракаса Катия вырвались несколько заключенных, но многих из них безжалостно перебила потом Национальная гвардия.

Как и 4 февраля, военным и гражданским повстанцам опять не удалось наладить тесного взаимодействия. Люди подходили к восставшим военным на базе «Сиприано Кастро» и просили оружия, но им говорили, что надо идти к президентскому дворцу и устраивать там массовый митинг[3].

---

[1] Национальная гвардия — внутренние войска, отвечавшие начиная с 70-х годов за борьбу против партизан и прочих внутренних «подрывных элементов».

[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 100–101.

[3] URL: http://www.correodelorinoco.gob.ve/nacionales/rebelion-27n-no-estaba-previsto-asesinato-carlos-andres-perez/

Примерно в 9.00 правительственным силам удалось сбить первый самолет восставших. Однако Грюбер и Висконти сдаваться не собирались. Они отдали приказ бомбить штаб-квартиру политической полиции ДИСИП, базу ВВС Ла-Карлота и президентский дворец Мирафлорес. В стене дворца прямым попаданием была проделана дыра чуть ли не в два метра в диаметре[1]. Пересу пришлось на четвереньках пробираться в подземный бункер.

Но верные правительству силы перешли в контрнаступление и к 15.00 танки подобрались вплотную к центру восстания — базе ВВС «Освободитель» в Маракае. Висконти отдал приказ всем занять места в двух транспортных самолетах С-130 и машины вылетели в неизвестном направлении. На взлетно-посадочной полосе для отвлечения внимания нападавших оставили два вертолета с работающими моторами, в кабинах которых никого не было. Уже в воздухе повстанцы решили лететь в Перу: «демократ» Перес в апреле 1992 года разорвал с этой страной дипломатические отношения, обвинив перуанского президента Фухимори в авто-перевороте.

До столицы Перу Лимы повстанцы не дотянули из-за проблем с двигателем и сели в перуанском городе Икитос в амазонской сельве. Фухимори предоставил всем политическое убежище.

В 16.00 были арестованы все военные руководители восстания в Каракасе.

Бои в «квартале 23 января» продолжались до вечера, но было ясно, что и на сей раз победа выскользнула из рук восставших.

Неудачный переворот 27 ноября 1992 года оказался куда более кровавым, чем «восстание ангелов» 4 февраля. Тогда погибло всего 14 военнослужащих. Как говорил Чавес, это было гораздо меньше, чем гибнет обычно в Каракасе от рук преступников каждый уикенд. 27 ноября 1992 года по официальным данным был убит 171 человек[2] (в том числе 29 военных), а 95 — ранено. Было арестовано 1300 военнослужащих (в том числе 500 офицеров и сержантов) и 40 гражданских лиц.

Перес презрительно назвал участников восстания «жалкими эпигонами 4 февраля» и объявил, начиная с 18.00 27 ноября, комендантский час.

Как всегда, военные и полиция не церемонились при подавлении мятежа. Когда была отбита телестудия, там пристрелили всех раненых.

196 участников восстания 27 ноября предстали перед военным судом (в том числе и те, кто бежал в Перу — заочно). 97 из них осудили, остальных оправдали. Но потом Верховный суд Венесуэлы отменил вынесенные приговоры.

Перес пытался представить восставших военных как обычных карьеристов, стремившихся просто захватить власть любой ценой. Но военные всего лишь выражали резкое неприятие практически всем населением неолиберальной экономической политики Переса, навязанной Венесуэле МВФ. Например,

---

[1] Jones B. Hugo. P. 173.

[2] По другим данным, погибло около трехсот человек.

лидер восстания 27 ноября генерал Висконти заявил в эмиграции в Перу: «Нет такого человеческого существа в нашей стране, которое не было бы унижено и подавлено результатами жестокой экономической политики, навязанной МВФ»[1].

Перес пытался «купить» лояльность армии. Несмотря на бедственное экономическое положение страны, военным повысили зарплату, на военные нужды в 1992 году было потрачено 1,55 миллиарда долларов (на 50% больше, чем в 1989–1990 гг. в среднем за год). Закупки вооружений были сокращены (с 233 миллионов долларов в 1988–1990 гг. до 80 миллионов в 1992 году) и больше денег пошло на жалование и социальные льготы военных[2].

Однако Перес стал в собственной стране практически персоной нон грата. Когда он в присутствии прессы рассматривал нанесенные президентскому дворцу 27 ноября повреждения, толпа рядом кричала, чтобы он убирался из Мирафлореса. Даже сама партия Переса — АД — решила, что нужно от него избавиться, иначе адеков ждал полный электоральный разгром на выборах 1993 года.

Повод представился быстро. Журналист и политик левого толпа, сторонник Чавеса Хосе Висенте Ранхель раскопал в ноябре 1992 года аферу о растрате 250 миллионов боливаров из президентского фонда. Эти деньги обменяли на доллары и вывели из страны. Перес оправдывался, что направил средства на помощь правому правительству Никарагуа, победившему левых сандинистов при поддержке США на выборах 1990 года. Но Ранхель утверждал, что Перес обменял деньги по льготному курсу прямо перед объявленной им же самим девальвацией боливара на 88% в феврале 1989 года (что стало причиной «каракасо») и использовал полученные таким образом 17,2 миллиона долларов на свою пышную инаугурацию. Причем несколько миллионов осело в карманах приближенных Переса.

20 марта 1993 года генеральный прокурор Венесуэлы начал следствие по «делу о 250 миллионах боливаров». 20 мая Верховный суд признал обвинения достойными дальнейшего расследования, а на следующий день сенат лишил Переса иммунитета. Карьера Переса позорно окончилась, но он не хотел этого признавать и в отставку подавать отказался. Тогда его отправили в трехмесячный отпуск. Выйти из него президент так и не смог — 31 августа 1993 года конгресс отрешил его от должности. В мае 1996 года Переса осудили на 28 месяцев тюремного заключения.

В 1998 году против него завели новое уголовное дело. Были обнаружены секретные банковские счета любовницы Переса Сесилии Матос в Нью-Йорке. Имелись все снования полагать, что деньги на этих счетах были государственными. Но Перес смог оперативно избраться депутатом сената от своего родного штата Тачира и получил тем самым иммунитет. Однако конституция 1999 года

---

[1] Jones B. Hugo. P. 174.

[2] URL: http://pdfs.postprefix.com/venezuela/The%20Crisis%20in%20Venezuelan%20Civil-Military%20Relations-%20From%20Punto%20Fijo%20to%20the%20Fifth%20Republic%20.pdf

отменила сенат, и Перес лишился неприкосновенности. В этом же году он попытался избраться в новый однопалатный парламент, но безуспешно. Тогда Перес бежал в Доминиканскую республику, но в 2002 году Венесуэла официально потребовала его выдачи. Бывший президент опять бежал, на этот раз в Майами, где превратился в непримиримого критика президента Уго Чавеса. В 2003 году инсульт частично парализовал 81-летнего Переса. В 2005 году в Венесуэле завели против него новое уголовное дело по обвинению в массовых репрессиях против мирного населения во время «каракасо». Но справедливость в суде так и не восторжествовала — 25 декабря 2010 года Перес скончался в Майами от дыхательной недостаточности.

Таким образом, в 1993 году Чавес все же одержал победу над своим врагом, даже находясь в тюрьме.

Социалистическая лига предложила в 1993 годы вытащить Чавеса из тюрьмы, выставив его кандидатом от партии на выборах в конгресс. Никто не сомневался, что сверхпопулярный команданте будет избран и тем самым обретет неприкосновенность. Но в отличие от Переса Чавес наотрез отказался.

Между офицерами-узниками после поражения восстания 27 ноября 1992 года вновь вспыхнули яростные споры. И опять многие обвиняли Чавеса в том, что его ставка на военное восстание себя не оправдала. Конец 1992 и начало 1993 года были для Уго Чавеса самым трудным временем в жизни — находясь среди друзей, он фактически остался один.

В 1993 году обострились отношения Уго и Эрмы Марксман. Они любили друг друга, и одно время Чавес желал вступить с Эрмой в законный брак и хотел от этой женщины ребенка. Возлюбленная забеременела, но детей им иметь было не суждено. Ни Микилене, ни товарищам Чавеса по заключению Эрма не нравилась. Офицеры считали, что, обладая сильным характером и обширными знаниями, она тянет Уго слишком влево, к коммунистам. Микилена рассуждал уже с точки зрения презентабельности Чавеса как будущего кандидата в президенты. Венесуэльцы устали от любовниц президентов, которые управляли страной за спинами своих покровителей. Страна жаждала чистого политика, как с материальной, так и с моральной точки зрения.

Поэтому шоком для Эрмы было прочитать очередное интервью Чавеса, в котором он благодарил свою жену Нэнси за то, что она помогала ему в борьбе. Интервью появилось 28 июля 1993 года в день рождения Чавеса, и Эрма была более чем обижена. Ведь именно она, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей, вступила в ЭБР-200 и организовывала все нелегальные встречи своего возлюбленного на явках друзей и знакомых. Даже в книге о перевороте 4 февраля «Восстание ангелов» автор Анхела Сага (сама бывшая партизанка) описала работу Эрмы под именем «команданте Педро».

Нэнси же Чавес в свою другую жизнь старался особо не посвящать. Он берег ее и своих детей.

И вот теперь — такая благодарность? Когда Сага рассказала ей о злосчастном интервью, Эрма лишь ответила, что для нее Чавес умер 28 июля 1993

года. С тех пор она превратилась в яростного критика Чавеса и его политики, утверждая, что он вышел из тюрьмы другим человеком, ориентированным лишь на личную власть. Эрма публиковала книги и статьи о Чавесе под характерными названиями типа «Другой Чавес» или «Чавес меня использовал»[1].

Чавес публично никогда не сказал об Эрме Марксман ни одного плохого слова. В апреле 2007 года он публично признался, что любил эту женщину, прежде всего, как верного борца, преданного общему делу. Когда журналисты сравнили Эрму с возлюбленной и музой Боливара Мануэлой Саенс, Чавес лишь усмехнулся: «Я — Боливар? Да тут и сравнивать нельзя. Я всего лишь обычный солдат…»[2]

В 1993 году сам Уго сначала оправдывался перед Эрмой, что ради интересов дела ему надо было предстать в глазах общественности добропорядочным семьянином (такой совет дал Микилена). Но врать Чавес все же не умел, за что его и полюбили в народе. Еще будучи в тюрьме, Чавес затеял процедуру развода с законной женой Нэнси. Развод прошел мирно и Уго сохранил с экс-супругой добрые отношения. Он оставил ей свое единственное жилье — домик в Маракае и свой единственный источник дохода — пенсию от армии в размере 170 долларов. Кто бы и как бы ни относился тогда и потом к Чавесу, все признавали, что он был любящим отцом и постоянно общался с детьми. О своей бывшей жене, даже став президентом, Чавес всегда говорил только хорошие слова.

Развелся Уго Чавес по одной причине — теперь он намеревался посвятить всего себя без остатка своей жизненной цели — ликвидации нищеты и угнетения на своей любимой родине. Семья в эту опасную новую и пока что очень бедную материально жизнь не вписывалась. Рисковать дорогими ему людьми он не хотел.

В стране между тем приближались очередные выборы, и почти все кандидаты в президенты обещали освободить Чавеса и его товарищей из тюрьмы. Ведь такое обещание могло принести сотни тысяч дополнительных голосов.

АД и КОПЕЙ — столпы политической системы пакта Пунто-Фихо — разваливались прямо на глазах, и все кандидаты в депутаты стремились отмежеваться от этих политических трупов.

О том, насколько сильно Чавес и его товарищи потрясли прогнившую политическую систему страны, свидетельствовали опросы общественного мнения, сулившие победу лидеру крайне левой партии «Дело Р» Андресу Веласкесу. Вся популярность этой партии основывалась на том, что она открыто поддержала обе попытки восстания военных в 1992 году, и требовала немедленного освобождения всех арестованных. Веласкес был и за коренной поворот в экономической политике, за полный отказ от программы МВФ.

Адекам после импичмента Переса явно ничего не светило, КОПЕЙ — тоже. Ведь обе партии пакта Пунто-Фихо осудили восстание 4 февраля.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 104.
[2] Jones B. Hugo. P. 181.

Но тут половить рыбку в мутной воде решил бессменный лидер КОПЕЙ и бывший президент Рафаэль Кальдера. Он быстренько вышел из КОПЕЙ, оперативно создал новую партию «Конвергенция» и под лозунгом свободы Чавесу и отмены экономического курса Переса сколотил разношерстную левоцентристскую коалицию, куда вошло не только МАС, но и коммунисты. Избиратели не без иронии назвали этот политический Ноев ковчег «чирипера» (так в народе величали скопище тараканов, издававших характерный для этих насекомых шум).

Кальдера был одним из немногих депутатов конгресса, кто уже 4 февраля высказал «понимание» благородных мотивов восставших военных. Это сразу принесло ему немало политических очков. На самом деле прожженный политикан Кальдера лишь хотел свести счеты со своим старым соперником Пересом.

Чавеса он обещал освободить лишь потому, что надеялся на потерю к нему всяческого интереса общественности, как только подполковник перестанет быть мучеником в темнице сырой.

Кстати избирателям нравилось, что Кальера вот уже много лет живет с одной законной женой, а про его любовниц по крайней мере ничего не слышно.

Вся Венесуэла напряженно ждала, чью сторону займут арестованные команданте. Сам Чавес после опять-таки ожесточенных споров со своими соратниками призвал население выборы бойкотировать. Он считал, что в условиях старой и насквозь коррумпированной политической системы выборы будут неизбежно фальсифицированы и как обычно превратятся в фарс.

О взглядах самого Чавеса население пока знало очень мало. Была издана брошюра «Трехцветная повязка»[1], содержавшая эссе и размышления Чавеса за период с 1974 по 1989 год. В строках подполковника было много искреннего патриотизма и любви к родине, но конкретных предложений по изменению жизни людей там не содержалось. Собственно об этом Чавес и не писал в тот период своей жизни.

Противники Чавеса попытались дискредитировать его, распространяя слухи, что, придя к власти, Чавес якобы развяжет кровавые репрессии. На самом деле Чавес лишь процитировал слова одного из основателей США Джефферсона, что дерево свободы надо периодически купать в крови тиранов и борцов за свободу. И здесь, конечно, имелись в виду не репрессии, а та горькая правда, что свободу периодически приходилось защищать от тех, кто на нее посягает.

В тюрьме с помощью Джиордани Чавес развивал и обдумывал идею, которая и принесет ему победу в 1998 году — созыв учредительного собрания и разработка этим органом новой конституции, которая даст простым людям широкие права и вырвет власть из рук узкого круга профессиональных политиков. Новая Венесуэлы станет «пятой республикой», как это ранее и обговаривал Чавес со своим другим советником Клебером Рамиресом.

---

[1] Повстанцы 4 февраля 1992 года носили на рукавах трехцветные повязки в цветах венесуэльского флага (красно-сине-желтые).

Хитрый политикан Кальдера выиграл президентские выборы со своей «тараканьей коалицией», получив 30,46% голосов (1,7 миллиона). Чавес не ошибся в своей оценке выборов — по предварительным результатам лидировал «несистемный» левый политик Андрес Веласкес от «Дела Р» с 27% голосов. Но при окончательном оглашении результатов голосования он опустился на четвертое место (22%), пропустив вперед кандидатов от АД (23,6%) и КОПЕЙ (22,7%). Заполненные в пользу Веласкеса бюллетени были обнаружены на мусорных свалках[1]. «Дело Р» утверждало, что у него украли 1 миллион голосов.

Из 203 мест в нижней палате конгресса АД получила всего 55 (минус 42), КОПЕЙ — 33 (минус 34), «Дело Р» — 40 (плюс 37), «Национальная конвергенция» Кальдеры — 26, компартия потеряла свое единственное депутатское кресло. Правда в сенате АД и КОПЕЙ пока имели совместно 30 мест из 50.

И все-таки это был полный крах обеих партий системы Пунто-Фихо и автором этого краха был Уго Чавес. Таким образом, система Пунто-Фихо уже была мертва, но на ее останках к власти все-таки прорвался один из ее основателей.

Чавес поздравил Кальдеру с победой по тайно пронесенному в камеру мобильному телефону, а Кальдера попросил подполковника «воздержаться от провокаций» на время инаугурации.

Свое вступление в должность Кальдера обставил нарочито скромно, чтобы вызвать у избирателей контраст с пышной «коронацией» Переса в 1989 году.

Новый президент хотел освободить Чавеса из тюрьмы первым из арестованных военных, но тот ответил, что останется сидеть до тех пор, пока на свободе не окажутся все его товарищи. Кальдера считал, что как только Чавес покинет ворота тюрьмы, пресса сразу потеряет к нему всякий интерес. Именно поэтому против Чавеса не провели даже формальных судебных слушаний (ему грозило в случае обвинения до 30 лет лишения свободы). Перес потом упрекал Кальдеру в том, что тот не «повесил» на Чавеса хотя бы формальную судимость, ведь тогда команданте не смог бы баллотироваться в президенты. Но Кальдера спешил — каждый день пребывания Чавеса за решеткой только содействовал росту его популярности.

В конце марта 1994 года с приближением Пасхи час освобождения настал. Чавес лежал в военном госпитале — ему провели операцию на колене. Со стороны Кальдеры было одно условие — Чавес должен был навсегда покинуть ряды вооруженных сил. Со своей стороны Уго попросил дать ему возможность получить все бумаги об увольнении в здании министерства обороны, чтобы последний раз увидеть в погонах свою любимую Военную академию (она находилась на территории комплекса зданий военного ведомства в Форте Тиуна).

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 108.

Утром 26 марта 1994 года Чавеса после 782 дней заключения тайно вывели из госпиталя через кухню и черный вход (не хотели излишнего внимания прессы) и на машине дочери генерала Салазара отвезли в Форт Тиуна. Чавес любил армию — в свои почти 40 лет он не знал иного образа жизни, кроме армейского. Как только машина пересекла ворота базы команданте не смог сдержать слез. Во дворе академии Чавес подошел к статуе Боливара и снова заплакал.

У ворот базы примерно в 12.30 уже бывшего подполковника встречали журналисты и фанаты в красных беретах и с венесуэльскими флагами. Но в сущности офицер был совсем один — у Чавеса не было ни дома, ни денег, ни даже личных вещей. Однако у Чавеса была перед глазами цель, и он не намерен был отступать от нее ни при каких обстоятельствах. Когда один из репортеров спросил его, куда он теперь пойдет, Чавес обернулся и коротко бросил: «К власти»[1].

Приютил Чавеса в столице в общем-то случайный человек, с которым он познакомился в тюрьме. Зажиточный архитектор Недо Панис любил все военное, так как увлекался парашютным спортом. Конечно, он стал фанатом Чавеса и предложил ему пожить у него. Панис с женой спали в одной комнате дома (в довольно зажиточном квартале Ла-Флореса на востоке столицы), Чавесу отвели другую. Но она быстро превратилась в проходной двор — к перспективному политику ходило много самого разного народа. Жена Паниса восстала против такого порядка (точнее беспорядка) вещей и Панис снял для Чавеса офис, где тот иногда и ночевал.

Позднее офис для Чавеса арендовал Микилена.

Вопросы материального благополучия Уго Чавеса никогда не волновали. Ел он что попало и в любое время — часто это была заказанная на дом курица-гриль. Чавес много курил. У будущего президента была пара брюк и несколько рубашек, но он не мог отвыкнуть от формы и почти на целый год его новой формой сделался своего рода однобортный китель «лики-лики» со стоячим воротником (так называемый «воротник Мао»). «Лики-лики» был торжественной одеждой ковбоев венесуэльских прерий, а ведь Чавес был родом как раз из таких мест. Панис купил ему три кителя — оливково-зеленый (любимый, так как напоминал цветом военную форму), бежевый и синий.

Главные соратники Чавеса по «делу 4 февраля» навестили Кальдеру, поблагодарили президента за освобождение и получили от того заманчивые предложения. Хесус Урданета отправился венесуэльским консулом в испанский город Виго. Франсиско Ариас Карденас стал координатором государственной программы по обеспечению беременных и кормящих матерей молоком и, опираясь на эту базу, выиграл через год губернаторские выборы в главном нефтедобывающем штате Сулия (он был кандидатом «Дела Р»). Но Чавес отказался благодарить «старого хрыча» Кальдеру за свое освобождение — он справедли-

[1] Jones B. Hugo. P. 186.

во говорил Урданете, что у Кальдеры здесь не было выбора, и он не стал бы президентом, не пообещай он свободу арестованным офицерам.

Чавес был абсолютно прав — на его имении Кальдера собственно и выиграл выборы. Но Кальдера притворно обиделся и сказал, что в лексиконе Чавеса, к сожалению, видимо, нет слова «благодарность». Но никакой синекуры от Кальдеры Чавесу было не нужно. Команданте понимал, что новый президент принципиально ничем не отличается от старого.

Урданете Чавес заявил, что когда придет к власти, то позовет его на родину. Но в 1994 году никто в Венесуэле даже и помыслить не мог о том, что бывший путчист (как его именовали газеты) может стать главой государства. Президентский рейтинг Чавеса колебался на уровне 6–7% и СМИ (как и предполагал Кальдера) скоро стали забывать о герое в красном берете.

С Ариасом Карденасом Чавес поссорился именно на почве участия последнего в выборах — Чавес считал, что Ариас своим участием легитимизирует продажную коррупционную систему голосования.

Уго Чавес дал пару пресс-конференций в Каракасе, возложил венок к памятнику Боливара и провел остаток пасхальных каникул в своих родных местах — Баринасе и Сабанете.

После этого на подержанной машине «тойота-самурай» (ее приобрели в складчину друзья как подарок к 40-летию Чавеса) Чавес и его самые близкие соратники из бывших офицеров отправились в 100-дневный пропагандистский тур по стране, который окрестили «боливарианским ураганом» с главным слоганом «Надежда рождается на улицах». За рулем сидели по очереди, часто видавшее виды авто ломалось (машину прозвали «черная ослица» — ей и правда доставалось гораздо больше, чем длинноухому вьючному животному), что вносило коррективы в график выступлений.

Обычно, когда группа прибывала в тот или город или поселок, Чавес взбирался на «ослицу» и произносил пламенную речь о борьбе с коррупцией и необходимости новой, подлинно народной конституции. Помимо новой конституции Чавес заговорил и о революции — только коренные изменения могли вывести из нищеты огромные массы простых венесуэльцев.

Ни дождь, ни жара не могли повлиять на темперамент Уго. Часто он говорил перед совсем маленькими группами в 5–6 человек. Но он любил людей искренне, и они платили ему тем же. Чавес просто приходил в любой дом, вежливо здоровался и через пару минут был уже своим человеком. Он целовал и обнимал детей (причем без телекамер и репортеров), выпивал чашечку кофе, удобно устраивался в гамаке. Таких «политиков из телевизора» простые венесуэльцы еще не видывали. На домах появились лозунги «Боливар воскрес!» Иногда в поездках Чавеса сопровождали его дети.

Подчас Уго выступал по 5–6 раз в день, терял голос и ел имбирь, чтобы его восстановить. С едой и ночлегом проблем не было — почти каждый считал за честь принять Чавеса и его спутников в своем доме. Жители городов и сел часто покупали для «черной ослицы» бензин.

Когда «свита» Чавеса возросла, бывший полковник ВВС Луис Альфонсо Давила купил ему мини-вэн с встроенными лежаками, громкоговорителем и туалетом. Машину окрестили «чавесмобилем».

За 100 дней Чавес объехал почти все селения страны — такого до него не делал никто. Ему помогали главным образом бывшие офицеры (включая Исарру), а также левые радикалы из Социалистической лиги и «Бандера роха».

Но в главных левых партиях страны, включая коммунистов, к Чавесу относились, по меньшей мере, настороженно — ведь он по-прежнему стоял за насильственный путь совершения революции.

Правящая элита понимала, что ей грозит. За Чавесом постоянно следили политическая полиция и военная разведка. Потом от слежки перешли к действию — верную «ослицу» украли во время одного из митингов в Каркасе. Не везло и «чавесмобилю». Один раз удалось вовремя обезвредить заложенную в машине бомбу. Но потом мини-вэн все-таки взорвали — Чавесу повезло, что на тот момент его в автомобиле не оказалось.[1]

Летом 1994 года Чавес понял, что настала пора приобрести и внешнеполитический опыт. Он поехал в Аргентину, Уругвай и Чили, но никто из влиятельных политиков этих стран не пожелал с ним встретиться. С подачи американцев «путчиста» Чавеса считали чуть ли не политическим прокаженным.

Тем ценнее для Чавеса было приглашение кубинцев выступить на мероприятии в Гаванском университете, посвященном Симону Боливару. Приглашение было тоже не официальным и Чавес даже не надеялся встретиться с Фиделем Кастро.

Но он всегда мечтал об этом. Уго не могло не прийти на ум сравнение своей жизненной судьбы с судьбой лидера кубинской революции. Ведь первый революционный опыт Фиделя Кастро тоже был неудачным: в 1953 году он повел своих соратников на штурм казармы Монкада и оказался в тюрьме, как и сам Чавес. В заключении Уго прочел знаменитую речь Кастро на суде «История меня оправдает». Так и произошло: и стойкость, и целеустремленность Кастро, казалось бы, в безнадежной ситуации, стали для Чавеса достойным примером для подражания.

Как только самолет приземлился в Гаване в 21.30 13 декабря 1994 года к Чавесу подошел человек в форме и предложили следовать за ним. Чавес был потрясен, когда увидел, что у трапа его встречает лично глава кубинского государства. Кастро оказался первым мировым политиком, разглядевшем недюжинные таланты и мощный потенциал бывшего подполковника. Чавес и Кастро обнялись, а потом проговорили до четырех часов утра (хотя гость должен был вставать уже в 7.00). Чавес сказал при встрече: «Я такой чести пока не заслужил, но я надеюсь заслужить ее в ближайшие месяцы или годы»[2].

Всегда много читавший Чавес очень хорошо знал историю, причем не только латиноамериканскую, но и мировую. Но Кастро, как оказалось, знал еще

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 125.
[2] Ibid. S. 117.

больше. Например, для него не были новыми такие имена героев венесуэльской истории как Самора и Майсанта (предок Чавеса). Гость вспоминал как, проверив Кастро на знание исторических фактов, он сказал себе: «Ну все сдаюсь, сдаюсь… Этот человек непобедим»[1]. Кастро тоже говорил гостю о схожести их судеб: «Когда ты родился, я уже сидел в тюрьме».

На следующий день центральный орган компартии Кубы, газета «Гранма» опубликовала на первой полосе фото дружеских объятий Кастро и Чавеса. Такой чести скромному венесуэльцу еще никто не оказывал. Газета цитировала Кастро, что не он минуты не колебался, чтобы ехать в аэропорт для встречи «подполковника Уго Чавеса»[2].

Скромность Чавеса не была показной и люди это сразу понимали. Во время выступления в Гаванском университете он представился как «солдат» и как «латиноамериканец, который полностью и навечно предан делу революции в нашей (Латинской) Америке»[3]. Чавес (по-прежнему не употреблявший слова «социализм») отдал должное Кубе как «бастиону латиноамериканского достоинства». Действительно в то время только Куба в Латинской Америке могла похвастаться тем, что проводила внутреннюю и внешнюю политику без учета мнения Вашингтона.

Чавес в своей речи в Гаване выразил также надежду, что когда-нибудь Венесуэла и Куба будут поддерживать друг друга в осуществлении своих революционных проектов. Гость говорил, что хотя он на Кубе в первый раз, но в своих мечтах уже не один раз побывал на острове. Фидель слушал выступление Чавеса, сидя в первом ряду.

Затем Чавеса отвезли в военную академию, где ему показали подземные командные центры, подготовленные на случай атаки США против Кубы. Несомненно, это был жест высочайшего доверия.

Так дружеские объятия двух незнакомых людей в аэропорту стали началом долгой и искренней дружбы. На прощанье Кастро и Чавес посмотрели вместе альбом с памятными фотографиями о пребывании венесуэльца на острове Свободы, подаренный Кастро Чавесу.

Вернувшись домой, Чавес продолжил завоевывать сердца сограждан, на этот раз в пригородах Каракаса. Общение недавнего героя глянцевых журналов с нищими не понравилось респектабельной столичной прессе, которая стала игнорировать своего былого любимца. Если Чавес приходил в редакции газет, журналисты просто сбегали, чтобы уклониться от общения с ним. Еще в июле 1994 года, находясь в Колумбии, Чавес обвинил власти в том, что они давят на СМИ и полностью отрезали его от радио и телевидения[4].

Между тем при правлении «борца с коррупцией» Кальдеры Венесуэлу опять раздирали коррупционные скандалы. Кальдера играл в добропорядоч-

---

[1] Jones B. Hugo. P. 192.
[2] Ibid. P. 192.
[3] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 117.
[4] Jones B. Hugo. P. 195.

ность и каждое воскресенье посещал мессу, о любовницах вроде тоже слышно ничего не было (правда, президенту было в 1993 году уже 77 лет).

Но едва Кальдера успел избраться, как по стране поползли слухи о грозящем банкротстве одного из крупнейших банков — «Банко Латино» (он был вторым в Венесуэле по сумме активов).

«Банко Латино» был создан близкими к Пересу людьми и получил кличку «банка двенадцати апостолов» по числу членов узкого круга окружения президента-адека. Перес и его «апостолы» прокручивали через банк государственные средства, а банкиры платили своим благодетелям взаимностью в разных формах. В 1989 году Перес сделал президента и крупнейшего акционера «Банко Латино» Педро Тиноко главой центрального банка и тот взялся за осуществление неолиберальной программы МВФ. Еще одним «апостолом» банка был брат президента Фернандо.

За счет «Банко Латино» был организован роскошный полет на сверхзвуковом «конкорде» в Париж, где «апостолы» и коррумпированные чиновники веселились в отеле «Ритц»: отмечали открытие филиала «Банко Латино» в Париже. Увеселительная поездка обошлась в 300 тысяч долларов.

Вскоре оказалось, что прогуливали последние деньги. Через три месяца — в январе 1994 года — «Банко Латино» обанкротился. Вкладчики ринулись забирать свои деньги. Началась всеобщая паника и к концу 1994 года правительству пришлось спасать от гибели уже половину всех банков страны. С января 1994 по август 1995 года обанкротились 17 коммерческих банков (из 49 имевшихся в наличии), кризис затронул 53% всех банковских активов. Только до конца 1994 года государство направило в частные банки в порядке помощи 10 миллиардов долларов средств налогоплательщиков — больше половины всего годового бюджета страны. Стране пришлось отдать отнюдь не бедному банковскому сообществу до 20% ВВП, и дефицит бюджета в 1994 году составил 15,4% ВВП — помощь богатым оказалась дорогим делом.

Власти выдали ордера на арест 83 банкиров, предпринимателей и чиновников центрального банка, но те уже спокойно нежились на пляжах Майами. С собой фигуранты уголовных дел вывели за границу более 4 миллиардов долларов.

Глубинной причиной кризиса была навязанная МВФ либерализация экономики — банки практически полностью «освободили» от любого государственного контроля. «Банко Латино» нагло фальсифицировал бухгалтерскую отчетность, и никому до этого не было никакого дела.

350 тысяч венесуэльцев лишись из-за банковского кризиса своих пенсионных накоплений. Разорились 70 тысяч малых и средних предприятий. Причем здесь «помог» Кальдера, который снова ввел ограничения на обмен валюты (надо было спасать золотовалютные резервы на фоне бегства банковского капитала из страны). Многие фирмы не смогли получить вовремя от государства необходимые им для расчетов с импортерами доллары и в одночасье оказались банкротами.

Зато, как выяснилось, «Банко Латино» за счет вкладчиков спонсировал кредитные карты 36 парламентариев и 10 министров на 3 миллиона долларов в месяц.

Оказавшись перед лицом финансового коллапса, былой борец против МВФ Кальдера опять обратился к фонду за помощью. МВФ, как и в 1989 году, снова порекомендовал девальвировать боливар, что и было исполнено: боливар рухнул к доллару на 70%, что естественно вызвало резкий скачок инфляции (ведь почти все товары широкого потребления по-прежнему были импортными). Например, цены на топливо взлетели на 800%.

В условиях гиперинфляции Кальдера опять-таки по совету МВФ либерализовал процентные ставки по кредитам и те стали неподъемными для граждан и бизнеса. По мере сокращения предпринимательской активности падали налоговые сборы, и фонд порекомендовал Венесуэле заткнуть дыры в бюджете за счет приватизации.

Фактически Кальдеа приступил к денационализации нефтегазового сектора, но низкие мировые цены на нефть отпугивали частный бизнес и каких-либо осязаемых инвестиций не поступило. Примечательно, что министром планирования у Кальдеры был никто иной как бывший партизан и кандидат на пост президента от МАС Теодоро Петков. Пламенный левый радикал (когда-то похищавший американских военных) превратился в столь же пламенного неолиберала и ездил по миру, уговаривая иностранных инвесторов участвовать в приватизации венесуэльской металлургии, нефтедобычи и телефонных сетей.

От былой левизны Петкова осталась всего одна, мягко говоря странная, идея — министр выдал всем 1,4 миллиона госслужащих розовые галстуки, чтобы они гордились страной.

Потенциальные инвесторы никак не могли рассчитать свой интерес в условиях гиперинфляции, до которой довел страну Кальдера. В 1994 году цены выросли на 71%, в 1995 — еще на 57%. В 1996 году инфляция перешагнула рубеж в 100 процентов — 103%. Это был рекорд для стран Латинской Америки. Всего за время президентства Кальдеры цены взлетели вверх на 800%. В истории Венесуэлы такого роста цен еще не бывало[1].

Таким образом, реальному сектору венесуэльской экономики новая программа МВФ тоже явно не пошла на пользу.

1993 год Венесуэла отметила нулевым ростом ВВП, в 1994 году рост был уже отрицательным — минус 2,3%. В 1995 году ВВП вырос на 3,9%, но только для того, чтобы в следующем году снова упасть — на 0,2%. Подобными нервными скачками страна и двигалась неизвестно куда до 1998 года.

Такие зигзаги отражали, в том числе, и колебания мировых цен на нефть, которые начиная с 1997 опять устремились вниз. В декабре 1993 года нефть стоила 13,56 доллара за баррель, в ноябре 1994 — 17,3, в декабре того же года

[1] В России в 1994 году цены выросли на 215%, в 1995 — на 131%. В 1996 году инфляция оставила 22%.

— 15,8, в декабре 1995 года — 17,96, в декабре 1996 года целых 23 доллара и 52 цента, а в марте 1998 года — всего 13,08[1].

Весь период 1992–1995 гг. Венесуэла, как и далекая от нее Россия, находилась в пропасти глубокой рецессии.

Но огромное большинство венесуэльского населения не видело ничего хорошего и тогда, когда ВВП номинально рос. С 1980 по 1989 год число бедных увеличилось на 150%. В 1992 году бедных было столько же, сколько в 1985-м. 48% населения в 1995 году официально считались бедными (26% в 1982 году). В 1995 году реальная зарплата венесуэльцев снизилась по сравнению в 1982 годом на 53%[2]. Причем в госсекторе и на госслужбе падение было более сильным. При этом на государство работало примерно 20% всех жителей страны. Коррумпированные профсоюзы заключали коллективные договоры на два года и возможности адаптации заработной платы к галопировавшей инфляции эти договоры не содержали.

40% венесуэльцев было занято (часто неполный день) в так называемом неформальном секторе — на предприятиях с количеством занятых не более пяти человек. Там доходы в период кризиса падали еще быстрее. И никаких социальных гарантий у работников неформального сектора не было и в помине.

В 1992–1995 гг. реальная зарплата в неформальном секторе снижалась на 15% в год, в «формальном» (т. е. государственном) — на 10%.

Простые люди недоедали и голодали на фоне полетов в Париж «апостолов» из «Банко Латино». Либерализованные, то есть лишенные субсидий, сети водо- и электроснабжения регулярно оставляли жителей городов то без воды, то без света, то без того и другого вместе. Отдушиной был популярный телесериал «На этих улицах», отображавший мрачную и несправедливую венесуэльскую действительность. Например, в одной из серий двое влюбленных наконец-то остаются одни, но тут становится известно, что наконец дали воду. И молодые люди разбегаются по домам, чтобы успеть наполнить заранее подготовленные емкости.

На региональных выборах 1995 года движение Чавеса МБР-200 вновь призвало избирателей к бойкоту — «активному неучастию» (именно тогда и поссорились Чавес с Ариасом Карденасом). Чавес назвал выборы «умышленным глумлением над чаяниями населения»[3]. Слоган МБР-200 базировался на широко известном населению выражении Чавеса «пока» («пер аора): «Пока ни за кого. Учредительное собрание[4] — немедленно!» По замыслу Чавеса, надо не выборами, а забастовками и массовыми демонстрациями заставить правительство объявить выборы в Учредительное собрание. Новая конституция должна

[1] URL: http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=crude-oil-brent&months=300
[2] URL: http://idbdocs.iadb.org/wsdocs/getdocument.aspx?docnum=1481392
[3] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 124.
[4] Учредительное (или конституционное) собрание — выбираемый населением орган, призванный выработать новую конституцию.

не реформировать, а полностью сменить политическую модель венесуэльского государства.

Кальдера стремительно терял популярность, падавшую одновременно со снижением доходов граждан. Если в мае 1994 года ему доверяли 66%, то в сентябре 1996 — 33%[1].

Президент боролся против недовольства людей не менее жестко и с не меньшими нарушениями законности, чем Перес. Своими декретами он отменил ряд конституционных гарантий, включая право частной собственности — правительство отныне могло ее конфисковывать без всяких обоснований. Отменили и свободу выезда (ради экономии валюты). Конгресс через неделю восстановил конституционные права, но Кальдера отменил решение парламента, чего не имел права делать. Президент угрожал провести референдум о доверии законодательной и исполнительной власти. Конгресс испугался, и Кальдера стал править декретами, не оглядываясь на парламент.

Президент не брезговал и арестами членов МБР-200, которым побрасывали оружие. В марте 1995 года политическая полиция провела настоящую облаву на оппозиционеров, арестовав 150 человек. Среди задержанных был и старший брат Чавеса Адан. Тогда Чавес предложил Кальдере арестовать его самого и заключить пари — кто первый из них двоих вылетит из тюрьмы или президентского дворца. Но Кальдера явно не хотел содействовать росту популярности своего главного противника, к тому же он понимал, что пари проиграет.

Однако политическая полиция следовала за Чавесом по пятам, чтобы отследить всего его контакты. Конечно, Чавес переживал, что из-за него у невинных людей начинаются большие неприятности. Часто он носил парик, усы, надвинутые на лицо шляпы, чтобы сбить слежку с толку. Иногда он назначал встречи прямо в машине, чтобы «хвост» не видел лица того, с кем он встречался.

Полиция прослушивала телефон Чавеса (что было абсолютно незаконно) и организовала похищение не только «черной ослицы», но и машин других соратников подполковника. Ведь и Чавес и его друзья были людьми мягко говоря не богатыми, и потеря машин была для них ощутимым ударом.

Борьба Кальдеры с политическими противниками приняла в 1996 году (когда стал осуществляться новый план МВФ) абсурдный характер. Главный и самый модный астролог Венесуэлы, президент Ассоциации венесуэльских астрологов Хосе Бернардо Гомес заявил в октябре 1996 года, что Кальдера умрет в следующем году. Гомеса немедленно арестовала политическая полиция и стала допытываться, откуда у астролога такие данные. Гомес рассуждал о планетах, знаках и т. д., но охранка пыталась повесить на него версию об убийстве президента, которое якобы запланировал Чавес. Газеты подняли Кальдеру на смех и Гомеса отпустили. Министр внутренних дел оправдывался, что астролога про-

[1] Jones B. Hugo. P. 198.

сто решили «расспросить» о том, на чем он основывает свои предположения (хотя возраст Кальдеры был в общем далеко не юношеский, и такого рода предсказания можно было сделать и без знаков Зодиака).

Гомес торжественно пообещал, что, если его предсказание не сбудется и Кальера будет жив 8 июня 1997 года, он прекратит заниматься астрологией. Президент «выжил» и правительство отметило это событие как настоящий триумф[1]. Кальдера даже прошел пешком от президентского дворца до здания конгресса, чтобы продемонстрировать свое крепкое здоровье.

Люди все же стали побаиваться участвовать в митингах движения Чавеса. Ведь это могло лишить работы, а то и свободы. В 1995 году Чавес организовал новую поездку по стране — «Караван бойкота выборов», но людей на этот раз приходило на встречи с команданте гораздо меньше. К тому же Чавес понял, что людей интересуют больше экономические вопросы, чем принятие новой конституции некой «пятой республики».

Чавес (который легко учился и был готов признать свои ошибки) понял, что пришло время сменить тактику. Внутренне он уже настроился на участие в президентских выборах 1998 года, но ему надо было убедить в коренной смене вех своих соратников, а также вынести на суд нации свою политическую программу.

22 июля 1996 года Чавес представил общественности первую развернутую программу своего движения — «Альтернативная боливарианская повестка дня». Это был ответ на только что выдвинутую Кальдерой неолиберальную и согласованную с МВФ «венесуэльскую повестку дня».

Весьма солидную и продуманную политическую и социально-экономическую программу МБР-200 разработала группа профессоров во главе с Джиордани. В документе справедливо констатировалось, что система пакта Пунто-Фмхо «агонизирует» и боливарианское движение покончит с ней также как с «неолиберальным фундаментализмом» в экономике. Программа обещала также коренную реформу госаппарата, чтобы сделать его «ближе к народу». Государство должно было снова тратить солидные деньги на индустриализацию (создание новых рабочих мест), обеспечить всех граждан образованием и медицинским обслуживанием, начать сооружать дешевое жилье для нуждающихся. Цель была сформулирована четко — преодоление чудовищного разрыва в уровне жизни между богатыми и бедными.

Найти средства на амбициозные проекты авторы программы предлагали за счет сокращения «бесстыдно высоких издержек» государственной нефтяной компании ПДВСА, урезания ее инвестиционной программы и реструктуризации внешнего долга[2].

МБР-200 по-прежнему не позиционировало себя ни как левое, ни как правое движение, предлагая «патриотический выход из кризиса». Но «повестка

---

[1] Jones B. Hugo. P. 199.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 126–127.

дня» была конечно левым, хотя и не социалистическим документом. О новой конституции в программе не было ни слова.

Левое крыло движения (Николас Мадуро, Карлос Карлес, Нельсон Мерентес) были против начавшегося поворота в сторону участия в выборах. Левые образовали так называемый «коллектив Ла-Гуакамайя», который выдвинул идею «народного конституционного процесса». Граждане должны были созвать на местах тысячи «учредительных собраний», чтобы сформулировать и обсудить новый основной закон страны. К тому же такая «креативная» форма должна была «разбудить народ» и заставить правительство назначить выборы в реальное учредительное собрание.

Но главный стратег еще не начавшейся официально предвыборной кампании Чавеса Микилена считал все эти идеи блажью и пустой тратой времени.

14–15 декабря 1996 года Национальное собрание (съезд) МБР-200 решало вопрос об участии в будущих президентских выборах. Форум едва не сорвался — под давлением властей собственники театра «Чакаито» в последний момент отказали движению в праве проведения мероприятия. Едва удалось договориться с университетской библиотекой, куда и переехали делегаты.

Большинство участников собрания (левое крыло МБР-200) выступило против участия в выборах, которые по-прежнему характеризовались как фарс. Движение едва не раскололось и, в конце концов, делегаты решили перенести принятие судьбоносного движения на чрезвычайный съезд МБР-200 в апреле 1997 года.

Одним из аргументов левых была ссылка на опросы общественного мнения, согласно которым президентский рейтинг Чавеса колебался в районе 3–5%. Однако и Чавес, и Микилена подозревали, что такие липовые рейтинги заказывают само правительство и близкие к нему бизнесмены. Поэтому было решено провести независимое исследование общественного мнения. Страну поделили на три региона (центр, запад и восток), чтобы учесть различные взгляды электората в регионах (на юге, в Амазонии практически никто не жил). Опрос дал потрясающий результат — 70% заявили, что поддерживают идею участия Чавеса в президентских выборах, а 56% были готовы непосредственно проголосовать за него[1].

19 апреля 1997 года (в этот день была провозглашена независимость Венесуэлы) МБР-200 собралось на чрезвычайный съезд. Ожесточенные дебаты по поводу участия в выборах шли целый день и всю ночь. Чавес угрожал в случае сохранения тактики бойкота подать в отставку. Наконец левые во главе с членом правления МБР-200 Николасом Мадуро перешли на сторону лидера, и решение об участии в президентских и парламентских выборах было принято.

Кандидатуру Чавеса очень серьезно и с большой тревогой восприняли в Вашингтоне. В октябре 1997 года Чавес хотел поехать в Майами, куда его пригласил на телеинтервью известный во всей Латинской Америке перуанский

[1] Jones B. Hugo. P. 203.

журналист Хайме Бейли. Однако посольство США в Каракасе отказало «бывшему путчисту» во въездной туристической визе. За Чавеса вступился даже министр планирования Петков, сказавший американскому послу, что массе других бывших и нынешних путчистов (включая самого Петкова) американцы дают визу без всяких проблем. К тому же Чавес, по словам Петкова, «вступил на путь демократии»[1].

Но американцы стояли на своем (это было частью задуманной комбинации) и сервильно настроенные по отношению к США главные венесуэльские газеты наперебой стали писать, что избрание Чавеса приведет к полному прекращению американских инвестиций — ведь США даже не хотят видеть Чавеса в своей стране.

Но отказ в американской визе лишь содействовал росту популярности Чавеса. На одной пресс-конференции «путчист» спокойно сказал, что у него уже есть американская виза и предъявил репортерам кредитную карту «Виза».

Венесуэльская конституция запрещала партиям, участвующим в выборах, использовать имя Боливара в своем названии. Руководство движения стало придумывать новое наименование, которое в то же время должно было не сильно отличаться от уже привычного людям старого имени. «Мозговой штурм» дал много вариантов: от «Новая родина» до «Чавес — сейчас!» Но самый удачный, как оказалось, вариант предложил сам лидер — «Движение Пятая республика». Испанская аббревиатура новой партии MVR на испанском языке произносилась почти также как старая MBR. V означало римскую цифру — символ пятой республики.

После регистрации новой партии в июле 1997 года началась, хотя и неофициально, предвыборная кампания.

Венесуэльская олигархия, тесно связанная с американцами, была полна решимости сделать все, чтобы не пустить Чавеса к власти. Однако было ясно, что любой кандидат от надоевших людям и насквозь коррумпированных партий Пунто-Фихо — КОПЕЙ и АД — ни за что не одержит победу. Тогда было решено выставить против «свежего» Чавеса не менее «свежего» и популярного кандидата.

Венесуэла была страной, где самым любимым в народе событием были конкурсы красоты. Даже сам Чавес, будучи курсантом военной академии, выступал в роли ведущего таких конкурсов. Четырехчасовое телешоу по выборам «мисс Венесуэлы» было главным шлягером года — вся страна замирала у экранов телевизоров. Рейтинг просмотра шоу был всегда в районе 70%. С 1979 по 1997 год венесуэльские красавицы выиграли 10 титулов в международных состязаниях.

В 1981 году двадцатилетняя платиновая блондинка Ирене Саэс (смуглые венесуэльцы были без ума именно от блондинок) ростом в 181 см стала «Мисс

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 129.

Венесуэлой», а затем и «Мисс Вселенной»[1]. Излишне говорить, что девушка проснулась звездой номер один у себя на родине. В аэропорту Каракаса возвращавшуюся из Нью-Йорка Ирене встречал лично президент Луис Эррера Кампинс, вручивший девушке золотую цепочку. Кстати, в том же году другая венесуэльская красавица Пилин Леон стала «Мисс Мира».

Ирене родилась в богатой семье бизнесмена, но в три года потеряла мать, умершую от рака. Такая семейная драма только добавляла ей сочувствия в народе. Именно голос умершей матери, как рассказывала позднее таблоидам, Саэс заставил ее в самый последний момент принять участие в конкурсе красоты (за две недели до самого события). В то время девушка училась в университете на инженера и училась блестяще.

Став «Мисс Вселенной», Саэс была полна решимости доказать, что ее форма — лишь отражение богатого внутреннего мира. Целый год она ездила по белу свету, познакомившись и с президентом США Рейганом (бывшим актером вестернов), и с чилийским диктатором Пиночетом, и с другой знаменитой блондинкой — Маргарет Тэтчер. Именно с «железной леди» Саэс и решила взять пример, обратившись к политике. Ради этого она даже отказалась от многомиллионного контракта в Голливуде обещавшего съемки с самим Джоном Траволтой.

Вместо кино Саэс снова стала студенткой — на сей раз политологии в Центральном университете Каракаса. В течение года она работала послом Венесуэлы в ЮНЕСКО. Вопреки устоявшимся представлениям о «моральном облике» супермоделей, Саэс не «светилась» на телевидении, не снималась в «мыльных операх», и чуть ли не каждый день посещала церковь, занимаясь там волонтерством.

Правда, это был рассчитанный на потенциальных избирателей «лубочный облик» умной, скромной и порядочной красавицы. На самом деле она летала по миру со своим богатым любовником, венесуэльским банкиром, который устроил ее к себе в банк пресс-секретарем. Дорогие отели и развлечения оплачивал банк — можно было ни в чем себе не отказывать.

В ноябре 1992 года Ирене Саэс была избрана мэром самого богатого района венесуэльской столицы — Чакао[2].

Чакао внешне походил на американский город — там жили богатые венесуэльцы, всегда старавшиеся подражать великому северному соседу. Эту часть столицы даже прозвали «диснейлендом», где на каждом шагу красовались «макдоналдсы» и продавалось только мороженое «баскин роббинс». Но к 1992 году богатые поняли, что создать оазис благополучия посреди поголовной нищеты очень тяжело. На улицах ночью было страшно появляться. Вооружен-

---

[1] В 1979 году уроженка Венесуэлы Марица Сайалеро завоевала первый для своей родины титул «Мисс Вселенная».

[2] Юридически такого муниципального образования, как Каракас, тогда вообще не существовало, что не редкость среди латиноамериканских столиц. Формально на территории Большого Каракаса было пять самостоятельных городов, имевших своих мэров.

ные банды грабили посетителей дорогих ресторанов. На плохо освещенных улицах громоздились кучи неубранного мусора (ведь социальные расходы были снижены, в том числе и на дворников).

Блондинка быстро навела в Чакао порядок, что удивило многих в стране. Ирене набрала в полицию выпускников университетов, резко повысила им зарплату и оснастила их не только современным, но и модным снаряжением (налоги богатеев ее города вполне позволяли это сделать). Полиция стала разъезжать не только на современных иномарках, но и на мотоциклах, велосипедах, роликовых коньках и гольфкарах (их сразу же прозвали «иренемобилями»). На головах у новой полиции гордо высились белые шлемы английских полицейских, которые приглянулись «Мисс Вселенной» в Лондоне.

Преступность быстро сошла на нет и в парках стало, как и раньше, возможно встречаться с любимой девушкой или просто играть в шахматы. Сами парки тоже были вычищены, а стоявшие несколько лет сухими фонтаны снова радовали богатых венесуэльцев живительной влагой среди тропической жары.

Саэс набрала себе толковых советников и администраторов, а сама предложила пенсионерам уроки боевого искусства «тайцзи» (вид ушу) как курс самообороны.

Чакао превратился в оазис чистоты и порядка. В 1995 году умная блондинка была триумфально переизбрана мэром с результатом 96% голосов. Такого результата не достигал ни один кандидат ни на одних выборах в истории Венесуэлы. Единственный противник Ирене адвокат Карильо не нашел ничего лучшего, как обозвать Саэс «пластиковой куклой». После этого от него отказалась собственная мать.

Под впечатлением такой триумфальной победы британская «Таймс» поместила Саэс на 83-е место в списке 100 самых влиятельных женщин мира, причем бывшая модель обошла даже мать Терезу и Джуди Фостер.

После 1995 года об Ирене Саэс заговорили как о кандидате в президенты. Она была не только умницей и красавицей, но и честным, эффективным госслужщим, по которым соскучилась страна. Но не все понимали, что другой такой солидной налоговой базы как в Чакао нет нигде больше по всей Венесуэле.

Как только президентская кандидатура Уго Чавеса в 1997 году стала реальностью, вся богатая политическая и бизнесэлита Венесуэлы всей кожей почувствовала смертельную опасность. Ведь Чавес был кандидатом трущоб, а значит олицетворял для Чакао всех тех, от кого следовало держаться подальше. К тому же Чавес был популярен, неподкупен и честен. Не было никаких сомнений, что он сделает то, что обещает и перераспределит доходы между богатыми и бедными в пользу последних.

Именно тогда в борьбу против опасного подполковника и решили бросить «Мисс Вселенную». Саэс старательно дистанцировала себя от АД и КОПЕЙ, но и свою партию тоже не создавала — отвращение людей ко всем партиям было ей известно. Кстати именно поэтому и свою партию Чавес назвал

движением — то есть чем-то неформальным, свободным от закулисных сделок профессионального партийного аппарата.

Борьбу Чавеса против Саэс буржуазные газеты сразу же окрестили «красавица и чудовище». Самого Чавеса окончательно перестали пускать в СМИ (особенно на телевидение, памятуя урок 4 февраля 1992 года), и газеты лишь распространяли в отношении «путчиста» самые невероятные слухи. Например, говорили, что Чавес развяжет кровавые репрессии и отпугнет всех инвесторов. Искусственно поддерживались россказни, что команданте по совету Фиделя Кастро обещал зажарить в кипящем массе головы всех лидеров АД и КОПЕЙ.

Газеты пытались представить Чавеса и просто сумасшедшим. Писали, что он вызывает духов Саморы и Боливара и советуется с ними по всем вопросам, что себя он считает реинкарнацией Освободителя. Чавес был вынужден официально опровергать информацию о том, что он пьет кровь младенцев.

Главным менеджером кампании Чавеса был Микилена. По его совету Чавес срочно сменил имидж — простонародный лики-лики заменили элегантные свитера и костюмы с тщательно подобранными галстуками. После встреч на площадях с народом, Чавес вместе с Микиленой обедали в изысканных ресторанах с представителями деловой элиты и убеждали их, что никого экспроприировать не будут. Микилена (сам будучи успешным бизнесменом) организовал встречу даже с лидером союза предпринимателей «Федекамарас» Франсиско Натеро[1].

В своих выступлениях Чавес старательно избегал даже намека на слово «социализм». Он выступал за третий путь между коммунизмом и неолиберальным «диким капитализмом», сравнивая себя с популярным тогда молодым английским премьером-лейбористом Тони Блэром. Кандидат обещал уважать права иностранных инвесторов и обслуживать внешний долг. Микилена устроил ему встречи с представителями таких крупнейших американских банков как «Ситибэнк» и «Морган Стэнли».

Это не означало, что Чавес отказался от былых революционных убеждений и сострадания к бедным и обездоленным. Вовсе нет — но правила предвыборной гонки требовали изощренной гибкой тактики и Чавес оказался мастером именно там, где этого не ждали его противники.

Для завоевания сердец средних и богатых слоев на помощь пришел просто гениальный и не запланированный никем заранее пиар-ход — красивой блондинке Саэс судьба противопоставила не менее красивую блондинку.

Дело в том, что богатство и бедность в Венесуэле во многом зависели от цвета кожи. Чем темнее был человек, тем, как правило, беднее. Белые богачи инстинктивно не доверяли метису Чавесу (даже еще и с примесью африканской крови), что бы он не говорил. Белоснежная кожа Саэс и ее платиновые волосы, напротив, представали в качестве железной гарантии сохранения социального статус-кво после выборов.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 132.

В 1995 году во время очередной поездки по стране записку Чавесу со своим номером телефона передала красивая блондинка Марисабель Родригес (родилась в 1964 году в городе Баркисимето). Родригес работала журналистом и специалистом в области связей с общественностью. Она вела и детскую программу на радио. В записке говорилось о готовности помочь движению Чавеса. Но таких записок от влюбленных в него женщин Уго тогда получал тысячи и на эту конкретную его советники не обратили внимания — она так и не добралась до самого команданте.

К тому времени Марисабель уже успела побывать замужем и развестись.

Но в январе 1996 года один из дикторов радио формально познакомил Марисабель и Уго в Баркисимето. Они стали обмениваться телефонными звонками и записками, а с 14 января 1997 года начали встречаться. В октябре того же года Марисабель родила дочь Розинес[1], а в декабре они официально поженились. Отныне у Уго Чавеса была более чем презентабельная «первая леди».

Марисабель прекрасно сознавала свою важную роль в президентской гонке: «Я был нужна для того, чтобы снизить негативные показатели в опросах о моем муже и перетянуть на его сторону тот сегмент населения, который был настроен по отношению к нему полностью негативно»[2].

Вместе с маленькой дочкой Марисабель сопровождала супруга в поездках по стране. Теперь представить Чавеса пьющим кровь младенцев было уже, пожалуй, тяжеловато. Создавая образ настоящего семьянина, Чавес наконец-то покинул снятое для него Микиленой жилье и поселился отдельно вместе с новой супругой. Но характер у Марисабель был живой, упрямый и настойчивый — она отнюдь не была простой и скромной деревенской девушкой вроде Нэнси Кольманарес. Со временем дома все чаще вспыхивали споры, но это было уже после того, как Уго Чавес въехал в президентский дворец Мирафлорес[3]. Она говорила позднее, что «этот великодушный мужчина умел прощать обиды с моей стороны, так же как и я, умела прощать его обиды»[4].

Между тем левое крыло Движения пятой республики к неудовольствию Микилены затеяло новый проект, чтобы показать истинно народный характер своей организации.

Предполагалось строить партию не сверху вниз, а снизу вверх. По всей стране стали создавать «патриотические советы» из 3–9 человек (чтобы на собраниях мог свободно и без регламента высказываться всякий). Затем советы должны были избрать патриотический совет регионального уровня и наконец, Национальный патриотический совет — центральный орган партии. Особенно активно занимались реализацией «советской» идеи Николас Мадуро и Уильям

---

[1] Полное имя — Роза Инес, названа так в четь любимой бабушки Уго Чавеса.

[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 132.

[3] После смерти Уго Чавеса Марисабель сказала, что «Уго был человеком многих добродетелей и немногих дефектов, но одни нельзя упоминать без других».

[4] URL: http://www.ultimasnoticias.com.ve/noticias/actualidad/politica/marisabel-rodriguez-hugo-tenia-muchas-virtudes-y-p.aspx

Исарра — они хотели, чтобы структура партии по всей стране была наготове к началу официальной предвыборной кампании в июле 1998 года.

Но Микилена опасался, что сам по себе правильный процесс выльется в бесконечные дебаты и отвлечет силы сторонников Чавеса на внутренние распри. В апреле 1998 года Чавес попросил Исарру пока прекратить громоздкий процесс.

Вместо «советской» системы Микилена быстро создал «под Чавеса» предвыборную коалицию «Патриотический полюс» в составе MVR, MAC, компартии Венесуэлы, Избирательного движения народа и других. Вошло в «полюс» и отколовшееся левое крыло «Дела Р», организовавшее свою партию «Родина для всех». По своему составу коалиция Чавеса была бесспорно левой.

В конце 1997 года Ирене Саэс опережала Чавеса в опросах на 10–12 процентных пунктов (18% против 6–7%). Целая команда профессиональных советников «накачивала» «Мисс Вселенную» политической, экономической и юридической информацией для предстоящей компании. Ведь проблемы Венесуэлы никак нельзя было сравнивать с маленькими дефектами «венесуэльской Рублевки» — Чакао. На своем столе Саэс гордо демонстрировала журналистам книгу Маргарет Тэтчер с характерным названием «Путь к власти».

Но уже в начале 1998 года счастье стало изменять Саэс. Она не могла противопоставить ничего конкретного призывам Чавеса к «мирной революции» и полной смене политической системы. Выступления «мисс» были наполнены пустыми и сладкими фразами о необходимости доброты, терпения и служения людям. Недоедавший электорат страны был не готов в отличие от буржуа Чакао позволять кормить себя такими банальностями. А Ирене в своих речах все старалась никого не обидеть — людям, жаждавшим наказания политиканов-коррупционеров, это никак не нравилось.

Свое политическое движение Саэс, не мудрствуя лукаво, назвала IRENE — испанская аббревиатура первых букв слов Интеграция, Обновление и Новая Надежда.

Пытаясь противодействовать слухам о своей не очень-то добродетельной молодости, Саэс совершила глупейший поступок. В конце 1997 года она запретила целоваться в публичных местах Чакао. Для венесуэльцев поцелуи и объятия на людях были делом обычным. Но Саэс объяснила, что она не против поцелуев вообще, а лишь отвергает поцелуи непристойные, «выходящие за рамки приличия». Полиция дежурила в парках и на улицах и пронзительными свистками прерывала свидания, если мужчина и женщина слишком прижимались друг к другу или целовались слишком долго, не отрываясь[1]. Некоторых особо пылких любителей поцелуев даже арестовывали.

Естественно, что газетчики не без злорадства стали приставать к Саэс, чтобы она точно определила, какой поцелуй считать «непристойным». Мэр лишь ответила, что «если вы увидите, то вы сами должны это понять».

---

[1] Jones B. Hugo. P. 212.

Такое рвение в вопросах морали заставило журналистов поглубже покопаться в прошлом «Мисс Вселенной». Ей стали приписывать связь с американским миллионером Дональдом Трампом, который и финансировал конкурсы красоты «вселенского масштаба». Саэс оправдывалась, что они были лишь «добрыми друзьями», но ей никто не верил.

В феврале 1998 года Чавес стал быстро догонять Саэс даже по данным «мейнстримовских» опросов. У его было 13–16% против все тех же 18% «Мисс Вселенной». В апреле за Чавеса были готовы отдать свой голос уже 19%, а за гонительницу целующихся — 13%. Политическая и экономическая олигархия страны затрепетала, и нападки на «непредсказуемого» Чавеса в СМИ были усилены. Одновременно начались поиски нового «свежего лица».

Но против истеблишмента работала сама экономика. В 1997 году ВВП Венесуэлы вроде бы вырос аж на 5,12%, а инфляция замедлила свой бег до 50% (то есть снизилась в два раза по сравнению с предыдущим годом). Но в октябре 1997 года началось резкое снижение цен на нефть. За 1998 год цены упали на 34%, и к осени 1998 года баррель стоил всего 7,66 доллара. Тоже зависящая от нефти Россия не выдержала и объявила себя банкротом в августе 1998 года.

Венесуэла в одночасье лишилась 7 миллиардов долларов запланированных доходов, и социальные расходы пришлось срочно урезать на 2,3 миллиарда. И тем не менее дефицит бюджета рос и превысил 5% от ВВП. Кальдера оставлял страну своему преемнику тоже практически банкротом.

Чавес начал свою официальную кампанию летом 1998 года с массового митинга, на котором он предстал в своем «революционном» красном берете. Саэс, которая, видимо, совсем оторвалась от реальности в своей «Рублевке», ответила стильным приемом с рок-звездами для избранных в духе голливудских «парти». Еще Ирене сменила прическу, чтобы походить на знаменитую «Эвиту» — жену аргентинского президента Перона.

Против Чавеса стали использовать массовое устрашение избирателей — на митингах Саэс крутили фильмы с кадрами «каракасо» и прозрачно намекали, что с приходом Чавеса к власти грабежи богатых начнутся уже в масштабах всей страны. Чавеса опять-таки именовали закоренелым путчистом. Тогда на одном из митингов бывший подполковник сказал, что гордится своим участием в восстании 4 февраля и попросил поднять руки тех, кто думает также. Взметнувшийся лес рук был более чем красноречивым ответом.

Саэс (которой явно не хватало опыта политической борьбы в национальном масштабе) совершила политическое самоубийство, согласившись на поддержку со стороны КОПЕЙ. До этого она много говорила о том, что является кандидатом перемен и вдруг приняла помощь от партии-символа коррупции в стране. После такого шага «Мисс Вселенной» партия «Дело Р» в августе 1998 года отказала ей в содействии и предвыборный корабль Ирене стал разваливаться прямо на глазах.

Второй столп венесуэльской коррупционной системы — партия АД — все еще не хотела верить в свою клиническую смерть. Но о состоянии этой пар-

тии красноречиво говорил ее кандидат — старый политикан, генеральный секретарь адеков Луис Альфаро Усеро. АД все еще была по численности едва ли не самой крупной партией Латинской Америки и имела первичные организации в каждом городе. Видимо адеки считали, что со своей отлаженной машиной покупки голосов через прикормленные профсоюзы они могут сделать президентом любого человека. Иначе кандидатуру откровенно нехаризматичного Альфаро Усеро который прямо-таки визуально олицетворял систему Пунто-Фихо, объяснить было нельзя.

Своим венесуэльским ставленникам решили помочь американцы. Именно в апреле 1998 года госдепартамент опубликовал информацию об отказе Чавесу в визе (хотя сам отказ имел место, как уже упоминалось, в октябре 1997 года). Газета «Майами Геральд», которую называли «ежедневником олигархов», сообщила «о неподтвержденных сведениях о секретных контактах (Чавеса) с режимами-париями на Ближнем Востоке, такими как Ливия и о слухах, что Куба помогает Чавесу формировать вооруженную милицию»[1]. Характер «утечки» явно говорил о ее источнике — почерк ЦРУ бросался в глаза.

Другие газеты писали, что «псих» Чавес расстреляет все неугодных ему журналистов. Чавес лишь посмеивался: «Одни говорят, что я наполовину Гитлер, а наполовину Муссолини. Другие считают, что я Каддафи с небольшой примесью Кастро». Нападки олигархии, явно лишенные сякого основания, только добавляли кандидату оппозиции популярности.

Тогда АД вспомнила о жареных в масле головах и заказала рекламный предвыборный ролик, на котором бедно одетые люди сидели перед сковородкой с кипящим маслом. Одна женщина гордо говорила, что Чавесу придется зажарить всю Венесуэлу, ибо «мы все — адеки». Но такой низкопробный пошиб агитации АД вызвал столь сильное возмущение в стране (равно как и массу шуток по адресу той же АД), что даже центральная избирательная комиссия высказала свое негодование.

Видя, что Чавес уверенно идет к победе, правящая элита в последний момент запустила новый «свежий проект», причем в прямом смысле этого слова — только что созданную партию «Проект Венесуэла». Ее кандидатом стал Энрике Салас Ремер — лучшее, что могли предложить народу те, кто его обирали.

Ремер (родился в 1936 году) был хрестоматийным венесуэльским олигархом. В 1961 году он окончил естественно американский университет «лиги плюща» — Йельский. Женат он был тоже с умом — на дочери губернатора своего родного штата. Ремер работал в частном бизнесе и преподавал в университете модную среди правых монетаристскую теорию. С 1983 года был независимым депутатом конгресса. В 1990–1996 гг. Ремер был губернатором штата Карабобо и передал власть своему сыну. На выборах губернатора его поддержали МАС и КОПЕЙ. Показав на перевыборах (как и Саэс) отличный результат в

[1] Jones B. Hugo. P. 217.

75%, Ремер возглавил созданную им самим влиятельную ассоциацию губернаторов штатов.

Во время второго срока в штате Карабобо Ремер показал себя образцовым либералом и монетаристом. Например, он сократил численность рабочих в порту Пуэрто-Кабельо с 5300 до 190 человек и заменил людей на терминалах оплаты автодорог компьютерами под лозунгом борьбы с воровством. В то же время он первым в стране ввел в своем штате единый телефонный номер доверия полиции для помощи в чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, против Чавеса выставили «современного и компетентного» технократа. Теперь Чавеса стали упрекать в отсутствии опыта управления и полном непонимании экономики, хотя среди советников команданте были лучшие профессора-экономисты страны.

Правда, Ремер не привык общаться с людьми на равных и наводил на митингах скуку своим чопорным поведением. Для того, что стать «ближе к народу» олигарх начал ездить верхом на лошади и даже совершил 12-мильную поездку, естественно вместе с еще одной «Мисс Вселенной» Алисией Мачадо. Но выпускник Йельского университета верхом на лошади смотрелся гротескно, и с легкой руки Чавеса к Ремеру намертво приклеилась кличка его белого (даже лошади у богатых в Венесуэле должны были быть блондинками) жеребца — Фрихолито («Горошинка»)[1].

Чем ближе становилась дата выборов, тем более явным становилось полное духовное бессилие правящего истеблишмента. Тем более что вся страна напряженно следила за судом в отношении бывшего президента страны Переса.

Тогда партии Пунто-Фихо пошли на беспрецедентный шаг. Пользуясь большинством в конгрессе, они объявили о том, что впервые в истории страны парламентские и региональные выборы пройдут раньше президентских. Расчет был ясен — попытаться провести своих людей в парламент без учета «фактора Чавеса» (ведь сам он в парламент не баллотировался) и сохранить контроль хотя бы над законодательной властью. Если бы «Патриотический полюс» Чавеса выступил слабо, то этот факт можно было еще обыграть на президентских выборах. Особенно надеялись АД и КОПЕЙ на свои отлаженные машины подкупа голосов в штатах.

Но и эта ставка не сработала. Правда, в нижней палате конгресса 8 ноября 1998 года АД получила 61 место из 207, но на второе место вырвалось только что основанное «Движение за пятую республику» — 37 мест. КОПЕЙ впервые пришла к финишу третьей — 26 мандатов (минус 27 — полный разгром). «Проект Венесуэла» получил 20 мест, союзники Чавеса из МАС —24, коммунисты — 2. Впервые депутатами парламента стали Николас Мадуро от MVR и Энрике Каприлес от КОПЕЙ. Они еще не знали, что им придется скрестить шпаги на президентских выборах в 2013 году.

[1] Jones B. Hugo. P. 221.

Хороший результат АД объяснялся тем, что партия с 1993 формально была в оппозиции, а ненависть к Кальдере выплеснулась на его бывшую партию КОПЕЙ. К тому же на парламентские выборы традиционно ходило гораздо меньше избирателей (в этот раз чуть более 50%), чем на президентские. Бедные голосовали в основном не за программы, а за людей и предпочитали выборы президента «парламентской говорильне».

Это и отразилось на феноменальном успехе MVR на выборах губернаторов штатов, проходивших вместе с голосованием в парламент. Впервые выдвинувший своих кандидатов Патриотический полюс (всего в альянс входило 14 партий) взял 8 кресел из 21. В родном штате Чавеса — Баринасе — губернатором триумфально избрали его отца. Но даже в тех 13 штатах, где «полюс» не выиграл, он уверенно занял второе место. АД рассчитывала завоевать 14 штатов, но ей пришлось тоже удовольствоваться восемью.

Таким образом, уловка адеков с досрочными парламентскими выборами лишь стала последним гвоздем в гроб этой партии — Патриотический полюс набрал в целом по стране 1,1 миллиона голосов, а АД — всего 564 тысячи. Вместе КОПЕЙ и АД получили на парламентских выборах всего 36% голосов.

Олигархии надо было срочно что-нибудь предпринимать. 27 ноября 1998 года, за неделю до президентских выборов, на экстренном совещании руководство АД решило снять кандидатуру Альфаро Усеро и поддержать Ремера. Адеков не смутило, что до этого партия несколько месяцев нещадно критиковала Ремера как неолиберала и ставленника МВФ. В трудное положение попал и сам Ремер — он клятвенно заверял избирателей, что откажется от любой поддержки со стороны традиционных партий Пунто-Фихо. Нотки маразма в эту ситуацию привнес и сам Альфаро Усеро — он отказался снимать свою кандидатуру и его немедленно исключили из партии.

Но чего значила на практике хваленая венесуэльская демократия, показали дальнейшие события. АД потребовала исключить Альфаро Усеро из всех избирательных бюллетеней, но по закону это можно было сделать лишь в случае отставки или смерти кандидата. Тем не менее, национальная избирательная комиссия «пошла навстречу» и нарушила закон.

Агония истеблишмента продолжалась. Через два дня после исключения Альфаро Усеро из АД, КОПЕЙ отказала в поддержке Ирене Саенс и тоже призвала своих сторонников поддержать Ремера. Таким образом, против Чавеса впервые объединились две самые мощные по численности партии страны. Но и «мисс Венесуэла» отказалась выйти из борьбы, оставшись в гонке в качестве независимого кандидата.

Пока венесуэльцы 6 декабря 1998 года стремились исполнить свой гражданский долг на президентских выборах, по стране циркулировали самые фантастические слухи. Говорили, что АД и КОПЕЙ готовят военный переворот, чтобы не допустить «путчиста» Чавеса к власти. Салас Ремер заклинал, что на выборах на кону стоит «свобода». Об «угрозе свободе» оппозиция Чавесу и потом вполне свободно будет говорить на всех последующих выборах.

На выборах 1998 года впервые использовались автоматические машины для голосования, чтобы избежать фальсификаций. Членов избирательных комиссий избирали из числа обычных граждан по жребию.

Результаты оказались удивительно точно похожими на данные опросов, которые сторонники команданте провели еще в 1997 году. На избирательные участки явились 63,45% избирателей. Уго Чавес занял первое место с 56,2% голосов (3 673 685), Салас Ремер получил 2 613 161 голос (39,97%). На третьем месте с жалкими 2.8% (184 568 голосов) оказалась «Мисс Вселенная» выпуска 1981 года — Ирене Саэс. Даже если бы она сняла свою кандидатуру, Саласу Ремеру это ничем бы не помогло. «Диссидент» Альфаро Усеро не смог получить и 30 тысяч голосов в свою поддержку.

Таким образом, Чавес отправил своих противников даже не в нокдаун, а в нокаут.

Выборы внимательно отслеживала делегация американских наблюдателей (ее финансировал госдепартамент) во главе с бывшим послом США в Венесуэле Отто Райхом[1]. Кандидатура кубинского эмигранта и известного противника Кастро Райха была подобрана не случайно — в США ожидали победы Саласа Ремера и Райх должен был ее подтвердить. Но на деле американцам пришлось в официальном отчете признать «бесспорную победу» Чавеса и стремление венесуэльцев к переменам.[2] Констатировалось, что впервые ровно за 40 лет Чавес оказался победившим кандидатом, не имевшим никаких связей с АД или КОПЕЙ.

Американцы наблюдали за выборами в 14 штатах и не смогли найти никаких нарушений. Причем они присутствовали и при подсчете голосов (его на некоторых участках еще производили вручную). Наблюдатели особо отметили, что «кандидаты могли вести кампанию в атмосфере полной свободы выражения мнений», и это в лучшую сторону отличало венесуэльские выборы от многих других.

Таким образом, победа Чавеса была чистой.

В 22.30 сияющий Чавес вышел к тысячам своих сторонников, ликовавшим на центральных улицах Каракаса. Он провозгласил воскрешение Венесуэлы и запел национальный гимн. В трущобах праздновали и стреляли в воздух, белые богатые жители фешенебельных кварталов тихо, сквозь зубы проклинали «психа» и «коммуниста», ставшего президентом.

---

[1] Родился на Кубе в 1945 году и бежал с родителями в США после прихода Фиделя Кастро к власти. В 1983–1986 гг. возглавлял Офис публичной дипломатии госдепартамента по странам Латинской Америки и Карибского бассейна, где распространял лживую информацию о сандинистской революции в Никарагуа, чтобы выбить из конгресса США дополнительные средства на поддержку никарагуанских «контрас». В 1986–1989 гг. был послом в Венесуэле. Затем был «советником» крупнейших американских военных и прочих корпораций, таких как «Макдоннел Дуглас». Активно лоббировал в конгрессе в пользу усиления американского эмбарго против Кубы.

[2] URL: http://www.iri.org/sites/default/files/Venezuela%27s%201998%20Presidential,%20Legislative%20and%20Gubernatorial%20Elections.pdf

Еще до инаугурации (намеченной на 2 февраля 1999 года) Чавес посетил Кубу и США. Но если прием на острове Свободы был радушным, то президент США Клинтон нашел для Чавеса только 15 минут. Чтобы подчеркнуть неофициальный характер встречи, глава Белого дома явился на беседу в пуловере и не пригласил прессу. Госдепартамент между тем отвечал на ироничные вопросы журналистов: почему это вдруг «путчиста» Чавеса пустили в США? Ведь менее года тому назад ему отказали в визе. Внешнеполитическое ведомство США вяло оправдывалось — мол, к главам государств подход особый.

Да и пригласили Чавеса американцы лишь потому, что венесуэльца очень радушно принял президент Франции Жак Ширак — в этих условиях американцы решили «не отдавать Чавеса на откуп» французам.

Новый президент начал выполнять свои предвыборные обещания прямо в день инаугурации. Он самолично изменил текст присяги, которая прозвучала следующим образом: «Клянусь Богом, клянусь перед лицом Отечества, клянусь перед моим народом, что на основе этой *обреченной на смерть* конституции (курсив автора) я буду продвигать необходимые демократические реформы, чтобы публика получила Великую хартию вольностей, соответствующую новому времени»[1].

Примечательно, что уходящий президент Кальдера отказался, как это предполагала традиция, лично передать Чавесу президентскую ленту. Но нового главу государства это никак не обидело — он получил символ президентской власти из рук председателя парламента, бывшего офицера.

В этот же день инаугурации — 2 февраля 1999 года — Чавес объявил о проведении референдума: граждане должны были решить надо ли заменить конгресс Учредительным конституционным собранием, которое выработает новый основной закон «пятой республики».

После этого президент каждый день произносил по нескольку речей, убеждая людей в необходимости новой конституции, которая даст людям совершенно иные права. В народе его прозвали «ураган Уго». Людям нравился новый стиль речей президента. Во-первых, Чавес говорил почти всегда без бумажки, лишь заглядывая в материалы, чтобы привести цифры или имена. Во-вторых, от отказался от свойственного его предшественникам высокопарного и псевдонаучного стиля. Президент не говорил, а беседовал, часто обращаясь напрямую к конкретным людям в аудитории. Он мог отвлечься и рассказать интересный случай или анекдот. Создавалось впечатление уважительного общения на равных, и так оно и было на самом деле.

Новый президент демонстрировал скромность и гордился своими простонародными корнями: «Я всегда останусь обычным солдатом, первым лишь на поле битвы, я буду стараться поспевать всюду, разговаривать с крестьянином, с рабочим, с премьер-министром штата (заметьте очередность перечисления социальных слоев. — *Прим. авт.*), с мэром, с предпринимателем, с полити-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 139.

ком, с солдатом, с офицером, с генералом, со всеми, чтобы протянуть им всем руку»[1].

Чавес сдержал слово.

В воскресенье 23 мая 1999 года в 9.00 президент впервые в истории Венесуэлы отвечал в прямом эфире государственного радио на вопросы обычных граждан. Первой позвонила сельский врач из штата Варгас, которой уже несколько месяцев не платили зарплату. Другой радиослушатель просил о личной встрече, чтобы поделиться своими планами стабилизации национальной валюты. Дама из Каракаса жаловалась на плачевное состояние одной из центральных улиц. Всего успели пообщаться с президентом 10 человек. Чавес обещал лично заняться всеми заданными вопросами — что он и сделал.

Так родилась знаменитая программа с участием главы государства «Алло, президент». Новое ток-шоу сразу стало шлягером, и его добровольно передавали 60 радиостанций, в том числе и частных. Это не понравилось центральной избирательной комиссии — в преддверии выборов в Учредительное собрание еженедельное общение президента с народом было расценено как скрытая форма агитации. Президенту предписали больше не появляться в студии. Чавес в следующий раз не пришел в радиостудию, но сам позвонил туда по телефону и опять отвечал на вопросы других звонивших. Тогда комиссия оштрафовала Чавеса на 5476 долларов, но обычные люди быстро собрали для своего президента необходимую сумму[2].

Заметим, что у «диктатора и «путчиста» Чавеса даже не возникло мысли попытаться как-нибудь «зачистить» избирательную комиссию и подчинить ее исполнительной власти.

Оппозиция стала критиковать «засилье» Чавеса в эфире, хотя большинство теле-и радиостанций были частными и вовсе были не обязаны передавать «Алло, президент». Просто эта программа повышала рейтинг радиостанций и давала дополнительную рекламу. В июле 1999 года 54% опрошенных одобрили прямое общение президента с народом. 73% сочли, что Чавес хорошо справляется со своими президентскими обязанностями.

Жители соседних с радиостудией домов (это был богатый квартал) возмутились тем, что во время общения Чавеса с народом, перед студией с утра толкутся люди (многие хотели передать президенту письменные личные послания) и мешают их спокойствию. Тогда Чавес стал выходить в эфир из разных регионов Венесуэлы. Впоследствии программа «Алло, президент» перекочевала на телевидение.

Чавес обосновывал необходимость новой конституции и нового государства позорной коррупцией и экономической несостоятельностью старого. С 1976 по 1995 год Венесуэла при «четвертой республике» получила 270 миллиардов долларов только нефтяных доходов, что было равносильно двадцати «планам Маршалла». Но если всего один «план Маршалла» помог восстановить

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 141.
[2] Ibid. S. 147.

разрушенную Второй мировой войной Европу, то куда же делись такие громадные деньги в Венесуэле? И откуда в стране 80% бедных?

Дело было в том, говорил президент, что политическая коррупционная система конституции 1961 года не давала народу возможности контролировать расходование средств, полученных от продажи своего национального достояния. Поэтому и нужен такой основной закон, который дат людям реальную, а не формальную власть в стране. Или, говоря другими словами Чавеса, — если надо ликвидировать бедность, то бедные должны получить власть.

С момента обретения независимости (1810 год) и до 1961 года (когда была одобрена действовавшая на начало 1999 года конституция) в Венесуэле было принято и отменено 26 конституций — это был абсолютный рекорд для стран Латинской Америки[1]. Большинство из этих документов так и остались неизвестными широким массам населения. Но Чавес хотел создать не просто очередной витиеватый и юридически грамотный текст, а инструмент власти для каждого гражданина страны.

25 апреля 1999 года состоялся референдум, на котором из 38% пришедших на участки избирателей, 92% проголосовали за созыв Учредительного собрания.

Через три месяца выбирали уже само собрание, и снова Чавес одержал блестящую победу — 121 из 131 мест получили представители Политического полюса[2]. Больше всего голосов набрал журналист Альфредо Пенья, шеф-редактор газеты «Эль Насьональ», прославившийся своими разоблачениями коррупции в высших эшелонах власти. Пенья — человек отнюдь не левых взглядов — вступил в MVR лишь в 1999 году на волне триумфа Чавеса. Вообще в новой администрации и в правящей партии оказалось, как это обычно бывает, много случайных людей. Чавес не хотел никого отталкивать — он говорил о «революции любви и толерантности». Эта толерантность вскоре едва не стоила ему жизни.

Депутатом Учредительного собрания стала и «первая леди» Марисабель Чавес.

3 августа 1999 года Учредительное собрание начало работу и уже 12 августа объявило в стране конституционное особое положение. Это позволяло собранию взять на себя все полноту государственной власти. Все заседания конгресса были прекращены. Депутаты АД и КОПЕЙ стали обвинять Чавеса в мести — мол, все дело в том, что конгресс отказался утвердить две зарубежные поездки президента. 27 августа депутаты конгресса попытались прорваться в зал заседаний, но полиция не пустила их.

Учредительное собрание объявило и чрезвычайное положение в сфере юстиции, что давало легальное право приступить к массовому увольнению судей. Венесуэльские суды были средоточием коррупции. По закону адвокаты

---

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. New York, 2007. P. 30.

[2] Три места впервые в истории страны были предварительно зарезервированы за представителями коренного населения Венесуэлы.

обвиняемых, например, не имели даже права на ознакомление с материалами, находящимися в распоряжении суда. Но судьи за мзду могли это и позволить. Не удивительно, что три четверти всех находившихся в заключении 26 тысяч венесуэльцев сидели в камерах предварительного заключения, пока суды не торопясь решали их судьбу[1].

Даже Всемирный банк в 90-е годы признал венесуэльскую судебную систему основным препятствием на пути экономического развития страны и предложил кредит на ее реформирование. Но ни Перес, ни Кальдера никак не прореагировали на эту инициативу.

К осени 1999 года от работы было отстранено около 200 судей, против которых было начато разбирательство по привлечению их к ответственности за коррупцию. Иногда судьи узнавали о своем увольнении из газет — новый президент и Учредительное собрание работали быстро.

Верховный суд большинством голосов одобрил меры новой власти, после чего в знак протеста подала в отставку председатель суда Сесилия Соса Гомес.

По инициативе президента Учредительного собрания Микилены была создана «Комиссия по реструктуризации юстиции». Комиссия рассматривала деятельность каждого судьи и могла отрешить его от должности. Автоматически увольняли всех, против кого было выдвинуто как минимум 8 обвинений в коррупции. Всего в кратчайшие сроки были сменены 80% всех судей.

Быстрые и эффективные меры Чавеса в судебной сфере согласно опросам нашли поддержку подавляющего большинства граждан страны.

Чавес настаивал на том, чтобы Учредительное собрание подготовило проект новой конституции еще до конца 1999 года. Более двадцати комиссий собрания, разрабатывавших отдельные разделы нового основного закона, получали и изучали тысячи предложений от граждан со всех концов страны. Для удобства венесуэльцев были организованы бесплатные телефонные номера, по которым мог позвонить любой человек. Каждый день у здания Учредительного собрания стали пикеты самых разных общественных организаций — от феминисток до гомосексуалистов. Они передавали депутатам свои наказы.

Почти все заседания собрания были доступны для общественности, а многие в прямом эфире передавали по государственному телевидению.

В ходе обсуждения разгорелся бурный конфликт между женскими организациями и католической церковью. Церковь требовала запретить аборты, женщины были против. К тому времени в больницах Венесуэлы тысячи женщин умирали от последствий нелегальных абортов. Феминистки, выступавшие за легализацию абортов, дежурили у входа в здание Учредительного собрания и дарили каждому депутату по цветку. В конце концов, слабый пол победил.

Журналисты (особенно из частных СМИ) выступили против формулировки, согласно которой граждане имели право на «правдивую и непредвзятую

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 147.

информацию без цензуры». Существовали опасения, что правительство под лозунгом борьбы за «правдивость» будет пытаться поставить СМИ под контроль. Но здесь Чавес и его сторонники не пошли на уступки — ведь принадлежавшие олигархами частные газеты, радиостанции и телеканалы часто беззастенчиво врали по приказу своих собственников.

В целом новая конституция Венесуэлы была, пожалуй, одним из самых прогрессивных основных законов мира, и остается таковым по сей день.

Это была единственная конституция, где название всех постов и должностей (включая президента) были употреблены и в мужском и в женском роде[1]. Домашняя работа женщин была признана полноценным трудом в экономическом и социальном смысле, а значит, все домохозяйки получили право на социальное обеспечение.

Впервые в истории страны конституция определяла Венесуэлу как «мультиэтническое и мультикультурное общество». Тем самым были впервые закреплены права коренного индейского населения. Кстати такой шаг был отнюдь не таким уж популярным — среди всего неиндейского населения были распространены расовые предрассудки — многие считали, что никакой самобытности у индейцев нет, а есть только отсталость и дикость.

Правые СМИ ругали Чавеса за то, что он отдельно обеспечил права всего 1% населения (индейцев осталось лишь около 500 тысяч, разделенных на 26 племен и народностей). Тем не менее, в новом однопалатном парламенте за коренными жителями резервировалось три из 167 мест.

В венесуэльской конституции были закреплены очень высокие экологические требования и стандарты — здесь у нового закона страны также не было конкурентов в мире. Государство отныне было обязано защищать биологическое многообразие всех живых видов и даже генетические ресурсы. Все экономические проекты подлежали обязательной предварительной экологической экспертизе.

Конституция по-новому трактовала понятие «правового государства»: «Венесуэла является демократическим и социальным государством закона и справедливости…» Тем самым давалось понять, что важен не закон сам по себе, а лишь такой закон, который отражает истинную волю большинства, а значит, воспринимается населением как справедливый. Раскрывалось и понятие справедливости: «…государство содействует благополучию венесуэльцев, создавая необходимые условия для их социального и духовного развития и намереваясь достичь равенства возможностей, чтобы все граждане могли свободно развивать свою личность, определять свою судьбу, пользоваться правами человека и искать свое счастье»[2].

Венесуэльская конституция содержала очень обширный перечень прав человека. Причем помимо стандартных политических прав и свобод впервые

---

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 31.

[2] Ibid. P. 31–32.

содержалась и гарантия социальных прав — на занятость, на здравоохранение, на жилье. Например, было записано: «Здоровье является фундаментальным социальным правом, обязанностью государства, которое гарантирует его как часть права на жизнь».

Фиксировалось, что каждый трудящийся имеет право на такую заработную плату, которая «позволяет ему жить достойно и покрывает базовые материальные, социальные и интеллектуальные потребности его и его семьи».

Опять же впервые в истории Венесуэлы международные договоры страны были приравнены по значению к конституции. Тем самым международные конвенции в области прав человека подлежали отныне прямому применению в повседневной жизни.

Государственное финансирование политических партий отменялось, так как в прошлом это позволяло АД и КОПЕЙ иметь гораздо более мощную финансовую базу, чем у конкурентов.

Противники Чавеса пытались сорвать переименование страны в «Боливарианскую республику Венесуэла». Мол, придется потратить 45 миллионов долларов на замену вывесок, бланков и печатей. Но имя Освободителя для президента было гораздо дороже. Что касается экономии, то было разрешено использовать старые бланки до тех пор, пока они не закончатся.

За государством закреплялись большие полномочия в экономике (впрочем, они были и раньше), но одновременно гарантировались свобода конкуренции и частная собственность.

Но главное, ради чего принималась новая конституция — это закрепление прямого контроля граждан над всеми органами власти.

Теперь все венесуэльцы имели право на четыре типа референдумов[1]. В ходе консультативного референдума граждан спрашивали об их мнении по какому-нибудь важному для страны вопросу, например, о присоединении к той или иной международной организации. Референдум об отзыве с занимаемой должности касался любого выборного лица в стране от мэра деревни до президента. Такой референдум могли инициировать 20% избирателей соответствующего избирательного округа по истечении половины срока нахождения отзываемого лица у власти. И политику следовало уйти, если на референдуме против него голосовало как минимум столько же избирателей (или больше) сколько проголосовало за него при избрании.

На референдуме третьего типа люди могли также добиться отмены практически любого закона (такой референдум созывался по требованию 10% избирателей). Правда, чтобы избежать популизма не подлежали отмене референдумом законы о бюджете, законы о налогах и государственных кредитах.

Наконец еще один вид референдума был предназначен для одобрения закона о ратификации такого международного соглашения, которое ограничивало суверенитет страны.

---

[1] Референдумы могли назначить парламент, президент и 10% или 20% избирателей.

Не будет преувеличением сказать, что таких широких норм об отзыве практически любого должностного лица до тех пор не было ни в одной конституции мира, за исключением советской. Прямая власть граждан была признана отдельной ветвью власти — такого тоже не было ни в одной конституции мира.

Но участие граждан в управлении делами государства этим не ограничивалось. На уровне муниципалитетов (где и решалось большинство повседневных проблем) были созданы Локальные (т. е. муниципальные или коммунальные) советы общественного планирования (Consejos Lokales de Planificacion Publica)[1]. В советы входили мэр, выборный муниципальный совет (законодательный орган местного уровня), президенты районных советов (если муниципалитет делился на районы), представители «соседских групп»[2] и организаций гражданского общества (занимавшихся социальными вопросами, делами молодежи, женщин, здравоохранения, спорта, экологии, безопасности, правами инвалидов и пенсионеров и т. д.). У выборных органов и представителей гражданского общества в совете было на один голос больше, чем у соседских групп (то есть обычных граждан). Участие в советах было делом сугубо добровольным.

Советы обсуждали все предложения по планированию развития муниципалитета. Мэр должен был претворять в жизнь решения советов. Причем за советами сохранялось право контроля за деятельностью исполнительной власти.

Главной задачей советов был так называемый социальный аудит (Contraloria Social). Такое право было и у простых граждан. Любой гражданин Венесуэлы мог потребовать отчета (финансового или иного) от любого государственного учреждения. Если у кого-то появлялись сомнения в надлежащем расходовании госорганами бюджетных средств, то любой человек мог обратиться в офис генерального прокурора с требованием провести аудит этого учреждения. Причем инициаторы проверки (гражданин или организация) имели право участвовать во всех связанных с аудитом действиях генеральной прокуратуры.

Правом социального аудита активно пользовались. Например, «соседские группы» столицы запросили аудит больницы Варгаса в Каракасе — администрацию больницы подозревали в коррупции. По той же причине проверке подвергся Национальный совет по делам детей и подростков.

Наконец еще одной формой непосредственной демократии были «ассамблеи граждан». Фактически они возникли в пригородах столицы сразу после «каракасо» как форма борьбы с произволом властей. Конституция 1999 года их легализовала. Ассамблеи должны были созываться по требованию как минимум 1% избирателей любого муниципалитета (или района этого муниципалитета). Решения ассамблей были обязательными для исполнения местными органами власти в течение 90 дней со дня принятия. Если срок не соблюдался,

---

[1] Сами советы были закреплены в новой конституции. В 2002 году Национальное собрание приняло закон, регламентирующий их деятельность.

[2] Неформальные объединения граждан с одной улицы или с одного квартала. Впервые появились в трущобах и пригородах столицы после «каракасо».

граждане имели право обратиться к вышестоящим властям и те сами проводили решение ассамблеи в жизнь. Если же проволочки чинились и на вышестоящем уровне, то суд по требованию граждан в принудительном порядке обязывал реализовать волю народа.

Организации гражданского общества принимали непосредственное участие в формировании многих важных органов государственной власти.

Например, Верховный суд выбирала специальная комиссия в составе пяти депутатов Национального собрания и шести представителей общественных организаций. Общественные организации назначали половину членов Национального совета по делам детей и подростков. Участвовали организации гражданского общества и в выборах Национального избирательного совета (этот орган проводил все выборы в стране) и Директората по социальной ответственности на телевидении и радио (этот орган следил за тем, чтобы телевидение и радио давали высказаться представителям всех слоев общества).

Национальный избирательный совет, Генеральная прокуратура, Генеральный контролер и Омбудсмен по правам человека по конституции представляли собой отдельную ветвь власти — власть граждан, и не подчинялись власти исполнительной.

В новой венесуэльской конституции за гражданами даже прямо признавалось право на сопротивление, если действующая власть нарушала конституцию.

Для предотвращения фальсификаций выборов Национальный избирательный совет признавался отдельной независимой ветвью власти.

Больше независимости получала судебная система. Работу судов отныне контролировала не исполнительная власть, а Высший трибунал юстиции. Теперь назначение каждого судьи проходило при обязательных общественных слушаниях, а кандидат на должность должен был как минимум год проработать в правовой сфере. Чтобы парламент не мог давить на судей с помощью урезания бюджетных ассигнований на их деятельность, было прописано, что фиксированный процент бюджетных расходов в любом случае шел на обеспечение работы судов.

Таким образом, венесуэльская конституция 1999 года не имела равных в мире по тем правам, которые она давала обычным гражданам для непосредственного участия в управлении делами государства.

Но западная печать обратила внимание отнюдь не на эти стороны нового венесуэльского основного закона. Писали и говорили лишь о расширении прав президента. По старой конституции 1961 года президент избирался на пять лет и мог повторно баллотироваться на высший пост лишь по истечении 10 лет с момента окончания президентских полномочий. Теперь президента избирали на шесть лет с возможностью переизбрания на второй срок. Но ничего недемократического в этом не было — тогда президента, например, во Франции вообще избирали на семь лет с возможностью второго срока.

Новая конституция вводила однопалатный парламент, отменив верхнюю палату — сенат. И в этом усмотрели козни «путчиста» Чавеса. Ведь раньше именно сенат мог подвергнуть президента импичменту. Но теперь президента мог отозвать народ.

Однако частные венесуэльские СМИ (находившиеся в оппозиции Чавесу с первых минут его пребывания у власти), тем не менее, стали дружно ругать новую конституцию то как «коммунистическую», то как «фашистскую».

Саму новую конституцию тоже предполагалось принять на референдуме. Против активно агитировали союзы предпринимателей и католическая церковь. 12 декабря 1999 года Чавес в программе «Алло, президент» даже предложил изгнать дьявола из-под сутан епископов и кардиналов[1]. Центральный банк за счет налогоплательщиков покупал целые страницы частных газет и агитировал против конституции (новый основной закон урезал самостоятельность этого органа). Тогда в центральном банке не быть монетаристом было просто не модно и чуть ли не стыдно. Против конституции активно выступала и верхушка «государственной» нефтяной компании ПДВСА — ведь в основном законе содержался полный запрет на приватизацию нефтегазовой промышленности, а менеджеры ПДВСА уже потирали руки от выгодных контрактов с иностранцами.

Таким образом, у Чавеса были мощные противники — частные олигархи и оторвавшийся от населения государственный истеблишмент. Но по окончании предвыборной агитации, президента в Каракасе приветствовал миллион человек

15 декабря 1999 года 71,7% избирателей (всего пришло голосовать 44,3% электората) одобрили новый основной закон.

И тут Чавеса постигло такое же страшное несчастье, как и Боливара в 1812 году.

В этот же день на прибрежный штат Варгас (40-километровая полоса между морем и горами) вследствие шедших непрерывно несколько дней тропических ливней[2] обрушился гигантский оползень. Лавины грязи достигали скорости 60 километров в час. Люди пытались скрываться в домах, но грязь доходила до третьего этажа, и дома превращались в братские могилы.

Дожди прекратились только 17 декабря, и стал ясен весь масштаб ужасной катастрофы. Под лавинами оказались погребенными целые деревни. В самом большом портовом городе Варгаса Ла-Гуайра было разрушено 8 тысяч домов. Сама гавань перестала существовать. Люди пытались спастись на машинах, но автобан на Каракас тоже оказался под завалами глины и камней. Всего от лавин и оползней пострадали 400 тысяч человек (70% населения штата Варгас). Ущерб от стихийного бедствия оценивался почти в 2 миллиарда долларов. Красный Крест первоначально оценил число погибших в 50 тысяч. Позднее эти

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 153.

[2] Только 2 и 3 декабря выпало 200 мм осадков. За 52 часа 14, 15 и 16 декабря на землю обрушилось еще 911 миллиметров воды — обычно столько выпадало за год.

оценки были снижены до 10–30 тысяч. Но обнаружено было только 1000 трупов — остальные тела были смыты в океан.

Подобной трагедии Венесуэла не испытывала с 1812 года, когда землетрясение разрушило Каракас.

20 декабря 1999 года правительство объявило чрезвычайное положение. Армии были даны широкие полномочия в борьбе против мародеров. Чавес опять одел форму и красный берет и поспешил на место трагедии. Он организовал эвакуацию 100 тысяч выживших и призвал каждую венесуэльскую семью принять хотя бы одного беженца. Пострадавших размещали прямо на территории министерства обороны. Чавес лично уговаривал выживших переезжать в другие места страны (в основном на юг Венесуэлы), обещая содействие государства — ведь многие деревни и поселки восстановлению не подлежали. К тому же трагедия могла и повториться. Не хватало даже мест для захоронения и многие заваленные грязью деревни были объявлены кладбищами.

Оппозиция и здесь усмотрела вину правительства. Мол, зная о необычных осадках, Чавес не отменил голосование в Варгасе, а даже продлил его. На самом деле как раз из-за дождя люди и не смогли проголосовать в отведенное время, и никто не имел полномочий лишать их конституционных прав.

На помощь Венесуэле пришли многие страны. Куба прислала шесть самолетов с 8 тоннами медикаментов и 200 спасателями. Министр обороны Венесуэлы Рауль Салазар попросил о содействии и США. В течение 36 часов американцы направили в Венесуэлу вертолеты, 146 солдат и организовали воздушный мост. Через две недели у берегов Венесуэлы появились военные корабли США, имевшие на борту тяжелую технику по расчистке завалов и дополнительный воинский контингент для обслуживания этой техники.

Но 2 февраля 2000 года Чавес приказал министру обороны Венесуэлы не допустить захода американских военных кораблей в венесуэльские порты. Президент вежливо, но твердо сказал американскому послу Майсто, что Венесуэла благодарна за помощь, но присутствие американских военных на ее территории нежелательно[1].

Отказ от помощи американских военных обрушил на голову Чавеса новую волну критики со стороны правой оппозиции, однако сторонники президента одобрили этот шаг как возвращение стране ее реального суверенитета.

Ведущая частная газета «Эль Насьональ» сообщила 28 декабря 1999 года о массовых нарушениях прав человека со стороны военных и полиции в ходе борьбы против мародеров. Журналистка Ванесса Дэвис[2] писала о том, что политическая полиция ДИСИП под сурдинку расправлялась с неугодными. Чавеса, который всегда гордился своей военной биографией, упреки в адрес армии задели за живое, но он не стал покрывать коллег. Руководство ДИСИП по обыкновению отвергло все обвинения в свой адрес. Тогда президент вместе с

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 156.
[2] Во время «каракасо» Дэвис арестовали и пытали как одну из «зачинщиц» беспорядков.

журналисткой сам отправился в Варгас, чтобы лично поговорить с родственниками жертв внесудебных расправ.

А ведь ДИСИП руководил самый близкий друг президента, соратник по восстанию 4 февраля 1992 года Хесус Урданета. Чавес исполнил обещание и, придя к власти, отозвал друга с его консульской должности в Испании, доверив ему один из самых важных силовых органов страны. Но Чавес ставил справедливость выше любой дружбы. Вернувшись в Каракас, он сказал: «Я потеряю друга. Но если мне придется выбирать между принципом и миллионом друзей, я выберу принцип»[1].

Урданета был одним из тех сотен, а может быть и тысяч активных или отставных консервативных офицеров среди сторонников Чавеса, которые не хотели в стране никаких глубоких социальных реформ. Цель нового правительства они видели лишь в зачистке гражданских госорганов от коррупции, в наведении элементарного порядка. Идеи Чавеса о борьбе с бедностью были им чужды — ведь сами они в армии жили не бедно, а бедность считали следствием лени самих же бедных. Урданета считал блажью борьбу Чавеса за права женщин или охрану окружающей среды. Он был крайне возмущен, когда Чавес назначил на министерский пост гомосексуалиста: Урданета всерьез считал, что гомосексуализм — заразная болезнь.

Урданета полагал, что Чавес слишком подпал под влияние левых гражданских политиков и предал армейскую солидарность. Например, шеф ДИСИП приказал начать следствие против Николаса Мадуро, обвинив того в создании незаконных отрядов народной милиции по кубинскому образцу. Урданета обвинил в коррупции также министров внутренних и иностранных дел Игнасио Аркайю и Хосе Висенте Ранхеля. Но главной его мишенью был Луис Микилена, занявший былое место Урданеты как самый близкий советник президента. Микилену обвиняли в том, что он распределял госконтракты среди своих партнеров по бизнесу.

Но Чавес не отправил Микилену в отставку и между президентом и Урданетой возник яростный спор.

Теперь же, не получив со стороны Чавеса поддержки в деле о нарушениях прав человека в Варгасе, Урданета подал в отставку и созвал 4 февраля 2000 года совместную пресс-конференцию в Маракае вместе с былыми лидерами восстания 4 февраля 1992 года Ариасом Карденасом и Йоэлем Акостой. Три офицера фактически обвинили Чавеса в связях с коррумпированными деятелями прежнего режима.

Обвинения былых лидеров ЭБР-200 сразу же подхватили правые СМИ, и в стране началась ожесточенная кампания взаимных упреков и обвинений в коррупции. Причем грязью поливали друг друга сторонники Чавеса — «чависты», как их стали называть. Генеральный прокурор (и это опять свидетельствует о подлинной демократии) начал следствие против всех замешанных в

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 158.

скандале лиц, невзирая на должности. Против Урданеты завели дело о нарушениях прав человека, против Микилены — о мошенничестве. Тогда Урданета обвинил Чавеса в тайных связях с колумбийскими левыми партизанами, которые якобы участвовали в наркоторговле.

Сам характер обвинения, а также тот факт, что его выдвигали против Чавеса самые разные люди вплоть до самой смерти президента Венесуэлы, говорит об авторстве этих слухов. В то время именно американцы пытались обвинить неугодных им политиков Латинской Америки в связях с наркомафией. Помимо Чавеса в том же самом обвиняли в Вашингтоне и левого президента Боливии Эво Моралеса.

Американская пресса сразу же подхватила обвинения и стала писать, что Чавес представляет угрозу для целого южноамериканского региона. Угроза же международной или региональной безопасности со стороны того или иного государства позволяет ставить вопрос перед Советом Безопасности ООН о применении против такого государства военной силы.

В мае 2000 года Верховный суд прекратил следствие по делу Микилены, но авторитет фактически второго человека страны был серьезно ослаблен.

Между тем в Венесуэле опять началась предвыборная кампания. На основе новой конституции предстояло избрать президента, Национальное собрание (парламент) и глав всех штатов.

«Движение за пятую республику» естественно выдвинуло Чавеса под лозунгом «С Чавесом решающее слово имеет народ!» Оппозиция сменила тактику и бросила против Чавеса не очередную «мисс», не старого политикана из рядов АД или КОПЕЙ, не американски воспитанного олигарха, а бывшего соратника Чавеса по ЭБР-200 Ариаса Карденаса. Причем того выдвинула формально левая партия «Дело Р». Ариас Карденас, как уже упоминалось, был губернатором основного нефтедобывающего штата Сулия, и с деньгами на предвыборную кампанию у него всего было хорошо.

Бывший соратник Чавеса обвинял своего недавнего друга в том, что тот продался кубинцам (тоже любимая американцами тема) и хочет установить в Венесуэле марксистскую диктатуру. Один из частных телеканалов немедленно презентовал общественности «кубинского шпиона» некоего Хуана Альваро Росабаля. Тот заявил, что вместе с ним в Венесуэлу тайно прибыли полторы тысячи кубинских агентов, чтобы заразить венесуэльцев социалистической идеологией. Потом, правда, 1500 агентов превратились в 30. Фидель Кастро немедленно предложил миллион долларов за каждого обнаруженного шпиона. Деньги так и остались невостребованными.

Но правые газеты продолжали пичкать людей ложью о высадке кубинского спецназа в Пуэрто-Кабельо или приземлении кубинских самолетов на базе в Маракаибо с целью захвата венесуэльских нефтепромыслов. Министр иностранных дел Ранхель саркастически осведомился: может кубинских военных в Маракаибо перепутали с высадившимися там марсианами? На самом деле кубинские транспортные самолеты действительно прилетели в Маракаибо, чтобы

забрать домой врачей, участвовавших в помощи жертвам стихийного бедствия в Варгасе[1].

Ариас Карденас не скупился на ругань в отношении Чавеса, называя президента «петухом». Чавес тоже не лез за словом в карман: если он петух, то Ариас муха, которую он склюет.

Несмотря на всю грязную пропагандистскую кампанию оппозиции, 30 июля 2000 года Чавес получил примерно столько же голосов, сколько и в 1998 году — 3 757 773 (59,76%). За Ариаса Карденаса голосовали 2 359 459 венесуэльцев (37,52%). Таким образом, получалось, что для оппозиции было главным изгнать Чавеса, и она сплоченно голосовала за любого «античавистского» кандидата, независимо от его политической окраски.

Победа сторонников Чавеса на парламентских выборах была еще более убедительной: «Движение за пятую республику» получило 44% голосов (явка составила 56%) и 91 место из 165. На втором месте с огромным отрывом оказалась АД — 33 мандата (16%). КОПЕЙ, МАС и «Проект Венесуэла» завоевали по 6 мест.

Сторонники Чавеса выиграли 17 из 23 губернаторских кресел в штатах и половину должностей мэров муниципалитетов. Мэром центральной части столицы (собственно Каракаса без пригородов) стал сторонник Чавеса бывший журналист Альфредо Пенья, обещавший в кратчайшие сроки избавить жителей от преступности. Любивший хлесткую фразу журналист Пенья обещал накормить преступников свинцом.

Именно эти выборы стали окончательными похоронами «пакта Пунто-Фихо». Такой радикальной и мирной смены элит в Венесуэле не наблюдалось с 1958 года.

Но «заскорузлая олигархия» (выражение Чвеса) сдаваться не собиралась. Именно после выборов 2000 года отстраненные от власти коррумпированные бюрократы и бизнесмены при поддержке США взяли курс на устранение Чавеса любой ценой. При этом следует подчеркнуть, что никаких радикальных, а тем более социалистических преобразований Уго Чавес пока не проводил. Олигархи мстили ему не за социализм, а за утерянные блага, за то, что какой-то плебей-выскочка посмел бросить им, хозяевам жизни, вызов.

Чавес показал себя с первых же дней очень осторожным политиком во всем, что касалось экономики и финансов. Он оставил на своем посту даже прежнего министра финансов для обеспечения преемственности и нормальной реакции со стороны зарубежных инвесторов.

Дело было в крайне тяжелом экономическом положении страны, по-прежнему зависевшей от состояния мировой, и прежде всего, американской экономики. Уже три года подряд падал ВВП. Дефицит госбюджета достиг 8 миллиардов долларов, тяжелым грузом давил огромный внешний долг в 23 миллиарда долларов. В этих почти безвыходных условиях ссориться с ино-

[1] URL: http://www.angelfire.com/nb/17m/prohibidoolvidar/casorosabal.html

странными кредиторами и американцами (покупавшими почти всю венесуэльскую нефть) было крайне опасно.

Но и здесь президент удивил всех своим подходом. Он провозгласил, что высокие цены на нефть — это проклятие Венесуэлы: «…Хватит! Тот моральный кризис 70-х годов[1] еще не изжит нами, эта страшная раковая опухоль, все еще разъедающая тело республики. Это корень всех кризисов и катастроф. Пока мы не излечим эту болезнь, мы будем продолжать скатываться к катастрофе. Даже если нефть — на что не надо надеяться — снова будет стоить 40 долларов за баррель, нам этого и не нужно, мы не хотим, чтобы она стоила 40 долларов. Но если это случится, если паче чаяния на нас прольется дождь нефтедолларов, то это даст нам лишь временное облегчение. Мы только еще глубже погрязнем в моральной трясине»[2].

Но призывая граждан засучить рукава и не надеться на нефть, Чавес, тем не менее, без лишнего шума предпринял успешные усилия по формированию единой политики ОПЕК для обеспечения роста мировых цен на «черное золото». Главной креатурой американцев в ОПЕК была Саудовская Аравия, которая под влиянием Вашингтона саботировала решения ОПЕК о снижении нефтедобычи. До Чавеса тем же самым занималась и Венесуэла. Новый министр природных ресурсов при Чавесе Али Родригес Араке (бывший партизан в отряде Дугласа Браво) объехал всех партнеров по ОПЕК на Ближнем Востоке, и картель наконец-то начал соблюдать дисциплину. Страны ОПЕК снизили добычу, и цены уже в 1999 году поползли вверх. Если в январе 1999 года за баррель давали 16 долларов, то в сентябре 2000 года — 35.

Таким образом, Чавес помог выйти из кризиса и Российской Федерации.

При этом в бюджетной политике Чавес был консервативен — в прогнозе доходов нефть учитывалась по гораздо более низким ценам, чем они были на самом деле. Уже в 1999 году Чавес смог предотвратить дальнейшее падение ВВП, затем экономика начала расти. Причем МВФ умышленно занижал темпы роста ВВП Венесуэлы, но даже там признали реальный рост (то есть очищенный от инфляции) в 3,2% в 2000 году и в 2,7% в 2001 году.

Инфляция упала в 1999 году до 20% — это был самый низкий уровень с момента начала неолиберальных экспериментов в 1989 году. В 2000 году рост цен опять несколько ускорился — до 25%, но был все равно ниже, чем до Чавеса[3]. Тем более что правительство тратило большие средства на социальные нужды. Но пока оно делало это за счет наращивания внутреннего долга — «государственная» нефтяная компания ПДВСА еще де-факто не подчинялась правительству.

Очень важно подчеркнуть, что рост ВВП в 1999–2000 гг. осуществлялся в основном за счет увеличения ненефтяного сектора экономики, а частный сек-

---

[1] То есть времен «саудовской Венесуэлы» с высокими ценами на нефть.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 141.
[3] Ibid. S. 162.

тор рос быстрее государственного[1]. То есть при «коммунисте» Чавесе предпринимателям жилось лучше, чем при его «неолиберальных» предшественниках.

Сам Чавес поставил рекорд в истории Венесуэлы, посетив лишь в первый год своего правления 35 стран. Но был отнюдь не политический туризм. Одетый в строгие и модные костюмы новый президент Венесуэлы старался развеять имидж «путчиста» и «коммуниста», который пририсовала ему американская пресса с подачи венесуэльской олигархии. Спокойно и по-деловому «псих» Чавес ратовал за привлечение в Венесуэлу иностранных инвестиций, гарантируя им максимальную защиту со стороны государства.

Такой мирный натиск бывшего подполковника увенчался полным успехом. Например, немецкая пресса посвятила Чавесу (в 1999–2000 гг. он посетил Германию три раза) благоприятные комментарии. Премьер-министр земли Бранденбург Манфред Штольпе был поражен, когда «плебей» Чавес начал по памяти читать (на испанском) отрывки из «Так говорил Заратустра» Ницше. Вряд ли на это был бы способен любой президент США. Ведущий немецкий политический журнал «Шпигель» успокоил читателей: «Как Чавес, так и его жена Марисабель, носят уже часы от «картье». А первая леди с удовольствием принимает приглашение богатых друзей и летает на частном самолете на шопинг во Флориду — на шопинг от души. Все это явно не похоже на революцию»[2].

В США Чавес дал старт бейсбольному матчу и молотком возвестил о начале торгов в бастионе капитализма — на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Таким образом, на Западе успокоились: к власти в Венесуэле пришел не революционер типа Кастро, а очередной зацикленный на богатстве и личной власти политик. К таким уже привыкли. Так Чавес смог обхитрить своих потенциальных противников за рубежом, используя привычную Западу внешнюю атрибутику.

В 2000–2005 гг. в Венесуэлу было вложено 2,54 миллиарда долларов прямых иностранных инвестиций[3]. (в Чили — 5 миллиардов, Колумбию — 3,7, Аргентину — 4,3, Перу — 1,6). В 2007 году в страну пришел еще 1 миллиард долларов. Затем Венесуэла начала активно инвестировать за границу сама.

Почти сразу после прихода к власти 27 февраля 1999 года Чавес провозгласил «план Боливар 2000». 70 тысяч военнослужащих, 80 тысяч государственных гражданских служащих, а также 6 тысяч хорошо оплачиваемых сотрудников государственной нефтяной компании ПДВСА должны были участвовать в экономической жизни страны: ремонтировать дороги, обустраивать медпункты в трущобах, проводить прививки бедным, раздавать еду нищим и заботиться о живущих на улице бездомных детях. Таким образом, те, кто управляли страной, должны были на собственном примере узнать все ее про-

[1] URL: http://www.cepr.net/documents/publications/venezuela-2009-02.pdf
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 142.
[3] URL: http://www.eclac.org/publicaciones/xml/0/43290/2011-138-LIEI_2010-WEB_INGLES.pdf

блемы. Многие чиновники впервые покинули свои кабинеты и оказались лицом к лицу с простыми людьми.

Людей, не имевших денег на проезд по стране, а также больных, бесплатно перевозили на военных самолетах. Таких были тысячи. Местным муниципалитетам пытались помочь наладить собственные доходные экономические проекты.

Что касается армии, то с помощью «плана Боливар» Чавес хотел загладить вину, которую он и многие солдаты и офицеры чувствовали перед людьми за зверское подавление «каракасо».

Теперь армия не стреляла в народ, а помогала ему преодолевать трудности повседневной жизни. Военным был дан приказ президента «зачистить все населенные пункты от врага». Этим врагом был объявлен голод. Чавес специально использовал термин «зачистить», чтобы провести аналогию с «каракасо» и дать понять людям, как все изменилось: «И так мы начали 27 февраля 1999 года, десять лет спустя после «каракасо», в качестве меры по реабилитации военных. Я даже использовал этот контраст и сказал: «Десять лет назад мы вышли на улицы, чтобы истреблять свой народ. Теперь мы идем, чтобы наполнить его нашей любовью. Идите и прочешите местность, ищите нищету. Враг — это смерть. Мы идем, чтобы наполнить людей вспышками нашей любви вместо винтовочных залпов смерти»[1].

На финансирование «плана Боливар» было израсходовано 2,6 миллиарда долларов. Чавес внес в план всю свою президентскую зарплату, сказав, что ему хватит военной пенсии.

Чавес постоянно подчеркивал, что в отличие от Чили времен Сальвадора Альенде, революция в Венесуэле опирается не только на народ, но и на армию. Но президент ошибался. Армия была все еще не полностью новой. Хотя среди младших офицеров, сержантов и солдат Чавес был бесспорно популярен, но многие генералы, привыкшие к спокойной коррумпированной жизни, не любили выскочку-подполковника. Во время реализации «плана Боливар» несколько генералов по привычке направили государственные средства в свои карманы. Они надеялись, что «свой», военный президент закроет на это глаза.

Но в деле борьбы с коррупцией Чавес бы непримирим — никаких друзей здесь для него не существовало. В 2001 году обвинения в коррупции были предъявлены генералу Крусу Уэфферу. Генерал якобы украл 150 миллионов долларов из выделенных ему на осуществление «плана Боливар» 300 миллионов. Как и раньше генерал направил госсредства в адрес несуществовавших компаний, оказывавших фантомные услуги. Чавес без промедления отправил его в отставку.

Несмотря на потуги правой оппозиции представить «план Боливар» пиар-проектом, он принес стране значительные осязаемые результаты. 2 миллиона венесуэльцев получили медицинскую помощь, было создано более

[1] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Plan_Bol%C3%ADvar_2000

1000 дешевых местных рынков, более 2 миллионов детей было бесплатно привито от различных болезней, с улиц исчезли тысячи тонн мусора[1].

Пока осуществлялся «план Боливар» (1999–2001 гг.) Чавес бросил первый вызов американцам, отправив в ноябре 1999 года военную делегацию на Кубу для обмена опытом. До тех пор вся венесуэльская армия была фактически под контролем США, и американская военная миссия сидела прямо в здании министерства обороны. Все вооружение в Венесуэле было в основном американского производства.

Но больше всего американцев встревожил другой факт. В 2000 году Чавес стал назначать на ключевые посты в государственной нефтяной компании ПДВСА офицеров. В октябре 2000 года генерал Гуаикапуро Ламеда Монтеро (сослуживец Чавеса по военной академии) стал генеральным директором компании. До этого всей формально государственной компанией заправляли выпускники американских университетов и бывшие сотрудники американских же нефтяных компаний, которые смотрели на ПДВСА как на свою собственность. Эти менеджеры неолиберального толка ни в чем себе не отказывали, и средняя зарплата в компании была в районе 7 тысяч долларов в месяц при поголовной нищете в стране. Многие высокопоставленные сотрудники ПДВСА откровенно не знали, на что еще потратить деньги. Неудивительно, что эти «эффективные управленцы» довели оперативные издержки госкомпании до чудовищно высокого уровня.

Чавес вообще первоначально назначал много военных на государственные посты, но это был скорее вынужденный шаг. Просто среди его гражданских политических союзников почти не было людей с административным опытом. Речь шла о бывших левых оппозиционерах, которых при старой системе никто бы никогда не допустил к власти. У военных же был хотя бы какой-то опыт управления крупными организациями. Поэтому нет ничего странного в том, что из 61 министра, назначенного Чавесом в 1999–2004 гг. 16 (26%) были военными[2]. Много бывших и действующих военных заняли ответственные посты в государственных компаниях и в органах власти регионального и местного уровня.

Но армия была неоднородной и в Вашингтоне это прекрасно знали — противником Чавеса был, например, военный атташе Венесуэлы в США. Некоторые офицеры были возмущены тем, что участников восстаний 1992 года продвигали по службе быстрее. Другие были недовольны начавшейся борьбой с коррупцией. У третьих были родственники среди оппозиционеров и так далее.

Поэтому в Вашингтоне решили свергнуть Чавеса, используя чилийский вариант 1973 года. Сначала так называемое «гражданское общество» — бизнесмены, лица свободных профессии и коррумпированные профсоюзы (там попрежнему заправляли адеки) — должны были организовать массовые забастовки и акции гражданского неповиновения. Частные СМИ были призваны раздуть

[1] Kozloff N. Hugo Chávez: Oil, Politics, and the Challenge to the U. S. New York, 2006. P. 86.
[2] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. New York, 2007. P. 49.

протест, чтобы впечатлить мировую общественность. Затем армия под предлогом наведения порядка отстранит Чавеса от должности.

Американцев возмутил визит Чавеса летом 2001 года в Ирак, во время которого президент Венесуэлы перед телекамерами обнимался с Саддамом Хуссейном. Чавес оказался первым главой государства, посетившим опальный Ирак после 1991 года. Для тогдашнего президента США Джорджа Буша-младшего Саддам был смертельным врагом, потому что он «хотел убить моего папу», как говаривал Буш-младший.

После сокрушительного поражения на выборах 2000 года правая венесуэльская оппозиция взяла курс на решительную конфронтацию с президентом. Ни на какие переговоры или компромиссы отрешенная от власти олигархия не шла. Чувства венесуэльской «элиты» отлично передал перуанский писатель Мрио Варгас Льоса, назвавший Чавес «примитивным подполковником» (хотя Чавес был гораздо более начитанным, чем сам Варгас Льоса), который правит в «стиле трущоб»[1].

В начале 2001 года правая оппозиция дала первый решительный бой президенту.

Чавес задумал реформу школьного образования и назначил координатором этого проекта бывшего партизана, педагога Карлоса Ланца, который в 1979 году участвовал в похищении американского бизнесмена. Ланц готовился не только переписать учебники истории, в которых отныне период 1958–1998 гг. описывался как царство коррупции (что, впрочем, так и было). Больше всего сливки венесуэльского общества были возмущены тем, что в школах вводилось трудовое обучение. Богатые адвокаты, банкиры, журналисты или бизнесмены просто не могли себе представить, что их драгоценные чада будут пачкать руки, убирая на полях сахарный тростник.

Естественно частные СМИ начали нагнетать истерию по поводу «кубанизации» системы образования. 20 января 2001 года на улицы Каракаса вышли недовольные преподаватели и родители. Люди кричали: «Чавес, руки прочь от наших детей!» Над головами демонстрантов помимо венесуэльских реяли и американские флаги. Владельцы богатых иномарок блокировали своими машинами улицы города, а их жены с наманикюренными ногтями активно били в кастрюли и сковородки, что с тех пор станет «музыкой» всех антиправительственных протестов[2]. Американцы были верны себе — протесты против правительства Сальвадора Альенде в Чили тоже начинались в декабре 1971 года с марша пустых кастрюль, который устроили богатые дамы, никогда в жизни эти кастрюли даже не мывшие — для этого существовала прислуга.

Как и Альенде Чавес столкнулся с превосходством оппозиции в информационном пространстве — большинство газет, радиостанций и телеканалов были частными, принадлежали богатым олигархическим кланам, и были настроены резко оппозиционно. На правительство обрушились целые потоки

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 164.

[2] В Венесуэле такую форму протеста называли «касероласо», от испанского слова, означающего кастрюлю.

разного рода вымыслов и клеветы. Причем излюбленной темой была, конечно, грозящая «кубанизация» Венесуэлы.

Но Чавес, сам прекрасно понимавший роль СМИ, использовал для своей защиты инструмент, существовавший во всех странах Латинской Америки. Для передачи особо важных правительственных сообщений президент имел право (и техническую возможность) декретировать так называемую «кадену» (цепь по-испански). То есть все частные СМИ обязаны были прерывать свои передачи для трансляции сообщений правительства — причем это делалось централизованно с помощью специального оборудования.

Чавес активно использовал «кадены» и лично выступал с убедительными опровержениями распространявшихся против него и его администрации слухов. В 1999–2001 гг. «кадены» президента заняли 294 часа 21 минуту радио- и телеэфира[1].

Президент говорил «без бумажки», но все его выступления, несмотря на спонтанность звучания, были тщательно подготовлены. Например, 15 июня 2001 года он посвятил «кадену» фото из правой газеты «Эль Насьональ», где на первой полосе была изображена женщина с какой-то папкой, которую якобы отталкивал солдат. Мол, дама пыталась передать письмо президенту, но охрана грубо помешала ей это сделать. Бедная женщина якобы бесполезно прождала три часа. Вот, мол, она — истинная «народность» Чавеса. Президент продемонстрировал телезрителям файл с делом женщины, из которого следовало, что ее выслушали и помогли. Это и была папка, изображенная на фото в газете. Женщина шла не к Чавесу, а от него. Причем газета «Эль Насьональ» не сообщила, что женщина ранее требовала от нее помещения опровержения.

Тем не менее частные СМИ продолжали клеветать на Чавеса и его сторонников по любому поводу и без такого. Ведь оппозиционные партии были так прочно дискредитированы в глазах большинства населения, что именно частные СМИ взяли на себя роль оппозиции, причем отнюдь не конструктивной. Заметим, что «диктатор» Чавес не прибегал против этих СМИ к административным мерам — он сражался с ними в эфире на равных.

Тон во взаимной полемике становился все более резким. Во время одного из телеэфиров программы «Алло, президент». Чавесу позвонила женщина, критиковавшая очередную «худосочную» демонстрацию оппозиции. Отличавшийся острым умом и быстрой реакций Чавес немедленно взял на вооружение слово «эскуалидо» («худосочный») и отныне оно прочно приклеилось к противникам президента. Но те и сами гордо носили это прозвище.

11 сентября 2001 года Чавес оказался единственным политиком в мире, который не стал заискивать перед США на фоне уничтоженных терактами башен-близнецов в Нью-Йорке.

Когда американцы в начале октября 2001 года в ответ на теракт стали бомбить и обстреливать ракетами Афганистан и уничтожили там много мирных

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 167.

жителей, президент Венесуэлы вновь использовал «кадену» для выражения своей точки зрения на эти события. Конечно, американцы, говорил Чавес, имеют право защищаться от террористических актов. Но нельзя отвечать на одни теракты другими: «Они должны искать террористов, но не таким образом. Посмотрите на этих детей!» — здесь Чавес показал телезрителям фотографии убитых и раненых афганских детей[1]. Ведь эти дети, продолжал президент, не несут никакой ответственности ни за теракты, ни за Усаму бен Ладена. Намек был понятен — Усаму бен Ладена обучили террору сами американцы в 80-е годы в Пакистане, когда ЦРУ активно поддерживало исламистов в их «джихаде» против советских войск в Афганистане.

Чавес уведомил США, что Венесуэла прекращает военное сотрудничество с американцами и военная миссия США должна покинуть здание министерства обороны Венесуэлы.

Американцы возмутились высказываниями Чавеса и отозвали своего посла Донну Гринак в Вашингтон для консультаций[2]. По возвращении Гринак запросила у Чавеса аудиенцию и стала зачитывать ему документ с требованием «скорректировать» слова относительно «войны против террора», которую якобы во главе всего мирового сообщества ведут США. Президент прервал посла и предложил ей немедленно покинуть его кабинет: «Возвращайтесь, когда Вам станет ясно, что Вы говорите с президентом абсолютно суверенного государства!»[3] Обескураженная Гринак все-таки попросила разрешения зачитать свой документ до конца и после этого ретировалась.

Именно после этих событий американцы взяли курс на свержение Чавес любым путем и в ускоренном порядке.

Как и в Чили в 1970–1973 гг., различные американские фонды, финансируемые госдепартаментом и ЦРУ, начали накачивать средствами оппозиционные венесуэльские организации «гражданского общества». Например, «Национальный фонд за демократию» (National Endowment for Democracy, финансируется госдепартаментом США) в 2001 году перевел в Венесуэлу 877 тысяч долларов, хотя до этого перечислял тамошним «неправительственным организациям» всего по 50 тысяч в год.

Американцы активно спонсировали и создание новой правой оппозиционной партии, которая не была бы связана в глазах граждан с надоевшими всем политиками эпохи «пакта Пунто-Фихо». На свет появилась новая партия «Справедливость прежде всего!» (Primero Justicia) с желтым партийным цветом. Партию возглавили молодые состоятельные юристы, и она всячески позиционировала себя как современная, обращенная в будущее сила. Партия быстро

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie S. 170.

[2] Была послом США в Венесуэле с 2000 по 2002 год. Возглавляла также посольства США в Бразилии, Боливии и Доминиканской республике. С 2011 года Гринак (1950 г. р.) стала руководителем подразделения «Боинга» в Бразилии. До этого с 2008 года она была вице-президентом «Пепсико» по глобальным вопросам. Такое сращивание бизнеса с политикой всегда было характерно для США.

[3] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 170.

завоевала популярность среди лиц свободных профессий — адвокатов, врачей, архитекторов и т. д.

Первоначально «Справедливость прежде всего» была общественной организацией, которую основали студенты юридических факультетов в 1992 году. Организация (как и Чавес) выступала тогда за реформу коррумпированной венесуэльской судебной системы. В 1999 году «Справедливость прежде всего» включилась в политическую жизнь, презентовав общественности свой вариант конституции. В этом проекте отвергались все формы непосредственного участия граждан в управлении государством — юристы (все выходцы из богатых семей) считали, что страной должны руководить только специально подготовленные для этого люди. Этот элитарный снобизм, столь характерный для венесуэльской олигархии и сделал «Справедливость прежде всего» ярым противником Чавеса. В 2000 году пять членов организации были избраны депутатами Национальной ассамблеи.

Однако корни у этой «новой» партии были все теми же, «старыми» — из эпохи Пунто-Фихо.

Одним из лидеров организации стал Энрике Каприлес Радонский (его предки по матери еврейской национальности выехали с территории Белоруссии из города Радунь). Он родился в 1972 году в семье богатого бизнесмена[1], окончил католический университет, и работал в таможенной службе. Сотрудничал в различных адвокатских компаниях, проходил курсы повышения квалификации в Колумбийском университете (США), а также в Италии и Голландии.

С юных лет Каприлес стал членом партии КОПЕЙ и в 1998 году был избран депутатом конгресса от этой партии. В 1999–2000 гг. был самым молодым в истории страны председателем нижней платы парламента. В 2000 году он стал бургомистром части Каракаса — Барута (уже от партии «Справедливость превыше всего»), получив 63% голосов. Как и «Мисс Вселенная» Ирене Саэс Каприлес сделал ставку на борьбу с уличной преступностью и с тех пор это является его основной темой в любой предвыборной кампании.

Барута — это район офисов, где практически нет промышленных предприятий, а значит и сторонников Чавеса. Зато именно там располагались штаб-квартиры всех крупных иностранных (в основном американских) компаний, работавших в Венесуэле. Именно эти компании и обслуживали юристы, налоговые консультанты и просто лоббисты разных мастей. 43% жителей Баруты имели либо высшее, либо среднее специальное образование. Неудивительно, что помимо фешенебельной Баруты «Справедливость прежде всего» выиграла в 2000 году выборы мэра и в Чакао — былой вотчине гламурной Ирене Саэс.

Каприлесу в политике помогал бизнес отца — Каприлес-старший был владельцем целой сети развлекательных центров («Синекс»), участвовал в управлении различных СМИ и торговал недвижимостью. Естественно, что клан Каприлесов, как и вся венесуэльская олигархия, был тесно связан коммерче-

[1] Еврея-сефарда, выходца с острова Кюрасао.

скими узами с США: в кинотеатрах Синекс» крутили в основном голливудскую продукцию. В империю Каприлесов входила и популярная газета «Ультимас Нотисиас» («Последние новости»).

Партийные кадры «Справедливости...» готовились на деньги американского «Международного республиканского института» (International Republican Institute), — фактически филиала правящей тогда Республиканской партии США. В 2001 году на эти цели было истрачено 340 тысяч долларов[1].

Помимо близкой к предпринимателям «Справедливости…» американцы финансировали и коррумпированные венесуэльские профсоюзы — Конфедерацию трудящихся Венесуэлы (КТВ). Многие рабочие и служащие были недовольны засильем продажных профсоюзных бонз с партбилетами АД и КОПЕЙ и требовали перевыборов руководства. Правительство Чавеса эти требования поддерживало. Поэтому, опасаясь за свои кресла, руководители профсоюзов — и в этом была уникальность Венесуэлы — активно поддерживали неолиберальную «Справедливость» и антисоциальную политику предпринимательского лобби — организации «Федекамарас».

КТВ получила от США 150 тысяч долларов. После этого на выборах нового руководства этого профцентра 25 октября 2001 года сторонники Чавеса проиграли и обвинили профбоссов КТВ в фальсификации выборов. Это обвинение звучало более чем правдоподобно, если учесть многолетнюю систему манипулирования голосами и запугивания рабочих и служащих всякими неприятностями по работе в случае «неправильной» позиции». В пользу обвинений говорило и то, что на референдуме членов КТВ в декабре 2000 года 62% членов выступили как раз за перевыборы руководства. И тут через год рабочие вдруг изменили свое мнение? В любом случае в 2005 году Национальный избирательный совет аннулировал выборы руководства КТВ, так как 52% бюллетеней не были представлены на проверку в совет, как того требовало законодательство.

Следует отметить, что до прихода Чавеса к власти в КТВ вообще не было прямых выборов руководства, и они состоялись именно под давлением президента.

Новым лидером КТВ стал президент профсоюза нефтяников Карлос Ортега, член АД и сторонник приватизации нефтегазовой промышленности. Символично, что Ортега (сын портного, родился в 1945 году) провел детство в местечке Пунто-Фихо, ставшим нарицательным для обозначения коррумпированной политической системы Венесуэлы в 1958–1998 гг.

Спонсировали американцы и различные «общественные» организации Венесуэлы, выступавшие против реформы образования.

К концу 2001 года, ободренные открытой поддержкой со стороны США, венесуэльские правые перешли в генеральное наступление на правительство с целью скорейшего свержения Чавеса.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 172.

Поводом послужило принятие правительством в ноябре 2001 года целой серии из 49 законов[1]. Особое возмущение правых вывали три закона — об аграрной реформе, о рыболовстве и об углеводородах.

Аграрная реформа 1960-х годов давно уже стала историей, и прежние власти потеряли к ней всякий интерес. Население по-прежнему бежало из деревень, и в 2001 году в Венесуэле была самая высокая доля горожан среди всех стран Латинской Америки (только 12% венесуэльцев все еще жили в сельской местности). Доля сельского хозяйства в ВВП Венесуэлы составляла в 1999 году всего 6,1%, а это означало что, как и раньше, страна импортировала основные продукты питания[2].

Сохранялась и чудовищная неравномерность в землевладении — 5% собственников располагали 75% всех сельскохозяйственных земель, причем многие эти земли не обрабатывались. С другой стороны, 75% землевладельцев довольствовались лишь 6% земли.

В конституции 1999 года было зафиксировано стремление государства уничтожить латифундизм (то есть крупное землевладение), и Чавес в конце 2001 года решил наполнить этот конституционный постулат реальными мерами.

По закону 2001 года подлежали экспроприации все необрабатываемые земли плохого качества свыше 5000 га (или необрабатываемые земли отличного качества свыше 100 га). Таким образом, ничего сверхрадикального в реформе не было. Частным собственникам оставляли 5 тысяч га (а если земля обрабатывалась — и больше) — это была площадь среднего советского совхоза в Центральной России. Землю конфисковывали за выкуп, но государство оговорило право не возмещать стоимость инвестиций, произведенных на незаконно присвоенных собственниками землях. Налогообложение неиспользованных земель повышалось.

Правительство подчеркивало, что будет прибегать к экспроприации лишь в крайнем случае — сначала предполагалось распределять земли, принадлежавшие государству.

Право на землю имел любой венесуэльский гражданин, если он был либо главой семьи, либо одиноким, физически способным для тяжелого сельского труда мужчиной в возрасте от 18 до 25 лет. Сначала землю передавали во временное пользование, а окончательное право собственности закреплялось лишь после трех лет успешного использования земли. Полученную по реформе землю нельзя было продавать, чтобы избежать спекуляции «дармовыми» земельными участками.

Новая аграрная реформа 2001 года[3] помимо цели максимального справедливого распределения земель между теми, кто их обрабатывает, предполага-

---

[1] Парламент предоставил кабинету министров временное право принимать декреты с юридическим статусом законов.

[2] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. New York, 2007. P. 110.

[3] Закон окончательно вступил в силу в ноябре 2002 года.

ла создание высокоэффективного современного сельского хозяйства и уменьшение зависимости страны от ввоза продовольствия. Чавес и его сторонники правильно оценили причины провала аграрной реформы 60-х годов — правительство тогда не оказало новым собственникам земли никакого финансового или технического содействия для развития производства. Поэтому полученная по реформе земля превратилась из дара в обузу.

В 2001 году по закону создавались специальные государственные органы по постоянному сопровождению аграрной реформы.

Национальный институт земли (Instituto Nacional de Tierra), который возглавил брат президента Адан Чавес, занимался непосредственной конфискацией и распределением необрабатываемых земель. Национальный институт сельского развития отвечал за техническое содействие новым собственникам и за строительство в сельской местности необходимой для сельхозпроизводства инфраструктуры. Венесуэльская аграрная корпорация помогала продавать полученную продукцию по справедливым ценам.

Для достижения большей эффективности производства правительство поощряло создание сельхозкооперативов — такие формы позволяли эффективнее использовать государственные кредитные средства.

В 2002 году было распределено мало земли, так как оппозиция оспорила аграрную реформу в Верховном суде. Но уже в 2003 году 130 семей получили 15 миллиона га. Это было больше, чем за все время аграрной реформы в 60-е годы. Всего к концу 2005 года 3 миллиона принадлежавших государству гектаров было передано в частное владение 200 тысяч семей[1]. Частные земли по реформе стали распределять лишь начиная с 2005 года.

Против аграрной реформы сразу же выступили крупные землевладельцы и обслуживавшие их интересы лица свободных профессий из «Справедливости прежде всего». СМИ опять закричали о «кубанизации», хотя по реформе от земель в пользу частника отказывалось, прежде всего, само государство.

Новый закон о рыболовстве также вызвал негодование крупных предпринимателей. А ведь он всего лишь запрещал промышленную ловлю рыбы в зоне 6 миль от берега, чтобы дать возможность зарабатывать на жизнь обычным рыбакам с побережья, у которых не было современных траулеров.

Но больше всего «гражданскому обществу», то есть олигархии и ее обслуживающему персоналу, не понравился новый закон об углеводородах. Частные компании по этому закону должны были платить за пользование недрами («роялти») не 1–17% как раньше (в зависимости от сложности месторождений), а 20–30%. В газо- и нефтедобыче отныне разрешались лишь совместные предприятия с минимальной долей государства в 50%. Опять-таки ничего «социалистического» в этом законе не было — государство имело либо исключительные, либо преимущественные права на добычу углеводородов во всех странах — членах ОПЕК.

---

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 112.

Удивительно, но против нового закона выступили как раз те, кто по идее должен был бы быть его инициаторами — топ-менеджеры вроде бы государственной нефтяной компании ПДВСА. На самом деле, как уже упоминалось, эта компания была государственной лишь по названию. Обученные в американских университетах ее топ-менеджеры были заинтересованы лишь в финансовых операциях, а не в повышении эффективности смой нефтедобычи. Издержки производства безудержно росли, прироста запасов не было, так как ПДВСА не занималась геологоразведкой. Гораздо проще для «менеджеров» было сдавать нефтяные месторождения в аренду частникам (в основном иностранцам) и жить припеваючи на эти деньги. Проблема была в том, что венесуэльское государство с каждым годом получало все меньше от своей же формально «государственной» компании. И это при том, что цены на нефть быстро расли начиная с 1999 года.

Теперь Чавес хотел, чтобы ПДВСА снизила издержки и направила большую часть прибыли не на шопинг топ-менеджеров в Майами, а на социальные нужды населения.

Менеджмент ПДВСА в ответ объявил своему же собственнику (т. е. правительству Венесуэлы) открытую войну. Менеджеры ПДВСА наперебой рассказывали частным СМИ, что новый закон — это гибель для нефтедобычи, так как он отпугнет иностранных инвесторов. Менеджмент поддержали коррумпированные профбоссы из КТВ (имевшие свою долю от всех сделок с иностранцами в нефтяном секторе), организовавшие демонстрации против нового закона. Причем демонстрировали не столько рабочие, сколько служащие, никогда в жизни не видевшие самой нефти.

Центром протестов венесуэльская олигархия и «гражданское общество» решили сделать Каракас — среди жителей столицы примерно 40% принадлежали к среднему зажиточному классу, обитавшему в той же Баруте или Чакао.

Лидером протеста стал президент предпринимательских союзов («Федекамарас») Педро Кармона[1]. Американцы готовили его на роль венесуэльского Пиночета (не случайно Кармона получил высший чилийский орден Бернардо О'Хиггинса). Кармону напрямую задели законы Чавеса — в 1980-1990-е годы он был управляющим различными частными нефтехимическими компаниями. Начиная с 1999 года Кармона неоднократно публиковал в прессе свои статьи, в которых нападал на экономическую политику правительства.

28 ноября 2001 года «Федекамарас» призвала начать 10 декабря всеобщую забастовку против новых законов. Представители «гражданского общества», особенно «Справедливости…» по заранее намеченному плану выехали в регионы, чтобы уговорить тамошних бизнесменов закрыть все свои фирмы. Особое значение придавалось парализации розничной торговли, чтоб вызвать недовольство простых граждан. Например, лично Кармона «обрабатывал» сети супермаркетов и булочников-частников.

---

[1] Родился в 1941 году, изучал экономику в университетах Каракаса и Брюсселя. В июле 2001 года был избран президентом «Федекамарас» на срок до 2003 года.

Об участии в стачке предсказуемо заявил и союз частных СМИ — «Блок прессы» (Bloque de Prensa). Было решено, что 10 декабря 2001 года в Венесуэле не выйдет ни одна газета.

Именно так — с забастовки предпринимателей — начиналась подготовка и к перевороту в Чили осенью 1972 года.

Все антиправительственные акции задумывались в самой тесной координации с посольством США в Каракасе. Посол Гринак писала в Вашингтон о Кармоне как о будущем президенте после ухода Чавеса: «Пресса без ума от Кармоны, что как минимум дает ему ауру политической фигуры (вообще-то «Федекамарас» не имела права по закону заниматься политикой, будучи не партией, а общественной организацией — примечание автора) и концентрирует разрозненные голоса оппозиции в едином фокусе»[1].

24 часа в сутки частные телеканалы транслировали ролики, призывавшие всех принять участие в забастовке. Практически во всех материалах содержались оскорбительные нападки лично на президента.

10 декабря 2001 года те же каналы показывали пустые улицы «бастующего» Каракаса, но речь шла лишь о богатых районах столицы, типа Чакао. В регионах и бедных предместьях самой столицы жизнь шла обычным чередом, несмотря на уже традиционный стук кастрюль сторонников оппозиции.

Но и Чавесу на сей раз было что предъявить в качестве шумового эффекта. Правительство перенесло традиционное празднование дня ВВС из Маракая в Каракас, и над столицей на низких высотах пролетели истребители Ф-16. В это же время одетый в форму и красный берет Чавес, как обычно, вел борьбу со своими противниками в прямом эфире, заверяя народ, что вооруженные силы на его, народа, стороне. Никаких административных мер против забастовки власти не предпринимали. Шла идейная борьба, причем неравная, так как оппозиционных газет, теле- и радиоканалов было в разы больше, чем государственных СМИ.

Но, как и оппозиция, Чавес тоже принимал меры по консолидации рядов своих сторонников. В рамках активизации участия граждан в управлении государством были организованы Боливарианские кружки (Circulos Bolivarianos). Членство в этой неформальной организации было добровольным и в 2001 году кружки (по 7–10 человек) только находились в процессе становления. Эти органы общественности были призваны в рамках конституции контролировать деятельность органов госуправления и нести в массы правду о проводимых в стране реформах.

Естественно, что оппозиция заклеймила кружки как копию Комитетов защиты революции на Кубе, оседлав любимого конька «кубанизации». На самом деле это было лишь воскрешением идеи Уильяма Исарры с его «патриотическими кружками». По состоянию на 2001 год кружки в основном занимались такими проблемами местного самоуправления как водоснабжение, здравоохра-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 175.

нение, уборка мусора и т. д. Никакой военной подготовки в рамках Боливарианских кружков не проводилось.

Но 17 декабря 2001 года для демонстрации своей поддержки народом Чавес принял тожественную клятву у нескольких тысяч членов кружков.

Клятва в своей основе базировалась на знаменитой клятве Боливара в 1805 году, но была, естественно, приспособлена к современности: «Я клянусь перед вами[1], перед Богом и моими родителями. Я клянусь своей честью и моим отечеством, что я не опущу рук и не успокою душу до тех пор, пока мы не сломаем цепи, угнетающие Венесуэлу как наследие тех власть предержащих, кто разрушил отечество. Я клянусь, что полностью посвящу свой труд боливарианской идеологии, организации народа, мобилизации народа, народной власти, и что я никогда не откажусь от борьбы… Я клянусь, что буду бороться неустанно и защищать революцию, даже если мне придется пожертвовать своей жизнью для славы Венесуэлы. Я клянусь, что мы будем повсеместно укреплять боливарианскую революцию и отчество для наших детей. Клянусь»[2].

Кружки не имели никаких централизованных органов управления, но от правительства их деятельность курировал вице-президент Венесуэлы Диосдадо Кабельо[3]. Мишенью правой прессы стала активная участница кружков Лина Рон, которая в красном кепи гоняла со своими сторонниками по улицам Каракаса на мотоциклах и часто пикетировала уличенные во лжи редакции буржуазных СМИ. Лина олицетворяла собой тот «плебейский дух» новых времен, который так яростно ненавидела венесуэльская олигархия.

Таким образом, к концу 2001 года «армии» сторонников и противников Чавеса буквально выстроились и провели смотры своих рядов для решающего сражения.

Битва началась 8 января 2002 года, когда Лина Рон и ее товарищи ворвались в редакцию газеты «Эль Насьональ». Поводом стал недавний визит Чавеса в пригород Каракаса Катия. «Эль Насьональ» дала материал об этом событии под шапкой «Катия встретила президента громким протестом». Лина Рон, сопровождавшая Чавеса, была возмущена столь беспардонной ложью: хотя в кастрюлю била только одна дама, «Эль Насьональ» написала о тысячах протестовавших. Теперь в здании редакции Лина и ее «мотористас» требовали дать опровержение. Некоторые кричали, что в противном случае сожгут редакцию. Во время этой акции никто не пострадал, но правые СМИ закричали о «наезде чавистов на свободную прессу».

Олигархия окрестила членов Боливарианских кружков «талибаном». Намек был более чем прозрачным — как раз в то время США вели в Афгани-

---

[1] То есть перед своими товарищами по Боливарианским кружкам.

[2] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Bolivarian_Circles

[3] Родился в 1963 году, окончил военную академию и в звании лейтенанта участвовал в восстании 4 февраля 1992 года. После ареста Чавеса добровольно ушел с военной службы. С самого начала активно помогал Чавесу в его политической деятельности. Став в 2000 вице-президентом, отвечал за вооруженные силы и прочие силовые органы.

стане войну против террористического движения «талибан» (которое ранее сами же и создали на паях с пакистанской разведкой).

В правых СМИ бездоказательно заговорили и о неких «фашистских» планах правительства по ликвидации лидеров оппозиции.

В начале 2002 года былой сторонник Чавес и бывший журналист Пенья, ставший мэром центрального Каракаса, открыто перешел на сторону оппозиции, хотя избирался на свой пост как «чавист». Отныне сильная столичная полиция (Policia Metropolitana) была готова при необходимости применить оружие против чавистов. Полиция была хорошо оснащена и обучена американскими экспертами из ФБР. Полицейским удвоили заработную плату, и они были лично преданы мэру.

Помимо Пеньи Чавес лишился и поддержки человека, которого считал вторым отцом. 24 января 2002 года подал в отставку с поста «суперминистра» — министра юстиции и внутренних дел — Луис Микилена. Микилена всегда был тесно связан с бизнес-сообществом. Даже, пожалуй, излишне тесно. Увидев недовольство предпринимателей законами ноября 2001 года, Микилена стал уговаривать Чавес отказаться от них. Но для президента принципы всегда были важнее дружбы, тем более, что большинство народа как раз поддерживало реформаторскую политику Чавеса. Потакать же «заскорузлой олигархии» (выражение президента) глава государства не хотел. Уйдя в отставку, Микилена заявил, что по-прежнему остается сторонником Чавеса, но правые СМИ в стране стали говорить о крысах, покидающих тонущий корабль.

23 января 2002 года оппозиция призвала провести демонстрации в очередную годовщину восстания против диктатуры Переса Хименеса в 1958 году. Теперь правые требовали свержения нового «диктатора» — Чавеса. На улицы Каракаса вышли сотни тысяч сторонников оппозиции.

В то же время АД обратилась в Верховный суд с требованием признать Чавеса сумасшедшим и отрешить его от должности. Этот бред сразу подхватила американская пресса. Журнал «Ньюсуик» озаглавил свою статью «Является ли Чавес ненормальным?»

Между тем ЦРУ как минимум знало о готовящемся в вооруженных силах Венесуэлы заговоре с целью свержения президента. В феврале 2002 года два офицера — полковник ВВС Педро Луис Сото и капитан Национальной гвардии Педро Луис Флорес — выступили публично с требованием отставки Чавеса якобы от имени 70% личного состава вооруженных сил[1]. Через несколько дней к этому требованию присоединился контр-адмирал Карлос Молина Тамайо. Многие в стране не могли отделаться от впечатления, что власть ускользает из рук президента.

Так же считали в Вашингтоне. 25 февраля 2002 года США заменили посла в Венесуэле. Вместо слишком мягкой Гринак посольство в Каракасе возглавил Чарльз Шапиро, который был военным советником посольства США в

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 179.

Сальвадоре во время борьбы тамошней диктатуры против народного восстания (1983–1988 гг.). Шапиро был опытным специалистом именно по «смене режимов» и по поддержке нужных США правительств, пусть даже и недемократических. Шапиро приступил к обязанностям посла 19 марта 2002 года.

В Вашингтон съездил и президент КТВ Ортега, который должен был придать перевороту против Чавес «народный» характер. В США с Ортегой встречался уже упоминавшийся выше Отто Райх, ставший заместителем госсекретаря по Латинской Америке.

По возвращении из Вашингтона Ортега заключил формальный союз с Кармоной — таким образом, рабочие и предприниматели боролись не друг с другом, как обычно, а против законно избранного главы государств. Американское посольство считало пакт Кармоны и Ортеги ключевым моментом в подготовке переворота. 5 марта 2002 года посольство сообщило в Вашингтон: «Еще она деталь встала на свое место… (пакт Кармоны и Ортеги) может стать рамкой и методом формирования переходного правительства»[1].

6 апреля 2002 года ЦРУ доложило президенту США, что «группа старших офицеров и молодых недовольных офицеров» вооруженных сил Венесуэлы «усиливает подготовку» к перевороту[2]. Американская разведка уже могла к тому времени полностью описать сценарий свержения Чавеса: сначала Кармона и Ортега организуют в Каракасе массовую демонстрацию, затем «сторонники Чавеса» открывают по беззащитным манифестантам огонь и в этих условиях армия ради предотвращения дальнейшего кровопролития берет власть в свои руки. В упомянутом выше докладе ЦРУ констатировалось: «Чтобы спровоцировать военных на вмешательство, заговорщики могут использовать вытекающие из демонстрации беспорядки, которые намечены на вторую половину месяца (т. е. апреля 2002 года — примечание автора)[3].

Американская разведка даже знала, кого помимо Чавеса предполагалось арестовать в ходе переворота.

Позднее госдепартамент утверждал, что «старший дипломат» посольства США в Каракасе встретился с Чавесом буквально за неделю до переворота и предупредил его о зреющем заговоре. Это звучит весьма странно, если учесть жесткую критику американцами Чавеса. Возможно, в Вашингтоне хотели спровоцировать Чавеса на превентивные аресты лидеров оппозиции и офицеров армии, чтобы как раз и создать таким образом повод для выступления военных.

В тот же день 6 апреля 2002 года, когда ЦРУ подготовило свой секретный доклад о готовящемся в Венесуэлу перевороте, лидер КТВ Ортега вместе с союзом предпринимателей «Федекамарас» призвал провести начиная с 9 апреля 48-часовую забастовку. Но с самого начала предполагалась возможность продления забастовки на неопределенное время. Основным требованием к Чавесу являлась немедленная отставка только что назначенного (в феврале 2002 года)

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 180.
[2] URL: http://www.nytimes.com/2004/12/03/international/americas/03venezuela.html?_r=0
[3] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 180.

руководителя нефтяной компания ПДВСА генерала Гаукаипуро Ламеды. Чавес как глава государства имел все законные права менять руководство государственной корпорации. Тем более что генерала назначили с целью резкого сокращения возросших непомерно (более чем на 44%) издержек ПДВСА[1]. А это означало для топ-менеджмента компании, что все закулисные и коррупционные сделки могут стать достоянием общественности, равно как и непомерно высокая зарплата «государственных служащих». Именно топ-менеджмент ПДВСА и сформулировал основные требования тандема Кармоны-Ортеги.

5 апреля 2002 года апреля менеджмент ПДВСА объявил забастовку. «Белые воротнички» в том числе протестовали и против подписанного 30 октября 2000 года венесуэльско-кубинского соглашения, по которому Венесуэла поставляла Кубе 53 тысячи баррелей нефти в день в обмен на направление в Венесуэлу кубинских врачей.

Чавес ответил на ультиматум оппозиции тем, что перешел в контрнаступление. Причем сделал он это как обычно блестяще с медийной точки зрения. В то время все готовились к очередному чемпионату мира по футболу, и президент решил это использовать. 7 апреля Чавес как обычно появился в прямом эфире телепрограммы «Алло, президент», на сей раз со свистком футбольного арбитра. Он стал называть имена топ-менеджеров ПДВСА, вежливо благодарить их за работу и …увольнять в прямом эфире. При этом после каждой фамилии Чавес свистел как футбольный судья и коротко произносил «Прочь с поля! Идите домой!» В конце списка президент к восторгу зрителей прокричал «Оффсайд!»[2]

Столь «плебейская» выходка Чавеса окончательно разозлила оппозицию. 9 апреля все правые СМИ весь день активно призывали к забастовке и демонстрации протеста. Звучали и призывы к «гражданскому неповиновению» и «тотальному конфликту». Всем было ясно, что случай с ПДВСА является лишь предлогом для конфронтации, к которой оппозиция готовилась давно. Президент пытался противодействовать с помощью «каден», заставляя частные телеканалы транслировать новостные программы государственного телевидения. Но на сей раз оппозиция подготовилась и к такому сценарию — техники разделили изображение на экранах на две части. Слева зрители видели информацию «кадены», а справа — постоянные призывы к забастовке.

Но уже 10 апреля забастовка бизнеса (фактически это был локаут предпринимателей) явно пошла на убыль — открылись многие частные предприятия. В ответ 10 апреля КТВ и «Федекамарас» заявили о продлении забастовки на неопределенный срок и назначили на 11 апреля массовое шествие в Каракасе.

Чавес, как обычно, разрешил шествие по заранее согласованному с оппозицией маршруту — правые хотели пройти к зданию ПДВСА и провести там митинг. Президент назвал забастовку и демонстрацию (намеченную на 11 апре-

---

[1] Если в 1981 году ПДВСА платила государству в виде роялти 71% выручки, то в 2000 году — лишь 39%.
[2] Nelson B. The Silence and The Scorpion. New York, 2009. P. 14.

ля) бредом обиженной олигархии и объявил, что, как и запланировано, намерен отбыть в этот день на саммит «группы Рио» в столицу Коста-Рики Сан-Хосе.

Но 10 апреля в эфир неожиданно вышел генерал Нестор Гонсалес, обвинивший Чавеса в сотрудничестве с колумбийскими партизанами и колумбийской наркомафией. Президенту пришлось отменить зарубежный визит. Так это и задумывали заговорщики — они не хотели выпускать Чавеса из страны.

В этот же день Кармона уже подготовил свой первый президентский декрет, распускавший парламент, Верховный суд и отрешавший от должности генерального прокурора, губернаторов штатов и мэров. Сам себя этим декретом Кармона назначил главой переходного правительства.

О готовящемся перевороте из кругов стран–членов ОПЕК узнал министр нефти Венесуэлы, бывший партизан Али Родригес Араке. Ливия и Ирак готовились объявить нефтяное эмбарго США в ответ на поддержку американцами Израиля. Родригесу сообщили, что чтобы сорвать эмбарго американцы готовят переворот в Венесуэле. Чтобы не давать американцам формального повода для интервенции Чавес публично объявил, что Венесуэла к такому эмбарго не присоединится. Одновременно предупрежденный Чавес отдал приказ скрытно перебросить в президентский дворец несколько сотен военнослужащих. Вместе с военным руководством страны (среди которого были и заговорщики) Чавес обсудил возможность применения «плана Авила». Этот план предусматривал использование армии для подавления массовых беспорядков и был разработан после «каракасо».

Утром 11 апреля оппозиция двинулась с востока города по направлению к центру Каракаса. Организаторы говорили о миллионе манифестантов, полиция насчитала 200 тысяч. В любом случае пришло очень много «белых воротничков» и лиц свободных профессий, а также предпринимателей. Демонстранты скандировали по-испански в рифму «Мы идем таким путем, чтобы вышвырнуть этого сукина сына!»[1] Сразу же зазвучали двигаться на президентский дворец Мирафлорес, хотя такого маршрута организаторы шествия не заявляли.

Первым на митинге у штаб-квартиры ПДВСА выступил Кармона — ему в ответ кричали «На Мирафлорес! На Мирафлорес!» Затем на трибуну забрался Ортега и попытался по бумажке озвучить основные требования к Чавесу, но его не слушали и тогда Ортега разорвал лист с требованиями на мелкие кусочки — ни о чем договариваться с президентом оппозиция изначально не собиралась. Профбосс объявил: «И я говорю, что этот марш, эта река человечности, должна идти, идти… на Мирафлорес!» В поддержку этого незаконного требования с трибуны выступил и адмирал Карлос Молина Тамайо.

Так президент КТВ дал сигнал к захвату власти, и толпа направилась к президентскому дворцу. Полиция пыталась остановить марш, но адмирал Молина уговорил полицейских пропустить шествие.

---

[1] Nelson B. The Silence and The Scorpion. P. 12.

Примерно в 11.30 эту новость сообщили все негосударственные телеканалы, освещавшие марш в прямом эфире. Президентский дворец охраняли национальные гвардейцы с двумя броневиками с водометами. У самого дворца для защиты президента стали собираться сотни чавистов из Боливарианских кружков, причем сторонники Чавеса призывали ни в коем случае не нападать на журналистов. Полиция и Национальная гвардия должны были не допустить столкновения противоборствующих сторон, которое было чревато массовым кровопролитием.

На стороне протестующих была вооруженная полиция Большого Каракаса, а также полицейские формирования районов Чакао и Барута, муниципалитеты которых возглавляли члены партии «Справедливость прежде всего».

Узнав о марше тысяч оппозиционеров на Мирафлорес[1], бригадный генерал Рамон Сильва приказал привести в боевую готовность воинские части и бронетехнику на случай приказа о применении «плана Авила». Но командующий армией Эфраин Васкес Веласко приказал отменить все приготовления к «плану Авила».

Между тем толпа шла на Мирафлорес, скандируя «Ни шагу назад!» Частные телеканалы нагнетали обстановку, прекрасно понимая, что может пролиться кровь. Когда диктор частного телеканала «Веневизион» попытался зачитать в эфире сообщение столичной полиции о том, что она не допустит демонстрантов к президентскому дворцу, этого диктора убрали от микрофона прямо в эфире[2].

Когда демонстранты подошли совсем близко к дворцу Мирафлорес, чависты стали швырять в них камни и палки. Национальная гвардия слезоточивым газом из последних сил пыталась разъединить противоборствующие стороны. Но адмирал Молина, шедший во главе колонны протестующих, требовал от своих сторонников идти напролом и, если надо, разоружать полицию. Примерно в 14.30 протестующие начали тоже швырять в чавистов камни. Неожиданно все лидеры протеста — Кармона, Молина и Ортега — на мотоциклах скрылись по разным «делам». Сцена для кровопролития была подготовлена, но режиссеры своей жизнью рисковать не собирались. Кармона отправился в редакцию частного телеканала «Веневизион», чтобы быть готовым откомментировать «кровавые репрессии режима Чавеса».

Раздававшийся прямо на улицах экстренный выпуск газеты «Эль Насьональ» (подготовленный заранее) сообщал, что «Решающее сражение пройдет в Мирафлоресе!»

Частные телеканалы как по команде стали сообщать, что Чавес бежал на Кубу — эта дезинформация должна была деморализовать чавистов, защищавших президентский дворец. Сообщали и о восстании армии против президента.

Примерно в 13.00 в министерстве обороны в форте Тиуна собрались генералы, следившие за маршем в прямом эфире по телевидению. Командующий

---

[1] От штаб-квартиры ПДВСА до президентского дворца было 6 миль.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 187.

армией Васкес Веласко заявил, что президент утратил контроль над страной и должен уйти. Но один из генералов — уже упоминавшийся Рамон Сильва — поспешил к командующему самой крупной воинской частью в Каракасе генералу Хорхе Луису Гарсия Карнейро (твердому стороннику Чавеса) и сообщил о фактическом мятеже военного командования. Оба генерала решили в нарушение приказа главкома Васкеса Веласко все же привести в боевую готовность танковый батальон.

В 14.15 по «кадене» выступил генеральный инспектор вооруженных сил Лукас Ринкон, который опроверг слухи о восстании военных и об аресте Чавеса. В это время другие генералы с помощью корреспондента CNN Отто Нойштальда на одной из квартир уже записывали видеообращение о свержении Чавеса. Причем там речь уже шла об убитых демонстрантах, хотя на тот момент еще никто не погиб.

В 15.20 столичная полиция с винтовками М-16 и слезоточивым газом начала атаку на сторонников Чавеса, раздались первые выстрелы. Одним из первых был убит сотрудник ДИСИП и телохранитель вице-президента Кабельо 22-летний Тони Веласкес. Оттесненные к эстакаде Пуэнте Льягуно чависты, попытались отстреливаться от полиции из пистолетов. Этого-то момента и ждали репортеры частных телеканалов, «случайно» оказавшиеся у эстакады.

Частные телеканалы показывали людей в красных беретах (сторонников Чавеса) стрелявших куда-то с эстакады (цели на экранах видно не было). Затем картинка на экране менялась, и зрители видели уже трупы, которых спешно выносили из-под огня.

С помощью такой наглой тележки и появилась дезинформация о стрельбе хорошо вооруженных чавистов против мирных демонстрантов. На самом деле, чависты, которых полиция прижала к эстакаде, просто пытались обороняться. С того места, откуда они вели огонь из немногих имевшихся у них пистолетов, оппозиционных демонстрантов даже не было видно.

С 15.30 до 15.55 полиция убила 9 человек — трех чавистов и пять оппозиционеров. У всех жертв пулевые ранения были винтовочного калибра 5,56 мм, но никак не пистолетного. Все это ясно говорило об авторстве пуль — стреляла столичная полиция, Чавесу не подчинявшаяся.

В центре Каракаса воцарился хаос. И чависты и оппозиционеры разбегались в разные стороны. Всего во время стрельбы были убито по разным данным от 19 до 30 человек. 80% погибли от прицельных выстрелов в голову — явно работали снайперы, которых многие видели на крышах высоток в Каракасе. 60 человек было ранено.

В любом случае, даже показанные частными телеканалами чависты на эстакаде начали стрелять примерно в 16.30, когда уже все жертвы беспорядков были мертвы. И все эти жертвы были убиты на слишком далеком расстоянии от моста — из пистолетов это было сделать невозможно.

В 15.45 на экранах появился президент, выступавший из подземного бункера дворца Мирафлорес. Чавес был явно потрясен происходящим и гово-

рил необычно сумбурно. Он убеждал сограждан, что боливарианская революция — это «мирная демократическая революция, терпимая, открытая, задумчивая, конструктивная, ни в коем случае не деструктивная…революция любви, мечтаний о будущих поколениях венесуэльцев»[1]. Президент призвал и своих сторонников, и своих противников к максимальной сдержанности. Неожиданно президент исчез с экранов — техникам частных компаний удалось прервать сигнал «кадены». Потом Чавес снова возник на экранах, но уже лишь на левой их стороне, справа частные СМИ показывали разбегавшихся в ужасе демонстрантов и чавистов. Контраст со словами президента о любви и терпимости был очевидным.

Тогда техники государственного телевидения отключили сигнал частных телеканалов «Веневизион», «Телевен» и RCTV. Отыне вещало лишь государственное телевидение. Чавес объяснил отключение частных каналов требованием народа: «Я долго терпел, терпел до боли. Но нельзя уже больше терпеть идиотизм некоторых людей, которым принадлежат эти телекомпании»[2].

После того как Чавесу прямо в эфире принесли список с именами погибших, президент прервал «кадену» и переоделся в военную форму и красный берет.

Но частные телеканалы были готовы к отключению — через несколько минут они снова были в эфире с помощью спутникового оборудования. Каналы сообщали о массовой стрельбе чавистов по безоружным и мирным демонстрантам. То же самое говорил и мэр центрального Каракаса Пенья хотя людей убивала на самом деле именно подчиненная ему полиция. Мэр Чакао (от партии «Справедливость…») Леопольдо Лопес свалил всю ответственность уже прямо на президента: «Президент Чавес, у вас все руки в крови. Вы — убийца!» Появился на экранах и Микилена, заявивший, что отныне не желает иметь ничего общего с правительством. Адмирал Молина Тамайо на волнах «Веневизион» обратился к военным: «Действуйте! Это правительство уже не легитимно!»

Примерно в 17.30 Чавес позвонил генералу Росендо, чтобы отдать приказ о начале осуществления «плана Авила». Но генерал отключил свой мобильный телефон. К этому времени демонстранты уже практически разошлись и Чавес хотел с помощью «плана Авила» лишь защитить президентский дворец от возможного военного мятежа части армии — он знал о зреющем в вооруженных силах заговоре. Не дозвонившись до Росендо, Чавес вышел в эфир на специальной радиоволне «Красная акула», которая связывала президента с высшими военными руководителями. Он смог поговорить с генералом Хорхе Луисом Карнейро, который обещал прислать к президентскому дворцу танковый батальон.

Но батальон не сразу смог выйти из форта Тиуна — военные заговорщики уже блокировали автобан. Солдаты просто останавливали водителей частных автомашин прямо на дороге и отбирали у них ключи зажигания. Но к 19.00

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 192.
[2] Ibid. S. 193.

танковый батальон все же пробился к Мирафлоресу, который по-прежнему окружали тысячи сторонников Чавеса. Генерал Карнейро переговорил с Чавесом, а когда вышел на улицу, танков уже не было — генерал Васкес Веласко приказал им вернуться обратно.

Примерно в 20.00 Кармону презентовали в студии «Веневизион» как нового президента страны, тот кокетливо отмахивался от ведущего ток-шоу. Глава «Веневизион» Густаво Сиснерос[1] ненавидел Чавес просто потому, что тот не сделал его главой национальной телекомпании. После эфира Сиснерос отвел Кармону в свою роскошную квартиру, где лидеру предпринимателей показали записанное ранее обращение военных. Начальник генерального штаба генерал Эктор Рамирес Перес говорил о свержении Чавеса «как утратившего доверие народа» на фоне десятка других офицеров.

Переворот был уже в разгаре. Примерно в 20.30 сторонников Чавеса генералов Рамона Сильву и Гарсию Карнейро арестовали прямо в здании министерства обороны. Но генералы-путчисты слишком активно подбадривали себя выпивкой, и арестованным удалось просто уйти из здания. Оба сторонника Чавеса отправились в ДИСИП, чтобы организовать контрпереворот, но штаб-квартира политической полиции уже тоже находилась в руках заговорщиков. Тем не менее, генералам удалось с помощью обмана освободить арестованного шефа ДИСИП Карлоса Агилеру.

Чавес пытался еще раз обратиться к народу по государственному восьмому телеканалу, но его вещание примерно в 22.00 прекратила столичная полиция. В это же время военное руководство прибыло в президентский дворец и потребовало отставки Чавеса. Президент выдвинул три условия:

— никто из членов правительства и его сторонников не должен подвергаться репрессиям;

- он сделает заявление об отставке, как того и требует конституция, перед Национальным собранием, и власть перейдет к вице-президенту до следующих выборов;

- личная охрана должна сопровождать Чавеса в безопасное место, а именно на Кубу[2].

Чавес специально выдвинул эти условия, рассчитывая на то, что путчисты на них не пойдут. Ведь не было никаких сомнений, что парламент отставку президента не примет, а тем более отставку вынужденную. Президент добивался одного — опять получить контакт с обществом и разъяснить свою позицию. Он опасался, что если откажется от отставки напрямую, то его просто убьют, а потом расскажут людям о самоубийстве — именно так и поступили с президентом Чили Сальвадором Альенде во время военного переворота 11 сентября 1973 года.

---

[1] Ему принадлежала еще и сеть супермаркетов, а также закусочных быстрого питания.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 197.

Расчет Чавеса с выдвижением условий оказался правильным — путчисты заспорили друг с другом. Некоторые генералы не хотели отпускать Чавеса на Кубу.

Тем временем, главком армии Васкес Веласко дозвонился до опальных генералов Сильвы и Карнейро и пригласил их в министерство обороны, гарантировав полную безопасность. Генералы явились вместе со смещенным шефом ДИСИП и увидели в кабинете Веласко двух сотрудников военного атташата посольства США в Каракасе[1]. Там же был и военный атташе Венесуэлы в США бригадный генерал Энрике Медина Гомес. Последний (не зная видимо, на чьей стороне находятся вошедшие генералы) увлеченно рассказывал, как несколько месяцев с помощью американцев готовил военный переворот.

Путчисты так радовались, что даже забыли арестовать прибывших генералов.

Между тем в Мирафлоресе собрались члены правительства, депутаты от партии Чавеса, приехали поддержать сына и родители президента. Жена с дочкой Розинес улетела в свой родной штат, опасаясь за жизнь ребенка. В подполье ушли и дети президента от первого брака. Чавес продолжал переговоры с военной верхушкой, засевшей в форте Тиуна. Президент предлагал отправить правительство в отставку и начать диалог с оппозицией. Но генералы требовали немедленной отставки. Чавес конечно мог призвать народ к борьбе, но понимал, что тогда погибнут тысячи людей. Решительного сопротивления требовал министр обороны и бывший журналист Ранхель. Чавес хотел улететь на вертолете в Маракай или пробиться туда вместе с правительством на танках — но ни танков, ни вертолетов у него не было.

Чавес был близок к отчаянию — все говорили только о Чили и об Альенде. Казалось, эта трагическая история вот-вот повторится.

И тут примерно в полночь Чавесу позвонил Фидель Кастро. Он советовал своему другу не уходить в отставку и ни в коем случае не радовать своих врагов самоубийством. Чилийский вариант 1973 года, говорил Кастро, не должен повториться. Именно звонок Кастро и удержал Чавеса от суицида: президент был так потрясен убитыми на улицах столицы, что и сам хотел уйти из жизни. Ведь он взял власть именно для того, чтобы никогда больше не проливалась кровь простых людей. А тут получалось, что он не смог этому помешать.

Кастро говорил: «Я скажу тебе одно: спасай своих людей и спасай себя. Делай, что должен делать. Веди переговоры с достоинством. Ты не должен приносить себя в жертву, Чавес. Игра еще не окончена. Не жертвуй собой»[2].

Позднее Чавес вспоминал: «Звонок Фиделя был для меня решающим».

Примерно в то же время, когда Чавес говорил с Фиделем Кастро, телефонный звонок разбудил в роскошном отеле «Four Seasons» дремавшего Кармону. Хозяин отеля, крупный бизнесмен, предложил лидерам оппозиции бесплатную ночевку. Кармона боялся ехать домой — он думал, что уже отдан при-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 198.
[2] Ibid. S. 199.

каз о его аресте. Кармоне звонили из министерства обороны — командующий Васкес Веласко приглашал его на совещание. В приемной Веласко Кармоне пришлось прождать более двух часов. Когда он уже хотел уехать, его все-таки вызвали в кабинет и сказали, что он назначен временным президентом.

Кармона еще не знал, что уже очень скоро получит в народе обидное прозвище «Педро Короткий», и не из-за роста, а из-за слишком непродолжительного срока своих полномочий.

В 3.15 утра 12 апреля 2002 года Чавес и его соратники во дворце Мирафлорес получили ультиматум военного руководства. Чавесу было предложено сдаться и отбыть в форт Тиуна, остальным разойтись. Если в течение 15 минут требование не будет выполнено, президентский дворец будет подвергнут бомбардировке с воздуха. Казалось, что в Каракасе 12 апреля 2002 года оживало мрачное прошлое Сантьяго 11 сентября 1973 года. Министр обороны Ранхель требовал не сдаваться. Чавес попросил у друзей пять минут уединения. Когда он вернулся, то сообщил, что не принесет свою команду в жертву путчистам: «…это было бы глупостью. Я беру на себя всю ответственность. Пусть берут меня в заложники»[1]. На глазах президента были слезы, и когда он покидал кабинет, его соратники запели гимн страны.

В 4.51 утра радостный Кармона сообщил венесуэльцам по телевидению, что «вооруженные силы держат под охраной уходящего президента и что скоро будет образовано переходное правительство».

В форте Тиуна, куда привезли Чавеса, его первым делом заставили снять форму. Чтобы унижение было полным, Чавеса одели в футболку и спортивный костюм, как панамского лидера Норьегу (свергнутого военной интервенцией США в 1989 году). Генералы уже вернулись со встречи с Кармоной и потребовали от Чавеса подписать заранее заготовленное заявление об отставке. Президент наотрез отказался — бояться надо не ему, а генералам: «Когда скоро взойдет солнце, вам придется объяснить это стране, что вы натворили». Генералы особо не настаивали, и Чавес скоро понял почему.

Один лейтенант принес Чавесу телевизор и тот с ужасом услышал заявление генерального инспектора вооруженных сил Лукаса Ринкона Ромеро, записанное заранее: «Военное руководство с сожалением восприняло ужасные события, произошедшие вчера в столице. Перед лицом этих фактов президента республики попросили об отставке, и он согласился»[2]. Чавес понял, что живым ему из плена уже не выйти.

И действительно в это время в президентском дворце адмирал Молина Тамайо убеждал Кармону дать санкцию на ликвидацию Чавеса. Кармона сначала отнекивался, но потом все же разрешил убить Чавеса «при попытке к бегству».

Но Чавес не терял присутствия духа. Он попросил одного из офицеров дать ему мобильный телефон и позвонил своей дочери Марии Габриэле. Отец

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 200.
[2] Ibid. S. 203.

просил дочь срочно связаться с Фиделем Кастро и сказать кубинскому лидеру, что он, Чавес, ни в какую отставку не подавал. Мария Габриэла смогла выйти на Фиделя в первой половине дня 12 апреля, и кубинское телевидение передало ее звонок в студию.

Теперь весь мир знал, что Чавес жив и продолжает считать себя законным президентом. Убить его было уже гораздо сложнее.

Так Кастро во второй раз спас жизнь своему другу.

Между тем в президентском дворце Мирафлорес собралось более 400 военных, бизнесменов, директоров частных СМИ и оппозиционных политиков. Мужчины были во фраках и элегантных костюмах, дамы в вечерних платьях. Это изысканное, пахнущее нафталином общество напоминало справочник «Кто был кто в Венесуэле до 1998 года».

Был зачитан первый декрет о роспуске всех конституционных органов власти. Боливарианскую Республику Венесуэлу опять переименовали в Республику Венесуэлу и даже убрали потрет Боливара из салона, где проходило это странное собрание. Чавеса отрешили от должности на основе его же конституции, признававшей право народа на неповиновение в случае нарушения властями конституции. Что конкретно нарушил Чавес. не разъяснялось. Его упрекали в неуважении частной собственности и (с оглядкой на США) в неправильной позиции по отношению к «глобальной войне против терроризма». Тем не менее сам декрет базировался на откровенной лжи — в нем опять говорилось о добровольной отставке Чавеса, которую он якобы подписал перед военным руководством.

В 17.30 произошел еще более удивительный спектакль — Кармона привел сам себя к присяге в качестве временного президента.

Пока «Педро Короткий» клялся сам себе в «уважении правого государства», перед воротами президентского дворца уже бушевала многотысячная толпа сторонников Чавеса. Такая же толпа стала собираться и перед фортом Тиуна — люди думали, что именно там держат пленного президента, хотя к тому времени это было уже не так.

В новой «демократической» Венесуэле была немедленно ведена тотальная цензура. С экранов исчезли любые упоминания о Чавесе и обо всем, что «пахло чавизмом». Возмущенным репортерам частных телеканалов запретили сообщать о манифестациях чавистов. Вместо этого рекомендовалось показывать тихие улицы буржуазных кварталов или вообще другие регионы страны. Было полностью проигнорировано и интервью дочери Чавеса кубинскому телевидению

Столичная полиция отключила государственное телевидение («восьмой канал»)[1] и начала при помощи военных и Национальной гвардии массовые облавы в предместьях Каракаса. Там существовало много местных радио- и телестанций и все они поддерживали Чавеса. Но путчисты с гордостью говорили о

[1] Кармона приказал отключить «этот мусор, восьмой канал».

своем перевороте как первом в истории «перевороте средств массовой информации» и были преисполнены решимости любой ценой сохранить тотальный контроль в эфире. Поэтому полицейские и военные врывались в студии местного ТВ и крушили оборудование. Правда, несколько редакций смогло вовремя спрятать технику, но в эфир выйти пока все равно не удавалось.

Информационную блокаду хитростью попытаться прорвать смещенный Кармоной генеральный прокурор Исайяс Родригес. Он попросил дать ему телеэфир, чтобы объявить о добровольной отставке. Но выйдя в эфир, Родригес объявил создание переходного правительства Кармоны незаконным, а все происходящее — государственным переворотом. Не успел он закончить предложение, как исчез с телеэкранов.

Новая «демократическая» власть приступила к массовым арестам наиболее активных сторонников Чавеса, как в столице, так и в регионах. Большая толпа во главе с Энрике Каприлесом собралась перед кубинским посольством, где якобы скрывался вице-президент Кабельо (его ведь тоже надо было ради соблюдения формы заставить подать в отставку). При полном попустительстве полиции[1] толпа «демократов» крушила машины дипломатов и пыталась взять пользующийся неприкосновенностью особняк штурмом. Когда это не удалось, посольство отключили от водо- и электроснабжения.

Будущий лидер венесуэльской оппозиции, кандидат в президенты и юрист Каприлес с помощью стремянки перелез через забор и потребовал у кубинского посла право обыскать посольство (!). Ему было отказано, но посол заверил, что вице-президента Кабельо здесь нет. Это было сущей правдой — Кабельо скрывался в одном из бедных пригородов Каракаса. Каприлес перелез обратно и важно сообщил своим сторонникам, что не может ни подтвердить, ни опровергнуть факт нахождения Кабельо в посольстве, так как ему не дали обыскать здание[2].

В 18.00 12 апреля генералы решили отправить Чавеса подальше от Каракаса, где на улицы в защиту президента с каждым часом выходило все больше людей. Главу государства посадили в вертолет и отправили на побережье, на базу ВМС в бухте Туриамо. Когда Чавес вышел из вертолета, ему бросились в глаза, что среди встречавших него солдат возник ожесточенный спор. Один солдат с явно угрожающими намерениями стал за спиной. Чавес требовательно предложил ему хорошенько подумать, прежде чем он станет действовать. Один офицер крикнул, что если Чавеса убьют, то остальные военные в знак протеста перестреляют друг друга.

Возможно, Чавес опять в который раз, ушел от неминуемой смерти. Он вспоминал, что перед лицом смерти думал о Че Геваре и хотел умереть, как Че — стоя и не прося о пощаде: «Я вспомнил Че. И я сказал себе — я не буду

[1] Посольство Кубы находилось в районе Барута, которым управляла партия «Справедливость прежде всего».
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 207.

умолять их о пощаде. Я не превращусь в труса»[1]. При этом Чавес перекрестился, посмотрел на звезды и просил бога милости для своих детей.

А в это время в президентском дворце шел оживленный дележ постов. Новым генеральным прокурором стал бывший личный секретарь Переса, который потом подвизался на телеканале «Веневизион» — Кармона был готов щедро отблагодарить владельцев частных СМИ. Оказавшийся более дальновидным профсоюзный босс Ортега от всех постов отказался и предпочел вообще поменьше мелькать на экранах.

А частные телеканалы по-прежнему игнорировали массовые демонстрации сторонников Чавеса — вместо этого зрителям предлагали мультфильмы и слезливые телесериалы.

И все же информационная блокада провалилась. В предместьях вовсю работали Боливарианские кружки. Люди пешком и на мотоциклах обходили и объезжали друзей и знакомых, призывая всех встать на защиту конституционного строя. Главной новостью было интервью дочери Чавеса кубинскому телевидению — президент отказался покинуть свой пост, а значит не все потеряно.

Но для путчистов главным было отношение США, и из Вашингтона вроде бы сигнализировали поддержку. Но американцы просили устроить путч максимально «конституционно» и санкционировать «отставку» Чавеса Национальным собранием. Они не знали, что парламент уже распущен Кармоной.

В 12.30 12 апреля пресс-секретарь Белого дома Ари Флейшер вышел к журналистам, чтобы сообщить о распорядке дня президента Буша. Тот собирался позвонить своему другу президенту России Путину относительно саммита Россия-НАТО, а также другу Путина премьеру Италии Берлускони по тому же вопросу[2]. Предполагалась и личная встреча с олимпийской чемпионкой по фигурному катанию Сарой Хьюз.

Флейшер явно не хотел говорить о Венесуэле, ведь документа об отставке Чавеса пока общественности представлено не было. Но журналистов этот вопрос интересовал, и пресс-секретарь нехотя стал комментировать: «…ситуация (в Венесуэле) пока остается нестабильной. Но вчерашние события в Венесуэле вылились в смену режима, и новые переходные власти будет работать до выборов. Детали пока не ясны. Мы знаем, что действия правительства Чавеса спровоцировали кризис. Согласно наиболее достоверной информации, имеющейся в нашем распоряжении, правительство Чавеса подавило мирные демонстрации… В результате этих событий президент Чавес ушел в отставку…» Причем Флейшер добавил и то, что перед отставкой Чавес якобы уволил (!) вице-президента Кабельо.

Но репортеры не унимались и спросили Флейшера, считает ли он роль, сыгранную венесуэльской армией, конструктивной. Флейшер это подтвердил: якобы армия отказалась стрелять в мирных демонстрантов по приказу Чавеса: «Они отказались стрелять».

---

[1] Jones B. Hugo. P. 463.
[2] Nelson B. The Silence and The Scorpio. New York, 2009. P. 188.

Таким образом, позиция США была для Кармоны предсказуемо благоприятной. На саммите латиноамериканских стран в Сан-Хосе (куда не попал Чавес) американцы при поддержке премьер-министра Испании консерватора Аснара[1] лоббировали в пользу признания режима Кармоны. Но только проамериканский режим в маленьком Сальвадоре был готов публично признать Кармону.

Свержение Чавеса радостно отмечал крупный венесуэльский бизнес, включая работавшие в стране иностранные корпорации. Радоваться было чему — ведь Кармона первым делом отменил все 49 законов Чавеса осени 2001 года, включая и запрет на приватизацию нефтяной отрасли. Венесуэльская «дочка» американской телекоммуникационной компании «Bellsouth» сообщила на правах рекламы в газетах, что «празднует свободу вместе со всей Венесуэлой». В течение всего дня 13 апреля всем абонентам компании можно было говорить по телефону абсолютно бесплатно.

Но уже в тот же день, как и во время «каракасо», «холмы спустились в долину» — жители бедных предместий стекались в центр к президентскому дворцу и министерству обороны. Люди скандировали «Чавес, друг, народ с тобой!» (Chavez, amigo, pueblo esta contigo!). Одна женщина кричала охране форта Тиуна: «Вы не убьете всех венесуэльцев. Мы бедные и нас много!» В городе стали возникать баррикады.

А Чавеса между тем решили перевести еще дальше от столицы, на остров Ла-Орчита в Карибском море, где когда-то диктатор Гомес устроил себе летнюю резиденцию. С тех пор это была летняя резиденция всех президентов страны. Пользовался этой резиденцией вместе с семьей и сам Чавес. В комнату к Чавесу зашел молодой солдат и спросил, правда ли что президент добровольно подал в отставку. Узнав, что это ложь, юноша радостно вытянулся в струнку и спросил, какие будут указания президента. Решили, что Чавес напишет записку и бросит ее в ведро для бумаг, а солдат сделает текст письма достоянием общественности.

Особой надежды на успех Чавес не питал, но все же написал: «Народу Венесуэлы (и всем, кому это интересно). Я, Уго Чавес Фриас, Президент Боливарианской Республики Венесуэла, заявляю: Я не уходил в отставку со своей законной должности, которую мне доверил народ. Навсегда!»[2] Потом он спрятал записку на самое дно доверху заполненной корзины для бумаг.

Уже вечером, 13 апреля, когда Чавес ужинал рыбой, к нему прибыли два посланца новых властей (офицеры) в сопровождении кардинала Игнасио Веласко. Они опять требовали от Чавеса подписать заранее заготовленное заявление об отставке (которое так ждали в Вашингтоне), обещая взамен вылет в лю-

---

[1] В марте 2004 года с треском проиграл парламентские выборы, после того как обманул население Испании, приписав теракты исламистов в Мадриде баскским сепаратистам, чтобы не выводить испанские войска из Афганистана. В Афганистан Аснар послал войска по просьбе президент Буша для участия в «глобальной войне против террора», в которой так сомневался Чавес.

[2] Последнее слово в тексте явно напоминало любимое выражение Че Гевары «До полной победы. Навсегда!»

бую страну. Чавес тянул время — он пока не знал, что происходит в Каракасе. В результате сошлись на следующем тесте: «Ввиду непреодолимых событий я признаю, что меня отстранили от власти, и поэтому покидаю свой пост». Ясно, что такое заявление больше навредило бы Кармоне, но отставку Чавес отказался подписать наотрез.

Пока текст печатали на компьютере, дежурный офицер, оставшись наедине с президентом, прошептал ему: «Президент, ничего не подписывайте!» И выбежал из помещения.

А в осажденном демонстрантами дворце «президент» Кармона готовился дать прием в честь нового правительства. Медиамагнат Сиснерос уже распределял посты на государственном телевидении. Он самодовольно потирал руки и говорил всем: «Это все сделали мы, журналисты!» Музыканты оркестра президентского полка плакали, из-за того что были вынуждены играть для новых хозяев страны.

Однако военные, устроившие переворот, просчитались относительно настроений основной массы офицерского, сержантского и солдатского состава. Среди путчистов было всего около 30 генералов и старших офицеров, гарнизоны и воинские части в регионах пребывали в растерянности. Генералы-чависты Гарсия Карнейро и Рамон Сильва начали быстро обзванивать все воинские части и скоро выяснили, что все части в Каракасе за исключением одного батальона верны законному президенту.

Но все ждали, какую позицию займет десантный батальон в Маракае, который когда-то в 1992 году сам Чавес повел на Каракас. Именно солдат из этого батальона Чавес заблаговременно перебросил на усиление охраны президентского дворца Мирафлорес. Батальоном командовал генерал Рауль Бадуэль, который еще в 1982 году вместе с Чавесом дал клятву бороться против цепей угнетения. Однако в восстании 1992 года Бадуэль уже не участвовал и никаким революционером не являлся. В армии его считали чудаком, так как он сторонился общества других офицеров и увлекался восточной философией.

Но при всех своих странностях Бадуэль оставался глубоко порядочным человеком. Его возмутило, что портреты офицеров — сторонников Чавеса немедленно были удалены с доски почета его части.

Утром 13 апреля Бадуэль принял решение и встал на сторону конституционной власти. Однако «демократические» СМИ отказались взять у генерала интервью, и его позиция некоторое время оставалась неизвестной для общественности. Тогда Бадуэль позвонил лейтенанту Хесусу дель Валье Морао из своего батальона, который командовал охраной дворца Мирафлорес: «Морао, слушай приказ: этот господин Кармона не признается президентом республики. Была нарушена конституция и мы не можем с этим согласиться»[1].

Морао был несказанно рад получить именно такой приказ от своего командира. Он ворвался в салон «Аякучо» президентского дворца, где ждали при-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 214.

сяги члены правительства Кармоны и закричал «Пошли все вон отсюда!». Повторять не пришлось — «президент» Кармона и его «кабинет», спешно хватая со столов все что придется, устремились к запасному выходу из дворца. Ведь у парадного входа стояли тысячи сторонников Чавеса. На столе Кармона забыл депешу от посла Венесуэлы в США, который передавал просьбу американцев срочно созвать Национальное собрание, чтобы оно утвердило отставку Чавеса.

Между тем сторонники Чавеса с восторгом приветствовали парашютистов, которые брали под контроль президентский дворец. Десантников попытался обстрелять вертолет, но безуспешно. Вскоре на крыше Мирафлореса появились трое солдат, и один из них приветствовал чавистов вскинутым верх кулаком в черной перчатке, что вызвало массовую овацию.

Так уже в районе полудня 13 апреля власть «Педро Короткого» бесславно завершилась. На несколько часов власть взял на себя вице-президент Кабельо.

Но путчисты в форте Тиуна все еще не желали признать свое поражение. Они издали заявление с признанием власти Кармоны (тот сам бежал в министерство обороны), но объявили о восстановлении распущенных конституционных органов власти. Мол, эксперты допустили в декрете неточности, а Кармона оправдывался, что не успел полностью прочесть текст, иначе ни за что не подписал бы такой антидемократический документ. Но один из генералов в последний момент вычеркнул из текста пассаж и о признании Кармоны, и в таком виде заявление военных попало в CNN.

Частные венесуэльские СМИ по-прежнему игнорировали все события у Мирафлореса. Но в 18.45 вновь заговорило отбитое у путчистов венесуэльское государственное телевидение. Люди, наконец, узнали, что президент жив и находится на острове Ла-Орчита.

Генерал Карнейро собрал верных Чавесу военных перед въездом в форт Тиуна, забрался на танк и крикнул демонстрантам: «Я хотел бы вам сообщить, что весь гарнизон (Каракаса) поддерживает президента Уго Рафаэлья Чавеса Фриаса. Не уходите! Ваше присутствие очень важно!»[1] Народ ликовал, когда Карнейро объявил о непризнании Кармоны армией. Каждые десять минут Карйнеро сообщал манифестантам новые радостные сведения — гарнизоны в регионах один за другим заявляли о поддержке Чавеса.

Путч явно выливался в позорный фарс, и последняя надежда олигархии была в том, чтобы все-таки заставить Чавеса подписать заявление об отставке. Отсюда и визит кардинала на остров Ла-Орчита.

Между тем к самому Чавесу прибыл адмирал, охранявший его, и впервые назвал своего пленника «сеньор президент». Чавес сразу понял, чья взяла. Адмирал несколько униженно просил помочь избежать кровопролития — на Ла-Орчиту движутся десантники Бадуэля. Чавес связался с десантниками, и было быстро решено освободить президента без боя. В это время кардинал Веласко с

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 216.

ужасом смотрел, как отрывается от полосы самолет, на котором он прилетел — пилот решил просто дать деру. Летчик сбежал в самый последний момент — на посадку уже заходил посланный за Чавесом десантниками вертолет. Чавес вежливо пригласил кардинала и его сопровождающих лететь с ним, но те отказались.

В 2 часа ночи 14 апреля вертолет с Чавесом на борту взял курс на Каракас. В 5.20 в черной военной куртке глава государства дал свою первую пресс-конференцию после 48 часов плена. Люди вновь увидели своего президента на рабочем месте. Первыми словами Чавеса была цитата из Библии, которую он дополнил: «Богу богово, кесарю — кесарево, а народу — то, что ему принадлежит». Его сторонники ожидали, что лидер боливарианской революции даст гневную отповедь путчистам, но Чавес сразу сказал, что никакой мести или «охоты на ведьм» не будет.

Оппозиции президент в очередной раз предложил диалог и сказал, что готов признать свои ошибки. Он в очередной раз попросил частные СМИ одуматься, прекратить врать («Ради бога! Одумайтесь, наконец! Ведь это и ваша страна!») и констатировал, что реальная Венесуэла одержала победу над Венесуэлой виртуальной.

Так и было.

Чавес сдержал слово — к удивлению всех в Венесуэле и в мире, путчисты не понесли никакого наказания.

Кармону посадили под домашний арест, но, когда специально организованный протест отвлек внимание охраны, он сбежал, получил доступ в посольство Колумбии, а потом был тайно вывезен в багажнике автомашины в соседнюю страну. В Колумбии Кармона стал преподавать экономику в университете и постоянно жаловался, что военные его подвели.

Против восьми сотрудников столичной полиции были возбуждены уголовные дела по обвинению в применении огнестрельного оружия против мирных демонстрантов. Один из полицейских, управлявший бронемашиной, якобы покончил в тюрьме жизнь самоубийством.

Саму стрельбу на эстакаде стали расследовать спустя три недели после путча и почти никаких следов на месте происшествия уже не нашли.

Лидер профсоюзов Ортега, призвавший митингующих в нарушение закона идти на президентский дворец, вообще не понес никакого наказания и стал спокойно готовиться к новой попытке свержения правительства.

Главным вопросом, которым задались и власти, и общественность, были таинственные снайперы. Многие видели, как кто-то стрелял с высотных домов. Причем это были явно профессионалы — людей убивали точными выстрелами в голову. В роскошном отеле «Эден» рядом с эстакадой политическая полиция обнаружила в номере 45 гильз. Во время облавы в отеле «Аусониа» вечером 11 апреля было задержано шесть человек, у пятерых из которых оказались фальшивые документы, а шестой был колумбийцем. В их номере нашли револьвер и боеприпасы. Но судья выпустила арестованных якобы из-за недостатка улик. Позднее генеральный прокурор Родригес утверждал, что служительница Фемиды действовала по указке путчистов[1].

Зато схватили четырех чавистов, которые отстреливались на эстакаде из пистолетов. Их продержали в тюрьме целый год, но потом отпустили — суд установил, что они действовали в порядке самообороны.

Что касается людей, подписавших антиконституционный декрет Кармоны, то при штурме президентского дворца удалось задержать 21 из них. Но 14 августа 2002 Верховный суд их полностью оправдал — мол, они объявили об образовании нового правительства потому, что военные сообщили им об отставке Чавеса и путчисты лишь хотели честно заполнить собой возникший вакуум власти (!). Решение Верховного суда вызвало бурю возмущения в стране. Один из близких соратников Чавеса позвонил ему и предложил направить к зданию Верховного суда танки. Но президент решительно отказался: «Они от меня только этого и ждут».

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 220.

Много сторонников Кармоны уехали в США, где спокойно нежились на пляжах Майами

Генералов-путчистов вообще никак не наказали, и они могли продолжать свою подрывную деятельность.

Расследовать дело о таинственных снайперах решил на свой страх и риск молодой юрист и убежденный сторонник Чавеса Данило Андерсон, но 18 ноября 2004 года он погиб в своей взорванной кем-то машине, возвращаясь с дискотеки.

В знак примирения с оппозицией Чавес даже объявил, что никогда больше не наденет камуфляжную военную форму и красный берет. Свое слово он как обычно сдержал. Отныне в парадную военную форму он облачался лишь по случаю национальных праздников.

Когда Чавес вернулся к власти, он всячески избегал первое время критики США, которые фактически выразили поддержку путчистскому и антидемократическому режиму Кармоны. Президент Венесуэлы говорил, что американцы, возможно, получали неправильную информацию, поэтому и поспешили выразить свои симпатии Кармоне.

А вот из США в адрес спасшегося чудом Чавеса полетели призывы… вести себя по-демократически. Американцы особо и не скрывали своего раздражения фиаско «Педро Короткого». Помощница Буша по национальной безопасности Кондолиза Райс выразила надежду, что «…Уго Чавес воспримет сигнал, посланный ему народом в том смысле, что его политика не работает на благо венесуэльского народа»[1]. Видимо, сторонников Чавеса, легитимного президента Венесуэлы, Райс народом не считала.

Через четыре дня после провала путча смог найти пару слов для Венесуэлы и сам Буш — согласно опросам самый неуважаемый в странах Латинской Америки президент США. Буш, известный своей вопиющей неграмотностью в международных делах, вдруг стал упрекать Чавеса в неуважении «свободы прессы», хотя эта самая пресса и организовала переворот. «Я всегда верил в свободную прессу, — изливал свои чувства непонятно кому президент США, — и мне все равно как жестко она отражает события… И все же я уважаю прессу, и так же должен поступать президент Чавес»[2]. Интересно остался ли Буш при своем мнении, если бы, например, CNN назвала его «психом» и призвала бы к его немедленному свержению.

Когда сенаторы США потребовали от помощника госсекретаря по Латинской Америке Отто Райха извинений за признание хунты Кармоны в Каракасе, Райх недоуменно ответил: «Извиняться, за что?»

Но Чавес воздерживался от критики США, даже когда буквально через неделю после провала путча «Нью-Йорк Таймс» опубликовала данные о финансовой поддержке американцами «неправительственных организаций» в Венесуэле, активно участвовавших в массовых беспорядках 11 апреля 2002 года.

---

[1] Jones B., Hugo. P. 366.
[2] Ibid. P. 366.

Чавес всерьез рассчитывал наладить с оппозицией конструктивный диалог и поэтому избегал задевать столь любимых «гражданским обществом» американцев.

Но если президент думал, что оппозиция действительно начнет диалог с властями и пойдет ему навстречу, то он глубоко ошибался.

Сразу же после провала путча (его окрестили по имени незадачливого лидера «кармонасо») разбитая олигархия начала подготовку к новому раунду противостояния. Этих людей не интересовала конкретная политика Чавеса — просто какой-то подполковник из деревни оттер их, истинных хозяев жизни, от власти, и они не могли ему этого простить.

За основу нового плана был положен все тот же чилийский вариант. Как и в Чили осенью 1972 года, предполагалось полностью парализовать экономику и вызвать массовое недовольство населения, причем в основном бедного (то есть сторонников Чавеса). Для этого из магазинов должны были исчезнуть товары первой необходимости. В Чили ударили по транспортной системе, организовав на деньги ЦРУ забастовку владельцев частных грузовиков (это был в стране единственный вид грузового транспорта). Подвоз всех товаров в магазины прекратился, и страна оказалась на грани голода.

Слабым местом венесуэльской экономики была нефть. Требовалось лишь парализовать работу государственной компании ПДВСА, и страна осталась бы без бензина, а значит, транспорт был бы также парализован. К тому же забастовали бы крупнейшие супермаркеты, принадлежавшие богатым олигархам. В результате, как надеялась оппозиция, сами же бедняки из предместий пойдут штурмовать президентский дворец и это «народное восстание» свергнет-таки ненавистного Чавеса.

Чавес давно хотел «ренационализировать» ПДВСА, чтобы за счет снижения издержек нефтедобычи и сокращения заработной платы топ-менеджеров получить средства для реализации социальных проектов для широких масс населения.

Формально государственная ПДВСА в 90-е годы в духе либеральных экономических тенденций правительства вообще потеряла со своей собственной страной всякую связь. Веяния времени после распада СССР гласили, что государство просто по природе не может быть эффективным собственником. Поэтому ПДВСА превратилась в агентство по сдаче венесуэльских недр в аренду иностранным частным компаниям. Вслед за заключением выгодных для иностранцев договоров в эти компании обычно переходили на более высокую зарплату менеджеры ПДВСА.

По инициативе «государственной» ПДВСА Верховный суд в апреле 1991 года постановил, что иностранцам можно предоставлять и более 50% акций и голосов в смешанных предприятиях в сфере нефте- и газодобычи[1]. До этого

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 240.

считалось как раз наоборот, и ПДВСА жаловалась, что иностранные инвесторы не хотят идти в Венесуэлу.

Другое модное словечко тех времен — «аутсорсинг» — оправдывало передачу иностранным компаниям и основных функций самой ПДВСА. Например, всю локальную компьютерную сеть компании по дистрибуции нефти и нефтепродуктов вел филиал американской фирмы.

В то время как в самой Венесуэле быстро росла бедность, ПДВСА купила в США сеть заправочных станций — компанию «Ситго». Заправки (14 тысяч штук) приносили одни убытки, и ПДВСА каждый год переводила для их покрытия в США 500 миллионов долларов. Зато неолиберальные менеджеры ПДВСА могли похвалиться, что их компания «заняла свою нишу» на американском рынке. Вместо того, чтобы вкладывать прибыль на родине, ПДВСА инвестировала ее в США и Западной Европе. Туда же постепенно перебирались на жительство и сами топ-менеджеры компании.

В 1997 году благодарное иностранное нефтяное лобби избрало главу ПДВСА Джусти «топ-менеджером года мировой нефтяной отрасли»

И Джусти, и его менеджеры считали себя «меритократами» — сливками общества, самыми важными людьми страны. И никой Чавес с его «быдлом» не смог бы без них управлять такой сложной компанией с мировым именем. То есть они — элита ПДВСА — были неприкасаемыми для любых политиков с любыми идеями. Если частные СМИ можно было закрыть (хотя Чавес этого и не делал, несмотря на активную роль журналистов в государственном перевороте) то уволить таких незаменимых специалистов было бы равносильно самоубийству для любой власти.

На этом и был построен весь план оппозиции, готовившейся вместе с американцами к «горячей осени» 2002 года.

Менеджмент «государственной» ПДВСА, воспитанный в американских университетах и в американских частных компаниях, с самого начала встретил «плебея» Чавеса в штыки. Особенно критиковали «меритократы» подписанное Чавесом 19 октября 2000 года соглашение с 10 странами Центральной Америки и Карибского бассейна. Венесуэла обещала обеспечить снабжение нефтью этих бедных энергоресурсами стран по цене ниже мировой (мировые цены тогда сильно выросли, и многим бедным странам Латинской Америки нефть стала просто не по карману). В обмен страны Карибского бассейна расплачивались с Венесуэлой не только деньгами, но и своими товарами и тоже по преференциальным ценам.

Именно из-за этого соглашения в Доминиканской республике вообще стал возможен активный иностранный туризм — в противном случае цены на отели из-за неподъемной цены на нефть были бы заоблачными.

В США считали Карибское море своим внутренним и на «карибскую нефтяную инициативу» Чавеса смотрели, мягко говоря, без всякого энтузиазма. Ведь пока Венесуэла сбывала нефть лишь в США, она была очень зависима от американской внешней политики. Чавес впервые попытался диверсифициро-

вать нефтяную торговлю страны, к тому же «отвязав» ее от расчетов в долларах. До тех пор именно американцы считали себя главными в деле экономической интеграции Западного полушария, лоббируя выгодную для себя зону свободной торговли обеих Америк (т.е. Северной и Южной). Теперь у них появился конкурент.

Но соглашения с Кубой от 30 октября 2000 года по поставке в единственную социалистическую страну Латинской Америки 53 тысяч баррелей нефти ежедневно американцы Чавесу простить уже не могли. Когда Россия в угоду США без всякого предупреждения прекратила поставки нефти на Кубу в 1992 году, экономика этой страны оказалась на грани коллапса. В Вашингтоне надеялись, что «режим Кастро» не выживет и будет либо сметен восстанием, либо сам сдастся на милость американцев. Но кубинцы все же выстояли в это тяжелейшее для них время, а теперь в 2000 году могли рассчитывать на стабильный экономический рост. Это никак не укладывалось в планы США, и не случайно, что «Педро Короткий» немедленно объявил, взяв власть: «ни единого барреля» на Кубу больше поставлено не будет.

Осенью 2001 года Чавес опять рассердил «меритократов» из ПДВСА своим новым законом об углеводородах. Отныне ПДВСА и ее иностранные партнеры должны были платить венесуэльскому государству еще до уплаты налогов (которые, кстати, были снижены) 30% прибыли в виде роялти по нефти и 20% — по газу. Тем самым Чавес просто хотел противодействовать махинациям «меритократов», которые сводили прибыль к нулю, отправляя деньги за границу. Учитывая небывалый рост цен на нефть начиная с 1999 года (что опять-таки было заслугой активной политики Чавеса в ОПЕК), новый закон не представлял собой никакого излишнего бремени для ПДВСА и ее иностранных подрядчиков.

Следует отметить, что в 1990-е годы ПДВСА активно и нагло саботировала решения ОПЕК по квотам добычи, добывая нефти на самом деле больше, чем было разрешено. Личная выгода была для топ-менеджмента гораздо важнее международных обязательств страны. Таким образом, снижение мировой цены на нефть в 1990-е годы, отбросившее 80% венесуэльцев за черту бедности, во многом было результатом деятельности «государственной» ПДВСА.

Теперь при Чавесе Венесуэла не просто сокращала нефтедобычу, но и была инициатором жесткой квотной дисциплины в рамках ОПЕК. И результат не замедлил появиться — цены на нефть устремились вверх. Но для США и преданного американцам топ-менеджмента ПДВСА все это было крайне нежелательно.

Почти все «белые воротнички» из непомерно раздутого административного аппарата ПДВСА[1] считали себя не венесуэльцами, а гражданами мира. Причем под этим «миром» понималась Америка. Менеджеры питались в американских закусочных, смотрели американские фильмы и летали на шопинг

[1] Хотя ПДВСА передала в виде «аутсорсинга» почти все свои функции иностранным подрядчикам, штат компании (особенно офисный) постоянно рос и достиг к осени 2002 года 40 тысяч человек.

или в Диснейленд с семьями в Майами. Своих соотечественников, особенно бедных и темнокожих, «меритократы» презирали как бездельников, лентяев и иждивенцев.

Не случайно, что олигархическая оппозиция устроила свой митинг 11 апреля 2002 года у штаб-квартиры ПДВСА. Теперь сами «меритократы» должны были взять на себя роль тарана в новой попытке свергнуть Чавеса.

Лозунг оппозиции на «горячую осень» 2002 года звучал так: «Уважайте меритократию!»

Американцы опять, как и в конце 2002 года, щедро снабдили венесуэльскую оппозицию деньгами. В августе 2002 года в Каракасе государственное агентство США по помощи иностранным государствам USAID открыло Офис инициатив по переходному периоду (Office of Transition Initiatives, OTI), то есть организация даже по названию должна была содействовать переходу власти от Чавеса к другим лицам (!). Обычно такого рода офисы открывали на два года в странах, где надо было помогать переходу от гражданской войны к миру.

Но в Венесуэле никакой гражданской войны не было, или, как видимо считали американцы, пока не было. В официальном пресс-релизе, посвященном открытию упомянутого офиса, USAID сообщало, что президент Венесуэлы «медленно захватывает правительственный механизм и создает параллельные недемократические структуры правления… Чавес демонстрирует все возрастающее неприятие демократических институтов и нетерпимость к инакомыслию»[1]. И это говорилось в адрес того самого Чавеса, который не наказал ни одного путчиста и не закрыл ни одно частное СМИ, хотя те поддержали переворот и продолжали каждый день оскорблять главу государства.

В 2002–2006 гг. через OTI в Венесуэлу поступило 26 миллионов долларов. Причем OTI скрывал даже от американских налогоплательщиков имена адресатов своей «помощи». Но все же стало известно, что деньги получали АД, КОПЕЙ и партия Энрике Каприлеса «Справедливость прежде всего»[2]. Всего по линии различных американских организаций (государственных и неправительственных) оппозиционные партии получили в форме «технического содействия» 7 миллионов долларов начиная с 2002 года. Заметим, что в США всем политическим партиям строжайше запрещено получать любую финансовую помощь из-за рубежа.

По истечении двух лет со дня своего открытия OTI и не думал закрываться — видимо столь желанный для США «переходный период» еще не наступил.

Без согласия МИД Венесуэлы посольство США открыло пять представительств (т. н. «Американских уголков», American Corners) в различных регионах страны. «Уголки» открыли в тех штатах, где добывалась нефть и где оппозиция готовила свою «нефтяную» забастовку. Американские представительства

---

[1] Jones B. Hugo. P. 368.
[2] URL: http://venezuelanalysis.com/analysis/2600

разместились в офисах, любезно предоставленных оппозицией (обычно в адвокатских конторах).

11 октября 2002 года сотни тысяч сторонников оппозиции вышли на улицы столицы, чтобы отметить полгода с момента трагических событий апреля 2002 года. Но им не удалось опять надолго захватить улицы города.

13 октября 2002 года Каракас пережил «красный поток». Один миллион сторонников Чавеса в красных рубашках волнами переливался на центральных улицах города. Люди отмечали 6 месяцев со дня разгрома путча Кармоны. Чавес вновь одел красный берет и приветствовал своих сторонников: «Вива Венесуэла! Да здравствует боливарианский народ!» Чавес назвал «кармонасо» попыткой олигархического фашистского переворота: «Эта фашистская олигархия исходит желчью, когда видит, что в Венесуэле наконец-то правит народ…»[1]

Правые газеты и телеканалы отозвались о «красном потоке» по обыкновению презрительно. «Эль Насьональ» писала на следующий день о «все том же сброде», который ходит на все митинги чавистов[2]. «Эль Универсаль» назвала своих соотечественников в красных рубашках «авантюристами, приспособленцами, безработными, иждивенцами и мошенниками». Частный телеканал «Веневизион» уделил миллионной демонстрации всего 10 минут.

21 октября оппозиция объявила забастовку с требованием немедленного ухода президента в отставку. Речь шла опять, скорее, о предпринимательском локауте.

22 октября 2002 года 14 замешанных в апрельском путче офицеров (в том числе и «министр обороны» Кармоны Эктор Рамирес Перес) собрали пресс-конференцию и открыто потребовали отставки президента. Это удивило даже генерального секретаря Организации Американских Государств (ОАГ) Сесара Гавирию, который в то время находился в Каракасе для организации диалога между оппозицией и правительством. Гавирия возмутился, что находящиеся на действительной службе военные открыто требуют отставки своего главнокомандующего.

Но офицеры пошли еще дальше — они отказались подчиняться любым приказам Чавеса и объявили площадь Франции в Каракасе «освобожденной от кастро-коммунистического режима зоной» (площадь находилась в богатом квартале). 14 офицеров-оккупантов заявили, что не покинут площадь, пока Чавес остается у власти и призвали своих коллег в армии подняться против президента с оружием в руках[3].

Расчет был явно на то, что правительство применит для освобождения «освобожденной территории» силу. И действительно в Каракасе начались уличные столкновения между чавистами и оппозиционерами. Обе стороны пы-

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 227.
[2] Ibid. S. 227.
[3] McCaughan M. The Battle of Venezuela. London, 2004. P. 123.

тались «захватить» или «освободить» от своих противников те или иные части города.

12 ноября 2002 года разделилась и столичная полиция. 500 полицейских объявили забастовку против столичного мэра Альфредо Пеньи, перешедшего еще в начале года на сторону оппозиции. Блюстители порядка утверждали, что Пенья использует полицию для борьбы против законного правительства страны. Когда Пенья приказал полицейским разогнать демонстрацию сторонников Чавеса на площади Боливара, возникла перестрелка между самим полицейскими, часть из которых не желала выполнять этот явно предвзятый приказ. Три человека погибло, 17 получили ранения. После этого полицейские участки заняла Национальная гвардия, но полиция в богатых районах Чакао и Барута практически помогала оппозиционерам блокировать автомагистрали.

В середине ноября 2002 года посредник от ОАГ Гавирия сообщил прессе ободряющую новость: правительство и оппозиция почти достигли компромисса, предусматривавшего досрочные выборы. Но именно этот демократический выход из кризиса и не нравился олигархии — победить Чавеса легальным путем оппозиция уже не надеялась. Напротив, противники Чавеса открыто поддержали незаконную акцию военных по «освобождению» площади Франции. Профсоюзы Ортеги и объединение предпринимателей «Федекамарас» назначили на 2 декабря бессрочную забастовку «гражданского общества».

Однако, как и год назад, забастовка охватила только центр Каракаса — остальные части столицы и регионы страны жили в обычном режиме. Нужна была провокация, и она не заставила себя ждать. 6 декабря 2002 года иммигрант из Португалии таксист Жоао де Гувейя зашел на «освобожденную» площадь Франции и начал палить в собравшихся там оппозиционеров из пистолета, убив троих и ранив 28 человек. Ясно, что частные СМИ немедленно заклеймили эмигранта как подосланного сторонника Чавеса. Доказательствами себя они как обычно не утруждали. Напротив, чависты утверждали, что Гувейя является провокатором из рядов оппозиции. Сам арестованный «стрелок» говорил о том, что его взял в заложники частный телеканал «Глобовизион». В 2004 году португальца приговорили к 29 годам и 11 месяцам заключения[1].

После стрельбы на площади Франции у оппозиции появился предлог для отказа от диалога с правительством. В ту же ночь толпа разгромила офис партии Чавеса в Чакао.

Политическим лицом оппозиции в то время был основанный в июле 2002 года блок партий Демократическая координация. Но, как и в апреле 2002 года, тон в оппозиционных кругах задавали коррумпированные профсоюзные боссы и лидеры предпринимательского сообщества.

2 декабря 2002 года началась очередная забастовка «гражданского общества». На сей раз она была очень опасной для экономики страны, так как на работу не вышли почти все «белые воротнички» ПДВСА. «Интеса» — дочерняя

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 229.

фирма американской компании SAIC — полностью отключила всю компьютерную систему сбыта и распределения нефтепродуктов. «Меритократы» готовились к длительному локауту вплоть до отставки Чавеса — они унесли с собой из офисов не только личные вещи, но и жесткие диски многих компьютеров. Тем коллегам, кто остался на работе, саботажники отказались сообщить пароли для входа в систему. Прекратились разгрузки танкеров с нефтепродуктами, поставки бензина и дизельного топлива на заправки. Через пару недель вся экономика Венесуэлы должна была оказаться в состоянии коллапса.

Напрасно президент ПДВСА Али Родригес Араке (тот самый, кто собственно добился через ОПЕК роста мировых цен на нефть) взывал к патриотизму «меритократов» — в случае продолжения забастовки Венесуэлу ожидали иски от иностранных партнеров на несколько миллиардов долларов за срыв поставок. В ответ 9 декабря 2002 года лидер КТВ Ортега радостно сообщил что «тоталитарный режим» доживает свои последние часы. В это же время госсекретарь США Колин Пауэлл встречался в Колумбии с «Педро Коротким» — Кармона видимо был готов с подачи американцев опять вернуться в президентский дворец Мирафлорес.

Частные врачи и аптекари, нарушив клятву Гиппократа, прекратили обслуживание пациентов. Транснациональная компания «Пармалат» приостановила производство молочных продуктов. Закрылись частные школы и университеты. ПДВСА прекратила снабжение газом металлургических предприятий востока Венесуэлы.

13 танкеров с нефтью и нефтепродуктами застряли из-за саботажа оппозиции в венесуэльских портах, мешая нормальному судоходству. Капитаны и команды отказались разгружать суда, превратившиеся в плавучие мины замедленного действия. Внимание всей страны было приковано к супертанкеру «Пилия Леон»[1] длиной 183 метра, на борту которого находилось 295 тысяч баррелей бензина. Если бы удалось разгрузить этот корабль, то на несколько недель Венесуэла была бы обеспечена горючим, а забастовка теряла бы всякий смысл на обозримую перспективу.

Из-за саботажа команды танкер сел на мель.

Чтобы нанести решающий удар, глава государственного института мореплавания (сторонник оппозиции), объявил все территориальные воды Венесуэлы опасными для любого судоходства. Это означало, что страховые компании не будут оплачивать ущерб в случае любых аварий на море. Иностранные судоходные кампании стали воздерживаться от посылки своих кораблей в венесуэльские воды.

Но оппозиция опять недооценила Чавеса. Армия начала развозить бензин по стране. Вместо бастовавших сетевых супермаркетов людям продавали предметы первой необходимости прямо в воинских частях. Причем многие продукты приходили из стран — партнеров Венесуэлы по «карибской нефтяной ини-

[1] Был назван так в честь «Мисс Мира».

циативе» Чавеса. Морскую блокаду в заливе Маракаибо (через который в основном шел нефтяной экспорт) пресекли военно-морские силы страны.

Чавес ответил согласием на предложение Индии направить на танкер «Пилия Леон» индийскую команду с судна как раз находившегося в венесуэльских водах. Частные СМИ сразу же принялись ругать непрофессионализм индийцев, которые-де лишь погубят гордость венесуэльского танкерного флота. Команда «Пилии Леон» заявила, что индийцев на борт не пустит. Члены команды и капитан едва успевали давать интервью о своем мужестве частным телеканалам, которые превратили танкер в символ сопротивления «тоталитарному режиму». «Режим» при помощи флота все-таки доставил индийцев на борт танкера — в ответ Индию стали обвинять во вмешательстве во внутренние дела Венесуэлы (!), а Чавеса — «распродаже» родины иностранцам. «Меритократы» из команды «Пилии Леон» подложили мокрые газеты в электрораспределительные ящики, чтобы вызвать короткое замыкание. Были отключены компьютеры, контролировавшие отдельные танки судна[1]. Страшно даже представить масштабы экологической катастрофы в случае взрыва супертанкера, до краев наполненного бензином.

Между тем производство нефти в Венесуэле в начале декабря 2002 года составляло уже треть от нормального уровня. Чтобы выполнить свои международные обязательства (главным образом по поставке нефти в США) Венесуэле приходилось самой закупать нефть за границей. Многие заправки закрылись, а на еще работавших образовались громадные очереди. Прекратились полеты на внутренних авиалиниях — а ведь в некоторые отдаленные районы страны можно было попасть только на самолете.

Все это проходило под ежедневные «концерты» пустых кастрюль в богатых кварталах Каракаса. «Демократическая координация» выдвинула лозунг «2002 год без рождества, 2003 год — без Чавеса!» Частные телеканалы целыми днями и бесплатно крутили ролики оппозиции.

В ответ сторонники Чавеса разбили лагерь вокруг здания ПДВСА, чтобы охранять государственную собственность от посягательств «меритократов». Остававшиеся на рабочих местах сотрудники кормили чавистов обедами — в столовой опустевшей ПДВСА еды хватало.

Правительство Венесуэлы объявило о создании специальной кассы для тех рабочих и служащих, которых предприниматели не пускали на рабочие места. Чавес наращивал закупки необходимого продовольствия в соседних странах, для чего расходовались последние золотовалютные резервы.

12 декабря 2002 года Чавес уволил четверых топ-менеджеров ПДВСА. Президент уже увольнял их в апреле 2002 года, но после путча в качестве жеста доброй воле этих «меритократов» вернули на работу. Увольнения продолжались каждый день и к началу января 2003 года работу потеряли примерно

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 247.

300 менеджеров. Их места занимали управленцы более низкого звена, которых активно повышали по службе.

19 декабря 2002 года новая команда прибыла на «Пилию Леон». Частные СМИ наперебой сообщали о неких «тридцати трех кубинских наемниках», захвативших танкер. На самом деле ни одного кубинца в команде не было. Два дня судно ремонтировали, затем совершили пробный выход в море перед тяжелым с точки зрения маневрирования заходом в порт Маракаибо под разгрузку. Пробный выход предотвратил катастрофу — оказалось, что саботажники вывели из строя систему охлаждения. Если бы ее вовремя не починили, бензин мог бы взлететь на воздух вместе с портом — погибли бы сотни, если не тысячи людей.

В конец концов, выполнив сложный маневр и едва не столкнувшись с опорой моста, танкер благополучно зашел в порт Маракаибо, где его встретили восторженные национальные гвардейцы фирменным приветствием Чавеса: обе руки над головой и кулак правой бьет в ладонь левой.

Успешное разблокирование супертанкера «Пилия Леон» стало психологическим переломным моментом противостояния. Всей стране стало ясно, что можно взять в руки экономику и без «меритократов». 22 декабря 2002 года президент Чавес прилетел в Маракаибо, чтобы лично поздравить экипаж танкера с успешно выполненной опасной миссией.

Между тем 19 декабря 2002 года Верховный суд объявил забастовку государственной компании ПДВСА незаконной, что, впрочем, не произвело на менеджеров никакого впечатления.

Тем не менее, в начале января 2003 года единый фронт забастовки стал распадаться: многим торговцам надоели простой и потеря прибыли, и они стали вновь открывать свои магазины. Лояльные правительству сотрудники ПДВСА долгим мучительным путем, но все же смогли подобрать пароли и восстановили компьютерную систему управления потоками нефтепродуктов. К работе привлекли студентов информатики, военных и вышедших на пенсию сотрудников ПДВСА. Вся страна следила по государственному телевидению за этой кропотливой работой настоящих «меритократов», и Чавес не уставал подчеркивать, что именно обычные рабочие, программисты и инженеры являются настоящими героями страны.

Соглашение с американской компанией SAIC, присоединившейся к забастовке, было расторгнуто 16 января 2003 года, когда американцы наотрез отказались выдать пароли.

Тем не менее президент не согласился с предложением левого крыла своего кабинета передать ПДВСА напрямую под контроль ее трудового коллектива. На тот момент главным для страны было восстановление ее сильно пострадавшего имиджа надежного поставщика нефти и нефтепродуктов на мировой рынок — любые эксперименты моги быть использованы оппозицией и ее американскими друзьями для новой волны дискредитации Венесуэлы.

Но олигархия все еще отказывалась сдаваться. «Демократическая координация» дошла до того, что призвала всех граждан не платить налоги. Частные телеканалы стали передавать эти призывы. Правительство ответило, что уклонение от уплаты налогов является уголовным преступлением и будет караться соответствующим образом. 27 января 2003 года после 9-недельного перерыва открылась биржа Каракаса — это был окончательный крах забастовки. В феврале меритократы из ПДВСА признали свое поражение и ушли в подполье. Лидер КТВ Ортега бежал за границу, после того как был выдан ордер на его арест. Скрылся и новый шеф предпринимательского лобби «Федекамарас» Карлос Фернандес.

Отыне ПДВСА стала действительно государственной компанией[1], и ее ресурсы наконец-то можно было направить на благо всего населения страны.

Но саботаж предпринимателей и «меритократов» отбросил Венесуэлу на несколько лет назад в экономическом отношении. Только за 4 первых месяца 2003 года ВВП страны снизился на 27%. Нефтегазовая отрасль понесла убытки в размере 13,3 миллиарда долларов[2]. Безработица, охватывавшая до декабря 2002 года 15% трудоспособного населения, выросла до 20%. В марте 2003 года было переработано на 17% меньше нефти, чем обычно.

Несмотря на огромный финансовый ущерб, причиненный всей стране стачкой «меритократов», эта забастовка позволила быстро снизить громадные издержки ПДВСА самым радикальным способом. За прогул (забастовка, напомним, была признана незаконной Верховным судом) было уволено 19 тысяч из 37 942 сотрудников ПДВСА, в основном в сфере управления. Эта мера назрела и без забастовки. Компания давно превратилась в кормушку для «нужных людей» из высших слоев общества, устраивавших туда на различные синекуры своих детей и прочих родственников. Еще в 90-е годы 12 тысяч сотрудников ПДВСА были признаны лишними независимым аудитом. Компанию даже прозвали «Голливудом», так как у каждого сотрудника в офисе был дублер, выполнявший практически такие же обязанности.

Помимо увольнений была существенно сокращена и зарплата менеджеров, хотя она все равно оставалась гораздо выше средней по стране (вместо 7–8 тысяч долларов в месяц руководящий состав стал получать 1,5–2 тысячи).

Примечательно, что многие менеджеры отказались явиться на работу сами, так как надеялись на то, что без них компания все равно не сможет нормально функционировать.

Девизом новой ПДВСА стала социальная ответственность перед страной. Компания должна была работать прибыльно и передавать на социальные нужды значительную часть доходов. Но речь шла отнюдь не только о деньгах. Освободившиеся помещения штаб-квартиры ПДВСА были переданы университету. После работы в офисах компании ее сотрудники вместе с активистами гражданского общества обсуждали конкретные проекты помощи тем или иным

---

[1] В народе приобрел популярность лозунг — «Теперь она (т. е. ПДВСА) для всех!» примеч. автора?

[2] Jones B. Hugo. P. 386.

районам страны или городским кварталам. Теперь одни менеджеры компании после работы активно участвовали в ликвидации неграмотности, а другие чинили списанные компьютеры для передачи школам.

Все это происходило без нарушения нормальной работы ПДВСА. Уже в марте 2003 года Венесуэла смогла выйти на нормальный уровень добычи нефти: примерно 3 миллион баррелей в сутки, хотя оппозиция пыталась поставить эту статистику по сомнение. Но врать здесь было невозможно — ведь большая часть нефти шла на экспорт в США и в случае невыполнения обязательств американцы не преминули бы немедленно выставить штрафные санкции. Характерно, что иностранные инвесторы не вышли из договоров с ПДВСА, законодательство Чавеса их вполне устраивало. Да, теперь ПДВСА должно было принадлежать как минимум 60% долей в предприятиях по добычи и переработке нефти, а 50% валовой выручки надо было выплачивать государству. Но такие порядки были на тот момент обычными для большинства нефтедобывающих стран (тенденция в сторону «ресурсного национализма»), а во многих странах ОПЕК иностранцев вообще не подпускали к нефти на любых условиях.

Таким образом, к негодованию «меритократов», в Венесуэле смогли обойтись и без них.

Нефть по-прежнему давала Венесуэле 85% всей экспортной выручки, цены на черное золото устойчиво росли и Чавес решил, наконец, взяться за то, что считал целью жизни — ликвидацию бедности в стране. Ведь себестоимость нефти в 2003 году в Венесуэле не превышала 5 долларов за баррель, а продавать ее можно было за 50–60 долларов. Таким образом, бороться с нищетой можно было и без бюджетного дефицита или печатания ничем не обеспеченных денег.

На 1999 год 67% венесуэльцев официально считались бедными. Придя к власти, Уго Чавес уже в 1999 году повысил заработную плату в госсекторе на 20% чтобы компенсировать инфляцию. До него таких мер никто не предпринимал. Но все же это была временная мера. После разгрома стачки предпринимателей и ренационализации ПДВСА можно было взяться за решение социальных вопросов уже на долговременной основе.

С самого начала, в духе своей главной мысли об активном участии народа в управлении страной Чавес решил отвести общественным организациям главную роль в ликвидации социальных язв общества. Госорганы должны были вмешиваться только в случае крайней необходимости — новая социальная политика должна была быть как можно более свободной от бюрократизма, а значит и коррупции. Поэтому решение отдельных социальных проблем было передано не министерствам, а самоуправляющимся общественным проектам, получившим название «боливарианских миссий».

В 2003 году Чавес обратился за советом и помощью к Кастро, и кубинский лидер начал немедленно действовать. Уже 16 апреля 2003 года в аэропорт Маикетия прибыло 53 кубинских врача для участия в миссии «Внутри город-

ского бедного квартала (Barrio adentro). В течение года число кубинских медиков выросло до 10 тысяч. Они получали небольшую зарплату (180–200 долларов в месяц), так как в обмен Венесуэла, как уже упоминалось, по льготным ценам поставляла на Кубу нефть.

Использование кубинских медиков объяснялось и тем, что венесуэльские врачи (в основном частные) отказались за небольшую плату лечить своих соотечественников.

Во время неолиберальных экономических реформ под диктовку МВФ в 90-е годы государственные расходы на здравоохранение в Венесуэле значительно снизились (ведь МВФ считал все социальные расходы «непродуктивными»). Если в 1992 году на медицинское обслуживание потратили 1,8% ВВП, то в 1996 году — 0,8%[1]. В 1998 году перед приходом Чавеса к власти дело несколько поправилось — тогда эта доля составила 1,3%. Сама система здравоохранения Венесуэлы была довольно сложной и фрагментированной. Существовало целых четыре страховых государственных организации, обслуживавшие отдельные сферы медицинской отрасли. Административный аппарат был раздут, а очереди на оказание врачебной помощи стали хрестоматийными.

Но главная проблема была в том, что жители бедных кварталов («барриос») не имели постоянной работы, а значит, не были застрахованы.

Не удивительно, что в 1990-е годы сократилась средняя продолжительность жизни (впервые за всю новейшую историю Венесуэлы), хотя она все еще оставалась очень высокой по меркам развивающихся стран — 71,9 года. Высокой была и детская смертность — 24 на 1000 живорожденных детей.

До 1998 года 60% венесуэльского населения не имело реального доступа к медицинскому обслуживанию в основном из-за стесненных материальных условий.

Чавес принял быстрое и принципиальное решение — двери государственных больниц были открыты для незастрахованных. Президент поставил и выполнил задачу поголовной вакцинации детей от наиболее опасных инфекционных заболеваний — до прихода Чавеса к власти прививками было охвачено не более 17% детей. Уже в 2003 году эту долю удалось поднять до 76% в среднем (по разным болезням уровень вакцинации отличался).

Но главным хитом новой социальной политики в сфере здравоохранения стала именно боливарианская миссия «внутри баррио». То есть не пациенты шли к врачу, а врач пришел прямо к ним.

За образец была взята кубинская система семейных врачей, признанная одной из лучших не только в Латинской Америке, но и в мире. Кубинский врач, приезжавший в Венесуэлу, поселялся прямо в том квартале, жителей которого он должен был обслуживать. Первоначально помещения предоставляли местные организации гражданского общества, они же вели учет пациентов и определяли, какие именно специалисты нужны в том или ином квартале. Первое

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. New York, 2007. P. 131.

время кубинцы жили и принимали людей прямо в комнатах обычных жилых домов. Потом появились специально построенные восьмиугольные модули.

Кубинские врачи сражу же стали очень популярными, хотя правые СМИ именовали их то «шпионами», то «неквалифицированными коновалами». Сначала миссия была запущена в Каракасе, но уже в течение 2003 года ее распространили на всю страну. В ноябре 2003 года миссия работала в 320 из 335 венесуэльских муниципалитетов[1]. 13 тысяч кубинцев вели прием в 8500 «народных клиниках» — модулях.

Программу распространили на стоматологию — из-за крайне низкого качества питьевой воды почти все небогатые венесуэльцы имели проблемы с зубами. 3045 кубинских и 543 венесуэльских дантистов выполняли бесплатно самые разные операции. В 1998 году во всей Венесуэле работало только 800 зубных врачей — ведь их услуги были для подавляющего большинства граждан не по карману.

Новинкой для Венесуэлы было создание «народных оптик», в которых людям бесплатно лечили зрения. Сложные операции на глазах проводились на Кубе («миссия Чудо»; Mision Milagro[2], начата 8 июля 2004 года). Позднее кубинцы открыли офтальмологические хирургические центры в Венесуэле и Боливии.

Кубинские медики приезжали обычно на два года, чтобы за это время наладить доверительные отношения со своими пациентами на местах. На каждого врача приходилось 250–300 семей.

За три года врачи с острова Свободы дали 45 миллионов консультаций и спасли жизни как минимум 25 тысяч детей. Только в 2003 году кубинцы дали 9 миллионов консультаций и провели 4 миллионов врачебных вмешательств. В этом же году реальную медицинскую помощь получили 70% тех венесуэльцев, которым она была ранее недоступна — 18 миллионов человек. Благодаря работе кубинских врачей детская смертность в Венесуэле сократилась с 21,3 до 13 на тысячу живорожденных.

В 2007 году успешно функционировало 8633 «народные клиники». Много консультаций проводилось на дому у пациентов. Венесуэльские частные врачи не хотели посещать пациентов в бедных кварталах, мотивируя свои отказы высоким уровнем преступности. Когда было объявлено о начале «миссии внутри квартала» в ней согласились участвовать только 80 венесуэльских врачей. Кубинцев при их посещениях пациентов в неспокойных кварталах часто сопровождали местные жители, а местные преступные авторитеты относились к кубинцам обычно очень уважительно и не трогали их.

Все работу организовывали специальные общественные комитеты по здравоохранению, состоявшие из местных жителей (обычно 8–10 человек). На конец 2006 года был зарегистрирован 8951 такой комитет. Комитеты часто созывали для решения принципиальных вопросов ассамблеи граждан. Было про-

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 134.

[2] Кубинцы проводили операции на глазах для жителей многих странах Латинской Америки, Азии и Африки.

ведено 41 639 таких ассамблей, в работе которых приняли участие 1 423 815 человек.

Профессиональная организация венесуэльских врачей (принимавшая активное участие в забастовке 2002–2003 гг.) вдруг воспылала желанием поработать и стала критиковать «режим» за то, что он отбирает у венесуэльских медиков рабочие места. Венесуэльские врачи голословно утверждали, что их кубинские коллеги вместо медицинской помощи навязывают своим пациентам марксизм-ленинизм. В 2003 году к негодованию людей ассоциация венесуэльских врачей подала иск в суд, требуя запретить кубинцам заниматься врачебной практикой якобы из-за их недостаточно высокой квалификации[1]. Причем был избран именно такой суд, о котором было известно, что он симпатизирует оппозиции. И действительно вердикт суда в августе 2003 года запрещал кубинцам вести прием, если их квалификация не будет подтверждена каким-нибудь венесуэльским университетом. Правительство Венесуэлы оспорило это решение в Верховном суде, а пока кубинцы продолжали каждый день помогать людям.

Позднее был достигнут компромисс и кубинцам все-таки разрешили лечить и впредь.

В 2005 году миссию расширили за счет создания медикаментных модулей — там каждый мог получить лекарства из списка в 106 жизненно необходимых медикаментов. По этой программе были отобраны 40 наиболее нуждавшихся муниципалитетов в 17 штатах. Лекарства и витаминные добавки передавались детям, кормящим матерям и беременным женщинам.

Следует отметить еще один важный аспект миссии. В ее рамках было подготовлено 150 тысяч венесуэльцев, которые могли давать советы по правильному и здоровому образу жизни.

После 2004 года миссию «Внутри квартала» решили расширить. До этого она давала в основном первичное медицинское обслуживание. Новая миссия Barrio Adentro II уже проводила углубленное исследование пациентов в специально создаваемых диагностических центрах. Часть центров была специально посвящена работе с инвалидами и лицами, страдающими хроническими заболеваниями, другие проводили углубленную диагностику обычных пациентов. В 2007 работали 417 таких центров из 600 запланированных. В них обслуживали 40–50 тысяч пациентов ежегодно. Со временем улучшалось и техническое оснащение центров. В 1998 году во всей Венесуэле в государственных больницах был один магнитно-резонансный томограф и пять компьютерных томографов — в 2007 году соответственно 19 и 26.

Позднее появились миссии Barrio Adentro III и Barrio Adentro IV. На третьей ступени оказывали помощь больным со сложными заболеваниями. На четвертом уровне осуществлялась госпитализация пациентов и проводились сложные хирургические операции. Там же готовили врачей и проводили медицинские исследования. 16 ноября 2006 года было объявлено о программе сооруже-

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 134.

ния в рамках миссии 16 современных медицинских центров. В 2007 году начал свою работу первый латиноамериканский детский кардиологический центр с 142 местами для обычных пациентов и 33 койками для интенсивной терапии. Этот госпиталь был не только самым современным в Латинской Америке, но и вполне отвечал мировому уровню.

Программа Чавеса в сфере здравоохранения финансировалась за счет бюджета и доходов ПДВСА (благо цены на нефть продолжали свой рост до 2008 года) и дала феноменальные результаты. Например, в 80-е и 90-е годы во всей Венесуэле было построено всего 50 медицинских учреждений, а в 2003–2007 гг. — 4659 центров первого и второго уровней.

В 2006 году различными услугами миссий «внутри квартала» пользовались 17 миллионов венесуэльцев из 25. Посетившие Венесуэлу российские делегации рекомендовали применение таких же программ и в России.

На 2009 год в Венесуэле в рамках боливарианских миссий работали 12 581 кубинский и 1584 венесуэльских медиков.

Конечно, столь успешная программа не могла остаться без внимания США и, к сожалению, внимания недружественного. В августе 2006 года администрация Буша учредила специальную программу (Cuban Medical Professional Parole)[1] по переманиванию кубинских врачей из Венесуэлы и других стран[2]. Программу курировали госдепартамент и департамент (министерство) внутренней безопасности США.

На момент принятия программы 37 тысяч кубинских специалистов-медиков работали в 77 странах мира. У себя кубинцы обучали более 4000 студентов-медиков из 23 стран, в том числе и из США.

На основе упомянутой выше специальной программы кубинцам предлагали просить политического убежища в США (процедуру получения его американцы уложили всего в две недели — невиданная оперативность для иммиграционных органов США), обещая в Америке хорошие заработки. Посольство США в Каракасе обещало взять на себя все расходы по перелету кубинцев в Майами.

На январь 2011 года по данным американских СМИ программой воспользовались 1574 кубинских медика из 65 стран (т. е. менее 2%)[3]. При этом американцы не предоставляли убежище тем кубинцам, кто был членом компартии. Многие беженцы с удивлением узнали, что в Америке их диплом не признается, а получение американского медицинского диплома, отнюдь не бесплатно, как это имело место на Кубе.

К тому же убежище пришлось отрабатывать. В 2010 году семеро сбежавших в США кубинцев подали иск против правительств Кубы, Венесуэлы и

---

[1] URL: http://www.state.gov/p/wha/rls/fs/2009/115414.htm

[2] Заметим, что на тот момент 45 миллионов граждан США были фактически лишены доступа к медицинскому обслуживанию из-за непомерной стоимости лечения. Именно лозунг «Здравоохранение — для всех!» помог победить на президентских выборах 2008 год кандидату от демократической партии Обаме.

[3] URL: http://realcuba.wordpress.com/2011/04/03/scandal-us-program-against-cuban-medical-assistance/

компании ПДВСА, которые якобы заставляли их работать «на рабских условиях». Беженцы «скромно» попросили в качестве компенсации 450 миллионов долларов. При этом всех врачей на Кубе для работы в Венесуэле отбирали только среди добровольцев, так что непонятно, о каком таком «рабстве» могла идти речь.

Помимо здравоохранения Чавес — большой любитель чтения — с самого начала уделял особое внимание образованию.

Ликвидацией неграмотности занималась «миссия Робинзон», названная так в честь псевдонима учителя Боливара Симона Родригеса и стартовавшая в июле 2003 года.

Хотя неграмотных в Венесуэле было всего 7% от взрослого населения (11% в среднем по Латинской Америке), неграмотность рассматривалась правительством Чавеса как один из главных факторов, воспроизводящих бедность. И в этом вопросе Венесуэле своей методикой массовой ликвидации неграмотности помогла Куба. С помощью кубинцев из числа студентов были подготовлены тысячи так называемых помощников, которые под лозунгом «Я все же смогу!» учили всех желающих при помощи записанных на видеокассеты учебных курсов.

Студенты относились к этой своей роли учителей своих мам и пап с неслыханным энтузиазмом. Ведь им, совсем молодым, доверили очень серьезное дело. И здесь было совсем не важно, что платили помощникам всего 80 долларов в месяц — это была в любом случае очень весомая прибавка к тому, что давали родители. Тем более что работали студенты в основном по своей будущей специальности.

Помещения для занятий, а также телевизоры и видеомагнитофоны подбирали опять-таки местные общественные организации[1]. Иногда занятия проходили прямо на открытом воздухе. На них приходили и разносчики пиццы и домохозяйки, уличные торговцы и старые крестьяне, всегда мечтавшие научиться грамоте, но не имевшие для этого денег и свободного времени. Люди были, прежде всего, довольны тем, что власти наконец-то обратили на них внимание. Причем особо нуждающимся за участие в курсах тоже платили те же 80 долларов — для Венесуэлы факт неслыханный. Правительство платило своим гражданам за учебу!

К концу 2004 года участие в программе приняло 1,3 миллиона человек, научившихся грамоте с помощью 100 тысяч помощников[2].

Естественно, что оппозиция сразу встретила «миссию Робинзон» в штыки — мол, кубинцы и их ставленник Чавес промывают бедным венесуэльцам мозги тоталитарной идеологией. Правые СМИ презрительно отзывались о «молокососах»-помощниках, которых, мол, самих еще надо учить и учить.

Тем не менее, в октябре 2005 года Чавес с полным на то основанием мог объявить Венесуэлу страной, свободной от неграмотности. По мировым стан-

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 269.
[2] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 124.

дартам свободной от неграмотности страной считается та, где грамотных как минимум 95%. В Венесуэле таковых после года работы «миссии Робинзон» было 99%.

Как и в случае с миссией «Внутри квартала» на смену «Робинзону I» пришел «Робинзон II». Теперь учили грамотных, но тех, кто по разным причинам не смог закончить 6 классов школы (минимальный уровень школьного образования в Венесуэле). Студентам второй стадии «Робинзона» предстояло освоить шестилетнюю программу за два года. Миссия «Робинзон II» стартовала 28 октября 2003 года и за год в ней приняли участие 1.1 миллиона человек[1]. Причем большинство из слушателей сначала учились в первой фазе проекта.

Но правительство не собиралось бросать учеников на полпути. Появилась программа «Боливарианской высшей школы». В данном случае это означало, что ее выпускники получат законченное среднее образование. По этой программы от студентов требовали не только учебы, но и реализации практических проектов, направленных на улучшение жизни их населенных пунктов. То есть образование одних должно было приносить практическую пользу всем.

Министерство образования отмечало, что старая венесуэльская школа делала основной упор на заучивание самых различных знаний, зачастую оторванных от реальной действительности. Программа боливарианской школы базировалась на самых современных достижениях педагогики и методологии образования. Знания люди должны были усваивать в их комплексности на основе дискуссий и разбора конкретных проектов и жизненных ситуаций. Например, в 2004/2005 учебном году была начата реализация 26 пилотных проектов.

«Миссия Рибас»[2] охватывала тех взрослых, кто не смог получить школьное образование, достаточное для поступления в университет. Таких в Венесуэле (да и в США) было традиционно много — 5 миллионов человек (!). Люди начинали учиться в школе, проходили больше половины программы, но жизнь заставляла зарабатывать на хлеб насущный. «Миссия Рибас» позволяла пройти всю программу за два года. В 2003 году — первый год работы миссии — в нее записалось 430 тысяч человек, в 2004 году количество участников превысило 700 тысяч. Помощников, которые помогали осваивать материал, насчитывалось 27 тысяч. 100 тысяч человек получили стипендии, без которых они бы не смогли учиться. Лучшим студентам предлагались рабочие места в госкомпаниях — прежде всего в ПДВСА и государственной электроэнергетической компании КАДАФЕ (CADAFE).

Логично, что вслед за Боливарианской школой последовала миссия, посвященная высшему образованию — Боливарианский университет.

До 1998 года в Венесуэле, как например, и в СССР, поступить в университет можно было лишь, успешно сдав вступительные экзамены. Но приемные комиссия часто отсеивали выходцев из бедных слоев, якобы ввиду их недостаточной подготовки. Богатые абитуриенты либо пользовались услугами репети-

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 125.
[2] Названа так в честь героя войны за независимость Венесуэлы Хосе Феликса Рибаса (1775–1815 гг.).

торов, либо посещали специальные платные подготовительные курсы. Неолиберальные реформы 90-х годов сделали высшее образование для небогатых граждан почти невозможным. Если в 1984 году было зачислено в вузы примерно 70% бедных абитуриентов, то в 1998 году — 19%[1].

Боливарианский университет (как проект, а не как учреждение) начал работу осенью 2003 года и на первый курс записалось 2400 желающих. Вообще хотело учиться 20 тысяч, но возникли трудности с преподавателями и зданиями. Первоначально обучение проводилось по следующим специальностям: медицина, журналистика, право, экология и социальное развитие. Именно специалистов этих областях требовал боливарианский проект Уго Чавеса. Нужны были не просто люди с высшим образованием, ориентированные на карьеру и личное благополучие, а такие специалисты, которые были готовы бороться своими знаниями за улучшение жизни всего населения страны.

Естественно, оппозиция заговорила о политической дискриминации при наборе в новые университеты — мол, противников Чавеса туда не пускают. Однако независимые правозащитные группы не подтвердили эти обвинения.

В любом случае те, кто не разделял идей «боливарианского проекта», мог, как и раньше, учиться в нормальных университетах.

Что касается зданий для боливарианских университетов, то ряд помещений предоставила ПДВСА. Из этой же компании вышло и много преподавателей, которые могли дать студентам сугубо практические знания.

В рамках «миссии Сукре» взрослые венесуэльцы могли получать высшее образование за три года.

Исследования 2003 года показали, что примерно полмиллиона венесуэльцев, получивших законченное среднее образование, не смогли продолжить учебу в университетах по финансовым соображениям. Всех их решили доучить в университетах при помощи государства. В 2003 году для участия в «миссии Сукре» записалось 72 144 человека. Из них тридцать тысяч получили стипендию в 100 долларов в месяц. В июле 2004 года в программе прибавилось еще 90 193 участника, из которых 40 тысяч тоже получили стипендии[2].

На сентябрь 2003 года интерес к участию в «миссии Сукре» проявили 420 тысяч венесуэльцев.

Участники «миссии Сукре» могли учиться либо по программе Боливарианских университетов, либо в обычных публичных (т. е. не в частных) университетах страны. Создавались и совсем новые типы вузов — Университетские деревни. Смысл был в том, чтобы организовывать университеты в отдаленных районах, а не только в крупных городах. Небогатые люди должны были получать высшее образование в своей родной местности и желательно так, чтобы использовать полученные знания применительно к местным экономическим условиям. В 2005 году в виде пилотных проектов было основано три университетские деревни.

---

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 128.
[2] Ibid. P. 130.

Во многом университетские деревни появились еще и потому, что руководство существующих вузов бойкотировали «миссию Сукре», не желая иметь дело с неподготовленными (на их взгляд) «плебеями». Среди профессоров было много «меритократов», снобистски относившихся к собственному народу.

Чавес, всю свою жизнь очень любивший читать, хотел сделать книги доступными и для бедных венесуэльцев. До его прихода к власти, как и во многих развивающихся странах, книги в Венесуэле были очень дорогими — большинству людей с их тяжелой повседневной жизнью было не до чтения. А если нет спроса — нет и предложения. Книжных магазинов и библиотек в стране было очень мало.

Чавес быстро исправил ситуацию. В честь 500-летия выхода в свет классического произведения испанской литературы «Дон Кихота» Сервантес — правительство Венесуэлы напечатало 1 миллион экземпляров этой книги и раздало населению. Чавес считал, что этот роман «наполнит нас боевым духом и поможет исправить мир». Кстати, Дон Кихот был любимым персонажем Эрнесто Че Гевары.

Своей любимой книгой, сделавшей его революционером, Чавес считал роман Гюго «Отверженные».

Эта же книга великого француза привела в революцию Владимира Ульянова и Фиделя Кастро. Многие соратники Чавеса уже после его смерти вспоминали, что президент часто цитировал из «Отверженных» и говорил, что Франция XIX очень похожа на современную Венесуэлу — та же бедность и та же несправедливость. В 2005 году президент сказал на одном из митингов, что посвятит всю свою жизнь борьбе за счастье тех, кто был вынужден прозябать в нищете «как это описал Виктор Гюго».

В 2007 году Чавес поразил парижских журналистов, задав им вопрос: «Хотите увидеть современного Жана Вальжана? Приезжайте в Латинскую Америку! Там много Вальжанов, так же как и много бедных несчастных Козетт»[1].

Опять-таки на деньги государства в 2009 году было напечатано 500 тысяч экземпляров «Отверженных» для бесплатного распространения среди населения. Никогда ранее в стране никто не издавал никаких книг такими тиражами. Очереди у пунктов раздачи растянулись на сотни метров.

В 2005 году на деньги министерства культуры была начата кампания «Читать — значит понимать!»

«Читать, читать, читать — вот наш повседневный лозунг», — говорил Чавес в 2009 году.

В апреле этого же года президент провозгласил «Революционный план чтения». Чавес понимал свою новую инициативу так: «Нужно читать и читать, и не только книги, но и окружающую действительность… Революционный план чтения был задуман и разработан для тех, кто страдал веками… от наси-

[1] URL: http://www.slate.com/blogs/browbeat/2013/03/06/hugo_ch_vez_loved_les_mis_rables_why.html

лия невежества»[1]. Самые дорогие прежде в Венесуэле книги мировой литературы должны были стать доступными для всех. В рамках плана государство должно было направить в создаваемые и существующие местные библиотеки 2,5 миллиона книг (по 25 тысяч экземпляров каждой книги из списка в 100 наименований).

Если в 2000 году при поддержке правительства в Венесуэле было издано 38 книг общим тиражом в 68 тысяч экземпляров, то в 2005 году — 196 книг (2,3 миллиона экземпляров), в 2006 году — 1022 (4,27 миллиона)[2]. Впервые в истории Венесуэлы издавались двуязычные книги для коренного населения страны. В 2005 году для массового распространения издали 27,6 миллиона книг (все население страны тогда не превышало 26 миллионов человек), в 2006 году — еще 24 миллиона.

Правительство формировало в каждом муниципалитете доступные для народа библиотеки. Помимо Гюго и Сервантеса в них были книги о Боливаре, истории Венесуэлы и Латинской Америки, а также политическая литература, например, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса.

В рамках «революционного плана» «книжные эскадроны» сторонников Чавеса на улицах убеждали население читать книги и раздавали некоторые из них. Эскадроны (своеобразные передвижные «избы-читальни») пытались приучить людей читать в любую свободную минуту — в парках и в метро.

Населению предлагалось создавать кружки совместного чтения, где за четыре недели с помощью добровольцев людей должны были научить именно критическому чтению и усвоению получаемой информации.

Каждый «эскадрон» носил майки и рубашки разных цветов в зависимости от жанра, пропагандируемой ими литературы. Причем люди должны были в идеале последовательно «читать от одного определенного цвета к другому», чтобы выработать цельное мировоззрение. Лидеры эскадронов зачитывали желающим отрывки из пропагандируемых ими книг. Приветствовалось совместное обсуждение прочитанного.

Начиналось все с красного цвета: он означал автобиографии великих людей (например, сборник писем Боливара и его возлюбленной Мануэлы Саэнс). В этом «цвете» венесуэльцы должны были понять личность Боливара, его глубокий гуманизм.

За красным цветом следовал зеленый — он символизировал книги, призванные помочь читателю «избавиться от капиталистического взгляда на мир». Оранжевые эскадроны распространяли книги о боливарианском социалистическом проекте современности — целью было добиться того, чтобы каждый венесуэлец нашел в этом проекте свое место.

Наконец, черный цвет предлагал книги о сопротивлении культурному влиянию империализма.

---

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 377.
[2] URL: http://www.cerlalc.org/redplanes/Planes/Venezuela/PML_Venezuela.pdf

«Революционный план чтения» был очень популярным, что признавали и западные корреспонденты в Венесуэле. Но оппозиция нашла к чему придраться и здесь — ей не понравилось, что среди 100 рекомендованных правительством к чтению книг были уже упоминавшийся «Коммунистический манифест», а также сборник речей самого Чавеса. Хотя помимо этих книг в набор входили, например, и произведения американского классика «литературы ужасов» Эдгара Алана По или труды англичанина Оскара Уайльда. Много было и латиноамериканских прогрессивных авторов — помимо бывшего президента Венесуэлы от АД Ромуло Гальегоса, в списке нашли свое место и никарагуанец Рубен Дарио, кубинец Хосе Марти, а также Фидель Кастро и Че Гевара.

В апреле 2009 года на саммите стран Западного полушария на Тринидаде-и-Тобаго Чавес подарил только что избранному президенту США Обаме книгу уругвайца Эдуардо Галеано «Вскрытые вены Латинской Америки» (написана в 1971 году, в советское время была переведена на русский язык) об экспансии США на континенте. Эту книгу с полным правом называли «библией всех латиноамериканских левых». Сразу после подарка Обаме книга Галеано заняла второе место в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс», что отражало скорее не популярность автора, а популярность Чавеса.

Соавторами (хотя и невольными) одной из самых популярных в Венесуэле миссий — «миссии Меркаль» — можно с полным правом считать «меритократов» — саботажников зимы 2002–2003 гг.

Когда во время забастовки закрылись многие сети супермаркетов, правительству пришлось быстро организовывать альтернативные центры снабжения населения основными продовольственными товарами. Чавес вспоминал: «Производство, транспортировка и сбыт продуктов питания почти на сто процентов находились в руках маленькой группы отечественных и транснациональных компаний и почти все они присоединились к агрессии против Венесуэлы и хотели уморить нас голодом. Ну тут мы и сказали себе: этот опыт нас многому научил — так и возникла миссия Меркаль»[1].

После окончания организованного саботажа власти решили создать постоянные центры продажи населению дешевых товаров и запустили «боливарианскую миссию Меркаль» (сокращение от словосочетания «продовольственные рынки», Mercados de Alimentos).

В этих магазинах по ценам примерно на 40–45% более низким, чем в обычной частной торговле, продавали набор основных товаров повседневного использования, в основном продуктов питания. Цены были низкими потому, что товары закупали напрямую у производителей (например, у крестьян и кооперативов, получивших землю по аграрной реформе) или в тех странах, которые получали по льготным ценам венесуэльскую нефть (60% всей товарной массы в магазинах «меркаль» в 2006 году). Например, мясо, бобы и кофе поступали из Бразилии, Аргентины и Колумбии.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 271–272.

Начиналась «миссия Меркаль» более чем скромно — с трех магазинов и двух складов, но уже к 2006 году в стране было 12500 «меркалит» (маленьких магазинов), 13 392 обычных магазинов, 31 супермаркет («супермеркаль») и 102 склада. Магазинам поставляли продукции сотни сельскохозяйственных кооперативов. Каждый день через народную сеть реализовывалось более 4,5 тысячи тонн продукции. В том же 2006 году магазины сети «Меркаль» регулярно посещали 11,3 миллиона покупателей, и эта сеть стала вторым по величине государственным предприятием Венесуэлы после ПДВСА. В 2008 году магазины «меркаль» по крайней мере каждый месяц посещали 13,2 миллиона человек.

Конечно, набор продуктов поначалу был ограниченным — рис, сухое молоко, кукурузная мука, макаронные изделия, сахар. Затем, по мере развития складов и логистики, добавились мясо и сыры, фрукты, овощи, предметы гигиены. В 2005 году через «меркаль», например, продавалось уже 45% всей потребляемой в стране кукурузы.

Правительство умело соединяло материальную пищу с духовной. На упаковки с продуктами наклеивались рисунки-комиксы, разъясняющие людям отдельные статьи конституции 1999 года[1].

Не так хорошо поначалу ладились дела у Чавеса с жилищным строительством для малообеспеченных.

В 2000 году на эти цели было затрачено на 4,5% больше, чем в 1990 году, — это был наивысший уровень затрат строительство жилья в истории страны. Но затем в ходе политических неурядиц и из-за больших финансовых потерь от забастовки 2002–2003 гг. расходы на жилищное строительство сильно снизились, и в 2004 году составляли лишь 39,8% от уровня 1990 года[2]. В 2000 году было возведено 4,6 миллиона квадратных метров жилья (70 тысяч новых жилищ), а в 2003 году — лишь 1,8 (11 тысяч).

В 2004 году в стране не хватало 982 тысяч новых домов или квартир, а 1,4 миллиона уже построенных требовали ремонта.

Сильно сдерживали жилищное строительство различного рода бюрократические проволочки. В стране существовало целых пять государственных структур, которые занимались разными аспектами жилищной политики.

В 2004 году вместо всего этого частокола государственных ведомств было, наконец, создано единое министерство жилья и запущена новая боливарианская «миссия Хабитат»[3]. С помощью дешевых кредитов правительство хотело привлечь к строительству и улучшению жилья самих граждан. Средняя ставка на рынке жилищного кредитования в 2004 году превышала 38%, но государство стало субсидировать процентную ставку для малоимущих, снизив ее в зависимости от дохода получателя кредита до 5,7% — 10,7%. Все банки обязали предоставлять по таким ставкам 10% всех ипотечных кредитов.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 272.
[2] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 136.
[3] То есть «миссия Жилье».

Кроме того, все венесуэльцы, чей месячный доход был ниже 273 долларов, имели право на получение субсидии на строительство жилья в размере 19 миллионов боливаров (8837 долларов). Было издано более 500 тысяч штук пособия, рассказывавшего как можно дешево построить дом самому.

В 2005 году планировалось построить 120 тысяч новых жилищ, в 2006 году — 200 тысяч. Но в середине 2005 года Чавес самокритично признал, что выполнить эти цели не удается. Несмотря на замену министра в 2005 году, удалось построить лишь 42 тысячи новых жилищ, а в 2006 году — 78 тысяч.

Чтобы нарастить темпы, правительство Венесуэлы проявило интерес к советской технологии крупного панельного домостроения и было готово закупить у города Москвы три домостроительных комбината.

Помимо выше описанных миссий, правительство Чавеса инициировало и многие другие миссии (например, в области спорта). Президент поставил задачу с помощью этих проектов полностью и окончательно ликвидировать в Венесуэле бедность к 2021 году.

Оппозиция критиковала все боливарианские миссии как чистой воды популизм, хотя не понятно, кто мешал правившей в Венесуэле олигархии заниматься таким же популизмом до 1998 года.

Все миссии были бесплатными для потребителей, но не слишком уж и затратными, если учесть современные дистанционные методики образования и помощь Кубы с врачами в обмен на нефть. Много людей участвовало в этих проектах добровольно и за символическую плату или вообще бесплатно.

Если боливарианские миссии существенно укрепили и так высокое доверие большинства венесуэльцев к президенту, то свою собственную семью Чавес сохранить не смог.

Брак с Марисабель с самого начала был для Уго Чавеса сложным. Для его супруги дела государства были куда важнее семейных, и она постоянно стремилась вмешиваться в политическую жизнь. Но Венесуэла уже очень устала от жен и любовниц прежних президентов, которые «решали вопросы» и зачастую отнюдь не бескорыстно. Никакой такой молвы о себе Чавес не мог и не желал допускать.

Марисабель все же была избрана депутатом Учредительного собрания, но сразу же начала ссориться с соратниками своего мужа. В выражениях она не стеснялась и называла их тупицами, бюрократами, невеждами и т. д. Еще даже не успев поработать над конституцией, Марисабель демонстративно подала в отставку с поста члена Учредительного собрания. Теперь у нее была новая идея-фикс — она хотела побороться на пост губернатора штата Миранда, но Чавес этому решительно воспротивился. Это сильно обидело «первую даму» — она очень хотела быть похожей на Эву Перон и даже сделала себе такую же прическу.

В 2001 году, когда Марисабель в интервью оппозиционной газете «Эль Насьональ» публично отругала депутатов Национального собрания, Чавес запретил ей выступать в СМИ без его предварительного согласия. Возмутила

президента и появившееся в газетах фото супруги в шортах — Марисабель хотела показать всему миру, что сбросила 13 килограмм.

Не могла Марисабель найти общий язык и с детьми Уго от первого брака. Чавес очень страдал по этому поводу — он был любящим, заботливым отцом. Один раз Чавес вернулся с работы в свою резиденцию и нашел у ворот плачущего сына — Марисабель просто не пустила его в дом. «Первая дама» решительно отказалась видеть детей своего мужа от первого брака и на инаугурации Чавеса в 1999 году.

Никак не ладили между собой и свекровь с невесткой. После избрания Чавеса в 1998 году на первый президентский срок он вместе с женой и матерью отправился в студию телеканала «Веневизион». Одна из журналисток вспоминала об этом следующим образом: «Елена (мать Чавеса) сидела рядом со мной и, услышав, что говорила Марисабель, сказала мне: «Она вся фальшивая и двуличная»[1].

Личная охрана президента окрестила «первую даму» сумасшедшей («ла лока», или сокращенно «Лало»), потому что ей везде мерещились покушения[2]. Один раз супруга президента даже задержала вылет самолета, так у нее было предчувствие, что он потерпит крушение.

Во время путча 2002 года Марисабель еще была на стороне мужа, хотя уже приняла для себя решение расстаться с ним. 13 апреля 2002 года Марисабель заявила в интервью CNN, что ее муж не подавал в отставку, его содержат под арестом и его жизнь в опасности.

Чавес все же пытался сохранить брак. Муж и жена совместно в течение нескольких месяцев посещали офис известного психотерапевта Эдмундо Чириноса. Но сеансы не помогли.

В июне 2002 года Марисабель сообщила журналистам (причем оппозиционным), что она больше не живет вместе с президентом. Мол, за время брака ей и ее ребенку пришлось три раза спешно покидать президентский дворец, опасаясь за свою жизнь, и она устала от такого существования: «Я не могу попрежнему подвергать моих детей стрессу…»[3] При этом Марисабель искренне считала, что именно она помогла Чавесу в 1998 году одержать победу на выборах и без нее экс-супругу будет тяжело сохранить популярность в стране: «…У меня такое чувство, что меня принимают даже те люди, которые не совсем согласны с ним. Но сегодня люди уже не могут разделять нас с ним, и я все чаще становлюсь жертвой ядовитых колкостей — вражды, оскорблений, злобных комментариев. Пытаются попасть в него, а разрушают мой облик»[4].

Да, когда Чавеса хвалили, Марисабель хотела и сама получить частичку людской признательности. Но делить вместе с мужем шквал обрушившейся на него критики она явно не желала.

---

[1] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez sin uniforme. Mexico, 2007. P. 264.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 261.
[3] Ibid. S. 262.
[4] Ibid. S. 262.

Корреспонденты прямо спросили ее, не разводится ли она и с боливарианской революцией. Ответ был более чем ясным: «А вы слышали, что я была замужем за боливарианской революцией? Я вышла замуж лишь за лидера боливарианской революции. Когда я говорила «да» Уго, он был еще нормальным человеком, отцом нашей дочери. Все остальное изменили обстоятельства».

Таким образом, брак Чавеса стал жертвой неудавшегося переворота апреля 2002 года. Марисабель в отличие от Уго не смогла вынести «наездов» «свободной прессы». Она сдалась и отошла в сторону. Это был не просто семейный развод — это было предательство.

Вскоре бывшая «первая дама» открыто перешла на сторону оппозиции.

Во время «нефтяной забастовки» 2002-2003 года Марисабель вместе с дочерью Розинес и сыном от первого брака появилась перед прессой в своем родном городе Баркисимето и обрушилась на своего бывшего мужа: «Президент, именем Вашей дочери, именем страны, услышьте свой народ!» Это было именно то, что во все времена называли и называют ударом ниже пояса.

Оппозиционеры не замедлили извлечь политический капитал и из личной жизни президента Венесуэлы. Рупор «гражданского общества» газета «Эль Универсаль» злорадствовала: «Причины (развода) Марисабель понятны, в конце концов, она ведь была замужем за нестабильной и лживой личностью»[1]. С откровенным ехидством светский гламурный журнал «Эксцесо» выбросил на рынок книгу о неудавшемся браке Чавеса под названием «Марисабель, история тебя оправдает!» Таким образом «меритократы» перефразировали название известной речи Фиделя Кастро на суде («История меня оправдает!»).

При этом Марисабель решительно опровергала слухи, что Чавес ее бил. Он оскорблял ее «возможно слишком чувствительную натуру» (слова самой Марисабель) другим способом — иногда не слушал, что она ему говорит.

В середине 2003 года в очередном интервью бывшая «первая дама» заявила, что «не хочет больше ничего знать об этом сеньоре. Не хочу больше давать никаких комментариев, ни плохих, ни хороших». Марисабель по-прежнему возмущалась тем, что кроме как в связи с Чавесом она никому не интересна.

В январе 2004 года суд официально расторг брак Уго и Марисабель Чавес. Бывшая жена отказалась сохранить фамилию мужа, но сохранила пост президента Детского фонда.

Марисабель страдала недолго и вышла замуж за тренера по теннису Феликса Лисандро Родригеса. Но и с ним она видимо не сошлась характерами, оформив развод в 2009 году.

7 мая 2008 года Марисабель получила судебную повестку. Ее бывший муж Уго Чавес требовал через суд дать ему возможность больше общаться с дочерью Розинес. Марисабель воспротивилась, и «диктатор» Чавес сам забрал из суда свое ходатайство.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 263.

После развода с Марисабель частные СМИ стали приписывать Чавесу самые невероятные романы и увлечения. То его «женили» на Марии Эрнандес, возглавлявшей государственное телевидение. Мол, из-за этого ловкая женщина стала вице-министром иностранных дел. Затем пошли целой чередой всякие «мисс» и актрисы «мыльных опер». Одна из последних — Рудди Родригес (1967 года рождения, бывшая «Мисс Венесуэла»[1], календари с ее изображением продавались и в России) — даже публично опровергла слухи, заявив, что президент не в ее вкусе. Она действительно просила Чавеса об аудиенции в 2004 году (тогда Рудди тоже готовилась к разводу со своим мужем). Но отнюдь не из-за матримониальных соображений — она возглавляла общественную организацию, боровшуюся за права женщин, и хотела просить президента о помощи.

Родригес прямо назвала все сплетни грязной ложью (тоже сделал и Чавес) и заметила, что нечистоплотность журналистов нанесла ущерб ее репутации. О репутации Чавеса «свободные СМИ» никогда не заботились.

Ему приписывали «плебейское» стремление заключить в дружеские объятия королеву Великобритании Елизавету и поцеловать в щеку королеву Испании Софию.

В «любовницы» Чавеса без всяких на то оснований также записали посла Аргентины в Каракасе Алисию Кастро.

Осенью 2004 года вся «светская» Венесуэла заговорила о предстоящем браке президента с участницей конкурса «Мисс Венесуэла» Ракель Берналь. Чавесу пришлось лично опровергать слухи: «Даже моя мама самолично позвонила мне, чтобы спросить, почему я женюсь и не приглашаю ее на свадьбу. Я — и женитьба! Я желаю счастья всем, кто хочет жениться. Всего им наилучшего и много счастья, но в мои планы это не входит. Возможно, я еще подумаю об этом после 2021 года»[2].

В 2021 году Чавес хотел уйти из политики, выполнив миссию своей жизни — навсегда ликвидировать бедность в своей родной стране.

Со временем дело дошло и до Наоми Кэмпбелл, которая встречалась с Чавесом в президентском дворце Мирафлорес в 2007 году. Ставшая к тому времени журналисткой Кэмпбелл брала у Чавеса интервью (беседа длилась около трех часов) и после этого сказала репортерам: «Чавес — это скорее бык, а не горилла!» То есть бывшая супермодель хотела взять под защиту президента Венесуэлы, ведь «горилла» на политическом сленге Латинской Америки означает как раз «диктатор». А под «быком» Наоми имела в виду то упорство, с которым Чавес добивался намеченных целей.

Но «желтая пресса» Венесуэлы предпочла ограничиться первой частью фразы «Чавес — это бык!» с сексуальным подтекстом. Писали, что Чавесу-де не дают покоя лавры президента Франции Саркози, который женился на моде-

---

[1] Участвовала от Венесуэлы в конкурсе «Мисс мира» в 1985 году. По ее собственному признанию, первый «сексуальный опыт» был у нее в 15 лет.

[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 263–264.

ли Карле Бруни. Поэтому «бык» и «запал» на «черную пантеру». Наоми призналась Чавесу, что любит сильных людей и президент Венесуэлы (одетый в свою красную революционную рубашку) предложил «пантере» пощупать его бицепсы. Наоми согласилась и после этого у начинающей журналистки и родилась ставшая всемирно известной «бычья метафора».

Протокольные обязанности «первой дамы» после развода Чавеса с Марисабель Родригес выполняли его дочери от первого брака Роза Вирхиния и Мария Габриэла, особенно Мария, которую Чавес считал политически наиболее зрелой из всех своих детей.

Между тем олигархическая оппозиция и после провала своей «нефтяной забастовки» не оставляла мысли о свержении Чавеса. Теперь «диктатора» решили убрать с помощью демократических норм той самой конституции 1999 года, которую оппозиция ранее жестко критиковала.

По новому основному закону можно было с помощью референдума отозвать с должности любое выборное лицо, включая президента после половины срока его пребывания у власти. Половина срока президентских полномочий Уго Чавеса истекала 19 августа 2003 года. Для проведения референдума надо было собрать и представить в Национальный избирательный совет 20% подписей зарегистрированных избирателей. Количество таких избирателей сильно возросло благодаря одной из боливарианских миссий — людям быстро без привычного для Венесуэлы бюрократизма выдавали удостоверения личности, без которых нельзя было принимать участие в любых выборах. Многие венесуэльцы, ранее не интересовавшиеся делами собственной страны, годами и десятилетиями жили без удостоверений (внутренних паспортов в Венесуэле нет). Теперь они получали документы от государства, в том числе и потому, что без них нельзя было стать участником других боливарианских миссий.

После сбора подписей Национальный избирательный совет их проверял и назначал дату референдума. Для отставки Чавеса (и любого иного должностного выборного лица) надо было не только победить на референдуме противников отставки, но и получить больше голосов, чем Чавес набрал в свою поддержку на последних президентских выборах 2000 года (3 757 773).

Нефтяная забастовка 2002–2003 гг. привела к существенному падению жизненного уровня и вместе с перебоями в поставках самых необходимых товаров. Популярность правительства упала, что рассчитывали использовать в своих целях те, кто эту забастовку и организовал. К тому же по расчетам оппозиции очень много людей в 2000 году не пришли на избирательные участки (5,1 миллиона) и их надо было «разбудить» и настроить против «режима».

Казалось, что расчет верен. В середине 2003 года правительство тайно заказало опрос общественного мнения одной влиятельной зарубежной социологической службе. Результат потряс Чавеса — если бы референдум состоялся в то время, то президенту пришлось бы уйти.

Стратегию «демократического переворота» одобрили и американцы. С их финансовой помощью в 2002 году была основана очередная неправитель-

ственная организация «гражданского общества» — «Сумате» (по-испански «Присоединяйся»). Организацию возглавила Мария Корина Мачадо (родилась в 1967 году), старшая дочь крупного бизнесмена в сфере металлургии. Она сама признавалась, что в детстве не имела никакого контакта с «реалиями» Венесуэлы. За лучшими частными школами Венесуэлы последовали лучшие частные школы США и ознакомительные поездки по Европе за счет богатых родителей. Мачадо получила диплом инженера в частном католическом университете Андреса Белло и диплом финансиста в бизнес-школе в Каракасе. В 1992 году Мачадо (мать троих детей) организовала благотворительный фонд, собиравший частные пожертвования на помощь беспризорным детям. В апреле 2002 года в президентском дворце Мирафлорес Мачадо вместе с другими представителями «сливок общества» приветствовала антидемократический декрет «Педро Короткого».

Американцы помогли «Сумате» сначала 250 тысячами долларов, потом сумма выросла до 0.9 миллиона. Деньги выделялись на «неполитические образовательные цели». Формально «Сумате» занималась разъяснением населению избирательного законодательства и готовила наблюдателей на выборах. Но на самом деле через эту формально неполитическую структуру оппозиция собирала подписи в поддержку референдума. Для этих целей на американские деньги удалось набрать до 30 тысяч «волонтеров».

В августе 2003 года был избран состав Национального избирательного совета, удовлетворивший оппозицию: два члена совета были настроены оппозиционно, два — поддерживали правительство, а председателем стал независимый профессор Франсиско Карраскеро[1].

Частные СМИ начали беспрецедентную кампанию за сбор подписей и, начиная с февраля 2003 года, их удалось собрать 2,4 миллиона (сбор подписей проводила «Сумате»). Но Национальный избирательный совет отказался признать подписи, так как сам сбор был начат без предварительной санкции этого органа и еще до истечения половины президентского срока Чавеса. Оппозиция стала обвинять власти в том, что они давили на госслужащих, чтобы те не подписывали петицию о референдуме. В свою очередь власти утверждали, что сотрудников частных фирм под угрозой увольнения принуждали ставить свои автографы.

В конец концов, оппозиция согласилась провести новый сбор подписей в ноябре 2003 года. Опять-таки благодаря мощной поддержке частных СМИ (и католической церкви) за 4 дня удалось собрать 2,4 миллиона подписей и сбор продолжался[2]. Частные телеканалы показывали длинные очереди желающих расписываться.

Правда, сам процесс передачи подписей в Национальный избирательный совет почему-то занял у оппозиции целых три недели.

---

[1] Jones B. Hugo. P. 403.
[2] Twickel Ch.. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 265.

Чависты ответили сбором подписей за отзыв 38 оппозиционно настроенных депутатов Национального собрания. Таким образом, боливарианская конституция Чавеса заработала в реальной жизни.

Генеральный секретарь ОАГ Гавирия выразил удовлетворение тем, что противостояние между правительством и оппозицией наконец-то приняло мирные формы. Чавес публично также поддержал обращение к народу, который теперь должен был решить его судьбу.

Вскоре выяснилось, почему «гражданское общество» не торопилось передавать автографы своих сторонников в Национальный избирательный совет. На митинге 6 декабря 2003 года Чавес продемонстрировал подписные листы с подписями уже умерших людей. Несмотря на жесткое требование закона о том, что граждане должны заполнять свои данные и расписываться только лично, многие подписные листы были заполнены одним и тем же почерком. Расписывались за оппозицию и пациенты клиник для душевнобольных.

В феврале 2004 года Национальный избирательный совет проверил переданные оппозицией 3 миллиона подписей (а не 3,4, как утверждала публично «Сумате»). 1,83 миллиона подписей были признаны действительными, 375 тысяч — откровенно фальшивыми (то есть их не ставили реальные люди, там нашлись умершие, дети и иностранцы), а 876 тысяч — сомнительными (главным образом потому, что данные были заполнены одним почерком). Оппозиция призналась, что ее «волонтеры» сами часто заполняли данные за людей, но подписи, мол, абсолютно честные.

«Гражданское общество» в знак протеста против решения Национального избирательного совета организовало массовые беспорядки, в ходе которых погибли девять и были ранены 1200 человек. «Меритократы» блокировали улицы в богатых кварталах Каракас, жгли автомобильные покрышки, высыпали на проезжую часть груды мусора.

Партия Энрике Каприлеса придумала новый способ протеста (так называемая «Операция Гуаримба»). Люди быстро собирались рядом со своими домами, блокировали автомобильное движение, а когда прибывала полиция, спокойно уходили домой. Как только полицейские уезжали, все повторялось снова.

«Операцию Гуаримба» поддерживало ЦРУ через «Институт Альберта Эйнштейна» (Albert Einstein Institute). Эта организация была основана в Бостоне в 1983 году и уже принимала участие в необъявленной войне США против сандинисткого правительства Никарагуа. В 2003 году «эйнштейновцы» содействовали «революции роз» в Грузии, а в 2004 году тренировали украинскую оппозицию. Специализацией «института» были «мирные формы» гражданского неповиновения. В Венесуэле институт обучал активистов «Сумате» и партии Каприлеса (это были в основном одни и те же люди).

Оппозиция надеялась на репрессии со стороны Чавеса, после которых можно было бы призвать на помощь армию и наконец-то свергнуть ненавистного плебея. В солдат и полицейских на улицах швыряли камни и бутылки с горючей смесью (видимо, это тоже относилось в «ненасильственным формам

протеста»). Мэр Баруты Энирике Каприлес публично взял беснующуюся толпу под защиту — мол, люди всего лишь осуществляют свое законное прав на протест[1]. Протестующие заставляли закрываться банки и бензозаправочные станции, мешали собирать и вывозить мусор. За одну неделю протеста только коммунальное хозяйство Каракаса понесло ущерб в 1 миллион долларов.

Протесты были специально приурочены к саммиту 15 ведущих развивающихся стран в Каракасе, и демонстранты угрожали штурмом взять отель «Хилтон», где проходила встреча.

«Операция Гуаримба» продолжалась с 27 февраля по 1 марта 2004 года[2].

Но правительство на провокации не поддавалось. Однако против Мачадо и другого лидера «Сумате» Алехандро Пласа было заведено уголовное дело по обвинению в государственной измене — ведь организация пыталась свергнуть правительство Венесуэлы на иностранные деньги. Естественно, что частные венесуэльские СМИ и американская пресса сразу же превратили Мачадо в будущего «узника совести». «Вашингтон Пост» писала о «героической борьбе» Мачадо, а журнал «Форин Полиси» вообще объявил ее работу «промыслом господа»[3]. В ноябре 2004 года более 70 видных столпов американского общества подписали обращение с требованием немедленного прекращения следствия в отношении Мачадо. Среди подписантов была, например, бывшая госсекретарь США Олбрайт и сенатор-республиканец Маккейн.

Национальный избирательный совет Венесуэлы по закону вполне мог бы отвергнуть все подписи, собранные оппозицией. Но было принято компромиссное решение — в течение пяти дней граждане должны были лично подтвердить сомнительные подписи. Ранее Верховный суд по запросу оппозиции признал 800 тысяч отвергнутых советом подписей действительными.

В мае 2004 года оппозиция согласилась с требованием Национального избирательного совета и смогла подтвердить необходимое для проведения референдума количество подписей (их было всего на 16 тысяч больше, чем требовалось). «Чистота» этих подписей была тоже более чем сомнительная. Полиция конфисковала большое количество поддельных удостоверений личности и оборудования по их изготовлению.

Тем не менее 3 июня 2004 года Национальный избирательный совет объявил, что референдум о прекращении полномочий Чавеса состоится 15 августа.

Президент в этот же день по «кадене» объявил 3 июня «днем победы»: наконец-то оппозиция решила бороться демократическими методами.

Свою электоральную кампанию в преддверие референдума Чавес сравнил с битвой у Санта-Инес 1859 года. Тогда любимый герой президента и гроза олигархов генерал Эзекиль Самора устроил притворное отступление, выманил своих противников на невыгодную для них позицию и наголову разбил. Имен-

---

[1] Jones B. Hugo. P. 404.
[2] Golinger E. The Chavez Code. Olive Branch Press, 2006. P. 113.
[3] Jones B. Hugo. P. 406.

но такая судьба, говорил Чавес, уготована и оппозиции, которая думает, что уже одержала победу на референдуме.

Вопреки советам политтехнологов Чавес решил сформулировать вопрос на референдуме таким образом, чтобы его сторонники отвечали «нет»: «Согласны ли Вы с тем, чтобы мандат президента Боливарианской Республики Венесуэла, полученный гражданином Уго Рафаэлем Чавесом Фриасом на демократических выборах, был прекращен?»

Оппозиции же досталось позитивное «да».

К тому времени «но» («нет») уже стало составной частью слоганов чавистов, самым популярным из которых был «Они не вернутся!» (No volveran!)[1]. Свое сражение с олигархией Чавес удачно обрисовал как битву добра и зла. Поэтому оппозиционеров стали изображать в комиксах чертиками (ведь именно черт для католического большинства населения олицетворял силы зла) с американскими флагами, мешками денег и антикоммунистическими лозунгами.

Популярная во всем мире песня «Микаэла» Пита Родригеса в стиле «сальса» была перефразирована в слоган «Uh-Ah-Chavez no se va!» («У-А-Чавес не уйдет!»).

Предвыборный актив Чавес возглавили не политики, а известные во всей стране артисты, профессора и другие общественные деятели. Предвыборный штаб получил название «командо Майсанта» в честь знаменитого предка – повстанца президента.

Главная задача чавистов состояла в том, чтобы буквально вытащить на избирательные участки обычно пассивных жителей городских предместий, где как раз разворачивали свою работу боливарианские социальные миссии. С этой целью во всех городских кварталах были организованы «Части электорального сражения» (Unidades de Batalla Electoral, сокращенно UBE). В каждой «части» было десять «патрульных», которые должны были убедить голосовать еще десять своих соседей или сослуживцев. Таким образом, каждый «патруль» обеспечивал Чавесу 100 сторонников. Впервые в истории предвыборных баталий в Венесуэле агитацией занимались не профессионально подготовленные той или иной партией люди, а обычные граждане, которых хорошо знали их соседи или коллеги.

Но оппозиция была уверена в победе, так как полагалась на данные опросов, которые, правда, проводились, в основном в богатых кварталах Каракаса. За неделю до референдума два ведущих социолога Венесуэлы (оба были противниками Чавеса) — Луис Висенте Леон и Альфредо Келлер — объявили, что и противники, и сторонники Чавеса имеют примерно одинаковую поддержку среди электората.

Оппозиция вела борьбу под лозунгом «Пусть он убирается!» (Que se vaya!). Большинство СМИ было как обычно на ее стороне. Они писали об инфляции, преступности и безработице. Успех социальных боливарианских мис-

[1] Перефразированный лозунг испанских республиканцев времен гражданской войны 1936–1939 гг. — «Они не пройдут!» (No pasaran!).

сий вроде бы не отрицался, но кубинских врачей по-прежнему огульно записывали в шпионы.

На помощь олигархии пришли и бывшая супруга Чавеса Марисабель и бывший президент страны Перес. Из своего дома в Майами он призвал 25 июля 2004 года свергнуть Чавеса любым путем, и если надо, то и насильственными методами: «Чавес должен сдохнуть, как собака»[1]. Чавес ответил своим оппонентам (точнее было бы сказать врагам) бейсбольной терминологией: «15 августа я дам им такую сильную подачу, что мяч окажется в саду Белого дома!»

В завершение своей кампании оппозиция собрала в Каракасе мощную демонстрацию в несколько сот тысяч человек. Частные газеты и телеканалы показывали триумфальные снимки и кадры с воздуха — оппозиция уже предвкушала победу.

Но независимые иностранные исследования общественного мнения уже предвещали победу сторонникам «нет» с разрывом от 5 до 31%. Правда, такие результаты опросов оппозиционные СМИ игнорировали.

В воскресенье 15 августа 2004 года с самого раннего утра во всех бедных предместьях Каракаса и других городов из громкоговорителей зазвучали вувузелы, стали взрываться фейерверки (было еще темно) — «части электорального сражения» звали людей на референдум. Надо было успеть проголосовать до закрытия участков, так как избирательная система страны была очень сложной, и процесс голосования занимал много времени.

Сначала избиратель предъявлял комиссии свое удостоверение личности. Затем он прикладывал палец к монитору для голосования и за несколько секунд через спутник его личные данные проверялись. После этого он нажимал на дисплее изображение с нужным ему ответом, машина распечатывал талон, и избиратель опускал его в урну. Таким образом, фальсификация была практически полностью исключена. Для того чтобы ее совершить, некто должен был быстро перепрограммировать более 19 тысяч машин для голосования по всей стране. Технически это было из области фантастики.

Но, с другой стороны, эта процедура голосования была очень длительной и на всех выборах в Венесуэле постоянно не успевали проголосовать тысячи избирателей.

15 августа 2004 года венесуэльцы под палящим солнцем проводили в очередях перед участками в среднем по 7 часов. И очереди эти растягивались на полтора километра.

За референдумом наблюдали и иностранные представители, самыми авторитетным среди которых был бывший президент США Джимми Картер. Созданный им «Центр Картера» ранее проводил мониторинг выборов во многих странах. Картера и его команду на избирательных участках приветствовали как сторонники, так и противники Чавеса. Сам президент голосовал в бедном

[1] URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/3559668.stm

предместье Каракаса «23 января», наиболее сильно пострадавшем от репрессий властей во время «каракасо» в 1989 году.

Когда во второй половине дня стало ясно, что не успеют проголосовать сотни тысяч граждан, Национальный избирательный совет продлил работу участков с 18.00 до 20.00. Но и этого не хватило — участки получили указание работать до полуночи. В результате некоторые участки не смогли закрыться ранее трех часов утра. На продлении работы участков настаивали и сторонники, и противники президента, особенно последние. Ведь им надо было не просто победить, но и набрать более 4 миллионов голосов.

Таким образом, 15 августа выборный марафон длился почти сутки — 21 час, но зато это был рекорд в истории страны — проголосовали 10 из 14 миллионов зарегистрированных избирателей. Картер заявил, что такой активности электората ему еще видеть не приходилось.

Благодаря электронной системе голосования данные стали известны уже в районе 4 часов утра 16 августа. Вся страна замерла у экранов телевизоров. В Венесуэле в ту ночь никто не спал. Сторонники Чавеса напряженно ждали итогов у президентского дворца, лидеры оппозиции собрались в богатом районе восточного Каракаса.

Итоги волеизъявления народа их просто шокировали: 59% (5,8 миллиона человек) сказали оппозиции «нет». То есть президент получил даже больший процент поддержки, чем на выборах 1998 года. «Да» ответили лишь 40,64% (3,9 миллиона).

Сразу же после объявления итогов бедные кварталы Каракаса утонули в море фейерверков. Примерно через час на балкон президентского дворца вышел Чавес, чтобы поблагодарить народ за поддержку. Он одержал победу уже на восьмых выборах и референдумах самого разного уровня. Президент прокричал своим ликующим сторонникам: «Венесуэла изменилась навсегда. Страна никогда больше не вернется к фальшивой демократии прошлого, когда безраздельно правили элиты…»[1]

Но оппозиция отказалась признать свое полное фиаско и немедленно обвинила власти в фальсификациях, впрочем, без единого на то доказательства. Мол, данные Национального избирательного совета как-то уже очень сильно отличаются от проведенных оппозицией экзит-поллов (опросов на выходе с избирательных участков).

Но Картер решительно отмел все претензии — референдум был честным, а вот оппозиция стала жертвой собственных заказных опросов общественного мнения. Он обвинил в нарушениях закона саму оппозицию, которая распространяла в СМИ заказанные ей экзит-поллы тогда, когда голосование еще не завершилось (это было запрещено)

Мнение бывшего президента США было однозначным: «Нет сомнений, что некоторые ее (т. е. оппозиции. — *Прим. авт.*) лидеры специально распро-

[1] Jones B. Hugo. P. 412.

страняли эти ошибочные данные экзит-поллов, чтобы не только уверить себя в грядущей победе, но и повлиять на людей, которые все еще стояли в очередях (перед избирательными участками)»[1]. Картер вспоминал, как потрясенные исходом референдума лидеры оппозиции с «белыми как мел лицами» обвиняли его в необъективности.

Никаких нарушений не обнаружила и миссия наблюдателей Организации американских государств (ОАГ). Госдепартамент США как бы сквозь зубы признал, что «народ Венесуэлы сказал свое слово». Даже проведенный «Сумате» альтернативный подсчет показал полную победу Чавеса.

Тем не менее оппозиция призвала к массовым протестам против «мегафальсификации», но на них никто не пришел — среди богатых венесуэльцев царили подавленные настроения. Да и о каких фальсификациях могла идти речь, если до референдума по требованию оппозиции и с участием ее представителей был проведен осмотр всех электронных машин для голосования.

Тем не менее по требованию оппозиции Национальный избирательный совет согласился с участием Центра Картера провести независимый аудит части поданных голосов. Но в процессе аудита сама оппозиция отказалась в нем участвовать.

После своего провала у избирательных урн многие деятели оппозиции открыто заговорили о необходимости физического устранения Чавеса. Тон задал, как уже упоминалось, бывший президент Венесуэлы Перес. Причем американские власти отнюдь не возмутились тем обстоятельством, что с территории США публично прозвучал призыв уничтожить действовавшего и легитимного главу иностранного государства. Самого Переса газета «Вашингтон Таймс» вполне справедливо назвала символом «клептократии и некомпетентности, которые и вызвали взлет Чавеса».

Через два месяца после референдума другой венесуэльский эмигрант, бывший актер, Орландо Урданета выступил на телевизионном ток-шоу в том же Майами и с такими же мыслями: «Уже не осталось сомнений. Другого выхода нет. Физическое устранение, именно так»[2]. Причем Урданета даже «подсказал» метод — надо лишь несколько решительно настроенных людей и пару винтовок с оптическим прицелом.

Чавес воспринял все эти угрозы серьезно — ведь его и так уже едва не убили в апреле 2002 года. С помощью Кубы у президента Венесуэлы впервые появились постоянные подготовленные телохранители. Фидель Кастро вынужденно стал в деле обеспечения личной безопасности большим специалистом — ведь ЦРУ пыталось убить его несколько десятков раз.

Оппозиция предсказуемо заклеймила эти довольно скромные по меркам тех же США меры безопасности как очередную «паранойю» «психа» Чавеса.

---

[1] Jones B. Hugo. P. 412.
[2] Ibid. P. 415.

США хотя и нехотя признали победу Чавеса на референдуме, лишь удвоили усилия, чтобы избавиться от неугодного им «плебея» в президентском кресле.

Спустя всего два месяца после плебисцита Вашингтон обвинил Венесуэлу в том, что она занимает одно из лидирующих мест в мире по торговле людьми. При этом всего год назад госдепартамент США не видел Венесуэлу даже среди пяти самых активных «торговцев людьми» в Западном полушарии. Но судя по списку стран-нарушителей (Куба, Бирма, КНДР, Судан), туда зачисляли просто всех противников внешней политики президента Буша.

Это абсолютно голословное обвинение послужило предлогом для введения против Каракаса экономических санкций. Международные финансовые организации системы Всемирного банка стали отказывать в выделении уже предоставленных формально кредитов на сотни миллионов долларов. Под угрозой оказались проекты строительства гидроэлектростанции, обеспечения населения питьевой водой, экологические проекты по защите вечнозеленых лесов Амазонии на общую сумму почти в 1 миллиард долларов.

В 2005 году США обвинили Венесуэлу уже в попустительстве торговле наркотиками. Точно с таких же обвинений начиналась подготовка военной агрессии США против Панамы в 1989 году.

Главный эксперт по Латинской Америке администрации Буша, уже упоминавшийся выше Отто Райх, изобрел новый термин — «ось зла западного полушария», куда помимо Венесуэлы он включил, естественно, Кубу. При этом правительство Чавеса строго выполняло свои обязательства по поставкам нефти США и не национализировало в стране ни одной американской (да и вообще иностранной) компании.

В мае 2005 года в пропагандистскую войну против Венесуэлы включился лично Буш, принявший в Белом доме лидера «Сумате» Мачадо. Это произошло 31 мая 2005 года в разгар обвинений против Мачадо в измене, которые расследовала прокуратура Венесуэлы. Американские газеты писали, что «мужественной гражданской активистке» грозит до 28 лет тюрьмы[1]. Одновременно уже пробрасывалась идея, что именно симпатичная, модно одевавшаяся (и естественно белокожая) Мачадо должна стать единым кандидатом от оппозиции на президентских выборах в Венесуэле в 2006 году.

Мачадо сама умело разжигала страсти, повторяя в Вашингтоне, что она как мать троих детей «очень, очень боится» садиться в тюрьму. При этом Мачадо обвиняли не только в получении денег от США, но и в участии в перевороте 11 апреля 2002 года, что ей было очень сложно отрицать — ведь она была вместе с Кармоной в президентском дворце. В этих условиях нарочитая поддержка Мачадо со стороны США говорила о многом.

Оппозиция немедленно растиражировала фото встречи Мачадо с Бушем на первых полосах своих газет. Глава МИД Венесуэлы назвал прием Мачадо в

[1] URL: http://www.csmonitor.com/2005/0705/p06s01-woam.html

Овальном зале Белого дома (там обычно встречали глав государств) «провокацией». Министр внутренних дел охарактеризовал Мачадо как «марионетку ЦРУ».

Н уже через месяц новый госсекретарь США Кондолиза Райс избрала именно Мачадо как партнера для личной встречи в рамках конференции ОАГ в Форт-Лодердейле (США). С послом Венесуэлы в США глава американской внешней политики встречаться явно не хотела — дипломат ждал аудиенции уже два месяца.

Еще при своем утверждении на должность во время сенатских слушаний в январе 2005 года Райс без всяких объяснений назвала Чавеса «негативной силой в регионе»[1].

Сам Чавес, который после переворота 2002 года долго избегал полемики с американцами, теперь отвечал им той же монетой. Президент Венесуэлы понял, что чтобы он не делал, США преисполнены решимости отстранить его от власти. На митинге с участием тысяч своих сторонников президент прошелся по Райс с явным сексуальным подтекстом, что для политической культуры «мачистской» Венесуэлы было обычным делом. Возможно, говорил Чавес, вся злость Райс оттого, что ей не хватает в жизни мужского внимания (нацеленная только на карьеру Райс никогда не была замужем). Может быть излишнее внимание госсекретаря к нему, Чавесу. объясняется ее эротическими фантазиями. Но даже для блага родины президент отказался принести «такую жертву». Толпа чавистов заревела от восторга.

Чавес назвал Райс «неграмотной» в том, что касается Латинской Америки и переделал ее имя в «Кондоленсия» (по-испански «соболезнование»).

Со временем тон взаимной полемики между Вашингтоном и Каракасом стал еще более жестким. Министр обороны США Рамсфельд сравнил Чавеса с Гитлером: мол, того тоже избрали на выборах. Чавес отреагировал в том смысле, что Гитлер по сравнению с Бушем младенец. Позднее президент Венесуэлы наградил Буша такими эпитетами как «алкоголик»[2], «осел», «придурок» и «трус».

Тогда заместитель Рамсфельда по Латинской Америке Рохелио Пардо-Маурер назвал президента Венесуэлы «гиеной» и заявил, что США разработают «стратегию по сдерживанию Чавеса».

В стратегию, одобренную Бушем, входили такие меры как обвинение Чавеса в коррупции и оказание давления на другие латиноамериканские страны с тем, чтобы они дистанцировались от Венесуэлы. Особое внимание в этой связи уделялось Бразилии, где правил еще один очень харизматичный левый президент, бывший рабочий Лула[3]. Одного лидера латиноамериканских левых

---

[1] Jones B. Hugo. P. 418.

[2] Сам президент США признавался, что до 41 года пил по бутылке виски в день и начал реально спиваться, но его спасла от этой участи жена Лора.

[3] Луис Игнасио Лула да Сильва был избран президентом Бразилии в октябре 2002 года от левой Партии труда.

американцы хотели разыграть против другого. Но Лула, хотя и избегал резких слов в адрес США, одновременно публично с симпатией отзывался о Чавесе.

Вашингтон был встревожен тем, что Чавес превращался в лидера всех тех стран Латинской Америки, кто не хотел бездумно следовать в фарватере американской внешней политики. В западном полушарии не без влияния Чавеса начинался тектонический левый поворот. За Лулой последовала Аргентина, где в 2003 году президентом стал левый перонист Нестор Киршнер, резко критиковавший, как и Чавес, неолиберальную политику МВФ. В ноябре 2004 года президентом Уругвая был избран кандидат левых сил Табаре Васкес, восстановивший дипломатические отношения с Кубой (тогда еще смертный грех в глазах Вашингтона).

Наконец, в ноябре 2005 года первым президентом-индейцем Боливии был избран профсоюзный деятель Эво Моралес. Как и Чавес он не понаслышке знал, что такое бедность. Ребенком Моралес бегал за автобусами и подбирал выбрасываемую пассажирами кожуру от апельсинов и бананов. Бывали дни, когда это было единственной пищей будущего президента. Не случайно «плебей» и индеец Моралес (также ненавидимый белой олигархией Боливии) стал близким другом другого «плебея» и метиса Чавеса.

В 2006 году президентом Никарагуа был избран лидер Сандинисткого фронта национального освобождения (СФНО) Даниэль Ортега. Он уже был президентом революционной Никарагуа в 1984–1990 гг., и американцы (при финансовой поддержке тогдашней олигархической Венесуэлы) затратили миллиарды долларов на вооружение и вербовку контрреволюционных отрядов «контрас», на совести которых были десятки тысяч жизней мирных граждан Никарагуа.

Через месяц после победы Ортеги народ Эквадора (как и в случае с Венесуэлой в этой стране добывается значительный для ее экономики объем нефти) избрал президентом молодого экономиста с дипломом американского Университета Иллинойса Рафаэля Карреру, столь же резкого критика МВФ, как и сам Чавес. Кандидат богатой олигархии Набоа называл Корреа марионеткой Чавеса, что только помогло тому победить.

Латинская Америка стремительно «краснела» и в Вашингтоне винили в этом харизматичного и остроумного лидера Венесуэлы.

Не удивительно, что американцы старались противодействовать влиянию Чавеса в Западном полушарии.

С подачи американцев обострились и так традиционно напряженные отношения между Венесуэлой и Колумбией. Естественно, что США обвиняли Чавеса в поддержке колумбийских левых повстанцев из группировки ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии), а саму ФАРК — в связях с наркомафией[1].

---

[1] Следует подчеркнуть, что именно в попытках продажи оружия ФАРК власти США обвинили незаконно арестованного ими в 2008 году гражданина РФ Виктора Бута. Но даже если бы Бут и продавал оружие ФАРК, то

Проамериканская пресса в Мексике обвинила в «чавизме» кандидата левых сил на пост президента Лопеса Обрадора, хотя тот ни разу в жизни с Чавесом не встречался. В июле 2006 года Лопес Обрадор уступил всего несколько десятков тысяч голосов проамериканскому кандидату Фелипе Кальдерону (15 000 284 голоса против 14 756 350). Левая оппозиция требовала пересчета голосов, но тщетно, хотя многие иностранные наблюдатели сообщали о фальсификациях и нарушениях в ходе выборов.

Теперь на всех выборах в Западном полушарии американцы старались представить неугодных им кандидатов «марионетками» Чавеса, чтобы эксплуатировать сильные во всех латиноамериканских странах националистические настроения.

Такая тактика поначалу оказалась успешной в Перу, где вызов правящей элите бросил очень похожий на Чавеса по биографии бывший офицер-спецназовец и участник неудавшегося военного восстания против президента-диктатора Альберто Фухимори в 2000 году Олланта Умала. 4 июня 2006 года во втором туре президентских выборов Умала с 47,247% голосов проиграл национал-реформисту от партии АПРА (идейные союзники венесуэльской АД) Алану Гарсии (52,62%), который в 80-е годы, уже будучи президентом, довел Перу до гиперинфляции. Заметим, что в первом туре Умала победил, набрав 30,62% голосов (Гарсия — 24,32%).

В этом случае Умале помешала открытая публичная поддержка со стороны Чавеса и резкая критика им Гарсии, которую многие в Перу восприняли как вмешательство во внутренние дела. Чавес публично называл Умалу своим «другом и товарищем», что, впрочем, никакого вмешательства не означало. Чавес лишь сказал, что народ Перу сам разберется, за кого ему голосовать.

В 2011 году Умала все-таки победил (51,49%), обыграв дочь бывшего диктатора Кейко Фухимори.

Самое решительное поражение США в Латинской Америке Чавес нанес в вопросе создания так называемой «Зоны свободной торговли Америк» (Free Trade Area of the Americas, FTAA). Идею создания зоны свободной торговли от Аляски до Огненной Земли выдвинули американцы на первом саммите всех стран Западного полушария в Майами в декабре 1994 года. Конечно, выгода для США была налицо — в случае отмены всех таможенных барьеров американские промышленные товары заполонили бы латиноамериканские рынки, ликвидировав и так еще эмбриональную промышленность многих стран региона. Не боялись американцы и ответного наплыва сельскохозяйственной продукции из стран Латинской Америки — США в нарушение правил ВТО субсидировали (и субсидируют) свой аграрный комплекс примерно на 100 миллиардов долларов в год. И таким образом, даже американские сельхозпродукты (например, хлопок) выходили по цене дешевле некоторых южноамериканских.

он не нарушал при этом законов своей страны. Ведь в отличие от США Россия не признала ФАРК террористической организацией.

К тому же США требовали от своих латиноамериканских партнеров массовой приватизации, особенно финансового и телекоммуникационного секторов, на которые нацелился американский капитал. В новом третьем тысячелетии заработать на сотовой связи можно был не меньше, чем на нефти.

Для Венесуэлы реализация проекта зоны свободной торговли Западного полушария означала бы ежегодные потери в 1,3 миллиарда долларов и массовую безработицу[1]. Слишком очевидным был и опыт Мексики, вступившей в зону свободной торговли с США и Канадой (НАФТА). Мексика быстро превратилась в зону неквалифицированного ручного труда для американских компаний (в Латинской Америке такие дешевые производства называют «макиладора»). Причем эти производства использовали американские полуфабрикаты — таким образом, мексиканская промышленность не развивалась. В Мексике выросла безработица, и мексиканцы ринулись через границу в те же США. На самих предприятиях-«макиладора» текучесть кадров превышала 80% из-за стресса и ужасных условий труда.

На очередном саммите стран Западного полушария в Квебеке в 2001 году Чавес выступил против планов создания зоны свободной торговли, хотя тогда его голос звучал почти в полном одиночестве. Но избрание левых президентов в Аргентине и Бразилии сразу сделало оппозицию американским планам мощной. Бразилия и Аргентина (вместе с Уругваем и Парагваем) создавали собственную зону свободной торговли МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса). Чавес, всегда выступавший в духе Боливара за укрепление латиноамериканской интеграции (без США), заявил о стремлении Венесуэлы стать членом МЕРКОСУР.

При активном лидерстве Чавеса страны Латинской Америки стали требовать от США резкого снижения аграрных субсидий, то есть нормализации условий конкуренции в торговле сельскохозяйственной продукцией. Но Вашингтон хотел зоны свободной торговли только на своих условиях.

В ноябре 2005 года в Аргентине в Мар-дель-Плата на очередной саммит собрались тридцать три главы государств Западного полушария. Американцы намеревались окончательно утвердить график создания зоны свободной торговли, но их переиграли вчистую. На сей раз бесспорной звездой встречи был Чавес. Президента Венесуэлы и его сторонника бывшего лучшего футболиста мира Диего Марадону приветствовали на стадионе тысячи аргентинцев. Это был организованный Чавесом «контрсаммит», на котором должен был звучать голос простых людей. Люди на стадионе скандировали «Буш — фашист!», и «Буш — террорист!» Чавес в своем двухчасовом выступлении как всегда проявил себя мастером блестящих метафор: «Каждый из нас привез с собой лопату, так как Мар-дель-Плата станет могилой FTAA»[2]. Чавес назвал планы создания зоны свободной торговли инструментом колониализма США.

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 294.
[2] Jones B. Hugo. P. 433.

Аргентина, как и Венесуэла, на себе испытала все прелести неолиберальной экономической политики 1990-х годов, и в результате массовых беспорядков в декабре 2001 года там сменилась власть. Теперь во время саммита толпы разгневанных демонстрантов пытались добраться до участников саммита в отеле «Шератон». Люди трясли заграждения, швыряли в окна камни, полиция отвечала слезоточивым газом и резиновыми пулями.

Встреча полностью провалилась (не было подписано никаких итоговых документов) и Чавес удовлетворенно констатировал: «Самым большим проигравшим сегодня является мистер Джордж В. Буш… Этот человек уезжает раненым. Это можно прочесть на его лице»[1]. И это было чистой правдой. 26 стран-участниц саммита правда договорились собраться опять в 2006 году, но эта встреча так и не состоялась.

Неудивительно, что Чавес вызывал в Белом доме сильнейшее раздражение.

Еще в декабре 2003 года серьезное американское издание «Уолл стрит джорнэл» сообщило, что во Флориде кубинские эмигранты обучают сбежавших в США венесуэльских военных для проведения неких операций против «режима» Чавеса[2]. Эту информацию подтвердил и посол США в Каракасе, хотя он подчеркнул, что официальные власти США не имеют к этому никакого отношения. При этом в «спонсировании терроризма» в Вашингтоне обвиняли Венесуэлу, хотя на ее территории никто никаких террористов не готовил.

Близкий к Белому дому протестантский проповедник-мракобес Пат Робертсон еще в августе 2005 года в прямом эфире телевидения призвал физически устранить президента Венесуэлы: «Если он считает, что мы хотим убить его, я думаю нам так и надо сделать… Это гораздо дешевле, чем начинать против него войну»[3]. Мол, война обойдется в 200 миллиардов долларов.

Но американцы были готовы и на войну, правда, чужими руками.

Единственным оставшимся военным союзником США в Латинской Америке была Колумбия, где начиная с 1948 года правые правительства жестокими методами вели войну против левых повстанцев из ФАРК. Причем помимо армии мирное население, заподозренное в сочувствии к партизанам, истребляли «неофициальные» (но тесно связанные с армией и полицией) «эскадроны смерти». После избрания президентом США Буша американцы резко нарастили военную помощь Колумбии под предлогом того, что колумбийские партизаны связаны с наркомафией (хотя данных о связях с наркомафией колумбийских армии и полиции гораздо больше). В Колумбию для обучения местного спецназа были переброшены американские части «рейнджеров».

Отношения между Венесуэлой и Колумбией были очень сложными еще со времен Великой Колумбии Боливара. Чавес при вступлении в должность не

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 294.
[2] Ibid. S. 306.
[3] Jones B. Hugo. P. 419.

скрывал свои симпатий к партизанам ФАРК (которых поддерживали и массы колумбийских крестьян, уставших от террора «эскадронов смерти»).

Но после путча 2002 года (когда его противники использовали в качестве своих аргументов и поддержку Чавесом «колумбийских террористов») президент Венесуэлы изменил линию поведения: любые публичные проявления симпатии к ФАРК прекратились.

Но Колумбия и ее ментор — США — не собирались так просто отказываться от любимой темы «Чавес — друг колумбийских террористов».

9 мая 2004 года на ранчо Эль-Атильо недалеко от Каракаса были арестованы 116 колумбийских граждан в форме венесуэльской армии. На допросе колумбийцы рассказали, что их подготовили для нападения на арсенал венесуэльских вооруженных сил. Но по другим данным группа должна была совершить покушение на Чавеса именно «от лица» венесуэльской армии.

По крайней мере, именно такую версию озвучил глава венесуэльской разведки (СЕБИН) Мигель Родригес. Ранчо принадлежало видному и радикальному представителю венесуэльской оппозиции Роберто Алонсо. По данным СЕБИН, колумбийцы прибыли в Венесуэлу по прямому приказу президента Колумбии Урибе.

Ранчо охраняла полиция штата, находившаяся под контролем оппозиции. СЕБИН выявила связи террористов с Энрике Каприлесом и мэром Каракаса Пеньей. Вместе с колумбийцами были задержаны и 8 офицеров венесуэльской армии

13 декабря 2004 года подготовленная американцами боевая группа колумбийского спецназа, нелегально проникшая на территорию Венесуэлы, прямо в Каракасе среди бела дня похитила в кафетерии «министра иностранных дел» ФАРК 55-летнего Родриго Гранду. Уже через пару часов Гранду на машине доставили на колумбийскую границу и передали тамошним властям[1].

Гранда неофициально участвовал в Каракасе во втором Боливарианском конгрессе, на который собрались сторонники боливарианской революции из других стран.

Естественно, что незаконное вторжение колумбийского спецназа в Венесуэлу не могло не вызвать официальный протест правительства Чавеса, хотя сначала Чавес, чтобы не портить отношений с Колумбией, не комментировал инцидент. Министр внутренних дел Венесуэлы даже отметил, что Гранда находился на территории страны незаконно.

Но вскоре выяснилось, что приказ о похищении Гранды отдал лично президент Колумбии Урибе с предварительной санкции США. При этом колумбийцы за 1,5 миллиона долларов завербовали для участия в операции нескольких венесуэльских военных и полицейских. Тогда Чавес отозвал посла Венесуэлы из Колумбии, заморозил реализацию всех венесуэльско-колумбийских соглашений и потребовал от Боготы официальных извинений.

---

[1] Позднее Гранда был освобожден по просьбе президента Франции Саркози, чтобы организовать обмен политзаключенных из ФАРК на заложников, удерживаемых партизанами. Обмену пытался содействовать и Чавес.

Но американские надежды на прямой военный конфликт межу Венесуэлой и Колумбией не сбылись. При посредничестве Фиделя Кастро был налажен диалог между Чавесом и Урибе. В феврале 2005 года Урибе посетил Каракас, хотя извиниться отказался. Но он дал заверения, что подобных акций колумбийских спецслужб на территории Венесуэлы больше не будет.

Обе страны решили совместно построить газопровод из Венесуэлы через Колумбию в Панаму, чтобы получить возможность для экспорта и колумбийского и венесуэльского газа в Китай. По этому же газопроводу сама Колумбия могла бы продавать газ в западные районы Венесуэлы[1].

Однако, как показало время, колумбийско-венесуэльский кризис 2004 годы оказался далеко не последним.

Открытые угрозы со стороны США вынудили Венесуэлу уделять повышенное внимание своей обороноспособности.

После ареста колумбийцев на ранчо Эль-Атильо Чавес объявил о формировании из гражданского населения «боливарианского армейского резерва» в 2 миллиона человек. Все желающие в свободное от работы время могли проходить боевую подготовку в военных гарнизонах. И желающих нашлось очень много. Президент объявил на митинге, что «любой мужчина и любая женщина в Венесуэле должны считать себя солдатами»[2]. Оппозиция заклеймила планы создания резерва как копирование Кубы с ее народной милицией.

В 2004 году в резерв вступили 20 тысяч человек, в 2005-м его численность достигла 40 тысяч, в 2006-м — 60, в 2007-м — 80, в 2008-м — 90 тысяч. Формирование резерва приобрело форму еще одной боливарианской миссии — «миссии Миранды».

Оппозиционеры пытались представить милицию как «коммунистическую альтернативу» армии, чтобы вызвать недовольство в офицерских кругах. Чтобы успокоить военных вице-президент Венесуэлы Хосе Висенте Ранхель заявил: «Речь идет об укреплении, а не о деградировании вооруженных сил». Действительно, милиция была лишь резервом «официальной» армии, находилась под командованием армейских офицеров и вооружалась лишь легким стрелковым оружием.

В сентябре 2005 года в интервью американскому телевизионному каналу ABC Чавес сказал, что у его есть документы о планах американского вторжения в Венесуэлу: «Если правительство Соединенных Штатов решится на этот безрассудный шаг и нападет на нас, ему придется рассчитывать на столетнюю войну»[3].

Во время исторического саммита стран Западного полушария в Аргентине в Венесуэле прошли военные учения, на которых отрабатывалось отражение высадки американского десанта с моря. Люди на берегу кричали «амери-

---

[1] Запасы газа в Венесуэле сосредоточены на востоке страны, в то время как основные потребители сконцентрированы на западе. Газопровод из Колумбии был бы дешевле газопровода из восточной Венесуэлы в западную.
[2] URL: http://www.commondreams.org/headlines04/0517-04.htm
[3] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 307.

канцам»: «Гринго, убирайтесь домой!» и «Свобода!» В США истолковали учение как еще одно проявление антиамериканской паранойи Чавеса.

Но Чавес прекрасно помнил молниеносные американские десанты в Панаме (1989 год) и на Гренаде (1983 год), завершившиеся насаждением в этих странах сервильных проамериканских режимов.

Проблема Венесуэлы была еще и в том, что вся армия страны была оснащена американским оружием, а значит, полностью зависела от своевременной поставки запчастей из США. Из 277 самолетов ВВС Венесуэлы, например, 177 были американского производства. А, как известно, любые военные операции США против других стран начинались с завоевания абсолютного господства воздухе.

Все это понимали и американцы. Сразу после своего позорного провала на саммите в Аргентине администрация Буша объявила о прекращении поставок Венесуэле запасных частей для истребителей Ф-16. Еще в 2005 году Венесуэла потратила на закупку запчастей в США 34 миллиона долларов (в том числе 30 миллионов пошли на запчасти для транспортных самолетов С-130). Венесуэла предложила Китаю и Кубе купить у нее Ф-16, но те отказались.

Американцы блокировали поставки Венесуэле самолетов из Бразилии и патрульных катеров из Испании на там основании, что эти системы оружия содержат американские детали и «ноу-хау». При этом практически все корабли ВМС Венесуэлы были американского производства.

15 мая 2006 года США бездоказательно заявили, что Венесуэла «не полностью сотрудничает» в войне против международного терроризма. На практике это означало эмбарго на поставки любого американского оружия в эту страну. Характерно, что по классификации США Венесуэла оказалась единственной страной в списке тех стран, кто «не полностью сотрудничает» в войне против терроризма. До этого американцы вели лишь список тех государств, кто «спонсирует терроризм».

Свое решение в Вашингтоне объяснили тем, что Венесуэла активно сотрудничает с Ираном и Кубой, а эти страны «спонсируют терроризм». Поэтому, мол, США затруднительно передавать Венесуэле информацию своих спецслужб касательно борьбы против терроризма. Странно в таком случае, что рядом с Венесуэлой в этом чудном списке не оказалась и Россия.

Чавес отреагировал уже на следующий день: «Это правда, империя вводит санкции против нас. Во-первых, это подтверждает злоупотребление своей мощью со стороны этой империи, но и является отражением ее отчаяния. Во-вторых, нам это безразлично»[1].

Но реакция Чавеса была как всегда остаточно оперативной. В 2006 году состоялся первый визит президента Венесуэлы в Россию и Чавес начал активно приобретать российское оружие, чтобы сделать вооруженные силы Венесуэлы полностью независимыми технически от США.

---

[1] URL: http://venezuelanalysis.com/news/1747

Были закуплены 100 тысяч автоматов Калашникова, заменившие в армии Венесуэлы устаревшие бельгийские автоматические винтовки ФАЛ. Причем российские автоматы с гордостью вручал венесуэльским военнослужащим лично президент. Чавес назвал автоматы АК «знаменем вооруженных сил Венесуэлы» и очень гордился своим личным знакомством с конструктором этого легендарного оружия Михаилом Калашниковым.

За автоматами последовали зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) С-300, танки Т-72, многофункциональные истребители СУ-30, ударные вертолеты МИ-35 (экспортный вариант основного боевого вертолета российской амии МИ-24), вертолеты Ми-17, зенитные установки ЗСУ-23/4, минометы и бронетранспортеры. Венесуэла превратилась в третьего по величине покупателя российского оружия после Индии и Китая. К началу 2013 года общий объем заключенных российско-венесуэльских сделок в военной области оценивался в 11 миллиардов долларов[1].

Венесуэльская оппозиция подвергла закупки оружия в России резкой критике — мол, вместо того чтобы тратить деньги на социальные нужды, Чавес разбазаривает их, чтобы лишний раз досадить США. Разгромленная Чавесом на выборах разного уровня олигархия начала демагогическую компанию под лозунгом «Тракторы вместо танков!» При этом при Чавесе доля военных расходов в ВВП не превышала величин прошлых периодов.

В 2005 году «исторический противник» Венесуэлы и военный союзник США Колумбия истратила на военные цели 6,3 миллиарда долларов, что было гораздо больше, чем в Венесуэле[2]. 2004 году Венесуэла тратила на оборону 1,2% ВВП, Колумбия — 4,3%, Бразилия — 1,4%, а США — 4%[3].

На самом деле именно США своим эмбарго в мае 2006 года вынудили Чавеса обратить свои взоры к Москве. Оставлять же венесуэльскую армию без современного оружия было бы безответственным для любого главы государства в Каракасе.

Зимой 2005–2006 года Чавес опять переиграл США в пропагандистском сражении, причем на поле самих американцев. Зима выдалась тогда в США очень суровой, и многие благотворительные организации, известные лица и депутаты конгресса США обратились к нефтяным компаниям с просьбой снизить цены на топочный мазут для бедных слоев населения. Ведь все нефтяные компания благодаря высоким ценам на нефть просто купались в сверхприбылях (именно из-за высоких цен на нефть резко выросли и цены на мазут). Но «отечественные» американские компании отмолчались, зато откликнулся Чавес.

Через принадлежавшую ПДВСА в США сеть заправок «Ситго» было продано со скидкой в 40% 12 миллионов галлонов мазута жителям Массачусетса и 8 миллионов галлонов — жителям нью-йоркского бедного района Бронкс.

---

[1] URL: http://www.gazeta.ru/business/2013/03/06/5001173.shtml
[2] Jones B. Hugo. P. 435.
[3] Мир в цифрах 2006. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2007.

В Массачусетсе распределение венесуэльского мазута контролировал сын Роберта Кеннеди Джозеф Кеннеди-младший.

Такую акцию Чавеса вынуждено было нехотя приветствовать даже правительство США. А сам Чавес, прекрасно понимавший толк в пиаре, дал указание поместить в ведущих американских газетах на правах рекламы аршинные заголовки типа «Как Венесуэла помогает поддерживать огонь в очагах Массачусетса»[1]. Всего топливо «от Чавеса» согрело 181 тысячу американских семей.

Получить венесуэльскую помощь немедленно пожелали и многие другие штаты Новой Англии — Мэн, Вермонт, Коннектикут, Дэлавэр. В апреле 2006 года за счет «Ситго» нескольких американцев привезли на встречу с Чавесом в Каракас. Жительница Филадельфии Донна Сантьяго расплакалась, увидев Чавеса: «Вы отнеслись к американскому народу как к своим братьям и сестрам. Такое отношение спасло жизни, у него нет цены… Когда мы были в отчаянии, бог послал нам ангела. И Вы, президент Чавес, и есть тот ангел»[2].

Но если президент Венесуэлы всегда подчеркивал свое уважительное отношение к американскому народу, то на президента Буша это уважение никак не распространялось.

20 сентября 2006 года Чавес произнес свою ставшую всемирно известной речь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Взойдя на трибуну через день после того, как там выступал Буш, президент Венесуэлы поморщился: «Вчера здесь был дьявол и здесь до сих пор пахнет серой…» При этом Чавес осенил себя крестным знаменем и сложил руки пред собой, имитируя молитву. После этого он как ни в чем не бывало, продолжил: «Вчера, дамы и господа, с этой трибуны президент Соединенных Штатов, джентльмен, которого я назвал дьяволом, говорил так, как будто ему принадлежит весь мир…»

Выступление Чавеса несколько раз прерывалась аплодисментами и, пожалуй, никто со времен Че Гевары и Никиты Хрущева не привлекал к своей речи в ООН такого внимания мировой общественности.

Опрос общественного мнения в Венесуэле, проведенный бразильской социологической службой в октябре 2006 года показал, что 36% венесуэльцев испытали гордость после речи президента в ООН, а 23% — стыд.

Гораздо менее известной осталась реакция американского истеблишмента на речь Чавеса. Спикер нижней палаты конгресса демократ Нэнси Пелоси обозвала Чавеса «обычным бандитом». Бывший президент Клинтон посчитал «демонизацию» Буша «тяжелой ошибкой» Чавеса. Видимо американцы забыли, как высшие представители администрации того же Буша называли Чавеса «современным Гитлером». Именно на это и обратил внимание американцев Чавес в своем интервью для журнала «Тайм» 10 октября 2006 года:

«Вопрос «Тайм»: Почему Вы атаковали президента Джорджа У. Буша таким обидным способом?

---

[1] Jones B. Hugo. P. 431.
[2] Ibid.

Чавес: Думаю, что любые слова имеют большой вес, и я хочу, чтобы люди узнали, что я имел в виду. Я не атакую президента Буша, я лишь контратакую…»[1]

«Тайм»: Но не отпугивает ли такая Ваша риторика в адрес Буша, как «алкоголик», потенциальных союзников (в США)?

Чавес: Прежде всего, Буш называл меня гораздо хуже: тираном, диктатором-популистом, наркодилером, и это еще далеко не все. А я всего лишь говорил правду, которую люди обязаны знать об этом президенте, человеке с гигантской властью».

«Буш атаковал весь мир, и не словами — бомбами», — продолжал Чавес в интервью «Тайм». Американская империя «использует ООН для оправдания агрессии против половины человечества». Американцев, как ярых сторонников «демократии», бесил сам термин «империя», хотя президент США Рейган ранее не один раз назвал СССР «империей зла».

Чавесу после своей речи в ООН пришлось отказаться от планов повторения продажи дешевого мазута в США зимой 2006–2007 года. Венесуэльцы хотели обеспечить 100 миллионами галлонов топлива 400 тысяч семей, включая даже племена индейцев на Аляске. Но под давлением администрации оскорбленного Буша все власти штатов отказались от сотрудничества с ПДВСА и «Ситго».

В 2007 году американские власти обвинили «Ситго» в нарушении экологических норм, хотя к местным американским кампаниям подобных претензий не предъявлялось. Венесуэла обратилась в ВТО и выиграла спор против США, но стало ясно, что спокойно работать в Америке «Ситго» уже не дадут.

Успех на референдуме 2004 года отнюдь не вскружил Чавесу голову в том, что касалось внутренних проблем страны. Он понимал, что предстоит сделать гораздо больше того, что уже было сделано.

В стране действительно все еще было много бедных. По доходам бюджетников била инфляция, острой оставалась жилищная проблема, не хватало новых рабочих мест. Из-за тотальной обструкции, попытки переворота и многочисленных забастовок оппозиции реальный ВВП страны упал в 2002 году на 8,9%, в 2003 году — еще на 9,2%. Но уже в 2004 году, который был относительно спокойным (оппозиция была увлечена борьбой за референдум), ВВП сразу вырос на 16,8%, почти отыграв потерянные для экономики страны 2002 и 2003 годы[2].

Темпы роста ВВП в Венесуэле в 2004–2005 гг. были самыми высокими в Латинской Америке, а в 2006 году ВВП увеличился еще на 10,3%.

---

[1] URL: http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1538655,00.html
[2] URL: http://www.indexmundi.com/g/g.aspx?c=ve&v=66

В расчете на душу населения (по паритету покупательной способности) ВВП Венесуэлы составил в 2002 году 8119 долларов, в 2003-м — 7499, в 2004-м — 8924. Для сравнения заметим, что ВВП России на душу населения в 2002 году равнялся 8842 доллара (по паритету покупательной способности).

До сих пор боливарианская революция была радикальной в основном только на словах. Вопреки упрекам оппозиции правительство Чавеса не проводило никакого радикального перераспределения доходов или собственности. Но именно этого и ждали миллионы чавистов. Боливарианские миссии существовали параллельно с уже действовавшими частными и государственными органами здравоохранения и образования. Это приводило к дублированию выполняемых задач и ненужным расходам бюджета. Но такой параллелизм был вынужденным — ведь Чавес не хотел закрывать частные учреждения, опять-таки, чтобы не подвергаться обвинениям в «коммунизме» и «кубанизации» со стороны оппозиции.

Но президент Венесуэлы давно понял, что радикально улучшить положение миллионов бедных в рамках существовавшей социально-экономической системы не удастся. Этого просто пока еще не осознали миллионы его сторонников. Многие венесуэльцы понимали под боливарианской революцией только дополнительную финансовую помощь от государства, но под влиянием многолетней антикоммунистической пропаганды люди боялись даже самих слов «социализм», а тем более «коммунизм». Опросы показывали, что более 80% венесуэльцев были решительно против отмены или ограничения частной собственности.

Но президент решил постепенно готовить своих сторонников к необходимости полной смены не только политической, но и экономической системы страны. Так родился лозунг «социализма XXI века».

Автором этого термина принято считать немецкого политолога и социолога Хайнца Дитериха (родился в 1943 году в Германии), жившего в Мексике. Дитерих изучал социологию в университетах Франкфурта-на-Майне и Бремена, прежде чем перебраться в Латинскую Америку, где он начиная с 1977 года преподавал социологию в университете Мехико. Его считали одним из ведущих представителей «новой бременской школы социологии», пытавшейся использовать в гуманитарных науках достижения кибернетики и квантовой механики.

Распад СССР заставил многих в мире переосмыслить само понятие «социализма». Если весь правый политический спектр мировой мысли утверждал, что социализм как таковой доказал свою несостоятельность и почил в бозе навсегда, то левые (к которым относился и Дитерих), полагали, что потерпела крах лишь одна и не самая удачная модель социализма, а сам социализм вполне еще может представлять альтернативу капитализму. Беду советского социализма многие левые в мире видели в излишней бюрократизации, недоверии правящих коммунистических партий к народным массам.

Но как должен был выглядеть альтернативный социализм нового тысячелетия?

Дитерих полагал, что средства производства должны принадлежать работающим, но не обязательно государству. Принцип рыночного ценообразования немец отвергал, хотя в основе цены он видел теорию стоимости Маркса. Цену должно определять время, потраченное на изготовление того или иного товара.

Такую же модель пытался в 1920 году предложить для России Николай Бухарин, считавшийся главным теоретиком-экономистом партии большевиков. Однако против решительно выступил Ленин — по теории Бухарина, получалось, что чем больше времени было затрачено на изготовление товара, тем он дороже. Это прямо противоречило задаче обеспечения роста производительности труда за счет внедрения новой техники. А чем выше производительность, тем меньше времени занимает производство любого товара и тем дешевле он для потребителя.

Политическая система «нового социализма» должна базироваться на непосредственном участии граждан в повседневном управлении. Государство должно постепенно воспитывать нового человека, ориентированного на общее благо, а не на личную выгоду. Само преобразование капитализма в социализм XXI века должно носить медленный и постепенный характер и осуществляться демократическим путем.

По большому счету ничего нового в этой теории не было. В социалистической Югославии до 1991 года предприятия уже передавались собственность трудовых коллективов (т. н. «самоуправленческий социализм»), да и в СССР такие предприятия тоже существовали — колхозы и кооперативы. В Советском Союзе граждане тоже имели право проводить местные сходы и добиваться отзыва выбранных ими депутатов. А моральный кодекс строителя коммунизма в СССР прямо говорил о воспитании нового человека завтрашнего дня.

Дитерих обошел внимание ключевой аспект, оделявший социализм от капитализма. При капитализме цену товара определял рынок, при социализме — государство в зависимости от планов развития экономики. В этом смысле Венесуэла при Чавесе оставалась капиталистической страной. Если же цены определяет рынок, то не имеет большого значения, кому принадлежит то или иное предприятие. Ведь любой собственник (частный или коллективный) будет вынужден работать на максимальную прибыль, а не на интересы других членов общества.

Таким образом, термин «социализм XXI века» носил скорее негативный характер. Те, кто его использовал, отвергали капитализм (отсюда ссылка на нечто альтернативное — «социализм»), но в то же время отрицали и прежнюю модель «советского» социализма (отсюда некая новизна — «XXI век»).

В условиях Венесуэлы этот лозунг был полезен, прежде всего, с тактической точки зрения — оппозиция яростно критиковала Чавеса за «кубанизацию», а на социалистической Кубе, мол, с экономикой все далеко не блестяще. Поэтом Чавес и назвал новое общество, к которому должна стремиться страна, новым социализмом, отличным от всех тех его моделей, что были раньше. При

социализме XXI века сохранится частная собственность, а государство не будет диктовать гражданам все их повседневные условия жизни, так как сами граждане смогу сменять любых государственных чиновников. Но любая собственность должна быть трудовой, то есть честно заработанной и ответственной перед всем обществом.

Сам Чавес подчеркивал, что «новый социализм» — не застывшая догма, что новое общество будет приобретать более конкретные черты уже в процессе его строительства: «Именно критическая и креативная, созидательная и освободительная способность народа дает жизнь новому обществу… После стольких провалившихся попыток в истории человечества, теперь настойчиво говорят о том, что лелеять мечты о социализме означает делать ставку на утопию. Однако следует предупредить, что за этим заявлением прячется нечто более опасное: уныние, которое кончается бездуховным конформизмом с одной стороны, а с другой стороны — разрушительным ударом против революционного энтузиазма…»[1]

Убедительная победа Чавеса на референдуме 2004 года позволила ему более открыто заговорить о социализме. В 2005 году президент Венесуэлы принял участие во Всемирном социальном форуме в бразильском городе Порто-Алегре. Такие форумы всегда проходили в январе как альтернатива Всемирному экономическому форму в Давосе, где собиралась элита мирового бизнеса. Если в Давосе хвалили монетаризм и глобализацию, то на Всемирных социальных форумах ругали бесчеловечных либералов и дискутировали о замене капитализма новым, более справедливым обществом.

Именно в Бразилии в январе 2005 года Чавес обрушился с яростной критикой на капитализм: «Капиталистическая модель извращенна. Она выгодна меньшинству и экспроприирует большинство. На смену капитализму обязательно придет новый социализм XXI века, который будет стремиться к «социальной справедливости, к равенству»[2].

В самой Венесуэле Чавес пытался приучать граждан к социализму осторожно и опираясь на действующее законодательство. Президент говорил: «Мы знаем, что социализм нельзя навязать посредством декрета. Он должен быть построен… коллективными усилиями (народа)»[3].

Как уже упоминалось, по закону об аграрной реформе 2001 года государство имело право отбирать у частных собственников необрабатываемые земли свыше 5000 га. Но до 2005 года Чавес не трогал латифундистов, наделяя нуждающихся землей из государственных фондов.

После нокаута оппозиции на референдуме 2004 года Чавес стал смелее. Летом 2005 года солдаты по приказу президента заняли огромное поместье «Ла Маркесенья» в родном штате Чавеса Баринас площадью в 8500 гектар. Когда-то молодой офицер Чавес находился со своей частью рядом с поместьем и видел, в

---

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 409–410.
[2] Jones B. Hugo. P. 437.
[3] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 408.

каких ужасных условиях живут те, кто батрачит на помещика. 25 сентября 2005 года Чавес вышел в прямой эфир своей традиционной телепрограммы «Алло, президент» прямо из конфискованного поместья: «Мы начали битву против крупных помещиков, чтобы отвоевать неотъемлемую предпосылку для национального проекта развития — землю»[1].

Предлогом для экспроприации было отсутствие у владельца латифундии Карлоса Аспуруа документов, подтверждавших законность приобретения земли (по закону 2001 года это было поводом для конфискации и ничего социалистического в этом не усматривали).

Однако Аспуруа неожиданно предъявил документы на землю, к тому же опросы показали, что 87% венесуэльцев выступают за уважение частной собственности. Чавес понял, что народ пока не созрел для социализма и немного отработал назад: часть поместья вернули собственнику, часть — осталась за государством: Аспуруа согласился «уступить» государству 85% поместья. Власти призвали 317самых крупных латифундистов последовать примеру Аспуруа.

Однако в отличие от Чавеса латифундисты и стоявшая за их спинами оппозиция вела борьбу за землю отнюдь не в белых перчатках. Были организованы банды (в том числе и из наемников-колумбийцев), которые терроризировали тех крестьян, кто осмеливался принимать передаваемую им государством землю. Например, после нападения неизвестных был два раза тяжело ранен крестьянский лидер Браулио Альварес.

Тем не менее, при поддержке государства крестьяне и горожане образовывали земельные комитеты, чтобы совместными усилиями защищать свои права на землю. В середине 2005 года работали 5600 земельных комитетов. В среднем в каждом комитете объединились 140–150 семей, что означало, что они охватывали почти 1 миллион человек (а с членами семей — 4 миллиона)[2]. Через комитеты зачастую и происходило наделение землей. Правительство надеялось, что и обрабатывать полученную землю на селе люди будут коллективно — в форме кооперативов. Комитеты образовывались и в городах, где жителям бедных предместий тоже передавали землю под строительство.

25 августа 2002 года был убит руководитель одного из земельных комитетов известный в стране хирург Педро Дориа. Его комитет спорил за право на государственную землю к югу от озера Маракаибо (нефтеносный район) с местным латифундистом. Говорили, что реальным собственником земли в том районе (примерно 60 тысяч га) является не кто иной, как бывший президент Венесуэлы Перес, предлагавший, как упоминалось, просто убить Чавеса.

Еще одной, более «социалистической», формой «социализма XXI века» стали в Венесуэле проекты так называемого «эндогенного (т. е. местного) развития». Теория «эндогенного развития» стала модной среди «новых левых» в 1990-е годы как альтернатива глобализации. Глобализация в ее либеральной

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 281.
[2] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 118.

форме означала постепенное вытеснение мощными транснациональными корпорациями местной промышленности в развивающихся странах.

Этому процессу и было призвано противодействовать «эндогенное развитие» в Венесуэле, хотя сама идея была популярной во многих странах мира — от Малайзии до Аргентины.

Государство при Чавесе поощряло создание мелких и средних предприятий, управление которыми передавалось самим их трудовым коллективам.

Например, в бедном предместье Каракаса Катия ПДВСА передала кооперативу свою бывшую заброшенную фабрику, где было налажено производство футболок и обуви.

Государственный завод по производству алюминия «Алкаса» был передан рабочим, которые сами избрали новый менеджмент. Практика привлечения рабочих к управлению была опробована и в государственном концерне КАДАФЕ, производившем 60% электроэнергии в стране.

Правительство также передавало рабочим либо брошенные, либо находившиеся на грани банкротства предприятия, например, фабрику по производству изделий из бумаги «Венепал». На фабрике был не только собственный бассейн, но и школа, бейсбольный стадион и даже аэродром. В декабре 2002 — феврале 2003 года владельцы закрыли фабрику, присоединившись к забастовке «меритократии». Локаут поставил предприятие на грань банкротства, которое 1700 сотрудников пытались предотвратить, захватив на время фабрику.

В январе 2005 года Чавес объявил о национализации «Венепал». Бывшим собственникам заплатили за их акции рыночную цену, половину акций передали самим работникам вместе с кредитом в 6,8 миллиона долларов на развитие производства. Помимо извлечения прибыли новые собственники должны были учитывать и интересы общества — например, производить тетради для «миссии Робинзон» по ликвидации неграмотности.

При этом Чавес осторожно заметил, что национализация «Венепал» — исключение и правительство не прибегнет к массовой национализации частных предприятий.

В начале 2004 года в Венесуэле стартовала новая боливарианская миссия «Вернуть лицо» по возрождению местной промышленности, сельского хозяйства и ремесел. Этой миссии с самого начала придавалось важное идеологическое значение — создаваемые в ее рамках предприятии должны были стать первыми островками социализма в море капиталистической экономики. В рамках миссии безработным и бедным венесуэльцам преподавали технологические и управленческие навыки, необходимые для создания кооперативов и самоуправляющихся предприятий.

Например, в сельской местности людей учили микро-туризму — как правильно подготовить свое жилье к приему гостей, чем их потчевать и т. д. В других местах на двухмесячных курсах крестьян учили выращивать овощи на гидропонике.

К маю 2005 года в рамках миссии нашли новую работу 300 тысяч венесуэльцев. К середине 2006 году через нее прошел 1 миллион человек. Каждому участнику миссии платили 186 тысяч боливаров месяц[1].

С помощью новых социально и экологически ориентированных рабочих мест люди должны вновь возвращать себе творческий потенциал и человеческое достоинство (отсюда и название миссии).

Конкретной целью программы было увеличение занятности в первичном секторе (в основном в сельском хозяйстве) с 10,5% до 20% активного населения, в промышленности — с 25 до 50% за счет сокращения неформального сектора, где люди перебивались случайными заработками.

В сентябре 2005 года был принят закон о создании социальных производственных предприятий (испанская аббревиатура EPS). Целью этих предприятий было не только извлечение прибыли, но и такие моральные ценности как «солидарность, сотрудничество, комплементарность, и равенство». На таких предприятиях не должно было быть социальной дискриминации, расовых предрассудков и привилегий, связанных с должностью того или иного сотрудника. Как минимум 10% своей прибыли такие предприятия должны были инвестировать в социальное развитие той местности, где они работали. Форма собственности в таких предприятиях должна была быть государственной, коллективной, либо смешанной (с участием частного капитала).

Отвечающие критериям EPS предприятия имели право на различные льготы — дешевые государственные кредиты или преимущественное участие в госзакупках.

К середине 2006 года было зарегистрировано 500 EPS, а еще 7000 предприятий находились в процессе регистрации[2].

В сентябре 2004 года Чавес отдал указание всем государственным предприятиям и органам покупать программное обеспечение для компьютеров только у независимых местных производителей. Президент хорошо помнил, во что обошлась стране нефтяная забастовка, в которой участвовали филиалы американских компьютерных компаний. Теперь покупать программное обеспечение за рубежом можно было лишь в случае отсутствия такого в самой Венесуэле. Чавес объяснил эту меру стремлением завоевать «национальную научную независимость, с тем чтобы мы больше не зависели от частников в программном обеспечении. Если допустить что у знания не должно быть частного владельца, то тогда интеллектуальная собственность — это ловушка, поставленная неолиберализмом»[3].

Естественно, что такая политика Чавеса очень не понравилась американской компании «Майкрософт», до тех пор монопольно владевшей рынком программного обеспечения в Венесуэле.

---

[1] В 2003 году за один доллар давали 1600 боливаров, в 2004 году — 1920.
[2] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 82.
[3] Ibid. P. 102.

Все квазисоциалистические реформы Чавеса в 2004–2006 гг. были очень осторожными и носили характер отдельных экспериментов, хотя оппозиция упрекала президента в том, что он меняет колеса по ходу движения автомобиля.

Однако в пользу Чавеса однозначно говорила макроэкономическая статистика за 2005 год, первый год «эры Чавеса», когда оппозиция не прибегала к массовым акциям по дестабилизации правительства. ВВП Венесуэлы вырос на 9,3%. Доход на душу населения увеличился с 4020 долларов 2004 году до 4810 в 2005. При этом Чавес избегал фискального популизма, и инфляция снизилась с 23% в 2004 году до 14,4% — в 2005-м.

Такой низкой инфляции в Венесуэле не отмечалось с момента начал неолиберальных экспериментов МВФ в 1989 году.

Внешний долг страны вырос с 24,8 миллиарда долларов в 2004 году до 31 миллиарда — в 2005-м, но благодаря высоким мировым ценам на нефть общая финансовая ситуация страны улучшилась. Ровно в такой же пропорции выросли и золотовалютные резервы — с 21,1 миллиарда долларов в 2004 году до 30,3 — в 2005-м, и теперь страна могла теоретически немедленно расплатиться по долгу. При этом краткосрочная задолженность Венесуэлы не росла и колебалась в районе 4,3 миллиарда долларов. Если в 2003 году на обслуживание внешнего долга уходило 29,8% экспортной выручки, то в 2004 году — всего 16%[1]. А вот любимчик США — Колумбия тратила на эти цели 33% доходов от экспорта.

В целом ситуация с внешним долгом в 2006 году была у Венесуэлы самой благоприятной из всех стран Латинской Америки.

Общая сумма всей задолженности государства (сумма внутреннего и внешнего долга) составила в 2004 году 39% ВВП, то есть была гораздо ниже, чем в США, Японии и почти во всех странах Западной Европы.

Нога в ногу вместе с хорошими макроэкономическими данными шли и показатели социального развития. В 2005 году до невиданно низкого уровня в 11,4% упала безработица (в 2003 году она равнялась 18,5%)[2]. Детская смертность снизилась с 18,5 (на тысячу живорожденных, 2003 год) до 15,85 (2005)[3]. Венесуэла ровно в два раза превосходила Россию по коэффициенту рождаемости (количество рожденных детей на одну женщину) — 2,7 против 1,3. Уровень иммунизации детей в возрасте 1–2 лет от кори при Чавесе вырос с 60% до 80%[4].

Средняя продолжительность жизни в Венесуэле в 2005 году составила 73,18 года (по другим данным — 74 года; 1999 год — 72,94)[5].

Но главной целью Чавеса, миссией его жизни, была ликвидация бедности в стране. В 1999 году к бедным официально относились 42,8% венесуэльцев. К 2000 году удалось сократить эту долю до 39,25%, но после нефтяной забастов-

---

[1] Мир в цифрах 2006. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2007. С. 58.
[2] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez. New York, 2006. P. 294–295.
[3] В России этот показатель в 2004 году составил 17 человек на тысячу живорожденных.
[4] Мир в цифрах 2006. Статистический справочник Всемирного банка. М., 2007. С. 58.
[5] В России в 2004 году средняя продолжительность жизни не превышала 65 лет.

ки в 2003 году бедных опять стало больше — 54%. Однако во второй половине 2005 года благодаря в том числе и боливарианским миссиям доля бедного населения опять упала до 37,9%. Причем в статистике учитывались лишь денежные доходы, если же принять внимание социальные льготы в рамках миссий, то количество бедных было еще ниже.

Нефтяные доходы поначалу не играли слишком большой роли в социальных программах Чавеса — речь скорее шла об их перераспределении после «ренационализации» ПДВСА в 2003 году. В 1999 году Венесуэла получила от нефти 6 миллиардов долларов в 2000 году — 11, но в 2002 году — лишь 8, а в 2003 году — 9,7[1].

Но начиная с 2004 года, когда рост цен на нефть стал постоянным и быстрым, нефтяные доходы страны существенно возросли — с 13,5 миллиарда долларов в 2004 году до 18,9 миллиарда — в 2005-м. Но об общем экономическом климате в стране красноречиво свидетельствовали и ненефтяные доходы государства, т. е. поступления от налогов с частного бизнес и от госкомпаний: они выросли с 14 миллиардов долларов в 1999 году до 20 миллиардов — в 2005.

Таким образом, венесуэльский бизнес, несмотря на всю «кубанизацию» чувствовал себя при «диктаторе» Чавесе более чем нормально. Более того, доля частного бизнеса в экономике в первый период правления Чавеса только выросла.

Хорошая экономическая ситуация в стране вкупе с позорным проигрышем на референдуме 2004 год сильно деморализовала венесуэльскую оппозицию в преддверии президентских выборов 2006 года.

Единым кандидатом от оппозиции стал губернатор самого богатого нефтеносного штата Сулия Мануэль Росалес[2]. Росалес с юности активно работал в АД, будучи членом руководства молодежной организации партии в штате Сулия, в 1996–2000 гг. Росалес был мэром столицы штата Сулия города Маракаибо. На выборах губернатора Сулии выставленный АД Росалес потерпел в 1998 году поражение от соратника Чавеса по восстанию 1992 года Ариаса Карденаса. Тогда в 2000 году Росалес быстро распрощался с АД и основал свою региональную партию «Новые времена». Маскировка помогла, и на выборах 2000 года он был-таки избран губернатором с 51% голосов. На выборах 2004 года в штате Росалеса подержали уже все оппозиционные партии, стремившиеся любой ценой не допустить победы в главном нефтеносном штате кандидата от партии Чавеса. Росалес удержался в своем кресле с 54% голосов (чавист получил 44%).

Помимо губернатора штата Нуэва Эспарта Росалес в 2004 году оказался единственным главой региональной власти от оппозиции.

В 2002 году Росалес подписал антиконституционный декрет путчиста Кармоны, но его за это никто не преследовал. Потом Росалес оправдывался, что

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 89.
[2] Родился в 1952 году, начинал свою карьеру с должности школьного учителя.

совершил ошибку, находясь в состоянии «конфузии», хотя и руководствовался исключительно целями «укрепления благосостояния страны» Причем сам Росалес предлагал «Педро Короткому» привлечь Чавеса к уголовной ответственности за восстание 1992 года (тоже, видимо, в состоянии конфузии).

Между тем, в 2004-2005 гг оппозиция продолжала получать от Чавеса один электоральный нокаут за другим.

В октябре 2004 года на региональных выборах чависты взяли 20 кресел губернаторов штатов из 22. Оппозиция потеряла 6 из 8 губернаторских постов. Бывший соперник Чавеса на президентских выборах 1998 года Салас Ремер перестал быть губернатором штата Карабобо. Губернатор штата Миранда Энрике Мендоса, которого оппозиция рассматривала как наиболее достойного единого кандидата на президентских выборах 2006 года, проиграл вице-президенту Диосдадо Кабельо. В штате Баринас отец президента Уго де лос Рейес был переизбран и получил 76% голосов.

Получалось, что любой человек, имевший на своей стороне поддержку сверхпопулярного Чавеса, мог стать губернатором практически любого штата.

Тяжелым ударом для оппозиции был проигрыш в борьбе за пост мэра Каракаса (которому подчинялась столичная полиция) — чавист Хуан Баррето набрал 60% голосов, победив бывшего кандидата на пост президента в 2000 году Клаудио Фермина (39%). В целом из 332 постов мэров чависты выиграли 270 (83%).

Правда, 52% избирателей на региональных выборах к урнам не пришло, но для местных выборов такой уровень участия был нормальным — многих венесуэльцев интересовала только президентская гонка. Участки охраняли 120 тысяч военных и полицейских, но обошлось без эксцессов.

Чавес прокомментировал выборы следующим образом — «оппозиция сама роет себе могилу». Действительно, избирателям уже порядком надоела тотальная обструкция со стороны оппозиции любых мер правительства, тем более что никакой внятной альтернативы не предлагалось.

По мере приближения парламентских выборов (намеченных на декабрь 2005 года) опросы показывали, что оппозицию ожидает форменный разгром.

Даже самые «дружественные» оппозиционерам опросы общественного мнения предсказывали противникам Чавеса не более трети депутатских кресел. В этих условиях оппозиция стала искать предлог для того, чтобы обвинить власти в каких-нибудь нарушениях и гордо отказаться от участия в голосовании.

Так и произошло. Оппозиционеры выразили наблюдателям от ОАГ и ЕС свое недоверие по отношению к машинам, сканировавшим отпечатки пальцев избирателей — мол, их можно легко перепрограммировать для повторного голосования любого человека. По просьбе ОАГ Национальный избирательный совет Венесуэлы объявил 28 ноября 2005 года, что он не будет использовать эти машины. Мало того, совет согласился с требованием оппозиции провести после выборов аудит 45% всех машин, а не 10% как предполагалось ранее.

Но оппозиции нужен был предлог и всего за несколько дней до голосования пять оппозиционных партий (в том числе АД, КОПЕЙ и «Справедливость превыше всего») объявили о снятии своих кандидатов. Правда сам Каприлес настаивал на участии выборах, чтобы критиковать в парламенте вносимые Чавесом законы, но его позиция не нашла поддержки большинства его же однопартийцев.

Наблюдатели от ЕС выразили свое разочарование действиями оппозиции, охарактеризовав решение Национального избирательного совета как справедливое, своевременное и непредвзятое. Критика оппозиции со стороны ОАГ была еще более прямой — своим решением оппозиция пытается подорвать демократический процесс волеизъявления граждан и представить избранный без ее участия парламент как нелегитимный.

Но именно этого оппозиционеры и добивались.

«Нью-Йорк Таймс» так прокомментировала тактику венесуэльской оппозиции: «Решение оппозиции, видимо, нацелено на получение международной поддержки и дискредитацию венесуэльского правительства, у которого очень высокий рейтинг поддержки в народе»[1]. Вице-президент Венесуэлы Ранхель заявил, что оппозиция сняла кандидатов после консультаций с посольством США в Каракасе. Некоторые деятели АД прямо признали, что решение о неучастии выборов имело лишь одну причину — избежать нового электорального разгрома как во время референдума 2004 года.

Об этом без обиняков сказал и президент: «Какие (возможные) фальсификации? Давайте скажем правду: у них просто нет голосов избирателей… Вот и все, а они просто ищут для себя оправдание»[2].

При этом еще примерно за месяц до выборов — 8 ноября 2005 года — лидер КОПЕЙ Сесар Перес Вивас заявил, что «неучастие большинства населения не поможет нам избавиться от этого режима»[3]. Теперь, видимо, в позиции большинства вчерашние олигархи уверены не были.

В текущем созыве Национального собрания (165 мест) у оппозиции было 79 кресел (в том числе 23 — у АД), у сторонников Чавеса — 86.

За день до голосования был подорван трубопровод ПДВСА в штате Фалькон. Сами парламентские выборы 4 декабря 2005 года прошли относительно спокойно, если не считать взорванных в Каракасе трех самодельных небольших бомб.

«Движение за Пятую республику» Чавеса набрало 60% (2 миллиона голосов) и получило 116 мест в парламенте. На втором месте оказались союзники Чавеса из партии «За социальную демократию»[4] (испанская аббревиатура ПОДЕМОС, что как слово в переводе означает «мы можем») — 8,2% (18 мест).

---

[1] URL: http://www.nytimes.com/2005/12/05/international/americas/05venez.html?hp&ex=1133758800&en=d9095e8fb2de81a9&ei=5094&partner=homepage&_r=0

[2] URL: http://venezuelanalysis.com/news/1496

[3] URL: http://venezuelanalysis.com/news/1496

[4] Партия была членом Социалистического интернационала.

«Родина для всех» (союзники Чавеса еще с 90-х годов) получила 6,8% (10 мест), коммунисты (тоже поддерживашие Чавеса) — 2,7% (7 мест).

Правда, к участкам, в том числе и из-за бойкота оппозиции, пришли всего 25,26% избирателей. Для Чавеса это был тревожный сигнал — люди доверяли ему лично, но никак не отдельным партиям, включая и его «Движение за Пятую республику».

Но как бы там не было, выборы были законными, и у сторонников Чавеса теперь было более двух третей голосов — необходимое для изменения конституции квалифицированное большинство.

Перед президентскими выборами 2006 года «Сумате» предложила провести в августе 2006 года «праймериз» среди всех потенциальных оппозиционных кандидатов, чтобы выбрать наиболее популярного. Но один из возможных претендентов Теодоро Петков заявил, что предложенная «Сумате» процедура «праймериз» «авторитарна» и напоминает ему пресловутый декрет Кармоны от апреля 2002 года. Другие девять оппозиционных кандидатов обрушились с критикой на самого Петкова.

Но 9 августа 2006 года «Сумате» вдруг объявила, что «праймериз» не будет, так как единый кандидат и так уже намечен — оппозиция торжественно провозгласила Мануэля Росалеса «оппозиционным кандидатом единства». Его подержали 44 партии и организации от бывшего левого партизана (и троцкиста) Петкова и сталинистской партии «Красное знамя» до еще влачивших жалкое существование АД и КОПЕЙ, а также «Справедливости…» Энрике Каприлеса. Кандидат от «Справедливости» Борхес, снявший свою кандидатуру в пользу Росалеса, планировался на пост вице-президента (в Венесуэле вице-президент не избирается, а назначается победившим президентом).

В поддержку Чавеса выступили 25 партий: помимо его собственной MVR, это были коммунисты, Социалистическая лига, «Родина для всех» и ряд более мелких левых партий.

Остальных 12 кандидатов на пост президента (включая четырех женщин) всерьез никто не воспринимал.

На стороне оппозиции по-прежнему было большинство средств массовой информации. Правда, в декабре 2004 года был принят новый закон о социальной ответственности прессы, запрещавший показ сцен с сексом и насилием с 7.00 до 23.00 с целью защиты нравственного здоровья подрастающего поколения. Были существенно повышены санкции за клевету в адрес любого гражданина, включая должностных лиц — с 8 дней ареста до года заключения. В случае злостного нарушения законодательства у любого СМИ теперь могли отобрать лицензию.

Оппозиция сразу же заклеймила закон как «узду» для свободной прессы. Частные телеканалы пыталась высмеять новый закон, например, таким образом — они передавали на словах сообщение об очередном ужасном ДТП в Каракасе, но показать его обещали лишь после одиннадцати вечера.

После принятия закона частный телеканал «Веневизион» убрал из эфира своего самого популярного ведущего ток-шоу Наполеона Браво, который терпеть не мог Чавеса и активно поддержал путч Кармоны. Но в целом тональность частных СМИ по отношению к президенту нисколько не изменилась. Чавес по-прежнему был «тираном», «диктатором» «коммунистом» и т. д.

Оппозиция (как и раньше состоявшая в основном из белых и богатых) не стеснялась оскорблять главу государства — первого президента Венесуэлы не с лилейно-белой кожей — используя расистские предрассудки большой части населения. Например, в словосочетании «ми команданте» («мой командующий» — так многие обращались к Чавесу) переставляли ударение, и получалось «мико манданте» — «президент-обезьяна».

Чавес избрал главной темой своей избирательной кампании защиту национального суверенитета, своих соперников он называл «марионетками США». Президент говорил, что на предстоящих выборах будет только два реальных кандидата — он сам и президент США Буш[1]. Начиная с 9 октября 2006 года основные слоганы компании поменялись. Теперь ими были «За любовь» (нацелен на тех, кто устал от бесконечной поляризации политической жизни)[2] и «Чавес, победа Венесуэлы». Предвыборный штаб Чавеса — «команда Миранды» — поставил фантастическую задачу — набрать 10 миллионов голосов.

Оппозиция на этот раз все-таки поняла, что не сможет победить только за счет голосов зажиточных венесуэльцев и ей придется что-то предложить и бедным гражданам страны. Росалес (его цветом в гонке был голубой) решил не скупиться на посулы, и вел крайне популистскую компанию. Например, он обещал выдать каждому жителю страны кредитную карточку, куда будет перечисляться 20% от всех нефтяных доходов Венесуэлы. Саму карточку Росалес назвал «Ми негра» (то есть «моя черненькая»). Помимо цвета нефти это название должно было апеллировать и к темнокожим избирателям, которые обычно голосовали только за Чавеса[3].

Росалес даже обязался продолжить аграрную реформу, но землю требовал выкупать у частников за справедливое вознаграждение. А ликвидации бедности, по мнению Росалеса, мешали программы помощи Чавеса другим странам, особенно продажа нефти по льготным ценам на Кубу. Явно с подачи США Росалес бичевал президента за «наращивание вооружений», имея виду начавшиеся закупки оружия в России. «Русское оружие», таким образом, тоже мешало побороть бедность. При этом слова о борьбе с бедностью слушали сторонники Росалеса в рубашках лучших мировых брендов и в стильных и дорогих солнцезащитных очках.

Фактически Росалес пытался «перехватить» всю социальную программу Чавеса, но осуществить ее «более эффективно».

---

[1] Именно на осень 2006 года — начало избирательной кампании — и приходится известное выступление Чавеса в ООН.

[2] Согласно опросам этот лозунг поддержали почти 77% веесуэльцев.

[3] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 291.

Главным предвыборным лозунгами оппозиции стали «Дерзайте с Мануэлем Росалесом!» и «Ни империи, ни бороды!» (т. е. ни США, ни Кубы). Росалес вдруг стал патриотом: «Империя должна уважать наш суверенитет, и мы должны уважать империю, но мы не можем видеть в таком обществе как Куба модель, которую следовало бы копировать. Мы хотим современности, трансформации, развития». Таким образом, даже оппозиции пришлось бороться с Чавесом фактически под антиамериканским знаменем.

Росалес предложил Чавесу теледебаты на любом канале, но глава государства ответил, что у оппозиции «нет ни одного кандидата, способного даже дебатировать со школьниками из 6-го класса боливарианской школы».

На кульминационном митинге оппозиции по завершении избирательной кампании (его помпезно назвали «лавиной») Росалес, как и было принято среди олигархии, не стал особо щадить президента: «3 декабря (день выборов. — *Прим. авт.*) придет конец этому режиму. Чависты хотят промыть всем школьникам мозги. Они не уважают частную собственность и хотят приказывать нам, что есть и как одеваться. Они хотят контролировать все!»[1]

Росалес явно хотел вдохнуть в своих сторонников хотя бы какую-нибудь надежду: ведь даже опрос американского информационного агентства «Ассошиейтед Пресс» показывал, что за Чавеса готовы проголосовать как минимум 59% избирателей.

26 ноября 2006 года провел смотр своих сторонников и Чавес. Огромный митинг окрестили «красной волной, захватывающей Каракас». В отличие от Росалеса главной темой своего выступления Чавес избрал любовь: «Я всегда все делал из любви. Из-за любви к деревьям и рекам я стал художником. Из-за любви к знаниям, к учению, я покинул свою любимую деревню, чтобы учиться. Из-за любви к родине я стал солдатом. Из-за любви к народу я стал президентом, вы сделали меня президентом. И я правил все эти годы, руководствуясь любовью… И мне нужен ваш голос, голос во имя любви!»[2]

В Венесуэле присутствовали наблюдатели от ОАГ, ЕС, МЕРКОСУР и Центра Картера.

На выборы 3 декабря 2006 года пришло 75% избирателей — рекорд за всю историю Венесуэлы. И Уго Чавес показал свой лучший на тот момент результат — 62,84% (7,3 миллиона голосов). Росалес был разгромлен — 36,9% (4,3 миллиона) и признал свое поражение. Ведь при таком разрыве нельзя было убедить ни соотечественников, ни международных наблюдателей, что были какие-то фальсификации. Центр Картера охарактеризовал выборы как «честные, транспарентные, и без серьезных нарушений». Бывший президент США поставил венесуэльские выборы в пример всем другим странам Латинской Америки как образец «зрелого гражданского общества».

Тем не менее Росалес все же утверждал (опять со ссылкой на некие экзит-поллы), что его отрыв от Чавеса на самом деле меньше и призвал сторонни-

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 290–291.
[2] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Venezuelan_presidential_election,_2006

ков оппозиции выйти на улицы. Национальный избирательный совет провел выборочный случайный аудит 53,4% бумажных талонов (электронных машин, печатавших эти талоны, которые избиратели бросали в урны, на выборах работало 32 331).

Никаких нарушений обнаружено не было.

Собственная популярность в народе по обыкновению не вскружила Чавесу голову. Наоборот, он понял, что пришла пора срочно менять политическую систему страны. Ведь он был смертен и путч 2002 года зримо показал это. А пока весь государственный механизм работал в режиме «ручного управления». Чавес снимал и назначал министров часто в прямом эфире телепрограммы «Алло, президент». Людям это нравилось, но самому президенту — нет.

Чавес прекрасно сознавал, что у него нет настоящей партии единомышленников. В его наспех сколоченное перед выборами 1998 года «Движение за пятую республику» входили люди с диаметрально противоположными взглядами. Много было бывших военных, которых кроме личной дружбы с президентом ничего не связывало ни с «боливарианской революцией», ни тем более с «социализмом XXI века». Но у этих офицеров был хотя бы какой-то опыт управления повседневными делами. А вот левые теоретики из мелких партий и групп (другой столп «Движения за Пятую республику) никогда и ничем не управляли, а поэтому выдвигали иногда прекрасные, но бесконечно далекие от реальности идеи.

Например, среди новых левых под влиянием крушения советского «бюрократического» социализма в 1990-е годы был модным полуанархистский лозунг максимальной децентрализации государственной власти, передачи чуть ли не всех полномочий на места. На этой идейной основе возникали и «боливарианские миссии». Но вскоре выяснилось, что все проекты все равно надо координировать из центра, иначе не ясно, сколько надо напечатать для страны учебников или выпустить лекарств. Ведь местные органы могли осветить лишь местную ситуацию во всех этих вопросах.

Чавес, который всегда умел признавать ошибки и быстро менять тактику, вскоре понял, что для глубокой трансформации страны все равно не обойтись без мощного и эффективного госаппарата. Ведь если государство намеревалось играть более активную роль в экономике, культуре и социальной сфере, нужны были кадры, которые бы проводили все эти меры в жизнь. Не могли же всем заниматься граждане в свободное от основной работы время. А опытных управленцев катастрофически не хватало: ведь все 1990-е годы прошли под знаком неолиберализма и ликвидации государственного присутствия почти во всех сферах венесуэльской действительности. К тому же, большинство чиновников, доставшихся Чавесу «в наследство» от эпохи Пунто-Фихо, были ярыми врагами боливарианского проекта, или хрестоматийными равнодушными столоначальниками, желавшими поменьше работать и побольше получать.

Поэтому в первое время Чавес вынужденно назначал на ответственные посты много офицеров, за что оппозиция упрекала его в «милитаризации»

государственного управления. Военным опытом президента объяснялась и терминология многих его политических и экономических проектов — «битва», «штаб», «команда» и т.д.

Но все миссии, кружки, «патрули» и «эскадроны» были хорошим средством мобилизации активности масс на какое-то короткое время и для решения узко определенных задач. Однако заниматься повседневным и долгосрочным планированием реформ в масштабах страны они конечно не могли.

Еще в ноябре 2004 года Чавес дал резкую отповедь проповедникам децентрализации: «Среди нас все еще есть люди, которые по-прежнему некритически защищают децентрализацию. Революционный процесс идет как раз в обратном направлении, он дожжен укреплять национальное единство. Мне никогда не нравилось слово «децентрализация». И знаете почему? Потому что оно звучит как обезглавливание. Но если обезглавливание означает удаление головы, то децентрализация означает удаление центра, но всему в мире нужен свой центр»[1].

В 1999 году государственные расходы составляли 18% ВВП, а в 2005 году уже — 37%. Чавес хотел активнее проводить преобразования, пока была высокой мировая цена на нефть. Неудивительно, что по мере углубления революции в Венесуэле рос и занимавшийся реформами госаппарат.

В 1999 году в стране было 17 министерств, и Чавес сначала сократил их количество до 14 (это было популярно в народе). Но после забастовки 2002–2003 года президент понял, что государство должно активнее вмешиваться в жизнь, иначе не преодолеть сопротивления хорошо окопавшейся в бизнесе и в СМИ олигархии. В 2004 году в Венесуэле уже было 24 министерств и 100 заместителей министров (из всех стран Латинской Америки больше было лишь в Бразилии — 36).

Однако рост численности госаппарата не всегда сопровождался таким же повышением его эффективности. Вновь стала поднимать голову (точнее головы) коррупция — Чавес назвал коррупцию «тясячеголовым монстром». Конечно, президент старался вникать во все дела — он работал обычно до 2–3 часов ночи. Любого министра могли неожиданно пригласить в программу «Алло, президент», где всегда хорошо подготовленный и обладавший феноменальной памятью Чавес требовал от должностного лица цифр, графиков, объяснений.

Не справившихся министров и других чиновников увольняли, но никакого солидного и главное опытного кадрового резерва у президента не было. Чавес с горечью признавал, что слишком часто назначения происходят по указанию пальца: «И слишком часто это мой палец».

Уставшие от некомпетентности чиновников на местах люди со всеми вопросами, даже сами мелкими, стремились обращаться к Чавесу. Фидель Кастро даже призвал венесуэльцев пожалеть здоровье своего президента — «Чавес ведь не мэр каждого городка».

---

[1] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 283.

Через две недели после своего переизбрания Чавес объявил о создании единой социалистической партии своих сторонников на базе мелких движений и групп, которые его ранее поддерживали. Именно эта партия и должна была стать кузницей кадров и инструментом контроля над госаппаратом. Условие президента было жесткое — впервые в истории Венесуэлы новая партия должна была сформировать все свои руководящие органы «снизу вверх» путем демократических выборов.

Именно эта партия и должна была обеспечить преемственность революционной политики в случае смерти (или убийства) главы боливарианского проекта. К тому же Чавес просто устал играть постоянную роль арбитра в дискуссиях и склоках более 20 партий и движений, входивших в число его официальных союзников.

Но сделать новую партию столь же популярной, как и сам Чавес, было очень тяжело — со времен коррупционной эпохи Пунто-Фихо венесуэльцы традиционно относись ко всем партиям (тем более правящим) с недоверием, как к кормушкам для политиканов.

Инициативу Чавеса по формированию Социалистической единой партии Венесуэлы (СЕПВ, Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV) помимо его собственного «Движения за Пятую республику» поддержали Социалистическая лига, «Венесуэльское народное единство», «Избирательное движение народа» и другие. Суммарно партии-основатели СЕПВ внесли в копилку Чавеса на президентских выборах 2006 года 46% голосов.

Вступление в новую партию было добровольным, и самые мощные союзники Чавеса из левого лагеря — коммунисты и социал-демократы из ПОДЕМОС (они на выборах 2006 года добавили Чавесу примерно 14,6%) — отказались в нее войти.

Естественно, что оппозиция опять заговорила о «кубанизации» и превращении Венесуэлы в однопартийное государство. Но ведь никто не заставлял саму оппозицию распускать свои партии, а тем более вступать в СЕПВ.

7 марта 2007 года Чавес представил детальный план формирования социалистической партии, которое должно было завершиться к декабрю 2007 года. Глава государства в прямом эфире «Алло, президент» призвал еще колебавшихся коммунистов и социал-демократов все же передумать и войти в СЕПВ, но те решили подождать опубликования программы новой партии.

С 12 января по 2 марта 2008 года прошел учредительный съезд СЕПВ (1681 делегат) и Чавес ожидаемо был 14 марта избран лидером партии.

Чавес с удовлетворением отметил, что СЕПВ получилась самой молодой левой организацией в мире — средний возраст членов не превышал 35 лет. По состоянию на 2007 год СЕПВ была и самой большой левой партией Западного полушария — 5,7 миллиона человек. Больше членов было лишь в компартии Китая.

Позднее тональность президента по отношению к не вступившим в СЕПВ бывшим союзникам резко изменилась. Во время региональных выборов

2008 года Чавес сказал, что коммунисты и прочие не вошедшие в СЕПВ партии «исчезнут, так как они трусы и манипуляторы»[1].

В 2010 году на чрезвычайном съезде СЕПВ партия была определена как «революционный авангард» народа, а ее основными принципами названы боливаризм, марксизм, гуманизм, социализм, интернационализм и патриотизм.

После президентских выборов 2006 года Чавес объявил об отзыве лицензии у одного из самых популярных частных телеканалов RCTV. В качестве обоснования такого решения было приведено активное участие телеканала в перевороте 2002 года и нефтяной забастовке 2002–2003 гг. (что было абсолютной правдой), а также необходимость проверки соответствия деятельности канала действующему законодательству.

RCTV любили, прежде всего, за мелодрамы и заимствованные из США шоу типа «Кто хочет стать миллионером?»

Оппозиция осудила закрытие канала как шаг в сторону диктатуры, а сторонники Чавеса бурно приветствовали эту меру, как давно назревшую. Многие (в том числе и сторонники) критиковали Чавеса за то, что меры против RCTV (хотя и абсолютно законные) носили выборочный характер. Ведь путчистов в 2002 году поддержали и другие частные телеканалы — «Веневизион», «глобовизион» и «Телевен». Однако после путча «Веневизион» и «Телевен» существенно смягчили свою критику властей, хотя бы в том, что касалось ее тональности. Однако «Глобовизион», передававший новости 24 часа в сутки, так же как и раньше, жестко критиковал власти по любому поводу. Но если лицензия RCTV истекала в мае 2007 года, и правительство имело право ее не продлевать, то лицензия «Глобовизион» действовала до 2014 года, а законодательство Чавес соблюдал.

Из 81 венесуэльских телекомпаний 79 осталось в частной собственности, из 709 радиостанций — 706. Частными были и 118 газет.

17 апреля 2007 год Верховный суд Венесуэлы признал решение властей по RCTV законным. 19 мая в знак протеста против решения правительства на улицы Каракаса вышли примерно 30 тысяч человек — немного, если учесть те сотни тысяч, которые ранее собирала на митинги оппозиция. Но оппозиционеры все же попытались опять превратить шествия в силовые акции гражданского неповиновения. 21 мая на улицы вышли сотни журналистов, требовавших «спасти свободу слова», 25 мая за ними последовали студенты. 27 мая тысячи демонстрантов собрались перед зданием КОНАТЕЛ (государственной Национальной комиссии по телекоммуникациям, отвечавшей за лицензирование теле- и радиоканалов) и начали активно провоцировать полицию, бросая в стражей порядка камни и бутылки. Полиция ответила слезоточивым газом и резиновыми пулями. Несколько офицеров полиции было ранено.

RCTV торжественно ушла из эфира — ее сотрудники исполнили напоследок государственный гимн, затем экран траурно почернел. Но уже 28 мая на

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/United_Socialist_Party_of_Venezuela

этой же частоте стала работать еще одна государственная телекомпания «Твес» (Tves). Новый телеканал открыл вещание тоже национальным гимном и выступлением известного во всем мире венесуэльского молодежного оркестра под управлением Густаво Дудамеля.

Между тем демонстрации протеста продолжались на улицах Каракаса до 1 июня 2007 года. 29 мая произошли новые схватки с полицией, когда манифестанты попытались заблокировать одну из самых главных транспортных артерий столицы. 17 человек поучили ранения.

2 июня на улицы Каракаса вышли уже десятки тысяч сторонников Чавеса, поддержавших решение президента о закрытии RCTV.

Сенат США по инициативе сенаторов Лугара и Додда принял резолюцию с осуждением закрытия RCTV. Спикер нижней палаты конгресса Пелоси назвала решение Чавеса попыткой «заткнуть рот» оппозиции. «Озабоченность» выразили также госдепартамент США, сенаты Бразилии и Чили, а также Европейский Союз.

Чавес в ответ назвал сенат Бразилии «марионетками США», чем вызвал отрицательную реакцию своего друга президента Бразилии Лулы: «Чавесу следует заниматься делами Венесуэлы, а делами Бразилии займусь я». При этом Лула был вынужден заметить, что решение закрыть RCTV является внутренним делом Венесуэлы. Тогда не совсем ясно, почему сенаторы от его Партии труда голосовали за осуждение Венесуэлы.

Венесуэле выразила поддержку Куба, а также президенты Никарагуа (Ортега) и Боливии (Моралес), лично позвонившие Чавесу. «Уважение» суверенного решения Венесуэлы выразил и президент Эквадора Корреа.

Но триумфально победивший на выборах Чавес не хотел ограничиваться инициативами лишь в политической области. Настало время постепенно и осторожно, но все же приступать к строительству социализма в экономике.

Впервые он принес присягу президента словами «Социализм, родина или смерть!»

В январе 2007 года, представляя свой новый кабинет, Чавес объявил о грядущей национализации всего того, что было приватизировано в 90-е годы: энергетики, телекоммуникаций, нефтегазовой промышленности. Фактически речь шла о переходе под контроль государства базовых секторов венесуэльской экономики. Но тактически это было обставлено лишь как возвращение венесуэльскому государству той роли в экономике, которую оно уже играло до 1989 года.

В сфере телекоммуникации была национализирована компания CANTV, владевшая всей системой проводной телефонной связи в стране. Когда-то эту госкомпанию приватизировали именно с целью улучшения телефонной связи. В этом смысле новый мажоритарный владелец CANTV американская компания Verizon (28,5% акций) преуспела не сильно. Многие венесуэльские фирмы нанимали специальных секретарш, которые целыми днями пытались набрать нужный телефонный номер. При этом тарифы на телефонную связь постоянно

росли, но CANTV не занималась телефонизацией бедных и отдаленных районов страны, что мешало планомерному региональному развитию экономики Венесуэлы. Именно последняя претензия и стала причиной национализации.

Еще одной причиной вмешательства властей были данные о том, что американцы хотят перепродать свою долю в CANTV мексиканскому миллионеру Карлосу Слиму. К тому же CANTV игнорировала венесуэльское законодательство и не желала платить, что положено, в пенсионный фонд своих сотрудников.

Оппозиция начала, было, свою старую песню о «кубанизации», но выяснилось, что американским акционерам государство заплатило ту сумму, которую они сами назвали — 572 миллиона долларов. Остальным акционерам выплатили еще больше — почти 800 миллионов долларов, или другими словами, более чем достойную цену за каждую акцию[1]. Правительство, таким образом, купило на открытом аукционе 79,6% акций CANTV (ранее оно владело 6,6%).

На май 2008 года у CANTV было 10 миллионов абонентов, в том числе 5,2 миллиона пользовались услугами проводной связи. К концу 2009 года компания увеличила число своих клиентов на треть, подключив к проводной телефонной связи 85% всех домохозяйств (до национализации было подключено 60%). CANTV увеличила свои годовые инвестиции в развитие связи с 350 до 800 миллионов долларов. Сотовый оператор CANTV «Мобилнет» стал лидером на рынке Венесуэлы (примерно 40% абонентов сотовой связи).

С 2010 года CANTV предлагает услуги беспроводного интернета и спутникового телевидения в одном пакете с телефоном, что очень выгодно именно для отдаленных районов страны. Интернетом через компанию пользуются 1,6 миллиона человек.

Таким образом, рассуждения неолибералов о том, что частный собственник всегда эффективней государственного, в этом случае явно не оправдались.

Тактика Чавеса при национализации CANTV была прежней — пламенная антиамериканская риторика (президент послал американцев из Verizon в ад) и очень осторожная реальная политика.

Что касается электроэнергетики, то генерация электрической энергии была в руках государства и до Чавеса. Он лишь национализировал региональные распределительные сети, которые, как и CANTV, постоянно задирали тарифы, но не занимались электрификацией отдаленных районов страны. И в этом случае с собственниками был достигнута договоренность о цене выкупа, и эту цену государство и заплатило.

На политике Чавеса в отношении нефтяной и газовой промышленности стоит остановиться подробнее.

До прихода Чавеса к власти вся добыча нефти еще с 1976 года находилась в руках государства. Иностранные компании формально выступали лишь как подрядчики государственной ПДВСА на условиях так называемых «сер-

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 221.

висных соглашений». ПДВСА разрешалось и заключение так называемых соглашений о совместном разделе прибыли. Фактически это были совместные предприятия, хотя они и запрещались законом. На самом деле речь шла о соглашениях о разделе продукции. Иностранные компании реально самостоятельно добывали нефть, но продавали ее ПДВСА. Со своей прибыли иностранцы платили обычные налоги. В 1992–1997 гг. ПДВСА заключила с иностранными компаниями 33 таких соглашения[1].

Чавес вопреки досужим домыслам о «кубанизации», наоборот, легализовал совместные предприятия ПДВСА с иностранными компаниями. Ведь в случае «сервисных соглашений» ПДВСА фактически лишь раздавала лицензии на нефтедобычу, но сама в этом процессе реально не участвовала. Отыне венесуэльское государство хотело именно участвовать в самом производственном процессе, чтобы отечественные рабочие и менеджеры приобретали навыки управления сложными проектами, а также потому, что отныне государство хотело планировать территориальное развитие всего нефтегазового комплекса с учетом национальных интересов. Не все, что было выгодно иностранцам, было интересно Венесуэле.

С другой стороны, Чавес дал иностранным инвесторам больше гарантий — отныне они были не просто подрядчиками, но и совладельцами проектов. Но венесуэльскому государству в совместных предприятиях (по законодательству 2001 года) должно было принадлежать не менее 51% акций. Такая норма была закреплена в конституции 1999 года. И все же подобные условия были гораздо более благоприятными для иностранных инвесторов, чем, например, в Саудовской Аравии, считавшейся основным союзником США на Ближнем Востоке среди арабских стран.

Неудивительно, что, несмотря на критику оппозиции, по состоянию на 2005 год иностранные компании (в том числе и американские, например «Шеврон» и «Коноко Филипс») заключили с ПДВСА 32 соглашения о совместной добыче нефти, получили пять лицензий на добычу газа и три лицензии на разведку и добычу газа на шельфе.

Такая политика Чавеса натолкнулась на резкое сопротивление ультралевых сил. Былой союзник Чавеса Дуглас Браво даже обратился в 2008 году в Верховный суд с требованием признать все совместные предприятия в нефтегазовой сфере неконституционными.

Наоборот, иностранные компании были довольны. В начале 2002 года президент подразделения «Шеврон» по добыче в Латинской Америке Али Мошири с гордостью заявил в Хьюстоне (США): «Мы являемся самым крупным частным производителем в Венесуэле по объему дневной добычи нефти»[2]. Тот же «Шеврон» выразил готовность вместе с правительствами Колумбии и Венесуэлы участвовать в прокладке газопровода, соединяющего обе страны с веткой на Панаму.

---

[1] Uzcategui R., Venezuela. Revolution as Spectacle. See Sharp Press, Tucson, 2010. P. 88.
[2] Ibid. P. 93.

Еще с 80-х годов особый режим у иностранных компаний был в освоении тяжелой нефти и битумных песков бассейна реки Ориноко. Битуминозных песков в бассейне Ориноко лишь немного меньше, чем в канадской провинции Альберта — лидеру по такого рода «сложной» нефти.

Если учитывать запасы этой тяжелой нефти, то Венесуэла была мировым лидером по запасам нефти вообще, обходя Саудовскую Аравию. В бассейне Ориноко на площади примерно в 54 тысячи квадратных километров (это больше территории Московской области) были разведаны запасы тяжелой нефти в 267 миллиардов баррелей[1]. Но такую нефть (ее называют нетрадиционной) было нельзя транспортировать по трубопроводам, так как она даже при нагревании остается слаботекущей. Для освоения бассейна Ориноко сначала использовалась следующая технология — тяжелую нефть смешивали с легкой и продавали эту смесь гораздо дешевле мировой цены.

В 1983 году венесуэльский инженер Хильберто Серпа придумал решение транспортной проблемы. С помощью сульфатов ему удалось смешать битуминозную нефть с 30% воды в устойчивую смесь, которую назвали «оримульсией». Такую смесь можно было транспортировать по обычным трубопроводам и ПДВСА начала мощную маркетинговую компанию, позиционируя «оримульсию» как замену углю (по цене «оримульсия» была дешевле многих сортов угля).

Для разработки нетрадиционной нефти Ориноко иностранным компаниям было разрешено образовывать «стратегические ассоциации» с ПДВСА. На практике это означало льготное налогообложение для иностранных инвесторов. Было заключено четыре соглашения с такими компаниями, как «Шеврон» (США), «ЭкссонМобил» (США), «Бритиш Петролеум», «Феба» (ФРГ), «Тоталь» (Франция) и «Коноко Филипс» (США). Во всех этих проектах у ПДВСА было не более 30% капитала.

Придя к власти, Чавес сначала лично лоббировал экспорт «оримульсии» в ходе всех своих зарубежных визитов, причем в то время, когда о нетрадиционной сланцевой нефти никто в мире еще не говорил (зато после 2007 года речь идет уже о «сланцевой революции», и США активно добывают нефть и газ из битуминозных песков и горючих сланцев). Но после нефтяной забастовки 2002–2003 гг. ПДВСА неожиданно прекратила производство и продажу «оримульсии». Власти обвинили «старую» ПДВСА в том, что путем продажи «оримульсии» компания саботировала квотные договоренности ОПЕК, что вело к падению мировых цен на нефть[2]. К тому же по сравнению с обычными сортами нефти «оримульсия» давала на 9 долларов за баррель меньше. При тех ценах на нефть освоение бассейна Ориноко казалось нерентабельным.

К тому же власти США запретили импорт «оримульсии» якобы из экологических соображений. Американские компании-импортеры подали иск в суд Флориды против такого решения, но успеха не добились. Чавес справедливо

[1] Запасы нефти в России по разным оценкам колеблются от 65 до 160 миллиардов баррелей.
[2] Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. S. 256.

раскритиковал решение США как попытку таким образом защитить от конкуренции американскую угольную промышленность.

Но все изменилось уже в 2004 году, когда мировые цены на нефть резко устремились ввысь.

Правительство Чавеса приняло план развития нефтегазовой отрасли на период 2005–2030 гг.

Во время реализации первой фазы плана (2005–2012 гг.) предполагалось вложить в добычу и транспортировку углеводородов 56 миллиардов долларов. В рамках плана предполагается развивать именно добычу в бассейне Ориноко, для чего всю территорию этой части страны разделили на 27 блоков, к освоению которых привлекались иностранные компании. На сей раз «ренационализированная» ПДВСА оценила запасы тяжелой нефти в бассейне Ориноко в 37 миллиардов баррелей. Проект развития нефтедобычи в бассейне Ориноко считается очень важным и с социальной точки зрения — эта часть Венесуэлы всегда была отсталой и экономически не самодостаточной.

В августе 2006 год на налог на прибыль при нефтедобыче был повышен до 50%, что не слишком обеспокоило иностранные компании в Венесуэле, так как рост мировых цен на нефть давал им невиданные ранее сверхдоходы. В том же августе иностранным участникам фактических совместных предприятий в бассейне Ориноко было предложено привести свою долю в проектах в соответствие с законодательством 2001 года (т. е. иностранцы должны были превратиться из мажоритарных акционеров в миноритариев).

Таким образом, вся «национализация» Чавеса в 2007 году состояла лишь в том, что иностранным участникам «стратегических соглашений» в бассейне Ориноко предлагалось в соответствии с венесуэльским законодательством 2001 года передать контрольный пакет (60%) в совместных проектах ПДВСА.

Например, французский концерн «Тоталь» подписал меморандум о взаимопонимании с венесуэльским министерством энергетики и нефти о преобразовании операционной (т.е. «сервисной») компании «Синкор» в совместное предприятие (СП). По условиям меморандума доля «Тоталь» уменьшалась с 47% до 30,323%, доля ПДВСА возрастала до 60%. На долю еще одного партнера — норвежской «Статойл» — пришлось 9,677%. Меморандум предусматривает компенсацию в пользу «Тоталь» и «Статойл», размер которой составил 1,8 миллиарда долларов (был определен в ходе переговоров).

К маю 2007 года все иностранные партнеры за исключением «Коноко Филипс» и «ЭкссонМобил» согласись преобразовать свои «стратегические» компании в СП. Американские нефтегиганты заявили, что предложенная им компенсация их не устраивает, и обратились с иском в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). Центр (работает в составе группы Всемирного банка в Вашингтоне) пока не принял никакого решения.

В декабре 2007 года «ЭкссонМобил» добилась постановления федерального суда Нью-Йорка о замораживании в США более 300 миллионов долларов,

принадлежащих ПДВСА. Американцы не говорили, какую компенсацию они хотят, но национализированное имущество «ЭкссонМобил» оценивалось на тот момент примерно в 750 миллионов долларов.

«Коноко» оценивала свою национализированную собственность в 4,5 миллиарда долларов, а к моменту смерти Уго Чавеса — в 30 миллиардов (!).

В 2012 году арбитражный суд при Международной торговой плате в Париже присудил «Коноко Филипс» 66.8 миллионов долларов. Якобы ПДВСА превысила свои полномочия, когда в 2006 и 2007 годах заставила «Коноко» сократить добычу нефти в Венесуэле для соблюдения квот ОПЕК.

В 2011 году тот же арбитраж присудил «ЭкссонМобил» 908 миллионов долларов в счет национализированного в 2007 году имущества компании. «Экссон», правда, рассчитывала на 7 миллиардов[1].

Другие иностранные партнеры вполне нормально сотрудничают с ПДВСА на условиях венесуэльского законодательства.

Например, блок «Хунин 6» в бассейне Ориноко разрабатывается консорциумом российских компаний в составе «Роснефти», «Газпромнефти», «Сургутнефтегаза», «Лукойла» и «ТНК-БП». Другой блок («Карабобо 1») осваивается при участии испанской «Репсол» (11% капитала), малайзийской «Петронас» (11%), индийских ONGC (3,5%) и «Ойл Индиа».

Блок «Карабобо 2» совместно разрабатывают «Роснефть» и дочерняя компания ПДВСА Corporation Venezolana del Petroleo (CVP). Соглашение между CVP и «Роснефтью» было подписано в присутствии Уго Чавеса. Также были подписаны меморандум о взаимопонимании, соглашение о выплате «Роснефтью» бонуса венесуэльской стороне в размере 1,1 миллиарда долларов, а также соглашение о предоставлении для CVP займа в 1,5 миллиарда долларов на пять лет. Бонус был выплачен двумя частями — 440 миллионов долларов в течение десяти дней после создания СП, остальное — после принятия «Роснефтью» окончательного решения по проекту. Заем был предоставлен траншами не более 300 миллионов долларов в год по ставке ЛИБОР+5,5% годовых[2].

Соглашение о создании совместного российско-венесуэльского предприятия в начале апреля 2013 года ратифицировало Национальное собрание Венесуэлы.

Российско-венесуэльское совместное предприятие (СП) будет разрабатывать блоки «Карабобо-2, Северный» (площадью 132 квадратных километра) и «Карабобо-4, Западный» (210 кв. км) в бассейне Ориноко (штаты Ансоатеги и Монагас). СП будет осуществлять разведку, добычу, транспортировку, хранение нефти и сопутствующего природного газа. Кроме того, предприятие будет заниматься подготовкой тяжелой и сверхтяжелой оринокской нефти, а также ее сбытом. Срок работы предприятия установлен в 25 лет, после чего может быть продлен[3].

---

[1] URL: http://online.wsj.com/article/SB10000872396390444165804578010702582544458.html
[2] URL: http://finam.info/news/rosneft-nachala-dobichu-nefti-v-venesuele/
[3] URL: http://www.oilcapital.ru/company/205716.html

«Роснефть» рассчитывает к 2019 году выйти на добычу нефти в Венесуэле на уровне 450 тысяч баррелей в сутки, на начало 2013 года СП добывало примерно 30 тысяч баррелей в сутки. Министр нефти Венесуэлы Рафаэль Рамирес ранее заявил, что совместные инвестиции в российско-венесуэльских проектах составят 46 миллиардов долларов, из них на российскую часть придется 17 миллиардов. К 2021 году совместная добыча достигнет 1 миллиона баррелей в сутки.

Блоком «Карабобо 3» занимаются «Шеврон» (34%), а также японские «Мицубиси» и «Инпекс» (5%).

В 2009 году французская компания «Тоталь» заявила о намерении вложить в освоение месторождений тяжелой нефти в бассейне Ориноко 25 миллиардов долларов.

Таким образом, Чавес продемонстрировал готовность работать со всеми иностранными нефтяными компаниями (включая американские), уважающими венесуэльское законодательство. В 2005 году Венесуэла произвела 162 миллионов тонн нефти (4,1% мировой добычи). По добыче страна занимала седьмое место в мире, по экспорту — восьмое. Венесуэла по-прежнему надежно обеспечивала 15% американского потребления нефти. В 2012 году страна экспортировала 2,57 миллиона баррелей в сутки (в 2011 году — 2,47).

Таким образом, постоянно пробрасываемая в СМИ недругами Чавеса информация о «коллапсе» и «кризисе» нефтяной государственной политики в Венесуэле, мягко говоря, не соответствует действительности.

Венесуэльцы участвовали в реконструкции нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в кубинском городе Сьенфуэгосе, построенного с помощью СССР (планируется, что завод будет перерабатывать 65 тысяч баррелей нефти в день). Реконструкция предприятия началась после того, как в 2006 году было создано совместное предприятие с участием компаний «Куба петролео» и ПДВСА. НПЗ вступил в строй в 1990 году, однако проработал недолго и был законсервирован в связи с нехваткой топлива, которую Куба начала испытывать после распада СССР[1]. Но Чавес выразил желание помочь в реконструкции НПЗ с учетом того, что на Кубе стали принимать меры по увеличению добычи собственной нефти (в 2006 году было добыто 3,9 миллиона тонн)[2].

С 2011 года Венесуэла официально считается страной с самыми большими доказанными запасами нефти (296,5 миллиарда баррелей по данным ОПЕК). Это подтверждает и статистика «Бритиш Петролеум».

Что касается газа, то Венесуэла располагала самыми большими запасами этого топлива в Латинской Америке и занимала 9-е место в мире (доказанные запасы — 4,2 триллиона кубометров). В 2009 году после переоценки запасов страна поднялась на четвертую позицию в мире.

В 2012 году Чавес назвал цифру даже в 200 триллионов кубических футов. По данным Геологической службы США, только в районе нефтеносного

[1] Во времена СССР Куба потребляла до 13 миллионов тонн нефти в год.
[2] URL: http://old.redstar.ru/2007/05/11_05/2_03.html

пояса Ориноко, где залегают крупнейшие в мире запасы нефти, сопутствующие месторождения могут содержать до 130 триллионов кубических футов газа.

Основные действующие месторождения газа сосредоточены на востоке страны (в бассейне Ориноко) и на шельфе Карибского моря. В год страна добывает примерно 23 миллиарда кубометров газа. 35% газа используется для закачки обратно в нефтяные платы с целью повышения дебета скважин.

В январе 2005 года «Газпром» подписал с ПДВСА Меморандум о взаимопонимании. Данный документ предполагал возможность участия «Газпрома» в совместных нефтегазовых проектах в Венесуэле.

В сентябре 2005 года ОАО »Газпром» было признано победителем тендера на разведку и разработку месторождений природного газа в Венесуэльском заливе в рамках проекта «Рафаэль Урданета» (блоки «Урумако-1» и »Урумако-2»). Прогнозные запасы природного газа на блоках — около 100 миллиардов кубометров. Лицензии на разработку месторождения вручил представителям «Газпрома» лично Чавес.

23 июля 2008 года «Газпром» и ПДВСА подписали соглашение «О реализации исследования количественной оценки и сертификации месторождений блока «Аякучо-3» в нефтяном поясе Ориноко». В рамках данного соглашения «Газпром» приобрел и проанализировал пакет данных по вышеуказанному блоку, используя техническую базу ПДВСА. Компания «Газпром Латинская Америка» (входит в холдинг «Gazprom EP International B.V.») провела работы по анализу и сертификации запасов блока «Аякучо-3».

В сентябре 2008 года «Газпром» и ПДВСА подписали меморандум о взаимопонимании по проекту «Бланкия Эсте и Тортуга», включающему разведку и добычу природного газа на шельфе Венесуэлы, его поставки на внутренний рынок, а также сжижение и реализацию газа на экспорт[1].

В 2011 году «Газпром» подписал с ПДВСА меморандум о создании совместного предприятия по разработке газового месторождения «Робало» в Венесуэльском заливе. Помимо «Газпрома», участниками консорциума также являются «Роснефть», «Сургутнефтегаз», ТНК-ВР и «Лукойл».

Заметим, что в добыче газа иностранные компании могут иметь в отдельных проектах и контрольный пакет (в отличие от добычи нефти).

На начало 2013 года самым большим частным производителем газа в Венесуэле была испанская компания «Репсол» обеспечивающая газом электростанцию в Португесе мощностью 80 мегаватт.

В июне 2012 года французская «Тоталь» объявила о намерении принять участие в добыче газа в Венесуэле, войдя в газовый проект «Репсол» «Юкаль Пласер». С помощью «Тоталь» добычу газа предполагается увеличить в три раза до 2014 года — до 300 миллионов кубических футов день (или 55 тысяч баррелей в нефтяном эквиваленте). Сама «Тоталь» на середину 2011 года добывала в Венесуэле газа 54 тысячи баррелей в день в нефтяном эквиваленте.

---

[1] URL: http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/venezuela/

Еще раз подчеркнем, что без реформ Чавеса совместные предприятия с иностранными партнерами в нефтегазовом секторе Венесуэлы были бы юридически невозможны.

После вступления в должность в январе 2007 года Чавес попросил Национальное собрание предоставить ему временные чрезвычайные полномочия на 18 месяцев. Это означало, что президент в этот период может сам издавать законы прямого действия. Оппозиция опять раскритиковала Чавеса за «диктаторские замашки». Бывший коммунист и партизан Теодоро Петков даже сравнил Чавеса с Гитлером — тот, мол, тоже получил от рейхстага чрезвычайные полномочия в 1933 году и установил потом неприкрытую диктатуру[1]. Просьба президента вызвала и удивление некоторых его сторонников за рубежом — зачем было «дразнить гусей», если в Национальном собрании и так заседали одни сторонники Чавеса.

Президент объяснил свою просьбу стремлением быстро провести национализацию. К тому же в политической истории Венесуэлы предоставление временных чрезвычайных полномочий новому президенту было обычным делом — так новая администрация могла быстро реализовать свои предвыборные обещания.

Сравнение с Гитлером тоже явно хромало. Во-первых, любой закон президента мог быть в любой момент рассмотрен и отменен Национальным собранием. Во-вторых, новой конституцией 1999 года Чавес создал дополнительный инструмент демократического контроля. Теперь любой принятый закон должен был быть рассмотрен и проголосован заново Национальным собранием, если этого требовали как минимум 10% зарегистрированных избирателей. А по законам-декретам исполнительной власти достаточно было 5%.

15 августа 2007 года Чавес неожиданно выступил с новой инициативой — он предложил изменить 33 из 350 статей конституции 1999 года. Согласно самой же конституции президент (как и Национальное собрание) имел право предлагать подобные меры, однако сами изменения могли быть одобрены лишь на референдуме.

Чавес обосновал свою инициативу необходимость закрепления в новом основном законе социалистической ориентации развития Венесуэлы. Оппозиция немедленно заговорила о новом шаге в сторону диктатуры и с порога отвергла все изменения в той самой конституции, против принятия которой она сама выступала в 1999 году. Национальное собрание предсказуемо поддержало президента и внесло еще 36 своих предложений по изменению конституции.

Основными предложенными поправками были следующие:

- отменить для президента ограничение на переизбрание (до тех пор — не более двух сроков подряд);

- увеличить срок полномочий президента с 6 до 7 лет;

[1] Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. P. 227.

- позволить президенту вводить чрезвычайное положение на неопределенный срок;

- запретить финансирование всех политических организаций из иностранных источников;

- распространить систему социального обеспечения на работников неформального сектора экономики;

- урезать независимость Центрального банка в пользу президента под контроль главы государства переходили золотовалютные резервы);

- запретить большие латифундии и дать государству возможность временно занимать подлежащие экспроприации по аграрной реформе земли вплоть до окончательного решения суда (дело было в том, что судебные разбирательства длились слишком долго и собственники успевали разбазарить все активы);

- реорганизовать внутреннее административное деление страны, чтобы достичь большего равноправия в распределении государственных средств между регионами;

- сократить рабочую неделю с 44 до 36 часов, а рабочий день — с 8 до 6 часов;

- снизить избирательный возраст с 18 до 16 лет.

Оппозиция заявила, что Чавес под маской социальных подачек хочет продлить и расширить свои полномочия. В целом было действительно непонятно, зачем и так популярному Чавесу нужно было сразу после выборов расширять свои полномочия. Видимо, президент полагал, что задуманные им социалистические реформы вызовут столь яростное сопротивление имущих классов (это было и правда более чем очевидно), что никто кроме него не справится с такой обструкцией. А для этого Чавесу нужен был еще один президентский срок — именно в этом требовании и была квинтэссенция всех конституционных новаций.

2 ноября 2007 года Национальное собрание официально назначило референдум, и сразу же началась ожесточенная политическая борьба. Сначала на улицы Каракаса и других годов вышли тысячи сторонников «ДА» (т. е. Чавеса). На территории университета Каракаса 7 ноября произошли столкновения сторонников и противников изменений. Раздались выстрелы, несколько человек было ранено. К концу ноября марши обеих сторон приобрели еще более массовый характер.

Оппозиция утверждала, что новая конституция окончательно превратит Венесуэлу в Кубу. На стороне оппозиции публично выступила бывшая жена Чавеса Марисабель. Оппозиции удалось привлечь на свои сторону и студентов, которые были все еще возмущены закрытием телеканала RTCV. После референдума Институт Катона[1] из США удостоил студенческое движение Венесуэлы премии в 500 тысяч долларов.

---

[1] Основан в 1974 году. Всегда поддерживал крайне правое крыло республиканской партии (особенно Рейгана). Считается шестым по влиянию «мозговым трестом» США. Выступает за ограничение вмешательства государ-

В то же время многие сторонники Чавеса так и не поняли смысла изменения недавно принятой конституции и решили не участвовать в референдуме. Против изменений основного закона выступил губернатор штата Сукре чавист Рамон Мартинес, некоторые депутаты Национального собрания.

Чавес опять пытался разыграть «американскую карту», заявив, что все, кто скажет «нет», проголосует в поддержку Буша.

Опросы общественного мнения, начиная с ноября 2007 года предсказывали прямо противоположные результаты — от 51% в пользу изменений конституции, до 62% — против.

2 декабря 2007 года Чавес потерпел свое первое поражение у избирательных урн. 51% пришедших на участки отвергли изменения основного закона, 49% поддержали президента. Президенту не хватило всего 100 тысяч голосов, но по сравнению с выборами 2006 года он потерял почти три миллиона сторонников. Конечно, частично это было связано с тем, что венесуэльцы традиционно хуже посещали все выборы, кроме президентских. Но оппозиция свой электорат мобилизовать сумела полностью — 4,5 миллиона голосов.

Чавес отреагировал на свое поражение тем, что пообещал продолжать строить социализм во что бы то ни стало, а победу оппозиции назвал «дерьмовой». СМИ в Латинской Америке отметили, что президент в отличие от оппозиции не стал оспаривать свое поражение (хотя разрыв был минимальным). Глава Аргентины Нестор Киршнер назвал Чавеса «великим демократом».

Реакция США была естественно совсем иной. Буш заявил, что «народ Венесуэлы отверг правление одного человека. Они (т. е. венесуэльцы) проголосовали за демократию». Официальный представитель госдепартамента заметил: «Мы чувствовали, что этот референдум мог бы сделать Чавеса пожизненным президентом, и поэтому мы приветствовали исход голосования. В стране, которая хочет быть демократической, народ ясно высказал свое мнение, и он высказался за демократию и против неограниченной власти»[1].

Международные финансовые рынки приветствовали поражение Чавеса ростом котировок венесуэльских облигаций на 4% в течение суток.

Уже 5 декабря 2007 года президент заявил, что будет продолжать стремиться демократическим путем изменить конституцию: «Не радуйтесь, любимчики США! У вас все равно нет никакого достоинства. Да и откуда? Советую вам отнестись к своей победе задумчиво, ибо мы начнем новое наступление за великую конституционную реформу». Бушу Чавес ответил следующим образом: «Они (т.е. американцы) говорят, что Чавес разгромлен, но я не отступил даже на миллиметр. Да я проиграл, но не стал ничуть слабее. Бойся, империя! Бойся продажная олигархия! Наносите удары так часто как сможете. Но будьте осторожнее! Не переходите черту!»

ства в экономику и СМИ. После избрания президентом США Обамы институт превратился в наиболее яростного критика его реформ (особенно реформы здравоохранения).

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Venezuelan_constitutional_referendum,_2007

Через месяц Чавес заменил вице-президента Хорхе Родригеса[1], которого многие чависты считали ответственным за поражение. Новым вице-президентом стал Рамон Камисалес (ранее — министр жилищного строительства). Родригес сосредоточился на создании СЕПВ.

В целом тактической ошибкой Чавеса было провозглашение референдума в тот момент, когда его сторонники находились еще в самом разгаре ликвидации своих старых партий и образования единой, новой — СЕПВ. Но ошибка была и стратегической — слишком явно изменения конституции, направленные на усиление власти президента были «сдобрены» социальными мерами, причем зачастую явно не реальными, такими как 6-часовой рабочий день. Венесуэльцы хотели не меньше, а больше работать и больше получать.

23 ноября 2008 года в Венесуэле проходили региональные выборы, на которых на 4 года выбирали губернаторов штатов, а также сотни мэров, включая мэра Каракаса.

Впервые в выборах участвовала только что образованная СЕПВ, однако по сравнению с региональными выборами 2004 года, чависты выступили не лучшим образом. Оппозиция сумела завоевать пять кресел губернаторов штатов (ранее — 2) и отбила важнейший пост мэра Каракаса. Ярый противник президента и лидера партии «Справедливость прежде всего» Каприлес был избран губернатором штата Миранда. Причем Каприлес победил бывшего вице-президента и друга Чавеса Диосдадо Кабельо (которого он во время путча 2002 года во главе разъяренной толпы «искал» в кубинском посольстве).

В мае 2004 года Каприлес был арестован по требованию прокурора Андерсона (которого затем в ноябре того же года взорвали в собственной машине) по обвинению в штурме здания кубинского посольства во время путча 2002 года. Сам Каприлес дольно неуклюже оправдывался, что в посольство его «пригласили». Но уже в сентябре 2004 года «узника совести» (как назвала Каприлеса оппозиция) выпустили под подписку о невыезде. В декабре 2006 года суд оправдал Каприлеса, признав несостоятельным обвинение в организации насильственных актов против иностранного дипломатического представительства. Но через пять месяцев апелляционный суд этот приговор отменил и дело возобновили в октябре 2008 года. Несомненно, что «ореол мученика» помог Каприлесу выиграть выборы — теперь по закону у него был иммунитет.

Помогли Каприлесу и американцы. Госдепартамент в своем отчете за 2008 года о положении с правами человека в разных странах отметил «дело Каприлеса» как пример отказа гражданину в независимом судопроизводстве.

С другой стороны, губернатором родного штата Чавеса — Баринаса — был избран брат президента Адан Чавес.

В Венесуэле, как и в других странах Латинской Америки, нормально относятся к участию в политике членов семьи президента или иного государ-

[1] Лидер Социалистической лиги. В 70-е годы был арестован и подвергнут жестоким пыткам.

ственного деятеля, при условии, что эти родственники побеждают на выборах и не замешаны в коррупции.

Старший брат президента Адан пришел в политику еще раньше Уго и свел брата с левыми партиями, дав будущему президенту своеобразное политическое крещение. Еще студентом Адан Чавес вступил в Партию венесуэльской революции. После избрания Уго президентом Адану доверили очень важный пост посла на Кубе, затем он стал главой администрации президента, в 2007–2008 гг. исполнял обязанности министра образования.

На посту губернатора Баринаса Адан сменил своего отца Уго де лос Рейеса, которого (впрочем, беспочвенно) пытались обвинить в коррупции. Якобы при губернаторстве Уго де лос Рейеса сильно прибавило в площади — с 200 до 800 акров — родовое поместье семьи Чавесов («Ла Чавера»). Но, несмотря на все нападки, отец Чавес получил на губернаторских выборах 2004 года 76% голосов.

Говаривали, что при отце президента реально делами в Баринасе заправлял другой брат Уго — Аргенис (1958 года рождения), по образованию инженер-электротехник. Хотя ходили и слухи, что настоящим губернатором является волевая и жесткая мать президента. При своем отце-губернаторе Аргенис занимал официальную должность секретаря штата. В 2001 году несколько членов «Движения за Пятую республику» обвинили Аргениса в том, что он раздавал государственные заказы близким ему бизнесменам и потребовали от президента убрать брата из Баринаса. Президент принял соломоново решение — врагов брата исключили из движения, а самого Аргениса убрали из руководящих региональных органов MVR.

В 2011 году Аргениса назначили заместителем министра энергетики.

Против другого брата Уго — Нарсисо (его звали «Начо»)[1] тоже были выдвинуты обвинения в коррупции, причем президенту жаловался исполнявший обязанности губернатора Баринаса (когда отец президента, действующий губернатор, заболел) Виктор Руис. Уго Чавес решил отослать брата в посольство Венесуэлы в Канаде. Затем Нарсисо стал торговым атташе в Гаване.

В 2008 году он вернулся на родину и принял активное участие в предвыборной кампании во время региональных выборов. Оппозиция (бездоказательно) обвинила его в организации нападения на кортеж Энрике Каприлеса, во время которого были убиты три человека.

Другой брат Уго — Анибал — (тоже педагог по образованию) в 2004 году был избран мэром родного для президента городка Сабанета. После избрания Уго Чавеса президентом в городок естественно зачастили журналисты, но особенно сильно «колыбель революции» не изменилась. Президент не хотел оказывать соей малой родине финансовые знаки внимания за счет госбюджета. Лишь дом бабушки Розы, в котором рос Уго, преобразовали в центр начального образования.

---

[1] По образованию учитель английского язык, пять лет жил в США.

Только один брат Уго — Аделис — не хотел заниматься политикой. Много лет он работал в банковской сфере и был вице-президентом частного банк «Софитаса». Хотя оппозиционеры отмечали, то именно через этот банк проходили некоторые средства штата Баринас. Аделис был также президентом футбольного клуба «Самора». И его тоже обвиняли в коррупции при реконструкции одного из стадионов.

В целом по данным за 2010 и 2011 год родной штат президента Баринас оставался самым бедным регионом страны — 20,9% его населения считались «очень бедными»[1]. Как ни странно, такие данные свидетельствуют в пользу Чавеса — он не пожелал оказывать своей родине какие-либо предпочтения за счет других регионов.

Дети президента от первого брака — дочери Роза Вирхиния (старшая) и Мария Габриэла, а также сын Уго Чавес Кольменарес («Угито») — практически никогда не появлялись на публике, и об их личной и профессиональной жизни было известно очень мало.

В 1998 году обе дочери участвовали в предвыборных поездках отца, но потом «первая дама» Марисабель оттеснила их от вспышек фотоаппаратов и света телекамер. Позднее девушки опять стали появляться рядом с отцом на официальных мероприятиях — например, на параде в честь Дня независимости. Одевались они всегда очень скромно, а их голосов никто не слышал — интервью они не давали. Дочери подарила отцу внука и внучку — у Марии Габриэлы родилась дочь, а у Розы Вирхинии — сын Мануэль Алехандро, которого Уго Чавес называл «петушком» (затем последовал еще один сын от другого брака).

В 2003 году Роза вышла замуж за предпринимателя Педро Мануэля Приео (его родственник был министром обороны), но потом развелась. Ее новым мужем в 2007 году стал будущий министр науки и технологии Хорхе Арреаса[2]. Роза познакомилась с будущим мужем в университете Каракаса, где они оба изучали международные отношения.

Когда Уго Чавес боролся с раком в конце 2012 года, Роза Вирхиния была все время рядом с ним, по крайней мере, с 11 декабря 2012 года, когда Чавес вылетел для лечения на Кубу.

Мария Габриэла с 2004 по 2012 год часто выполняла протокольные обязанности «первой дамы» Венесуэлы. Ее считали любимой дочерью президента. Сам Чавес говори: «Она очень похожа на меня. Фидель называет ее «героиней», так как именно она сорвала путч 2002 года»[3].

В 2002 году 28-летняя Мария Габриэла написала и разместила в интернете эссе «Мой отец», где были и такие слова: «Он научил меня любить и сопе-

---

[1] URL: http://diario.latercera.com/2012/10/14/01/contenido/la-tercera-el-semanal/34-120522-9-el-vasto-reino-de-los-chavez.shtml

[2] Сын дипломата, свободно говорит на голландском и английском. Окончил Каракасский университет по специальности «международные отношения». Учился в Кембридже. Работал диктором и ведущим на телевидении. В марте 2013 года он стал вице-президентом при преемнике Чавеса Николасе Мадуро.

[3] Как уже упоминалось выше, Мария Габриэла смогла дозвониться до Кастро и сообщить, что ее отец жив и не подавал в отставку.

реживать. Он научил меня тому, что жизнь иногда может быть трудной и несправедливой, но, несмотря на все трудности, надо бороться за достижение наших целей… Другие могут говорить, что любят его, могут распространять про него тысячу и один домысел, могут обижать, обвинять и оскорблять его. Но я, хотя и страдаю от всего этого, каждый день моей жизни испытываю счастье от того, что мне выпала счастливая возможность быть его дочерью»[1].

В марте 2013 года прощаясь с отцом, Мария Габриэла сказала: «Папочка, милый, лети ввысь свободно и мощно, как ураганный ветер. Мы защитим твою родину и твое наследие… Ты никогда не уйдешь, поскольку ты останешься навсегда яркой вспышкой в наших сердцах. Уго Чавес, ты навсегда останешься моей вечной любовью».

На момент смерти Уго Чавеса Мария Габриэла была не замужем. Говорили, что ранее она дружила с чилийским врачом Пабло Сепульведой, внуком президента Чили в 1970–1973 гг. Сальвадора Альенде. В 2009 году эту романтическую связь подтвердил и сам Чавес в программе «Алло, президент». Наверное, Чавес очень хотел, чтобы его дочь вышла замуж за Сепульведу — убитый в ходе организованного ЦРУ кровавого военного переворота Сальвадор Альенде всегда был для Уго Чавеса идеалом и примером бескорыстного и скромного служения родине.

Затем Марию Габриэлу часто видели с лидером музыкального дуэта «Лос Кадиллакс» Эмилио Бискайно.

В 2011–2012 гг., когда Чавес серьезно заболел раком, многие считали, что именно Мария Габриэла станет следующим президентом Венесуэлы.

Сын Чавеса Уго-младший (родился в 1981 году) долгое время был для СМИ загадкой, так как вообще не появлялся на публике. Во время торжественной церемонии по случаю 15-й годовщины восстания 1992 года его оттеснили от отца охранники и все услышали голос сына: «Чавес, это же я, Хугито!» Луис Микилена, одно время самый близкий Чавесу человек говорил, что у сына президента были «проблемы с поведением». Сын Чавеса одно время жил в Мадриде и на Кубе[2]. Оппозиционные газеты сообщали, что сын президента любит веселую жизнь и для перемещений по стране со своими друзьями использует вертолеты ПДВСА.

Говорили, что у президента с единственным сыном сложные отношения, так как Уго-младший (в отличие от дочерей) плохо учился и не интересовался политикой. Оппозиция договорилась даже до того, что причиной разногласий тезок — отца и сына — являются разные спортивные предпочтения — мол, Чавес любит бейсбол, а его сын — футбол (и является фанатом аргентинского футболиста Лионеля Месси).

Младшая дочь президента от второго брака Розинес (Роза Инес) после развода своей матери Марисабель с Уго Чавесом редко видела отца — мать бы-

---

[1] URL: http://www.animalpolitico.com/2013/03/los-herederos-de-hugo-chavez-quienes-son-sus-hijos-y-que-hacen/#axzz2SaXihm9i

[2] Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez. New York, 2006. P. 255.

ла против их тесного общения. Судя по ее профилю в социальных сетях, девочка не очень-то разделяет скромность своих старших сводных сестер и политические идеалы отца (хотя ей конечно еще не очень много лет). Например, Розинес выложила в интернет свое фото с веером из долларовых банкнот.

Отец баловал младшую дочь и однажды даже распорядился задержать самолет, в котором летел известный в Венесуэле певец Хустин Бибер — Розинес очень хотела сделать его фото.

Чавес сдержал свое обещание оппозиции после своего поражения на референдуме 2007 года — он начал новое наступление с целью добиться изменения конституции.

Через 6 дней после региональных выборов 2008 года Чавес объявил по телевидению о новом референдуме с целью изменения конституции. На сей раз речь шла о возможности для всех избираемых в Венесуэле лиц от мэра до президента переизбираться неограниченное количество раз. Чавес пообещал, что если он проиграет и на этот раз, то больше никаких референдумов не будет и он уйдет с поста в феврале 2013 года.

Оппозиция естественно выступила против поправок, которые якобы давали Чавесу пожизненную власть. Но ведь выборы не отменялись и в Венесуэле они по оценкам всех иностранных наблюдателей были свободными, что собственно и показало поражение президента на референдуме 2007 года и успехи оппозиции на региональных выборах 2008 года.

На этот раз президент лично занимался предвыборной борьбой. Опять были сформированы тысячи избирательных патрулей, которые должны были «вытащить» электорат на избирательные участки.

Первую фазу кампании Чавес по-военному назвал развертыванием сил. А с 5 февраля 2009 года (референдум был намечен на 15 февраля 2009 года) чависты, пользуясь терминологией президента, перешли в «двойную танковую атаку». Цель атаки Чавес сформулировал предельно четко: «Там, где мы сильны… где исторически мы всегда получали явное большинство голосов, необходимо довести отсутствие на выборах до нулевого показателя, если это возможно. Там, где мы приближались к показателю 50–50, нужно склонить чашу весов в сторону «да», не потеряв ни одного голоса за наше движение»[1].

Наоборот компания оппозиции даже по оценке западных СМИ была «плоской» и вялой[2], что оппозиционеры объясняли тем, что «выложилась» на региональных выборах. Оппозиция скатилась и до откровенных провокаций. После осуждения Чавесом ударов Израиля по сектору Газа, неизвестные напали в Каракасе на синагогу, и оппозиция немедленно обвинила в этом вандализме чавистов. Однако полиция арестовала злоумышленников, которые оказались связаны как раз с противоположным политическим лагерем. Чавес в общем верно назвал нападение на синагогу «признаком отчаяния контрреволюции»:

---

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 303–304.
[2] The Economist, February 21st 2009. P. 49.

«Это они прибегают к насилию! А мы являемся гарантами мира и общественного и экономического прогресс для всей большой венесуэльской семьи!»[1]

Опросы общественного мнения как обычно давали самые разные прогнозы в зависимости от того, кто их заказывал. Однако по мере развития «танковой атаки» стало понятно, что явка будет большой и Чавес победит.

Казалось бы, что против президента был начавшийся осенью 2008 года мировой финансовый кризис, который привел к резкому падению цен на нефть. По западным оценкам вместо 92,9 миллиардов долларов нефтяных доходов в 2008 году, в 2009 году Венесуэла могла рассчитывать лишь на 21,6, и поэтому сокращение социальных программ казалось неминуемым[2].

Но на самом деле как раз только Чавесу большинство венесуэльцев доверяло руководство страны в это сложное для всего мира время. Чавес и не скрывал, что придется непросто и назвал 2009 годом «годом консолидации». Но он твердо пообещал, что ни одна социальная программа урезана не будет, и обещание свое выполнил. В 2010 году, когда фаза консолидации завершится, революция, сказал Чавес, опять перейдет в наступление.

Вся работа предвыборного штаба Чавеса был организована на строго научной основе, и президент сам просматривал сводки региональных штабов и предвыборных патрулей, сообщавшие о работе с избирателями.

15 февраля 2009 года на избирательные участки явились рекордные для Венесуэлы 70% избирателей (11,7 миллиона), 55% из которых (6,3 миллиона) сказали «да» изменениям конституции, отрицательно высказались 5,2 миллиона венесуэльцев (45%).

Конечно, это была прежде всего личная победа президента. Народ не слишком хорошо знал конституцию, но не хотел, чтобы в 2013 году Чавес ушел. Однако и оппозиции впервые удалось объединить против Чавеса более 5 миллионов человек. Это предвещало дальнейшее обострение политического противостояния в стране.

Победив на президентских выборах 2006 года, Чавес с еще большей активностью стал проводить новую социалистическую внешнюю политику Венесуэлы.

Целями этой внешней политики были:

- содействие формированию многополярного мира;
- укрепление интеграционных связей в Латинской Америке;
- диверсификация политических и экономических контактов Венесуэлы;
- укрепление позиций Венесуэлы в мировой экономике, особенно в ОПЕК;
- создание новой системы безопасности в Западном полушарии без гегемонии США.

---

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 305.

[2] Отметим, что прогнозы по экономике Венесуэлы таких организаций, как МВФ и МБРР, всегда страдают предвзятостью и потом, как правило, по факту корректируются в лучшую сторону.

Что касается реализации первой цели, то Венесуэла при Чавесе активно развивала отношения с Россией, Китаем, Индией, Белоруссией и Ираном — теми странами, которые демонстрируют самостоятельный курс на мировой арене и не боятся иметь отличное от Вашингтона мнение по тем или иным вопросам международной политики.

Всего Уго Чавес посетил Россию девять раз. Его первый официальный визит в Российскую Федерацию состоялся 13–15 мая 2001 года. После этого он приезжал в Москву в октябре 2001 года, в ноябре 2004 года, в июле 2006 года, в июне 2007 года. 22 июля 2008 года Чавес впервые встретился с новым президентом России Дмитрием Медведевым. 25–26 сентября 2008 года Чавес вновь совершил краткий визит в Россию (Москва, Оренбург).

Третья встреча Чавеса и Медведева состоялась 27 ноября 2008 года во время официального визита российского президента в Венесуэлу (первый визит главы российского государства в Венесуэлу за всю историю двусторонних отношений). В числе подписанных документов были соглашения по сотрудничеству в мирном использовании атомной энергии и о безвизовых поездках граждан обеих стран.

В сентябре 2009 Чавес нанес в Россию рабочий визит, во время которого речь шла о взаимодействии в банковской и нефтегазовой сферах, а также в использовании мирной атомной энергии. Через год — в октябре 2010 года Чавес опять побывал в России. Объясняя свои частые поездки в Москву (рекорд среди всех стран Латинской Америки за исключением Кубы), Чавес заявил: «Сегодня Россия является мировой державой и одним из мировых полюсов силы»[1].

В апреле 2010 года Каракас посетил премьер-министр России Владимир Путин. Россия предоставила Венесуэле кредит в размере 2,2 миллиарда долларов для новых закупок российского вооружения[2]. Характерно, что в Каракасе Путин встретился и с самым близким союзником Чавеса в Латинской Америке — президентом Боливии Эво Моралесом.

Во время визита Путина Россия передала Венесуэле последние 4 из 38 закупленных этой страной вертолетов Ми17. Шли переговоры о налаживании в Венесуэле сборки российских автомашин «ВАЗ» и «КАМАЗ».

Россия обещала Венесуэле оказать содействие строительстве там атомной электростанции.

Как заявил в начале 2013 года министр промышленности РФ Мантуров (председатель российской части Комиссии высокого уровня (КВУ) между Россией и Венесуэлой) Россия оказывает Венесуэле содействие в жилищном строительстве: «…Подобный проект в Венесуэле сейчас реализует Российский фонд строительства жилья — он участвует в масштабной государственной жилищной программе. Уже в этом году можно рассчитывать на сдачу объектов жилищного строительства в объеме около 700 тыс. квадратных метров. Причем

[1] URL: http://www.rg.ru/2010/10/15/chaves-anons.html
[2] URL: http://www.newsru.com/world/02apr2010/putin.html

это и жилье, и инфраструктурная составляющая, и детские сады, и школы, и спортивные сооружения…»[1]

В 2012 году товарооборот между Россией и Венесуэлой вырос по сравнению с 2011 годом на 12% и составил 1944,7 миллиона долларов (в 2010 году он не превышал 163 миллиона). Нельзя сказать, что эти объемы очень значительны (0,2% внешнеторгового оборота РФ) да и состоит вся торговля только из российского экспорта (40% которого по данным Министерства экономического развития РФ — оружие)[2]. Более чем странно, что Россия не закупает в Венесуэле хотя бы кофе, какао и тропические фрукты.

Венесуэла является одной из немногих стран, не применяющих против российских производителей никаких дискриминационных мер на своем рынке.

Несмотря широковещательные заявления российских компаний никаких серьезных российских инвестиций в Венесуэлу по состоянию на 2012 год не отмечалось.

Заметим, что назначение в 2012 году председателем российской части так называемой российско-венесуэльской Комиссии высокого уровня (КВУ) всего лишь министра российского правительства (Мантурова) можно считать протокольным оскорблением Каракаса, если учесть, что с венесуэльской стороны уровень действительно «высокий» — вице-президент страны. По протоколу КВУ должен возглавлять хотя бы вице-премьер, министры обычно возглавляют рядовые межправительственные комиссии по экономическому сотрудничеству с зарубежными государствами.

Президент далекой от России географически страны демонстрировал знания и глубокое уважение российской истории и культуры. Во время визитов в Россию в 2001 и 2006 годах Уго Чавес посетил Волгоград, так как всегда мечтал своими глазами увидеть героическую землю Сталинграда (в 2006 году он даже начал с Волгограда официальный визит в нашу страну). Президент Венесуэлы отдал дань мужеству советских людей, внесших решающий вклад в разгром фашизма. Он посетил памятник героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане и возложил цветы к Вечному Огню в Пантеоне Славы.

Высокому гостю преподнесли не только хлеб-соль, но и чарку водки. Президент Венесуэлы продемонстрировал, что хорошо знаком с местными традициями. Водку он выпил не закусывая, с казачьей шашки, за что был посвящен в казаки.

В 2006 году Чавес явно вызвал смущение в волгоградском истеблишменте: выходя из здания администрации области, он приветствовал памятник Ленину, находящийся в сквере напротив, восклицанием: «Вива Ленин!»

---

[1] URL: http://www.kommersant.ru/doc/2167871

[2] URL: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depamerica/doc20130408_010?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e&WCM_Page.ResetAll=TRUE&CACHE=NONE&CONTENTCACHE=NONE&CONNECTORCACHE=NONE

Венесуэла оказалась первой страной мира, подставившей России плечо во время грузинской агрессии против Южной Осетии в августе 2008 года. 10 сентября 2009 года, во время официального визита в Россию, Чавес объявил о том, что Венесуэла признает независимость Южной Осетии и Абхазии. В ответ государственный министр Грузии по вопросам реинтеграции Якобашвили заявил, что Чавес является маргиналом, и его заявление не будет иметь никаких последствий. Примеру Венесуэлы вскоре последовала Никарагуа, с которой Чавес после избрания президентом сандиниста Даниэля Ортеги поддерживал братские связи.

Заметим, что независимость Южной Осетии и Абазии не признала ни одна страна СНГ, включая формальных союзников Москвы по Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Россия с помощью Венесуэлы смогла дать адекватный ответ на опасные маневры ВВС и ВМС стран НАТО вблизи российской территории во время конфликта с Грузией.

10 сентября 2008 года, совершив беспосадочный полет, в Венесуэле приземлились два российских стратегических бомбардировщика ТУ-160. Во время пребывания стратегических бомбардировщиков на базе ВВС Венесуэлы Либертадор Чавес лично посидел за штурвалом Ту-160, а также назвал визит российской дальней авиации в Венесуэлу «предупреждением американской империи».

В свою очередь представитель госдепартамента США назвал тренировочные полеты Ту-160 над Атлантикой «активами холодной войны» и пообещал наблюдать за перемещениями бомбардировщиков в рамках заявленных учений. Сообщалось, что на пути в Венесуэлу ракетоносцы были дважды условно перехвачены авиацией НАТО. Ту-160 на протяжении полета сопровождались натовскими истребителями Ф-16[1]. Чавес отметил на митинге, что российские бомбардировщики способны контролировать любое перемещение 4-го флота МС США в Карибском море. «Россия — с нами. Мы стратегические союзники»[2].

«Я хотел бы поблагодарить за очень хорошую организацию учений наших стратегических бомбардировщиков Ту-160, которые недавно были у вас в гостях», — сказал президент РФ Медведев в Оренбурге на встрече с Чавесом 26 сентября 2008 года[3]. Президент Венесуэлы не остался в долгу: «Это был очень серьезный опыт по сотрудничеству. Мы в восхищении остались от этих замечательных самолетов — Ту-160».

В ответ на заход боевых кораблей НАТО в Черное море во время российско-грузинского конфликта, отряд боевых кораблей ВМФ России во главе с флагманом Северного флота (а реально — всех военно-морских сил страны) тяжелым ракетным крейсером «Петр Великий» впервые с советских времен совершил осенью 2008 года поход в Западное полушарие. Вся эта сильно встре-

[1] URL: http://lenta.ru/news/2008/09/14/tu160/
[2] URL: http://afp.google.com/article/ALeqM5hAHTbxtYd_NH6jwLsV74koHO2NLQ
[3] URL: http://ria.ru/defense_safety/20080926/151625172.html

вожившая американцев операция была бы невозможна без Венесуэлы, которая приняла российские корабли в своем порту Ла-Гуайра[1].

В Карибском море состоялись первые в истории совместные маневры ВМС России и Венесуэлы. Российские и венесуэльские военные (Чавес привлек к учениям 11 боевых кораблей и 7 самолетов морской авиации) два дня занимались отработкой совместного маневрирования, высадкой на суда-«нарушители» досмотровых групп, оказанием помощи терпящим бедствие экипажам и пополнением «на волне» запасов топлива и провианта.

Чавес заявил, что не только Венесуэле, но и всей Латинской Америке «нужны такие друзья, как Россия»[2].

С другой стороны, в феврале 2008 года, после объявления независимости Косово от Сербии, Чавес заявил о том, что не будет признавать суверенитет этой республики, добавив, что подобные шаги инициированы США и направлены на ослабление России.

Тесная личная дружба связывала Уго Чавеса с президентом Белоруссии Александров Лукашенко, которого американцы и ЕС без всяких на то оснований окрестили «последним диктатором Европы».

За 2005–2011 гг. Чавес пять раз посетил Белоруссию. В 2011 году президент Венесуэлы заявил, что пять лет интенсивной работы вывели венесуэльско-белорусские отношения на стратегический уровень[3].

Если в 2006 году взаимный товарооборот составлял всего 6 миллионов долларов, то в 2010 году он достиг уже одного миллиарда, а в 2011 году — 2 миллиардов долларов (то есть столько же, сколько российско-венесуэльский товарооборот). В родном штате Чавеса Баринас в 2011 году начало работу предприятие по сборке белорусских грузовиков и тракторов. Белоруссия оказывает помощь Венесуэле в массовом строительстве жилья. На момент кончины Чавеса обе страны запланировали реализацию целого ряда масштабных проектов: строительство тепловой электростанции, газопровода, установка второй производственной линии на заводе строительных материалов.

В ноябре — декабре 2007 года были зарегистрированы совместные предприятия по сейсморазведочным работам — АО «Сисмика БелоВенесолана» и добыче нефти — АО «Петролера БелоВенесолана». С тех пор «Петролера БелоВенесолана» наращивает добычу газа и нефти в нефтяном поясе Ориноко. В марте 2010 года в Каракасе министром нефти Венесуэлы Рафаэлем Рамиресом была подписана лицензия на право разработки совместным венесуэльско-белорусским предприятием по добыче нефти шести месторождений природного газа, расположенных в Восточно-Венесуэльском бассейне. Текущая добыча с этих площадей на тот момент составляла более 1 миллиона кубометров в сутки.

---

[1] URL: http://www.rg.ru/2008/11/26/petr.html

[2] URL: http://www.nytimes.com/2008/09/23/world/europe/23ships.html?_r=0

[3] URL: http://www.i-g-t.org/2011/10/04/%D1%87%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%81-%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%8D%D0%BB%D1%8B-%D0%B8-%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81/

17 марта 2010 года состоялось торжественное открытие газокомпрессорной станции «Сота», символизирующей передачу газовых месторождений на баланс СП «Петролера БелоВенесолана».

В активе этого СП 7 нефтяных и 6 газовых месторождений. Фактическая добыча предприятия за 2008–2011 гг. составила более 3,1 млн тонн нефти, 1,7 млрд куб. м — газа, в том числе за 2011 год — 1,1 млн тонн нефти и более 700 млн кубометров газа[1].

В августе 2011 года было зарегистрировано совместное предприятие по бурению и ремонту скважин — АО «Сервисиос Петролерос БелоВенесолана».

И в Белоруссии Чавес демонстрировал интерес и уважение к подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны. Например, 24 июля 2006 года глава Венесуэлы посетил реконструированный участок минского укрепрайона, возведенного в начале 30-х годов для предотвращения угрозы военного вторжения в СССР на западном направлении (такие укрепрайоны назвали «линией Сталина»). Уго Чавес осмотрел экспозицию музея под открытым небом, лично спустился в артиллерийский полукапонир. После этого ему была показана историческая реконструкция фрагмента начального периода Великой Отечественной войны.

Когда дело дошло до сцены, когда советские солдаты лежали в крови, наша техника была все уничтожена, а город взяли солдаты со свастикой на нашивке, Чавес не выдержал:

«Я не понял, кто, в конце концов, на войне победил?». Президент успокоился только тогда, когда ему все объяснили. Тем не менее, когда началась сцена, в которой израненные советские пограничники все же отбили Заславль, терпению Чавеса пришел конец. Он выбежал на поле и подошел к солдатам. Даже охрана венесуэльского президента замешкалась на пару секунд.

Солдаты (Чавес подошел к ним с тылу) обернулись и… попали в объятия Чавеса. «Храни вас Господь!» — благословил их гость.

Затем он схватил советский флаг и выбежал на холм, где его и водрузил[2].

После окончания спектакля Уго Чавес поблагодарил участников военно-исторической реконструкции и охарактеризовал состоявшееся действо как великолепное, волшебное зрелище[3].

Когда Уго Чавес скончался 5 марта 2013 года, в Белоруссии (в отличие от России) был объявлен трехдневный траур, а Александр Лукашенко (опять-таки, в отличие от президента России) летал на похороны Чавеса в Каракас.

Чавес прилагал большие усилия по установлению и укреплению доверительных отношений с Китаем. За первую декаду третьего тысячелетия товарооборот между двумя странами вырос в 50 раз. КНР при Чавесе прочно заняла второе (после США) место среди торговых партнеров страны.

---

[1] URL: http://www.beloil.by/ru/foreign-affairs/venezuela/
[2] URL: http://www.diary.ru/~Corona-del-Norte/p186021681.htm
[3] URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2006/07/25/ic_news_112_256579/

Уже к августу 2006 года Чавес совершил в КНР четыре визита. Совместно с китайскими фирмами Венесуэла наладила производство мобильных телефонов, компьютеров и буровых установок. КНР поставляет в Венесуэлу медицинское оборудование и оказывает содействие в жилищном строительстве.

Президент Венесуэлы не скрывал своего желания переориентировать экспорт нефти с США на азиатский, и прежде всего китайский рынок. Долю стран Азии в экспорте нефти Венесуэла планировала увеличить с 15 до 45%. В 2005 году было достигнуто соглашение о поставках в КНР 30 тысяч баррелей нефти в день. В 2007 году поставки выросли до 300 тысяч баррелей, а к 2011 году — до 410 тысяч баррелей в сутки. Венесуэла хочет нарастить этот объем до 1 миллиона баррелей в ближайшие годы (примерно треть всей добываемой в стране нефти).

Венесуэльская оппозиция резко критиковала экспорт нефти в Китай как нерентабельный и «политически мотивированный». Ведь танкер до КНР идет 45 дней, а транспортные расходы составляют 5–10 долларов за баррель. Лучше, мол, не отвлекаться от традиционного американского рынка сбыта.

Тем не менее, Чавес подписал с Китаем контракт в размере 1,3 миллиарда долларов на закупку в КНР 18 танкеров.

В 2011 году в Каракасе была торжественно открыта уже третья промышленная выставка Китая в стране. Министр планирования и финансов Венесуэлы Джиордани подчеркнул, что отношения между Венесуэлой и Китаем базируются на равенстве и братстве. В том году товарооборот между двумя странами превысил 10 миллиардов долларов (в 1999 году — 200 миллионов).

В ноябре 2011 года на 10-м заседании китайско-венесуэльской Комиссии высокого уровня (учреждена в 2001 году) были подписаны контракты на несколько миллиардов долларов в таких областях как энергетика, сельское хозяйство, телекоммуникация. Президент Чавес заявил: «Это реальный стратегический альянс, которому же больше десяти лет и который дает образец того как должно развиваться сотрудничество между суверенными странами, это новая модель кооперации, новая парадигма, основанная на взаимном уважении... Венесуэла и Китай — большие друзья, большие товарищи»[1].

К 2016 году Китай построит в Венесуэле три электростанции общей мощность в 1500 мегаватт.

КНР предоставила совместному китайско-венесуэльскому предприятию «Синовенса» (доля китайской компании CNPC — 40%) кредит в 4 миллиарда долларов на цели наращивания добычи и переработки нефти, прежде всего, в бассейне Ориноко. Уже к 2009 году это предприятие увеличило добычу сверхтяжелой нефти в 4 раза до 90 тысяч баррелей в сутки, а к 2014 году этот уровень планируется поднять до 330 тысяч баррелей[2].

---

[1] URL: http://venezuelanalysis.com/news/6651

[2] URL: http://www.pdvsa.com/index.php?tpl=interface.sp/design/salaprensa/readnew.tpl.html&newsid_obj_id=7550&newsid_temas=1

Всего после прихода Чавеса к власти между Венесуэлой и КНР было подписано более 300 экономических соглашений и контрактов.

В 2007 году для финансирования совместных проектов был создан Китайско-Венесуэльский Фонд Стратегического Развития с капиталом в 4 миллиарда долларов (обе стороны обязались внести равные доли, но на практике капитал предоставили китайцы). Венесуэла занимает первое место среди стран Латинской Америки по объему китайских инвестиций.

В октябре 2008 года на орбиту китайской ракетой-носителем был выведен совместный венесуэльско-китайский спутник «Венесат-1». Чавес и президент Боливии Моралес лично присутствовали при запуске спутника.

В 2009 году Чавес лично представил общественности первый венесуэльский мобильный телефон «Вергатарио» (то есть «самый лучший», «классный» на местном сленге) стоимостью всего в 14 долларов, сделанный по китайской технологии фирмы ZTE[1]. Причем предприятие по производству этих телефонов VTELCA является социалистическим, на нем работает 170 человек, набранные местными коммунальными советами. В 2009 году планировалось произвести 600 тысяч мобильных телефонов, в 2011 году — 2 миллиона. Но реально в первый год производства было выпущено 100 тысяч штук. Чавес обвинил посредников-спекулянтов в дезорганизации системы сбыта телефонов.

В 2011 году в производство была запущена усовершенствованная модель «Вергатарио II» (в первый день было продано 45 тысяч штук). Всего в 2011 году VTELCA выпустила 1 232 000 телефонов.

Цена телефона, продаваемого государственной компанией «Мобилнет», выросла до 40 долларов.

В этом же году китайцы приобрели долю в 40% в совместном проекте по развитию венесуэльских железных дорог. С 2006 года пи содействии КНР Венесуэла начала производить собственные компьютеры.

Обе страны сотрудничают и в военной сфере. Китай поставил Венесуэле 24 легких тренировочно-боевых самолетов «Каракорум» (JL-8/K-8) китайско-пакистанского производства, а также радиолокационное оборудование[2].

Особенное недовольство в Вашингтоне вызывали венесуэльско-иранские связи. Первый раз Уго Чавес посетил Иран в 2001 году, когда США вовсю обвиняли правительство исламской республики в поддержке международного терроризма[3], хотя отметим что те, кто взорвал башни-близнецы в Нью-Йорке, прибыли отнюдь не из Ирана, а из Саудовской Аравии — стратегического союзника США на Ближнем Востоке.

---

[1] Китайцы владеют 15% капитала предприятия, инвестировав 19,5 миллиона долларов.

[2] Первый полет этого самолет состоялся в 1990 году. Самолеты было первоначально оснащены украинскими двигателями АИ-25. Максимальная скорость: 800 км/ч. Практическая дальность: 1400 км. Вооружение: одна пушка калибра 23-мм Type 23-1, управляемые ракеты: «воздух-воздух» PL-2/PL-5/PL-7 или R.550 Magic. Бомбовая нагрузка: 4 х 250 кг, корректируемые или обычные бомбы

[3] США считает террористическим дружественное Ирану шиитское движение «Хезболла» в Ливане, хотя оно входит в парламент и правительство этой страны.

Президент Ирана Мохаммед Хаттами (1997–2005 гг.) посетил Венесуэлу три раза и был в 2005 году награжден высшей наградой республики — Орденом Освободителя как «неустанный борец за дело справедливости в мире». Сам Чавес во время своего визита в Тегеран в июле 2006 года был также награжден высшей наградой Ирана — Золотой медалью Исламской республики (медаль ему вручили в его день рождения). Президент Ирана Ахмадинеджад сказал в своем выступлении: «Господин Чавес — мой брат, он друг иранского народа и всех свободолюбивых народов мира. Он неустанно борется против доминирующей в мире системы. Он слуга господа и слуга своего народа»[1].

Выступая в Тегеранском университете, президент Венесуэлы заявил: «Если США удастся консолидировать свое доминирующее положение в мире, то у человечества нет будущего. Поэтому мы должны спасти человечество и положить конец империи США»[2].

Иранское предприятие «Петропарс» заявило о намерении вложить 4 миллиарда долларов в добычу нефти и газа в Венесуэле. Вместе с индонезийцами иранцы намерены построить в Венесуэле нефтеперерабатывающий завод. Иранцы уже возвели в Венесуэле завод по сборке тракторов, цементную фабрику. Было открыто прямое авиасообщение Каракас — Тегеран. Если в 1998 году торговля между двумя странами не дотягивала даже до комической цифры в 200 тысяч долларов, то в 2008 году она достигла 57 миллионов долларов.

В марте 2005 года на востоке Венесуэлы (самый отсталый экономически регион страны) в городе Сьюдад-Боливар было основано совместное иранско-венесульское предприятие по сборке тракторов «Вениран Трактор», в которое Иран вложил 35 миллионов долларов. Теперь трактора поставляются и в другие страны: на Гаити, в Никарагуа, Аргентину, Перу Эквадор, Боливию и Колумбию. Иранская компания-партнер по СП- ITMCO (имеет 51% капитала) — до этого уже произвела более 330 тысяч тракторов, экспортировавшихся в 32 страны. В Венесуэле было произведено 6 тысяч тракторов и 5 тысяч сельхозмашин и навесных орудий для обработки почвы.

3 ноября 2006 года Чавес и его иранский коллега открыли совместное предприятие по сборке автомашин «Венирауто» — «социалистическое инновационное предприятие» (более 2300 сотрудников). В декабре 2009 года рабочие там получали в среднем 25 долларов в день[3].

СП производит легковые автомобили «Турпиал»[4] (объем двигателя 1332 куб см, основан на модели «форд фестива») и их более мощную модификацию «Сентауро» — (1761 куб. см, изготовлен на шасси «пежо 405»). Обе машины могут использовать как бензин, так и природный газ.

В 2010 году было собрано 2108 машин, предприятие закончило год с убытком. В 2009 году «Турпиал» можно было приобрести примерно за 5000

---

[1] URL: http://english.eluniversal.com/2006/07/31/en_pol_art_31A756133.shtml
[2] URL: http://english.eluniversal.com/2006/07/31/en_pol_art_31A756133.shtml
[3] The Economist, November 28-December 2009. P. 54.
[4] Названы так в честь птицы — национального символа Венесуэлы.

долларов, «Сентауро» — за 7 тысяч. В 2011 году предприятие планировало выйти на сборку 16 тысяч автомобилей, но не выполнило эту задачу — санкции против Ирана неблагоприятно отразились на поставках комплектующих из этой страны.

В 2006 году, после того как американцы прервали поставку запчастей для истребителей Ф-16 ВВС Венесуэлы, Чавес хоте продать все эти самолеты (21) Ирану (на вооружении которого еще до 1979 года находились американские самолеты и Иран наладил производство запчастей к ним). Но официальный представитель госдепартамента США Маккормак предупредил, что без согласия США Венесуэла не имеет права реэкспортировать американское оружие.

Чавес поддержал планы Ирана по развитию мирной ядерной энергетики. Заметим, что если Иран сотрудничает с МАГАТЭ, является участником Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), то союзник США Израиль в договор ДНЯО не входит, инспекций на своей территории не разрешает и обладает по разным данным несколькими десятками ядерных боеголовок. В отличие от Ирана Израиль неоднократно угрожал своим соседям (в том числе и самому Ирану) ядерными ударами.

Тем не менее, Чавес в телеинтервью в марте 2007 года осудил призыв президента Ирана Ахмадинеджада «стереть Израиль с карты мира», так как «нельзя желать зла ни одному народу». В то же время агрессию Израиля против Ливана летом 2006 года Чавес охарактеризовал как «террористическую и фашистскую».

В январе 2009 года в ответ на вооруженную операцию Израиля против палестинского движения ХАМАС в секторе Газа Венесуэла выслала израильского посла из страны, при этом Чавес назвал действия израильтян агрессией и объявил о разрыве дипломатических отношений с Израилем. Аналогичные шаги предприняла также Боливия. В ответ Израиль выслал из страны посольство Венесуэлы. Примечательно, что главного союзника США в Латинской Америке — Колумбию — Чавес назвал «латиноамериканским Израилем».

Во время своего визита в Иран в 2010 году Чавес заявил в частности: «Иран и Венесуэла едины в стремлении построить новый миропорядок, основанный на гуманизме и справедливости».

В январе 2012 года конгресс США начал «расследование» о «подрывной роли Ирана в Латинской Америке». 18 января 2012 года конгрессмен Дункан (республиканец от штата Южная Каролина) внес законопроект с пышным названием «Закон о противодействии Ирану в Западном полушарии». Законопроект требовал от всех органов исполнительной власти США бороться с «враждебным проникновением» Ирана в Латинскую Америку. 7 марта 2012 года законопроект единогласно был одобрен в комитете по внешней политике нижней платы конгресса США. 28 декабря 2012 принятый конгрессом закон подписал президент США Обама.

Согласно этому закону[1] США по-прежнему рассматривают Латинскую Америку как свой «задний двор»: «Соединенные Штаты имеют жизненно важные политические, экономические интересы и интересы в сфере безопасности в Западном полушарии». Далее в законе говорится: «Иран развивает сотрудничество со странами Латинской Америки путем подписания экономических соглашений и соглашений в сфере безопасности для того, чтобы создать сеть дипломатических и экономических отношений с целью ослабления (объявленных против него) санкций и предотвращения попыток Запада ограничь его амбиции».

Пожалуй, таким языком называемые обычно империалистическими страны стеснялись открыто говорить даже в XIX веке. Американцы, судя по закону, рассматривают Латинскую Америку как некое поле битвы между Западом и Ираном, как будто сами страны этого региона не имеют права выбирать, с кем им дружить, а с кем — нет.

Прямо названы в законе и страны, против которых он направлен: «Боливия, Куба, Эквадор, Никарагуа и Венесуэла[2] выразили свое стремление помочь Ирану в преодолении санкций путем подписания заявлений, поддерживающих ядерные амбиции Ирана и, выразив на совместной пресс-конференции в 2010 году в Тегеране свою решимость «продолжать и расширять экономические связи с Ираном», чтобы «Иран смог дать сокрушающий ответ на угрозы и санкции, которым его подверг Запад и империализм». Таким образом, в законе были напрямую процитированы слова Чавеса, хотя президент любого суверенного государства имеет право на свою точку зрения по любому вопросу мировой политики.

США назвали Венесуэлу «плацдармом для иранских инвестиций» в Латинской Америке, общий объем которых в 2012 году превысил якобы 20 миллиардов долларов.

Чавес отреагировал на закон (когда его еще обсуждали) как «смехотворные потуги империи, которую уже никто не боится»[3]. Почему-то угрозой для себя США посчитали учреждение в 2009 году Иранско-Венесуэльского банка развития, хотя есть, например, и такой же российско-венесуэльский банк. «Единственная война, которую Иран и Венесуэла ведут вместе, это война против голода, против бедности, против неравенства шансов», — отметил президент Венесуэлы.

Что касается латиноамериканской интеграции, то Чавес не остановился на разгроме в 2005 году предложенной США зоны свободной торговли для Западного полушария.

Еще в декабре 2004 года Венесуэла и Куба подписали соглашение об образовании АЛБА (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, Боли-

[1] Официальный текст закона см.: http://www.govtrack.us/congress/bills/112/hr3783/text
[2] Страны перечислены по латинскому алфавиту.
[3] URL: http://venezuelanalysis.com/analysis/6748

варианский альянс народов Нашей Америки)[1]. Частью этого соглашения было обязательство Венесуэлы поставлять на Кубу нефть (96 тысяч баррелей в день) по льготной цене в обмен на работу в Венесуэле кубинских врачей и учителей.

Позднее в рамках АЛБА была образована Зона торговли народов (Tratado de Comercio de los Pueblos, TCP). В 2006 году к АЛБА присоединилась Боливия, в 2007 году — Никарагуа, в 2008 году — Гондурас и Доминика, в 2009 году — Эквадор, Антигуа и Барбуда, а также Сен-Винсент и Гренадины. Однако при поддержке США свободно избранный президент Гондураса Селайя был свергнут и нашел убежище в бразильском посольстве (сценарий переворота как две капли воды походил на венесуэльский путч 2020 года) и новый проамериканский режим Гондураса в 2009 году покинул АЛБА. США отказались содействовать возвращению Селайи к власти, хотя формально (и очень мягко) осудили переворот.

Чавес охарактеризовал переворот в Гондурасе как «неофашистский, который совершила группа военных и гражданских горилл… они хотят, чтобы правительство Гондураса заплатило за вступление в АЛБА, за присоединение к тем, кто стремится к миру с большим достоинством и справедливостью. Они хотят закрыть двери новой истории и сохранить на помойке на заднем дворе свои мрачные привилегии»[2].

В сентябре — октябре 2010 года американцы попытались свергнуть свободно избранного президента Эквадора Корреа, но на сей раз безуспешно.

В ноябре 2008 год, во время своего официального визита в Каракас, президент России Медведев встретился с участниками саммита АЛБА. На пресс-конференции после двусторонних переговоров с Чавесом Медведев не исключил возможности ассоциированного членства РФ в АЛБА[3].

Население стран АЛБА составляет на 2013 год 69,5 миллиона человек, территория — 2,5 миллиона квадратных километров.

С 2007 года АЛБА приобрела четкую организационную структуру. Высшим органом является совет глав государств. Координацию позиции стран по политическим вопросам осуществляет Совет министров иностранных дел. Созданы рабочие группы по социальным, экономическим, финансовым, энергетическим вопросам, а также по проблемам молодежи и защиты окружающей среды. В рамках АЛБА существует и форум негосударственных социальных движений Латинской Америки

В ноябре 2008 года на саммите стран АЛБА в Каракасе было принято решение постепенно отказаться от доллара во взаимной торговле и создать новую региональную валюту СУКРЕ (Sistema Único de Compensación Regional,

---

[1] По-испански «альба» означает «утренняя заря».

[2] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 427.

[3] URL: http://ria.ru/politics/20081127/155947069.html?ria=3j4phqd537vpq4do9c62qkgv3d1tdsg7?ria=3j4phqd537vpq4do9c62qkgv3d1tdsg7

Единая система региональных взаиморасчетов)[1]. Курс новой валюты установили чуть дороже доллара: 1 СУКРЕ — 1,25 доллара США.

«Мы присутствуем при историческом событии, когда возвращается наша экономическая независимость. Теперь нам не нужны доллары для взаиморасчетов», — заявил Чавес[2].

17 апреля 2009 года в Боливии (город Кочабамба) главы государств ALBA подписали рамочное соглашение о введении СУКРЕ в торговле и для реализации проектов экономического регионального сотрудничества. По словам председательствовавшего на саммите Чавеса, СУКРЕ изначально «будет обращаться в виде виртуальной валюты», однако к 2010 году превратится в полноценную валюту, что «позволит уйти от навязанной диктатуры доллара». В соглашении содержалась статья, позволяющая другим государствам Латинской Америки и Карибского бассейна присоединиться к этому интеграционному проекту.

Примечательно, что на саммите АЛБА в Боливии присутствовала российская делегация во главе с секретарем Совета безопасности РФ Патрушевым. Приветствие саммиту направил и президент России Медведев: «Россия намерена выстраивать взаимовыгодные отношения с государствами — участниками организации, как на многосторонней основе, так и в двустороннем формате. Считаю весьма полезной свою первую встречу с лидерами АЛБА, состоявшуюся в ноябре прошлого года в Каракасе. Полагаю необходимым упрочение контактов с форумом».

Первая трансакция с использованием СУКРЕ состоялась 3 февраля 2010 года, когда Куба оплатила доставку 360 тонн риса из Венесуэлы 108 000 СУКРЕ (или по официальному курсу 97 500 евро).

В 2010 году СУКРЕ как безналичная расчетная единица была использована в двух торговых операциях между Эквадором и Венесуэлой. 1 марта 2013 года первые платежи в СУКРЕ осуществила Никарагуа: в результате трех финансовых операций венесуэльские контрагенты закупили в Никарагуа 500 тонн чёрной фасоли, 500 тонн масла и 1,5 тысячи тонн сахара.

24 марта 2013 года к соглашению об использовании СУКРЕ присоединился Уругвай.

Поначалу, как и евро, СУКРЕ должна играть роль безналичной валюты, но затем стать реальной и свободно конвертируемой денежной единицей. В настоящее время режим использования СУКРЕ очень напоминает операции с переводным рублем, региональной безналичной валютой социалистических стран членов СЭВ в 1963–1991 гг.

Проблемой является то обстоятельство, что англоязычные островные государства-участники АЛБА — Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, а также Антигуа и Барбуда — уже входят в региональную валютную группировку:

---

[1] Не путать с бывшей национальной валютой Эквадора, тоже названной в честь маршала Сукре, но выведенной из обращения. Сейчас в Эквадоре официально ходит доллар США.

[2] URL: http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/51742/

Восточнокарибский валютный союз (Eastern Caribbean Currency Union)[1] и используют региональную денежную единицу — восточнокарибский доллар. Эта денежная единица существует с 1965 года и привязана именно к доллару США в соотношении 1 доллар — 2,7 восточнокарибского доллара. Причем восточнокарибский доллар ходит и в виде наличных денег (монет и банкнот).

Чавес предпринимал активные действия по ограничению культурного и идеологического доминирования США в Латинской Америке. Он понимал, что с помощью голливудской кинопродукции, американских новостных и развлекательных телепрограмм (особенно популярной в Венесуэле был шоу «Как стать миллионером») жителям Западного полушария навязывается «американский образ жизни», не имеющий ничего общего с культурным наследием Латинской Америки.

В декабре 2005 года по закону о социальной ответственности СМИ в Венесуэле все радио- и телестанции страны должны были как минимум 50% музыкальных программ посвящать национальной музыке.

В июне 2006 год для борьбы против «диктатуры Голливуда» (эпитет Чавеса) в Каракасе была создана национальная киностудия.

24 июля 2005 года в 222-й день рождения Симона Боливара в Каракасе начал свое вещание первый латиноамериканский телеканал «ТелеСур» (полное название телерадиокомпании — Nueva Televisión del Sur C.A.). Идея создать некое «латиноамериканское CNN» первоначально принадлежала Фиделю Кастро[2].

Учредителями некоммерческого канала помимо Венесуэлы выступили Аргентина, Куба и Уругвай. Позднее присоединились Боливия и Парагвай. Большинство акционерного капитала принадлежит Венесуэле. Государственный телеканал Бразилии сотрудничает с «ТелеСур». Бюджет телеканала составил 2,5 миллиона долларов, которые в основном внесла Венесуэла. «ТелеСур» открыл бюро во многих латиноамериканских странах и в Вашингтоне. В наблюдательный совет канала входят выдающиеся представители современной культуры Латинской Америки, например, лауреат Нобелевской премии Адольфо Мария Перес Эскивель.

Оппозиция в Венесуэле немедленно окрестила канал «ТелеЧавес» и заявила, что он станет очередным орудием пропаганды «венесуэльского диктатора». Сравнивали «ТелеСур» и с катарской «Аль Джазирой», которая позиционирует себя как общеарабский телеканал. В январе 2006 года «ТелеСур» и «Аль Джазира» подписали соглашение о сотрудничестве.

Канал вещает 24 часа и 40% эфирного времени отведено новостным программам. «ТелеСур» передает также много материалов о истории, культуре и географии стран Латинской Америки. Что касается международной политики, то, например, освещая конфликт в Сирии «ТелеСур» всегда поддерживал си-

---

[1] Помимо карибских членов АЛБА в эту группировку входят Гренада, Сент-Киттс и Невис и Сент-Люсия. Общее население стран — участниц валютного союза не превышает 600 тысяч человек.

[2] Испаноязычная служба CNN вещает на все страны Латинской Америки.

рийское правительство. Канал использует для трансляции запущенный Венесуэлой с помощью Китая спутник. Оппозиционные венесуэльские газеты пытались оспорить даже сам факт успешного выведения спутника на орбиту. Они писали, что он так и не взлетел, «погас» или «упал». Чавес назвал авторов этой «информации» «медийными канальями»[1].

Вашингтону «ТелеСур» явно не понравился. Член нижней палаты конгресса США Кони Мэк предложил даже начать глушить программы канала на территории США[2].

31 июля 2012 года после почти семилетних проволочек Венесуэла официально стала полноправным членом МЕРКОСУР (Mercado Común del Sur, Общий рынок стран Юга, или Южного конуса Латинской Америки). Первым шагом к созданию объединённого рынка послужило соглашение о свободной торговле, подписанное Аргентиной и Бразилией в 1986 году. В 1990 году к этому соглашению присоединились Парагвай и Уругвай.

В своем нынешнем виде блок был создан 26 марта 1991 года в ходе первой встречи президентов Аргентины, Бразилии, Парагвая и Уругвая, состоявшейся в Асунсьоне (столица Парагвая). По окончании встречи был подписан Асунсьонский договор — основной документ, который определил механизмы, структуру таможенного союза и общего рынка четырёх государств и его задачи. С 1 января 1995 года в соответствии с Соглашением Оуро Прето, подписанным в 1994 году, МЕРКОСУР перешёл на более высокий интеграционный уровень: от зоны свободной торговли к таможенному союзу. Во внутризональной торговле для всех участников вводится единый внешний таможенный тариф (ЕВТТ) на продукцию, ввозимую из третьих стран (ставка импортных пошлин для разных товаров колеблется от 0 до 20%).

Были подписаны соглашения о свободной торговле между МЕРКОСУР и Израилем, а также с Палестиной.

Предварительно, Венесуэла подписала соглашение о членстве в МЕРКОСУР 17 июня 2006 года, но ее вступление было заблокировано сначала сенатом Бразилии, а потом сенатом Парагвая. На саммите МЕРКОСУР в декабре 2011 года в Уругвае Каракасу так же не удалось присоединиться к блоку из-за позиции парагвайского парламента. Парагвайские депутаты блокировали присоединение Венесуэлы, потому что они находились в оппозиции к своему прогрессивному президенту, которого поддерживал Чавес.

В июне 2012 года при поддержке США в Парагвае произошел переворот и свободно избранный президент страны Фернандо Луго был отстранен от власти. После этого членство Парагвая в МЕРКОСУР было приостановлено.

Страны АЛБА резко осудили происходящее в Парагвае. Венесуэла, Куба, Боливия, Эквадор, Никарагуа, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Антигуа

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 514.
[2] Jones B. Hugo. P. 428.

и Барбуда в совместном заявлении назвали импичмент президенту страны Фернандо Луго «государственным переворотом»[1].

Аргентина, Уругвай и Бразилия по этой же причине отозвали из Асунсьона своих послов.

Чавес обвинил в перевороте в Парагвае наркомафию[2].

Нет никаких сомнений, что с вступлением в МЕРОКС.УР Венесуэлы второе дыхание приобретут контакты России с этой самой важной экономической организацией Латинской Америки.

В декабре 2003 года министр иностранных дел РФ впервые принял участие в прошедшем в Монтевидео саммите МЕРКОСУР. Его участникам было передано послание президента России Путина, в котором подтверждалось стремление России к развитию сотрудничества. Принято Совместное заявление о формировании механизма многостороннего политического диалога между Россией и МЕРКОСУР. В апреле 2004 года в Буэнос-Айресе состоялся первый раунд двусторонних консультаций.

8 декабря 2004 года также по инициативе Уго Чавеса впервые в истории Западного полушария была создана организация, в которую входят все страны к югу от США. Именно об этом когда-то мечтал Боливар. Новую организацию назвали Союз южноамериканских наций (УНАСУР, по-английски Union of South American Nations, по-испански Unión de Naciones Suramericanas (UNASUR), по-португальски União de Nações Sul-Americanas (UNASUL), по-голландски Unie van Zuid-Amerikaanse Naties).

В подписанной в перуанском городе Куско декларации о создании УНАСУР говорится о стремлении добиться за 15 лет создания зоны свободной торговли. Планируется и политическая интеграция: в будущем должны быть созданы общеамериканские институты — совет министров, южноамериканский парламент и суд. Само подписание декларации было приурочено к 180-й годовщине разгрома (9 декабря 1824 года) испанских войск латиноамериканской армией под предводительством Боливара и Сукре в битве при Аякучо.

В 2006 году все 12 государств УНАСУР подписали соглашение, позволяющее их гражданам перемещаться между странами-членами без паспортов и виз.

Среди целей организации — «построение интеграционного и единого культурного, социального, экономического, политического пространства между народами, причем приоритет должен быть отдан политическому диалогу, социальной политике, образованию, энергетике, инфраструктуре, совместному финансированию и окружающей среде, устранению социального и экономического неравенства, достижению социального объединения и гражданского участия, а также укреплению демократию и снижению непропорциональности в рамках укрепления суверенитета и независимости государств»[3].

---

[1] URL: http://rus.ruvr.ru/2012_06_24/79133862/

[2] URL: http://de.rian.ru/politics/20120715/263992272.html

[3] URL: http://interaffairs.ru/read.php?item=8545

В декабре 2007 года президенты семи стран УНАСУР (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай, Эквадор) торжественно учредили в Буэнос-Айресе Южноамериканский банк (Banco del Sur) с капиталом в 7 миллиардов долларов, из которых 3 миллиарда предоставила Венесуэла, а 2 миллиарда — Бразилия. В 2009 году уставной капитал банка увеличили до 20 миллиардов долларов (Венесуэла, Бразилия и Аргентина обещали внести по 4 миллиарда).

По замыслу Чавеса банк должен был стать альтернативой МВФ и МБРР и кредитовать проекты, укрепляющие интеграцию в Латинской Америке.

Проект Южноамериканского банка получил одобрение лауреата Нобелевской премии американского экономиста Джона Стиглица. Банк должен начать операции в апреле 2013 года.

23 мая 2008 года на саммите УНАСУР в Бразилии было принято решение о создании регионального представительного органа «по образцу Европарламента».

16 декабря 2008 года в городе Салвадор (Бразилия) на внеочередном саммите УНАСУР был создан Южноамериканский совет обороны (ЮАСО), совещательный и координационный механизм, направленный на обеспечение условий для снижения напряженности на континенте. Причем венесуэльское правительство заявило о готовности предоставить для рассмотрения в Совет обороны УНАСУР полную информацию по договору о закупке вооружения в России. «Нам ничто не мешает показать договор с Россией, передать в УНАСУР информацию со всеми деталями, потому что доверие начинается с транспарентности», — заявил министр обороны Венесуэлы Каррисалес на проходившей в сентябре 2009 года в столице Эквадора Кито встрече министров обороны и иностранных дел Южной Америки[1].

Заявление Венесуэлы было вызвано требованием союзницы США Колумбии обсудить закупки Венесуэлой российских вооружений. Причем сама Колумбия отказалась предоставить данные о собственных закупках оружия в США.

В 2010 году первым генеральным секретарем УНАСУР на два года был избран бывший президент Аргентины Киршнер — друг и союзник Чавеса. Но в октябре 2010 года Киршнер умер, и его место заняла бывший министр иностранных дел Колумбии Мария Эмма Мехия.

В УНАСУР входят все 12 стран Южной Америки. Население стран УНАСУР составляет 384 миллиона человек (НАФТА — 446 миллионов), территория — 17 миллионов квадратных километров (НАФТА — 21,6 миллиона)[2]. ВВП стран УНАСУР составил в 2012 году 2,6 триллиона долларов (больше, чем

---

[1] URL: http://www.snariad.ru/2009/09/16/%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%8D%D0%BB%D0%B0-%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8C-%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%83%D1%80-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0/

[2] Зона свободной торговли в составе США, Канады и Мексики.

ВВП России), НАФТА — 12,9 триллиона. Благодаря Венесуэле и Эквадору (страны — члены АЛБА) страны УНАСУР располагают самыми большими запасами нефти в мире, самыми большими резервами пресной вода и занимают (благодаря Венесуэле и Боливии — также партнерам по АЛБА) второе место в мире по запасам газа.

До 2025 года страны-члены УНАСУР хотят достичь уровня интеграции ЕС, создав единую валюту и единые заграничные паспорта.

Чавес задумывал УНАСУР как альтернативу Организации Американских Государств (ОАГ), созданной в 1948 году под эгидой США. ОАГ часто выступала инструментом американской политики на континенте. В 1965 году под вывеской ОАГ США совершили военное вторжение в Доминиканскую республику, в 1962 году под давлением Вашингтона из ОАГ была исключена Куба. Например, УНАСУР создал свою миссию наблюдателей на выборах, чтобы заменить миссию ОАГ.

Венесуэла является активной сторонницей максимально тесной интеграции в рамках УНАСУР.

В мае 2012 года на третьем заседании Энергетического Совета УНАСУР, прошедшем в Каракасе было подписано соглашение, которое гарантирует защиту региональных энергоресурсов. Была достигнута договоренность по созданию Энергетической экспертной группы, чтобы продолжить работу с ОЛАДЕ (Латиноамериканская энергетическая организация) по развитию энергетической региональной интеграции.

В ноябре 2012 года ПДВСА предложила государственным нефтекомпаниям стран, входящих в УНАСУР, совместно инвестировать в освоение нефтегазовых месторождений в районе реки Ориноко,

В 2012 году страны — члены УНАСУР приняли план сооружения 31 инфраструктурного объекта. Он включает в себя организацию на территории Южной Америки трех транспортных коридоров, соединяющих Тихий и Атлантический океаны.

В июне 2012 года в Москве, в Латиноамериканском культурном центре имени Симона Боливара (работает при посольстве Венесуэлы) состоялась встреча послов стран, входящих в УНАСУР. На встречу были приглашены журналисты российских СМИ. Инициатором встречи стал посол Венесуэлы в РФ Уго Хосе Гарсия Эрнандес (Венесуэла в июне 2012 года приступила к временному руководству генеральным секретариатом УНАСУР). Главными темами мероприятия в Москве были названы «План работы УНАСУР в 2012 году» и «Энергетическая интеграция стран УНАСУР», а также общение участников встречи с российскими журналистами[1].

Чавес активно содействовал латиноамериканской интеграции с помощью создания общих проектов в той сфере, где Венесуэла была традиционно сильна — в производстве и торговле углеводородами.

---

[1] URL: http://interaffairs.ru/read.php?item=8545

29 июня 2005 года было объявлено о создании нефтяного альянса «Петрокарибе». Помимо Венесуэлы в него вошли Куба, Доминиканская республика, Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Белиз, Доминика, Гренада, Гайана, Ямайка, Сен-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Сент-Киттс и Невис, Суринам, Гаити, Никарагуа и Гватемала (с 2008 года).

Барбадос хотел было вступить в «Петрокарибе», но на него было оказано сильное давление о стороны США. В сентябре 2012 года с просьбой вступить в «Петрокарибе» обратился Сальвадор.

Члены альянса могут закупать венесуэльскую нефть со скидкой до 40% и отсрочкой платежа в 1–2 года. Скидки действуют лишь при превышении мировой ценой на нефть отметки в 100 долларов за баррель. Если цена на нефть больше 100 долларов, то только 60% этой цены следует уплатить в течение 90 дней. Если цена на нефть «пробьет» 200 долларов (в июле 2008 года цена составила 140 долларов), то можно оплатить лишь 30% стоимости. При отсрочке платежа и если цена на нефть превышает 40 долларов, страны-получатели платят Венесуэле 1% в год на накопившийся долг. По таким условиям члены «Петрокарибе» могут приобретать до 185 тысяч баррелей в сутки.

Часть нефти страны «Петрокарибе» оплачивают своими товарами и услугами. Куба — направлением в Венесуэлу врачей, Никарагуа — поставками мяса и молока, Доминиканская республика — бобами.

В перспективе планируется реализовать совместные проекты по добыче и переработке нефти.

За период 2005–2011 гг. страны, входящие в объединение, сэкономили 2,73 миллиарда долларов на покупке нефти у Венесуэлы. Совокупный объем поставок «черного золота» достиг за эти годы 232 миллиона баррелей. Кроме того, была создана собственная инфраструктура, позволяющая складировать 244 тысячи баррелей нефти. К 2014 году планируется увеличить объем ее емкостей до 1,17 миллиона баррелей. Кроме мощностей по переработке нефти в Венесуэле, «Петрокарибе» располагает заводами на Кубе, в Доминиканской Республике и на Ямайке.

С помощью «Петрокарибе», таким образом, Венесуэла компенсирует для бедных энергоресурсами стран Карибского бассейна колебания мировых цен на нефть, которые особенно резко выросли начиная с 2004 года.

В 2013 году «Петрокарибе» установил связи с АЛБА и решил расширить свою сферу действия за счет интеграционных проектов в иных областях экономики.

На саммите «Петрокарибе» в мае 2013 года Каракасе было принято решение создать общую экономическую зону. В ряды организации были приняты Гондурас и Гватемала (до этого имели статус наблюдателей).

9 декабря 2005 года в столице Уругвая Монтевидео президенты Венесуэлы, Аргентины и Бразилии подписали соглашение о совместном строительстве «великого газпропровода Юга» (по-испански Gran Gasoducto del Sur), который должен был пересечь с севера на юг Южную Америку. Стоимость газопровода

(с веткой в сторону Чили) длиной 15 тысяч километров оценивался в 15–20 миллиардов долларов. Всем критикам, говорившем о нереальности этого проекта с технической точки зрения, Чавес отвечал, что русские уже построили нечто подобное из Сибири в Европу.

Но в 2007 году Чавес заявил, что интерес к проекту ослаб. Дело в том, что тогда президентом Боливии был уже близкий друг Чавеса Эво Моралес. Именно Боливия снабжала газом все страны юга Южной Америки и «великий газопровод» был бы для Моралеса нежелательным конкурентом. Поэтому Чавес и не стал на нем больше настаивать.

2 декабря 2011 года в столице Венесуэлы Каракасе был создан новый союз стран западного полушария без участия США и Канады. Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) впервые объединило 33 страны Западного полушария (600 миллионов населения) в интеграционный блок, который сконцентрирует свои усилия на построении демократии и укреплении взаимовыгодных экономических отношений между странами региона, «в противовес политике пресмыкательства перед интересами США» (как это расценил МИД Венесуэлы).

Чавес на первом саммите CELAC (он был перенесен из-за болезни венесуэльского президента и состоялся 2–3 декабря 2011 года в Каракасе) выразил надежду, что новое интеграционное объединение навсегда «похоронит» «доктрину Монро» и отправит на свалку истории ОАГ.

На следующем саммите своего детища CELAC в январе 2013 года в Сантьяго (Чили) Чавес уже присутствовать не смог. Но к явному неудовольствию Вашингтона председателем самой представительной латиноамериканской организации был избран лидер Кубы Рауль Кастро.

Не будет преувеличением сказать, что именно Уго Чавес придал латиноамериканской интеграции невиданный со времен Боливара импульс.

Но такая активность Чавеса не нравилась США, и американцы мешали укреплению лидирующей роли Венесуэлы в Латинской Америке с помощью Колумбии.

Выше уже упоминалось о раскрытии венесуэльскими спецслужбами в 2004 года заговора с целью покушения на Чавеса, в котором участвовали колумбийские граждане.

В августе 2007 года по просьбе колумбийского президента Урибе Чавес согласился посредничать между правительством Колумбии и левыми колумбийскими партизанами из ФАРК с целью прекращения бушующей с 1948 года гражданской войны в Колумбии и освобождения захваченных обеими сторонами пленных и заложников. Чавес активно взялся за дело, но 22 ноября 2007 год Урибе неожиданно в одностороннем порядке прекратил переговоры, выставив президента Венесуэлы на посмешище. Чавес назвал Урибе «американской марионеткой» и «лжецом»[1] и заморозил все отношения между двумя странами.

[1] Uzcategui R. Venezuela. Revolution as Spectacle. P. 96.

Для Венесуэлы это был экономически непростой шаг, так как Колумбия являлась на тот момент вторым по значимости торговым партнером Каракаса после США, а сотни тысяч граждан обеих стран жили за счет приграничной торговли.

Колумбия вела себя нагло потому, что с 1998 года получала самую масштабную в Латинской Америке военную помощь США («план Колумбия»), критикуя в то же время Чавеса за закупки российского оружия. Только в 2006 году США выделили Колумбии на армию, военную и обычную полицию 641 миллион долларов, плюс еще 138 миллионов на экономические и социальные нужды. Американские советники находились во всех крупных противопартизанских частях колумбийской армии. Свое активное вмешательство во внутренние дела Колумбии США оправдывали потоком кокаина, который идет в Америку с территории этой страны. Якобы торговлей наркотиками занимаются по версии Вашингтона левые партизаны, хотя известный на весь мир «медельинский наркокартель» был связан как раз с армией и полицией Колумбии.

В марте 2008 колумбийская армия пересекла границу Эквадора и убила на территории этой страны спикера ФАРК Пауля Рейеса. Чавес заклеймил агрессию как «трусливое убийство» и назвал Колумбию такой же марионеткой США в Латинской Америке как Израиль на Ближнем Востоке. В прямом телеэфире Чавес отдал приказ министру обороны Венесуэлы перебросить на границу с Колумбией 10 батальонов, том числе два танковых[1].

В июле 2008 года Чавес и Урибе встретились и решили возобновить двусторонние отношения. Чавес сказал, что «…мы приговорены к тому, чтобы жить вместе».

Но в Боготе и Вашингтоне так явно не считали. В 2009 году новое левое правительство Эквадора отказалось продлевать соглашение о предоставлении ВВС США базы на своей территории, которая была нужна американцам якобы для полетов американских самолетов с целью отслеживания и пресечения наркотрафика по Тихому океану.

В июле 2009 года о предоставлении ВВС США семи баз на своей территории объявил Урибе. В ответ Чавес опять заморозил все отношения с Колумбией, причем на этот раз была прекращена пограничная торговля и остановлена закупка всех колумбийских товаров. Объем взаимной торговли на тот момент превышал 7 миллиардов долларов в год)[2]. Каждый день венесуэльско-колумбийскую границу с коммерческими целями пересекали 30 тысяч колумбийцев, а несколько миллионов граждан Колумбии постоянно находились в Венесуэле.

Чтобы компенсировать прекращение импорта из Колумбии продовольствия и прочих потребительских товаров, Чавес распорядился на 1,1 миллиарда

---

[1] Переброска показала неудовлетворительное техническое состояние находившихся на вооружении Венесуэлы устаревших американских танков. После этого Чавес принял решение закупить у России 92 танка Т-72. Поставки были успешно завершены к апрелю 2012 года.

[2] The Economist, September 2009. P. 58.

долларов закупить рис, мясо, автомашины (ранее из Колумбии завозили 10 тысяч автомашин) в других странах, в частности в Аргентине.

Правительство Колумбии объявило об усилении военного присутствия на границе с Венесуэлой и развертывании там подразделений авиации. План предусматривал переброску шести авиационных эскадрилий и усиление военных баз в непосредственной близости от венесуэльской границы. Некоторые самолеты и вертолеты ВВС Колумбии пилотировали граждане США. 30 октября 2009 года американские военнослужащие прибыли на предоставленные им в Колумбии базы.

Размещение американских войск в Колумбии осудили все страны — члены АЛБА.

22 июля 2010 года Чавес объявил о разрыве дипломатических отношений с Колумбией, и Венесуэла обратилась в УНАСУР с просьбой созвать экстренную встречу министров иностранных дел. Характерно, что колумбийцы УНАСУР игнорировали и заявили, что будут обсуждать отношения с Венесуэлой лишь в рамках ОАГ (т. е. с участием США). Колумбия обратилась с жалобой в ОАГ на Венесуэлу, которая якобы создает на своей территории базы ФАРК. Это обвинение в Каракасе назвали «откровенной ложью».

США заявили, что в случае военного конфликта между Колумбией и Венесуэлой придут Боготе на помощь.

В августе 2010 года при посредничестве президента Аргентины прошла встреча Чавеса с новым президентом Колумбии Мануэлем Сантосом и оба государства решили опять нормализовать двусторонние связи. В 2011 году две соседние страны договорились согласовать новый перечень льготных таможенных тарифов для поддержания надежных торговых связей. Был также подписан целый ряд других соглашений, направленных на укрепление безопасности, борьбу с контрабандой наркотиков и стимулирование развития инфраструктуры в приграничных районах.

Все время президентства Джорджа Буша американо-венесуэльские отношения были крайне напряженными, если не сказать открыто враждебными и в Вашингтоне не делали ничего для их нормализации.

Когда в январе 2009 года новым президентом США стал демократ Барак Обама, многие в Латинской Америке поверили в его обещание разжать кулак и протянуть былым противникам ладонь для рукопожатия. «Руку братства» пообещал Обаме и Чавес: «Среди них (протянутых США рук) будет и рука этого солдата революции и руки миллионов граждан и гражданок Венесуэлы, которые хотя Обама этого еще не знает, строят здесь настоящую демократию: демократический социализм»[1].

Но если Обама и правда провел довольно существенные реформы в США, то во внешней политике изменилась только риторика. Американцы пре-

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 284.

кратили осыпать Чавеса площадной бранью, и венесуэльский президент в ответ не допускал никаких выпадов в адрес лично Обамы.

Но стоило Чавесу осенью 2009 года совершить двухнедельное турне по России, Ливии, Алжиру, Ирану, Сирии и Белоруссии, как президента Венесуэлы подвергла жесткой критике новая госсекретарь США Хилари Клинтон. По ее мнению, закупки Венесуэлой оружия в России «спровоцируют в Латинской Америке гонку вооружений» (хотя реально эту гонку начала напичканная американским оружием Колумбия). Спикер госдепартамента назвал визит Чавес «серьезной угрозой стабильности»[1]. Власти США добились закрытия в Андорре банковских счетов, которые принадлежали якобы неким «приближенным» Чавеса.

Видимо, Чавес посещал «не те» страны. Особенно американцев злило сотрудничество Венесуэлы с Ираном. Но Чавес не хотел поступаться самостоятельностью и назвал президента Ирана Ахмадинеджада «гладиатором антиимпериалистической борьбы…примером твердости, постоянства и битвы за свободу своего народа»[2]. «Иранская революция и Боливарианская революция, — подчеркнул Чавес, — являются дочерьми одной и той же Истории, истории борьбы наших народов за освобождение».

В МАГАТЭ Венесуэла вместе с Кубой и Сирией поддержали позицию Ирана по мирному использованию ядерной энергии.

В конце 2010 года Венесуэла отказалась выдать агреман новому послу США в Каракасе Ларри Палмеру. Палмер, видимо не зная дипломатического этикета, публично назвал венесуэльские вооруженные силы мало боеспособными и в который раз бездоказательно обвинил администрацию Чавеса в связях с колумбийскими повстанцами. В ответ на справедливое возмущение Чавеса столь явной недипломатичностью американского дипломата, власти США выдворили из страны посла Венесуэлы.

После этих событий в январе 2011 года госсекретарь Клинтон впервые снизошла до неофициальной встречи с президентом Венесуэлы, причем посредниками в налаживании контактов выступили актер Шон Коннери и кинорежиссер Оливер Стоун. Последний публично заявил, что «восхищен» Чавесом за его успехи в борьбе против бедности в Венесуэле.

Чавес и Клинтон столкнулись на инаугурации президента Бразилии Дилмы Русеф. Чавес хотел спросить Хиллари «Как Ваш муж?», но перепутал английские слова «муж» и «жена». Клинтон рассмеялась, и на этом встреча завершилась. Чавес отметил, что ему понравился «спонтанный и искренний смех госсекретаря»: «Я и сам так смеюсь»[3].

Президент Венесуэлы активно трансформировал роль своей страны в мировой экономике.

---

[1] The Economist, September 19, 2009. P. 57.
[2] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 535.
[3] URL: http://www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-12104343

1 мая 2007 года Чавес объявил о приостановлении сотрудничества Венесуэлы с Всемирным банком и Международным валютным фондом. Причиной этого шага президент называл стремление дистанцироваться от международных финансовых институтов, находящихся под контролем США. Выступая в эфире венесуэльского телевидения, Чавес обвинил эти организации в том, что они «эксплуатируют небольшие государства» и являются «инструментом североамериканского империализма»[1]. «Мы выходим из этих организаций, — заявил Чавес. — И мы заставим их вернуть то, что они у нас отняли». При этом венесуэльский президент выразил точку зрения, что МВФ и Всемирный банк находятся «в глубоком кризисе».

Чавес был абсолютно прав в своей оценке, если учесть, что по неписаному правилу президентом Всемирного банка всегда почему-то всегда является американец, а в МВФ тоже по неписаному правилу возглавляет представитель стран ЕС. В МВФ у США с их 16% голосов есть фактическое право вето, так как принципиально важные решения фонда принимаются большинством в 85% голосов.

По инициативе Чавеса многие страны Латинской Америки фактически приостановили сотрудничество с МВФ. Если в 2005 году на страны региона приходилось 80% непогашенных кредитов фонда (общим объемом в 81 миллиард долларов), то в 2008 году — менее 1% из 17 миллиардов долларов.

В сентябре 2005 года Венесуэла вывела из США в Западную Европу свои золотовалютные резервы. Венесуэльские власти также вывели свои активы из американских облигаций — они были проданы, а вырученные средства были также переведены в Европу и другие страны. Такие действия Чавес объяснил экономическими рисками и оказался прав — вскоре в США разразился мощный финансовый кризис, перешедший в мировой.

После мирового кризиса, в 2011–2012 гг. Венесуэла решила перевезти свое золото из заграничных банков на родину. 14 тонн золота было в январе 2012 года доставлено в аэропорт Каракаса из Европы. Всего за два предыдущих месяца в Венесуэлу было перевезено 160 тонн золота на общую сумму около 9 миллиардов долларов. За рубежом Венесуэла оставила примерно 15% своего золотого запаса, или 50 тонн, для обеспечения внешнеэкономических финансовых операций. Чавес заявил о готовности Венесуэлы разместить часть золотовалютных резервов в дружественных странах — России, КНР и Бразилии. Глава МИД РФ в ответ сказал, что Россия готова рассмотреть такой вариант.

В августе 2011 года Чавес сообщил о полной национализации добычи золота в Венесуэле. Хотя эксклюзивные права государства на добычу золота были закреплены в Венесуэле еще в 1965 году, тем не менее, в добыче золота участвовали канадские компании (месторождение «Лас-Кристинас»). Когда мировые цены на золото упали до 550 долларов за тройскую унцию, то канадская компания Placer Dome сама отказалась от дальнейшей разработки место-

[1] URL: http://lenta.ru/news/2007/05/01/pullout/

рождения, и оно было передано китайцам. Потенциал «Лас-Кристинас» оценивается в 17 миллионов унций[1].

В 2009 году добыча золота в Венесуэле оценивалась в 10,5 тонны (2003 год — 7,9 тонны). Общие запасы золота в Венесуэле оцениваются в 10 тысяч тонн.

Как и в случае с нефтью, иностранным компаниям разрешается участие в совместных предприятиях с венесуэльским государством, но последнее должно иметь в СП большинство капитала.

В ОПЕК Венесуэла при Чавесе (равно как и Иран) всегда принадлежала к тому крылу этой организации, которое стремится не допускать падения мировых цен на нефть. Напротив, Саудовская Аравия и другие реакционные монархии стран Персидского залива склонны следовать указаниям США, которым невыгоден слишком сильный рост цен на нефть.

Например, в апреле 2013 года, когда цена сорта «брент» упала ниже 00 долларов за баррель Иран и Венесуэла немедленно предложили созвать экстренную встречу ОПЕК для снижения квот добычи. Отметим, что такая позиция Венесуэлы в ОПЕК крайне выгодна для Российской Федерации, чья экономика очень сильно зависит от колебаний мировых цен на нефть.

В 2008 году ОПЕК обратилась к России с просьбой войти в состав организации, но Москва ответила отказом. Дело в том, что Россия является одной из немногих стран мира, где добыча нефти не сосредоточена в руках государства, поэтому российское правительство якобы не может гарантировать соблюдение квот на добычу, устанавливаемых ОПЕК для каждой страны.

В октябре 2011 года Чавес на встрече с вице-премьером правительства РФ Игорем Сечиным[2] предложил России создать свою ОПЕК. По мнению Чавеса, новый «супер-картель крупнейших нефтедобывающих стран» сможет нормально сосуществовать с ОПЕК. Президент Венесуэлы отметил, что существующая организация не пострадает от появления нового картеля. Чавес добавил, что в свою очередь, Венесуэла «играла и будет играть в ОПЕК важную роль»[3].

Никакой реакции на свое предложение о «новой ОПЕК» Чавес из России так и не получил.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на весьма прохладные политические отношения с США, Венесуэла при Чавесе точно и скрупулезно соблюдала все свои обязательства по поставкам нефти на американский рынок.

Мировой финансовый и экономический кризис 2008-2009 года явился сложным испытанием для Венесуэлы, которая, так же как и Россия, очень зависит от мировых цен на нефть. К тому же в Венесуэле кризис усугубился в 2009

---

[1] URL: http://www.theglobeandmail.com/report-on-business/international-business/latin-american-business/miners-wonder-what-venezuelan-regime-change-will-mean/article9337171/

[2] Позднее возглавил государственную нефтяную компанию «Роснефть»

[3] URL: http://www.lenta.ru/news/2011/10/07/opec/

году тяжелой засухой, которая привела к падению выработки электроэнергии на ГЭС страны.

Перед кризисом экономика Венесуэлы быстро росла целых пять лет. В 2007 году ВВП увеличился на 8%, в 2008 — на 5,7%[1]. Страна накопила только за время президентства Чавеса, несмотря на резкий рост социальных расходов, более 42 миллиардов долларов золотовалютных резервов. Безработица упала до невиданного в новейшей истории Венесуэлы уровня в 5,5%.

В отличие от прошлых времен экономический рост шел на пользу всем гражданам, а не только олигархии.

В 2008 году было построено 80 тысяч новых квартир каждая площадью 70–80 кв. метров. Причем государство предлагало их по цене не выше 180 тысяч боливаров (примерно 25 тысяч долларов). Часть стоимости для малоимущих власти субсидировали, предоставляя кредит на 30 лет под 4,5% годовых (что было примерно в 6 раз ниже уровня инфляции).

В 2007 году Венесуэла в Индексе развития человеческого потенциала ООН набрала балл в 0,844 (один полный бал означает, что люди в данной стране максимально счастливы). До Чавеса Венесуэла имела балл 0,74.

Венесуэльцы в среднем потребляли в день 2700 килокалорий, что было выше уровня 1998 года на 39%.

Если до Чавеса на социальные нужды шло примерно 14% бюджета Венесуэлы, то в 2010 году — 45,73%.

Авторитетная организация «Латинобарометро», проводящая исследования и опросы общественного мнения, назвала Венесуэлу страной с самым низким социальным неравенством в Латинской Америке.

Бюджет Венесуэлы на 2009 года был составлен исходя из цены на нефть в 60 долларов за баррель, но к январю 2009 года вследствие мирового экономического кризиса цена «черного золота» опустилась ниже 40 долларов.

Поэтому Чавес огласил в марте 2009 года ряд мер бюджетной экономии. Расходы бюджета были урезаны на 6,7%,[2] и новый бюджет исходил уже из среднегодовой цены на нефть в 40 долларов. В основном жесткая экономия затронула сам госаппарат — был наложен мораторий на закупки дорогих машин, ремонт офисов, корпоративы и т.д. Были сокращены также зарубежные поездки чиновников. Чавес отметил, что сотрудники его президентского аппарата недовольны, так как получат в этом году меньший рождественский бонус, чем годом раньше[3]. Заметив, что приказывать он не может, Чавес обратился с просьбой ко всем высокооплачиваемы выборным чиновникам, чтобы они снизили себе жалование в сложное для страны время.

Был с 9 до 12% повышен НДС (до этого в докризисный период правительство сократило его на 5%).

---

[1] The Economist, May 2nd. P. 47.
[2] The Economist, March 28, 2009. P. 54.
[3] URL: http://mrzine.monthlyreview.org/2009/bracci230309.html

Однако расходы на социальные программы урезаны не были. Наоборот, минимальная заработная плата в два приема была повышена на 20% (в мае и сентябре 2009 года). Эта мера затронула 2,6 миллиона человек, и Венесуэла превратилась в страну с самой высокой минимальной оплатой труда в Латинской Америке (примерно 400 долларов в месяц).

Несмотря на падение цен на нефть (а значит, и доходов ПДВСА) правительство не стало повышать цены на бензин (они являлись одними из самых низких в мире). Президент лишь призвал автолюбителей экономнее расходовать горючее.

Чавес заверил венесуэльцев: «Будьте уверены! Нет такого кризиса, который смог бы задержать движение Венесуэлы к социализму!»[1]

Благодаря активной экономической политике правительства. Венесуэла оказалась одной из немногих стран мира, сумевшей избежать во время кризиса роста безработицы. В феврале 2009 года (пик падения цен на нефть) безработными были 927 045 венесуэльцев (7.7% рабочей силы)[2]. В США в это время не имели работы более 10% активного населения. Причем следует отметить, что экономически активным населением в Венесуэле считаются лица в возрасте от 15 до 65 лет.

В отличие от многих стран (например, России) Чавес сначала отказался девальвировать национальную валюту боливар по отношению к доллару. В Венесуэле, где большинство продуктов питания по-прежнему ввозилось из-за границы, такая мера нанесла бы сильнейший удар по потреблению, прежде всего, бедных.

Даже в кризисный для мировой экономики год Чавес нашел средства для запуска новых социальных программ. Выше уже упоминался «Революционный план чтения», стартовавший в апреле 2009 года. В августе 2009 года был принят новый закон об образовании, нацеленный на то, чтобы все дети Венесуэлы посещали школу. Местные школы передавались под контроль коммунальный советов. Впервые все образование в Венесуэле было объявлено бесплатным.

Программы школ и университетов подлежали пересмотру в сторону более «социалистического уклона» и трудового воспитания. Оппозиция пригрозила начать с сентября 2009 года массовый бойкот школ и университетов, но у не ничего не вышло.

Новые и уже существующие социальные программы финансировались за счет золотовалютных резервов (правительство изъяло 12 миллиардов долларов из 42), а также за счет роста внутреннего долга с 14 до 36 миллиардов боливаров. Заметим, что Венесуэла, которая якобы была непривлекательной для инвесторов, могла занимать на 10 лет под 6,55% годовых (примерно, как Бразилия), в то время как член НАФТА Мексика — под 8,27%[3]. Это неудивительно — Венесуэла была страной с самым низким уровнем как внутренней, так и внешней

---

[1] The Economist, March 28, 2009. P. 54.
[2] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 346.
[33] The Economist, June 20, 2009. P. 94.

задолженности, и вполне могла себе позволить несколько нарастить долг без всякого ущерба для своей кредитоспособности. Внутренний долг страны составлял всего 4% ВВП, а внешний — 9,3%. В Западной Европе не было ни одной страны, где бы долг был менее 50% ВВП, а в США он в то время подбирался к отметке в 100% ВВП.

Уго Чавес назвал мировой кризис 2008–2009 гг. «превосходным», так как этот кризис воочию показал неспособность капитализма к поступательному развитию: «Я всегда утверждал: мы присутствуем при родах, когда наша боливарианская революция, то есть все новое, никак не родится, а старое, капитализм, основанный на порочной по своей сути системе неравенства, никак не отомрет»[1].

В «кризисном» 2009 году ВВП Венесуэлы по данным МБРР сократился на 2,9% (ФРГ — на 5,1%, Италии Японии — на 5,5%, Мексики — на 6%, России — на 7,8%, США — на 3,5%)[2].

С целью борьбы с инфляцией власти Венесуэлы в 2009 году установили предельные цены для 12 наиболее социально значимых товаров, таких как рис, сахар, кофе сыр, сухое молоко, растительное масло, томатная паста. Однако так как розничная торговля и производство оставались в основном частными, то торговцы стали придерживать товары для «черного рынка» и в магазинах был отмечен дефицит дешевых продуктов.

Тогда Чавес в феврале 2009 года отдал приказ армейским частям временно занять все предприятии по производству риса, чтобы заставить собственников производить максимально возможное количество этого основного для питания венесуэльцев продукта. Самое крупное венесуэльское предприятие по производству риса «Эмпресас Полар» (оно же занималось пивоварением) утверждало, что сократило производство до 50% мощностей из-за недостатка сырья. Но военные нашли на предприятии двухмесячный запас риса. Пи этом владелец этого крупнейшего в Венесуэле частного предприятия (с объемом продаж в 6 миллиардов долларов) Лоренцо Мендоса согласно журналу «Форбс» накопил состояние в 4 миллиарда долларов.

В середине 2009 года власти временно взяли под контроль кофейные плантации дух крупнейших производителей кофе в стране — «Фама де Америка» и «Кафе Мадрид». Обе компании, захватившие 70% венесуэльского рынка, резко сократили производство, и Чавес обвинил их том, что они тайно сбывают кофе в Колумбию.

«Наша цель состоит в том, — говорил Чавес, — чтобы сломать хребет дикой спекуляции, которая последнее время безнаказанно царила в стране»[3].

В 2009 году Венесуэлы пережила и мини-банковский кризис. В сентябре-октябре 2009 года Рикардо Фернадес Барруеко во главе группы инвесторов

---

[1] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 349.
[2] URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG
[3] Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. С. 556.

скупил четыре банка — Canarias, Confederado, Bolívar и BanPro — которые вместе контролировали 5,7% венесуэльского банковского рынка

Новые собственники начали быстро выводить за границу активы (деньги вкладчиков и бюджета) и в конце 2009 год Фернандеса арестовали. Выяснилось, что он был связан с братом министра в кабинете Чавеса Арне Чакона. Чавес не терпел коррупции, и министру пришлось уйти в отставку.

Три банка группы Фернандеса были национализированы и слиты с еще одним государственным банком: новый супербанк контролировал 20% рынка банковских услуг. Деньги вкладчиков были спасены.

В июне 2010 года Центральный банк взял под управление 11-й по величине частный банк страны «Банко Федераль» (2,8% всех банковских депозитов), так как он не выполнил нормы обязательного резервирования.

Всего с конца 2009 года, чтобы избежать банкротства банков, правительство взяло под контроль 12 кредитных учреждений.

В мае 2009 года на Венесуэлу обрушилась самая сильная за 50 лет засуха, и до ноября осадков выпало очень мало. Реки обмелели, и производство электроэнергии сильно сократилось. Нехватка воды поставила под угрозу работу крупнейшей в стране центральной гидроэлектростанции «Гури», расположенной в штате Боливар на юго-востоке Венесуэлы (станция мощностью 10 тысяч мегаватт вырабатывала 73% всей электроэнергии Венесуэлы). Уровень воды в водохранилище этой ГЭС упал на 10 метров и мощность «Гури» сократилась в два раза.

Заметим, что «Гури» наряду с китайской «Саньса» и бразильской «Итайпу» входила в пятерку самых мощных ГЭС мира. Мощность самой крупной российской ГЭС — Братской — 4500 мегаватт.

В октябре 2009 года Чавес призвал соотечественников экономить электричество: «Если вы собираетесь поваляться в ванной с мыльной пеной, включить джакузи... какой это, по-вашему, коммунизм? Сейчас не время для джакузи. И не оставляйте включенным телевизор»[1]. Президент призвал соотечественников принимать душ за три минуты.

Следует отметить, что в связи со значительным ростом уровня жизни широких слоев населения при Чавес в стране сильно прибавилось бытовой электроаппаратуры, и энергопотребление скакнуло вверх. Ежегодно потребление электроэнергии с 2005 года вырастало на 7%[2].

На заседании совета министров Венесуэлы Чавес объявил о создании министерства электроэнергии и специальной стратегической комиссии во главе с вице-президентом Рамоном Каррисалесом для преодоления кризиса.

Президент Венесуэлы также подписал декрет, в соответствии с которым в стране вводился комплекс чрезвычайных мер направленных на сокращение энергопотребления. В частности, запрещался импорт в Венесуэлу неэкономич-

---

[1] URL: http://rus.newsru.ua/world/22oct2009/econom.html
[2] The Economist, November 7th, 2009. P. 51.

ных электрических приборов, а предприятия государственного сектора экономики обязаны были сократить расход электроэнергии на 20%.

С 1 января 2010 года были введены ограничения на подачу электричества в торгово-развлекательные центры и промышленные предприятия. Для последних ввели жесткие лимиты потребления: два мегаватта для небольших структур и пять — для крупных. Кроме того, с того времени по всей стране, за исключением Каракаса, стали проводиться веерные отключения электроэнергии — ток отключали каждый второй день на 4 часа.

В феврале 2010 года в Каракас прилетела кубинская делегация во главе с вице-президентом Кубы Рамиро Вальдесом. Кубинцы предложили ряд мер по борьбе с энергетическим кризисом. По словам Чавеса «кубинцы разработали необычайно эффективный план преодоления энергетического кризиса».

Оппозиция выступила с очередным протестом против «кубанизации» и организовала комитет пострадавших от отключений электроэнергии.

8 февраля 2010 года Чавес объявил о введении чрезвычайного энергетического положения «в связи с небывалой засухой» сроком на 60 дней. Власти приняли решение о совокупном уменьшении потребления электроэнергии на 1700 мегаватт.

Мера была экстренной — эксперты предупредили, что в противном случае вся ГЭС «Гури» в мае 2010 года будет вынуждена прекратить работу. В апреле 2010 года до уровня полной остановки ГЭС оставалось 8,79 метра воды в водохранилище.

В отношении неэкономных граждан и предприятий вводились меры экономического воздействия. По сообщению оппозиционной газеты «Эль Универсаль», физические лица, допустившие перерасход электроэнергии, были вынуждены платить за электричество по двойному тарифу. А предприятиям, которые не снизят потребление электроэнергии минимум на 20%, угрожало закрытие. Кроме того, СМИ стали публиковать «позорные списки» с именами граждан, наносящих урон «революционной экономике»[1].

Напротив, для бережливых граждан, расходующих энергию меньше нормы, плата за пользование электричеством может быть понижена в полтора раза. Коммунальные советы начали раздавать гражданам миллионы энергосберегающих лампочек.

Заметим, что на момент начала энергетического кризиса Венесуэла потребляла на душу населения больше электроэнергии, чем любая страна Латинской Америки[2].

Чавес также объявил о создании правительственного фонда, средства которого пойдут на реализацию национальных программ в области электроэнергетики. Согласно планам президента размер фонда должен был составить 1 миллиард долларов США. Эта сумма была разверстана между 109 программами, 59 из которых представляют собой проекты по производству и распреде-

[1] URL: http://www.pravda.ru/world/restofworld/southamerica/11-02-2010/1012063-chaves-0/
[2] URL: http://es.wikipedia.org/wiki/Crisis_energ%C3%A9tica_de_Venezuela_de_2009-2013

лению электроэнергии, а остальные 50 — проекты по техническому обслуживанию и ремонту объектов энергетического комплекса. Реализация этих проектов, как заявил Чавес, должна помочь преодолеть нынешний энергетический кризис в Венесуэле и не допустить повторения подобных ситуаций в будущем.

Энергетический кризис заставил Чавеса в начале 2010 года пойти на крайний с его точки зрения шаг — девальвацию национальной валюты боливара.

Правительство Венесуэлы и до Чавеса контролировало обменный курс национальной валюты. Чавес прибег к этой мере лишь в результате «нефтяной забастовки» 2002–2003 гг., когда страна из-за действий оппозиции осталась без иностранной валюты. В феврале 2004 года за один доллар давали 1920 боливаров, в 2005–2150. В январе 2008 года была проведена деноминация и новый «сильный боливар» стал стоить 2,15 боливара за доллар.

Существовало фактически три курса боливара к доллару. Один — льготный — предназначался для импорта жизненно важный товаров. Второй — менее льготный — для всего остального импорта. По этим курсам валюту импортерам предоставляло государство. Существовал еще и свободный обменный курс черного рынка.

Чавес пояснил, что были девальвированы два «государственных» курса — на импорт важнейших товаров[1] (в этом случае доллар был равен 1,5 боливара) и на импорт прочих товаров (2,15 боливара за доллар). Теперь два государственных курса свели в один — 4,3 боливара за доллар.

При этом третий курс боливара — свободный или «параллельный» — не только не упал, но и начал укрепляться. Если в начале января 2010 года за доллар давали 6,4 боливара, то 15 января — 5,7. Ослабив «официальные» курсы, правительство одновременно выбросило на рынок 50 миллионов долларов. Чавес объявил о намерении властей приблизить курс черного рынка к официальному с помощью валютных интервенций. Резервы центрального банка Венесуэлы (35 миллиардов долларов на 07.01.2010) позволяли вести такую политику.

Таким образом, девальвация не носила резкого или драматического характера. Чавес объяснил девальвацию следующим образом: «Эта мера нужна для поддержания производительной экономики, для сдерживания того импорта, который не особо необходим, и для стимулирования экспорта. Нам необходимо прекратить быть страной, которая лишь экспортирует нефть»[2].

Однако под предлогом девальвации владельцы частных магазинов увеличили цены на товары (хотя и раньше часто покупали импортные товары по свободному курсу), и это прежде всего отразилось на простом народе. Особенно сильно подскочила в цене импортная бытовая техника. Тогда Чавес обвинил торговцев в «спекуляции» и пригрозил им национализацией.

---

[1] Продовольствие, лекарства, книги, ключевое промышленное оборудование.
[2] URL: http://www.vremya.ru/2010/1/8/245083.html

У президента слова с делом обычно не расходились: в стране были экспроприированы десятки магазинов.

Девальвация еще больше подстегнула инфляцию, которая в 2009 году составила и так примерно 30%.

В начале 2010 года экономическую ситуацию в стране негативно оценивали более 60% респондентов, а рейтинг Чавеса упал до небывало низкой отметки в 44%.

Оппозиция утверждала, что истинной причиной энергетического кризиса является изношенное оборудование государственной энергетической компании.

Президент заметил, что оппозиция молится, чтобы не было дождей: «но дождь пойдет, так как Иисус — боливарианец!»[1]

30 ноября 2010 года чрезвычайный энергетический режим был отменен.

В такой очень непростой экономической обстановке в Венесуэле проходили 28 сентября 2010 года парламентские выборы. В них впервые участвовала только что образованная Социалистическая единая партия Венесуэлы. В то время в партии официально насчитывалось 5 миллионов членов. Оппозиция (которая бойкотировала предыдущие парламентские выборы)[2] тоже впервые объединилась единую коалицию на выборах в Национальное собрание — Коалицию демократического единства.

Из 165 депутатов Национального собрания 110 избирались по одномандатным округам, 52 — по партийным спискам, 3 места резервировались для коренного населения. Ранее по партийным спискам избиралась половина депутатов, но в 2009 году закон был изменен.

Национальный избирательный совет провел в августе 2010 года пробные выборы для отработки электронных машин для голосования. Тысячи машин были предоставлены коммунальным советам, чтобы избиратели могли с ними поближе познакомиться. 400 тысяч членов избирательных комиссий были отобраны Национальным избирательным советом по методу случайной выборки. Венесуэльские неправительственные организации отправили на участки 624 наблюдателя. Каждой из участвовавших в выборах партий или коалиций разрешили пригласить по 30 иностранных «гостей». К концу августа 2010 года при Национальном избирательном совете было аккредитовано 200 наблюдателей, в том числе от ООН, ЕС, ОАГ и Африканского союза.

Как и ранее оппозиция контролировала телеэфир. На конец августа 2010 года на ее долю приходилось почти 75% времени, отведенного на национальных телеканалах на предвыборную агитацию. Больше половины этого времени приходилось на круглосуточный новостной канал «Глобовизион».

---

[1] URL: http://www.guardian.co.uk/world/2010/mar/11/venezuela-energy-crisis-chavez

[2] Уже во время работы Национального собрания 11 его членов из 165 перешли на сторону оппозиции либо объявили себя независимыми.

Напротив, еженедельная программа Чавеса «Алло, президент» была снята с эфира после официального начала избирательной кампании 25 августа 2010 года.

В мае 2010 года СЕПВ провела праймериз (приняли участие 2,5 миллиона человек из 17 миллионов зарегистрированных избирателей), на которых были избраны 3500 «прекандидатов» на 110 мест по одномандатным округам.

В оппозиционную коалицию вошли более 50 партий, из них 16 — общенациональных (остальные — регионального масштаба). Костяком коалиции были «динозавры» эпохи Пунто-Фихо — КОПЕЙ и АД, которым ассистировал МАС Петкова, сталинисты из «Красного знамени» и «Дело Р». Активными членами коалиции была «Справедливость…» Каприлеса, а также переметнувшиеся в лагерь оппозиции социал-демократы из ПОДЕМОС. Среди основных кандидатов оппозиции была Мачадо из «Сумате» и соперник Чавеса на президентских выборах 2006 года Росалес. 9 полицейских, осужденных за стрельбу по демонстрантам во время попытки переворота 2002 года, были объявлены оппозицией политическими заключенными и также внесены в списки кандидатов.

Помимо энергетического кризиса оппозиция сделала своей главной темой неспособность властей бороться с уличной преступностью.

Насилие на улицах венесуэльских городов было распространено задолго до прихода Чавеса к власти. Главной социальной причиной преступности было скопление в предместьях больших городов (особенно Каракаса) масс бедного, приехавшего из села населения в 50–60-е годы. Эти люди перебивались случайными заработками (их называли «работники неформального сектора») и вечная бедность заставляла их грабить и убивать даже ради небольших сумм денег. В трущобах царили местные преступные группировки, промышлявшие, в том числе рэкетом и сбытом наркотиков.

В 2007 году в Венесуэле было зарегистрировано 48 убийств на 100 тысяч человек населения (в Бразилии — 27, в Перу — 10)[1]. В 2011 году Каракас стал шестым в мире крупным городом по количеству убийств — 98 на 100 тысяч жителей. Примечательно, что все первые 20 мест в этом мрачном списке занимают латиноамериканские города, за которыми следует американский Новый Орлеан. В 1999–2010 гг. Венесуэле было совершено 118 541 убийство.

Правительство Чавеса боролось с преступностью, пытаясь воздействовать на ее социальные корни — бедность жителей городских трущоб. Но эти меры не могли дать быстрого результата, тем более на фоне экономического и энергетического кризисов. Что же касается текущей правоохранительной деятельности, то полиция подчинялась губернаторам штатов и мэрам. В Каракасе с 2008 года власть была у оппозиции, и новый мэр по политическим

[1] Uzcategui R. Venezuela. Revolution as Spectacle. P. 22.

мотивам уволил сотни служащих, которые в свою очередь организовали акции протеста. Все это, конечно, борьбе против преступности никак не способствовало.

В сентябре 2009 года Чавес создал федеральные правоохранительные органы — Национальную Боливарианскую полицию. Офицерам федеральной полиции платили примерно в три раза больше, чем в полиции муниципальной. Уже за первые шесть месяцев работы новой полиции в 2009 году преступность с применением насилия в Каракасе упала на 60%. В июле 2010 года в боливарианской полиции было только 2400 сотрудников и еще 1400 находились в процессе обучения. И тем не менее за первые три месяца 2010 года убийства в Венесуэле сократились на 18%.

Однако оппозиция предпочитала этих успехов Чавеса не замечать. В августе 2010 года «Эль Насьональ» опубликовала на первой странице шокирующую фотографию из морга, показывающую якобы трупы жертв уличного насилия. Публикация такого рода снимков ранее была запрещена законом о социальной ответственности СМИ, но правые газеты запреты игнорировали. К тому же собственник «Эль Насьональ» был одним из лидеров оппозиционной коалиции.

Как обычно, венесуэльским оппозиционным СМИ ассистировали американские. Например, «Нью-Йорк Таймс» написала, что уровень убийств в Венесуэле выше, чем в Ираке. Правда, газета не упомянула, что такая высокая преступность в Ираке была прямым следствием американского вторжения в эту страну.

В результате умелой компании оппозиции преступность стала по опросам самой главной проблемой для венесуэльских избирателей.

Как и раньше оппозиционные СМИ публиковали опросы, предвещавшие победу оппозиции, хотя уже с конца августа 2010 года серьезные иностранные социологические службы не сомневались в успехе СЕПВ.

28 сентября 2010 года на участки пришли 66% избирателей — рекорд для голосования на парламентских выборах. 48,3% (5,45 миллиона) из них отдали голоса СЕПВ, и партия Чавеса получила 96 мест в Национальном собрании. Коммунистам — союзникам СЕПВ — досталось 3 места. Однако оппозиционная коалиция отстала не сильно — 5,3 миллиона голосов (47,2%) и 64 места. Лидер «Сумате» Мачадо прошла в парламент.

Таким образом, партия Чавеса не только утратила конституционное большинство (две трети мест), но и большинство в три пятых, которое позволяло наделять правительство временным правом издавать законы. Нью-Йоркская фондовая биржа отреагировала на результаты выборов ростом котировок. Негативно настроенный по отношению к Чавесу британский журнал «Экономист» назвал победу СЕПВ «пирровой».

Тем не менее Чавес охарактеризовал итоги выборов как «солидную победу». И с этим можно было согласиться, если учесть сложное экономическое положение страны в тот период.

Однако, несмотря на энергетический кризис, ВВП Венесуэлы вырос в 2010 году до 326 миллиардов долларов (2009 год — 311 миллиардов). Но правительство не смогло сократить инфляцию до обещанных 20% — по итогам года цены выросли на 28%.

Оппозиция обвиняла правительство в том, что проведенный до выборов Национальным избирательным советом пересмотр границ избирательных округов пошел на пользу СЕПВ. На самом деле все было с точностью до наоборот. Например, СЕПВ получила 40% голосов в штатах Сулия, Тачира, Ансоатеги и Нуэва Эспарта, но это дало там правящей партии всего 7 мандатов, а оппозиции — 27.

После парламентских выборов правительство Венесуэлы объявило о расширении социальных программ.

В честь 200-летия завоевания независимости, в 2011 году был дан старт новым «великим боливарианским миссиям»:

- миссия «АгроВенесуэла» должна была существенно нарастить производство продуктов питания;
- миссия «Жилье Венесуэлы» (Vivienda Venezuela) — здесь название говорило само за себя. Было необходимо совершить качественный и количественный скачок в строительстве социального жилья;
- миссия «Большая любовь» (En Amor Mayor) — предоставление социальной защиты пенсионерам, работавшим в неформальном секторе и не входившим в официальную систему пенсионного обеспечения;
- миссия «Сыновья и дочери Венесуэлы» (Hijos e Hijas de Venezuela) — борьба с нищетой среди детей;
- миссия «Знание и труд» (Saber y Trabajo) — создание 3 миллионов рабочих мест к 2018 году;
- миссия «Вся жизнь Венесуэлы» (Toda Vida Venezuela) — содействие развитию спорта культуры и досуга жителей страны;
- миссия «Матери кварталов» (Madres del Barrio) — помощь женщинам в бедных городских предместьях;
— миссия «Хорошо оборудованный дом» (Misión Casa Bien Equipada) — продажа населению бытовой техники (в основном, китайской) по низким ценам.

Уже в 2011 году «миссия Жилье Венесуэлы» успешно построила более 144 000 домов и должна существенно увеличить темп работ в предстоящие годы, чтобы достичь заявленной цели — 3 миллиона домов и квартир к 2019 году.

Важно отметить, что каждый дом, построенный в рамках этой программы, субсидируется государством соответственно размеру семьи и ее доходу. Жилье не дается бесплатно, а продается с субсидированием ипотеки и авансовых платежей, которое изменяется в зависимости от финансовых возможностей данной семьи. В отдельных случаях, когда семья не в состоянии

платить первоначальную долю стоимости дома, государство отказывается от первоначального взноса, и взимаются только ипотечные платежи[1].

Две миссии — «Дети Венесуэлы» и «Миссия большой любви» — были направлены на помощь детям и престарелым. Первая программа предусматривает ежемесячное пособие для матерей, имеющих от одного до трех детей, живущих в крайней бедности, а вторая обеспечивает пенсию рабочим и прочим лицам пенсионного возраста, которые по каким-либо причинам не имеют права на пенсию, в том числе потому, что не внесли достаточное количество платежей в программу государственного пенсионного страхования или работали нетрадиционным образом (т. е в неформальной экономике) — как ремесленники, рыбаки или законтрактованные[2].

Несмотря на очевидные успехи в макроэкономическом регулировании, правительство Чавеса по-прежнему не смогло преодолеть инфляции, которая в 2011 году превысила 27%.

В июне 2011 года года Чавес сообщил народу, что во время официального визита на Кубу ему удалили раковую опухоль из тазовой области. В июне 2011 года Чавес в столице Кубы был прооперирован в связи с внутритазовым абсцессом. Затем ему удалили злокачественную опухоль кишечника. В октябре 2011 года Чавес объявил о своем выздоровлении, заявив, что в его организме больше нет раковых клеток, но вскоре вновь был вынужден отправиться на лечение.

28 февраля 2012 года президенту Венесуэлы в Гаване удалили опухолевое образование, которое кубинские врачи обнаружили примерно в том же месте, где у него была удалена злокачественная опухоль летом 2011 года. Эта была уже третья операция, которую президент Венесуэлы перенес за последний год. Кроме того, Чавес прошел на Кубе несколько курсов химио- и лучевой терапии.

25 марта 2012 года он опять вылетел на Кубу для прохождения химиотерапии. При этом Чавес пообещал проявить стойкость «в новой битве» и справиться с «возникшими проблемами».

26 апреля 2012 год Чавес вернулся с Кубы в Каракас, хотя некоторые западные СМИ поспешили опубликовать сообщение о его смерти. Президенту Венесуэлы это было невпервой, и он заявил: «К сожалению, нам придется привыкать. По крайней мере, в ближайшие месяцы. Нам придется жить под перекрестным огнем слухов. Все это часть грязной психологической войны, которая ведется против нас в разных частях континента и, в том числе, в Каракасе… Я прохожу лучевую терапию, товарищи. Спросите у кого угодно, что такое 4–5-недельная лучевая терапия. Кроме того, я тут не прохлаждаюсь, а продолжаю исполнять мои прямые обязанности»[3].

---

[1] URL: http://correodelorinoco-ru.blogspot.ru/2012/01/2011.html
[2] URL: http://correodelorinoco-ru.blogspot.ru/2012/01/2011.html
[3] URL: http://www.polit.ru/news/2012/04/24/chaves/

В середине 2012 года казалось, что команданте действительно выиграл битву даже против самого опасного врага — самой смерти.

Президент всегда отличался крепким здоровьем, но с 1992 года работал, не щадя себя. Чавес мало спал, был крайне непритязательным еде и не соблюдал никаких диет. Его волновали судьбы страны, особенно ее бедного населения, а о себе президент не заботился вовсе.

Любимой едой Чавеса было мясо самого крупного грызуна на планете — капибары (или водосвинки). Длина тела взрослой капибары достигает 1–1,35 м, высота в холке — 50–60 см. Самцы весят 34–63 кг, а самки — 36–65,5 кг. Капибара любит воду и около 300 лет назад католическая церковь вдруг отнесла этих животных… к рыбам. Превратив зверей в рыб, церковники сняли запрет на употребление мяса капибар во время поста. В настоящее время капибар в полудиком состоянии разводят на специальных фермах в Венесуэле для получения мяса и кожаных изделий, также мясо этих животных используется как источник жира для нужд фармацевтики. Мясо капибар вкусом и внешним видом напоминает свинину.

Во время своих зарубежных визитов Чавес следил за тем, чтобы в меню официальных приемов было мясо капибары — национальной пищи венесуэльцев.

Но в целом Чавес ел все, что ему давали. Часто предпочитал фаст-фуд (например, цыпленка с картошкой-фри), чтобы экономить время для работы.

Президент Венесуэлы был убежденным трезвенником.

Тогдашний вице-президент Венесуэлы Николас Мадуро, как представляется, правильно определили причины болезни Чавеса: «Вы знаете, почему команданте Чавес пренебрег своим здоровьем и уже почти два года вынужден бороться с раком? Потому что он полностью — телом и душой — погрузился в работу, забыв о себе, чтобы дать народу жилье, здоровье, образование»[1].

Во время так называемой «арабской весны» 2011 года Чавес поддержал народные протесты против проамериканских лидеров (например, против диктатора Египта Хосни Мубарка), но решительно встал на защиту Сирии и Ливии. Президента Сирии Башара Асада он назвал «братом и настоящим гуманистом». В Ливии Чавес предложил свои услуги в качестве посредника на переговорах между Каддафи (Чавес не раз публично называл его своим другом) и оппозицией. Однако проамериканская оппозиция отвергла эту инициативу. Зверское убийство Каддафи ливийскими «борцами за демократию» в октябре 2011 года президент Венесуэлы прокомментировал следующим образом: «Мы на всю жизнь запомним Каддафи как великого борца, революционера и мученика. Они расправились с ним. И это возмутительно».

[1] URL: http://ria.ru/world/20130301/925213942.html

7 октября 2012 года в Венесуэле должны были состояться очередные президентские выборы, и оппозиция была не намерена делать никаких скидок на здоровье Чавеса.

Чавеса выдвинула партийная коалиция «Великий патриотический полюс», в которую помимо СЕПВ вошли коммунисты и различные общественные организации. В главный предвыборный штаб было избрано 153 человека, которые под руководством президента организовали как обычно очень высокоэффективную кампанию.

Оппозиция объединилась в «Круглом столе демократического единства» и выдвинула своим кандидатом яростного критика Чавеса Энрике Каприлеса.

Каприлес победил на праймериз оппозиции (одним из его соперников была Мачадо из «Сумате»), набрав 64% голосов из 3 миллионов участников первичных выборов. В поддержку Мачадо высказались всего 3,7%.

Чавес вел кампанию на основе своих бесспорных социальных достижений, обещая продолжить политику в защиту бедных и неимущих. Богатых президент назвал «зверьми в человеческом обличии». А именно этих богатых и их американских хозяев и представлял, по мнению Чавеса, Каприлес.

На улицах бедных предместий Каракаса их жители говорили западным корреспондентам, что у них даже кошки и собаки поддерживают Чавеса.

Каприлес преобразился до неузнаваемости в том, что касалось его риторики. Ранее выступавший с откровенно правых неолиберальных позиций Каприлес вдруг стал говорить, что он «левоцентрист» и сторонник социально ориентированной бразильской модели. Это свидетельствовало о том, что Чавес коренным образом преобразил венесуэльский политический ландшафт — уже никто не решался идти на выборы на правой платформе.

Сын миллионера Каприлес тоже обещал развернуть войну против бедности и вложить большие средства в образование, чтобы эту бедность преодолеть. Лидер оппозиции даже назвал «сумасшедшим» любого, кто посмеет прекратить начатые Чавесом боливарианские миссии. Напротив, в феврале 2012 года Каприлес пообещал еще больше развернуть миссии: «Я хочу их расширить и избавить их от коррупции и неэффективности, которые для них характерны»[1].

В области внешней политики Каприлес Радонски (чьи предки, как уже упоминалось, были родом из Белоруссии) заявил, что намерен отказаться от ориентации на сотрудничество исключительно с левыми правительствами Латинской Америки, а также Китаем, Россией, Ираном и Беларусью. Лидер оппозиции пообещал, что немедленно прекратит закупки оружия в России. В целом Каприлес провел очень энергичную предвыборную кампанию, посетив 260 городов и поселков страны.

[1] URL: http://www.reuters.com/article/2012/02/14/us-venezuela-election-chavez-idUSTRE81D0UG20120214

Некоторые сторонники Чавеса называли Каприлеса «сионистом» и гомосексуалистом. В ответ Каприлес представил СМИ фальшивый «документ», согласно которому всех военнослужащих якобы обязали не смотреть оппозиционные телеканалы.

Чавес обвинил Каприлеса в том, что его компанию спонсирует венесуэльская олигархия и колумбийская наркомафия. Заявления президента прозвучали через несколько часов после того, как государственный телеканал Венесуэлы показал запись разговора одного из крупных бизнесменов страны с отцом Каприлеса, в ходе которого обсуждалась возможная финансовая поддержка оппозиционного кандидата.

В марте 2012 год на митинг Каприлеса напали неизвестные люди, обстрелявшие собравшихся из пистолетов. Оппозиция обвинила в нападении СЕПВ, чависты назвали инцидент провокацией самой оппозиции. Один из жильцов расположенного рядом дома сообщил, что нападавшие подъехали на мотоциклах, сменили желтые майки (цвет оппозиции) на красные (цвет СЕПВ) и открыли стрельбу. Пять человек было ранено.

20 марта 2012 года Чавес объявил о раскрытии заговора с целью покушения на Каприлеса и пообещал лидеру оппозиции надежную охрану.

В июне 2012 года Чавес отказался от дебатов с Каприлесом, назвав последнего «ничтожеством», с которым ему, Чавесу стыдно стоять рядом. Каприлес в долгу не оставался: «Время Чавеса ушло! Я хочу, чтобы он ушел мирно, я хочу, чтобы он попрощался с нами! Я желаю ему долгих лет жизни, чтобы он мог увидеть поколение, готовое изменить Венесуэлу»[1].

Оппозиция вовсю эксплуатировала тему плохого здоровья президента и его неспособности реально управлять страной. Оппозиционные журналисты со ссылкой на неназванные источники распространяли слухи, что рак не позволит Чавесу даже пережить выборы. Во время пасхальной мессы 2012 года Чавес заплакал и попросил Христа продлить ему жизнь.

С середины апреля по середину мая 2012 года Чавес выпал из предвыборной борьбы, так как снова уехал лечиться на Кубу. Тем не менее, все опросы общественного мнения отдавали предпочтение действующему президенту.

Своим противникам Чавес дал следующий совет: «Мой совет империалистам: вместо того, чтобы готовиться к войне, лучше приготовьтесь к поражению! И я призываю каждого прийти и проголосовать в воскресенье, 7 октября, чтобы разрушить планы наших врагов».

1 октября 2012 года в Каракасе прошел массовый предвыборный митинг сторонников объединенной оппозиции, в котором приняли участие более 200 тысяч человек.

7 октября 2012 года на участки пришли 80% избирателей — рекордное количество за всю историю венесуэльских выборов. Чавес получил 55,1%

[1] URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=925714

(8 191 132 голоса), Каприлес — 44,3% (6 591 634). Лидер революции опять установил свой личный рекорд — еще никогда ни один кандидат в президенты Венесуэлы не набирал в свою поддержку 8 миллионов голосов.

Каприлесу ничего не оставалось, как признать свое поражение. Чавес похвалил оппозицию за достойное поведение и пригласил к диалогу всех, кто, по его словам, не «сеет ненависть и злобу».

Американцы в нарушение норм международной вежливости опять отказались поздравить Чавеса с победой. Пресс-секретарь Белого дома Карни лишь поздравил «народ Венесуэлы» с высокой явкой и «мирно прошедшими выборами». Лидер Кубы Рауль Кастро в своем поздравлении отметил: «Ваша решающая победа дает гарантии продолжения борьбы за настоящую интеграцию нашей Америки». Президент Боливии Моралес назвал победу Чавеса триумфом всех тех в Латинской Америке, кто борется за укрепление суверенитета этого континента.

Как сообщила пресс-служба Кремля: «Президент Российской Федерации Владимир Путин в телефонном разговоре поздравил Уго Чавеса с победой на выборах президента Боливарианской республики Венесуэла и пожелал дальнейших успехов на этом высокоответственном государственном посту»[1].

Президент Белоруссии Александр Лукашенко прямо в телеэфире поздравил своего «друга» Уго Чавеса с убедительной победой на президентских выборах, назвав его «молодцом». Чавес ответил столь же тепло: «Я посвящаю эту победу тебе и белорусскому народу». Признание Каприлесом поражения, тоже, по мнению Лукашенко «дорогого стоит»[2].

Лукашенко сознался, что в связи с выборами в Венесуэле так волновался, что провел бессонную ночь.

В официальном письменном поздравлении президента Беларуси говорилось: «В Беларуси внимательно наблюдали за ходом избирательной кампании в Венесуэле. Мы всем сердцем и душой болели за тебя и твоих сторонников, ни на секунду не сомневаясь в победе. Верили в то, что венесуэльский народ сделает единственно правильный выбор в пользу устойчивого развития страны и дальнейшего повышения благосостояния простых людей… Давай вместе сделаем все возможное, чтобы народ Венесуэлы не пожалел о своем вчерашнем выборе и оказанном тебе особом доверии как подлинному национальному лидеру, для которого интересы простых граждан превыше всего. Мы к этому готовы!»[3]

Между тем венесуэльская экономика в 2012 году продемонстрировала рост ВВП в 5,5%. Причем в основном рос ненефтяной сектор экономики (в сфере добычи и переработки нефти рост составил лишь 1,4%). Этот рост

---

[1] URL: http://ria.ru/world/20121008/769488523.html
[2] URL: http://www.youtube.com/watch?v=8ZyNCJijTvc
[3] URL: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-Chaves-vsegda-mozhet-rasschityvat-na-bratskoe-plecho-Belarusi_i_611108.html

был обусловлен в основном увеличением социальных расходов правительства на 5,2%. В жилищном строительстве благодаря новой боливаринской миссии был отмечен рост на 16,8%. Однако в 2012 году инфляция в Венесуэле не снизилась и, как и в 2011 году, составила 27%.

Бюджетный дефицит из-за резкого роста социальных расходов превысил в 2012 году 7% ВВП, а совокупный долг достиг 49% ВВП, что было все же примерно в два раза меньше, чем в США и в Западной Европе. Золотовалютные резервы Венесуэлы в 2011 году составляли 26 миллиардов долларов.

По оценкам 27% венесуэльцев считались в 2012 году бедными (в 1999 году — 67%). 10% самых богатых венесуэльцев располагали примерно 30% всех доходов. Если до Чавеса постоянно недоедали 20% венесуэльцев, то в 2012 году эта цифра составила не более 5%. Уровень смертности держался на низком уровне — 5 человек на 1000 жителей (в России в 2011 году — 13,5 человек). Средняя продолжительность жизни в стране в 2012 году составила 74,08 года (в России — 70,3 года).

При Чавесе резко выросло количество интернет-пользователей — с 3 миллионов в 2005 году до 9 миллионов в 2009 году. В 2010 году практически каждый венесуэлец пользовался мобильным телефоном.

Безработица выросла после энергетического кризиса 2010 года до 8,6%, что опять-таки было ниже, чем в Западной Европе.

Производство электроэнергии в Венесуэле увеличилось в 2012 году до 123 миллиардов кВт-часов (113 — в 2010 году), потребление составило 85 миллиардов киловатт-часов. Страна даже смогла экспортировать 633 миллионов кВт-часов. Энергетический кризис, таким образом, был успешно преодолен.

После выборов 2012 год Чавес объявил, что вынужден вновь вылететь на Кубу для продолжения борьбы с раком. С ним могло произойти всякое, и Чавес перед своим вылетом в Гавану 9 декабря 2012 года порекомендовал народу в качестве своего преемника вице-президента Николаса Мадуро.

Мадуро родился 23 ноября 1962 год в Каракасе. Его отец был деятелем профсоюзного движения, членом АД (как большинство деятелей профсоюзных функционеров в то время) и вся семья придерживалась левых взглядов. Николас окончил школу в одном из бедных кварталов запада венесуэльской столицы и уже в школе начал заниматься политикой, став одним из организаторов совета учащихся. Формально Мадуро католик, со стороны его отца среди его предков есть евреи-сефарды.

После окончания школы Мадуро несколько лет работал водителем автобуса в Каракасе и активно участвовал в профсоюзном движении рабочих столичного общественного транспорта. Во время неудачной президентской компании левого кандидата Хосе Висенте Ранхеля в 1983 году физически крепкий и рослый Мадуро (его рост 190 см) входил в его личную охрану. С юных лет Мадуро был членом небольшой партии Социалистическая лига и

вскоре вошел в ее руководство. В 1986 году по стипендии Социалистической лиги он год учился на Кубе.

В юности Мадуро был бас-гитаристом рок-группы «Энигма».

После возвращения на родину Мадуро стал одним из основателей единого профсоюза работников общественного транспорта SITRAMECA.

С Уго Чавесом Мадуро познакомился почти одновременно со своей будущей женой — известным адвокатом Силией Флорес (родилась 1 января 1953 года). С 1992 года Флорес активно боролась за освобождение Чавеса и его соратников и основала Боливарианский кружок прав человека. Мадуро вместе с делегацией рабочих навещал Чавеса в тюрьме.

С 1993 году Николас и его жена стали членами движения Чавеса MBR-200. Чавес присвоил ему шутливый конспиративный псевдоним «зеленый» (видимо, потому, что в переводе с испанского «мадуро» означает «зрелый»).

С 1994 года Мадуро был членом национального руководства движения, а затем «Движения за Пятую республику». В 1998, 2000 и 2005 годах избирался депутатом парламента, спикером которого являлся в 2005–2006 гг.

В 2006 году стал министром иностранных дел (место спикера заняла его супруга — первая женщина Венесуэлы на этом посту)[1]. В ответ на резкую критику Чавесом Буша на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2006 года Мадуро подвергли издевательствам в аэропорту Нью-Йорка, за что власти США позднее были вынуждены принести официальные извинения.

Как бывший рабочий, Мадуро возглавлял комиссию, разрабатывавшую новый трудовой кодекс Венесуэлы, подписанный Чавесом 1 мая 2012 года.

10 октября 2012 года Чавес назначил Мадуро вице-президентом, а 8 декабря заявил, что в случае своей невозможности выполнять президентские обязанности, временным президентом до новых выборов должен стать именно Мадуро.

11 декабря 2012 года Чавес перенес на Кубе сложнейшую 6-часовую операцию по удалению пораженных раком клеток. 4 января 2013 года состояние здоровья венесуэльского лидера ухудшилось, основное заболевание осложнилось тяжелой респираторной инфекцией.

Инаугурация Чавеса была намечена на 10 января 2013 год, но лечение на Кубе затягивалось. Спикер Национального собрания и бывший вице-президент Диосдадо Кабельо предложил отложить инаугурацию. Оппозиция потребовала немедленных новых выборов, но Верховный суд решил, что раз дело идет о новом сроке уже действующего президента, то без инаугурации как формальности вообще можно обойтись.

В январе 2013 года стали распространяться слухи, что Чавес умер еще в декабре, но правительство Венесуэлы это якобы скрывает. На самом деле

[1] 31 января 2012 года была назначена Генеральным прокурором Венесуэлы.

Чавес был жив, но после перенесенной тяжелой операции у него возникли осложнения в дыхательной системе.

Однако команданте продолжал борьбу: 15 февраля, власти Венесуэлы опубликовали первые фотографии президента с тех пор, как ему сделали очередную операцию на Кубе. На снимках Чавес был изображен в больничной палате в окружении своих старших дочерей Розы Вирхинии и Марии Габриэлы. В руках он держал номер кубинской газеты «Гранма» за 14 февраля.

18 февраля 2013 года Чавес сообщил в «твиттере», что вернется Венесуэлу для продолжения лечения: «Вновь прибыли в Венесуэлу. Спасибо Господу!! Спасибо любимому народу!» В специальном «твите» Чавес поблагодарил кубинского лидера Рауля Кастро и бывшего главу страны Фиделя Кастро за поддержку, а также с признательностью упомянул кубинских врачей и медсестер, которые заботились о нем во время лечения: «Спасибо Фиделю, Раулю и всей Кубе!! Спасибо Венесуэле за столько любви!!! Я по-прежнему хватаюсь за Христа и верю в моих врачей и медсестер. Всегда до победы!! Выживем и победим!!!». Это было первое появление Чавеса в «твиттере» с 1 ноября 2012 года. У Чавеса было 3,9 миллиона подписчиков его микроблога. Возвращение Чавеса приветствовали на улицах тысячи его сторонников, не терявшие надежды на выздоровление своего любимого команданте. В бедных кварталах Каракаса ночью были слышны хлопки фейерверков.

Главу государства перевезли в столичный военный госпиталь. «Президент чувствует себя хорошо, он очень рад возвращению на родину. Огромная радость живет сию секунду в сердцах миллионов людей. Эта битва продолжается, и команданте находится здесь, вместе с народом», — сказал журналистам вице-президент Мадуро после посещения Чавеса в больнице.

В то же время по Венесуэле поползли раздуваемые оппозицией слухи о том, что Чавес вернулся в Каракас, чтобы умереть на родине. 2 марта 2013 года правительство Венесуэлы сообщило, что Чавес проходит курс химиотерапии в военном госпитале.

Уго Чавес скончался 5 марта 2013 года в 16.25 по венесуэльскому времени. Смерть все же оказалось сильнее, хотя над памятью об этом человеке не властна и она.

Президент России Владимир Путин назвал Чавеса выдающимся лидером и близким другом России. «Это был неординарный и сильный человек, который смотрел в будущее и всегда задавал для себя высочайшую планку», — говорилось в телеграмме Путина, отправленной венесуэльским властям. Премьер-министр Дмитрий Медведев отметил, что «вся жизнь Чавеса является примером беззаветного служения венесуэльскому народу, борьбы за справедливость и равенство». На своей странице в Facebook Медведев написал, что «команданте был сильным и ярким человеком, который любил жизнь и боролся за нее до последнего»[1].

---

[1] URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/03/130306_chavez_death_world_reax.shtml

Белорусский президент Александр Лукашенко выступил со специальным обращением, в котором назвал умершего венесуэльского лидера «братом». «Под руководством Уго Чавеса, наследника и продолжателя священного дела Симона Боливара, Венесуэла сбросила ненавистное ярмо отсталости и нищеты, освободилась от политического и экономического гнета иноземных держав. Президент Чавес сильной, твердой рукой уверенно вел родную страну к свободе и счастью. Он был и, я уверен, навсегда останется для миллионов людей истинным отцом венесуэльской нации, защитником бедных, обездоленных и угнетенных, светочем надежды и опорой демократии на южноамериканском континенте».

Как и в Белоруссии, трехдневный траур был объявлен на Кубе и в Аргентине. В Боливии траур объявили на 7 дней. Траур различной продолжительности был объявлен еще в 15 странах (Никарагуа, Бразилия, Чили, Эквадор, Гаити, Доминиканская республика, Уругвай, Суринам, Иран).

Президент Бразилии Дилма Русеф отменила свой визит в Аргентину, чтобы участвовать в траурных мероприятиях в Каракасе: «Его смерть должна наполнить сердца всех жителей Латинской и центральной Америки печалью, — заявила она. — Уго Чавес был, несомненно, преданным своей стране лидером, который стремился к развитию стран Латинской Америки». На похороны Чавеса в Каракас прибыли главы 22 государств, общее число иностранных делегаций составило 55. Помимо президентов стран Латинской Америки в Каракас прилетели главы Белоруссии и Ирана. Главой российской делегации была председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. Из КНР приехал член Госсовета, Испания прислала кронпринца, США ограничились присутствием своего временного поверенного в делах.

США никакого соболезнования ни народу Венесуэлы, ни семье Чавеса не выразили. Президент Обама лишь озвучил надежду на улучшение американо-венесуэльских отношений. Зато венесуэльские эмигранты шумно отпраздновали смерть Чавеса в Майами. Честь США спас бывший президент Джимми Картер, неоднократно бывавший в Венесуэле в качестве наблюдателя на выборах. Он отметил большие заслуги Чавеса в улучшении жизни большинства венесуэльцев. Картер и его жена Розалин, по их словам, «познакомились с человеком, который мечтал произвести в своей стране фундаментальные перемены для того, чтобы улучшить долю тех, кого до этого не замечали и отторгали»[1].

Глава Европейской комиссии ЕС Баррозу заявил, что встретил известие о смерти Чавеса «с грустью». Примерно также отреагировали президент Франции и премьер-министр Великобритании.

Общенациональный траур в Венесуэле длился 11 дней. Миллионы венесуэльцев плакали, не стесняясь своих слез. Как только стало известно о смерти Чавеса, почти все предприятия и офисы прекратили работу, и жители

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Death_and_state_funeral_of_Hugo_Ch%C3%A1vez

Каракаса стали стекаться к президентскому дворцу Мирафлорес. Соболезнования семье Чавеса принес и Каприлес: «Мы были противниками, но не врагами».

Стихийные митинги памяти прошли в Гондурасе, Чили, Эквадоре и в Мадриде.

Российские специалисты отказались бальзамировать тело Чавеса в самом Каракасе, так как с момента его кончины якобы прошло уже слишком много времени. Окончательно планы по бальзамированию тела были отвергнуты после отчета российской медицинской комиссии. По словам министра информации Венесуэлы Эрнесто Вильегаса «российские эксперты установили, что для проведения процедуры тело необходимо было вывезти в Россию на 7–8 месяцев. На основании этого отчета было решено не проводить бальзамирования, которого желали многие наши соотечественники».

Государственная панихида по Уго Чавесу прошла 8 марта 2013 года.

Доступ к гробу Чавеса в Военной академии был открыт до 11 марта, затем по просьбам людей продлен до 15 марта, и за это время проститься со своим лидером пришли 3 миллиона венесуэльцев.

15 марта 2013 года гроб с телом Уго Чавеса был вынесен из Зала славы Венесуэльской военной академии (которую Чавес очень любил как свою альма-матер), где в течение десяти дней длилось прощание с лидером государства. Его несли на плечах восемь военнослужащих, одетых в красную форму гусаров времен Освободительной войны против испанского колониального владычества. За гробом шли родственники президента. Тело выносили под залпы пушек и звуки национального гимна Венесуэлы. В этом момент в небе над зданием академии пролетели боевые самолеты военно-воздушных сил страны.

Гроб с телом бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса был размещен навечно в мраморном саркофаге в центральном зале Музея революции в столице Венесуэлы. Саркофаг из черного мрамора установлен посреди неглубокого водоема круглой формы на каменной основе в форме цветка. На передней части саркофага выбито имя венесуэльского лидера и годы его жизни: 1954–2013.

Таким образом, Музей революции стал мавзолеем ее лидера. Это здание выбрано не случайно: ведь именно оттуда Чавес руководил восстанием в феврале 1992 года, которое он впоследствии назвал началом боливарианской революции.

В здании музея прошла ещё одна церемонии прощания, на которой присутствовали родственники покойного и руководство страны. Из иностранных лидеров присутствовал лишь президент Боливии Эво Моралес.

Отыне каждую субботу в 16:25 по местному времени (момент смерти Уго Чавеса) с территории музея производится пушечный выстрел.

То, что здоровый на вид Чавес заболел таким сильным раком, с самого начал вызывало подозрения. 9 марта 2013 года президент Боливии Моралес

высказал вслух то, что предполагали многие: «Наши братья — Мадуро и другие власти Венесуэлы — проведут тщательное расследование, но я почти уверен, что Чавес был отравлен».

Кроме того, Моралес заявил, что палестинский лидер Ясир Арафат и национальный герой Латинской Америки Симон Боливар тоже были отравлены. 13 марта 2013 года Николас Мадуро объявил о начале официального расследования смерти Уго Чавеса: «Мы выясним правду. Интуиция нам подсказывает, что наш команданте Чавес был отравлен темными силами, которые хотели заставить его свернуть с верного пути».

В любом случае отравление неугодных иностранных государственных деятелей — отнюдь не сюжет для фантастических книг. Среди планов ЦРУ по убийству Кастро было несколько вариантов отравления. В одном случае медленно действующий яд хотели добавить в мороженое и сделали это, но так как мороженое долго находилось в холодильнике, то яд не сработал. В другом случае кресло Кастро хотели натереть ядом. Заметим, что и рак Чавеса начался с опухоли в тазовой области.

Президент Египта Гамаль Абдель Насер скончался в сентябре 1970 года в 52 года от сердечной недостаточности. По некоторым данным, врач-массажист президента был агентом израильской разведки МОССАД и втирал Насеру медленно действовавший яд.

Лидер Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат умер 11 ноября 2004 года в Лозанне (Швейцария). Врачи подозревали отравление. В августе 2009 года на съезде правящей палестинской партии ФАТХ было официально выдвинуто обвинение против Израиля в смерти Арафата. По инициативе катарского телеканала «Аль-Джазира» специалисты Швейцарского института радиофизики в Лозанне исследовали личные вещи Арафата, в том числе одежду и зубную щетку. Экспертиза показала, что в вещах лидера Палестины, а также в его крови, моче и поте содержится повышенное количество радиоактивного элемента полония-210, о чем 3 июля 2012 сообщил катарский телеканал. По мнению экспертов, полоний-210 мог спровоцировать резкое ухудшение состояния здоровья 75-летнего Арафата.

27 ноября 2012 год была проведена эксгумация тела Арафата. Международная команда медиков с участием российских специалистов должна дать ответ на вопрос, были ли Арафат отравлен.

20 марта 2013 года Венесуэла наградила лечивших Чавеса кубинских врачей. Как отмечается, награды были вручены медикам за «выполнение профессионального долга, настойчивость и высокую отдачу».

Но и после смерти Уго Чавес не прекратил борьбу за свои идеалы, против угнетения и бедности. С его именем кандидат СЕПВ Николас Мадуро 14 апреля 2013 года выиграл президентские выборы, вновь победив Каприлеса, хотя и с небольшим разрывом — 50,66% (7 505 338 голосов) против 49,07% (7 270 403).

Продажи сувениров, в частности, игрушечных фигурок Чавеса, после его смерти выросли в 5–6 раз. Подобная продукция, по свидетельствам торговцев из Каракаса, раскупается за несколько часов. Спрос на татуировки с портретом Чавеса в его всемирно известном красном берете вырос в 4 раза, при том, что нанесение такого рисунка стоит 600 боливаров (100 долларов США по официальному курсу, 27 долларов — по курсу черного рынка).

Вскоре после смерти Чавеса и незадолго перед внеочередными президентскими выборами, в Венесуэле был снят и выложен на YouTube минутный мультипликационный ролик «Hasta Siempre Comandante Chàvez» («Ты вечно с нами команданте Чавес»), о том, как Уго Чавес попадает в рай. Там его, кроме собственной любимой бабушки Розы, встречают: Че Гевара, президент Чили Сальвадор Альенде, аргентинская первая леди Эва Перон, лидер никарагуанской революции Аугусто Сандино, национальный герой Латинской Америки Симон Боливар и другие исторические персонажи.

Уже никто и никогда не сможет написать историю Венесуэлы без Чавеса. Но этот человек оставил не только яркий и позитивный след в сердцах миллионов своих соотечественников. После болезни Фиделя Кастро именно Уго Чавес возглавлял те силы в мире, которые борются за социальную справедливость, за то, чтобы не осталось более на земле «униженных и оскорбленных».

Этот человек отдал самого себя, свою жизнь и здоровье другим, тем, кто нуждался в его теплоте и заботе. Именно про таких людей как Чавес говорили, говорят и будут говорить — «соль земли».

Краткая хронология истории Венесуэлы

1498 г. — Христофор Колумб открывает берега современной Венесуэлы.
1535 г. — испанские конкистадоры начинают колонизацию страны.
1550 г. — начинается массовый ввоз чернокожих рабов из Африки.
1750 г., 28 марта — родился Франсиско Миранда, основоположник борьбы за независимость Венесуэлы.
1783 г., 24 июля — родился Симон Боливар, получивший почетный титул Освободителя Латинской Америки от испанского владычества.
1811 г., 5 июля — провозглашение независимости Венесуэлы.
1816 г., 2 июня — Боливар отменяет рабство.
1819 г. — конгресс в Ангостуре, Боливар избран президентом Венесуэлы.
1824 г. — разгром испанской армии при Аякучо. Окончательное освобождение Южной Америки.
1830 г., 17 декабря — смерть Боливара.
1828–1847 гг. — Венесуэла под властью и влиянием видного деятеля времен войны за независимость Хосе Антонио Паэса.
1858–1863 гг. — Федеральная война.
1902 г., декабрь — агрессия Англии, Германии и Италии против Венесуэлы.
1908–1935 гг. — проамериканская диктатура Хуана Висенте Гомеса.
1945 г., 14 марта — установление дипломатических отношений между СССР и Венесуэлой.
1945 г., 18 октября — военный переворот. К власти приходит реформистская партия Демократическое действие (АД).
1945–1948 гг. — «трехлетие реформ».
1948 г. — военный переворот отстранение АД от власти.
1950–1958 гг. — военная диктатура Переса Хименеса.
1952 г., 13 июня — СССР разорвал дипломатические отношения с дикторским режимом в Венесуэле.
1954 г., 28 июля — родился Уго Чавес.
1958 г. январь — народное восстание и свержение диктатуры Переса Хименеса.
1959–1969 гг. — партия АД у власти.
1960-е годы — левое партизанское движение в Венесуэле.
1970 г., 16 апреля — восстановление дипломатических отношений между Венесуэлой и СССР.
1976 г. — национализация нефтяной промышленности
1989 г., февраль — народное восстание в Каракасе («каракасо») против навязанного МВФ либерального экономического курса.
1992 г., 4 февраля — неудачная попытка военного восстания во главе с Уго Чавесом.
1994 г., март — Чавес амнистирован и выходит из тюрьмы.
1998 г., декабрь — Уго Чавес избран президентом Венесуэлы.

1999 г., 15 декабря — на референдуме утверждена новая конституция страны, предоставляющая граждан широкие права по контролю всех органов власти.

2000 г., 30 июля — на основании новой конституции Чавес избран президентом на 6 лет.

2002 г., 11–13 апреля — попытка государственного переворота при поддержке США. Чавес на несколько дней отстранен от власти и арестован мятежниками.

2002 г., декабрь —2003 г., февраль — забастовка предпринимателей против правительства Чавеса.

2003 г. — начало осуществления масштабных социальных проектов, направленных на ликвидацию бедности («боливарианских миссий»).

2004 г. — по инициативе Чавеса создается новое интеграционное объединение стран Латинской Америки — АЛБА (Боливарианский альянс для народов Нашей Америки).

2004 г., 15 августа — оппозиция терпит поражение на референдуме об отзыве Чавеса с поста президента.

2005 г. — начало строительства в Венесуэле «социализма XXI века».

2006 г., 3 декабря — Чавес переизбран президентом на новый 6-летний срок, получив 63% голосов.

2007 г., 2 декабря — предложение Чавеса об изменении конституции не получает на референдуме поддержки большинства избирателей.

2009 г., 15 февраля — на референдуме избиратели поддерживают предложенные Чавесом конституционные изменения. Отыне президент и все другие должностные выборные лица могут избираться на свои посты неограниченное количество раз.

2009–2010 гг. — энергетический кризис в Венесуэле.

2011 г. — кубинские врачи диагностируют у Чавеса рак. В 2011–2012 гг. он переносит несколько операций, проходит сеансы облучения и химиотерапии.

2012 г., 7 октября — Чавес вновь избирается президентом Венесуэлы на 6 лет (55,1% голосов).

2013 г., 5 марта — Уго Чавес скончался в Каракасе.

2013 г., 14 апреля — вице-президент в правительстве Чавеса Николас Мадуро победил на президентских выборах.

Список источников и литературы

1. Американский экспансионизм. Новейшее время. М., 1986.
2. Брито Ф. Венесуэла XX века. М., 1969.
3. Бродович Б. Н. Национальный доход стран Латинской Америки. М., 1974.
4. Булавин В. И., Дабагян Э. С., Семенов В. В. Венесуэла: в поисках альтернативы. М., 2002.
5. Венесуэла. Экономика. Политика. Культура. М., 1967.
6. Вольский В. В. Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964.
7. Господствующие классы Латинской Америки. М., 1978
8. Григорьян Ю. М. Германский империализм в Латинской Америке. М., 1974.
9. Дабагян Э. С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М., 1972.
10. Дабагян Э. С. Венесуэла: траектория политического процесса. М., 2011.
11. Жоффр Ф. Венесуэла. Страна напрасных надежд. М., 1955.
12. Ильина Н. Г. Колумбия: от колонии к независимости. М., 1976.
13. История Латинской Америки. С древнейших времен до начала XX века. М., 1981.
14. История Латинской Америки 1918–1945. М., 1999.
15. История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год. М., 1993.
16. История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004.
17. Коваль Б. И. Латинская Америка: революция и современность. М., 1981.
18. Коваль Б. И. Рабочее движение в Латинской Америке. М., 1979.
19. Коваль Б. И. и др. Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974.
20. Козлов Ю. К., Ткаченко В. Г. Венесуэла. М., 1976.
21. Кособчук С. Н. Кредитные системы стран Латинской Америки. М., 1983.
22. Кузнецова Э. Е. Латинская Америка: проблемы социального обеспечения. М., 1973.
23. Лаврецкий И. Р. Боливар. М., 1981.
24. Лаврецкий И. Р. Миранда. М., 1965.
25. Латинская Америка в международных отношениях. XX век. Т. 1–2. М., 1988.
26. Латинская Америка в цифрах. М., 1989.
27. Латинская Америка: проблемы истории и внешней политики. М., 1976.

28. Латинская Америка: проблемы развития и размещения промышленности. М., 1987.
29. Линч Дж. Революции в Испанской Америке 1808–1826. М., 1979.
30. Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974.
31. Политическая система общества в Латинской Америке. М., 1982.
32. Политические партии стран Латинской Америки. М., 1965.
33. Поляков М. И. Городские маргинальные слои Латинской Америки. М., 1974.
34. Разумович Н. Н. Кто и как правит в Латинской Америке. М., 1967.
35. Роль экономической интеграции в экономическом и социальном развитии стран Латинской Америки. М., 1989.
36. Селезнев Г. К. Латинская Америка в борьбе против реакции и неоколониализма. М., 1976.
37. Семенов С. И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1971.
38. Слезкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.
39. Страны Латинской Америки в современных международных отношениях. М., 1967
40. Страны СЭВ и Латинская Америка. Проблемы экономического сотрудничества. М., 1976.
41. Тарасов К. С., Зубенко В. В., Тайная война США против Латинской Америки. М., 1987.
42. Тарасов К. С. США и Латинская Америка. М., 1972.
43. Тихонов А. А. Федерализм в странах Латинской Америки. М., 1979.
44. Харви Р. Освободители. М., 2004.
45. Чавес У. Строки размышлений Чавеса 2009. М., 2010.
46. Чека Х. К. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960.
47. Черноруцкая Л. И. Латинская Америка: современные тенденции внешнеэкономической политики. М., 1975.
48. Экономика Латинской Америки в цифрах. М., 1965.
49. Alexander R. J. Romulo Betancourt and the Transformation of Venezuela. State University New Brunswick, 1982.
50. Azzellini D. Venezuela Bolivariana. Revolution des 21. Jahrhunderts? Neuer Isp-Verlag, 2007.
51. Cedric L. J. Anglo-American Diplomacy and the Reopening of the Guyana-Venezuela Boundary 1961–1966. Trafford Publishing, 2008.
52. DiJohn J. From Windfall to Curse?: Oil and Industrialization in Venezuela, 1920 to the present. Pennsylvania State University, 2009.
53. Ellner S., Hellinger D. C. Venezuelan Politics in the Chávez Era: Class, Polarization, and Conflict. Lynne Rienner Publishers, 2003.
54. Foreign Relations of the United States, different Volumes.
55. Gates L. Electing Chavez. University of Pittsburgh Press, 2010.

56. Golinger E. The Chavez Code, Olive Branch Press, 2006
57. Holm A. Revolution als Prozess: Selbstorganisierung und Partizipation in Venezuela, VSA, 2007.
58. Jones B. Hugo. Steerforth Press, 2007.
59. Kaulisch B. Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Eine politische Biographie. 3, durchgesehene Auflage. Berlin, 1988.
60. Kozloff N. Hugo Chávez: Oil, Politics, and the Challenge to the U.S. New York, 2006.
61. Latin America between the Second World War and the Cold War 1944–1948, Cambridge University Press, 1992.
62. Lieuwen E. Petroleum in Venezuela, University of California Press, 1955.
63. Lynch J. Bolivar. A Life. Yale University Press, 2007.
64. Mainwaring S., Bejarano A. M., Leongâomez E.P. The crisis of democratic representation in the Andes. Stanford University Press, 2006.
65. Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez. New York, 2006.
66. Marcano C., Tyszka B. Hugo Chavez sin uniforme. Mexico, 2007.
67. McBeth B. S. Juan Vicente Gómez and the Oil Companies in Venezuela, 1908–1935. Cambridge University Press, 2002.
68. McCoy J. L., Myers D. J. The Unraveling of Representative Democracy in Venezuela, John Hopkins University Press, 2004.
69. McCaughan M. The Battle of Venezuela. London, 2004.
70. Nelson B. The Silence and The Scorpion. New York, 2009.
71. Rabe S. G. The Most Dangerous Area in the World: John F. Kennedy Confronts Communist Revolution in Latin America. University of North Carolina Press, 1999.
72. Röhl J. C. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1941., München, 2008.
73. Twickel Ch. Hugo Chavez. Eine Biographie. Hamburg, 2007.
74. Uzcategui R. Venezuela. Revolution as Spectacle. See Sharp Press, Tucson, 2010.
75. Wilpert G. Changing Venezuela by taking power. New York, 2007.
76. Zeuske M. Von Bolívar zu Chávez. Die Geschichte Venezuelas, Rotpunktverlag. Zürich, 2008.

Платошкин Николай Николаевич

Венесуэла и Чавес:
биография страны и человека

Монография

В редакции автора

Подписано в печать 14.12.2015 г. Формат 60*84/16
Тираж 300 экз. Печ. л. 28,5. Изд. №448. Заказ № 253.

Издательство Московского гуманитарного университета
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5